МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 14, № 4 2018

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2018

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 14, № 4 2018

Редакционный совет

Д. Андерсон, PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Т. Гебел, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Дж. Зайкер, PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Р. Лозей, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Т.Ю. Номоконова, PhD, лектор Университета Британской Колумбии – Оканаган (Канада)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Д. Эрдэнээбаатор, PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
А.В. Вебер, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
А.В. Ганин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
А.А. Иванов, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
А.А. Сирина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Х. Като, PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
Подписной индекс в «Каталоге российской прессы» – 31987
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, тел. (3952) 40-51-86, e-mail: ildt@yandex.ru
© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2018

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 14, no. 4 2018

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2018

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 14, no. 4 2018

Editorial council

D. Anderson, PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
T. Goebel, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
J. Ziker, PhD, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
R. Losey, PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
T.Yu. Nomokonova, PhD, University of British Columbia – Okanagan (Canada)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University of Railway Transport (Russian Federation)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
D. Erdenebaator, PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
A.W. Weber, PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
A.V. Ganin, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.A. Ivanov, Doctor of History, Associate Professor Saint Petersburg University (Russian Federation)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
A.A. Sirina, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
H. Kato, PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"
Subscription index in the "Catalog of the Russian Press" – 31987
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, tel. (3952) 40-51-86, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2018

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 14, № 4 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

110 лет со дня рождения А.П. Окладникова 9

АРХЕОЛОГИЯ

Коновалов П.Б. Археология Байкальской Сибири и Монголии в трудах А.П. Окладникова 10

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Техноморфологический анализ первичного расщепления в раннеголоценовой индустрии стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) 23

Цибиктаров А.Д. Этнокультурные процессы в Юго-Западном Забайкалье в эпоху поздней бронзы и раннего железа 42

Коновалов П.Б., Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А. Поясная фурнитура из Енхорского хуннского могильника (р. Джида, Республика Бурятия) 64

Ковычев Е.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н. Шивэйское городище Проезжая 1 на реке Шилке 78

ЭТНОЛОГИЯ

Пак Чжун Гон. Образ жизни женщин оленеводческих народов на полярном Урале: гармония или гнет запретов? 103

ИСТОРИЯ

Никифорова Н.В. Предпосылки сооружения железной дороги в Забайкалье 113

Курышова И.В., Курышов А.М. Эволюция государственной природоохранной политики в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX в. в контексте трансформации традиционного хозяйства 124

Ростов Н.Д., Панченко И.А. Иркутск и русско-китайский конфликт 1900 г. (по материалам «Известий Иркутской городской Думы») 137

Федорова Т.В., Степанов А.В. Разведка Усинской пограничной команды в Урянхайском крае в начале XX в. 148

Дементьев А.П. Социокультурные характеристики кандидатов в депутаты Учредительного собрания от Енисейской губернии в 1917 г. 159

Долидович О.М. Кадровый дефицит полиции в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны 173

Курышев И.В. Крестьянские восстания летом – осенью 1918 г. в Тобольской губернии 183

Гагкуев Р.Г. Лодевейк Грондейс: голландец на русской Гражданской войне 196

Журавлёв В.В. Присяга на востоке России в период Гражданской войны: текстовая форма и идеологическое содержание 210

Мильбах В.С., Чернухин В.А. Боевые традиции артиллерии, рожденные в боях и сражениях накануне и в годы Великой Отечественной войны 222

Карасёв С.В., Кузнецов С.И., Соловьёв А.В. Интернирование высшего офицерского состава Квантунской армии в Советский Союз после Советско-японской войны 1945 г. 230

Воронцов В.Н. «На штаты мирного времени»: послевоенная судьба сформированных на Забайкальском фронте в 1941–1943 гг. стрелковых корпусов и дивизий 239

Кайгородова Н.В. Развитие туристко-рекреационной отрасли западного побережья оз. Байкал в 2005–2015 гг.: исторический обзор 248

РЕЦЕНЗИЯ

Чирикова М.В. Частное образование в Иркутске: опыт предшествующих поколений 258

Скорикова Н.А. «Зеленое существование» крестьян в Гражданской войне 261

ПЕРСОНАЛИЯ

Окладникова Е.А. В.Д. Запорожская и А.П. Окладников: совместная творческая судьба в контексте личной истории 265

Константинов М.В. В экспедициях академика А.П. Окладникова 277

Колосов В.К., Кузнецов О.В., Васильев С.Г. Исследователь истории и археологии Забайкалья: 70 лет Михаилу Васильевичу Константинову 288

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 14, no. 4 2018

CONTENTS

FROM THE EDITORS

110 years from the birthday of A.P. Okladnikov 9

ARCHAEOLOGY

Konovalov P.B. Archeology of the Baikal Siberia and Mongolia in the works of A.P. Okladnikov 10

Kuznetsov A.M., Rogovskoy E.O. Technomorphogical analysis of primary knapping for Early Holocene lithic industry of the site Ostrov Listvenichny (North Angara Region) 23

Tsybiktarov A.D. Ethnocultural processes in the south-western Transbaikalia in the Late Bronze and Early Iron Ages 42

Konovalov P.B., Bazarov B.A., Imenokhoev N.V., Miyagaschev D.A. Belt furniture from the Xiongnu cemetery Enkhor (Dzhida River, Republic of Buryatia) 64

Kovychev E.V., Kharinskii A.V., Kradin N.N. Shiwei's fortress Proezhaya 1 on the Shilka River 78

ETHNOLOGY

Park Jung Gon. The lifestyle of women of reindeer herding peoples in the polar Urals: harmony or oppression of prohibitions? 103

HISTORY

Nikiforova N.V. The prerequisites of railway building in Transbaikalia 113

Kuryshova I.V., Kuryshov A.M. Evolution of state environmental policy in the Baikal region in the late XIX – early XX centuries in the context of the transformation of the traditional economy 124

Rostov N.D., Panchenko I.A. Irkutsk and the Russian-Chinese conflict of 1900 (based on the "Izvestia of the Irkutsk City Duma") 137

Fedorova T.V., Stepanov A.V. Intelligence of the Usinsk frontier team in the Uryanghai edge at the beginning of the XX century 148

Dementiev A.P. Socio-cultural characteristics of candidates to the deputies of the Yenisei Gubernia Constituent Assembly in 1917 159

Dolidovich O.M. Deficiency of staff in the police of Eastern Siberia in the years of the First World War 173

Kuryshev I.V. Revolts of peasants in the summer – fall of 1918 in the Tobolsk Province 183

Gagkuev R.G. Ludovic Grondijs: Dutchman in the Russian Civil War 196

Zhuravlev V.V. Oath in Eastern Russia during the Civil War: text form and ideological content 210

Milbach V.S., Chernukhin V.A. Fighting traditions of artillery, born in fighting and battles on the eve and during the Great Patriotic War 222

Karasev S.V., Kuznetsov S.I., Soloviev A.V. The internment of the higher officers of the Quantung army to USSR after the Soviet-Japanese war of 1945 230

Vorontsov V.N. "To the staff of peacetime": the postwar fate the infantry corps and divisions formed on the Zabaykalsky front in 1941–1943 239

Kaigorodova N.V. Development of the tourist-recreational industry of the western coast of Lake Baikal 2005–2015: historical review 248

REVIEW

Chirikova M.V. Private education in Irkutsk: the experience of previous generations 258

Skorikova N.A. "Green existence" of peasants in Civil War 261

PERSONALIA

Okladnikova E.A. V.D. Zaporozhskaya and A.P. Okladnikov: joint creative destiny in the context of personal history 265

Konstantinov M.V. In academician A.P. Okladnikov's expeditions 277

Kolosov V.K., Kuznetsov O.V., Vasil'ev S.G. Explorer of the history and archaeology of Trans-Baikal: 70th anniversary of Michael Vasil'evich Konstantinov 288

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 14, № 4 2018

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 14, no. 4 2018

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Journal of Ancient Technology Laboratory».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Journal of Ancient Technology Laboratory» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

110 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.П. ОКЛАДНИКОВА

110 YEARS FROM THE BIRTHDAY OF A.P. OKLADNIKOV

А.П. Окладников (в центре) во время работ на о. Ольхон в 1972 г. Фото Э.Д. Брюханенко
A.P. Okladnikov (center) during the work on Olkhon Island in 1972. Photo by E.D. Bryuhanenko

Алексей Павлович родился 20 сентября (3 октября) 1908 г. в с. Константиновка Верхоленского уезда Иркутской губернии. Свои детские годы он провел на берегах великой сибирской р. Лены, где и совершил свои первые археологические открытия. Юношеская увлеченность вскоре стала делом всей жизни молодого ученого. Под руководством Б.Э. Петри в Иркутске, а затем при поддержке П.П. Ефименко в Ленинграде (Санкт-Петербурге) А.П. Окладников становится профессиональным археологом с прекрасной научной интуицией.

География и хронологический охват памятников, на которых проводил исследования Алексей Павлович, обширен. Он открыл останки неандертальского подростка в гроте Тешик-Таш на юге Узбекистана, вел раскопки поселений раннего железного века в Приморском крае, проводил сборы палеолитических изделий в Монголии, изучал следы пребывания русских мореходов на Таймыре. Однако, несмотря на жесткий график полевых исследований, Алексей Павлович всегда находил время для работы на своей Родине – в Предбайкалье. Именно здесь он раскопал целую серию захоронений, материалы из которых стали основой для периодизации неолита – бронзового века. Исследованные им стоянки, поселения и петроглифы долин рек Ангары и Лены дали прекрасные археологические материалы от палеолита до монгольского времени, значительно дополнившие культурно-хронологическую схему региона.

В этом номере журнала «Известия Лаборатории древних технологий» публикуется ряд статей, которые в очередной раз помогают прикоснуться к наследию Алексея Павловича, и характеризуют его как выдающегося ученого и прекрасного педагога.

А.В. Харинский

Оригинальная статья / Original article
УДК 902/904(571.5+517.3)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-10-22

АРХЕОЛОГИЯ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ И МОНГОЛИИ В ТРУДАХ А.П. ОКЛАДНИКОВА

© П.Б. Коновалов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
670047, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

Аннотация: Статья посвящена краткому обзору археологических исследований академика А.П. Окладникова на территории Байкальской Сибири и Монголии, его культурно-хронологическим, культурно-типологическим, историко-этнологическим реконструкциям процессов древности и средневековья в названном регионе. Исследования А.П. Окладникова в Центральной Азии позволили открыть новую область распространения ранней культуры архантропов и палеоантропов, а также выявили пути, по которым происходило заселение древними людьми Сибири, а затем и Америки. Изучая неолитические памятники Сибири и Дальнего Востока, Алексей Павлович особое внимание уделял прибайкальским погребениям. На основе их анализа была разработана периодизация разных типов захоронений, которые он соотнес с тремя стадиями: исаковской, серовской, китойской. Исследователь раскрыл особенности хозяйства, общественного строя и мировоззрения древних охотников и рыболовов. На смену неолитическим культурам в Прибайкалье приходят культуры энеолита и бронзового века. Самой ранней из них, по мнению А.П. Окладникова, была глазковская культура (XVIII–XIII вв. до н. э.), генетически связанная с предшествующими неолитическими культурами края. Средневековое население Предбайкалья исследователь связывает с тюркским народом – курыканами. Их культуру, датирующуюся VI–X вв. н. э, он характеризует как земледельческо-скотоводческую, предшествующую древним монголам, появившимся на западном берегу Байкала в X в.

Ключевые слова: *археологические культуры, периодизация, типологизация, корреляция, культурогенез, этногенез, древние (ранние) тюрки, ранние монголы, неолит, бронзовый век*

Информация о статье: Дата поступления 24 сентября 2018 г.; дата принятия к печати 22 октября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Коновалов П.Б. Археология Байкальской Сибири и Монголии в трудах А.П. Окладникова. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):10–22. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-10-22.

ARCHEOLOGY OF THE BAIKAL SIBERIA AND MONGOLIA IN THE WORKS OF A.P. OKLADNIKOV

© Prokopiy B. Konovalov

Institute for Mongolian, Buddist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to a brief review of the archaeological research of academician A.P. Okladnikov on the territory of Baikal Siberia and Mongolia, his cultural, chronological, cultural-typological, historical and ethnological reconstructions of the processes of antiquity and the Middle Ages in the this region. Research of A.P. Okladnikov in Central Asia revealed a new area of distribution of the early culture of archanthrope and paleoanthrope, and also revealed the ways in which ancient people settled Siberia, and then America. Studying the Neolithic sites of Siberia and the Far East, Alexey Pavlovich paid special attention to Baikal burials. On the basis of their analysis, the periodization of various types of burial sites was developed, which he related to three stages: Isakovo, Serovo, Kitoy. The researcher revealed the features of the economy, social system and worldview of ancient hunters and fishermen. Neolithic cultures in the Baikal region were replaced by the cultures of the Eneolithic and the Bronze Age. The earliest of them, according to A.P. Okladnikov was the Glazkovo culture (XVIII–XIII centuries BC), genetically related to the previous Neolithic cultures of the region. The researcher connects the medieval population of Cis-

Baikal with the Turkic people Kurykans. Their culture, dating from the VI–X centuries AC, he describes as agricultural and cattle, preceding the ancient Mongols, who appeared on the western shore of Lake Baikal in the X century.

Keywords: *archaeological cultures, periodization, typology, correlation, cultural genesis, ethnogenesis, ancient (early) Turks, early Mongols, Neolithic, Bronze Age*

Article info: Received September 24, 2018; accepted for publication October 22, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Konovalov P.B. Archeology of the Baikal Siberia and Mongolia in the works of A.P. Okladnikov. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):10–22. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-10-22.

Год 2018 – год 110-летия выдающегося отечественного ученого-гуманитария, историка-археолога, основоположника сибирской школы археологии, уроженца Прибайкалья Алексея Павловича Окладникова, академика, лауреата государственных премий СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, Бурятской и Якутской АССР.

За яркую и продолжительную творческую деятельность А.П. Окладниковым проделана громадная основополагающая работа по изучению древних культур Северной и Центральной Азии и Дальнего Востока. Почти шестьдесят лет неустанного поиска, большая часть которого прошла в научных путешествиях, дальних и близких экспедиционных маршрутах. Палатки его экспедиций стояли в таежных долинах Приангарья и Лены, на берегах и островах Байкала, на берегах Шилки и Амура, на побережье Тихого океана и в предгорьях Сихотэ-Алиня, в горностепных распадках Алтая и лесостепного Забайкалья, в степных и гобийских просторах Монголии, в горных долинах Таджикистана и Киргизстана, на суровой Колыме и Чукотке, на Алеутских островах.

Удивителен только перечень возглавляемых им экспедиций, коих насчитывается свыше десяти, и каждая продолжительностью во многие годы, да так, что одна экспедиция часто накладывалась на другую (например, Бурят-Монгольская археологическая экспедиция 1947–1952 гг., Ангарская археологическая экспедиция 1951–1955 гг. и Отряд каменного века Монгольской археологической экспедиции С.В. Киселева 1949 г.; или Братская археологическая экспедиция 1955–1959 гг., Дальневосточная, впоследствии Североазиатская археологическая экспедиция 1953–1970 гг., Отряд каменного века Среднеазиатской археологической экспедиции 1953–1960 гг. и Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция 1960–1978 гг.).

Размах научных исследований А.П. Окладникова поистине поразителен. Это вопросы происхождения и становления человека, проблемы первоначального заселения Центральной и Северной Азии и Америки, вопросы формирования историко-культурных ареалов и проблемы этногенеза, происхождение первобытного искусства и история художественного творчества, история Сибири и историография сибирской археологии и др. Однако в этом широчайшем спектре научных изысканий есть все же приоритетные направления.

Одно из них, ставшее в конечном счете главным в его научном имидже, – это палеолитоведение, проблемы палеолита Центральной, Средней и Северной Азии, Приамурья и Приморья. Среди них особого внимания заслуживают исследования на территории Монголии и Забайкалья, как ключевой зоны при решении проблем заселения Сибири и Дальнего Востока, а через них и Американского континента.

Огромное место среди его научных свершений занимает исследование неолита Сибири и Дальнего Востока, в частности, классификация и периодизация культур Прибайкалья, ставшие пионерским и основополагающим для изучения неолитоведения соседних регионов Сибири и Монголии.

Не оставалась вне поля зрения и вся «остальная археология» последующих периодов – памятники и культуры бронзового и железного веков, раннего и позднего средневековья – поселения, городища, могильники, наскальные изображения, открытые экспедициями Окладникова и исследованные им в течение всей жизни. Они позволили

полнее, чем прежде, представить историю и культуру древних обитателей, исторические корни народов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Подлинным увлечением ученого была история первобытного искусства и художественного творчества древних, которое вылилось в целенаправленное исследование наскального изобразительного искусства. Окладникову принадлежит огромная заслуга в открытии и исследовании петроглифов Приморья, Амура, Забайкалья, Прибайкалья, Лены, Ангары, Монголии и Южной Сибири. Как видно из перечня, добрая половина объектов изучения приходится на область формирования древних культур Байкальского региона. Надо заметить, что исследования такого обширного круга памятников наскального искусства служат цели использования их в качестве исторического источника, для историко- и этнокультурных реконструкций, а их блестящий искусствоведческий анализ лишь способствует выполнению этих задач.

В исторической интерпретации археологических материалов А.П. Окладникову помогает, как правило, блестящее знание этнографии и фольклора. Им убедительно раскрыта историчность появления феномена искусства в результате длительного пути развития трудовых навыков, мышления и психики. Тема возникновения и развития искусства решается ученым в сложной диалектической связи с темой эволюции религии и мировоззрения древних людей.

А.П. Окладников – автор порядка 50 монографий и 900 статей. Его труды, будь то чисто академические или научно-популярные, отличаются увлекательным изложением, с мастерским использованием этнографических, фольклорных, лингвистических источников, а те, что касаются поздних исторических периодов – архивных письменных источников.

А.П. Окладников не только один из авторов многотомного труда «Истрия Сибири», вот что говорил об этом сам Алексей Павлович: «История Сибири» – плод дружной работы большого творческого коллектива историков, в том числе и археологов, этнографов, антропологов. Только такой коллектив мог справиться с этой громадой исторических событий, фактов, проблем прошлого сибирских народов».

А.П. Окладников – исследователь континентальных всеазийских масштабов, но лишь беглым обзором этой ипостаси ученого мы сочли уместным предварить наш рассказ-обзор его исследования в отдельно взятом регионе, а именно как выдающийся исследователь – он и выдающийся организатор науки. Талант организатора подстать широте его мысли ярко проявился у него в Сибирском отделении АН СССР, где научно-организационная деятельность ученого развернулась особенно широко. Здесь он предпринял создание выделяемой нами единой территории, включающей Монголию с прилегающим Байкальским регионом (или Этнографической Бурятией). Эта немалая историко-этнографическая область являлась для ученого объектом особого внимания, куда бы он ни направился в очередной раз – во Внутреннюю Азию, Северную Азию, Приамурье, Дальний Восток и Северо-Восток Сибири, – она всегда лежала на пути его следования, и в силу своего географического положения расценивалась им как место, где смыкались этнические движения и культурные веяния с Запада и Востока, с Юга и Севера.

Материалы и исследования

В 1926 г. А.П. Окладников опубликовал первую свою научную работу «Неолитические стоянки на Верхней Лене», материал для которой был собран им в окрестностях с. Бирюльского. В 1928 г. он совершил первое большое путешествие по р. Лене. На одной из Ленских террас недалеко от Шишкинских скал он обнаружил погребения каменного века, а на самих скалах – целую галерею наскальных рисунков, содержащих изображения различных эпох от неолита до средневековья. В том же году он совершает разведывательный маршрут в Забайкалье по низовью Селенги, где были обнаружены памятники разных эпох вблизи сел Кабанск, Нюки и Фофаново.

В начале 1930-х гг. в связи с проектированием каскада электростанций на Ангаре начинаются изыскательские работы в зоне затопления. А.П. Окладникову поручается возглавить Ангарскую археологическую экспедицию Иркутского краевед-

ческого музея и Восточно Сибирского отделения Русского географического общества. Экспедиция в 1932–1934 гг. обследовала берега Ангары на протяжении 600 км от Иркутска до Братска. Главными объектами исследования стали могильники неолита и бронзового века.

Успешные исследования Окладникова на Ангаре, Верхней Лене и в Забайкалье были замечены руководством Государственной академии истории материальной культуры, и в 1934 г. он был приглашен в аспирантуру. Одним из его учителей стал выдающийся исследователь палеолита П.П. Ефименко. В 1938 г. состоялась защита кандидатской диссертации «Неолитические могильники в долине р. Ангары». Итоги исследований в Приангарье (1932–1940) заложили основу культурно-хронологической схемы древней истории. Разработанная в те годы периодизация неолита и бронзового века явилась основой его двухтомной монографии «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» (1950, 1955).

В 1940 г. А.П. Окладников принимается за исследование бассейна р. Лены. Шесть лет работала возглавляемая им Ленская историко-археологическая экспедиция в Якутии. Были обнаружены и исследованы десятки разнообразных памятников от палеолита до XVII в. Результаты этих многолетних трудов обобщены в докторской диссертации «Очерки по истории Якутии – от палеолита до присоединения к Русскому государству», защищенной в 1947 г. Разработанная им концепция происхождения якутского народа получила широкий резонанс.

В послевоенный период А.П. Окладников обратился к разработке проблем археологии и древней истории Забайкалья, Дальнего Востока и Средней Азии. В 1947–1952 гг. развертываются многоплановые изыскательские работы в Бурятской АССР и Читинской области. Отряды возглавляемой им Бурят-Монгольской археологической экспедиции обследовали долины рек Селенги, Уды, Чикоя, Хилки, Ингоды, Онона, Шилки. Материалы с этих территорий позволили установить своеобразие забайкальских культур, проследить их связи с южными и юго-восточными культурами. В этих направлениях взору исследователя проглядывались связи и общность культур бронзового и железного веков: плиточные могилы, курганы-керексуры, памятники хунну, тюркско-уйгурского времени, там им исследована серия памятников неолита и ранней бронзы, открыта бурхатуйская культура постхуннского периода. Словом, Забайкалье в сравнении с Предбайкальем и Якутией открылось ему как своеобразная страна.

Широкие исследования в Забайкалье естественно привели А.П. Окладникова к необходимости «выхода» на территорию Монголии и шире – в Центральную Азию. В 1949 г. он впервые проводит полевые работы в Монгольской Народной Республике в качестве руководителя палеолитического отряда Советско-Монгольской экспедиции, возглавляемой С.В. Киселевым. Разведочные обследования в долинах рек Орхона, Толы, Керулена, Халхин-гола и в Южной Гоби выявили местонахождения палеолита, мезолита, неолита и энеолита, создали задел для последующих работ над проблемой каменного века Центральной Азии. С 1960 г. возобновляется деятельность Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции уже под руководством А.П. Окладникова, возглавлявшим ее до конца 1970-х гг.

За этот длительный период экспедиционных работ круг исследуемых памятников охватил всю территорию Монголии. Один из экспедиционных маршрутов по Монголии в 1966 г. протянулся от крайней северо-западной советско-монгольской границы по всей цепи горно-степных ландшафтов страны до ее самой северо-восточной границы. Основным открытием этого путешествия была пещерная роспись в местности Хойт-Цэнкэрийн Агуй (Пещера на Северной Голубой речке) в горах Монгольского Алтая – памятника палеолитического времени, сопоставимого по древности с всемирно известными пещерными палеолитическими росписями Западной Европы в горах Кантабрии и Пиренеев, а также открытыми позднее в России на Урале рисунками Каповой пещеры. По результатам монографического исследования памятник квалифицирован как центральноазиатский очаг первобытного искусства и как одно из немногих звеньев в ряду упомянутых памятников мирового значения.

В целом центральноазиатские исследования А.П. Окладникова охватили смежные районы Южной и Восточной Сибири, и вся эта территория превратилась для него в единое обширное и сложное проблемное поле исследования динамики и взаимосвязи историко-культурных процессов в хронологическом диапазоне от древнекаменного века до века раннего металла. Рискну утверждать, что на этом исследовательском поле главное, как бы опорное по «разрешающей способности» место, отводилось Окладниковым (да и занимало фактически по степени изученности) Байкальскому региону, в особенности Забайкалью, представляющему северную периферию Центральной Азии и объективно с ней связанному практически всеми известными археологическими культурами.

Исходя из этой мысли, предлагается краткий обзор исследований и концепций ученого в рамках сформулированной темы статьи[1].

Проблемы и концепции

Палеолит

В различных частях Монголии – в Средней и Южной Гоби, в предгорьях Хангая, Гобийского и Монгольского Алтая, была открыта и исследована большая группа палеолитических памятников. Выявлены две традиции в технико-типологической характеристике каменной индустрии древнейшей Монголии: архаическая техника галечных изделий, присущая древнейшим артефактам Африки, и техника двусторонней обработки орудий – «бифасы» ашельского типа европейской классификации, генетически связанные с западными областями Старого Света. Открытие изделий типа бифасов в Монголии (Ярх, Сайн-Шанд) явилось большой неожиданностью. Оно вносило новизну в издавна существующее представление о палеолите Азии, где согласно прежним находкам, казалось, безраздельно господствовали галечные орудия.

Вновь открытые памятники побудили А.П. Окладникова к дальнейшей разработке проблем галечной культуры, ярко представленной в местонахождениях не только раннего палеолита (Филимошки, Усть-Ту на р. Зее, Кумары на Амуре, Улалинка в Горном Алтае, Кобдо на западе Монголии), но и среднего и позднего. В результате многолетних изысканий ученый пришел к выводу, что с галечной культурой связана так называемая леваллуаская техника обработки камня, представленная в памятниках и последующих этапов каменного века. Например, инвентарь такого памятника, как пещера Страшная на Алтае характеризуется как галечно-леваллуаский.

Памятники среднего палеолита А.П. Окладников разделил на две группы: первая с артефактами чисто мустьерского облика (Богд-сомон, Отцон-маань); вторая с изделиями хорошо выраженного леваллуаского характера (Арц-Богдо, Их-Богдо), причем обе группы явно связаны с леваллуа-мустьерской культурой Средней Азии (Тешик-Таш, Ходжикент и др.).

Галечную, в своей основе техническую традицию, демонстрируют памятники позднего палеолита Монголии и Забайкалья – многослойное поселение Мойлтын ам, Зайсан толгой, Санный мыс, Варварина гора, Титовская сопка и др.

Материалы раскопок монгольских памятников позволили показать, что в ходе эволюции палеолитической техники на основе леваллуаских традиций обработки камня происходит развитие своеобразной техники гобийского нуклеуса верхнего палеолита Монголии. Область распространения гобийских нуклеусов по наблюдениям Окладникова совпадает с распространением леваллуаской традиции расщепления камня в Азии. Для гобийских нуклеусов характерны те же специфические черты, что и для нуклеусов леваллуа: снятие пластин лишь с одной стороны, скошенная ударная площадка, подготовка рабочей поверхности нуклеуса ретушированием с краев. Все это свидетельствует о том, что техника, представленная нуклеусами гобийского типа, вызревает на леваллуаской

[1] Считаю необходимым при этом заметить следующее: это будет не анализ и обсуждение результатов исследований ученого, соответственно, не прослеживание жизни и судьбы его идей, не использование или критика их в работах других исследователей. Но подчеркну главное: исследования А.П. Окладникова заложили основу многим научным направлениям археологии Сибири и Дальнего Востока, Монголии, которые продолжаются и развиваются последующими поколениями. Причем некоторые оспариваемые положения его работ еще не прошли проверку временем.

основе. Такая закономерность прослеживается Окладниковым и в эволюции позднепалеолитической и мезолитической индустрии северных и восточных областей Азиатского материка, с переходом ее на Американский континент.

Таким образом, поиски А.П. Окладникова древностей Центральной Азии увенчались открытием новой области распространения ранней культуры архантропов и палеоантропов, сохраняющей в себе черты культур исходного африканско-переднеазиатско-европейского ареала, а также выявлением путей, по которым происходило заселение Сибири, а затем и Америки.

Неолит

Исследования в области неолита занимают в трудах А.П. Окладникова одно из главных мест. Самые обширные по масштабам работы в области неолита он провел в Прибайкалье, где под его руководством раскопаны многочисленные поселения и могильники, изучены наскальные рисунки. В результате Прибайкалье превратилось в один из наиболее изученных районов Сибири, где эволюция неолитической культуры прослежена на протяжении нескольких тысячелетий. Окладников разработал периодизацию культур, состоящую из трех стадий (исаковская, серовская, китойская), раскрыл особенности хозяйства, общественного строя и мировоззрения древних охотников и рыболовов Приангарья, обосновал автохтонность населения в рамках более обширного ареала – Восточной Сибири в целом. Показателем широкой автохтонности является, в частности, исаковский и серовский типы керамики, которые выступают как исходные типы в неолите Сибири.

В серовское время Прибайкалье, по мнению А.П. Окладникова, превратилось в один из передовых и влиятельных центров культуры в Северной и Восточной Азии. Влияние серовской культуры распространилось в Якутию, на средний Енисей, в Забайкалье и далее в степные районы Монголии. Причем речь идет не о простом влиянии одного из первых в Сибири центров культуры эпохи неолита, но и о прямом расселении серовских племен за пределы таежного Прибайкалья. Особенно интересно с этой точки зрения появление типично серовской керамики далеко на юге – в степях и пустынях Центральной Азии, во внутренней Монголии. Вместе с керамикой в тех же местах появляется специфический набор каменных орудий – наконечники стрел, тесла, вкладыши и ножи. Ученый полагал, что в конце серовского времени часть прибайкальских племен переселилась на юг – в степи Монголии и дошла вплоть до Великой китайской стены.

Для следующей стадии развития неолита Прибайкалья (китойской) А.П. Окладниковым выявлены существенные изменения в хозяйственной жизни древних. При сохранении охоты и рыболовства как основ жизнедеятельности изменяется соотношение между ними. Главным занятием становится рыболовство. Если для погребений серовского времени характерны орудия охоты – лук, копье, то в захоронениях китойцев непременной принадлежностью являются орудия рыбной ловли – гарпуны, крючки. Это погребения типичных рыболовов. Зафиксированы и другие различия в погребальных обрядах: окрашенность костей китойских скелетов красной охрой, частые находки при них клыков кабана в качестве амулетов, а также относительное богатство и разнообразие погребального инвентаря в целом.

Заметим, что впоследствии хронология и культурно-историческая трактовка китойской культуры были оспорены другими исследователями. Ее стали рассматривать не как очередной этап развития неолита Прибайкалья, а как пришлую с востока, из Забайкалья, культуру, причем, ранненеолитическую по времени, одновременную с исаковской. Однако ученый отстаивал свою схему периодизации неолита, в частности, в теоретической статье «Этногенез и культурогенез», где в ответ на некоторые «неубедительные» доводы оппонента пишет: «В них, … можно видеть лишь новое свидетельство об эволюционном переходе от китойского комплекса к глазковскому. Следовательно, хотим мы этого или не хотим, но пока приходится оставаться на старой позиции об автохтонности китойской культуры и о ее генетической связи с последующей глазковской и предшествующей исаковско-серовской. Что же касается последней, то ее эпипалеолитические черты настолько выразитель-

ны, в отличие от всех других культур неолитического Прибайкалья, что именно она и должна предшествовать этим культурам. Во всяком случае нет ничего, что позволяло бы пересмотреть эту старую схему соотношения древних культур Прибайкалья» (1973).

В Забайкалье А.П. Окладниковым обследовано значительное количество, хотя и меньше чем в Предбайкалье, неолитических памятников по Селенге, Уде, Джиде, Онону. В 1949–1950 гг. под его руководством проведены раскопки одного из интереснейших неолитических поселений Забайкалья, расположенного в устье р. Нижняя Березовка. Нижние горизонты этой стоянки дали архаическую керамику яйцевидной формы, каменные и костяные изделия, близкие позднесеровским и китойским образцам прибайкальских стоянок. В этих же слоях оказались очаги, сложенные из камней, и захоронения собак. Верхние горизонты стоянки дали обломки сосудов такого же типа, какие найдены при раскопках фофановских погребений, т. е. артефакты раннебронзового времени.

В 1954 г. в Восточном Забайкалье по рекам Ингоде и Шилке были открыты многочисленные памятники. Материалы, полученные при их обследовании, позволили Окладникову прийти к заключению о своеобразных чертах в культуре этой новой неолитической провинции. Наибольшую близость она обнаруживала с памятниками лесостепного Забайкалья и Северо-Восточной Монголии. Вместе с тем неолит бассейна Шилки показывал черты сходства с Прибайкальем, Якутией и Амуром. Один из замечательных памятников этого района – Шилкинская пещера, где было найдено богатое неолитическое погребение, позволил сделать вывод, что верховья Амура с каменного века заселяли предки тунгусских племен. Характер инвентаря не оставляет сомнения в том, что здесь жили бродячие охотники и рыболовы тайги. Изучение найденного черепа показало, что по сравнению с материалами из неолитических погребений Ангары и Лены, он ближе к черепам современных тунгусов. Не исключено поэтому, предполагает исследователь, что первоначальная родина тунгусов находилась не в Прибайкалье, как он полагал ранее, а в Забайкалье и бассейне Верхнего Амура.

Неолитические памятники в Монголии исследованы А.П. Окладниковым в долинах рек Толы, Керулена и Халхын Гола, в Южной Гоби, в Долине озер в Гобийском Алтае. На развеянных ветрами стоянках собран материал, который позволил установить сходство центральноазиатских неолитических культур с сибирскими, прежде всего прибайкальскими и забайкальскими. Серовская керамика с отпечатками «сетки-плетенки», найденная в Шабарак-усу на юге Гоби, привела его к заключению о миграции прибайкальских неолитических охотников и рыболовов на территорию Монголии. Последние доходили, если судить по находкам японских археологов во Внутренней Монголии, до Великой китайской стены. Кроме того, на востоке Монголии Окладников открыл необычную для центральноазиатских степей и пустынь неолитическую культуру, совмещающую в себе признаки североазиатских культур бродячих охотников и оседлых земледельцев и рыболовов Восточной Азии. В Тамцаг-Булаге он обнаружил большое поселение с землянками, оставленное носителями этой необычной гибридной культуры. Удалось также найти древнейшие на территории Центральной Азии погребения около Чойбалсана на берегу Керулена и в Тамцаг-Булаге.

Эпоха металла

Основные районы, где А.П. Окладников вел исследования эпохи бронзы – Предбайкалье, Забайкалье и Якутия. Наиболее масштабные раскопки проведены в Прибайкалье, где полученный материал позволил лучше, чем где-либо в таежной зоне Сибири, охарактеризовать материальную культуру, духовную жизнь и общественный строй населения региона. Новая культура, открывающая собой эпоху металла в Прибайкалье, получила название глазковской (XVIII–XIII вв.). Несмотря на то, что появление металла в Прибайкалье знаменует собой новый уровень культуры населения таежных зон Восточной Сибири, глазковская культура в целом имеет глубокий архаический отпечаток, связывающий ее с предшествующим неолитом, из которого она непосредственно выросла. Это прослеживается, прежде всего, в типологии металлических изделий, когда формы и способы изготовления

некоторых из них (инструменты, украшения) оказываются перенесенными с камня на медь и бронзу. Вместе с тем, глазковское время характеризуется, по наблюдениям ученого, усилением связей его населения с соседними и отдаленными землями – Монголией, Дальним Востоком, Юго-Восточной Азией и даже с островами южных морей (бусы из пирофиллита, кольца и диски из морских раковин). Из Прибайкалья на Дальний Восток, Якутию, в Западную Сибирь и далее до Приуралья распространялся нефрит, из которого изготовлялись тесла, кольца-украшения и т. п.

А.П. Окладниковым детально исследованы изменения, происшедшие в сфере общественного строя прибайкальцев глазковской эпохи: парные захоронения мужчины и женщины в одной яме или отдельных ямах, устроенных рядом друг с другом, но перекрытых одной надмогильной кладкой, разграничение набора инвентаря, сопровождающего мужчину и женщину. Новый порядок на некрополях, когда могилы располагались не беспорядочно, а правильными рядами, свидетельствует, по мнению ученого, о смене матриархально-родовых отношений патриархальными, о появлении общественного неравенства. Последнее находит свое отражение в увеличении количества погребений «богатых» и погребений почти полностью лишенных инвентаря.

Изменения в сфере экономики и общественных отношений прибайкальских племен закономерно привели к сдвигам в области искусства и идеологии. Окладников показал, что в этот период появились первые признаки возникновения шаманизма. В некоторых погребениях, отличающихся ориентировкой или положением скелета в могиле, начинает встречаться необычный набор инвентаря, куда входят антропоморфные изображения, амулеты, колотушки из рога, которые применялись при камлании шамана. Подобные предметы свидетельствуют также о зарождении наряду с шаманской магией культа предков: антропоморфные изделия являлись вместилищами духа прародителя, покровителя семьи и рода. Происходят заметные изменения в погребальных обрядах, указывающие на своеобразные представления глазковцев о загробном мире, куда по их представлениям попадают усопшие, уплывая вниз по течению реки в страну мертвых – соответствующим образом ориентированы захоронения умерших головой по направлению реки. Меняется и отношение к мертвым. В погребениях появляются вещи, намеренно испорченные, фрагментированные, что трактуется как боязнь покойников, как способ принципиального разграничения мира мертвых и мира живых.

На восточной стороне Байкала, на Фофановском могильнике в Кабанском районе А.П. Окладников обнаружил погребения, синхронные глазковской эпохе Приангарья, и отметил сходство некоторых элементов культур по обе стороны озера. Тем самым поднял проблему распространения глазковской культуры в Забайкалье и шире – о всесторонних связях культур неолита и бронзы Предбайкалья и Забайкалья.

Основными, маркирующими эпоху развитой культуры бронзового века памятниками Забайкалья и Монголии являются монументальные плиточные могилы, давшие название знаковой для истории региона культуры плиточных могил (КПМ). На территории Бурятской республики и Читинской области ученый уделил большое внимание раскопкам погребений эпохи бронзы и осуществил сплошное исследование памятников наскального искусства, значительная часть сюжетов которых им относится к бронзовому веку. Так что дополненная монографическим двухтомным исследованием петроглифов Забайкалья эта культура получила свою яркую характеристику и историческую интерпретацию. Именно по петроглифам Забайкалья Окладниковым были выделены два основных технико-стилистических типа рисунков – селенгинский и кяхтинский. Первый он относил к культуре плиточных могил, второй связывал с культурой западного происхождения (по его мнению, сакского круга). Эта типология петроглифов распространилась на всю территорию Монголии и Забайкалья, она дала возможность раскрыть мировоззрение, мир идей и образов, религиозных верований носителей культуры ранних скотоводов Центральной Азии, и сделано все это Окладниковым за счет блестящего анализа материала с привлечением этнографических (фольклор, эпос) данных о монгольских и тюркских народах Южной и Восточной Сибири

(прежде всего бурятов, якутов, алтайцев, тувинцев), а также отдаленных народов Средней Азии, Северного Кавказа и Скандинавии. Автор высказался за автохтонность КПМ в рамках Забайкалья и Монголии, но вместе с тем признал ее сложный характер за счет контакта с культурой, представленной как раз петроглифами кяхтинской группы. По вопросу ее этнической принадлежности он склонялся в сторону тюркоязычности ее носителей, но в то же время высказывался и за тюрко-монгольский характер.

Крушение КПМ А.П. Окладников связывал с нашествием хунну. Последние остатки ее он обнаружил на западной стороне Байкала – на Ольхоне, в Приольхонье и Кудинской долине, где его экспедицией раскопаны точно такие же, как в Забайкалье и Монголии, плиточные могилы. В них заметно чаще встречались железные изделия, что позволяло рассматривать данную группу как памятники наступившего железного века (в отличие от основного забайкальско-монгольского массива памятников, относимого к веку бронзовому). Плиточные могилы на горе Манхай на р. Куде явились во времена Окладникова крайним западным пунктом распространения этих погребальных сооружений.

По Ангаре от ее верховья до Братска на островах Сосновом, Лесном и Коноваловском – в зоне затопления строящихся тогда гидроэлектростанций, отрядами экспедиции Окладникова обнаружены в общей сложности напластования культур от неолита до средневековья. Особенно богатые материалы получены на о. Сосновом, где раскопан поселенческий комплекс позднего бронзового и раннего железного веков. Выше глазковского горизонта были обнаружены очаги, глиняные сосуды с коническим поддоном, аналогичные по форме бронзовым сосудам скифского типа из степных районов, что указывало на тесные взаимоотношения лесных жителей Прибайкалья с населением соседних степей и лесостепей, строителями плиточных могил Забайкалья и Монголии.

Ближе к рубежу нашей эры и в дальнейшем своем развитии богатый археологический материал верхнеангарских островов превращается, по воззрению ученого, в оригинальную культуру раннего железа: выразительные развалины горнов для плавки металла, воздуходувные трубы, шлаки, железные литые кельты, остроги, ножи, наконечники стрел. Необыкновенно богатой оказалась керамика, украшенная своеобразным узором в виде кривых линий, образующих рисунки, похожие на растительный орнамент. Словом, широко развернутыми в силу спасательного характера авральными раскопками в зоне затопления экспедиции А.П. Окладникова удалось обнаружить на островах мощный металлургический очаг культуры железного века таежной зоны Восточной Сибири и выявить основы хозяйственной жизни обитателей ангарских островов с охотничье-рыболовческим направлением и, в то же время, с признаками скотоводства (преимущественно коневодства).

Верхний слой культурных отложений на о. Сосновом содержал черепки сосудов курыканского времени, что указывает на генетическую связь культуры раннего железного века с курыканской, а это, считает исследователь, выдвигает «большой и сложный вопрос о происхождении курыканов, их связи с якутами, бурятами, а также с древнейшими племенами раннего железного, может быть, и бронзового века».

Средневековье

Объектом большого внимания А.П. Окладникова была ранее известная курумчинская культура, дислоцирующаяся по обе стороны Байкала. О ней он много писал в своем труде по истории Якутии (1949) и Якутской АССР (1955), в которой эта культура окончательно утверждена, вслед за Г.В. Ксенофонтовым, в качестве этнической основы тюркоязычного якутского народа. В результате обобщения ранее накопленных данных и дополнительного доследования памятников по Ангаре и Лене, Окладников отнес весь этот разнообразный весьма представительный археологический комплекс, датируемый VI–X вв. н. э., к курыканам, определив его как древнетюркскую культуру Прибайкалья и представив яркую характеристику комплексного, земледельческо-скотоводческого, хозяйственно-бытового уклада, социального и культурного уровня курыкан-курумчинцев.

В долине р. Унги, левого притока Ангары, раскопками у горы Улан-Бор его экспедицией раско-

пано поселение, совместившее, с одной стороны, следы культуры курумчинского облика, и с другой – оседлой земледельческой культуры с признаками, указывающими на среднеазиатскую ойкумену. Исследователь пришел к выводу, что такой памятник оставлен согдийцами-несторианцами, переселенцами из Средней Азии (период тюрко-уйгурских каганатов), на что указывала и антропология обнаруженных черепов.

В восточном Забайкалье, в Прионо́нье (Агинский национальный округ) А.П. Окладников открыл неизвестный до того могильник в местности Бурхатуй, в районе с. Будулан, давший богатый материал, который исследователь назвал бурхатуйской культурой II–VIII вв., имеющей черты культуры амурско-приморских мохэ. Охарактеризовал он этот материал как «ни хуннский, ни тюркский» и определил ему место промежуточного звена между хуннским и тюркским периодами, обозначив это время как темный период истории Восточного Забайкалья. Тем не менее, он высказал соображение о возможности отнесения бурхатуйских могильников к предкам су-монгалов / су-моалов (речных монголов) Плано Карпини / Вильгельма Рубрука или шуй-дада (речных татаров) китайских источников. Отмечена примечательная черта бурхатуйской культуры, выраженная в общем облике керамики, близкой к керамике Приамурья и Приморья, что наряду с некоторыми другими чертами погребальной обрядности отличает захоронения бурхатуйцев от обычных кочевнических VIII–X вв.

Вернемся снова в Прибайкалье, следуя хронологической последовательности исследований А.П. Окладникова. Там, в верховьях Лены, вблизи устья р. Манзурки, у с. Сэгэнут в местности Хабсагай еще в 1929 г. обнаружен могильник, этнокультурная оценка которого представлена спустя много лет (1958). Отвергая мнение Н.Н. Козьмина о появлении монгольских переселенцев в Байкальском регионе после распада империи монголов, Окладников пишет, что в нашем распоряжении имеются факты, которые позволяют предполагать проникновение монголоязычных кочевников вглубь Прибайкалья до образования Монгольской империи. Проникнув в эти места, часть монголов могла остаться там фактически независимой от Чингис-Хана и его преемников. Именно так случилось, по-видимому, с предками ленских бурят, считавших себя аборигенами этого края. Итак, в Сэгэнутах было раскопано 8 погребений в деревянных колодах, опущенных в ямы, ориентированных головой на северо-восток, содержащих необычный для Прибайкалья инвентарь – круглодонный глиняный сосуд, железные ножницы, кости барана. Могилы людей сопровождались захоронениями лошадей с принадлежностями конской сбруи.

Такой погребальный обряд и могильный инвентарь заметно отличались как от курумчинско-курыканских, так и от материалов более поздних могил XIII–XIV вв., известных по раскопкам Г.П. Сосновского в долине р. Селенги у с. Саянтуй и определенных им как саянтуйский тип захоронений, относимых к монголам. Зато А.П. Окладников признал аналогичность сэгэнутских могил с зарубинскими могилами, раскопанными Г.Ф. Дебецом у одноименного села, а также на Селенге, датированными XI–XII вв., и принадлежащих первым монгольским переселенцам в долине Селенги, что дало ему основание связать открытый им сэгэнутский могильник также с монгольскими пришельцами на р. Лену с востока, судя по характерной для мохэской культуры керамике, с территории Среднего Амура.

Это свое заключение Окладников дополнил и подкрепил оригинальными рисунками на Шишкинских скалах, изображавших сцену перекочевки – вереницу движущихся цепочкой людей на повозках, влекомых быками, впереди которых всадник на лошади гонит перед собой животное, условно изображающее стадо или табун. В близкую связь с шишкинскими рисунками он поставил оригинальные рисунки на плитах на горе Манхай в Кудинской степи вблизи с. Усть-Орда, на которых по-своему изображены кибитки на колесах, подобие кочевой юрты, подобие стержня / знамени на повозках.

Таковы основные результаты археологических исследований А.П. Окладникова на территории Монголии и Байкальской Сибири – этом единокультурном этноисторическом регионе, к которому ученый имел особый интерес. Они были и остаются фундаментом для дальнейших изысканий современных и будущих археологов. Знаменательная

юбилейная дата ученого стала еще одним поводом сконцентрировать все его научные концепции и взгляды в одном месте.

Использованные труды А.П. Окладникова

Неолитические стоянки на Верхней Лене // Краеведение в иркутской губернии: записки студенческого научного кружка краеведения при Иркутском государственном университете. Иркутск: Власть труда, 1926. С. 29–38.

Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях с. Кабанска // Бурятоведческий сборник. Вып. 3–4, 1927. С. 102–105.

Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия. 1928. № 3 (21). С. 63–69.

Краткий отчет о работах Бурят-Монгольской археологической экспедиции летом 1947 г. // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики. 1948. Вып. 8. С. 106–115.

Древняя тюркская культура в верховьях Лены // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XIX. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. С. 3–11.

Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 году // Вестник древней истории. 1948. № 3 (25). С. 155–163.

Археологические исследования в низовьях р. Селенги // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXV. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 85–90.

К изучению начальных этапов формирования народов Сибири (население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке) // Советская этнография, 1950. № 2. С. 36–52.

Неолит и бронзовый век Прибайкалья Историко-археологическое исследование. Ч. I, II // Материалы и исследования по археологии СССР № 18. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 412 с.

Археологические исследования в Бурят-Монголии // Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1951. Т. 8. № 5. С. 440–450.

Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947–1950 годах // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLV. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 40–47.

Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом (1951 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 51. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 16–22.

Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят // Советская этнография, 1954. № 1. С. 150–153.

Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Глазковское время. Ч. III // Материалы и исследования по археологии СССР № 43. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 374 с.

История Якутской АССР. Т. 1. Якутия до присоединения к русскому государству. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 432 с.

Древнее население Сибири и его культура // Народы Сибири. Этнографические очерки: коллективная монография. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 21–107.

Археологические исследования на Ангаре в зоне строительства Братской ГЭС // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и на пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1956 года. М., 1957. С. 46–49.

Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций: общие итоги // Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1958. С. 17–28.

Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов: сб. памяти акад. Б.Я. Владимирцова. М., 1958. С. 200–213.

Археологические исследования в бассейне р. Уды летом 1958 г. // Записки Бурятского комплексного научно-исследовательского института культуры СО АН СССР. Вып. 25. Улан-Удэ, 1958. С. 204–207.

Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Археологический сборник. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. С. 5–25.

Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск, 1959. 214 с.

Триподы за Байкалом // Советская археология. 1959. № 3. С. 114–132.

Археологические исследования вблизи станции Оловянная // Ученые записки Читинского государственного педагогического института. Вып. 4. Чита: Изд-во Читинского государственного педагогического института, 1959. С. 110–116.

Бурхатуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института культуры СО АН СССР. Вып. 3. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1960. С. 16–30.

300 лет сибирской археологии и ее сегодняшний день // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: тр. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока (март, 1960 г.) Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. С. 15–22.

Шилкинская пещера – памятник древней культуры верховьев Амура // Материалы и исследования по археологии СССР № 86. Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Том 1. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 9–71.

О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир: сб. ст., посвящ. академику В.В. Струве. М.: Издательство Восточной литературы, 1962. С. 418–431.

Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (Согдийская колония на р. Унге) // Тюркологические исследования. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 273–281.

Археологические исследования в Монголии в 1961–1962 гг. (Краткие итоги работ советско-монгольской экспедиции по изучению каменного века Центральной Азии) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР, 1963. № 1. Серия общественных наук. Вып. 1. С. 78–89.

Работы в Ошурково в 1958 году // Материалы и исследования по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1965. С. 190–195.

Петроглифы Ангары. М. – Л.: Наука, 1966. 322 с.

Археологические исследования в Монголии в 1964–1965 гг. // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР, 1967. № 6. Серия общественных наук. Вып. 2. С. 80–91.

Палеолитическое поселение в Сохатино (Титовская сопка) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР, 1968. № 6. Серия общественных наук. Вып. 2. С. 111–114.

Археология Сибири – вчера, сегодня, завтра // Вопросы истории, 1968. № 5. С. 158–174.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: коллективная монография. Т. 1. Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. 454 с.

Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. 1968. № 6. С. 25–42.

Древние связи культур Сибири и Средней Азии // Бахрушинские чтения. 1966 г. Вып. 1. Методология истории, всеобщая история, археология. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1968. С. 144–157.

Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии // Этногенез народов Северной Азии: материалы конф. Вып. 1. Новосибирск, 1969. С. 3–27.

Петроглифы Забайкалья. В 2-х ч. 1969–1970. Ч. 1. Л.: Наука, 1969. 218 с.

Петроглифы Забайкалья. В 2-х ч. 1969–1970. Ч. 2. Л.: Наука, 1970. 264 с.

Новые находки археологов // Наука и человечество. М.: Знание, 1969. С. 120–145.

Тамцаг-Булаг – неолитическая культура Восточной Монголии // Труды Бурятского института общественных наук СО АН СССР. Т. 13. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 5. 1970. С. 3–20.

Многослойное поселение Санный мыс на реке Уде, в 35 км ниже Хоринска Бурятской АССР: (Раскопки 1968 г.) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. 2. Новосибирск, 1971. С. 7–83.

Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция // Вестник Академии наук СССР. 1972. Т. 42. № 9. С. 70–80.

Ранняя история Забайкалья в свете новых исследований: итоги и проблемы // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов: материалы науч. конф. (Чита, 24–25 июня 1971 г.). Чита, 1972. С. 21–30.

К истории первоначального освоения человеком Центральной Азии // Центральная Азия и Тибет. Т. 1. Серия: История и культура Востока Азии: материалы конф. Новосибирск: Наука, 1972. С. 15–24.

Центральноазиатский очаг первобытного искусства (Пещерные росписи Хойт-Цэнкэр агуй, Западная Монголия). Новосибирск: Наука, 1972.

Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. Всесоюз. конф. (Новосибирск, 18–21 декабря 1973 г.). Новосибирск, 1973. С. 5–11.

Новые данные по древней истории Монголии // Олон улсын монголч эрдэмтний Их хурал. I боть. Улаанбаатар, 1973. С. 347–355.

Древнейшая история Центральной Азии в свете новых исследований советских и монгольских археологов (открытие нижнего и среднего палеолита) // Труды Бурятского института общественных наук СО АН СССР. Вып. 23. Улан-Удэ, 1974. С. 99–116.

Поселение каменного века на горе Хере-Уул (Восточная Монголия) и докерамические культуры Японии // Историко-филологические исследования: сб. ст. памяти акад. Н.И. Конрада. М.: Издательство Восточной литературы, 1974. С. 322–338.

Варварина гора – новый памятник леваллуаского этапа палеолита за Байкалом // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 215–216.

Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 165 с.

Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. В 2-х ч. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1975. С. 6–20.

Древности Сибири: петроглифы, орнаменты, мифы // Наука и человечество. М.: Знание, 1977. С. 66–81.

Сибирская археология на современном этапе // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 5–29.

Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979. 208 с.

Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981. 228 с.

Критерии авторства

Коновалов П.Б. подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторское право и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Konovalov P.B. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Коновалов Прокопий Батюрович,
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
e-mail: konpb@yandex.ru

Information about the author

Prokopiy B. Konovalov,
Dr. Sci. (History), professor, senior researcher,
e-mail: konpb@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 902.21(571.53)«627»
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-23-41

ТЕХНОМОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В РАННЕГОЛОЦЕНОВОЙ ИНДУСТРИИ СТОЯНКИ ОСТРОВ ЛИСТВЕНИЧНЫЙ (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

© А.М. Кузнецов[a], Е.О. Роговской[a,b]

[a] Иркутский государственный университет
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
[b] Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17

Аннотация: Методика техноморфологического анализа представляет собой совокупность приемов морфологического и метрического описания продуктов первичного расщепления с целью теоретической реконструкции определенной последовательности применения технических приемов, средств, знаний и навыков при обработке камня. Объектом настоящего исследования выступают некоторые категории каменного инвентаря двух пунктов стоянки Остров Лиственичный. Датировка и стратиграфическое положение комплексов позволяет отнести их к бореальному периоду голоцена, датируемому в пределах 9,3–8,0 тыс. некал. л. н. По результатам проведенного исследования выяснено, что в раннем голоцене на стоянке присутствуют две морфологически выраженных целевых стратегии расщепления. Одна из них направлена на получение преимущественно пластинок в рамках утилизации призматических и конических нуклеусов, вторая – на производство средних и крупных отщепов с плоскостных нуклеусов и больших сырьевых блоков неясной морфологии. Применяемые стратегии расщепления связаны с сырьевой компонентой. Зафиксированные техноморфологические аналогии первой стратегии обнаруживаются в финальном мезолите и неолите Северного и Южного Приангарья.

Ключевые слова: *Северное Приангарье, Остров Лиственичный, ранний голоцен, мезолит, первичное расщепление, техника скола, технологический анализ, сырьевые группы, древние технологии*

Благодарности: Авторы выражают благодарность за консультации при подготовке статьи младшему научному сотруднику Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева Д.А. Гурулеву.
Работа выполнена по гранту Правительства Российской Федерации, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

Информация о статье: Дата поступления 5 октября 2018 г.; дата принятия к печати 12 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Техноморфологический анализ первичного расщепления в раннеголоценовой индустрии стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье). *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):23–41. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-23-41.

TECHNOMORPHOGICAL ANALYSIS OF PRIMARY KNAPPING FOR EARLY HOLOCENE LITHIC INDUSTRY OF THE SITE OSTROV LISTVENICHNY (NORTH ANGARA REGION)

© Aleksey M. Kuznetsov[a], Evgeniy O. Rogovskoy[a,b]

[a] Irkutsk State University
1 K. Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

[b] Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk 630090, Russian Federation

Abstract: The technomorphogical analysis procedure is a complex of morphological and metric description of the primary debitage for the purpose of theoretical reconstruction of a particular sequence of application of techniques, tools, knowledge and skills in the processing of knapping. The objects of study are some categories of stone assemblage from both points of Ostrov Listvenichny site. Dating and stratigraphic position of assemblage make it possible to refer this complex to the boreal climate phase dated between 9300 to 8000 BP. According with the result of this study there were two morphologically expressed target strategies at Ostrov Listvenichny site in Early Holocene. One of them is commonly aimed at obtaining bladelets in the framework of utilization of prismatic and conical cores, the second is aimed at the production of medium and large flakes from flat cores and large morphologically indefinited raw material blocks. These knapping strategies are linked to the raw material component. Technomorphological analogues of first strategy are fixed in Final Mesolithic and Neolithic of North and South Angara regions.

Keywords: *North Angara region, Ostrov Listvenichny site, Early Holocene, Mesolithic, primary knapping, knapping technique, technological analysis, raw material categories, ancient technology*

Acknowledgements: The authors are grateful for the advice during the preparation of the article to the Junior Researcher of the Laboratory of Archeology, Ethnography and History of Siberia of the V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University D.A. Gurulev.
The work was done under a grant from the Government of the Russian Federation, the project no. 074-02-2018-334 "Baikal Siberia in the Stone Age: at the crossroads of the worlds".

Article info: Received October 5, 2018; accepted for publication November 12, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Kuznetsov A.M., Rogovskoy E.O. Technomorphogical analysis of primary knapping for Early Holocene lithic industry of the site Ostrov Listvenichny (North Angara Region). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):23–41. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-23-41.

Введение

Территория Северного Приангарья захватывает с востока на запад широтное, субширотное и субмеридиональное простирание долины р. Ангара от ее правого притока – р. Илима, включая и долину самой этой реки в ее былом нижнем и среднем субширотном течении до Ангаро-Енисейской Стрелки (до затопления Усть-Илимского водохранилища) (Медведев, Роговской, Липнина, Лохов, Таракановский, 2009; Медведев, Бердникова, Липнина, Когай, Роговской, Лохов, 2012).

По совокупности стратиграфических, планиграфических и культурно-артефактуальных показателей одним из опорных геоархеологических объектов раннеголоценового времени в этом регионе можно назвать многослойное местонахождение Остров Лиственичный.

Местонахождение Остров Лиственичный было открыто в 2007 г. Усть-Илимским отрядом археологической экспедиции Иркутского государственного университета под руководством Е.О. Роговского. Объект располагался на одноименном острове, лежащем на половине расстояния от устья рек Каты и Ёдармы. Долины этих рек, являющихся соответственно правым и левым притоками Ангары, находятся практически напротив друг друга, образуя Като-Ёдарминское расширение.

В рамках Богучанской археологической экспедиции Института археологии СО РАН в полевые сезоны 2007–2012 гг. местонахождение было исследовано на площади около 1 600 м^2 рекогносцировочными шурфами и раскопами (Роговской, Кузнецов, Попов, 2012).

Объект дислоцировался в верхней части острова в двух пунктах: на приверхе (Пункт 1) и в полукилометре ниже по течению по правому берегу (Пункт 2), обращенному к Катской протоке. На Пункте 1 было вскрыто около 250 м^2, на Пункте 2 – около 1 200 м^2. Пункты неравнозначны как по площади, так и по количеству археологического материала (рис. 1). В результате раскопочных работ было выявлено семь культурных слоев, причем третий и пятый слои залегания являются основными,

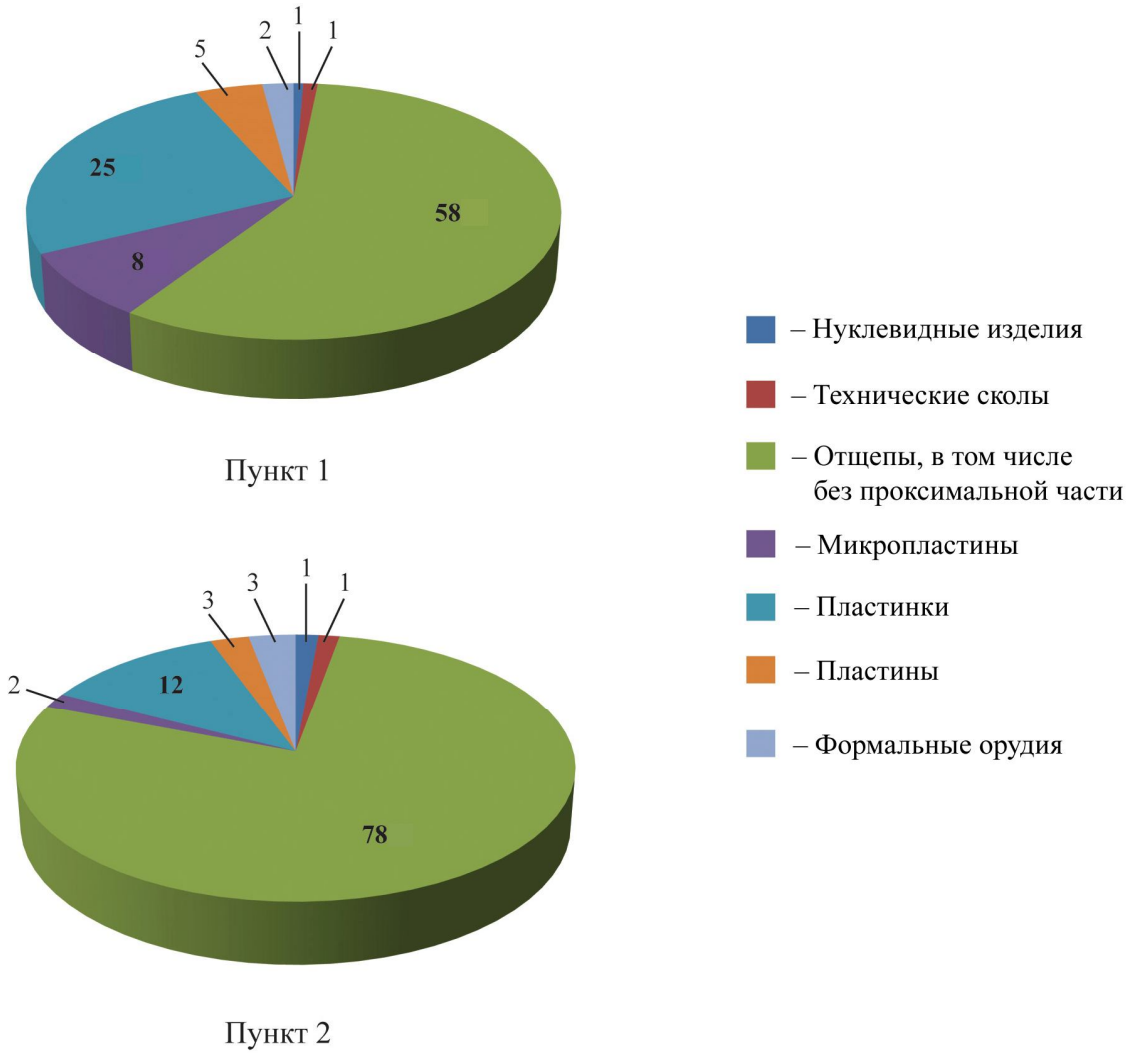


Рис. 1. Местонахождение Остров Лиственичный, графики соотношения категорий каменного инвентаря без учета обломков и микросколов (%)

Fig. 1. Site Ostrov Listvenichny Island, graphs of the ratio of categories of stone equipment without fragments and microchips (%)

характеризующими местонахождение. Третий культурный слой был зафиксирован в низах почвенных образований голоценового оптимума, пятый залегал в менее гумусированных подстилающих отложениях, представленных серовато-бурым легким заиленным суглинком.

В ходе исследований удалось установить, что накопление рыхлых отложений в голоцене шло в основном в результате флювиальных процессов, т. е. водной эрозии и аккумуляции реки. Можно сделать вывод, что культурные слои имели смешаный субаквально-субаэрально-антропогенный генезис: во время обычного уровня реки действовали эолово-антропогенные факторы, в моменты поднятия воды – аллювиальные, после них – делювиальные, по-видимому, представленные относительно слабым плоскостным смывом. Таким образом, никаких экстремальных ситуаций тафономизации культурных слоев выявлено не было. Микростратиграфические исследования это подтвердили – в профиле артефакты распределялись пунктирной линией, в местах скоплений камня и кости прослеживались линзовидные формы. На Пункте 1 раннеголоценовый слой разбивался на два отдельных, частично сливающихся в профиле микрогоризонта, на Пункте 2 отдельных микрогоризонтов выявлено не было (Кузнецов, Роговской, 2016).

На основании стратиграфической ситуации время формирования пятого культурного слоя было отнесено к бореальному периоду голоцена, датируемому в пределах 9,3–8,0 тыс. некал. л. н. по региональной климато-стратиграфической шкале (Воробьева, 2010).

Дальнейшее радиоуглеродное датирование материалов этого слоя подтвердило стратиграфические выводы. Из материалов Пункта 1 датированию подвергся фрагмент кости домашней собаки (Canis familiaris), по которому получен возраст 9 375 ± 25 ^{14}C л. н. (UCIAMS-185870). Следует отметить высокое содержание азота в представленном образце (d15N – 11,0), что предположительно дало эффект некоторого удревнения возраста костного остатка. Из материалов Пункта 2 датированию подверглись два неопределимых фрагмента кости копытного и лучезапястный сустав благородного оленя (Cervus elaphus). По ним были получены даты 8 575 ± 120 (СОАН-8646), 8 480 ± 135 (СОАН-8647) и 8 510 ± 135 ^{14}C л. н. (СОАН-8911) (Кузнецов, Роговской, Таракановский, 2017).

За время работы с материалами местонахождения был опубликован ряд статей, касающихся археозоологического, планиграфического, артефактуального аспекта изучения культурного и геоархеологического феномена местонахождения Остров Лиственичный (Роговской, Кузнецов, Попов, 2012; Роговской, Кузнецов, 2014; Кузнецов, Роговской, 2016; Клементьев, Кузнецов, Роговской, 2017; Кузнецов, Роговской, Таракановский, 2017 и др.). Главной целью настоящей работы является как можно более полное введение в научный оборот результатов анализа продуктов первичного расщепления на стоянке в раннеголоценовое время. С этой целью для решения были поставлены следующие задачи:

– определить состав и источники сырья на стоянке;

– классифицировать и описать основные категории продуктов первичного расщепления, проследить генетическую связь между ними;

– выявить характерные способы и приемы литопроизводства на стоянке;

– определить место индустрии в региональном и субрегиональном масштабе.

Источниковой базой исследования являются каменные коллекции раннеголоценового культурного слоя местонахождения Остров Лиственичный, зафиксированного на обоих пунктах стоянки. Совокупная коллекция каменных артефактов составляет 5 756 ед., включая все категории дебитажа и орудий.

Методической основой настоящей работы послужили отечественные и зарубежные разработки по типологии и технологии первичного расщепления (Медведев, 1981; Медведев, Михнюк, Лежненко, 1974; Нехорошев, 1999; Артемьев, 1996; Гиря, 1997; Бердникова, 2003; The emergence of pressure blade making: from origin to modern experimentation, 2012).

Сырье

Петрографический анализ каменной коллекции показал наличие следующих минералов: микродолерит, базальтовый порфирит, полевошпатовый песчанник, полевошпатовый и кварцевый алевролит, микросланец, туффит, слабоалевритистый аргиллит, биотит-пироксеновый роговик, тонко- и неравномернозернистые кремнистые породы[1]. Эти породы входят в состав юрских и пермских систем геологических отложений Като-Ёдарминского расширения долины р. Ангара и прилегающих территорий в составе бургуклинской и чайкинской свиты (Котков, 1980). Все они фиксировались в составе руслового галечника и береговых отложений рек Ката и Ёдарма.

По сумме характеристик большую часть сырья можно условно разделить на две основных, наиболее широко представленных в коллекции группировки: кремнево-халцедоновые и аргиллитово-алевролитово-роговиковые породы.

Первая группа характеризуется большей твердостью и анизотропностью в составе крупных отдельностей. Крупные отдельности такого сырья в составе каменной коллекции местонахождения почти всегда несут многочисленные каверны, включения участков с кристаллически зернистым строением, нередко имеют пятнистую и ритмично

[1] Определение по петрографическим шлифам инженера лаборатории геологии и магматизма древних платформ Института земной коры СО РАН Г.В. Орловой.

полосчатую текстуру. Вторая группа достаточно аморфна по составу, однако обладает общими характеристиками большей изотропности и меньшей окремненности и, соответственно, твердости.

Артефакты

Остров Лиственичный (Пункт 1)

Общее количество каменных артефактов на Пункте 1 составляет 1 550 ед. Сырьевой базой литопроизводства являлись в основном пятнистый синевато- и светло-серый кремень и синевато-серый роговик. В процентном отношении на долю артефактов из кремня приходится 17 % каменной индустрии (20 % без учета микросколов), на долю роговиковых – 79 % (78 % без учета микросколов). В незначительном количестве встречен аргиллит, базальтовый порфирит и кварцитовые гальки (менее 1 %).

Каменная индустрия содержит четыре нуклевидных изделия призматического принципа скалывания (включая три нуклеуса и один нуклевидный обломок), шесть технических сколов, 354 отщепа (включая 192 экземпляра с сохранившимся проксималом) и 236 целых и фрагментированных пластин. Общий каменный формально-орудийный набор насчитывает 13 экз., включая абразивы и отбойники. Остальное число составляют микросколы, к коим авторы относят каменные отдельности с линейными размерами меньше 15 мм.

Два нуклеуса выполнены на кремневом субстрате, одноплощадочные. Площадки оформленные, в контуре круглые либо овальные, расположены под углом 80–90° к фронту. Фронт в обоих случаях концентрический замкнутый с регулярными негативами параллельных и субпараллельных сколов. Необходимо отметить, что на экземпляре с круглой в контуре площадкой дистальная часть редуцирована ныряющим сколом, однако по негативам читается встречное скалывание с полюсной редуцированной площадки. Высота изделий составляет 46 и 53 мм.

Изделие на роговике представлено одноплощадочным нуклеусом с незамкнутым фронтом, контрфронт немного выпуклый, зашлифованный. Площадка оформленная, угол площадки к фронту составляет 80°. Примечателен тот факт, что в массиве сколов обнаружен 31 экз. со следами фрагментарной шлифовки из того же субстрата. Основная масса их представляет собой мелкие продукты расщепления с линейными размерами 15–30 мм. По характерной морфологии некоторых фрагментов (шлифованным дорсалам и талонам сколов) и аппликативным сборкам можно предположить, что этот нуклеус является побочным продуктом переоформления шлифованного тесловидного орудия. Также по аппликации и нерегулярности негативов очевидно, что нуклеус находится только в стадии подготовки к регулярным снятиям. Фактическая высота изделия 57 мм.

Нуклевидный обломок представлен дистальным фрагментом призматического нуклеуса с сохранившимся фрагментом противолежащей оформленной площадки.

Технические сколы представлены тремя реберчатыми пластинами, двумя сколами подживления площадки («полутаблетками») и сколом с основанием нуклеуса. Первые характеризуются небольшой длиной, сопоставимой с размерами нуклеусов. «Полутаблетки» несут на себе негативы множества ступенчатых заломов, по-видимому, документирующих попытку выровнять площадку нуклеуса. Скол с основанием нуклеуса представлен продольным ныряющим сколом с остатками бифасиально оформленного «гребня» и «киля». Он предположительно снят с клиновидного ядрища. На проксимальном конце фиксируются следы прямой редукции при подготовке ударной площадки. Необходимо отметить, что в коллекции Пункта 1 практически не обнаружено первичных или вторичных сколов – только 25 артефактов (1 %) несут фрагментарные следы естественной поверхности сырьевых отдельностей.

По показателям ширины пластинчатые снятия можно подразделить на микропластины (до 7 мм) – 52 экз., пластинки (7–12 мм) и пластины (больше 12 мм) – 156 и 28 экз. соответственно (рис. 2).

Большая часть микропластин (88 %) представлена артефактами из роговика. Целый экземпляр единичен, это слегка закрученное в профиле снятие длиной 20 мм, шириной 6 мм, с линейным талоном (1,5×4,5 мм). Остальные микропластинки фрагментированы, причем дистальные и прокси-

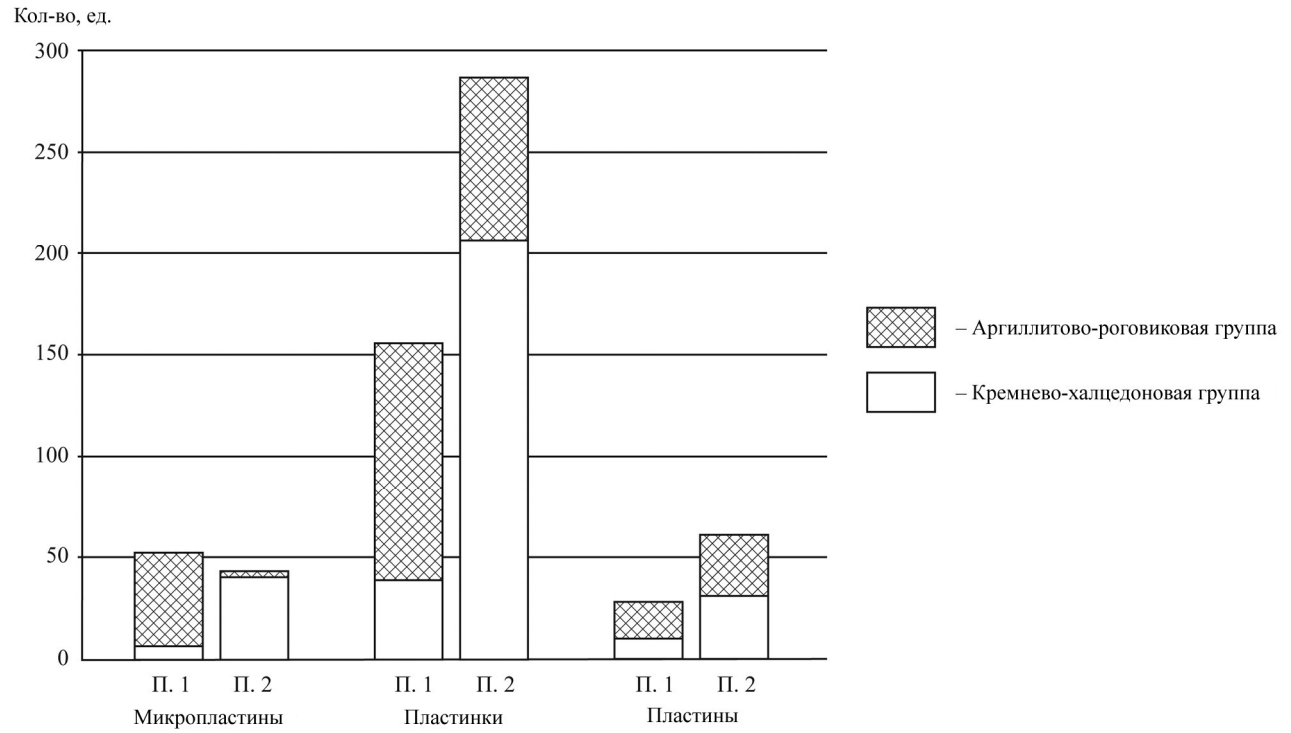


Рис. 2. Местонахождение Остров Лиственичный, график соотношения сырьевых групп в пластинчатой компоненте каменной индустрии

Fig. 2. Site Ostrov Listvenichny, the graph of the ratio of lithic source groups in the blade component of the stone industry

мальные сегменты составляют меньшую часть коллекции – 16 и 19 % соответственно, имеют стандартные показатели толщины (1–2 мм), двух и трехгранную параллельную и субпараллельную огранку на дорсале; сохранившиеся талоны в большинстве точечные. Количество медиальных сегментов (33 экз. – 63 %) может объясняться депозиционными и постдепозиционными факторами. Четыре медиальных фрагмента с показателями длины около 10 мм и один проксимальный сегмент длиной 23 мм, итого 9 % от общего количества, несут следы мелкой краевой и утилизационной ретуши.

В категории пластинок роговиковая сырьевая группа (75 %) также превалирует над кремневой (25 %). Длина целых экземпляров (6 ед.) в среднем составляет около 30 мм, ширина – 8–11 мм. В профиле в основном прямые, с одной и двумя параллельными и субпараллельными гранями на дорсале, параметры талонов колеблются от точечных (до 1,5 мм в глубину и ширину) и линейных (до 1,5 мм в глубину) до вполне выраженных (8×3 мм). Следует отметить, что роговиковые артефакты шире на 2–3 мм и имеют более выраженные талоны. На проксимальные и медиальные сегменты приходится соответственно 41 и 46 % фрагментированных пластинок. Возможно, выраженные дистальные окончания и целые пластинки представлены слабо вследствие трудности дифференциации целых и фрагментированных снятий такого размера из-за ступенчатых окончаний их дистальных сегментов. Больше половины (68 %) всех проксимальных и медиальных фрагментов имеют длину от 10 до 25 мм, что косвенно свидетельствует о параметрах целевых заготовок. Десять прямых в профиле фрагментированных пластинок (6 % от общего количества) несут следы краевой ретуши, причем медиальные и проксимальные части использованы в равных пропорциях. Большинство (7 ед.) также имеют показатели длины от 10 до 25 мм.

В категории пластин пропорции по сырьевым группам сохраняются: 64 % артефактов представлено роговиком, 36 % – кремнем. Два целых экземпляра имеют длину 34 и 62 мм соответственно, ширину в 20 мм, одинаковые по параметрам талоны (10×4 мм), прямой профиль и двухгранную огранку, несут следы краевой ретуши. Представленные в основном медиальными и проксимальными

фрагментами (64 %) пластины не образовывают четких группировок по длине, оставаясь в пределах размеров от 10 до 50 мм. Все ретушированные артефакты (5 ед. – 18 %) выполнены на роговике, причем медиальные сегменты (2 ед.) имеют одинаковую длину (50 мм).

Среди отщепов с сохранившимся проксималом 151 ед. относится к роговиковой группе (всего 79 % от общего количества). Подавляющее большинство из них (133 ед. – 88 %) представлено мелкими экземплярами, не более 30 мм в линейном измерении, причем у 116 артефактов (76 %) фиксируются точечные и линейные талоны. Кремневые сколы также характеризуются малой размеренностью и линейными талонами, однако точечные талоны практически не встречаются.

Остров Лиственичный (Пункт 2)

В раннеголоценовом культурном слое Пункта 2 всего было зафиксировано 4 309 каменных артефакта. В сравнении с Пунктом 1 здесь фиксируется гораздо более обширная сырьевая база: кремнево-халцедоновые породы и роговики различной цветности, прозрачности и текстуры, полосчатые и пятнистые аргиллиты, туфы, микродолериты, микрокварциты, окаменелое дерево. Однако, несмотря на широкую номенклатуру, основным сырьем по-прежнему являются кремнево-халцедоновая и аргиллитово-роговиковая группы в равных пропорциях (по 44 % от общего количества каменных артефактов без учета микросколов), причем в отличие от Пункта 1 именно аргиллиты и алевролиты представлены достаточно широко.

По категориям инвентаря артефакты распределяются следующим образом: 36 нуклевидных изделия, 33 технических скола, 1 884 отщепа, в том числе 571 с сохранившимся проксималом, и 391 целое и фрагментированное пластинчатое снятие (см. рис. 2). Общий каменный формально-орудийный набор Пункта 2 насчитывает 74 артефакта, включая абразивы и отбойники. Остальные снятия составляют обломки и микросколы.

Нуклевидные изделия в зависимости от сырья и морфологии сравнительно четко подразделяются на три группы.

Первая (кремнево-халцедоновая группа) включает в себя 23 артефакта, в том числе пренуклеусы и нуклеусы различных стадий расщепления. Группа характеризуется призматическим принципом расщепления.

Пренуклеусы первичной стадии оформления (2 ед.) представляют собой угловатые, подпрямоугольные в сечении желваки с частично сохранившимися на латералях гладкими естественными поверхностями (рис. 3, *1*). Их размеры составляют 70–100 мм в высоту и около 50×50 мм в сечении. На одном экземпляре фиксируются мелкие выравнивающие снятия на «площадке» и латералях, на втором – начальные следы оформление гребня.

Пренуклеусы вторичной стадии оформления (3 ед.) характеризуются законченными формами. Это призматические трехгранные заготовки с тщательно оформленными гребнями, выравненными разнонаправленными снятиями сторонами, подработанными мелкими сколами площадками (рис. 3, *2, 3*). Высота изделий составляет 60–80 мм, толщина и ширина – 30–60 мм. Площадки расположены к фронту либо под прямым углом, либо немного скошены в сторону одного из гребней. В одном случае фронт несет следы естественной поверхности халцедоновой отдельности.

Нуклеусы (16 ед.) представлены в морфологических вариантах конуса или призмы. Площадки в плане варьируются от каплевидных форм до полуовала и овала, выровнены мелкими снятиями (рис. 3, *4, 5, 6, 8, 9*). Соответственно, контрфронт представлен полностью или частично сохранившимся гребнем, либо естественной или оформленной выровненной плоской поверхностью, в зависимости от стадии расщепления. Негативы целевых снятий в большинстве случаев идут по всей высоте фронта, регулярны, параллельны друг другу. Практически все изделия имеют угол между фронтом и площадкой близкие к прямому. Линейные параметры изделий в высоту составляют от 7 мм в начальной стадии утилизации до 40 мм у истощенных экземпляров, причем высота во всех случаях превышает ширину. В качестве типичного примера последних стоит привести нуклеус из состава орудийно-сырьевого депозита № 2, имеющего толщи-

Рис. 3. Местонахождение Остров Лиственичный, Пункт 2 – пятый культурный слой, нуклевидные изделия кремнево-халцедоновой сырьевой группы: *1 – преформа первичной стадии оформления; 2, 3 – нуклеусы вторичной стадии оформления; 4–6, 8, 9 – нуклеусы в стадии утилизации; 7 – обломок призматического нуклеуса в стадии утилизации (продольно-поперечный нуклеус); 10, 11 – нуклеусы в стадии истощения*

Fig. 3. Site Ostrov Listvenichny, Location 2 – the fifth cultural layer, the core-shaped artifacts of the chert-chalcedonic raw group: *1 – the preform of the primary design stage; 2, 3 – cores of the secondary stage of utilization; 4–6, 8, 9 — cores of the stage of utilization; 7 – a fragment of a prismatic core in the stage of utilization (longitudinal-transverse core); 10, 11 – core in exhaustion stage*

ну не более 8 мм и уплощенно-овальную в плане площадку (Роговской, Кузнецов, 2014).

Также в этой сырьевой группе к нуклеусам относятся два артефакта, чья морфология оставляет вопросы. Они представляют собой идентичные по форме проксимальные фрагменты призматических нуклеусов со скошенным под углом 60° по отношению к площадке ровным контрфронтом, оформленным одним снятием (рис. 3, *7*). Однако наличие на контрфронте негативом мелких пластинчатых снятий со стороны латерали позволяет определить их не как технический брак, но как продольно-поперечные нуклеусы с ортогональным скалыванием со смежных площадок. Высота изделий по продольному фронту составляет 42 и 30 мм.

Во второй роговиковой сырьевой группе четыре артефакта. Единственная преформа по оформлению похожа на кремнево-халцедоновые преформы вторичной стадии подготовки: законченная форма, трехгранная, с выровненными боковыми поверхностями, оформленными с двух сторон гребнями (рис. 4, *1*). Отличительной чертой является морфология, представленная не призмой, а усеченным конусом; фасетированная площадка расположена под углом 50–60° к фронту. Остальные изделия характеризуются выровненным пло-

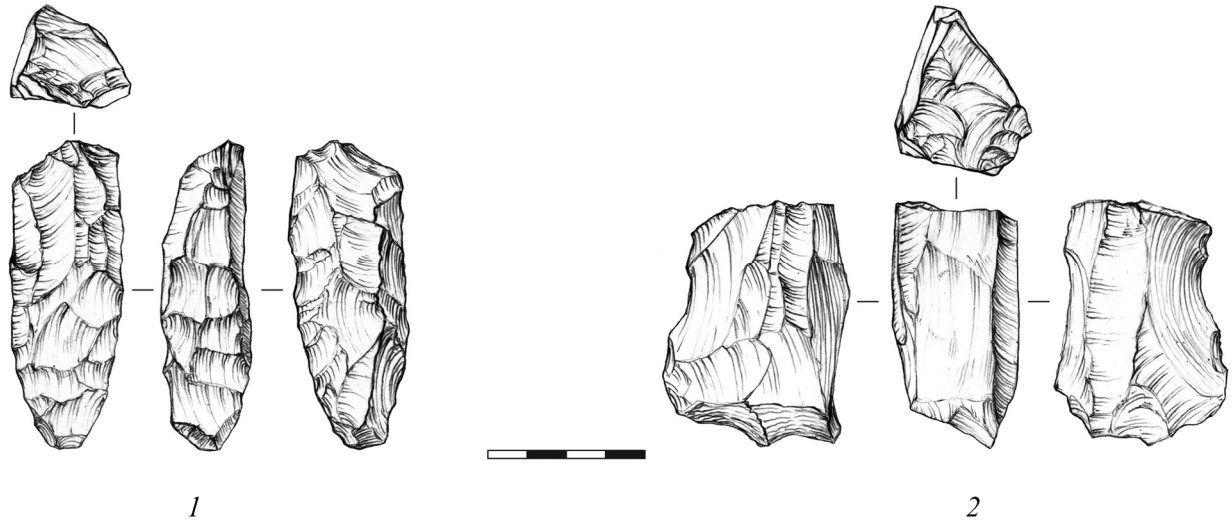


Рис. 4. Местонахождение Остров Лиственичный, Пункт 2 – пятый культурный слой, нуклевидные изделия роговиковой сырьевой группы: *1 – преформа вторичной стадии оформления; 2 – нуклеус в стадии утилизации*
Fig. 4. Site Ostrov Listvenichny, Location 2 is the fifth cultural layer, the core-shaped artifacts of the hornblende raw group: *1 – the preform of the secondary stage of shaping; 2 – core in the stage of utilization*

ским контрфронтом, оформленными мелкими сколами полуовальными в плане площадками (рис. 4, *2*). Главное отличие этих изделий заключается в общей нерегулярности пластинчатых снятий, кривыми контурами негативов сколов. Также следует отметить характер дополнительной тепловой обработки сырья этой группы, выраженный в цветовой гамме пренуклеуса и мяслянистом блеске некоторых поверхностей ядрищ.

Третья группа изделий (7 ед.) изготовлена из плиток зеленовато-серых аргиллитов. Преформы (2 ед.) предположительно начальной стадии оформления представляют собой подпрямоугольные фрагменты плиток аргиллита с негативами снятий на торцах и латералях. Нуклеусы плоскостного принципа расщепления представлены в вариантах радиального одно- и двухстороннего скалывания (2 ед.) и параллельного однонаправленного и встречного скалывания (2 ед.) на заготовках дисковидной, прямоугольной и трапециевидной в контуре формы (рис. 5, *1*). На фронте и контрфронте половины артефактов фиксируются следы естественной поверхности сырья. Пощадки к фронту расположены под углом 40–60°, подовальные в контуре негативы целевых снятий имеют линейные параметры 30–40 мм. Также в этой группе представлен один двухплощадочный призматический нуклеус для пластин (рис. 5, *2*). Он характеризуется

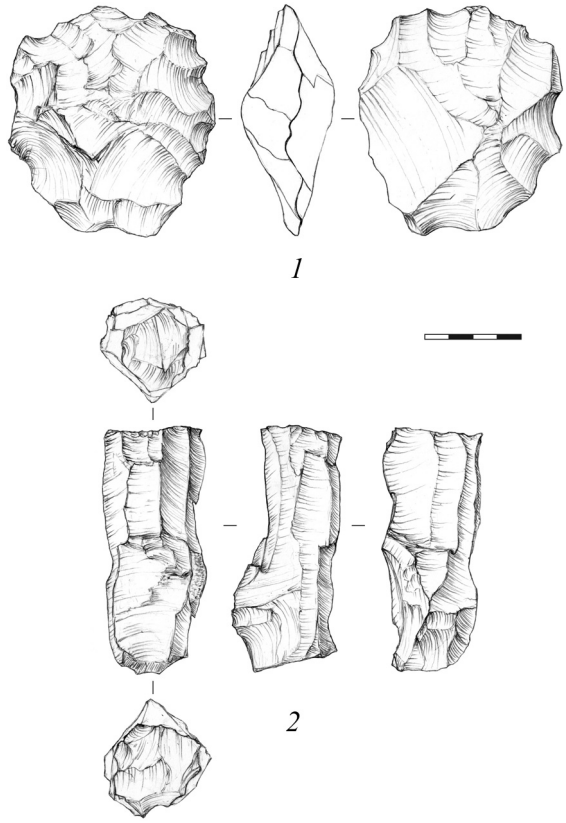


Рис. 5. Местонахождение Остров Лиственичный, Пункт 2 – пятый культурный слой, нуклевидные изделия аргиллитовой сырьевой группы:
1 – плоскостной радиальный нуклеус;
2 – призматический двухплощадочный нуклеус
Fig. 5. Site Ostrov Listvenichny, Location 2 – the fifth cultural layer, core-shaped artifacts of the argillite raw group: *1 – radial plane core; 2 – prismatic double striking platform core*

замкнутым фронтом с множеством заломов, негативами неправильных пластинчатых снятий, оформленными площадками и высотой 96 мм. Угол схождения фронта и площадок близок к прямому.

Другие два изделия являются исключениями из приведенных сырьевых групп. Исходя из единичности форм, по типологии они могут быть отнесены скорее к категории нуклевидных изделий со следами апробации. Первый артефакт представляет собой бифасиально оформленное мелкое трапециевидное в контуре теслообразное орудие с негативами двух пластинчатых снятий по широкому фасу (рис. 6). Орудие несет следы шлифовки. Сырьем для его изготовления выступил роговик той же цветовой гаммы, что и роговиковый нуклеус с Пункта 1. Размеры изделия – 50×30×15 мм. Второе изделие изготовлено из желто-белого аргиллита. Оно имеет уплощенную клиновидную форму. Однонаправленные снятия фиксируются с противолежащих торцов линзовидной в контуре, скошенной в сторону латерали площадки. Латерали несут следы пришлифовки. Можно сказать, что артефакт представляет собой торцовый бифронтальный нуклеус для пластин в начальной стадии утилизации, однако единичность торцовых снятий оставляет это определение в ранге предположений. Размеры изделия – 83×82×32 мм.

Технические сколы представлены в количестве 33 экз. В их числе реберчатые и полуреберчатые сколы, «полутаблетки», скол подправки дистальной части нуклеус и сколы подправки ударной кромки. Сколы со следами естественных поверхностей сырьевых отдельностей составляют 5 % от каменной коллекции Пункта 2.

Реберчатые и полуреберчатые сколы составляют большую часть коллекции технических снятий (25 ед.). Они характеризуются преимущественно прямым профилем. Точечные талоны фиксируются на двух ровных снятиях с параллельными краями длиной 75–78 мм. Остальные артефакты имеют гладкие, двух- и трехгранные талоны, длину от 40 до 80 мм. Сырьем выступает как кремнево-халцедоновый субстрат (15 ед.), так и аргиллитово-роговиковый (10 ед.). Один из артефактов несет следы прямого обжига, выраженного в трещинова-

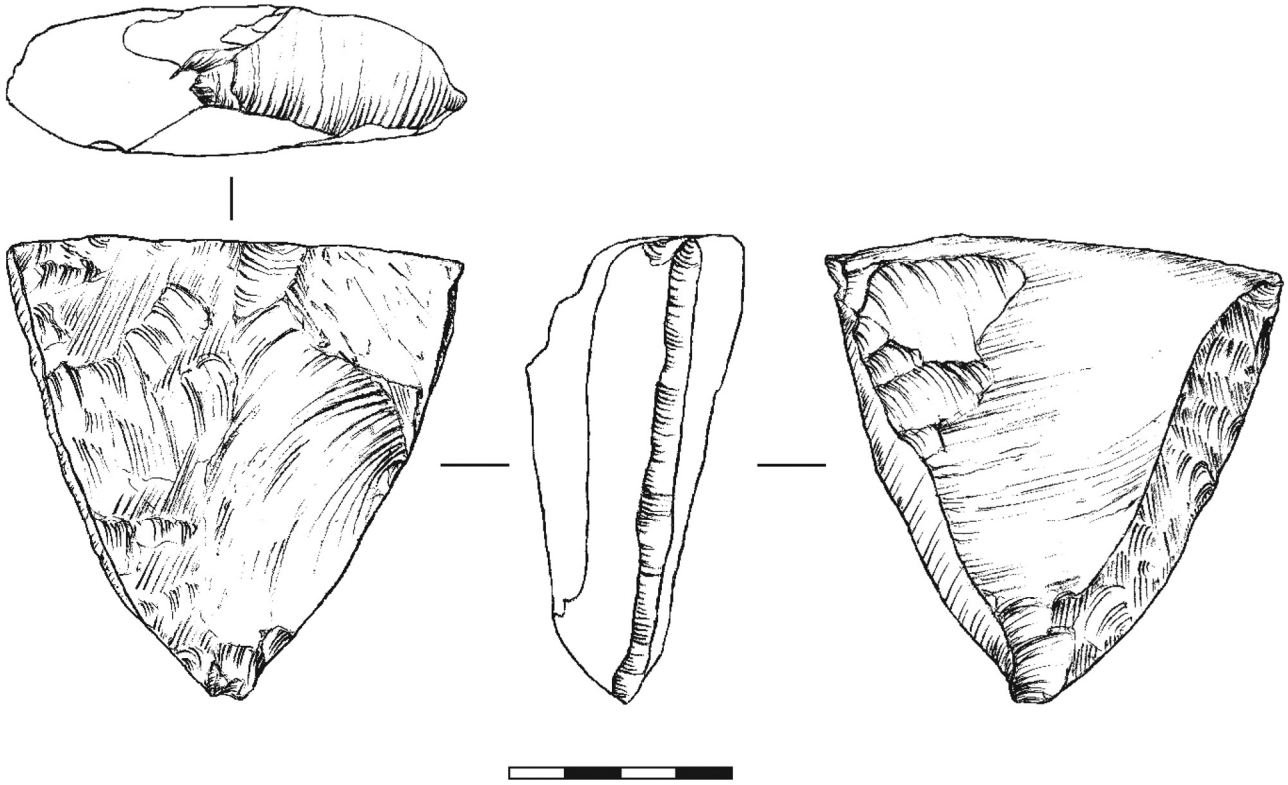


Рис. 6. Местонахождение Остров Лиственичный, Пункт 2 – пятый культурный слой, нуклевидное изделие
Fig. 6. Site Ostrov Listvenichny, Location 2 – the fifth cultural layer, the core-shaped artifact

тости поверхности и молочно-белой цветовой гамме.

«Полутаблетки» (5 артефактов) изготовлены из кремня и халцедона. Редуцированные поверхности площадок несут следы заломов.

Сколы подправки ударной кромки (2 ед.) несут остатки фронтальной части призматических нуклеусов с негативами параллельных пластинчатых снятий. Дуга скалывания таких ядрищ выпуклая, до 46 мм в ширину. Площадки выровнены с контрфронта, расположены под тупым к фронту углом, что предположительно и послужило причиной их снятия.

Скол подправки дистальной части нуклеуса документирует прием переоформления одноплощадочного призматического нуклеуса для пластин в двухплощадочный. Он редуцировал изогнутую дистальную часть фронта нуклеуса. Диаметр этой «обратной таблетки» составляет 35 мм. Материалом изготовления послужил окремненый аргиллит.

К категории микропластинок относятся 43 артефакта. Основная часть (93 %) изготовлена из кремня и халцедона. Целые экземпляры (6 ед.) в профиле изогнутые и слабоизогнутые, длиной от 18 до 40 мм с преимущественно линейными талонами. Дистальные, медиальные и проксимальные части представлены в почти равных пропорциях. Длина в среднем 17 мм. Огранка преимущественно правильная, толщина варьируется от 1 до 2,5 мм, талоны преимущественно линейные. Три прямых в профиле медиальных сегмента от 10 до 15 мм длиной несут следы утилизационной ретуши. Одна целая изогнутая микропластина также ретуширована. Итого, 9 % от общего количества в этой категории имеет фиксируемые следы целевого использования.

Пластинки в количестве 287 экз. различаются по сырью и делятся более равномерно: 72 % относится к кремнево-халцедоновой группе, 28 % – к аргиллитово-роговиковой. Всего зафиксировано 26 целых артефактов в тех же сырьевых пропорциях. Длина варьируется в среднем от 20 до 45 мм, хотя два экземпляра имеют линейные параметры 80 и 90 мм. Восемь целых пластинок вследствие кривизны контуров можно отнести к категории неправильных пластинчатых снятий. На проксимальные сегменты приходится 33 % фрагментов, на медиальные – 35 % и на дистальные – 25 %. Только 17 % медиальных и проксимальных сегментов изогнутые и слабоизогнутые, остальные – прямые в профиле. Огранка преимущественно правильная, талоны линейные, больше 70 % фрагментированных пластин имеет длину от 20 до 40 мм. Часть пластинок (35 ед. – 12 %), представленная прямыми проксимальными и медиальными сегментами со средней длиной 30 мм, несет следы ретуши. Целый экземпляр со следами использования только один – самая большая пластинка длиной 90 мм.

Пластины (61 ед.) по основным сырьевым группам делятся практически поровну. Нефрагментированных изделий зафиксировано 9 экз. Причем если аргеллитово-роговиковые пластины (4 ед.) имеют линейные талоны, прямой профиль, треугольное сечение и большую длину (80–110 мм), то кремнево-халцедоновые изделия (5 ед.) характеризуются неправильными контурами и меньшей длиной (30–40 мм). Ширина варьируется от 15 до 30 мм. Больше всего среди фрагментированных пластин проксимальных сегментов (41 %), затем идут медиальные и дистальные части (26 и 16 % соответственно). Ретушированные экземпляры (9 ед. – 15 %) представлены преимущественно роговиково-аргиллитовым сырьем. Две целые пластины имеют треугольное сечение, прямой профиль и длину 91 и 112 мм соответственно. Площадки линейные, ширина – 28 и 18 мм. Остальные пластины со вторичной обработкой сегментированы (проксимал и медиал), прямые в профиле, длиной от 15 до 55 мм.

Также стоит отметить, что две пластины и одна пластинка несут на всей дорсальной поверхности следы шлифовки.

Отщепы с сохранившимся проксималом распределяются по основным сырьевым группам практически поровну. По сравнению с Пунктом 1 здесь наблюдается большая массивность снятий – только 39 % сколов имеют линейные параметры меньше 30 мм. Размер остальных артефактов сильно варьируется, вплоть до сколов из состава сырьевого депозита (Роговской, Кузнецов, 2014), большинство из которых имеют размер одного из линейных параметров, превышающий 70 мм. То-

чечные площадки в этой категории практически отсутствуют, на долю линейных приходится 15 % коллекции, присутствуют экземпляры с разбитыми талонами.

Обсуждение

Несмотря на некоторую количественную и качественную неоднородность каменного инвентаря разных пунктов стоянки, связанную, в первую очередь, с сырьевой компонентой, в силу их геоморфологического и хроностратиграфического положения резонно рассматривать обе коллекции единым массивом в плане определения техникоморфологических особенностей первичного расщепления каменной индустрии.

Исходя из достаточно представительной выборки исходных форм каменного инвентаря, можно выделить две морфологически выраженных целевых стратегии расщепления.

Первая состоит в формировании из отдельностей сырья трехгранной призматической либо конической преформы с выровненными боковыми поверхностями, оформленными ребрами (рис. 7, *1*)[2]. После выработки подтреугольного фронта шел его перенос на один из «гребней» (рис. 7, *2*). Далее раскалывание проводилось либо до полного замыкания фронта (рис. 7, *3, 4*), либо до уплощения нуклеуса (рис. 7, *5*) с постоянным контролем точки приложения силы, на что указывает наличие технических сколов подправки ударной кромки и «сколы-таблетки». В ходе этого процесса, соответственно, происходило уменьшение размеров целевых снятий, редукция по линейным параметрам. Исходя из значительной разницы высоты фронта у преформ (60–100 мм) и истощенных нуклеусов (40–45 мм), можно предположить также исходную направленность на получение различных по размерности целевых заготовок. Это предположение подкрепляется наличием в вышележащем неолитическом горизонте трехгранных преформ высотой 50–55 мм.

Два призматических нуклеуса с ортогональным скалыванием также возможно вписать в данную стратегию в рамках стратегии полной утилизации технического брака.

В этой стратегии можно проследить некоторую взаимосвязь между сырьем и целевыми продуктами расщепления. Судя по соотношению категорий пластинчатых снятий, целевыми продуктами в кремнево-халцедоновой группе выступали пластинки и в меньшей степени микропластины, сходные по характеристикам талонов и огранке, в то время как аргиллитово-роговиковое сырье предназначалось также и для пластин, причем с экстремальными характеристиками длины.

По параметрам ретушированных артефактов можно сделать вывод, что конечной целью пластинчатого производства являлись прямые в профиле сегменты снятий средней длиной от 20–30 мм (микропластинки и пластинки) до 50 мм (пластины).

Судя по треугольным и трапециевидным сечениям большинства пластинчатых снятий, мелких талонов у них, а также регулярности фронта, углам сопряжения площадки и фронта нуклеусов близких к 90°, можно предположить, что основной техникой утилизации призматических ядрищ выступал отжим. Причем, если ориентироваться на аргиллитовые пластины с Пункта 2, модели отжима включали в себя не только ручной, но и усиленный вариант отжима с применением дополнительных приспособлений. Данное предположение подкрепляет наличие в коллекции костяного инвентаря Пункта 2 различных отжимников и рукоятей для отжима (Роговской, Кузнецов, 2014).

Вторая стратегия расщепления на стоянке связана исключительно с аргиллитовым сырьем. Для изготовления плоскостных нуклеусов использовались плитки осадочных пород с максимально удобными для дальнейшей утилизации естественными формами. На это указывает морфология параллелепипедных по форме пренуклеусов и естественная латераль на радиальном одностороннем нуклеусе. С подобного рода изделий было налаже-

[2] Мнения авторов по данному вопросу несколько разнятся. Е.О. Роговской выделяет в данной стратегии два технологических варианта, выраженных в различных приемах первоначальной редукции пренуклеусов. Этот взгляд будет отражен в дальнейших публикациях автора по вопросу раннеголоценового литопроизводства в Байкальской Сибири.

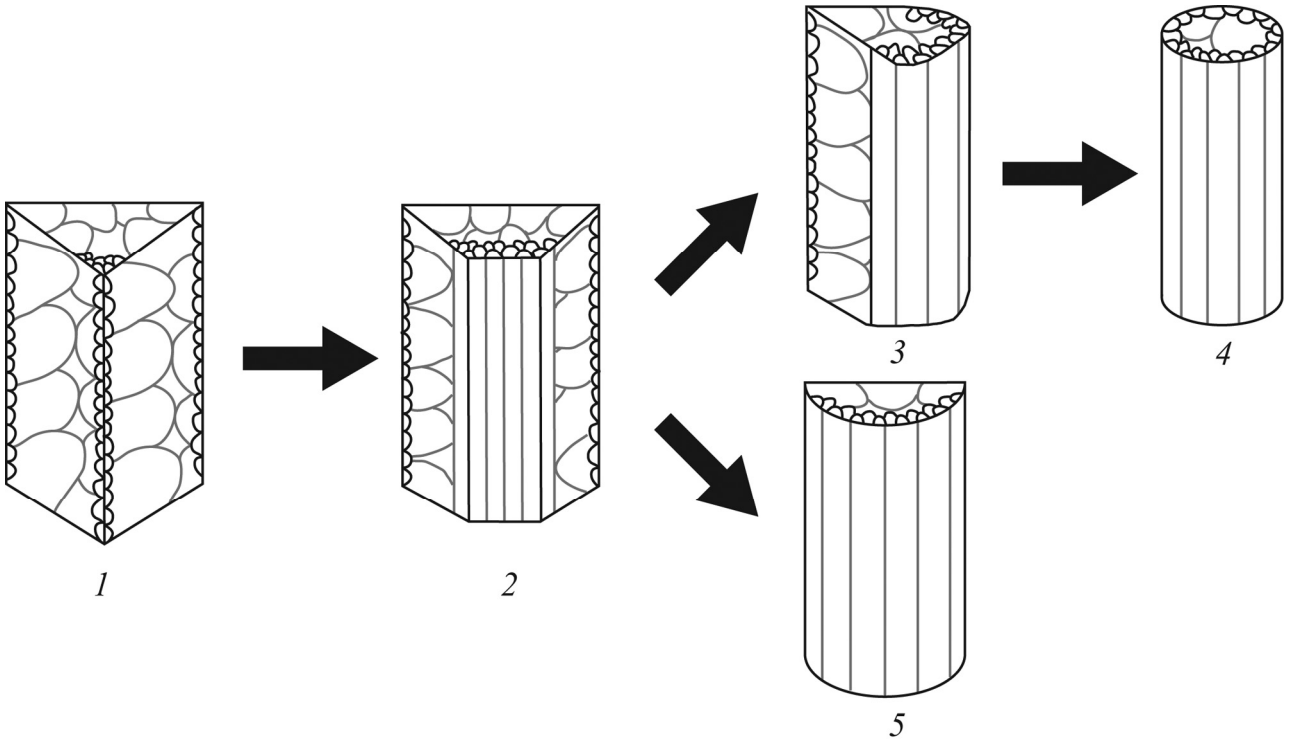


Рис. 7. Местонахождение Остров Лиственичный, Пункт 2 – пятый культурный слой, стратегия расщепления кремнево-халцедонового сырья
Fig. 7. Site Ostrov Listvenichny, Location 2 – the fifth cultural layer, the strategy of splitting the chert-chalcedonic raw materials

но производство широких сколов укороченных пропорций.

Отщеповую коллекцию с Пункта 1, исходя из миниатюрных размеров, формы талонов и отсутствия соответствующих нуклеусов, можно отнести к побочным продуктам оформления призматических ядрищ. Состав каменного инвентаря Пункта 2 документирует другую ситуацию. Наряду с мелкими снятиями здесь присутствуют средние и крупные формы. Предположительно для средних аргиллитовых форм применялись подходящие плоскостные ядрища радиального и параллельного способа скалывания. Кремнево-халцедоновые отщепы подобного размера могли получаться при оформлении нуклеусов из зафиксированных исходных желваков (преформы первичной стадии оформления). Крупные снятия можно отнести к утилизации больших сырьевых блоков (возможно стационарных), примером чего служат материалы сырьевого депозита Пункта 2 (Роговской, Кузнецов, 2014). Основным орудием для получения отщепов предположительно выступали мягкий (Пункт 1 и Пункт 2) и твердый (Пункт 2) отбойники.

Также в рамках выделенных стратегий расщепления можно предположить дополнительную тепловую обработку каменного сырья. Однако если на артефактах из роговика обнаруживаются типичные следы таковой, то на кремнево-халцедоновых снятиях без специальных анализов они не фиксируются, что отмечено в соответствующих исследованиях (Гиря, 1996).

Остальные технические приемы, отраженные в морфологии некоторых артефактов (ныряющий скол с рудиментами киле-гребневой части нуклеуса, скол подправки дистальной части, торцовый бифронтальный нуклеус для пластин с шлифованными латералями), имеют единичные проявления и, по крайней мере, до повторного исследования с новых методических позиций, не могут быть отнесены к специфическим особенностям раннеголоценовой каменной индустрии Острова Лиственичный.

Заключение

В результате техникоморфологического анализа первичного расщепления в раннеголоценовой индустрии местонахождения Остров Лиственичный удалось установить его следующие характерные параметры:

1. Весь процесс литопроизводства строился на местной сырьевой базе, преимущественно относящейся к юрским и пермским геологическим системам, выходы которых фиксируются на размывах рек Ката и Ёдарма в радиусе 10–12 км от острова в составе бургуклинской и чайкинской свиты. Сырье представлено в виде желваков и плиточных отдельностей.

2. Первичное расщепление было направлено на получение пластинок в рамках утилизации призматических и конических нуклеусов и на производство средних и крупных отщепов с плоскостных нуклеусов и больших сырьевых блоков неясной морфологии, причем применяемая стратегия расщепления была связана с сырьевой компонентой.

3. Специфической особенностью комплекса является наличие призматических и конических нуклеусов для пластинчатых снятий в сочетании с плоскостными нуклеусами для отщепов. Для первых характерен отжим, для вторых – твердый отбойник. Сопутствующее оформление ядрищ осуществлялось также с применением мягкого отбойника.

4. Единичное проявление клиновидного нуклеуса наряду с полным отсутствием характерных уни- или бифасиальных преформ. Под «клиновидным» авторы подразумевают «… нуклеус, имеющий четкую конвергенцию обработанных латералей, образующую киль, или гребень и киль в комплекте» (Медведев, Михнюк, Лежненко, 1974).

5. Характерными формами можно считать трехгранные призматические и конические преформы нуклеусов с оформленными ребрами. Однако если зафиксированные призматические формы характеризуются прямой подработанной площадкой, то конусовидные – скошенной.

Кроме упомянутого наличия в вышележащем неолитическом горизонте Острова Лиственичный аналогичных трехгранных призматических преформ с оформленными ребрами, прямые аналогии материалам местонахождения можно обнаружить в экспонированном бескерамическом горизонте стоянки на о. Каменный-Кежемский в Северном Приангарье (Окладников, 1939). Это, в первую очередь, заготовка нуклеуса в виде «трехсторонней пирамиды с треугольным сечением в поперечнике» (Окладников, 1949). А.П. Окладников относит эти материалы к ранней стадии неолита. Там же он упоминает сходные артефакты из неопубликованных материалов раскопок неолитических горизонтов многослойной стоянки Ленковка (Южное Приангарье). По его словам, преформы были обнаружены в «ямке-хранилище» под неолитическим слоем.

Сейчас сборы тех лет хранятся в фондах Иркутского краеведческого музея. При осмотре коллекции авторы зафиксировали только единичное подобное изделие и убедились в его полной аналогичности халцедоновым преформам Острова Лиственичный. Преформа нуклеуса имеет вид трехгранной призмы высотой около 80 мм с негативами двух пластинчатых снятий, редуцировавших одно из ребер с узкой торцевой стороны изделия. Латерали несут следы плиточной поверхности, угол между площадкой и фронтом близок к прямому. Сырьем послужила плитка кремнистого сланца.

Трехгранные преформы также фигурируют в публикации, посвященной анализу музейной коллекции каменного инвентаря финально-плейстоценовых – раннеголоценовых индустрий Внутренней Монголии (Табарев, Гладышев, 2012). По интерпретации авторов эти артефакты относятся к технике усиленного отжима правильных призматических пластин с крупных нуклеусов и маркируют верхнюю хронологическую границу (7–5,5 тыс. л. н.) рассматриваемых материалов.

Если говорить о стратифицированных объектах, то подобные преформы со скошенными или расположенными под прямым углом площадками фиксировались в неолитических горизонтах многослойного местонахождения Усть-Белая в Южном Приангарье (Синицына, 1987). Следует отметить, что неолитические комплексы на этой стоянке до недавнего времени были представлены в ситуации компрессии и датировались в широком хронодиа-

пазоне от 6,9 до 4,8 тыс. л. н. (Медведев, Слагода, Липнина, Бердникова, Генералов, Роговской, Ошепкова, Воробьева, Шмыгун, 2001).

Также нельзя не отметить одну интересную деталь, связанную с пространственным расположением трехгранных преформ. На Пункте 2 Острова Лиственичный три халцедоновые преформы были зафиксированы в непосредственной близости друг от друга, в одном скоплении, однако ни внутренней пространственной структуры скопления, ни «яма-тайник» в стратиграфии не читались. Еще одна преформа находилась в полуметре от них. На других местонахождениях, где были найдены подобные заготовки, также отмечается их локализация на определенном участке раскопанных площадей, причем на местонахождении Ленковка артефакты фиксировались в «ямке-хранилище». Подобная ситуация, по мнению авторов, связана с определенной стратегией подготовки и сохранения сырья для орудийного производства в обществах охотников-рыболовов-собирателей с годовым кочевым хозяйственным циклом на определенной осваиваемой территории. Этот сюжет требует дополнительного самостоятельного исследования в будущем.

Таким образом, определяя место рассматриваемой каменной индустрии в кругу раннеголоценовых культур, можно предварительно охарактеризовать первичное расщепление на Острове Лиственичном как одно из наиболее ранних на сегодняшний день зафиксированных проявлений специфической техники получения пластинчатых снятий с трехгранных преформ с оформленными ребрами в Северной Азии.

Резюмируя и намечая направления будущих исследований по этой тематике, можно отметить следующее. Пластинчатое призматическое расщепление в Северной Азии в различных микро-, мезо- и макрометрических проявлениях развивается с эпохи среднего палеолита внутри больших географических «очаговых» территорий (Като, Когай, Липнина, Медведев, Жеглова, Роговской, 2004). К границе плейстоцен-голоцена внутри видового разнообразия североазиатских пластинчатых технологий уже существуют и выделяются оформленные устойчивые стратегии получения пластинчатых снятий (Аксенов, 2009; Генералов, 2000; Генералов, 2000; Гладышев, Табарев, Гунчинсурен, 2013; Тетенькин, 2017; Coutouly, 2016; Lu, 1998; The emergence of pressure blade making: from origin to modern experimentation, 2012; Tsydenova, Piezonka, 2014). Выделение хронометрической последовательности и территориальной преемственности этого процесса на сегодняшний день находится в зачаточной стадии, однако постановка проблемы уже состоялась и исследование входит в стадию разработки.

Библиографический список

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит Верхней Лены: монография. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. 370 с.

Артемьев Е.В. К вопросу о терминологии микропластинчатых нуклеусов (современное состояние проблемы) // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. Вып. 1. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного университета, 1996. С. 3–23.

Бердникова Н.Е. Расщепление камня и морфология сколов // Известия Лаборатории древних технологий. 2003. № 1 (1). С. 58–66.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья (проблемы эволюции и классификации почв): монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. 205 с.

References

Aksenov M.P. *Paleolit i mezolit Verkhnei Leny* [Paleolithic and Mesolithic periods of the Upper Lena]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2009, 370 p. (In Russian).

Artem'ev E.V. *K voprosu o terminologii mikroplastinchatykh nukleusov (sovremennoe sostoyanie problemy)* [To the issue of microblade cores]. *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri* [Antiquities of the Yenisey Siberia]. Iss. 1. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Publ., 1996, pp. 3–23. (In Russian).

Berdnikova N.E. The flintknapping and flake morphology. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2003, no. 1 (1), pp. 58–66. (In Russian).

Vorob'eva G.A. *Pochva kak letopis' prirodnykh sobytii Pribaikal'ya (problemy evolyutsii i klassifikatsii pochv)* [Soil as a record of natural events in the Cis-Baikalia (problems of the evolution and classification of soil)]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2010, 205 p. (In Russian).

Генералов А.Г. Геоархеологический объект Стрижовая Гора (стратиграфия, хронология, типология, технология). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2000. 153 с.

Генералов А.Г. К вопросу о происхождении и эволюции пластинчатых технологий верхнего палеолита Байкальской Сибири // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. тр. Вып. 2. Ч. 2. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного педагогического университета, 2000. С. 203–206.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- макроанализа древних орудий труда. В 2-х ч. Ч. 2. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 1997. 198 с.

Гладышев С.А., Табарев А.В., Гунчисурен Б. О времени появления технологических инноваций в каменном веке Северной Монголии: микропластинчатое расщепление и керамическая посуда // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 82–85.

Като Х., Когай С.А., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Жеглова Т.Г., Роговской Е.О. О географии, возрасте и терминологии форм микрорасщепления пластин в плейстоцене востока Северной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Т. X. В 2-х ч. Ч. I. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 105–110.

Клементьев А.М., Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Археозоологические исследования многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 22. С. 82–101.

Котков В.Н. Государственная геологическая карта СССР. Масштаб 1:200 000. Серия: Ангаро-Ленская. Лист О-48-VII. Объяснительная записка. М.: Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского, 1980.

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Некоторые аспекты жизнедеятельности населения Северного Приангарья в финальном мезолите (на примере стоянки Остров Лист-

Generalov A.G. *Geoarkheologicheskii ob"ekt Strizhovaya Gora (stratigrafiya, khronologiya, tipologiya, tekhnologiya)* [Geoarcheological site Strizhovaya Gora (stratigraphy, chronology, typology, technology)]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2000, 153 p. (In Russian).

Generalov A.G. *K voprosu o proiskhozhdenii i evolyutsii plastinchatykh tekhnologii verkhnego paleolita Baikal'skoi Sibiri* [To the question about the origin and evolution of blade technology of the Upper Paleolithic in the Baikal Siberia]. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti* [Baikal Siberia in antiquity]. Iss. 2. P. 2. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University Publ., 2000, pp. 203–206. (In Russian).

Girya E.Yu. *Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii. Metodika mikro- makroanaliza drevnikh orudii truda* [Technological analysis of stone industries. The method of micro-macroanalysis of ancient tools]. In 2 parts. P. 2. Saint-Petersburg: Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, 198 p. (In Russian).

Gladyshev S.A., Tabarev A.V., Gunchisuren B. The time of the emergence of technological innovation in the Stone age of Northern Mongolia: microblade knapping and pottery. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2013, no. 2, pp. 82–85. (In Russian).

Kato Kh., Kogai S.A., Lipnina E.A., Medvedev G.I., Zheglova T.G., Rogovskoi E.O. *O geografii, vozraste i terminologii form mikrorasshchepleniya plastin v pleistotsene vostoka Severnoi Azii* [About geography, chronology and terminology of microblade forms in the Pleistocene of the East of North Asia]. *Materialy Godovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2004 g. "Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii"* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: proceedings of the Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, 2004]. Vol. X. In 2 parts. P. I. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, pp. 105–110. (In Russian).

Klement'ev A.M., Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O. Archaeozoological studies of the multilayered site Ostrov Listvenichnyi (Northern Angara Region). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [The bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarcheology. Ethnology. Anthropology], 2017, vol. 22, pp. 82–101. (In Russian).

Kotkov V.N. *Gosudarstvennaya geologicheskaya karta SSSR. Masshtab 1:200 000. Seriya: Angaro-Lenskaya. List O-48-VII. Ob"yasnitel'naya zapiska* [The state geological map of USSR. Scale 1:200 000. Ser. Angaro-Lenskaya. List O-48-7. Report]. Moscow: Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii geologicheskii institut im. A.P. Karpinskogo Publ., 1980. (In Russian).

Kuznecov A.M., Rogovskoj E.O. *Nekotorye aspekty zhiznedejatel'nosti naselenija Severnogo Priangar'ja v final'nom mezolite (na primere stojanki Ostrov Listvenichnyj)*

веничный) // Экология древних и традиционных обществ: материалы V междунар. науч. конф. (Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.). Вып. 5. В 2-х ч. Ч. 2. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2016. С. 91–93.

Кузнецов А.М., Роговской Е.О., Таракановский С.П. Вкладышевые наконечники стрел из раннеголоценового культурного слоя стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. № 6. С. 207–214.

Медведев Г.И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников: сб. ст. Иркутск: Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, 1981. С. 16–33.

Медведев Г.И., Бердникова Н.Е., Липнина Е.А., Когай С.А., Роговской Е.О., Лохов Д.Н. Ископаемые литотехнологические отложения плейстоцена и голоцена в геоморфологических ситуациях антропогена Байкальской Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2012. № 1 (1). С. 33–57.

Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 1. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1974. С. 60–90.

Медведев Г.И., Роговской Е.О., Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Таракановский С.П. Северное Приангарье. Введение в плейстоценовую археологию // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: материалы Всерос. семинара, посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри (Иркутск, 3–6 июня 2009 г.). Иркутск: Амтера, 2009. С. 298–309.

Медведев Г.И., Слагода Е.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Генералов А.Г., Роговской Е.О., Ошепкова Е.Б., Воробьева Г.А., Шмыгун П.Е. Каменный век Южного Приангарья. Бельский геоархеологический район: коллективная монография. В 2-х т. Т. 2. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2001. 242 с.

[Some aspects of human ecosystem in the North Angara region in Final Mesolithic (based on the data of site Ostrov Listvenichny)]. *Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Jekologija drevnih i tradicionnyh obshhestv"* [Ecology of ancient and traditional societies: materials of the V Intern. scientific conf.]. (Tjumen', November 7–11, 2016). Iss. 5. In 2 parts. P. 2. Tyumen': Tyumen State University Publ., 2016, pp. 91–93. (In Russian).

Kuznecov A.M., Rogovskoj E.O., Tarakanovskij S.P. Slotted arrowheads from Early Holocene layer of the site Ostrov Listvenichny (North Angara region). *Evrazija v kajnozoe. Stratigrafija, paleojekologija, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture], 2017, no. 6, pp. 207–214. (In Russian).

Medvedev G.I. *K probleme morfologicheskogo analiza kamennogo inventarja paleoliticheskih i mezoliticheskih ansamblej Vostochnoj Sibiri* [To the problem of morphological analysis of Eastern Siberia Paleolithic and Mesolithic stone assamblages]. *Opisanie i analiz arheologicheskih istochnikov* [Description and analysis of archaeological sources]. Irkutsk: A.A. Zhdanov Irkutsk State University Publ., 1981, pp. 16–33. (In Russian).

Medvedev G.I., Berdnikova N.E., Lipnina E.A., Kogaj S.A., Rogovskoj E.O., Lohov D.N. Pleistocene and Holocene litotechnological sediments in geomorphological settings of Anthropogen of Baikal Siberia. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Geoarheologija. Jetnologija. Antropologija* [The bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarcheology. Ethnology. Anthropology], 2012, no. 1 (1), pp. 33–57. (In Russian).

Medvedev G.I., Mihnjuk G.N., Lezhnenko I.L. *O nomenklaturnyh oboznachenijah i morfologii nukleusov v dokeramicheskih kompleksah Priangar'ja* [About the terminology and the morphology of the cores in pre-ceramic complexes of Angara region]. *Drevnjaja istorija narodov juga Vostochnoj Sibiri* [The ancient history of the peoples of the south of Eastern Siberia]. Iss. 1. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1974, pp. 60–90. (In Russian).

Medvedev G.I., Rogovskoj E.O., Lipnina E.A., Lohov D.N., Tarakanovskij S.P. *Severnoe Priangar'e. Vvedenie v plejstocenovuju arheologiju* [North Angara region. The introduction to Pleistocene archaeology]. *Materialy Vserossijskogo seminara, posvjashhennogo 125-letiju Berngarda Jeduardovicha Petri "Vuzovskaja nauchnaja arheologija i jetnologija Severnoj Azii. Irkutskaja shkola 1918–1937 gg."* [University scientific archeology and ethnology of North Asia. Irkutsk School 1918–1937: proceedings of All-Russian seminar dedicated to the 125th anniversary of Bernhard Eduardovich Petri]. (Irkutsk, June 3–6, 2009). Irkutsk: Amtera Publ., 2009, pp. 298–309. (In Russian).

Medvedev G.I., Slagoda E.A., Lipnina E.A., Berdnikova N.E., Generalov A.G., Rogovskoj E.O., Oshepkova E.B., Vorob'eva G.A., Shmygun P.E. *Kamennyj vek Juzhnogo Priangar'ja. Bel'skij geoarheologicheskij rajon* [The Stone Age of South Angara region. Bel'sk geoarchaeological region]. In 2 volumes. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State University Publ.,

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита: монография. СПб.: Европейский Дом, 1999. 173 с.

Окладников А.П. Мастерская каменного века на острове Каменном-Кежемском // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 13 (85). Л., 1949. С. 46–53.

Окладников А.П. Неолитические находки в низовьях р. Ангары (к итогам работ 1937 г.) // Вестник древней истории. 1939. № 4 (9). С. 181–186.

Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 77–102.

Роговской Е.О., Кузнецов А.М., Попов А.А. Местонахождение Остров Лиственичный в общих проблемах ангарского неолитоведения // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1. Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2012. С. 171–177.

Синицына Г.В. Заготовки нуклеусов неолитического поселения Усть-Белая на р. Ангаре // Краткие сообщения Института археологии. 1987. № 189. С. 50–55.

Табарев А.В., Гладышев С.А. Раннеголоценовые микропластинчатые индустрии Центральной Азии (по материалам Китайско-Шведской экспедиции С. Хедина, Музей Восточных древностей, Стокгольм, Швеция) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 3. Археология и этнография. С. 222–232.

Тетенькин А.В. Технологический контекст производства и расщепления микропластинчатых нуклеусов по материалам культурных горизонтов 2Б и 6 стоянки Коврижка IV (Витим, Байкало-Патомское нагорье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 21. С. 107–135.

Coutouly Y.A. Migrations and interactions in prehis-

2001, 242 p. (In Russian).

Nehoroshev P.E. *Tehnologicheskij metod izuchenija pervichnogo rasshheplenija kamnja srednego paleolita* [The technological method of the study of the Middle Paleolithic primary flaking strategies]. Saint-Petersburg: Evropejskij Dom Publ., 1999, 173 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. The Stone Age manufactory site Ostrov Kamenniy-Kezhemskiy. *Uchenye zapiski LGU. Serija istoricheskih nauk* [Scientific notes of the Leningrad State University. Historical sciences series]. Iss. 13 (85). Leningrad, 1949, pp. 46–53. (In Russian).

Okladnikov A.P. Neolithic artifacts of the Lower Angara (results of field works in 1937). *Vestnik drevnej istorii* [The bulletin of ancient history], 1939, no. 4 (9), pp. 181–186. (In Russian).

Rogovskoj E.O., Kuznecov A.M. Caches of the multilayer site Ostrov Listvenichniy (North Angara region). *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Geoarheologija. Jetnologija. Antropologija* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarcheology. Ethnology. Anthropology], 2014, vol. 9, pp. 77–102. (In Russian).

Rogovskoj E.O., Kuznecov A.M., Popov A.A. *Mestonahozhdenie Ostrov Listvenichnyj v obshhih problemah angarskogo neolitovedenija* [The site Listvenichniy Ostrov in the light of main Neolithic problems of Angara region]. *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja otkrytija B.Je. Petri Ulan-Hady "Evrazija v kajnozoe. Stratigrafija, paleojekologija, kul'tury*. *Vyp. 1. Fenomen geoarheologicheskoj mnogoslojnosti Bajkal'skoj Sibiri. 100 let Bajkal'skoj nauchnoj arheologii"* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture. Issue 1. The phenomenon of geoarcheological multilayered sites of the Baikal Siberia. 100 years of Baikal scientific archeology]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2012, pp. 171–177. (In Russian).

Sinicyna G.V. Pre-cores of the Neolithic settlement Ust-Belaya at Angara River. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii* [Brief reports of the Institute of Archeology], 1987, no. 189, pp. 50–55. (In Russian).

Tabarev A.V., Gladyshev S.A. Early Holocene microblade industries in Central Asia (on the materials of the Sino-Swedish expedition of S. Hedin, Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm, Sweden. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija* [The Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2012, vol. 11, no. 3. *Arheologija i jetnografija* [Archeology and Ethnography]. pp. 222–232. (In Russian).

Teten'kin A.V. Technological context of production and splitting the microblade cores based on materials of cultural levels 2B and 6 of the site Kovrizhka IV (Vitim River, Baikal-Patom's Upland). *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Geoarheologija. Jetnologija. Antropologija* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarcheology. Ethnology. Anthropology], 2017, vol. 21, pp. 107–135. (In Russian).

Coutouly Y.A. Migrations and interactions in prehis-

toric Berengia: the evolution of Yakutian lithic technology // Antiquety. 2016. Vol. 90 (349). P. 9–31.

The emergence of pressure blade making: from origin to modern experimentation / ed. by P.M. Desrosiers. New York: Springer Science & Business Media, 2012. 534 p.

Lu L. The microblade tradition in China: regional chronologies and significance in the transition to Neolithic // Asian Perspectives. 1998. Vol. 37 (1). P. 84–112.

Tsydenova N., Piezonka H. The transition from the Late Paleolithic to the Initial Neolithic in the Baikal region: Technological aspects of the stone industries // Quarternary International. 2015. Vol. 355. P. 101–113.

Критерии авторства

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Кузнецов Алексей Михайлович,
научный сотрудник Лаборатории археологии,
e-mail: golos_siberia@list.ru
Роговской Евгений Олегович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии Иркутского государственного университета, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН,
e-mail: eor127@yandex.ru

toric Berengia: the evolution of Yakutian lithic technology. Antiquety, 2016, vol. 90 (349), pp. 9–31.

Desrosiers P.M. The emergence of pressure blade making: from origin to modern experimentation. New York: Springer Science & Business Media, 2012, 534 p.

Lu L. The microblade tradition in China: regional chronologies and significance in the transition to Neolithic. Asian Perspectives, 1998, vol. 37 (1), pp. 84–112.

Tsydenova N., Piezonka H. The transition from the Late Paleolithic to the Initial Neolithic in the Baikal region: Technological aspects of the stone industries. Quarternary International, 2015, vol. 355, pp. 101–113.

Attribution criteria

Kuznetsov A.M., Rogovskoy E.O. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Information about the authors

Aleksey M. Kuznetsov,
staff of the Laboratory of Archeology,
e-mail: golos_siberia@list.ru
Evgeniy O. Rogovskoy,
Cand. Sci. (History), senior staff of the Laboratory of Archeology Irkutsk State University, staff of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
e-mail: eor127@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 902(571.5+517.3)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-42-63

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

© А.Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет
670000, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

Аннотация: В статье представлена реконструкция этнокультурных процессов в регионе Юго-Западного Забайкалья в позднем бронзовом и раннем железном веках. Материалами для их изучения послужили результаты исследования памятников различных археологических культур этих эпох, выделенных исследователями нескольких поколений с 1920–1930-х гг. до настоящего времени: культуры плиточных могил, культуры херексуров, хэнтэйской культуры. Население этих археологических культур, распространенных в степной, лесостепной и таежной зонах края, представляло разные этнические общности. В антропологическом отношении люди первой и второй культур были монголоидами и являлись автохтонными жителями, а носители последней – европеоидами, мигрировавшими в Забайкалье из западных районов Монголии. Показаны причины миграции скотоводческого населения культуры херексуров в регион, особенности взаимодействия местного скотоводческого населения (культуры плиточных могил) с пришедшими в степную зону, выделены этапы их взаимоотношений (враждебного противостояния, мирного сосуществования, этнического смешения). Дается оценка значению этих контактов для формирования центрально-азиатской расы внутриконтинентальных монголоидов, представителями которой являются современные народы Центральной Азии – монголы и буряты. Охарактеризованы контакты скотоводческого населения культуры плиточных могил с лесными охотниками, рыболовами и собирателями хэнтэйской культуры.

Ключевые слова: *бронзовый век, ранний железный век, монголоиды, европеоиды, миграции, этнические контакты, этапы взаимоотношений, экологические зоны, палеоэкономика, обмен*

Информация о статье: Дата поступления 12 октября 2018 г.; дата принятия к печати 12 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Цибиктаров А.Д. Этнокультурные процессы в Юго-Западном Забайкалье в эпоху поздней бронзы и раннего железа. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):42–63. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-42-63.

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN THE SOUTH-WESTERN TRANSBAIKALIA IN THE LATE BRONZE AND EARLY IRON AGES

© Alexander D. Tsybiktarov

Buryat State University
4 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russian Federation

Abstract: The article presents the reconstruction of ethnocultural processes in the region of the South-Western Transbaikalia in the Late Bronze and Early Iron Ages. Used materials for this research are the results of a study of the monuments of various archaeological cultures of these ages, identified by researchers of several generations from the 1920s and 1930s until now: Slabgraves Culture, Culture of Khereksur, Khentei Culture. The population of these archaeological cultures spread in the steppe, forest-steppe and taiga zones of the region and represented different ethnic communities. In the anthropological reference the people of the first and second groups were mongoloids and were autochthonous inhabitants, and the memebers of last group were europeoids, who migrated to Transbaikalia from the western regions of Mongolia. The article highlighted the reasons for the migration of the cattle-breeding Culture of Khereksur population to the region, also it shows special aspects of the relation-

ship between the local cattle-breeding Slabgraves Culture population and newcomers as well as the stages of interrelationship (e.g. hostile opposition, peaceful coexistence, ethnic mixing). The article gives the significance of these contacts for the formation of the Central Asian race of inland Mongoloids, whose representatives are the modern peoples of Central Asia – the Mongolians and Buryats. The contacts of the cattle-breeding population of Slabgraves Culture with forest hunters, fishermen and collectors of Khentei Culture are characterized.

Keywords: *Bronze and Early Iron Ages, Mongoloids, Caucasians, migrations, ethnic contacts¸ stages of interrelations, ecological zones, paleoeconomics, exchange*

Article info: Received October 12, 2018; accepted for publication November 12, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Tsybiktarov A.D. Ethnocultural processes in the south-western Transbaikalia in the Late Bronze and Early Iron Ages. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):42–63. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-42-63.

Введение

Одной из основных задач археологической науки является реконструкция исторических процессов, в том числе этнокультурных, происходивших в различных районах земного шара в древности, которые в конечном итоге завершались формированием современных народов. Иными словами археология дает источниковедческие материалы по этногенезу и этнической истории различных народов земного шара. В данной статье рассматриваются материалы, накопленные по бронзовому и раннему железному векам Юго-Западного Забайкалья с 1920–1930-х гг. до настоящего времени. Хотя раскопки памятников этих эпох начались еще с 30-х гг. XVIII в., но обоснованное их изучение началось именно с указанного времени. Г.П. Сосновский, А.П. Окладников, М.П. Грязнов, Г.П. Сергеев и другие исследователи выделили из общей массы южнозабайкальских древностей материалы бронзового и раннего железного веков, установили их датировку и хронологические этапы. Была определена и одна из палеометаллических культур региона – культура плиточных могил, что стало важным достижением тех лет. Последующие поколения археологов во многом опирались на результаты работ 1920–1930-х гг. и внесли значительный вклад в изучение указанных периодов в древней истории края. Так постепенно благодаря усилиям многих исследователей вырисовывались контуры культурно-исторической ситуации, а вместе с ней и этнокультурной истории в регионе Юго-Западного Забайкалья.

Однако, как будет видно из обсуждения достижений археологов разных поколений, работавших в области южнозабайкальской археологии, изучение рассматриваемых эпох складывалось далеко не просто. Объективно сложившиеся обстоятельства и сформировавшиеся подходы к рассмотрению материалов раскопок памятников и большого массива случайных находок эпох бронзы и раннего железа с территории Забайкалья и Монголии длительное время не позволяли выявить археологические культуры собственно бронзового века. Это в свою очередь не способствовало выявлению объективной культурно-исторической и этнокультурной ситуации в регионе. В качестве примера можно привести факт того, что до середины 1980-х гг. не было установлено, какие археологические культуры существовали в крае в эпоху бронзы, хотя в музейных собраниях Забайкалья имелось огромное количество случайных находок этого времени. Вместе с тем анализ изучения процесса формирования и смены археологических культур в регионе позволяет проследить изменения в культурно-исторической и этнокультурной ситуации в крае и оценить их значение для сложения древних и современных этнических общностей.

Обсуждение материалов

Бронзовый век на территории Забайкалья начался в конце III – начале II тыс. до н. э. с вхождением в жизнь древних людей первых металлических изделий из меди, а несколько позже и бронзы. Эпоха бронзы сменилась ранним железным веком примерно в VIII в. до н. э. На их протяжении произошли многие важные изменения в жизни древних людей в экономике, общественном строе, мировоззрении и религиозных представлениях, в

этнокультурной истории. Они отразились в формировании, развитии и смене археологических культур.

Сам факт существования в степной зоне Южного Забайкалья развитой культуры бронзового века, стоявшей на одном уровне развития с другими культурами эпохи бронзы соседних областей Южной Сибири, не вызывал сомнений с самого начала изучения этой эпохи в древней истории края. Об этом писали еще в 1920–1930-е гг. такие крупные исследователи степной бронзы Сибири, как М.П. Грязнов и Г.П. Сосновский (Грязнов, 1929; Сосновский, 1933; Сосновский, 1936). К раннему железному веку или к эпохе ранних кочевников (VII–III вв. до н. э.) Г.П. Сосновский относил культуру плиточных могил (Сосновский, 1940. С. 40; Сосновский, 1941. С. 307–308). Уже со слов известного палеоантрополога Г.Ф. Дебеца мы знаем, что этим же временем он датировал забайкальские херексуры (Дебец, 1948. С. 118). Однако сам Г.П. Сосновский так и не опубликовал своих взглядов о датировке этих памятников. Можно лишь предполагать, учитывая господствовавшую в те годы теорию стадиальности академика Н.Я. Марра, что его, по-видимому, смущало сосуществование на одной и той же территории таких разных памятников, а следовательно, и археологических культур, как плиточные могилы и херексуры. К тому же херексуры на территории соседней Монголии, где были распространены памятники, однотипные с забайкальскими, были датированы тюркским временем (VI–VIII вв. н. э.). (Боровко, 1927. С. 74–76). Много внимания изучению забайкальской бронзы уделял крупнейший исследователь древней истории Прибайкалья, Забайкалья и Центральной Азии А.П. Окладников. Он относил к ней яркую самобытную культуру плиточных могил, датирующуюся по представлениям тех лет в основном скифским временем (VII–III вв. до н. э.), т. е. ранним железным веком (Окладников, 1954. С. 23–24; Окладников, 1956. С. 83–87 и др.). Херексуры же были датированы А.П. Окладниковым, как и Г.И. Боровко, тюркским временем (VI–VIII вв. н. э.), а этнически связаны с селенгинскими уйгурами (Окладников, 1976. С. 326–327; Окладников, 1975. С. 17).

В конце 1950-х гг. вышла монография Н.Н. Дикова, посвященная бронзовому веку Забайкалья (Диков, 1958). В ней подвелись итоги изучения памятников этой эпохи на территории края. Следует отметить, что его обобщению предшествовали многолетние полевые работы второй Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством академика А.П. Окладникова, начатые еще в 1947 г. По мнению Н.Н. Дикова период ранней бронзы был известен очень слабо. К нему относились отдельные погребения Фофановского могильника в низовьях Селенги, а также материалы Нижне-Березовского поселения в окрестностях Улан-Удэ. Период средней бронзы, датируемый ученым X–VIII в. до н. э., был представлен случайными находками бронзовых изделий карасукского облика и, вероятно, наиболее ранними плиточными могилами и частью наскальных изображений, нанесенных охрой. Основную часть плиточных могил Н.Н. Диков датировал VII–II вв. до н. э., т. е. скифским временем. Однако, исходя из того, что в плиточных могилах этого периода металлические изделия были представлены предметами из бронзы, исследователь определил это время как поздний бронзовый век (Диков, 1958, С. 53–54). Таким образом, в культурно-хронологической классификации Н.Н. Дикова культура собственно бронзового века так и не была выделена. Культура же плиточных могил заполняла период раннего железного века (скифское время и начало хунно-сарматского времени) по периодизации эпохи бронзы и раннего железа степной зоны Южной Сибири, а шире евразийских степей от Ордоса на востоке до Причерноморья на западе.

Следующим крупным обобщением материалов по археологии Западного Забайкалья, имеющим отношение к изучению бронзового века южных районов края, стала монография Л.Г. Ивашиной. В ней были подведены итоги многолетних исследований памятников неолита и энеолита лесостепной зоны Бурятии. Однако культуры, существовавшие в степных и лесостепных районах края в эпоху бронзы, так и остались невыясненными. Известные к тому времени материалы были выделены хронологически и получили обозначение в виде «фофановского этапа энеолита и ранней

бронзы» в пределах основной части II тыс. до н. э и «карасукско-шиверского этапа бронзового века» конца II – начала I тыс. до н. э. (Ивашина, 1979, С. 124–125, 157). Памятники культуры плиточных могил были, по-видимому, выведены исследователем за пределы бронзового века вследствие почти всеми признанной принадлежности их, по представлениям тех лет, к памятникам скифской эпохи.

Итак, изучение памятников древних эпох на территории Бурятии, южные районы которой совпадают с юго-западной частью Забайкалья, на протяжении многих десятилетий с 1920-х до конца 1970-х гг. так и не помогло выявить культуру или совокупности археологических культур, которые показали бы особенности материальной и духовной культуры населения края, а также этнокультурной обстановки в регионе в эпоху бронзы. Столь странная ситуация, которая особенно рельефно проступала на фоне впечатляющих успехов в изучении культур бронзового века более западных областей Южной и Западной Сибири, а также Казахстана, не могла пройти мимо внимания такого внимательного и известного исследователя забайкальской и центральноазиатской археологии, как А.П. Окладников. Еще в конце 1950–1960-х гг. он, опираясь в основном на некоторые косвенные данные, высказал предположение о том, что культура плиточных могил должна датироваться не только скифским временем (VII–III вв. до н. э), но и более ранним временем. По его мнению, какая-то часть плиточных могил могла существовать во второй половине II тыс. до н. э., а возникнуть она могла в середине II тыс. до н. э. Однако период расцвета этой культуры, по его представлениям, приходился на скифское время (Окладников, 1959, С. 126; Окладников, Запорожская, 1970. С. 87–88, 167). В целом же результаты изучения южнозабайкальских древностей по состоянию на конец 1970-х гг. отчетливо выявили культуру населения раннего железного века или скифского времени, представленную плиточными могилами. Многочисленные случайные находки бронзовых изделий II – начала I тыс. до н. э., несколько поселений и отдельные погребения этого же времени были выделены в хронологические этапы, но собственно сама археологическая культура бронзового века так и осталась неизвестной. В результате культурно-историческая, а вместе с ней и этнокультурная ситуация в крае на протяжении бронзового века оставалась, в отличие от таежного Прибайкалья, где были выделены глазковская и шиверская культуры (Окладников, 1955), невыясненной. В эпоху же раннего железа в VII–III вв. до н. э. степные и лесостепные районы Бурятии были, по общепринятому мнению, заняты культурой плиточных могил, основной ареал распространения которой уходил в степи Монголии. Ее население в это время определяло этнокультурную ситуацию в крае и показывало широкое расселение в разных его районах скотоводческого населения одной культуры. Было ясно, что по соседству с ними жили охотники и рыболовы забайкальской тайги, но их археологические памятники в то время были неизвестны.

В 1980-х гг. автор статьи пересмотрел датировку плиточных могил и вновь обратился к датировке херексуров. Культура плиточных могил была датирована эпохой поздней бронзы и раннескифским временем, т. е. XIII–VI вв. до н. э.[1] Относительно датировки херексуров на основе материалов новых раскопок сначала мы высказались в поддержку Г.П. Сосновского с корректировкой на раннескифское время (VII–V вв. до н. э.). На могильнике Улзыт III в Южной Бурятии особенности погребального обряда и конструкции раскопанного херексура находили полные аналогии в памятниках раннескифского времени Саяно-Алтая (Цыбиктаров, 1985). Позже на основе собранных более многочисленных материалов это хронологическое определение было пересмотрено. С моей точки зрения херексуры в Южной Бурятии должны датироваться концом II – началом I тыс. до н. э., т. е. концом бронзового века, самое позднее – раннескифским временем (Цыбиктаров, 1988). В результате коренным образом изменились и представления об этнокультурной ситуации в крае в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Многочисленные бронзовые изделия карасукского типа (ножи, кинжалы,

[1] Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1989. 24 с. / Tsybiktarov A.D. Slabgraves Culture of Transbaikalia and Mongolia: Abstract. dis. ... Cand. Sci. (History): 07.00.06. M., 1989. 24 p.

кельты, боевые топоры и т. д.), известные по подъемным сборам, нашли культурную привязку к группам населения, оставившим плиточные могилы и херексуры. В истории бронзового века на территории края место хронологических этапов заняли конкретные археологические культуры и стоящие за ними древние этнические общности. В данном случае это культура плиточных могил и культура херексуров и оленных камней. Таким образом, в эпоху поздней бронзы на территории Южной Бурятии сосуществовали две древние этнические общности. Одна из них (культура плиточных могил) была местной по происхождению, а другая (культура херексуров и оленных камней) была пришлой в крае.

Культура плиточных могил занимала огромные пространства на территории Центральной Азии. Ее ареал простирался от берегов Байкала на севере до предгорий Нань-Шаня на юге, а с востока на запад от предгорий Хингана до котловины Больших озер на западе Монголии. Степи Южного Забайкалья и остепненные районы Приольхонья, Северного Байкала и долина р. Куды (притока Ангары) являлись северной окраиной (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995; Туркин, 2004; Харинский, 2017) этой центральноазиатской культуры бронзового и раннего железного веков (рис. 1). В антропологическом отношении население культуры плиточных могил было монголоидным и характеризовалось особенностями так называемой байкальской расы континентальных монголоидов[2] (Дебец, 1952. С. 64–67; Гохман, 1958. С. 433, 437, 443; Гохман, 1967. С. 95, 99; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 231). Хозяйство плиточников по своей основе было скотоводческим. В стаде преобладали лошади и овцы. Крупный рогатый скот разводили в меньшем количестве. Животные круглый год содержались на подножном корму. Хозяйственно-культурный тип населения культуры плиточных могил был примерно таким же, как у бурят и монголов в недавнем прошлом. Носителям этой культуры был характерен высокий уровень бронзолитейного производства (Сосновский, 1941; Диков, 1958; Волков, 1967; Наваан, 1975; Гришин, 1981; Членова, 1992; Цыбиктаров, 1998).

Анализ материалов ранних плиточных могил и данных палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья показали, что эта культура сложилась в середине II тыс. до н. э. на основе селенгинско-даурской культуры местного степного населения эпохи энеолита и ранней бронзы[3] (Цыбиктаров, 2007. С. 195–197). Таким образом, этнокультурную ситуацию на протяжении огромного периода времени от середины II тыс. до середины I тыс. до н. э. в степной и лесостепной зонах Юго-Западного Забайкалья определяло население именно этой культуры.

Однако в конце II тыс. до н. э. в степные и лесостепные районы края произошла очень мощная миграция населения культуры херексуров и оленных камней с территории Западной и отчасти Центральной Монголии, где находились основные районы ее распространения. Антропологический тип населения этой культуры был европеоидным[4] (Алексеев, 1974. С. 371, 382; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 231; Ефремов, 1958. С. 316). В результате вторжения этнокультурная ситуация резко осложнилась и имела очень большое значение для формирования антропологического типа современных народов Забайкалья и Монголии, прежде всего монголов и бурят, антропологический тип которых относится к так называемой центральноазиатской расе континентальных монголоидов.

[2] Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1985. 20 с. / Tumen D. Questions of the Mongolian ethnogenesis in the light of paleoanthropological data: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 03.00.14. M., 1985. 20 p.

[3] Цыбиктаров А.Д. Север Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н. э.): автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 2003. 49 с. / Tsybiktarov A.D. North of Central Asia in the Bronze and Early Iron Ages (II – first half of I millennium BC): Author. dis. ... Dr. Sci. (History): 07.00.06. Novosibirsk, 2003. 49 p.

[4] Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1985. 20 с. / Tumen D. Questions of the Mongolian ethnogenesis in the light of paleoanthropological data: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 03.00.14. M., 1985. 20 p.

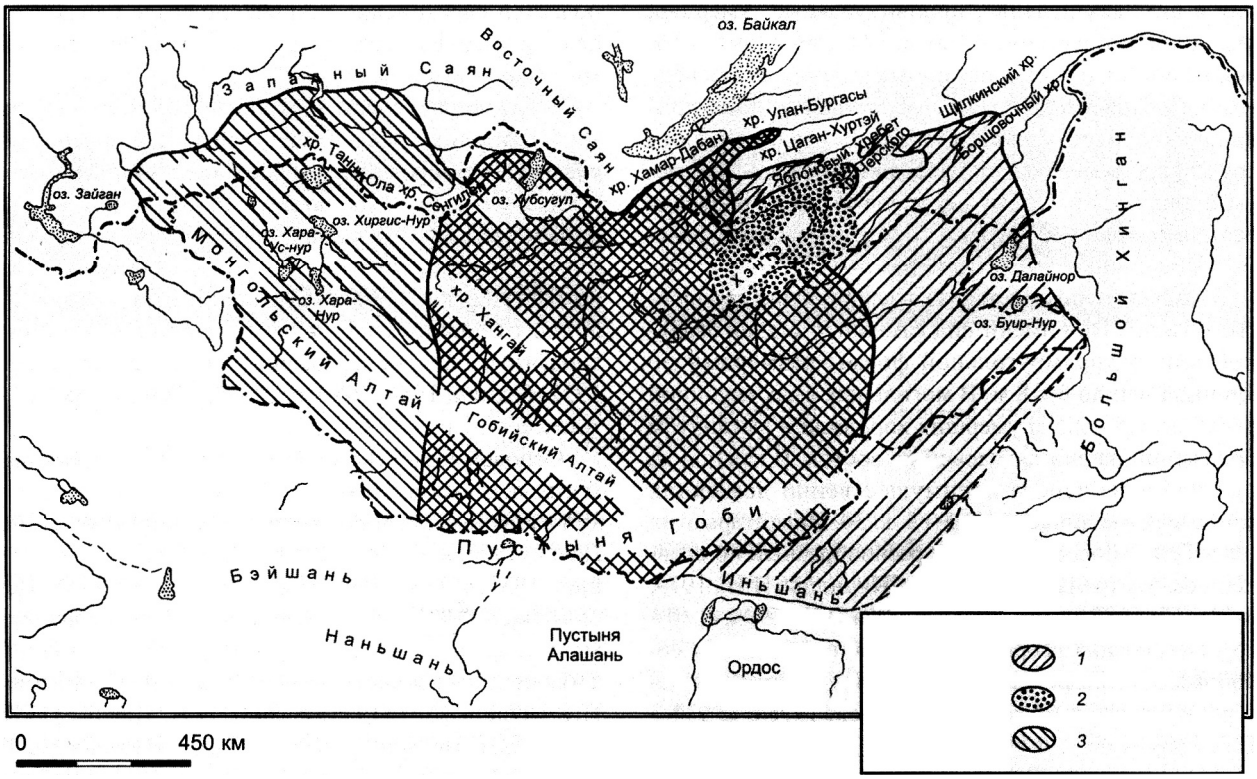


Рис. 1. Ареал распространения археологических культур Центральной Азии в конце II – начале I тыс. до н. э.:
1 – культура плиточных могил; 2 – хэнтэйская культура; 3 – культура херексуров
Fig. 1. The distribution area of archaeological cultures of Central Asia at the end of the II – beginning of I millennium BC.:
1 – culture Slabgraves; 2 – Khentei culture; 3 – culture of Khereksur

Появление населения культуры херексуров было вызвано несколькими причинами. Во-первых, степи Южной Бурятии, ограниченные с севера, запада и востока высокими горными хребтами Хамар-Дабана, Улан-Бургасы, Станового и Хэнтэй-Чикойского нагорья, широко открыты к югу в сторону Центральной и Западной Монголии по просторной долине Селенги, истоки которой находятся в верховьях рек Идэра на западе Хангайского хребта и Дэлгэр-Мурэна в хребте Улан-Тайга на границе с Тувой. Таким образом, долина Селенги была естественным коридором, выводившим центральноазиатских кочевников из западной части Монголии в степи Южной Бурятии. Во-вторых, в конце II тыс. до н. э. по всей полосе евразийских степей начинается фаза аридизации климата, в том числе и на территории Монголии и Южного Забайкалья[5] (Виппер, 1989. С. 165; Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики, 1989. С. 197–199. Рис. 1.7; Цыбиктаров, 2006. С. 58–61; Окладников, Кириллов, 1980. С. 161–162; Лбова, Гречищев, 1995. С. 9–10).

Она резко снизила продуктивность пастбищ и явилась катализатором к крупномасштабным миграциям скотоводческих групп населения на обширных пространствах степей Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии в разных направлениях. Именно в это время прослеживается мощная экспансия андроновских племен в Южную и Западную Сибирь, срубное население из степей Поволжья продвигается на юг Средней Азии и т. д. Процесс этот не обошел стороной и монголо-забайкальские степи. Здесь и без того более сухой и резкий, по

[5] Дорофеюк Н.И. Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов озерных осадков Монголии): автореф. дис. … докт. биол. наук: 03.00.16. М., 2008. 49 с. / Dorofeyuk N.I. Reconstruction of the natural conditions of Inner Asia in the Late Glacial and Holocene (based on diatom and palynological analyzes of the lake sediments of Mongolia): Author. dis. ... Dr. Sci. (Biology): 03.00.16. M., 2008. 49 p.

сравнению с западными областями азиатских степей климат, стал, надо полагать, еще более засушливым. Поэтому синхронно с более западными областями в степях Монголии и Забайкалья начинается встречное движение населения двух скотоводческих культур Центральной Азии на территорию друг друга. В результате херексуры появляются далеко на востоке – в Южной Бурятии и на крайнем юго-западе Забайкальского края, в Северной и Центральной Монголии, а плиточные могилы – далеко на западе Монголии. Контактная зона этих двух культур Центральной Азии протянулась почти на 1 300 км с запада на восток (см. рис. 1).

Расселение скотоводческого населения культуры херексуров по степным и лесостепным районам Монголии и Забайкалья, занятых скотоводами-плиточниками, вело, с одной стороны, к увеличению плотности населения, а с другой – к увеличению интенсивности эксплуатации пастбищных угодий. Такие нежелательные для населения культуры плиточных могил процессы происходили на фоне усиления аридизации климата, вызывавшей снижение продуктивности пастбищ. Это, конечно, усугубляло и без того сложную ситуацию. В результате миграция носителей культуры херексуров затрагивала жизненно важные хозяйственные интересы населения культуры плиточных могил. Столь неоднозначная обстановка, сформировавшаяся в степных и лесостепных районах Юго-Западного Забайкалья в результате вторжения на земли местного скотоводческого населения мигрантов со схожим хозяйственно-культурным типом, объективно должна была создать и неординарную историческую и этнокультурную ситуацию, напрямую влиявшую на этнические процессы в регионе.

Раскопки автора на протяжении 1980 – начала 2000-х гг. серии наложения кладок плиточных могил, херексуров и жертвенников друг на друга с использованием информации по другим памятникам, в частности, оленным камням, а также данных палеоантропологии из плиточных могил и херексуров позволили реконструировать ход взаимоотношений местного и пришлого населения (Цыбиктаров, 2013. С. 360–373). При этом удалось установить три этапа в развитии взаимоотношений между ними:

1. Враждебное противостояние.
2. Мирное сосуществование.
3. Этническое смешение.

Первый этап. Сложившаяся хозяйственная ситуация с пастбищными угодьями неизбежно должна была привести к обострению отношений между автохтонным населением культуры плиточных могил и мигрантами – носителями культуры херексуров. Вероятно, из-за необходимости получения права на обладание пастбищами со стороны носителей культуры херексуров и наоборот их потерь со стороны плиточников, в это время имели место многочисленные военные столкновения. Одной из форм проявления напряженных отношений между ними стали, надо полагать, акты обоюдного осквернения могил с обеих сторон. Это и зафиксировали раскопки херексуров и плиточных могил на Баин-Улане II и в Старой Капчеранке в местности Бурдуны на границе Бурятии и Монголии недалеко от г. Кяхты, а также могильниках Шара-хад и Булык в местности Ботхон в долине р. Кударинка, притока Чикоя в Кяхтинском районе Республики Бурятия. На них плиточники осквернили херексуры пришлого населения, частично разобрав их и использовав вывернутые камни в качестве строительного материала при сооружении своих могил. При этом на Баин-Улане II и в Старой Капчеранке кладки плиточных могил перекрыли ограды херексуров (рис. 2). Однако и сами плиточные могилы на всех указанных могильниках, также как и херексуры, оказались потревоженными. Таким образом, складывается впечатление, что акты осквернения носили обоюдный характер. Нет сомнения в том, что это не случайно и отражает напряженный, немирный характер взаимоотношений между плиточниками и носителями культуры херексуров.

Такой характер взаимодействия нашел отражение и в отношении плиточников к оленным камням – культовым стелам населения культуры херексуров. В Джидинском районе Бурятии на могильнике Боргой Сельгер два оленных камня были использованы в качестве строительного материала при сооружении плиточной могилы (Окладников, 1980. С. 10). Такая же ситуация прослежена на материалах более чем 40 плиточных могил Монголии. На некоторых из них оленные стелы дополни-

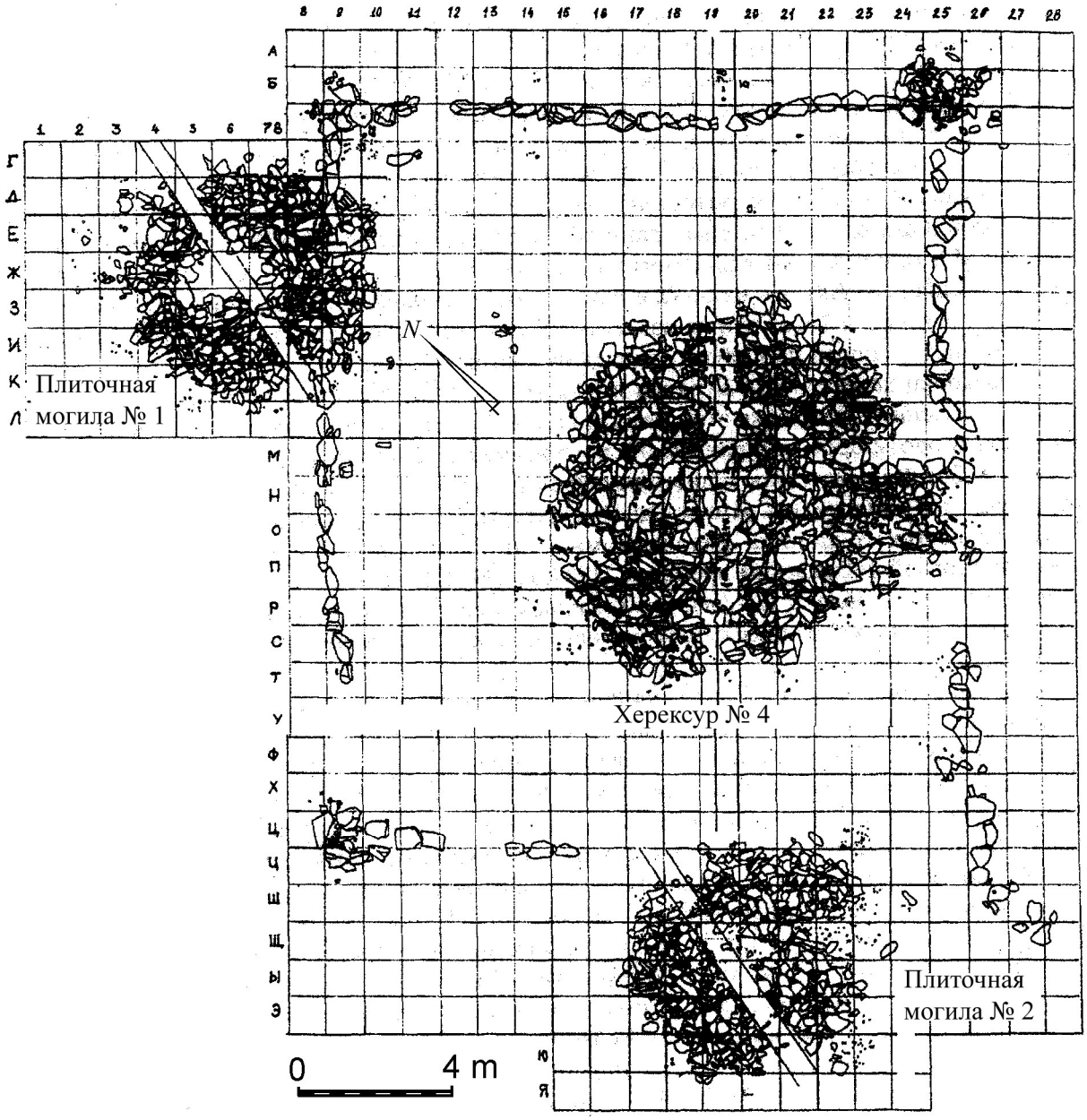


Рис. 2. Могильник Старая Капчеранка, наложение кладок плиточных могил № 1, 2 на оградку херексура № 4
Fig. 2. The burial site Staraya Kapcheranka, laying slab pavements of the graves no. 1 and 2 on the fence of the khereksur no. 4

тельно разбивались на куски, устанавливались в перевернутом положении и т. д. Тем самым выказывалось явно пренебрежительное отношение к ним. В целом в плиточных могилах таким образом было переиспользовано 153 оленных камня, т. е. более 30 % от общего количества оленных стел, зафиксированных на территории Монголии и Забайкалья на начало 1980-х гг. Долгое время было непонятно столь своеобразное использование оленных камней в плиточных могилах и отношение к ним, вызывавшее разные варианты интерпретации. Они получили логическое объяснение после наших раскопок плиточных могил и херексуров в Южной Бурятии.

Второй этап. Вероятно со временем откровенно напряженные взаимоотношения пришлого и местного населения постепенно нормализовались, установились отношения сосуществования населения обеих культур, относящихся к разным антропологическим типам. Такая ситуация была прослеже-

на по материалам раскопок на могильниках Улзыт III и Улзыт VI в долине р. Чикой на границе с Монголией. На могильнике Улзыт VI кладка сдвоенных плиточных могил аккуратно была пристроена к круглой ограде херексура (рис. 3). При этом плиты южной стенки ограды одной из могил были прислонены к камням ограды херексура, которые полностью сохранились под кладкой могилы. Ограда херексура вообще сохранилась полностью. То же самое можно сказать о насыпи херексура. Лишь с южной стороны от цисты (камеры внутри насыпи) камни были выбраны в результате более поздней попытки ограбления, в результате чего они здесь отсутствовали. Попытка ограбления не предпринималась плиточниками. Являясь современниками строителей херексура, они прекрасно знали, где находится циста херексура, и поэтому при ограблении или осквернении херексура не могли ошибиться.

При раскопках херексура на могильнике Улзыт III (рис. 4) в цисте на горизонте был обнаружен костяк, череп которого характеризовался монголоидными признаками и, по мнению И.И. Гохмана (устное сообщение), был почти идентичен черепам из плиточных могил. Однако человек плиточного облика был похоронен в погребальном сооружении населения культуры херексуров. Это указывает, как нам представляется, на установление не только достаточно спокойных и мирных отношений между носителями культуры плиточных могил и херексуров, но и этнических связей между ними. Иначе трудно объяснить факт того, что человек, связанный с этнической средой населения культуры плиточных могил, оказался похороненным по нормам погребального обряда населения культуры херексуров. Анализ особенностей обряда захоронения плиточников позволяет предполагать наличие в погребальной практике населения культуры плиточных могил безынвентарного варианта погребального обряда, происхождение которого связано, возможно, с контактами плиточников с населением культуры херексуров. Такое могло произойти только после нормализации отношений и установления прочных культурных и этнических связей.

Третий этап. Следует полагать, что отношения мирного сосуществования населения обеих культур со временем вели к процессу этнического смешения. Косвенно об этом говорят материалы раскопок указанного херексура с могильника Улзыт III. Однако их можно интерпретировать двояко. Можно допустить, что монголоид из среды населения культуры плиточных могил инкорпорировался в социум пришлого европеоидного населения, но можно предположить и другие причины, по которым покойного похоронили по погребальному обряду инокультурного населения, проживавшего по соседству с местными жителями, например, в качестве акта, символизирующего примирение враждующих сторон. Однако прямую информацию о смешении разноэтничных групп населения содержат в себе палеоантропологические материалы. К сожалению, сведений на этот счет нет по черепам из плиточных могил Юго-Западного Забайкалья, поэтому приходится обращаться к материалам с территории Монголии. Пять черепов из плиточных могил Убурхангайского и Архангайского аймаков Монголии, входящих в контактную зону населения культуры плиточных могил и культуры херексуров, характеризуются особенностями центральноазиатской расы, которая формировалась в процессе метисации древней байкальской расы (населения культуры плиточных могил – *Ц.А.*) с европеоидами (Гохман, 1980. С. 32–33; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 237). В то же время в восточной и юго-восточной частях распространения культуры плиточных могил, в Восточном Забайкалье, Восточной Монголии и восточной части Гоби, судя по отсутствию там херексуров, антропологический тип плиточников, видимо, не претерпел особых изменений и характеризовался особенностями байкальского типа, унаследованного от населения времени неолита и ранней бронзы. Несколько черепов из плиточных могил Восточной Монголии относятся к байкальскому типу и подтверждают это[6]. Пример-

[6] Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1985. 20 с. / Tumen D. Questions of the Mongolian ethnogenesis in the light of paleoanthropological data: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 03.00.14. M., 1985. 20 p.; Тумэн Д. Антропология современного населения

но такая же ситуация, но обратного характера с поправкой в сторону европеоидности, имела место в то время в Западной Монголии. Черепа из безинвентарных погребений монгун-тайгинского типа из Убсунурского и Кобдосского аймаков, череп из херексура в Худжиртэ в Центральной Монголии характеризовались европеоидными особенностями при некоторой монголоидной примеси[7] (Алексеев, 1974; Гохман, Влчек, 1991).

В Юго-Западном Забайкалье со временем, постепенно население культуры херексуров было, вероятно, ассимилировано плиточниками. Об этом говорит отсутствие среди раскопанных херексуров на его территории таких, которые содержали бы материалы скифского времени. Исключение составляет лишь один херексур раннескифского времени из могильника Жаргаланта, в котором была найдена бронзовая пряжка с изображением свернувшейся в кольцо пантеры, подобной аржанской из Тувы. Однако это единственный херексур среди более 70 раскопанных в пределах контактной зоны на территории Бурятии и Монголии, известных автору статьи.

Таким образом, в конце бронзового века было положено начало формированию центральноазиатской расы континентальных монголоидов. Ведущим фактором ее образования была метисация древней байкальской расы с европеоидами. Она сопровождалось постепенным уменьшением контрастности и формированием «при явном преобладании монголоидного населения, смешанной по происхождению, но монголоидной по облику расы» (Гохман, 1980. С. 32–33; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987. С. 237).

В природном отношении Южное Забайкалье представляет собой контактную зону степей Центральной Азии и Восточносибирской тайги. Поэтому по всей его территории степные и лесостепные пространства перемежаются с горно-таежными районами. При этом в Западном Забайкалье степи носят «островной характер» и со всех сторон окружены лесами и тайгой, а значительные их участки встречаются только по долинам крупных рек (Селенги, Чикоя, Джиды, Уды) и их притоков. Вследствие этого степняки-скотоводы эпохи бронзы занимали экологическую нишу, представленную степными и лесостепными ландшафтами, и не определяли в полной мере этнокультурную ситуацию на территории края. Они повсеместно жили по соседству с таежным охотничье-рыболовческим населением лесных горно-таежных районов. Охотники-рыболовы тайги по своему жизненному укладу и всем особенностям материальной и духовной культуры представляли совершенно иной мир. Они составляли особую этнокультурную общность, представители которой проживали по таежным массивам восточносибирского типа Хэнтэй-Чикойского нагорья на северо-востоке монголо-южнозабайкальского региона, а также горно-таежным районам Восточных Саян Юго-Западного Забайкалья, Прихубсугулья на севере Монголии и на Хангайском нагорье в глубинных районах Монголии. Однако последние области пока совершенно не изучены в отношении памятников бронзового и раннего железного веков. Поэтому о контактах обитателей таежных районов со степным населением можно судить только по материалам Хэнтэй-Чикойского нагорья.

Археологические памятники и культура населения таежной части Южного Забайкалья стали известны сравнительно недавно, с конца 1960–1970-х гг. благодаря исследованиям М.В. Константинова и его учеников в горно-таежных районах среднего течения р. Чикой, правого притока Селенги на границе с Монголией. Район получил условное название Чикойско-Мензенской провинции. Полученные обширные материалы по разным эпохам имеют важное значение для понимания этнокультурной ситуации не только на территории Забайкалья, но и Монголии. Материалы слоев эпохи

МНР: автореф. дис. ... докт. биолог. наук: 03.00.14. М., 1992. 62 с. / Tumen D. Anthropology of the modern population of Mongolia: Author's abstract. dis. ... Dr. Sci. (Biology): 03.00.14. M ., 1992. 62 p.

[7] Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1985. 20 с. / Tumen D. Questions of the Mongolian ethnogenesis in the light of paleoanthropological data: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 03.00.14. M., 1985. 20 p.; Тумэн Д. Антропология современного населения МНР: автореф. дис. ... докт. биолог. наук: 03.00.14. М., 1992. 62 с. / Tumen D. Anthropology of the modern population of Mongolia: Author's abstract. dis. ... Dr. Sci. (Biology): 03.00.14. M ., 1992. 62 p.

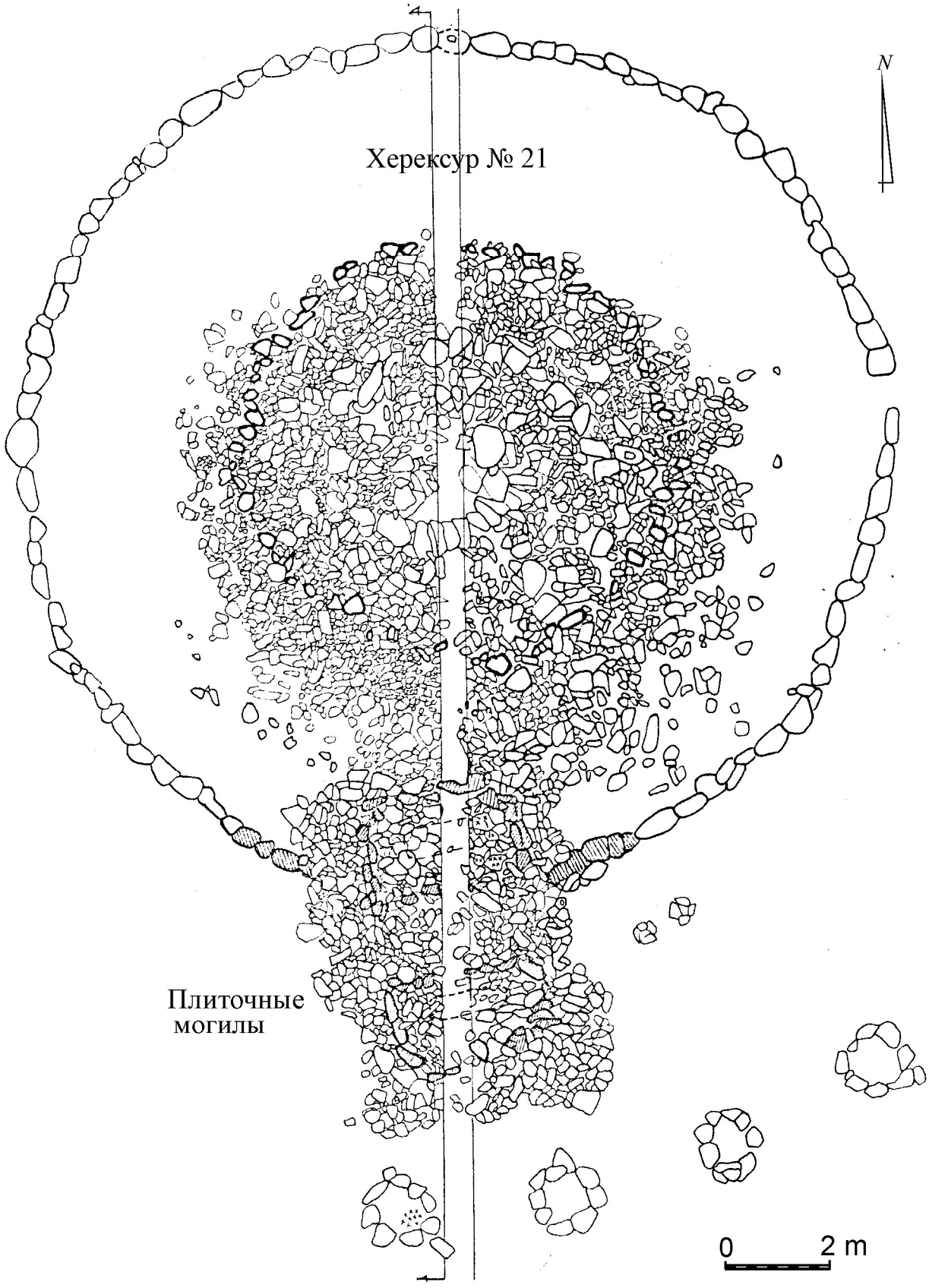


Рис. 3. Могильник Улзыт VI, наложение кладок плиточных могил № 26, 27 на оградку херексура № 21
Fig. 3. burial site Ulzyt VI, laying slab pavements of the graves No. 26, 27 on the fence of khereksur no. 21

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

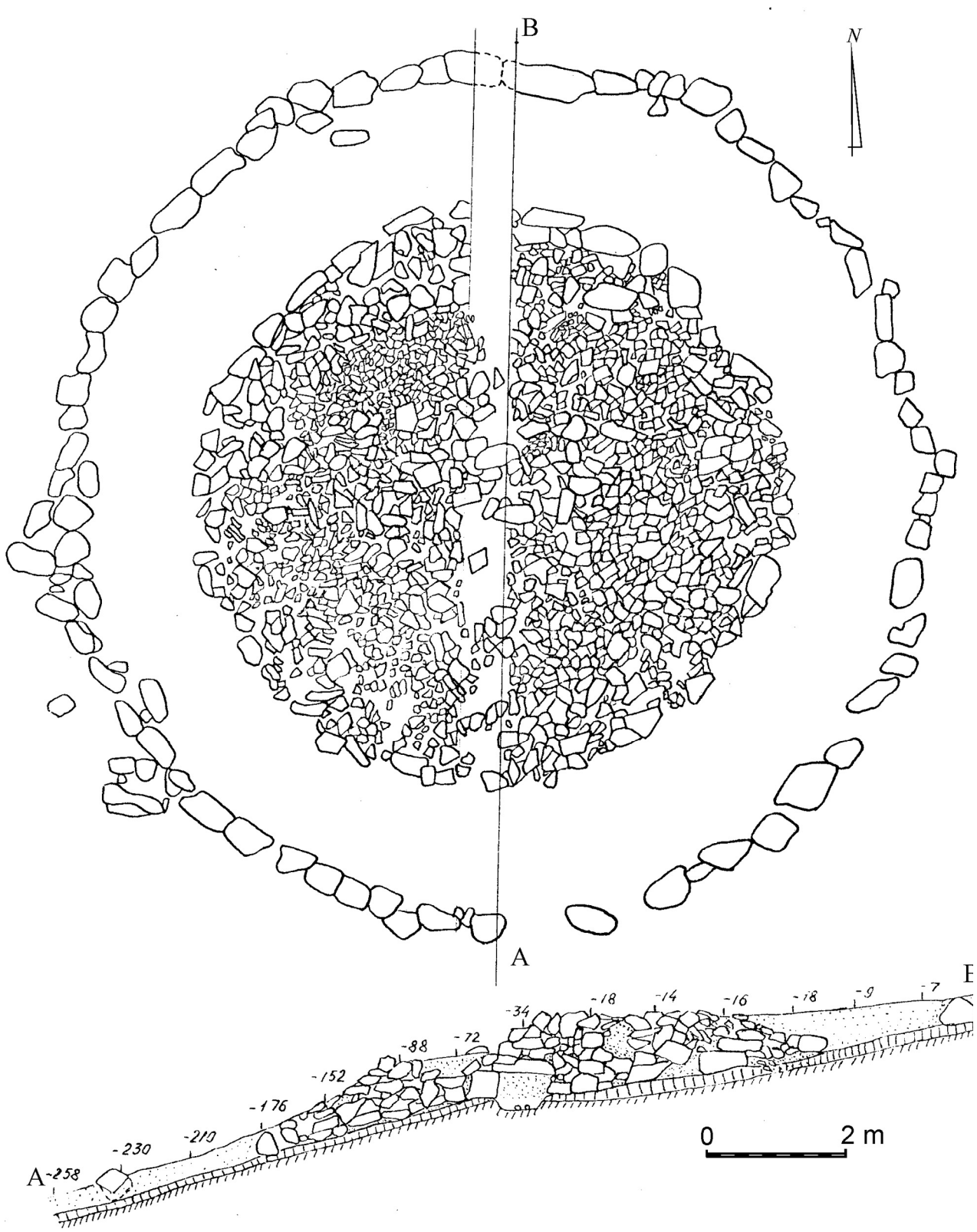


Рис. 4. Могильник Улзыт III, кладка херексура № 15
Fig. 4. Burial site Ulzit III, pavement of khereksur no.15

бронзы целой серии поселений Усть-Менза 1, 2, 3, Студеного, Нижней Еловки, Алтана, комплекса Егоркиной пещеры и нескольких погребений из Усть-Мензы 3 и 5 раскрывают материальную и духовную культуру, образ жизни и быт, хозяйственные занятия лесного населения горно-таежных районов Южного Забайкалья и Северной Монголии. Авторы раскопок датировали слои эпохи палеометалла XVIII–II вв. до н. э., выделив два этапа: ранней бронзы (XVIII–VIII вв. до н. э.) и поздней бронзы (VIII–II вв. до н. э.)[8] (Семина, 1983; Семина, 1984. С. 129; Константинов, Екимова, Семина, 2016. С. 54–61). Однако в материалах «раннебронзового» этапа типологически хорошо выделяются металлические изделия раннебронзового и позднебронзового (карасукского) времени (Цыбиктаров, 2009. С. 64–65). Археологическую культуру таежного населения Хэнтэй-Чикойского нагорья бронзового века мы предложили назвать хэнтэйской[9] (Там же).

По культурно-хозяйственному типу обитатели Хэнтэй-Чикойского нагорья бронзового века являлись охотниками, рыболовами и собирателями. Объектами охотничьего промысла и рыбной ловли служили представители богатейшей фауны горной тайги, рек и озер. Таежные пространства и прибрежные угодья изобиловали съедобными дикоросами. Лесные обитатели строили жилища легкого переносного типа, наподобие шалашей и чумов, а на Нижней Еловке были выявлены две полуземлянки (Семина, 1984. С. 130; Константинов, Екимова, Верещагин, 2016. С. 79–84). Культурные горизонты «ранней» бронзы содержали материалы, указывающие на добычу руд, выплавку металлов и изготовление из них изделий, т. е. очага бронзолитейного производства, основанного на эксплуатации местной сырьевой базы. На поселении Алтан найден кусок окисленной медной руды. На Студеном 1 и Усть-Мензе 2 выявлены кусочки шлака и капельки бронзы. С Усть-Мензы 1 происходит фрагмент литейной формы для отливки орудий типа шильев. Там же была расчищена яма глубиной до 1,5 м для обжига древесного угля[10] (Константинов, Семина, 1980. С. 98; Семина, 1984. С. 130; Семина, Пинскер, 1986. С. 64; Семина, Грешилова, 1988. С. 119–120; Константинов, Князева, 1986. С. 67; Базарова, Семина, Сурин, 1987. С. 177; Сухопарова, Непомнящий, Семина, 1990. С. 188–189; Константинов, Екимова, Верещагин, 2016. С. 15, 25, 85). Однако металлические орудия лишь в незначительной степени потеснили камень, который по-прежнему играл ведущую роль в сфере производства в рассматриваемое время[11] (Константинов, Семина, 1980. С. 102, 104; Сухопарова, Непомнящий, Семина, 1990. С. 189).

Производство глиняной посуды характеризовалось определенными особенностями. Основным способом изготовления была техника выколачивания колотушкой, обмотанной нитями. Вместе с тем поверхность некоторых сосудов подвергалась заглаживанию и легкому лощению. Стала входить в употребление плоскодонная посуда, хотя по-прежнему использовались сосуды с округлым и приостренным дном. Полагают, что сосуды, возможно, стали подвергаться обжигу в специальных ямах-печах[12] (Семина, 1985. С. 113–119; Семина, Пинскер, 1986. С. 64; Гребенщикова, Семина, 1990). На двух поселениях Усть-Менза 1 и 2 были найдены фрагменты триподов (Константинов, Екимова, Верещагин, 2016. С. 27, 30).

В памятниках хэнтэйской культуры имеются немногочисленные материалы, свидетельствующие прямо или косвенно о связях ее населения со степными жителями. Так, например, обращает на

[8] Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1986. 16 с. / Semina L.V. The Neolithic and Paleometal Epoch of South-Western Transbaikalia: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 07.00.06. L., 1986. 16 p.

[9] Цыбиктаров А.Д. Север Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н. э.): автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 2003. 49 с. / Tsybiktarov A.D. North of Central Asia in the Bronze and Early Iron Ages (II – first half of I millennium BC): Author. dis. ... Dr. Sci. (History): 07.00.06. Novosibirsk, 2003. 49 p.

[10] Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1986. 16 с. / Semina L.V. The Neolithic and Paleometal Epoch of South-Western Transbaikalia: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 07.00.06. L., 1986. 16 p.

[11] Там же.

[12] Там же.

себя внимание то обстоятельство, что среди редких металлических изделий не оказалось ни одного, изготовленного из чистой меди. Даже кованные пластинчатые наконечники стрел из Кристинкиной пещеры, повторяющие своей формой подобные же каменные изделия, были изготовлены из оловянистой бронзы (Семина, Филатова, 1982. С. 77). Это указывает, возможно, на то, что первые навыки металлургического производства обитателями Чикойско-Мензенской провинции были получены в результате контактов от соседей-степняков. Можно предположить, что сначала это был металл, из которого методом ковки изготавливали различные предметы, в данном случае наконечники стрел, по образцу и подобию местных изделий. Позже, вероятно, опять же от степняков, были заимствованы и навыки выплавки металла из руды, о чем говорят остатки уже подлинно бронзолитейного производства (руда, шлаки, капельки бронзы, литейные формы). Однако, не смотря на наличие местного очага бронзолитейного производства в культурных слоях бронзового века поселений Чикойско-Мензенской провинции, находки изделий из бронзы крайне редки, были найдены лишь полушарная бляшка-пуговица и фигурная бляшка карасукского типа. Пластинчатые треугольные наконечники стрел, фрагменты ножей и шило происходят из погребения. В слоях VIII–II вв. до н. э. поселений Чикойско-Мензенскойц провинции были найдены лишь обломок кончика однолезвийного ножа и небольшая заклепка на Студеном 1 (Константинов, Екимова, Верещагин, 2016. С. 17). Следовательно можно полагать, что бронзолитейное производство в горно-таежных районах Южного Забайкалья не получило широкого распространения и развития, поэтому авторы раскопок делают справедливый вывод, что металла было очень мало и вещи, изготовленные из него, очень берегли (Константинов, Екимова, Верещагин, 2016. С. 54).

Однако среди редких металлических изделий не оказалось ни одного, изготовленного из чистой меди. Даже кованные пластинчатые наконечники стрел из Кристинкиной пещеры были сделаны из оловянистой бронзы (Семина, Филатова, 1982. С. 77). Это указывает, возможно, на то, что первые навыки металлургического производства обитателями Чикойско-Мензенской провинции были получены от соседей-степняков. Поэтому можно полагать, что бронзолитейное производство в горно-таежных районах Южного Забайкалья и Северной Монголии, не смотря на наличие местного очага бронзолитейного производства, не получило широкого распространения и развития.

Другими неоспоримыми свидетельствами контактов таежного и степного населения Южного Забайкалья являются находки фрагментов триподов и костей домашних животных в слоях бронзового века поселений Чикойско-Мензенской провинции. Обломки триподов, включая целые их ножки, были встречены на поселения Усть-Менза 1 и 2 (Константинов, Екимова, Верещагин, 2016. С. 27, 30). Кости козы, овцы, свиньи (? – *Ц.А.*) и коровы присутствовали среди находок на Студеном 1 и Усть-Мензе 3 (Константинов, Екимова, Верещагин, 2016. С. 65)[13]. Указанные находки, по мнению М.В. Константинова, Л.В. Екимовой и С.В. Верещагина, свидетельствуют о вхождении в быт таежного населения принципиально нового типа посуды (триподов) и возникновении зачатков скотоводства (Константинов, Екимова, Верещагин, 2016. С. 61, 65). Однако такие категоричные выводы нам представляются преждевременными. Более обоснованным и соответствующим имеющимся источникам (единичность находок и памятников) будет полагать, что они являются свидетельствами прямых контактов охотников и рыболовов чикойской тайги со степняками-плиточниками. Вероятно, последние посещали в целях обмена поселения лесных жителей. От них к таежникам в обмен на охотничье-собирательскую продукцию, например, пушнину, панты и т. д., попали «экзотические» домашние животные, а в культурных слоях оказались фрагменты сломавшихся триподов. Кости домашней свиньи не могли попасть к хэнтэйцам от людей культуры плиточных могил или культуры херексуров, так как они не разводили это животное, но

[13] Авторы монографии М.В. Константинов, Л.В. Екимова, С.В. Верещагин в тексте книги на с. 65 указали на наличие в слое 1а Студеного 1 и слое 1 Усть-Мензы 3 костей указанных домашних животных, однако в описаниях находок из этих же слоев данные артефакты не присутствуют (см. с. 17–19, 31).

такое возможно для более позднего хуннского времени.

В целом материалы хэнтэйской культуры содержат мало материалов, которые бы явно указывали на наличие постоянных устойчивых связей между ее населением и жителями степей. Скорее всего они носили нерегулярный характер. Возможно это объясняется тем, что, не смотря на вхождение в обиход изделий из металла и зарождение местного очага бронзовой металлургии, таежное население края сохраняло во многом неолитический уклад жизни. Оно по-прежнему использовало преимущественно каменные орудия труда, занималось присваивающим хозяйством и вело относительно подвижный образ жизни, чередуя его, вероятно, с остановками в некоторых местах на длительное время в зависимости от обилия промысловых угодий.

В погребальном обряде лесного населения бронзового века Хэнтэй-Чикойского нагорья, судя по захоронениям на Усть-Мензе 3 и 5, также как и в материалах поселений, сохранялись типично неолитические черты – невыразительный инвентарь, обильное использование охры, сильно скорченное положение костяка. Однако вместе с тем появляются и новации: каменные надмогильные выкладки, сравнительно большие размеры могильных ям (Родникова, Селин, 1986. С. 74 Рис. 8; Базарова, Васильев, Конюхов, 1986. С. 69).

Заключение

Итак, кратко описанные материалы и события, происходившие в южных районах Бурятии, свидетельствуют о достаточно сложной этнокультурной ситуации в конце бронзового и начале раннего железного века. В течение определенного времени здесь взаимодействовали три этнические общности, представленные автохтонным населением культуры плиточных могил и хэнтэйской культуры и пришлой культуры херексуров и оленных камней. При этом в силу проживания в одной и той же экологической нише степей и лесостепей плиточники и носители культуры херексуров взаимодействовали между собой весьма активно, а контакты между ними и таежными жителями, как и ранее между первыми и последними, происходили, вероятно, по мере необходимости. В результате в палеосибирский антропологический тип плиточников (байкальская раса) вливается определенная доля европеоидной примеси, которая внесла свой вклад в процесс формирования центральноазиатской расы, а антропологический тип таежного населения остался, вероятно, без особых изменений в силу эпизодичности контактов. Антропологические материалы последующего времени указывают на то, что процесс формирования основных особенностей центральноазиатской расы завершился в хуннское время. На протяжении средневековой эпохи кардинальных существенных изменений в расовом типе населения Монголии уже не произошло[14]. Антропологический же тип лесного населения остался, по-видимому, прежним. Общеизвестно, что как в недавнем этнографическом прошлом, так и в настоящее время тунгусское эвенкийское население таежных районов Забайкалья характеризуется особенностями так называемой байкальской расы, которая в отличие от центральноазиатской расы континентальных монголоидов не содержит в себе европеоидной примеси.

[14] Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. М., 1985. 20 с. / Tumen D. Questions of the Mongolian ethnogenesis in the light of paleoanthropological data: author. dis. ... Cand. Sci. (History): 03.00.14. M., 1985. 20 p.; Тумэн Д. Антропология современного населения МНР: автореф. дис. ... докт. биолог. наук: 03.00.14. М., 1992. 62 с. / Tumen D. Anthropology of the modern population of Mongolia: Author's abstract. dis. ... Dr. Sci. (Biology): 03.00.14. M., 1992. 62 p.

Библиографический список

Алексеев В.П. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. Вып. 4. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, 1974. С. 370–390.

References

Alekseev V.P. *Novye dannye o evropeoidnoi rase v Tsentral'noi Azii* [New data on European race in Central Asia]. *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri. Vyp. 4. Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir'* [Bronze and Iron Age of Siberia. Issue 4. Materials on the history of Siberia. Ancient Si-

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 208–241.

Базарова Л.Д., Васильев С.Г., Конюхов А.Ю. Усть-Менза 3: проблемы стратиграфии и поиск палеокультуры // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: тез. докл. Всесоюз. конф. (Улан-Удэ, 2–8 июня 1986 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, 1986. С. 68–69.

Базарова Л.Д., Семина Л.В., Сурин Ю.П. Алтан – многослойный памятник позднего антропогена Забайкалья // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, 1987. С. 167–179.

Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики. Т. 32. История степных экосистем Монгольской Народной Республики / Л.Г. Динесман, Н.К. Киселева, А.В. Князев. М.: Наука, 1989. 215 с.

Боровко Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Т. II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927. С. 43–88.

Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т. Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 160–167.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во Академии наук Монгольской Народной Республики, 1967. 148 с.

Гохман И.И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сборник Музея антропологии и этнографии. Новосибирск: Наука, 1974. С. 370–390.

Alekseev V.P., Gokhman I.I., Tumen D. *Kratkii ocherk paleoantropologii Tsentral'noi Azii (kamennyi vek – epokha rannego zheleza)* [A brief essay on the paleoanthropology of Central Asia (Stone Age – the Early Iron Age)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 208–241. (In Russian).

Bazarova L.D., Vasil'ev S.G., Konyukhov A.Yu. *Ust'-Menza 3: problemy stratigrafii i poisk paleokul'tury* [Ust-Menza 3: stratigraphy problems and paleoculture search]. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoi konferentsii "Chetvertichnaya geologiya i pervobytnaya arkheologiya Yuzhnoi Sibiri"* [Quaternary geology and Prehistory archeology of Southern Siberia: proceedings of the All-union. conf.]. (Ulan-Ude, June 2–8, 1986). In 2 parts. P. 2. Ulan-Ude: Buryat Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1986, pp. 68–69. (In Russian).

Bazarova L.D., Semina L.V., Surin Yu.P. *Altan – mnogosloinyi pamyatnik pozdnego antropogena Zabaikal'ya* [Altan – a multi-layered site of the Late Anthropogen in Transbaikalia]. *Prirodnaya sreda i drevnii chelovek v pozdnem antropogene* [Natural environment and ancient people in the Late Anthropogen]. Ulan-Ude: Buryat Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1987, pp. 167–179. (In Russian).

Dinesman L.G., Kiseleva N.K., Knyazev A.V. *Biologicheskie resursy i prirodnye usloviya Mongol'skoi Narodnoi Respubliki* [Biological resources and natural conditions of the Mongolian People's Republic]. Vol. 32. *Istoriya stepnykh ekosistem Mongol'skoi Narodnoi Respubliki* [The history of the steppe ecosystems of the Mongolian People's Republic]. Moscow: Nauka Publ., 1989, 215 p. (In Russian).

Borovko G.I. *Arkheologicheskoe obsledovanie srednego techeniya r. Toly* [Archaeological survey of the middle course of River Tola]. *Severnaya Mongoliya. T. II. Predvaritel'nye otchety lingvisticheskoi i arkheologicheskoi ekspeditsii o rabotakh, proizvedennykh v 1925 g.* [North Mongolia. Vol. II. Preliminary reports of linguistic and archaeological expeditions on the work done in 1925]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1927, pp. 43–88. (In Russian).

Vipper P.B., Dorofeyuk N.I., Metel'tseva E.P., Sokolovskaya V.T. *Landshaftno-klimaticheskie izmeneniya v Tsentral'noi Mongolii v golotsene* [Landscape and climatic changes in Central Mongolia during the Holocene]. *Paleoklimaty pozdnelednikov'ya i golotsena* [Paleoclimates of Late Glacial Period and Holocene]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 160–167. (In Russian).

Volkov V.V. *Bronzovyi i rannii zheleznyi veka Severnoi Mongolii* [Bronze and Early Iron Age of Northern Mongolia]. Ulan-Bator: Academy of Sciences of the Mongolian People's Republic Publ., 1967, 148 p. (In Russian).

Gokhman I.I. *Antropologicheskie materialy iz plitochnykh mogil Zabaikal'ya* [Anthropological materials from

гии и этнографии. Т. XVIII. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 428–443.

Гохман И.И. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов Забайкалья // Советская этнография. 1967. № 6. С. 95–99.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVI. Л.: Наука, 1980. С. 5–34.

Гохман И.И., Влчек Э.Э. Древнее погребение из Худжиртэ (Центральная Монголия) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XLIV. СПб.: Наука, 1991. С. 48–54.

Гребенщикова О.И., Семина Л.В. Динамика развития керамического декора в неолите-палеометалле Юго-Западного Забайкалья // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. XXX Регион. археол.-этнограф. студ. конф. (Иркутск, 29–31 марта 1990 г.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 1990. С. 187–188.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.

Грязнов М.П. Бронзовый кинжал с озера Котокель. Верхнеудинск, 1929. 8 с.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР: монография. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 392 с.

Дебец Г.Ф. Череп человека из плиточной могилы в Херексурин-Ури (Забайкалье) // Записки Бурят-Монгольского института культуры. Т. XVI. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1952. С. 63–67.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. 108 с.

Ефремов И.А. Дорога ветров. М., Всесоюзное учебно-педагогическое издательство Трудрезервиздат, 1958. 360 с.

Slabgraves of Transbaikalia]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. XVIII. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, pp. 428–443. (In Russian).

Gokhman I.I. On the question of the anthropological features of ancient pastoralists of Baikal. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1967, no. 6, pp. 95–99. (In Russian).

Gokhman I.I. *Proiskhozhdenie tsentral'noaziatskoi rasy v svete novykh paleoantropologicheskikh materialov* [The origin of the Central Asian race in the light of new paleoanthropological materials]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. XXXVI. Leningrad: Nauka Publ., 1980, pp. 5–34. (In Russian).

Gokhman I.I., Vlchek E.E. *Drevnee pogrebenie iz Khudzhirte (Tsentral'naya Mongoliya)* [Ancient burial from Khujirte (Central Mongolia)]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. XLIV. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1991, pp. 48–54. (In Russian).

Grebenshchikova O.I., Semina L.V. *Dinamika razvitiya keramicheskogo dekora v neolite-paleometalle Yugo-Zapadnogo Zabaikal'ya* [The dynamics of the development of ceramic decor in the Neolithic-Paleometal Age in South-West Transbaikalia]. *Tezisy dokladov XXX Regional'noi arkheologo-etnograficheskoi studencheskoi konferentsii "Paleoetnologiya Sibiri"* [Paleoethnologiya Siberiaproceedings of the XXX Region. archaeological ethnographer. stud. conf.]. (Irkutsk, March 29–31, 1990). Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1990, pp. 187–188. (In Russian).

Grishin Yu.S. *Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zheleznogo vekov lesostepnogo Zabaikal'ya* [Sites of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages of the Forest-Steppe Transbaikalia]. Moscow: Nauka Publ., 1981, 204 p. (In Russian).

Gryaznov M.P. *Bronzovyi kinzhal s ozera Kotokel'* [Bronze dagger from the Lake Kotokel]. Verkhneudinsk, 1929, 8 p. (In Russian).

Debets G.F. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1948, 392 p. (In Russian).

Debets G.F. *Cherep cheloveka iz plitochnoi mogily v Khereksurin-Uri (Zabaikal'e)* [Human skull from the Slabgrave in Hereksurin-Uri (Transbaikalia)]. *Zapiski Buryat-Mongol'skogo instituta kul'tury* [Notes of the Buryat-Mongolian Institute of Culture]. Vol. XVI. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1952, pp. 63–67. (In Russian).

Dikov N.N. *Bronzovyi vek Zabaikal'ya* [Bronze Age of Transbaikalia. Ulan-Ude]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1958, 108 p. (In Russian).

Efremov I.A. *Doroga vetrov* [Road of winds]. Moscow: Trudrezervizdat Publ., 1958, 360 p. (In Russian).

Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии: монография. Новосибирск: Наука, 1979. 158 с.

Константинов А.В., Князева И.И. Усть-Менза 2: возраст и характер культурных горизонтов // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: тез. докл. Всесоюз. конф. (Улан-Удэ, 2–8 июня 1986 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, 1986. С. 65–67.

Константинов М.В., Семина Л.В. Таежные племена на восточной окраине скифо-сибирского мира // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы I Всесоюз. археол. конф. (Кемерово, декабрь 1979 г.). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1980. С. 96–104.

Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.В. Таежный Чикой на рубеже камня и бронзы. Чита: Изд-во Забайкальского государственного университета, 2016. 247 с.

Лбова Л.В., Гречищев Э.Р. К проблеме поселений эпохи металла степной зоны Западного Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 1995. С. 7–17.

Окладников А.П. Эпоха первобытнообщинного строя на территории Бурят-Монгольской АССР // История Бурят-Монгольской АССР. В 2-х т. Т. 1. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1954. С. 9–48.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Глазковское время. Ч. III // Материалы и исследования по археологии СССР № 43. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 374 с.

Окладников А.П. Древнее население Сибири и его культура // Народы Сибири. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 21–107.

Окладников А.П. Триподы за Байкалом // Советская археология. 1959. № 3. С. 114–132.

Ivashina L.G. *Neolit i eneolit lesostepnoi zony Buryatii* [Neolithic and Eneolithic of the forest-steppe zone of Buryatia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979, 158 p. (In Russian).

Konstantinov A.V., Knyazeva I.I. *Ust'-Menza 2: vozrast i kharakter kul'turnykh gorizontov* [Ust-Menza 2: age and nature of cultural horizons]. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoi konferentsii "Chetvertichnaya geologiya i pervobytnaya arkheologiya Yuzhnoi Sibiri"* [Quaternary geology and Prehistory archeology of Southern Siberia: proceedings of the All-union. conf.]. (Ulan-Ude, June 2–8, 1986). In 2 parts. P. 2. Ulan-Ude: Buryat Division of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1986, pp. 65–67. (In Russian).

Konstantinov M.V., Semina L.V. *Taezhnye plemena na vostochnoi okraine skifo-sibirskogo mira* [Taiga tribes on the eastern outskirts of the Scythian-Siberian world]. *Materialy I Vsesoyuznoi arkheologicheskoi konferentsii "Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo"* [Scythian-Siberian cultural and historical unity: proceedings of the Ist All-Union. archeol. conf.]. (Kemerovo, December 1979). Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 1980, pp. 96–104. (In Russian).

Konstantinov M.V., Ekimova L.V., Vereshchagin S.V. *Taezhnyi Chikoi na rubezhe kamnya i bronzy* [Taiga Chikoy at the transition from the Stone to Bronze Ages]. Chita: Transbaikal State University Publ., 2016, 247 p. (In Russian).

Lbova L.V., Grechishchev E.R. *K probleme poselenii epokhi metalla stepnoi zony Zapadnogo Zabaikal'ya* [To the problem of the settlements of the Metal Age of the steppe zone of the West Transbaikalia]. *Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaikal'ya i Mongolii* [Cultures and sites of the Bronze and Early Iron Ages of Transbaikalia and Mongolia]. Ulan-Ude: Baikal Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995, pp. 7–17. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Epokha pervobytnoobshchinnogo stroya na territorii Buryat-Mongol'skoi ASSR* [The era of the primitive communal system in the territory of the Buryat-Mongolian ASSR]. *Istoriya Buryat-Mongol'skoi ASSR* [History of the Buryat-Mongolian ASSR]. In 2 volume. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1954, pp. 9–48. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya: Glazkovskoe vremya. Ch. III* [Neolithic and Bronze Age of the Cisbaikalia: Glazkovo time. Chapter III]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR № 43* [Materials and research on the archeology of the USSR no. 43]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, 374 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Drevnee naselenie Sibiri i ego kul'tura* [The ancient population of Siberia and its culture]. *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, pp. 21–107. (In Russian).

Okladnikov A.P. Tripods behind the Lake Baikal. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1959, no. 3, pp. 114–132. (In Russian).

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука, 1970. 264 с.

Окладников А.П. Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. В 2-х ч. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1975. С. 6–20.

Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. С. 315–329.

Окладников А.П. Археология Тувы (итоги и проблемы) // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1980. С. 3–16.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Родникова Е.А., Селин В.В. Усть-Менза 5: погребение бронзового века // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: тез. докл. Всесоюз. конф. (Улан-Удэ, 2–8 июня 1986 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, 1986. С. 74–75.

Семина Л.В., Филатова Т.И. Исследования Кристинкиной пещеры // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. докл. регион. конф. (Иркутск, 7–9 апреля 1982 г.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 1982. С. 76–78.

Семина Л.В. Кристинкина пещера – памятник раннего металла Южного Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 61–70.

Семина Л.В. Исследования эпохи неолита и бронзы в Юго-Западном Забайкалье // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее): тез. докл. Краевой конф. (Красноярск, 12–18 сентября 1984 г.). Красноярск, 1984. С. 127–131.

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Zabaikal'ya* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Parts 2. Leningrad: Nauka Publ., 1970, 264 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Drevnee Zabaikal'e (kul'turno-istoricheskii ocherk)* [Ancient Transbaikalia (cultural and historical essay)]. *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri* [Life and art of the Russian population of Eastern Siberia]. In 2 parts. P. 2. *Zabaikal'e* [Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975, pp. 6–20. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Arkheologicheskie issledovaniya v Buryat-Mongolii* [Archaeological research in Buryat-Mongolia]. *Istoriya i kul'tura Buryatii* [History and culture of Buryatia]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976, pp. 315–329. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Arkheologiya Tuvy (itogi i problemy)* [Archeology of Tuva (results and problems)]. *Noveishie issledovaniya po arkheologii Tuvy i etnogenezu tuvintsev* [Recent studies on the archeology of Tuva and the Tuvinian ethnogenesis]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1980, pp. 3–16. (In Russian).

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. *Yugo-Vostochnoe Zabaikal'e v epokhu kamnya i rannei bronzy* [Southeast Transbaikalia in the Stone and Early Bronze Ages]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980, 176 p. (In Russian).

Rodnikova E.A., Selin V.V. *Ust'-Menza 5: pogrebenie bronzovogo veka* [Ust-Menza 5: Bronze Age burial]. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoi konferentsii "Chetvertichnaya geologiya i pervobytnaya arkheologiya Yuzhnoi Sibiri"* [Quaternary geology and Prehistory archeology of Southern Siberia: proceedings of the All-Union. conf.]. (Ulan-Ude, June 2–8, 1986). In 2 parts. P. 2. Ulan-Ude: Buryat Division of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1986, pp. 74–75. (In Russian).

Semina L.V., Filatova T.I. *Issledovaniya Kristinkinoi peshchery* [Christinkina Cave Studies]. *Tezisy dokladov regional'noi konferentsii "Problemy arkheologii i etnografii Sibiri"* [Problems of archeology and ethnography of Siberia: proceedings of the region. conf.]. (Irkutsk, April 7–9, 1982). Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1982, pp. 76–78. (In Russian).

Semina L.V. *Kristinkina peshchera – pamyatnik rannego metalla Yuzhnogo Zabaikal'ya* [Christinkina Cave – a site to the Early Metal Age of Southern Transbaikalia]. *Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ya* [In the footsteps of ancient cultures of Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983, pp. 61–70. (In Russian).

Semina L.V. *Issledovaniya epokhi neolita i bronzy v Yugo-Zapadnom Zabaikal'e* [Studies of the Neolithic and Bronze Age in Southwestern Transbaikalia]. *Tezisy dokladov Kraevoi konferentsii "Problemy issledovaniya kamennogo veka Evrazii (k 100-letiyu otkrytiya paleolita na Enisee)"* [Problems of the study of the Stone Age of Eurasia (to the 100th anniversary of the discovery of the Paleolithic on the Yenisei River): proceedings of the regional conf.]. (Krasnoyarsk, September 12–18, 1984). Krasnoyarsk, 1984, pp. 127–131. (In Russian).

Семина Л.В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 104–122.

Семина Л.В., Пинскер М.П. Усть-Менза I: от финального палеолита до поздней бронзы // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: тез. докл. Всесоюз. конф. (Улан-Удэ, 2–8 июня 1986 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, 1986. С. 62–65.

Семина Л.В., Грешилова Г.И. Металл в жизни обитателей таежной зоны Забайкалья // Проблемы археологии Северной Евразии: тез. докл. XXVIII Регион. археол.-этнограф. студ. конф. Чита, 1988. С. 119–120.

Сосновский Г.П. К истории добычи олова на востоке СССР // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 15–19.

Сосновский Г.П. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда АН СССР в 1928–1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. В 2-х т. Т. 2. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. С. 318–321.

Сосновский Г.П. Ранние кочевники Забайкалья // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. VIII. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. С. 36–41.

Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Вып. 1. Л., 1941. С. 273–309.

Сухопарова С.А., Непомнящий А.С., Семина Л.В. Металл и камень Чикойско-Мензенской тайги в эпоху ранней бронзы // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. XXX Регион. археол.-этнограф. студ. конф. (Иркутск, 29–31 марта 1990 г.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 1990. С. 188–189.

Semina L.V. *Keramika epokhi neolita i bronzy Yugo-Zapadnogo Zabaikal'ya* [Ceramics of the Neolithic and Bronze Age of the South-Western Transbaikalia]. *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi* [Ancient Transbaikalia and its cultural connections]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1985, pp. 104–122. (In Russian).

Semina L.V., Pinsker M.P. *Ust'-Menza I: ot final'nogo paleolita do pozdnei bronzy* [Ust-Menza I: from the Final Paleolithic to Late Bronze]. *Tezisy dokladov Vsesoyuznoi konferentsii "Chetvertichnaya geologiya i pervobytnaya arkheologiya Yuzhnoi Sibiri"* [Quaternary geology and Prehistory archeology of Southern Siberia: proceedings of the All-Union. conf.]. (Ulan-Ude, June 2–8, 1986). In 2 parts. P. 2. Ulan-Ude: Buryat Division of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1986, pp. 62–65. (In Russian).

Semina L.V., Greshilova G.I. *Metall v zhizni obitatelei taezhnoi zony Zabaikal'ya* [Metal in the life of the inhabitants of the taiga zone of Transbaikalia]. *Tezisy dokladov XXVIII Regional'noi arkheologo-etnograficheskoi studencheskoi konferentsii "Problemy arkheologii Severnoi Evrazii"* [Problems of archeology of Northern Eurasia: proceedings of the XXVIII Region. archaeological ethnographer. stud. conf.]. Chita, 1988, pp. 119–120. (In Russian).

Sosnovskii G.P. To the history of tin mining in the east of the USSR. *Problemy istorii material'noi kul'tury* [*Problems of the history of material culture*], 1933, no. 9–10, pp. 15–19. (In Russian).

Sosnovskii G.P. *Itogi rabot Buryat-Mongol'skogo arkheologicheskogo otryada AN SSSR v 1928–1929 gg.* [Results of the Buryat-Mongolian archaeological detachment of the Academy of Sciences of the USSR in 1928–1929.]. *Problemy Buryat-Mongol'skoi ASSR* [Problems of the Buryat-Mongolian ASSR]. In 2 volume. Vol. 2. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, pp. 318–321. (In Russian).

Sosnovskii G.P. *Rannie kochevniki Zabaikal'ya* [Early nomads of Transbaikalia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of the Institute for the History of Material Culture]. Iss. VIII. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, pp. 36–41. (In Russian).

Sosnovskii G.P. *Plitochnye mogily Zabaikal'ya* [Slab graves of Transbaikalia]. *Trudy otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the Department of Primitive Culture History of the State Hermitage Museum]. Iss. 1. Leningrad, 1941, pp. 273–309. (In Russian).

Sukhoparova S.A., Nepomnyashchii A.S., Semina L.V. *Metall i kamen' Chikoisko-Menzenskoi taigi v epokhu rannei bronzy* [The metal and stone of the Chikhoysko-Menza taiga in the Early Bronze Age]. *Tezisy dokladov XXX Regional'noi arkheologo-etnograficheskoi studencheskoi konferentsii "Paleoetnologiya Sibiri"* [Paleoethnologiya Siberia: proceedings of the XXX Region. archaeological ethnographer. stud. conf.]. (Irkutsk, March 29–31, 1990). Irkutsk: Irkutsk State

Туркин Г.В. Погребальный обряд населения Предбайкалья в конце II – I тыс. до нашей эры (к вопросу об этнокультурной ситуации) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2004. С. 82–92.

Харинский А.В. Погребальный ритуал жителей северо-западного побережья Байкала в раннем железном веке // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VIII Междунар. науч. конф. Чанчунь: Цзилинский университет, 2017. С. 123–133.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В. Плиточные могилы Приольхонья // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 64–78.

Цыбиктаров А.Д. Исследования на юге Бурятии // Археологические открытия 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 248–249.

Цыбиктаров А.Д. О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Барнаул, 23–25 марта 1988 г.) Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1988. С. 130–132.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 1998. 288 с.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – первая половина II тыс. до н. э.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2006. 236 с.

Цыбиктаров А.Д. Формирование кочевого скотоводства в Центральной Азии в свете данных археологии и палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья и его влияние на культурно-историческое развитие населения бронзового века // Этноистория и этноархеология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2007. С. 194–197.

UniversityPubl., 1990, pp. 188–189. (In Russian).

Turkin G.V. *Pogrebal'nyi obryad naseleniya Predbaikal'ya v kontse II – I tys. do nashei ery (k voprosu ob etnokul'turnoi situatsii)* [The burial rite of the population of Pre-Baikal at the end of II – I thousand BC (to the question of the ethnocultural situation)]. *Tsentral'naya Aziya i Pribaikal'e v drevnosti* [Central Asia and the Baikal Region in Antiquity]. Iss. 2. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2004, pp. 82–92. (In Russian).

Kharinskii A.V. *Pogrebal'nyi ritual zhitelei severo-zapadnogo poberezh'ya Baikala v rannem zheleznom veke* [Funerary ritual of inhabitants of the northwestern coast of Baikal in the Early Iron Age]. *Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya"* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: proceedings of the VIII Intern. scientific conf.]. Chanchun': Jilin University Publ., 2017, pp. 123–133. (In Russian).

Kharinskii A.V., Zaitsev M.A., Svinin V.V. *Plitochnye mogily Priol'khon'ya* [Slab graves of the Olkhon Area]. *Kul'tura i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaikal'ya i Mongolii* [Culture and sites of the Bronze and Early Iron Ages of Transbaikalia and Mongolia]. Ulan-Ude, 1995, pp. 64–78. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Issledovaniya na yuge Buryatii* [Studies in the south of Buryatia]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1983 g.* [Archaeological discoveries in 1983]. Moscow: Nauka Publ., 1985, pp. 248–249. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *O datirovke khereksurov v Yuzhnoi Buryatii, Severnoi i Tsentral'-noi Mongolii* [On the Dating of the Khereksur in Southern Buryatia, Northern and Central Mongolia]. *Tezisy dokladov i soobshchenii nauchnoi konferentsii "Khronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoi Sibiri"* [Chronology and cultural identity of the sites of Stone and Bronze Ages of Southern Siberia: proceedings of the scientific conf.]. (Barnaul, March 23–25, 1988) Barnaul: Altai State University Publ., 1988, pp. 130–132. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Kul'tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaikal'ya* [Culture of Slab graves of Mongolia and Transbaikalia]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 1998, 288 p. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Tsentral'naya Aziya na zare bronzovogo veka (konets III – pervaya polo-vina II tys. do n. e.)* [Central Asia at the dawn of the Bronze Age (the end of the third – the first half of the second millennium BC)]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2006, 236 p. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Formirovanie kochevogo skotovodstva v Tsentral'noi Azii v svete dannykh arkheologii i paleogeografii Mongolii i Yuzhnogo Zabaikal'ya i ego vliyanie na kul'turno-istoricheskoe razvitie naseleniya bronzovogo veka* [Formation of nomadic cattle breeding in Central Asia in the light of archeology and paleogeography of Mongolia and South Transbaikalia and its influence on the cultural and historical development of the population of the Bronze

Цыбиктаров А.Д. Хэнтэйская культура эпохи раннего металла севера Центральной Азии // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й науч.-практич. конф. (Иркутск, 29 марта – 1 апреля 2009 г.). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2009. С. 62–69.

Цыбиктаров А.Д. Этапы взаимоотношений населения культуры плиточных могил и культуры херексуров в Центральной Азии в «эпоху великого переселения народов» бронзового века // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. конф. (Чита, 13–19 сентября 2013 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Чита: Забайкальский государственный университет, 2013. С. 360–373.

Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Т. 10. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 247–354.

Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн уе. Улаанбаатар, 1975. 200 с.

Критерии авторства

Цыбиктаров А.Д. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Цыбиктаров Александр Дондопович,
доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории,
e-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com

Age]. *Etnoistoriya i etnoarkheologiya Severnoi Azii: teoriya, metodologiya i praktika issledovaniya* [Ethnohistory and ethnoarcheology of North Asia: Theory, Methodology and Research Practice]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2007, pp. 194–197. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Khenteiskaya kul'tura epokhi rannego metalla severa Tsentral'noi Azii* [Khentei culture of the Early Metal Period of the north of Central Asia]. *Materialy 3-i nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sotsiogenez v Severnoi Azii"* [Sociogenesis in North Asia: proceedings of the 3rd scientific and practical. conf.]. (Irkutsk, March 29 – April 1, 2009). Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2009, pp. 62–69. (In Russian).

Tsybiktarov A.D. *Etapy vzaimootnoshenii naseleniya kul'tury plitochnykh mogil i kul'tury khereksurov v Tsentral'noi Azii v "epokhu velikogo pereseleniya narodov" bronzovogo veka* [Stages of the relationship of the population of the culture of Slabgraves and Culture of Khereksur in Central Asia in the "era of the great migration of peoples" of the Bronze Age]. *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri"* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: proceedings of the IV Intern. scientific conf.]. (Chita, September 13–19, 2013). In 2 parts. P. 2. Chita: Transbaikal State University Publ., 2013, pp. 360–373. (In Russian).

Chlenova N.L. *Kul'tura plitochnykh mogil* [Slabgraves Culture]. *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. T. 10. Seriya: Arkheologiya SSSR* [The steppe belt of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. Vol. 10. Series: Archeology of the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1992, pp. 247–354. (In Russian).

Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн уе. Улаанбаатар, 1975, 200 p. (In Mongolia).

Attribution criteria

Tsybiktarov A.D. performed research, on the basis of the received results carried out generalization, prepared the manuscript for printing, has copyright of article and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Information about the author

Alexander D. Tsybiktarov,
Dr. Sci. (History), associate professor of World and Russian history,
e-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 902/904(571.54)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-64-77

ПОЯСНАЯ ФУРНИТУРА ИЗ ЕНХОРСКОГО ХУННСКОГО МОГИЛЬНИКА (р. ДЖИДА, РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ)

© П.Б. Коновалов, Б.А. Базаров, Н.В. Именохоев, Д.А. Миягашев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
670047, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

Аннотация: Разновременный могильник Енхор располагается в Джидинском районе Республики Бурятия (Юго-Западное Забайкалье) к востоку от с. Енхор. На нем исследовано около ста захоронений. Десять из них оказались хуннскими. Во время раскопок хуннского погребения № 52 обнаружены предметы поясной фурнитуры – пряжки, бляшки, подвесные кольца. Четыре найденные бляшки имеют высоту 3–3,5 см, ширину 1,6–1,8 см. Рассматриваемая поясная фурнитура из хуннского некрополя имеет многочисленные аналогии в погребальных памятниках хуннского и сяньбийского периодов на обширной территории от Маньчжурии до Хакасии, от Южной Гови до Забайкалья. Среди предметов украшения поясов, найденных в этих памятниках, основное внимание привлекают литые бронзовые пряжки и бляшки с рельефными изображениями лошади в двух вариантах – в реалистическом образе животного, бегущего рысью, и фантастическом образе крылатого пегаса-единорога, а также одиночно стоящего оленя с высоко поднятой и повернутой назад головой. Именно эти произведения художественного творчества, найденные в захоронениях, определяемых археологами в одних случаях как хуннские, в других как сяньбийские, имеют тенденцию стать фактором противоречивой этнической атрибуции различных погребальных комплексов на указанной территории. В статье предлагается возможный вариант корректного объяснения подобных дискуссионных ситуаций.

Ключевые слова: *Республика Бурятия, Джида, могильник Енхор, поясная фурнитура, Хунну, Сяньби, хронология, торевтика, художественное творчество, этническая атрибуция, полемика*

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания XII.191.1.2. «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер государственной регистрации № АААА-А17-117021310264-4.

Информация о статье: Дата поступления 28 сентября 2018 г.; дата принятия к печати 22 октября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Коновалов П.Б., Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А. Поясная фурнитура из Енхорского хуннского могильника (р. Джида, Республика Бурятия). *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):64–77. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-64-77.

BELT FURNITURE FROM THE XIONGNU CEMETERY ENKHOR (DZHIDA RIVER, REPUBLIC OF BURYATIA)

© Prokopiy B. Konovalov, Bilikto A. Bazarov, Nikolay V. Imenokhoev, Denis A. Miyagaschev

Institute for Mongolian, Buddist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation

Abstract: The multi-temporal cemetery Enkhor is located in the Dzhida district of the Republic of Buryatia (South-Western Transbaikalia), east of the village Enhor. There were studied about a hundred graves. Ten of them turned out to be Xiongnu. During the excavation of the Xiongnu grave No. 52, belt accessories were found – buckles, plaques, and hanging rings. The sizes

of the four found plaques vary in the range: height 3–3,5 cm, width 1,6–1,8 cm. Describing belt furniture from the Xiongnu necropolis has numerous analogies in funerary complexes of the Xiongnu and Xianbi period in a vast territory from Manchuria to Khakassia, from Southern Govi to Transbaikalia. Among the decorating items of the belts found in these sites, the main attention is attracted to moulding bronze buckles and plaques with relief images of the horse in two versions – realistic image of the animal in a trotting race and a fantastic image of a winged Pegasus unicorn, as well as a standing deer with a highly raised and turned head to the backside. Right these works of art creativity, found in graves, determined by archaeologists in some cases as Xiongnu, in others as Xianbian, tend to become a factor of conflicting ethnic attribution of various funerary complexes in this territory. The article suggests a possible version of a correct explanation of such discussion situations.

Keywords: *Republic of Buryatia, Dzhida district, cemetery Enkhor, belt furniture, Xiongnu, Xianbi, chronology, toreutics, artistic creation, ethnic attribution. Polemics*

Acknowledgements: The work was performed within the framework of State Task XII.191.1.2. "Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia", State Registration number № AAAA-A17-117021310264-4.

Article info: Received September 28, 2018; accepted for publication October 22, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Konovalov P.B., Bazarov B.A., Imenokhoev N.V., Miyagaschev D.A. Belt furniture from the Xiongnu cemetery Enkhor (Dzhida River, Republic of Buryatia). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):64–77. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-64-77.

Введение

Настоящая работа посвящена публикации находок поясной фурнитуры из погребения № 52 хуннского некрополя вблизи с. Енхор Джидинского района Республики Бурятия (Юго-Западное Забайкалье) (рис. 1). Артефакты представлены бронзовыми пряжками, бляшками, представляющими новые образцы художественной бронзы, каких еще не встречалось в хуннских памятниках Забайкалья и Монголии, и некоторыми другими предметами-атрибутами пояса. Эти артефакты, помимо своей новизны, имеют, как будет показано далее, отношение к одному дискуссионному вопросу в отождествлении хуннских и сяньбийских произведений подобного рода, а по большому счету они наводят на размышления в вопросах хунно-сяньбийской общности и палеоэтногенеза предков монгольских народов.

Енхорский некрополь – памятник сложный, разновременный, из разряда смешанных могильников, выявленный в 1980-х гг. Визуально на нем насчитывалось около 150 объектов, которые по внешним признакам культурно и хронологически были трудноразличимы. Всего раскопано около ста могил, нумерация которых документирована в порядке последовательности раскопок. Десять из них оказались хуннскими – № 0, 19, 24, 42, 51, 52, 62, 63, 64, 94)[1].

Материалы исследования

Визуально хуннские могилы Енхора выражены не столь ясно, чтобы легко заметить их снаружи и различить неопытным глазом. Это были едва выступающие на поверхность отдельные камни, никаких намеков на надмогильные насыпи или впадины, нет изменений цвета травы на местах могил. Так же выглядела и интересующая нас могила: группа камней без какого-либо порядка выступавших на поверхности. Первоначальные работы в раскопе позволили зафиксировать кольцевую кладку с разрывом на восточной стороне. В ней видны отдельные пустоты вынутых камней, посередине – камни, уходящие в заполнение могильной ямы. Форма кладки изначально была, по всей видимости, квадратной.

Дальнейшие раскопки показали на глубине 0,8 м четкий контур пятна грабительского хода, в котором были видны камни, уходящие вглубь, а по краям – крупные камни, залегающие выше. В юго-западном углу раскопа найден фрагмент керамики, который состыковался с фрагментом из соседней могилы № 51. При расчистке кладки в этом месте

[1] Материалы раскопок Енхорского могильника не опубликованы.

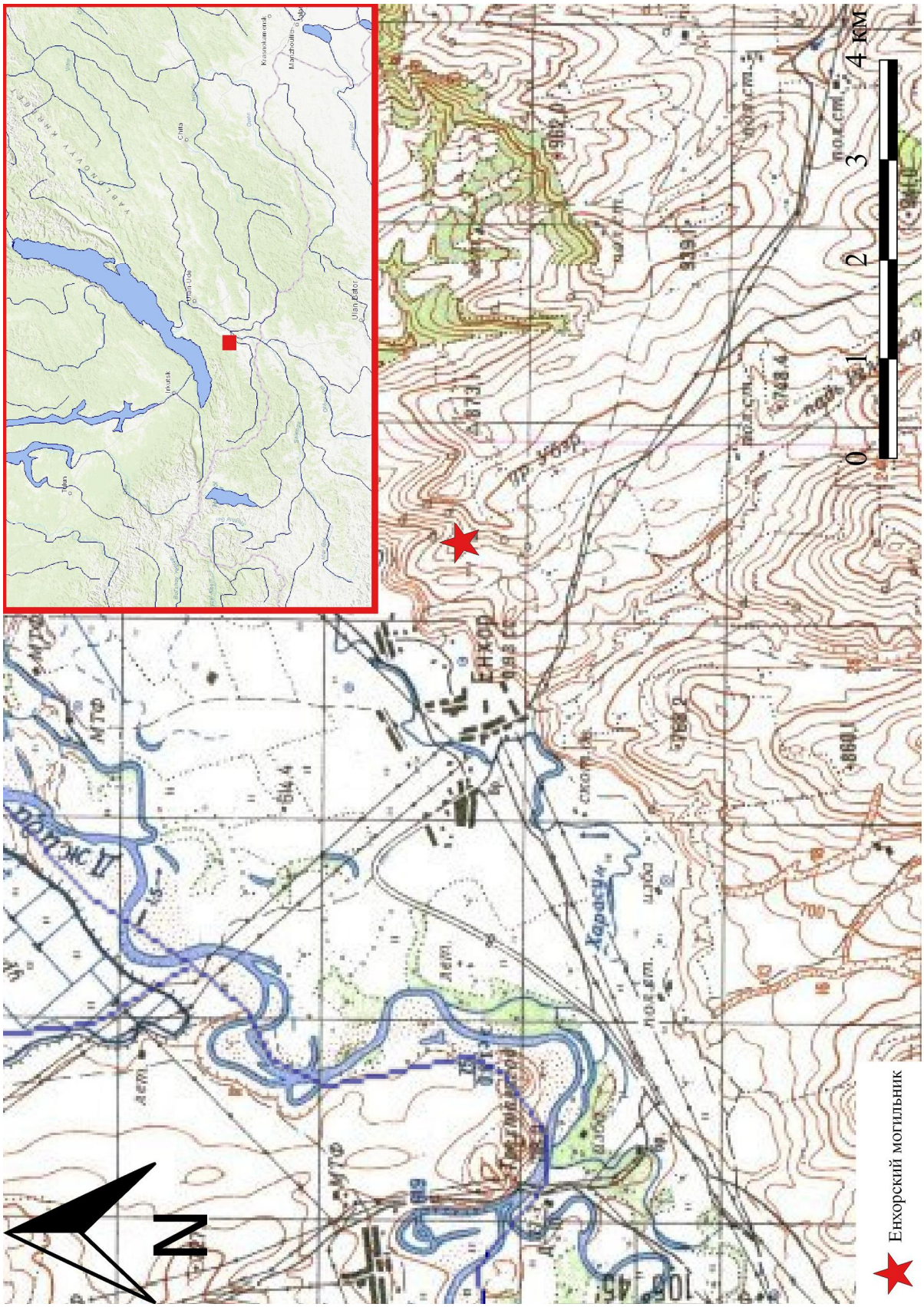


Рис. 1. Карта местонахождения Енхорского хуннского могильника
Fig. 1. Map of the location of Xiongnu cemetery Enkhor

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

найдено свыше десятка фрагментов от двух сосудов.

На глубине 140 см в северной части ямы среди камней найден бронзовый колокольчик (высотой 7 см, шириной 6 см). На глубине 170–180 см в северной части могильной ямы сначала появились кости крупного рогатого скота (фаланги) и обломки роговых накладок лука, затем череп человека, костяная ложечка, трухлявые остатки деревянной чашечки с признаками чернолакового и краснолакового покрытия, найдена здесь и бусинка перламутрового желтого цвета. Далее вглубь в этом же месте обнаружены накладки лука, железные фрагменты уздечных принадлежностей, бронзовая бляшка овальной формы с рельефным изображением бегущей лошади (размерами 4,5×5,8 см, верхний край обломан) (рис. 2, *3*). На глубине 200 см найдено второе бронзовое изделие с таким же изображением бегущей лошади, но другое по форме – грушевидное с прямо обрезанным узким краем (длина 9,5 см, максимальная ширина 6,5 см) на обратной стороне с двумя петлями, в которых оставались куски кожи от ремня (рис. 2, *1*). Немного ниже найдена третья такая же пластина-пряжка с изображением лошади, на расширенном закругленном ее конце имеется вертикальная прорезь для ремня (рис. 2, *2*). Таким образом, эти две грушевидные поясные бляхи-пряжки между собой

Рис. 2. Предметы поясной фурнитуры из могилы № 52, Енхор
Fig. 2. Staffs of the belt furniture from grave no. 52, Enhor

симметричны, противопоставляются друг другу формами и изображениями лошадей. Рядом с ними обнаружено бронзовое плоское кольцо овальной формы, рельефно декорированное с лицевой стороны, с щитком, на котором два отверстия (рис. 2, *4*). Ниже в другом месте найдено второе такое же кольцо, декорированное плетенкой, обтянутое кожаной тесьмой. Кольца размерами 5,5×5,3 см и 5,4×5,2 см, ширина одинакова – 1,3 см (рис. 2, *5*).

На глубине 210 см обнаружено подобие каменной обкладки деревянного гроба, размерами 260×90 см, ориентированного по длине север – юг. Перед передней стеной гроба была устроена жертвенная камера-отсек. Она оказалась пуста, только угольки встречались в ее заполнении, впрочем, часть только что описанных вещей находилась над камерой-отсеком, куда они оказались переброшенными грабителями. При окончательной расчистке могилы там же, у северной стенки гроба, найдена бронзовая пластина-бляшка с изображением стоящего оленя (лани) с высоко поднятой и повернутой назад головой (атрибут пояса) (рис. 2, *6*). У западной стенки гроба под камнем найдены еще две такие же пластины. Вне гроба у западной стены могильной ямы на глубине 220 см обнаружена костяная пряжка из рога крупного животного (изюбра?), довольно грубой выделки, размерами 7,1×4,5 см (рис. 2, *7*). Наконец, при разборке каменной обкладки гроба найдены две роговые накладки лука и еще одна, четвертая, бронзовая пластина с изображением лани. Размеры четырех найденных бляшек варьируются в пределах 3–3,5 см длиной (высота) и 1,6–1,8 см шириной.

Таким образом, как по своему внешнему и внутреннему устройству, так и погребальному обряду могила типично хуннская. Основная масса находок сделана в разрозненном состоянии, в разрушенной грабителями северной части могильной ямы. Погребальный инвентарь представлен фрагментами керамики, роговыми накладками на лук, бронзовым колокольчиком, стеклянной бусиной с позолотой, костяной ложечкой для нюхательного или лекарственного порошка, фрагментами лакированных чашек, коррозированными железными обломками неопределимых форм и, наконец, предметами поясной фурнитуры – пряжками, бляшками, подвесными кольцами. Последние из перечисленных вещей – образцы художественного литья являются основными объектами данного исследования.

Предлагается вариант реконструкции поясного набора (рис. 3). Важная деталь этого пояса – роговая пряжка, она занимает центральное место между бронзовыми пряжками и служит для застегивания пояса. Пряжка прямоугольной формы с двумя широкими поперечными прорезями для ремня, с отогнутым шпеньком для застегивания. Почему такое изделие своей грубой выделкой контрастирующее с металлическими изделиями художественного литья, оказалось в роли застежки пояса? Дело в том, что у одной из бронзовых пряжек прорезь для ремня с застегивающим шпеньком в бытность свою была сломана, и место слома было заменено приклепанной железной пластиной без шпенька. Именно за отсутствием шпенька на подремонтированной пряжке потребовалась дополнительная роговая пряжка. Итак, по обе стороны роговой пряжки симметрично располагаются две бронзовые пряжки грушевидной формы (с прямо обрезанным узким краем) с рельефным изображением бегущей лошади на каждой так, что на застегнутом поясе лошади бегут навстречу друг другу.

На тыльной стороне левой пряжки имеются продольные петли, отлитые по горизонтальной осевой линии. Этими петлями, продетыми в прорези на толстом кожаном ремне, и с помощью шпонки пряжка прикреплялась к ремню. У правой бляхи только одна такая петля на ее узком конце, на широком конце таковой нет, и там конец ремня пропускался через поперечную прорезь, выходил к роговой пряжке и пристегивался через прорезь за шпенек на ней. Что касается бляхи овальной формы с изображением лошади, то она является, несомненно, одной из пары подобных украшений на поясе, другая отсутствует, на ней бы мы видели лошадь, бегущую навстречу найденной. Такие украшения симметрично должны располагаться по обе стороны передних пряжек, прикрепленными к ремню через отверстия на специальном щитке в верхней части изделия. Однако у доставшейся нам

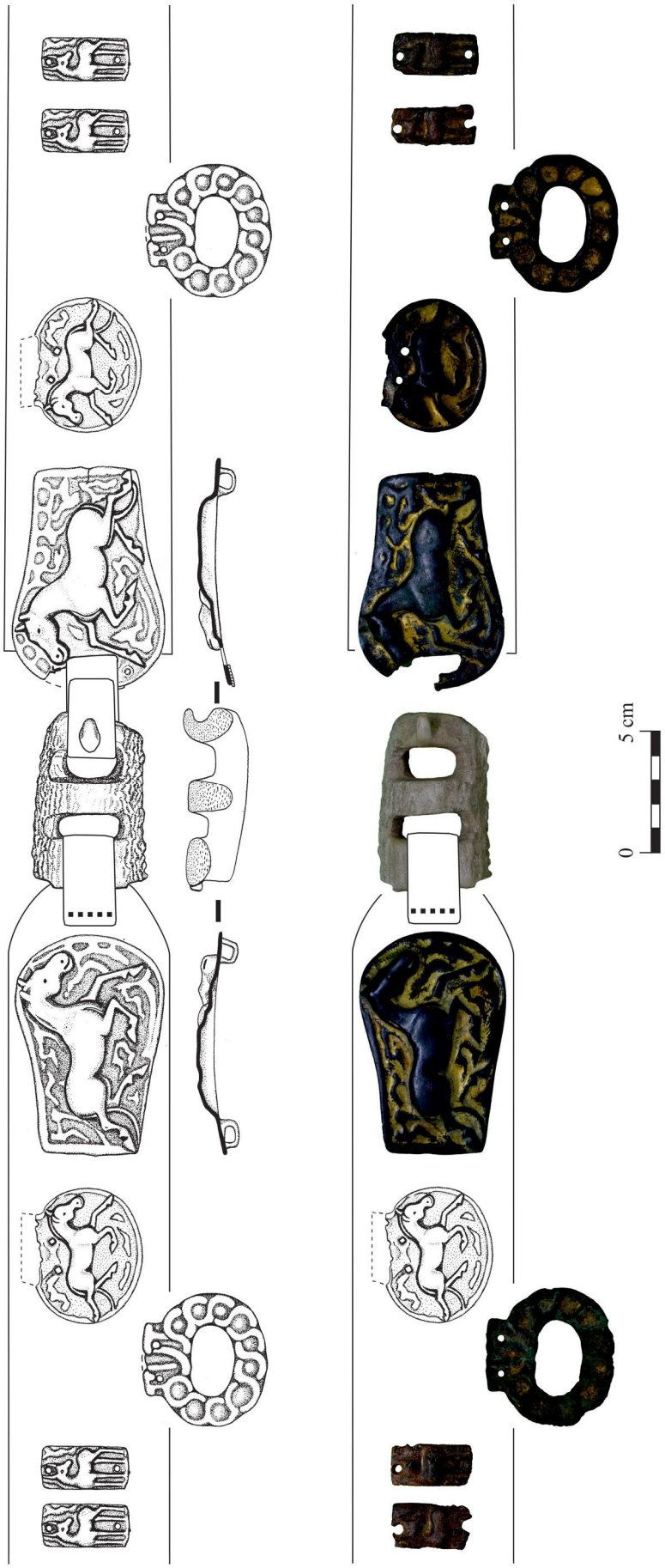


Рис. 3. Реконструкция пояса из могилы № 52, Енхор
Fig. 3. Reconstruction of the belt from the grave no. 52, Enhor

бляхи щиток сломан, и две дырки пробиты прямо на теле бляшки над гривой и спиной лошади, т. е. здесь мы видим сломанное, но в свое время подремонтированное изделие.

К украшениям пояса относятся также бронзовые четырехугольные пластины-бляшки с рельефным изображением стоящего оленя с высоко поднятой и повернутой назад головой. На каждой пластине у верхнего края посередине (между рогами оленя) и у нижнего края (между передними и задними ногами животного) пробиты отверстия, через которые такие украшения прикреплялись к поясу симметрично по обе стороны от пряжек и бляшек с изображением лошадей.

Наконец, два бронзовых кольца овальной формы, односторонне (с лицевой стороны) декорированные в виде рельефной плетенки, надо полагать, также симметрично прикреплялись своими щитками к нижнему краю пояса так, чтобы за них можно было подвешивать оружие, меч, кинжал или любой другой инструмент.

Обсуждение

Таков наш вариант реконструкции пояса из погребения № 52 Енхорского хуннского некрополя. Из этого комплекта поясной фурнитуры специальное внимание в настоящей работе уделяется предметам и сюжетам изобразительного искусства, воплощенного в бронзовой торевтике. Формы пряжек и бляшек, стиль изображения на них лошадей представляются нам лишь несколько своеобразными образцами в ряду известных хуннских художественных изделий. Наряду с изображениями фигурки коня, бегущего рысью, в бронзовом литье из некрополей Ильмовая падь, Ноин ула, Дуурлиг нарс, Аймырлыг XXXI (рис. 4, *1, 2, 4*), а также с наскальными изображениями запряженных в повозку лошадей на скале Ханын хад в ущелье Ямааны ус в Монголии (рис. 4, *5*), находки в Енхоре представляются произведениями того же сюжетно-стилистического ряда. Когда появилась публикация Э.У. Стамбульник об исследовании памятников гунно-сарматского времени в Туве (Стамбульник, 1983), где на сложном по своим погребальным обрядам могильном поле Аймырлыг XXXI были найдены поясные пластины с рельефными изображениями лошади в двух вариантах – бегущей точно так же, как лошадь из Енхора (рис. 5, *8)* и крылатой лошади-единорога с раскрытыми крыльями (рис. 5, *7)*, это воспринималось нами как появление новых материалов, дополняющих известные данные по публикациям С.И. Руденко, Л.Р. Кызласова, М.А. Дэвлет, С.С. Миняева, В.Д. Кубарева и А.Д. Журавлевой, Д.Г. Савинова о распространении культуры хунну по южной Сибири (Руденко, 1962; Кызласов, 1969; Дэвлет, 1976; Дэвлет, 1980; Миняев, 1983; Кубарев, Журавлева, 1986; Савинов, 2009). Автор аймырлыгских находок в таком же духе интерпретировал свой материал: «… Интерес представляют также художественные изделия из бронзы, прежде всего прямоугольные позолоченные поясные пластины с различными рельефными изображениями – бегущей и крылатой лошади, геральдически расположенных фигур стоящих цервидов – и бляхи с изображением стоящего оленя, голова которого повернута назад; есть и подпрямоугольные прорезные бляхи со стилизованным растительным (?) орнаментом. На территории Тувы в комплексе они обнаружены впервые; аналогии им, известные в других местах, по сопутствующим находкам связываются с сюнну» (Стамбульник, 1983, С. 38–39). В целом о некрополе Аймырлыг XXXI пишется так: «… своеобразие памятника отчетливо выступает также в синкретичности черт погребального обряда и многообразии внутримогильных устройств. К тому же здесь прослеживаются довольно четко выраженные черты культуры сюнну, до сих пор представленной в Туве лишь в могильнике Байдаг-2 и случайными находками» (Стамбульник, 1983. С. 34; Мандельштам, 1968).

Через 15 лет после публикации Э.У. Стамбульник в печати появилась коллективная статья Ю.С. Худякова. С.В. Алкина и Юй Су-Хуа, в которой поставлен вопрос переоценки части хуннских материалов в археологических культурах Южной Сибири хунно-сарматского периода, в частности, находок поясной фурнитуры из некрополя Аймырлыг в пользу их сяньбийской принадлежности (Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999). Авторы справедливо заметили, что прежде для подобных выводов не было основания, поскольку памятники культуры сяньби, исследованные в Китае, были

Рис. 4. Образы (фигуры) лошадей и оленей в памятниках хунну Забайкалья и Монголии (известные до появления енхорских находок): *1 – Ильмовая Падь, к. 54; 2 – Ильмовая Падь; 3 – крылатая лошадь из Ноин Ула; 4 – Аймырлыг XXXI (Тува); 5 – Ямааны Ус (Монголия); 6 – Ноин Ула; 7 – Енхор (Бурятия); 8–9 – Аймырлыг XXXI (Тува); 10 – Кия (Восточное Забайкалье)*

Fig. 4. Images (figures) of horses and deer in the sites of the Xiongnu of Transbaikalia and Mongolia (known before the appearance of the Enkhor finds): *1 – Ilmovaya Pad, c. 54; 2 – Ilmovaya Pad; 3 – winged horse from Noin Ula; 4 – Aymyrlyg XXXI (Tuva); 5 – Yamaany Us (Mongolia); 6 – Noin Ula; 7 – Enhor (Buryatia); 8–9 – Aymyrlyg XXXI (Tuva); 10 – Kiya (Eastern Transbaikalia)*

практически недоступны российским специалистам, однако в настоящее время имеется возможность сопоставлять аймырлыгскую торевтику поясной фурнитуры из Тувы с совершенно аналогичными вещами, найденными в сяньбийских могильниках Лаохэшэнь в Центральной Маньчжурии (провинция Гирин, Китай) и у оз. Чжалайнор (Внутренняя Монголия, Китай). В статье приводятся подборки иллюстраций сравнимых предметов (Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999. Рис. 1, 2), на которых видно полное сходство изображений крылатого коня-единорога, оленя (лани), стоящего с высоко поднятой и повернутой назад головой, прорезной подвесной бляхи с изображением «переплетенных ветвистых оленьих рогов» из погребений Аймырлыг и Лаохэшэнь. Там же обращено внимание и на

Рис. 5. Распространение пряжек и бляшек с лошадьми: *1–2 – Енхор (Бурятия); 3–4 – Лаохэшэнь; 5–6 – Далайнор / Чжалайнор (Внутренняя Монголия); 7–8 – Аймырлыг XXXI (Тува); 9 – Южная Говь (Монголия)*

Fig. 5. Spreading of buckles and plaques with horses: *1–2 – Enhor (Buryatia); 3–4 – Laoheshen; 5–6 – Dalainor / Zhalainor (Inner Mongolia); 7–8 – Aymyrlyg XXXI (Tuva); 9 – South Gov (Mongolia)*

сходство лошади, бегущей рысью, из могильника Аймырлыг и сяньбийского могильника Чжалайнор (рис. 5, *6*). Авторы статьи тогда еще не знали о хуннском могильнике Енхор и найденной там поясной фурнитуре, в которой главным украшением были пряжки и бляшки с изображением именно такой же лошади, бегущей рысью, а также бляшки с изображением лани с повернутой назад головой.

Спустя еще 15 лет появилась публикация японского автора Икуэ Отани «Крылатые и галопирующие лошади в Северной Евразии» (Otani, 2013). В этой работе в ряду обширного собрания предметов поясной фурнитуры из публикаций и музеев Китая, России, Монголии, Японии, Европы и США показаны образцы блях и пряжек из Енхора, Аймырлыга, Чжалайнора, Лаохэшэня, Южной Гови (Монголия) и могильника Кия в Восточном Забайкалье. Среди них есть предметы совершенно аналогичные как нашим находкам в Енхоре, так и находкам Э.У. Стамбульник в Аймырлыге[2].

Теперь можно приобщить к иллюстрациям из статей Ю.С. Худякова с соавторами и Отани рисунки и фотографии наших находок из погребения № 52 Енхорского некрополя в виде реконструкции пояса (см. рис. 3). Из иллюстраций, приложенных к данной статье, видно, что изображения крылатого коня-единорога найдены на пространстве от Лаохэшэня (центр Маньчжурии) через Южную Говь (Монголия), Далайнор (восток Монголии и Забайкалья), Енхор (юго-запад Забайкалья) до Аймырлыга (центр Тувинской котловины) (см. рис. 4, *3*; 5, *3–5, 7, 9;* рис. 6), а изображения лошади, бегущей рысью, от центра Тувы (Аймырлыг) через юг Бурятии (Енхор) до востока Монголии и Внутренней Монголии (Далайнор) (см. рис. 5, *1, 2, 6, 8;* рис. 6). Бляшка с фигуркой лани присутствует на всех поясах с пряжками с изображением как фантастического пегаса-единорога, так и реалистического образа коня-рысака (табл.; рис. 6).

Китайские археологи такие памятники, как Лаохэшэнь, Чжалайнор, Лабудалин (в маньчжуро-китайском Приаргунье) относят к культуре сяньби в расширенном ее понимании, включая туда и памятники тоба (в рамках сяньбийской этнической общности) (Ковычев, 2006. С. 261). Авторы, знакомые с материалами сяньбийской культуры пишут, что среди них (сяньбийских материалов) имеются, например, бляшки в виде профильных рельефных изображений лежащих лошадей (Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999. С. 165). В этой связи для сопоставления можно указать на золотую фигурку лежащей крылатой лошади из Баллодовского кургана Ноин-Улинского некрополя хунну (Руденко, 1962. С. 200. Табл. XXXV, 4). К сопоставительным артефактам из хуннских и сяньбийских материалов добавим также изображение стоящего с высоко поднятой и повернутой в сторону головой оленя на штампованной серебряной бляхе грушевидной формы из кургана № 6 Ноин-Улы (Руденко, 1962. С. 201. Табл. XXXVII, 1). Это явно тот же образ, что представлен на описанных четырехугольных бляшках, найденных как в хуннских, так и в сяньбийских могилах (рис. 4, *6–10*).

Как интерпретировать многочисленные факты схожести, иногда полной идентичности сюжетов художественных изделий (торевтики) из погребальных памятников, одни из которых определяются как сяньбийские (Лаохэшэнь, Чжалайнор, Лабудалин и др.), а другие как хуннские (Енхор, Ильмовая падь, Дэрестуй, Ноин-Ула и др.)? Вот что пишет на этот счет японская исследовательница И. Отани: «… точка зрения сяньбийской принадлежности сюжета крылатой лошади была основана на результатах раскопок двух (sites) пунктов – в Чжалайноре и Лаохэшэне на территории Китая. Эти поясные бляшки – объекты не ханьского стиля. Было предложено считать, что такие пряжки относятся к сяньби, но мы должны пересмотреть это. Есть пряжки с другим изображением, а именно – галопирующей лошади (лошади в данном контексте бегущие не галопом, а рысью – *П.К.*), которые были найдены в трех местах. Всего поясных пряжек и бляшек с изображением крылатых и бегущих лошадей найдено в восьми местах, рассредоточенных на широком пространстве по Северной Азии от 50 градуса северной широты и выше. Естественно, что эти восемь местонахождений связаны с разными археологическими культурами. Но все они

[2] Фотоснимки енхорской коллекции сделаны, очевидно, в Музее Бурятского научного центра СО РАН. Со ссылкой на изданный музеем буклет «Кочевые культуры Центральной Азии» 2002 г.

Рис. 6. Карта находок поясной фурнитуры
Fig. 6. Map of finds of belt accessories

Распространение атрибутов поясных фурнитур
Distribution of belt furniture attributes

Место находки	Артефакт				Этническая атрибуция
	Крылатая лошадь (пряжка / бляшка)	Бегущая лошадь (пряжка / бляшка)	Лань (бляшка)	Подвеска (кольцевая / рамочная)	
Лаохэшэнь, Гирин	+ / +	– / –	+	– / +	Сяньби
Южная Говь, Монголия	+ / –	– / –	+	+ / –	?
Далайнор, Внутренняя Монголия	+ / –	+ / –	–	– / –	Сяньби
Кия, Восточное Забайкалье	– / –	– / –	+	– / –	Хунну
Енхор, Западное Забайкалье	– / –	+ / +	+	+ / –	Хунну
Аймырлыг, Тыва	+ / –	+ / –	+	– / +	Хунну // Сяньби
Салбык, Хакасия	– / –	– / –	–	– / +	Хунну // Сяньби
Сибирь	+ / –	– / –	–	– / –	Хунну // Сяньби

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

представляют какое-то единство и взаимообмен в этом кругу культур» (Otani, 2013. P. 11).

Выводы японского автора по сути вещей не касаются возникшего дискуссионного вопроса идентификации хуннских и сяньбийских вещей, но они в принципе не противоречат тому, что можно сказать по поводу соотношения художественных изделий из погребальных комплексов хунну и сяньби.

Заключение

Рассматриваемые вещи по своим местонахождениям вписываются в громадную территорию, контролируемую сначала Хуннской, затем Сяньбийской державами вместе взятыми. Поэтому территориально эти вещи нельзя развести на хуннские и сяньбийские. Все решает хронология. В хронологическом аспекте вопрос культурной атрибуции артефактов решается просто. Все, что датируется в рамках хуннского имперского периода, классифицируется как памятники хунну, хотя на крайней восточной периферии ареала они остаются сяньбийскими и в хуннский период[3], а что датируется сяньбийским временем (с конца I в. н. э. и позже), то памятниками сяньби может быть признано лишь номинально. Следует учесть, что население Сяньбийской державы фактически можно называть хунно-сяньбийцами (согласно источнику 100 тыс. хуннских семей приняли имя победителей – сяньби). Поэтому наименование археологических памятников периода II–IV вв. н. э. сяньбийскими (по имени династии) справедливо лишь для восточного дунху-сяньби-тобаского ареала, где эта культура имеет более древние корни, а на обширных пространствах прежней хуннской имперской культуры такое наименование будет некорректно. Там этническое определение археологических следов культуры нуждается в ином подходе – как к хунно-сяньбийскому наследию. В этом случае исследователь столкнется с дискуссионным моментом, что и случилось с нами в процессе этнического отождествления рассмотренных сюжетов на пряжках и бляшках поясной фурнитуры.

По нашему мнению, корректное разрешение этой ситуации уходит в большую тему изначального хунну-дунхуского родства / единства, последующей хуннской и сяньбийской политической истории, а затем вновь этнической интеграции в период сяньбийского великодержавия. Однако задача раскрытия этой проблематики – предмет уже другого исследования.

[3] В Западном Забайкалье хуннского времени, как известно, не обнаружено памятников иных, кроме хуннских. И для постхуннского сяньби-жужаньского периодов здесь остается вакуум по сей день. В Восточном Забайкалье дело обстоит иначе. Там наряду с сяньбийскими древностями читинскими археологами обнаружены хуннские могильники, территориально рассеянные западнее основного массива сяньбийских, занимающих восточные пределы административного Забайкальского края. Последние хорошо коррелируются с сяньбийскими памятниками по другую, китайскую, сторону Аргуни, исследованными археологами Китая. Ведущий специалист по средневековой археологии Е.В. Ковычев в обобщающей статье по вопросам этнической истории Восточного Забайкалья (2006 г.) презентует две хронологически последовательные археологические культуры – Зоргольскую конца I в. до н. э. – II в. н. э. и Дуройскую с конца II в. н. э. – верхняя граница не указана. Первую связывает с историей племени тоба, обитавшего ранее в северных предгорьях Большого Хингана, а с приходом власти сяньби в Центральной Азии переселявшегося на юг, чтобы в III в. н. э. прийти на прежние хуннские земли в Северном Китае и впоследствии стать там основателями правящей династии Тоба-Вэй. Дуройская культура принадлежит оставшимся на востоке Забайкалья сяньбийцам, позднее имевшим отношение к сложению бурхотуйской культуры IV–IX вв., связанной с шивейскими этносами.

Библиографический список

Дэвлет М.А. О происхождении минусинских ажурных поясных пластин // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 219–227.

References

Devlet M.A. *O proiskhozhdenii minusinskikh azhurnykh poyasnykh plastin* [About the origin of Minusinsk openwork belt plates]. *Skifo-sibirskii zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii* [Scythian-Siberian animal style in the art of the peoples of Eurasia]. Moscow, 1976, pp. 219–227. (In Russian).

Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. Серия: Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д 4–7. М., 1980. 67 с.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. № 1 (4). С. 242–258.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 101–119.

Кызласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 115–124.

Мандельштам А.М. Новые данные о могильниках Бай-даг II и III // Археологические открытия 1967 года. М., 1968. С. 169–170.

Миняев С.С. Хуннские бронзы на Среднем Енисее // Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 101–103.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 206 с.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.): монография. СПб.: СПбГУ, 2009. 226 с.

Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 34–41.

Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии: межвузовский сб. науч. тр. Т. 4. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. С. 163–169.

Otani I. Winged horse belt and galloping horse belt Northern Eurasia // Archaeological Bulletin, Kanazawa University. 2013. Vol. 34. P. 11–19.

Devlet M.A. *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny II v. do n. e. – I v. n. e. Seriya: Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vyp. D 4–7* [Siberian belt openwork plates in II cen. BC – I cen. AC. Series: Archeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow, 1980, 67 p. (In Russian).

Kovychev E.V. Some questions of the ethnic and cultural history of Eastern Transbaikalia at the end of the first millennium BC – I millenium AC. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2006, no. 1 (4), pp. 242–258. (In Russian).

Kubarev V.D., Zhuravleva A.D. *Keramicheskoe proizvodstvo khunnov Altaya* [Ceramic production of the Altai Xiongnu]. *Paleoekonomika Sibiri* [Paleo-economics of Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986, pp. 101–119. (In Russian).

Kyzlasov L.R. *O pamyatnikakh rannikh gunnov* [On the sites of the early Xiongnu]. *Drevnosti Vostochnoi Evropy* [Antiquities of Eastern Europe]. Moscow: Nauka Publ., 1969, pp. 115–124. (In Russian).

Mandel'shtam A.M. *Novye dannye o mogil'nikakh Baidag II i III* [New data on the burials of Bai-Dag II and III]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1967 goda* [Archaeological discoveries of 1967]. Moscow, 1968, pp. 169–170. (In Russian).

Minyaev S.S. *Khunnskie bronzy na Srednem Enisee* [Xiongnu Bronze on the Middle Yenisei]. *Drevnie kul'tury Evraziiskikh stepei* [Ancient cultures of the Eurasian steppes]. Leningrad: Nauka Publ., 1983, pp. 101–103. (In Russian).

Rudenko S.I. *Kul'tura khunnov i Noinulinskie kurgany* [Xiongnu culture and Noinulin kurgans]. Moscow – Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1962, 206 p. (In Russian).

Savinov D.G. *Minusinskaya provintsiya khunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovanii 1984–1989 gg.)* [Minusinsk province of Xiongnu (based on archaeological research 1984–1989)]. Saint-Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2009, 226 p. (In Russian).

Stambul'nik E.U. *Novye pamyatniki gunno-sarmatskogo vremeni v Tuve (nekotorye itogi rabot)* [New cites of the Xiongnu-Sarmatian time in Tuva (some results of works)]. *Drevnie kul'tury Evraziiskikh stepei* [Ancient cultures of the Eurasian steppes]. Leningrad: Nauka Publ., 1983, pp. 34–41. (In Russian).

Khudyakov Yu.S., Alkin S.V., Yui Su-Khua. *Syan'bi i Yuzhnaya Sibir'* [Xianbi and Southern Siberia]. *Drevnosti Altaya. Izvestiya Laboratorii arkheologii* [Antiquities of Altai. Reports of the Laboratory of Archeology]. Vol. 4. Gorno-Altaisk: Gorno-Altai State University Publ., 1999, pp. 163–169. (In Russian).

Otani I. Winged horse belt and galloping horse belt Northern Eurasia. Archaeological Bulletin, Kanazawa University, 2013, vol. 34, pp. 11–19.

Критерии авторства

Коновалов П.Б., Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Konovalov P.B., Bazarov B.A., Imenokhoev N.V., Miyagaschev D.A. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Коновалов Прокопий Батюрович,
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
e-mail: konpb@yandex.ru
Базаров Биликто Александрович,
научный сотрудник,
e-mail: biliktobazarov@yandex.ru
Именохоев Николай Владимирович,
научный сотрудник,
e-mail: yni@mail.ru
Миягашев Денис Алексеевич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
e-mail: silker10@yandex.ru

Information about the authors

Prokopiy B. Konovalov,
Dr. Sci. (History), professor, senior researcher,
e-mail: konpb@yandex.ru

Bilikto A. Bazarov,
Scientific researcher,
e-mail: biliktobazarov@yandex.ru
Nikolay V. Imenokhoev,
Scientific researcher,
e-mail: yni@mail.ru
Denis A. Miyagaschev,
Cand. Sci., (History) scientific researcher,
e-mail: silker10@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 902/904
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-78-102

ШИВЭЙСКОЕ ГОРОДИЩЕ ПРОЕЗЖАЯ 1 НА РЕКЕ ШИЛКЕ

© Е.В. Ковычев[a,c], А.В. Харинский[b], Н.Н. Крадин[c,d]

[a] Забайкальский государственный университет
672039, Российская Федерация, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30
[b] Иркутский национальный исследовательский технический университет
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83
[c] Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
690001, Российская Федерация, г. Владивосток , ул. Пушкинская, 89
[d] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
690047, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Сахъяновой, 6

Аннотация: Городище Проезжая 1 располагается на правом берегу р. Шилка, в Сретенском районе Забайкальского края. Вместе с другими городищами, находящимися в средней части долины Шилки, оно образует группу памятников, датирующихся X–XII вв. Их население вело комплексное хозяйство, включавшее охоту, собирательство, животноводство и земледелие. Часть городищ и незащищенных поселений локализуется на речных террасах или террасовидных склонах, спускающихся к реке, другая их часть располагается на высоких скалистых утесах, где легче было защищаться в случае нападения противника. С наиболее доступных направлений городища защищены несколькими рядами валов и рвов. Внутри защищенной территории фиксируются остатки жилищ – ям четырехугольной формы размером от 4×4 м до 9×12 м. Над ямой сооружался деревянный каркас, который сверху перекрывался корой и дерном. Внутри жилищ отмечены очаги, ямы-хранилища, захоронения собак, кости животных, керамические сосуды и другие находки. Невзирая на некоторое сходство керамических сосудов Проезжей 1 с посудой амурских мохэ, следует отметить, что они обладают целым рядом отличий. Одно из них заключается в том, что шилкинская посуда вытянута по вертикали, а не приземистая, как у мохэ. Основываясь на данных письменных источников, можно предположить, что городища в бассейне р. Шилки сооружались шивэйцами и их потомками шуй-дада. Оснований связывать данные городища с мохэ у авторов статьи нет.

Ключевые слова: *Приамурье, Забайкалье, Шилка, Проезжая 1, городище, стратиграфия, планиграфия, жилища, мохэ, шивэй*

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14. W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Информация о статье: Дата поступления 10 октября 2018 г.; дата принятия к печати 12 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Ковычев Е.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н. Шивэйское городище Проезжая 1 на реке Шилке. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):78–102. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-78-102.

SHIWEI'S FORTRESS PROEZHAYA 1 ON THE SHILKA RIVER

© Evgeniy V. Kovychev[a,d], Artur V. Kharinskii[b], Nikolai N. Kradin[c,d]

[a] Transbaikal state University
30 Aleksandro-Zavodskaya Str., Chita 672039, Russian Federation
[b] Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

[c] Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
89 Pushkinskaya Str., Vladivostok 690001, Russian Federation
[d] Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
6 Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude 664047, Russian Federation

Abstract: The fortress Proezhaya 1 is located on the right river bank Shilka, in the Sretensk district of Zabaykalsky Krai. Together with other fortresses which are located in a middle part of the valley of Shilka it forms group of the monuments which are dated the 10–12th centuries. Their population conducted the complex economy including hunting, collecting, animal breeding and agriculture. The part of fortresses and unprotected settlements are localized on the river terraces or terrace-shaped slopes which are going down to the river, other their part is located on high rocky rocks where it was easier to be protected in case of attack of the adversary. From the most available directions of the fortress are protected by several rows of shaft and ditches. In the protected territory the remains of dwellings – holes with a squared size from 4x4 m to 9x12 m are fixed. Over a hole the wooden framework was constructed which was blocked by bark and the turf from above. In dwellings the centers, holes storages, burials of dogs, bones of animals, ceramic vessels and other finds are noted. Despite of some similarity of ceramic vessels of Proezhaya 1 with crockery of Mohe people, it should be noted that they have a number of differences. One of them is that Shilka's crockery is extended down, but not stocky as Mohe had. Based on data of written sources, it is possible to assume that fortresses in the basin of the Shilka River were constructed by Shivei and their descendants of a Shuy-dada. Authors of the article have no bases to connect data of the fortress with Mohe.

Keywords: *Amur river region, Transbaikalia, Shilka River, Proezhaya 1, fortress, stratigraphy, planigraphy, dwellings, Mohe, Shiwei*

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the grant of the Government of the Russian Federation No. 14. W03.31.0016 "The Dynamics of Peoples and Empires in the History of Inner Asia".

Article info: Received October 10, 2018; accepted for publication November 12, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Kovychev E.V., Kharinskii A.V., Kradin N.N. Shiwei's fortress Proezhaya 1 on the Shilka River. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):78–102. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-78-102.

В 2018 г. исполнилось 110 лет со дня рождения выдающегося советского ученого, историка и археолога, глубокого знатока монгольских, сибирских и дальневосточных народов – академика Алексея Павловича Окладникова. Комплексное изучение исторических, археологических и этнографических данных, а также непосредственное участие в исследовании многих древних и средневековых памятников Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии, позволили ему воссоздать общую картину исторического процесса на просторах этого обширного региона, что нашло отражение в большом количестве специальных работ и монографий.

Отдавая дань уважения этому замечательному человеку, в настоящей статье авторы хотели бы обратить внимание на исследования, проведенные под его руководством участниками Дальневосточной археологической экспедиции в 1954 г. Работы проводились в долинах Ингоды, Шилки, Амура и их притоков, а полученные в ходе работ материалы использовались впоследствии как самим А.П. Окладниковым, так и другими учеными при реконструкции древней и средневековой истории Забайкалья, Приамурья и Дальнего Востока. После смерти ученого часть дневника экспедиции в виде отчета, подготовленного, по-видимому, в Полевой комитет Института археологии АН СССР, была опубликована одним из ее участников В.Е. Ларичевым (Окладников, Ларичев, 1999). Публикация имела небольшое предисловие, в котором был назван район исследований, обозначены цели и задачи экспедиции и перечислены основные участники работ. В конце отчета имелось заключение, подводившее итоги работ Амурского разведочного отряда Дальневосточной археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР. Отдельно это заключение было опубликовано А.П. Окладниковым в 1955 г. в тезисах докладов на сессии Отделения исторических наук, на

пленуме Института истории материальной культуры и сессии Ученого совета Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 г. (Окладников, 1955. С. 23–26). В то же время, в публикацию не вошли графические материалы по исследованным памятникам, маршрутная карта экспедиции, рисунки отдельных вещей и заметки, сделанные руководителем работ. Все эти данные хранились в отдельной папке с этикеткой «Полевой дневник А.П. Окладникова. Материал экспедиции 1954 г. (Верхний Амур)».

До середины 1960-х гг. данная папка хранилась в архиве А.П. Окладникова, но в 1968 г. он передал ее своему аспиранту И.И. Кириллову, который в то время работал над кандидатской диссертацией по каменному веку Забайкалья, а в 1973 г. – Е.В. Ковычеву для работы над кандидатской диссертацией по средневековым памятникам Восточного Забайкалья. В архиве Е.В. Ковычева эта папка хранится до сих пор. Просматривая материалы экспедиции в связи с подготовкой настоящей статьи по городищу Проезжая 1 (у А.П. Окладникова – «Кантога (Проезжая)», на котором проводились исследования в 1991, 2007, 2008 и 2014 г., авторы обратили внимание на то, что в тексте дневника, опубликованного в 1999 г., имеются разночтения с текстом, помещенным в папку. Это касается не только городища Проезжая 1, но и многих других памятников, упоминаемых в дневнике. В отдельных случаях эти разночтения не существенны, но зачастую они искажают первоначальную характеристику археологических объектов и по-другому объясняют места обнаружения находок. Следовательно, нельзя согласиться с мнением В.Е. Ларичева о том, что дневник экспедиции опубликован им «в том виде (без редакционных исправлений), в котором фиксировались сведения в поле, по ходу работ» (Окладников, Ларичев, 1999. С. 4). Этим критериям больше соответствует машинописный текст, хранящийся в папке экспедиции. Скорее всего, именно он был прямой перепечаткой рукописи дневника, а потому не имел предисловия и заключения. Поэтому, прежде чем рассматривать материалы, полученные нами в 1990-е – 2000-е гг. на городище Проезжая 1 (рис. 1), посчитали необходимым привести описание данного городища по варианту дневника, хранящегося в папке экспедиции за 1954 г., выделяя фрагменты, исправленные в публикации В.Е. Ларичева.

«2. … VIII-54 г. Падь Кантога находится в 3-х км ниже Усть-Черной, на правом берегу Шилки. Иначе эту падь называют Проезжей. Около зарослей старицы, от которой сохранилось маленькое озеро, в 1 км от Кантога находится городище. В отличие от всех остальных городищ оно расположено не на возвышенности, а на широкой речной площадке второй надпойменной террасы, высотою около 4–6 м над уровнем Шилки. Эта терраса прорезана руслом старицы. Нет никакого сомнения в том, что эта старица, когда-то была основным руслом Шилки. Городище сильно пострадало от древних и современных размывов. В обрезе берега четко прослеживаются разрезы землянок, рвы и валы городища. Первоначально оно было, **вероятно,** (у Ларичева слова нет. – *Е.К., А.Х., Н.К.*) раза в два больше, чем его уцелевшая часть. Сейчас валы городища перерезают поперек останец террасы. Они расположены в восточной части городища: 3 канавы, 2 вала, **а в … (см. чертежи** (у Ларичева после «вала» стоит точка – *Е.К., А.Х., Н.К.*). Замечательной чертой городища является наличие в нем посередине сильно оплывшего, а в некоторых местах перерезанного землянками вала (позднего времени). Замечательно и то, что в некоторых местах городища землянки перекрывают друг друга. Отсюда можно заключить, что на городище было, по крайней мере, два **строительных периода** (у Ларичева: «два периода его жизни» – *Е.К., А.Х., Н.К.*).

В результате расчистки **двух землянок** (у Ларичева: «обнажений двух землянок» – *Е.К., А.Х., Н.К.*) установлено, что их края почти отвесно обрывались. **Однако,** (у Ларичева слова нет – *Е.К., А.Х., Н.К.*) в самих землянках находилось очень мало костей и керамики, найдены кости лошади и свиньи. В насыпи вала оказался клык кабана. На дне землянок попадаются раковины беззубки. Ямы, надо полагать, содержались в чистоте, отбросы сбрасывались в определенные места. В таких **кучах отбросов** (у Ларичева: «кучах отбросов и в обрыве» – *Е.К., А.Х., Н.К.*) найдена богатая керамика Амурского типа с воротничком и ложно-текстильным

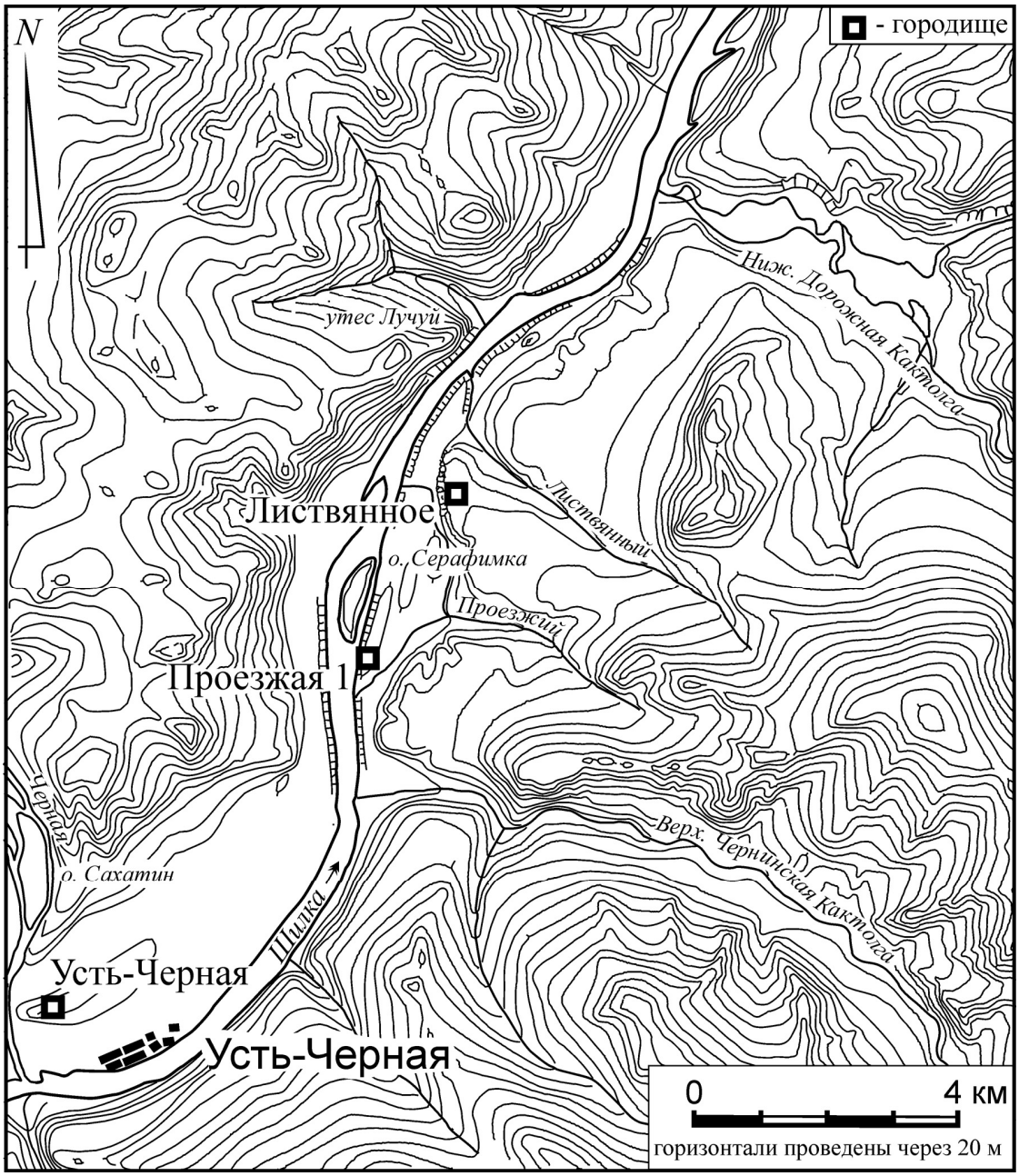


Рис. 1. Карта расположения городища Проезжая 1
Fig. 1. Map of the location of the fortress Proezhaya 1

оттиском (у Ларичева: «оттисками» – *Е.К., А.Х., Н.К.*). **Один черепок, обнаруженный в слое вала** (у Ларичева: «только один из черепов (и тот был обнаружен в насыпи вала») – *Е.К., А.Х., Н.К.*), оказался обломком тонкостенного сосуда (серого, с лощением) бохайско-чжурчженьского времени. **Формы** (у Ларичева: «форма» – *Е.К., А.Х., Н.К.*) землянок прямоугольные, наиболее крупные **из них** (у Ларичева здесь стоит тире – *Е.К., А.Х., Н.К.*) 10×10 м, самые малые – 3×3 м; **имеются небольшие ямы, неизвестного назначения. Всего насчитывается более 50 ям (может быть и около 1.. км)** *(фраза непонятна – авт.)* (у Ларичева: «имеется более 50 небольших ям неизвестного назначения» – *Е.К., А.Х., Н.К.*) С. IX–X».

Данное описание, безусловно, нуждается в более подробной расшифровке, а в ряде случаев и в уточнениях. Однако в целом характеристика городища в пади Проезжая (Кантога) позволяла уже в то время составить достаточно полное представ-

ление о самом городище, особенностях его планировки (рис. 2), проведенных на нем работах и местах обнаружения различных артефактов (рис. 3). Главное, на что обратил внимание исследователь, заключалось в том, что в отличие от всех остальных городищ, оно располагалось «не на возвышенности, а на широкой речной площадке второй надпойменной террасы». А.П. Окладников отмечает: «… замечательной чертой городища является наличие в нем посередине сильно оплывшего, а в

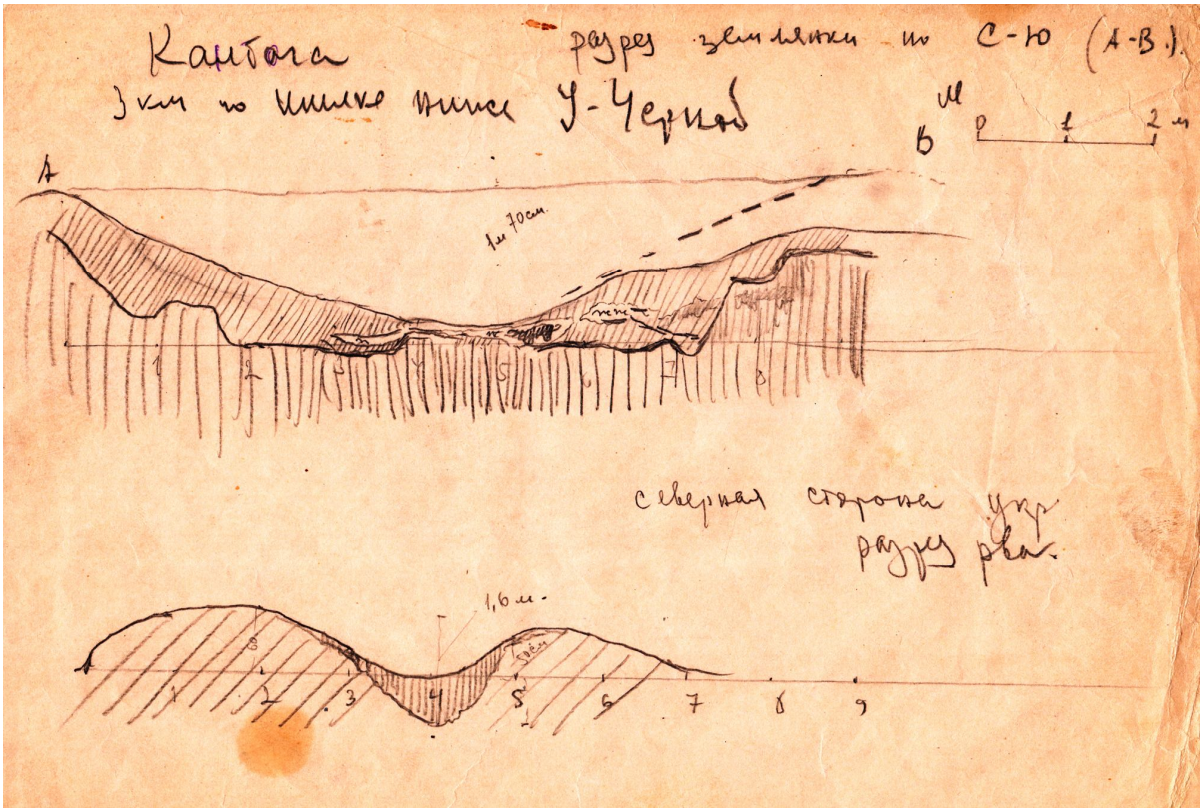


Рис. 2. Городище Кантога (Проезжая 1), разрез землянки и рва с северной стороны городища (полевые материалы А.П. Окладникова, 1954 г.)
Fig. 2. Field materials of A.P. Okladnikova 1954. The fortress Cantoga (Proezhaya 1), section of the dugout and the ditch on the north side of the fortress

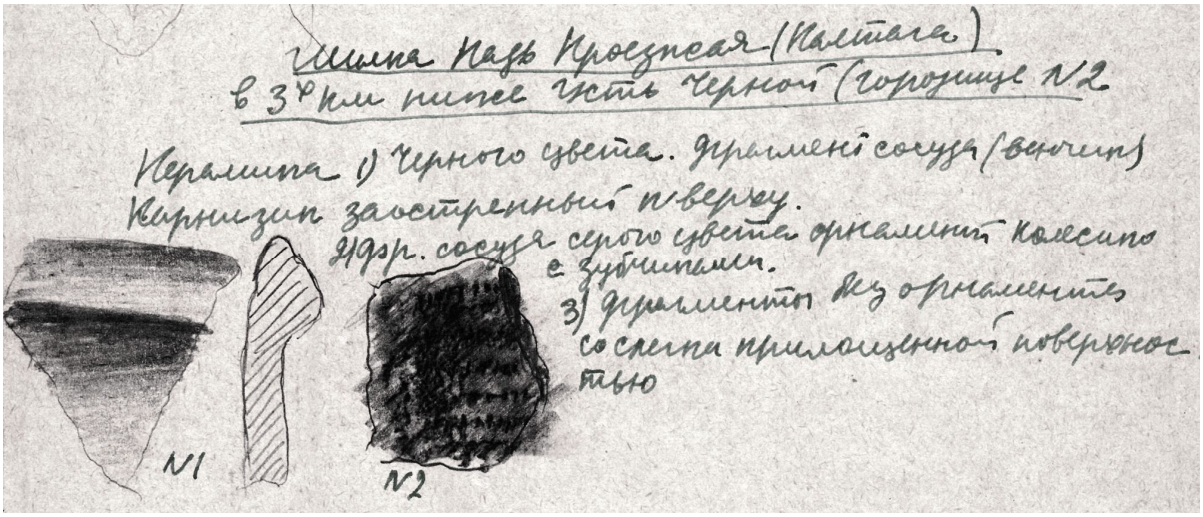


Рис. 3. Городище Кантога (Проезжая 1), фрагменты керамической посуды (полевые материалы А.П. Окладникова, 1954 г.)
Fig. 3. Field materials of A.P. Okladnikova 1954. The fortress Cantoga (Proezhaya 1), fragments of ceramic dishes

некоторых местах перерезанного землянками вала (позднего времени)», а в виду того, что «… в некоторых местах городища землянки перекрывают друг друга… можно было заключить, что на городище было, по крайней мере, два строительных периода».

Расположение и структура городища Проезжая 1

Наши исследования на городище Проезжая 1, позволяют уточнить и существенно дополнить характеристику памятника, данную в 1954 г. А.П. Окладниковым. Отметим, что работы проводились сотрудниками Верхнеамурской археологической экспедиции Забайкальского государственного университета под руководством Е.В. Ковычева, при участии А.В. Харинского и Н.Н. Крадина и включали в себя планомерное изучение указанного объекта, его окрестностей и материалов, полученных в ходе исследований.

Городище расположено в 4,2 км к северо-востоку от с. Усть-Чёрная, Сретенского района Забайкальского края, на правом берегу р. Шилки, в 244 км от устья реки, по речным створам (см. рис. 1). Оно занимает южную оконечность второй надпойменной террасы, узкую и длинную по форме, высотой 6–9 м, вытянутую по линии юг – юго-запад – север – северо-восток вдоль берега р. Шилки. Терраса аллювиального происхождения, сформирована водами р. Шилки и частично ручьем Проезжим, протекающим с восточной стороны от нее (рис. 4). Судя по обнажениям в обрывах, верхнюю часть террасы занимают мелкозернистые супеси темно-коричневого и желто-коричневого цвета, составляющие основу дернового и поддернового слоев. Ниже располагаются перемытые рекой крупнозернистые супеси, более светлого тона, чередующиеся с тонкими иловато-суглинистыми пластинчатыми прослойками. Они идут на всю глубину террасы и в нижней части смыкаются с крупными речными галечниками. Терраса отделена от массива гор поймой ручья Проезжего, которая когда-то была старицей реки. Пойма сильно заболочена, заполнена кочками, а в нижней части ее располагается небольшое озерцо. Ширина поймы колеблется от 45 м на юго-западе, до 70 м на северо-востоке. Терраса имеет длину более 1 100 м; ширина в северной части достигает 80 м; в южной части, в месте впадения ручья, около 3-х м. Городище, таким образом, имеет под треугольную форму и общая площадь его достигает 6 500 м^2.

Ручей Проезжий на выходе в долину р. Шилки в 750 м к востоку – северо-востоку от городища, разбивается на два потока и охватывает террасу с городищем с двух сторон. Один рукав его загибается к северу – в сторону скалистой сопки, на плоской вершине которой, располагается другое городище

Рис. 4. Городище Проезжая 1, снято с запада, июль 2007 г.
Fig. 4. The fortress Proezhaya 1, photo from the west, July 2007

– Лиственное (Проезжая 2), и затем впадает в р. Шилку. Второй рукав растекается по пойме к юго-западу. Здесь, в самом узком месте береговой террасы, в 32 м южнее первого наружного рва городища, часть ручья впадает в р. Шилку, а другая часть болотом уходит еще южнее, где в дождливую пору для него существует еще один сток – в 125 м от названного.

Площадь террасы поросла смешанным лесом, кустарниками и высокой травой, среди которых располагаются провалы жилищ – в основном квадратные, или почти квадратные, в плане (рис. 5). Однако, наряду с ними, имеются небольшие углубления округлых или овальных форм, относящиеся к числу хозяйственных ям. Края многих жилищ выходят к р. Шилке и в пойму ручья Проезжего, причем некоторые из них имеют явные следы разрушений, что указывает на воздействие реки и ручья на борта террасы. Особенно пострадали жилища, расположенные вдоль берега Шилки, которая уничтожила многие из них и разрушила площадь городища почти наполовину. Оставшаяся часть городища вытянута острым клином с севера – северо-востока на юг – юго-запад. Длина его – 198 м, ширина в северной части – 64 м, в южной (на уровне первого внешнего рва) – 8 м (рис. 6).

В северной части городище имеет три оборонительных рва, ориентированных по линии северо-запад – юго-восток, с невысокими (до 0,35 м) валами-насыпями между ними. Расстояние между насыпями (по их вершине) – 3,8–4 м. Нижняя часть рвов имеет закругленный профиль. Глубина рвов – 0,8–1 м. Рвы начинаются у обрыва террасы к р. Шилке, и с легким изгибом, параллельно друг другу, пересекают террасу в сторону ручья Проезжего. В месте выхода рвов в пойму ручья, концы их резко подогнуты к югу по линии террасы – особенно у третьего, внутреннего рва. На противоположном конце этого рва у кромки обрыва к р. Шилке располагается небольшой старый шурф, сделанный А.П. Окладниковым в 1954 г. Он прямоугольной формы, размерами 0,8×0,5 м.

В 12 м от обрыва к р. Шилке рвы рассекает узкая тропа (вход?), идущая вглубь городища. Ширина ее не более 0,7 м, глубина около 0,35 м, края размыты. Тропа хорошо фиксируется на уровне рвов, но постепенно теряется внутри городища. Вновь она появляется только в районе жилищ № 23 и 24, спускается в небольшое понижение перед жилищем № 3, проходит между жилищами № 10

Рис. 5. Городище Проезжая 1: землянки на краю обрыва к р. Шилка, снято с северо-востока, 2007 г.
Fig. 5. The fortress Proezhaya 1: dugouts on the edge of the cliff to the Shilka river, photo from the northeast, 2007

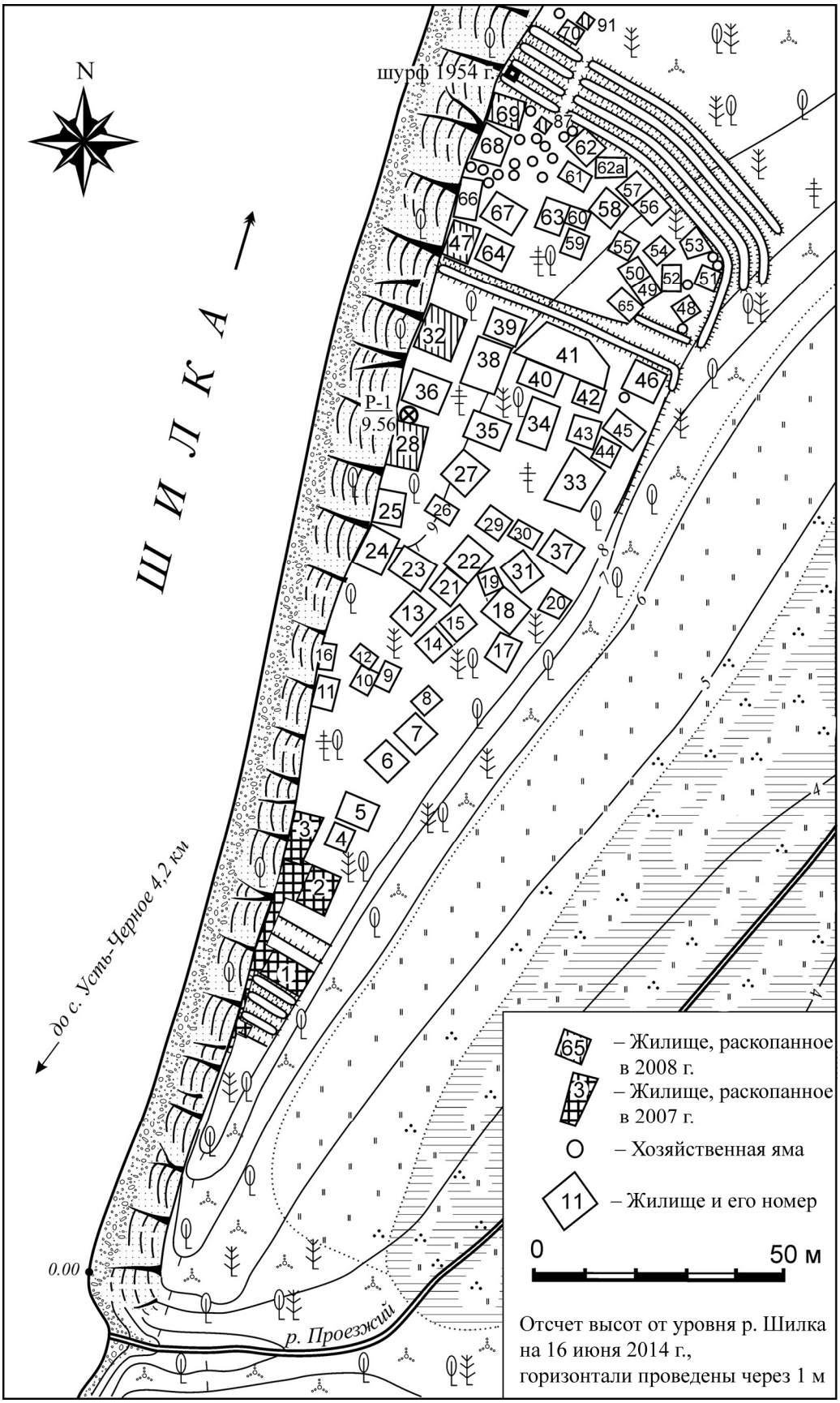


Рис.6. План городища Проезжая 1
Fig.6. Plan of the fortress Proezhaya 1

и 11, пересекает наискось жилище № 2 и по глубокому внутреннему рву выходит в пойму ручья Проезжего. Соблазнительно видеть в этой тропе часть натоптанной в древности дороги через городище.

В 37 м южнее третьего внутреннего рва террасу пересекает еще один ров – более прямой по сравнению с тремя другими. Ширина его 2,5–3 м, глубина 1 м. В 12 м от выхода в пойму ручья ров расширяется до 5 м, смыкаясь северным краем с жилищем № 65, а по обрыву террасы конец его резко загибается к югу. Наличие именно этого «сильно оплывшего» рва и было отмечено А.П. Окладниковым, у которого он почему-то превратился в «вал позднего времени» (см. выше). Данный ров явно отрезал группу небольших по размерам жилищ и округлых по форме хозяйственных ям от основной массы жилищ, более крупных по размерам, которые располагались к югу от рва. Такое расположение жилищ было отмечено еще А.П. Окладниковым, который указывал на «два строительных периода» в жизни городища.

В 63 м южнее указанного рва площадь городища имела небольшое понижение (глубиной до 0,8 м) по сравнению с остальной поверхностью террасы. Понижение наискосок пересекало всю террасу, но происхождение его не установлено. Ширина понижения достигала 25 м, края были неровными, но в нем также располагались жилища. Дальше терраса вновь выходила на уровень 8 м.

В 170 м к югу – юго-западу от северных рвов террасу рассекал еще один (самый глубокий на городище) ров. Он приходился на зауженную часть террасы. Длина его 6,8 м, ширина – 4 м и глубина – 2,5 м. За пределами этого рва с южной стороны выявлено одиночное жилище (№ 1) и небольшая хозяйственная яма. Западный край жилища был разрушен обрывом к р. Шилке, поэтому можно предполагать, что и другие жилища, располагавшиеся по соседству, могли быть также уничтожены береговым обрывом.

Южнее жилища № 1, располагалось еще 3 рва. Первый находился сразу же за указанным жилищем. Длина его 6,5 м, ширина – 1,8 м и глубина – 0,8 м. В 1,2 м от него располагался следующий ров. Он лишь частично рассекал террасу и заканчивался в 2,2 м от спуска в пойму ручья. Длина его 5 м, ширина – 2,6 м и глубина – 1,1 м. Последний внешний ров располагался в 1,6 м от среднего рва. Он полностью пересекал террасу. Длина его 7,3 м, ширина – 3 м и глубина – 1,3 м. Валы насыпей между рвами были плохо выражены: они просели и оплыли по склонам рвов. Высота их не превышала 25–30 см. В 32 м южнее данного рва терраса выклинивалась до 3 м, и здесь ее разрезал ручей Проезжий.

Жилища на городище располагались неровными рядами, но наиболее последовательным было направление с юга на север, хотя смещения от данной линии в восточную сторону наблюдались повсеместно. Нумерация жилищ и хозяйственных ям была дана нами с юга на север, далее приводятся основные данные по этим объектам (табл. 1).

У южного края жилища № 1 была обнаружена хозяйственная яма (№ 1-а), располагавшаяся за пределами городища, на склоне террасы, спускающемся к ручью Проезжему. Яма округлой формы, диаметром 1,3 м, глубиной 1 м. Вскрытая нами во время работ, она подтвердила свое предназначение в качестве объекта для сбора мусора и бытовых отходов. Внутри ямы на разных глубинах были найдены 46 фрагментов керамики светло-коричневого цвета, без орнамента, два фрагмента венчика сосуда с отогнутым наружу округлым верхом и фрагмент стенки сосуда с налепным валиком. Кроме керамики в яме найдены 6 фрагментов ожелезненных шлаков, 7 фрагментов раковин беззубки, 22 фрагмента костей животных (косули, свиньи, собаки), а также трубчатые кости птиц, куски бересты и угля.

Фрагменты костей животных, керамики и ракушечника повсеместно фиксировались также на дне рвов при стратиграфической зачистке стенок обрыва, выходящих к р. Шилке и в заполнении жилищ. Большое скопление створок раковин (до 200 экз.) разной степени сохранности было расчищено в насыпи второго вала южной группы укреплений. Фактически раковины были свалены в отдельную кучу за пределами городища и занимали площадь 2×1,2 м (рис. 7). Это свидетельствовало о том, что раковины беззубки составляли заметную часть в рационе питания жителей городища. При исследовании таких же хозяйственных, а по сути

Таблица 1

Размеры искусственных углублений (жилищ и хозяйственных ям) на городище Проезжая 1

Table 1

Dimensions of artificial recesses (dwellings and household pits) on the settlement of Proezzhaya 1

Вид искусственного углубления	Номер	Длина, м	Ширина, м	Глубина в центре, м	Другие сведения
Жилища (квадратные и прямоугольные углубления)	1	5,5	4,0	1,1	Западный край разрушен берегом реки. У восточного края находится хозяйственная яма № 1-а. Раскопано
	2	7,3	6,1	1,1	Жилище имеет скругленные углы. Юго-восточный край разрушен склоном ручья Проезжего. У юго-западного края остатки хозяйственной ямы (?). Раскопано
	3	–	–	0,35	Условно за жилище принято понижение в сторону обрыва к р. Шилке. Возможно, это восточный край уничтоженного или раскопанного А.П. Окладниковым жилища (?). Раскопано
	4	8,0	6,0	1,2	–
	5	5,0	4,0	1,2	–
	6	8,0	8,0	1,3	–
	7	8,0	6,0	1,1	–
	8	5,0	4,0	1,0	–
	9	7,0	7,0	1,2	Юго-западный угол жилища налегает на восточную сторону жилища № 10
	10	8,0	6,0	0,8	Восточная сторона жилища соприкасается с юго-западным углом жилища № 9
	11	6,0	6,0	1,2	Западный край подрезан обрывом к р. Шилке
	12	4,0	4,0	0,4	Юго-восточный угол жилища налегает на северный край жилища № 10
	13	9,0	8,0	1,2	–
	14	8,0	8,0	1,1	–
	15	7,0	6,0	0,8	–
	16	4,0	3,0	8,0	Восточный край подрезан обрывом к р. Шилке
	17	7,0	6,0	6,0	Восточный край выходит на склон к ручью Проезжему
	18	9,0	8,0	1,0	Северный угол налегает на южную сторону жилища № 19
	19	5,0	5,0	1,0	Северо-западный угол налегает на юго-восточную сторону жилища № 22
	20	8,0	5,0	1,1	Юго-восточная сторона подрезана склоном к ручью
	21	8,0	8,0	0,9	Северо-восточная сторона налегает на юго-западную сторону жилища № 22
	22	5,0	4,0	0,5	Юго-западная сторона налегает на северо-восточную сторону жилища № 21
	23	10,0	8,0	0,9	–
	24	12,0	9,0	1,7	Западная часть частично срезана обрывом к р. Шилке
	25	8,0	6,0	1,5	Западная часть частично срезана обрывом к р. Шилке
	26	7,0	6,0	0,7	–
	27	9,0	9,0	1,0	–
	28	10,0	9,0	1,4	Западная часть подрезана обрывом к р. Шилке. Раскопано
	29	9,0	7,0	1,0	–
	30	6,0	6,0	1,1	–
	31	7,0	6,0	0,9	–
	32	7,0	6,0	0,8	Западный край подрезан обрывом к р. Шилке. Раскопано
	33	8,0	8,0	1,2	Северо-восточная сторона разрушена старым перекопом

	34	8,0	8,0	0,5	–
	35	8,0	6,0	1,0	–
	36	11,0	9,0	1,6	Юго-западный угол подрезан обрывом к р. Шилке
	37	10,0	9,0	1,5	–
	38	9,0	9,0	1,0	–
	39	9,0	6,0	0,5	–
	40	6,0	4,0	0,4	Северо-восточная сторона налегает на юго-западную сторону жилища № 41
	41	12,0	10,0	1,7	Самое крупное на городище. Юго-западная сторона налегает на северо-восточные стороны жилищ № 40 и 42. Границы жилища не четкие. В центре жилища имеется шурф А.П. Окладникова (?) размерами 1×1 м
	42	5,0	5,0	1,1	Северо-восточная сторона налегает на юго-западную сторону жилища № 41
	43	6,0	6,0	1,0	Юго-восточный угол налегает на северо-западную сторону жилища № 44
	44	6,0	4,0	0,5	Северо-западная сторона налегает на юго-восточный угол жилища № 43
	45	8,0	7,0	1,3	Восточный край подрезан склоном ручья. Соприкасается сторонами с жилищами № 43 и 44
	46	10,0	10,0	1,5	Северо-восточная сторона упирается в угол промежуточного вала городища; восточная сторона выходит к обрыву ручья Проезжего
	47	7,0	6,0	1,0	С востока в жилище упирается конец короткого внутреннего рва
	48	7,0	7,0	1,0	У южного угла располагается небольшая хозяйственная яма округлой формы размерами около 1 м (№ 48-а)
	49	5,0	5,0	1,0	Северо-западная сторона налегает на юго-восточную сторону жилища № 50. В месте соединения просматривается небольшой ровик глубиной 0,3 м
	50	6,0	4,0	0,6	Юго-восточный угол налагается на жилище № 49 и соединен с ним небольшим ровиком
	51	6,0	5,0	1,3	Восточная сторона соприкасается с внутренним валом северной группы рвов. Жилище окружают три хозяйственные ямы (№ 71, 72, 73)
	52	7,0	6,0	0,8	–
	53	7,0	6,0	1,1	Северо-восточная сторона соприкасается с внутренним валом северной группы рвов
	54	8,0	6,0	1,4	–
	55	6,0	5,0	1,2	–
	56	7,0	6,0	1,2	Северо-западной стороной соприкасается с юго-западной стороной жилища № 57, а северо-восточной – с внутренним валом северной группы рвов
	57	6,0	6,0	1,2	Юго-восточная сторона соприкасается с северо-западной стороной жилища № 56, а северо-восточной – с внутренним валом северной группы рвов
	58	9,0	8,0	1,2	–
	59	5,0	5,0	0,8	–
	60	4,0	4,0	0,8	Северо-западной стороной соприкасается с юго-восточной стороной жилища № 63
	61	7,0	7,0	1,1	–
	62	7,0	6,0	1,3	–
	63	7,0	7,0	1,0	Юго-восточной стороной соприкасается с северо-западной стороной жилища № 60

	64	6,0	4,0	0,7	–
	65	5,0	5,0	1,5	Западный край разрушен обрывом к р. Шилке. У восточного края находился очаг с камнями. Раскопано
	66	8,0	7,0	1,7	Западный край разрушен обрывом к р. Шилке
	67	8,0	7,0	1,4	–
	68	8,0	8,0	1,4	Западный край разрушен обрывом к р. Шилке
	69	8,0	7,0	1,2	Западный край разрушен обрывом к р. Шилке, восточный прилегает к внутреннему валу в северной группе рвов. Раскопано
	70	3,0	3,0	0,3	Расположено с внешней стороны северной группы рвов, в 6 м от обрыва к р. Шилке. Контуры жилища просматриваются слабо. Определено визуально. Возможно, является хозяйственной ямой
Круглые и овальные углубления (хозяйственный ямы)	71–72	1,0	1,0	0,2	Расположены в северной части городища, вблизи группы рвов рядом с жилищами № 51 и 53
	73–77	1,0	1,0	0,2	Расположены в линию рядом с жилищами № 61, 62 и 63
	78–81	1,5	1,5	0,3	Располагаются группой между жилищами № 66, 67 и 68, рядом с краем обрыва к р. Шилке
	82–89	1,0	1,0	0,2	Располагаются двумя линиями вдоль жилищ № 68 и 69. Заканчиваются у линии рвов
	90–91	1,0	1,0	0,25	Расположены с внешней стороны северной группы рвов, у северо-западного и северо-восточного углов жилища № 70. Раскопана яма № 91

Рис. 7. Городище Проезжая 1, створки раковин в насыпи второго вала южной группы укреплений, снято с юга, 2007 г.

Fig. 7. The fortress Proezhaya 1, sinks in the mound of the second bank of the southern group of fortifications, photo from the south, 2007

мусорных ям, в северной части городища, где эти ямы были сосредоточены в большом количестве, повсеместно встречались кости рыб, животных, птиц, береста, фрагменты раковин и даже поделки из кости и металла. Видимо, здесь располагались основные мусоросборники, куда стаскивался ненужный хлам. На это обратил внимание еще А.П. Окладников, отметивший, что сами жилища «содержались в чистоте, отбросы сбрасывались в определенные места» (Окладников, 1955. С. 13).

Возможно, такой специфичной планировке отвечало и наличие внутренних рвов на площади городища. Уже отметилось, что они отчленяют основную массу больших жилищ от малых, а это может быть или хронологическим показателем, или свидетельством социального неравенства, когда рядовые жители городища вынуждены были селиться ближе к окраинам. Проведенные нами на городище раскопки семи жилищ и пяти ям отчасти подтверждают это предположение, хотя данный вывод нуждается в дальнейшем обосновании.

Материалы раскопок городища 2007 и 2008 г.

В юго-западной части городища по кромке берегового обрыва была сделана вертикальная стратиграфическая подчистка общей длиной 25 м. Она связала между собой три южных рва и вала, глубокий внутренний ров, три крайних жилища (№ 1, 2, 3) и пространство между ними. Подчистка позволила уточнить структуру верхних покровных отложений, а также характер расположения культурных слоев. Кроме этого, стенки террасы подчищались в центральной и северной частях городища: в районе промежуточного рва и в местах выхода жилищ к р. Шилке (№ 3, 28, 32, 47, 69). Все они показали, что на городище выделяются два блока отложений, связанных с генезисом террасы.

Первый из них, как уже отмечалось, представлен темно-коричневой и светло-коричневой супесью с включениями разнозернистого песка, корней травы и деревьев. Он разбивается на два уровня: дерновый и поддерновый. Дерн состоит из темной прогумусированной супеси толщиной от 7 до 10 см, насыщенной после лесных пожаров обгоревшими фрагментами дерева и угля. На не потревоженных городищем участках террасы дерновый слой равномерно переходит в поддерновую среднезернистую супесь желто-коричневого цвета, заканчивающуюся на глубине 25–30 см. Ниже выделяется плотная, темно-коричневая прослойка толщиной 5–10 см с обильными включениями золы и угля. В местах расположения рвов и жилищ эта прослойка увеличивается до 15 см и почти всегда разрезается рвами (рис. 8). Она является первым культурным слоем городища.

В южной части городища в указанной прослойке на склоне первого внешнего рва были найдены однолезвийный железный нож с черешком и обломанным кончиком и фрагмент бронзовой гривны, изготовленной из толстой (0,5 см) литой проволоки с кольцом на конце. Дно каждого из южных рвов оказывалось ниже уровня данной прослойки, и только третий внешний ров не достигал его. Глубина рва от поверхности (без учета насыпи вала) – не превышала 0,2 м, с учетом вала – 0,8 м. Насыпные валы располагались по обе стороны рвов, состояли из мешаной земли, и границы их хорошо просматривались в разрезах обрыва. Высота валов 0,5–0,7 м. На дне внутреннего рва и первого внешнего рва фиксировались углисто-зольные пятна, но они, по-видимому, были оставлены в позднее время рыбаками или охотниками.

Под первым культурным слоем располагалась более рыхлая по структуре светло-коричневая супесь, шедшая почти на всю глубину террасы. Она составляла основу второго блока, причем на глубине супесь плавно переходила в перемытый рекой крупнозернистый песок, расчлененный прослойками светлых и темных иловатых суглинков пластинчатого типа. В нижней части супесь смыкалась с крупным речным галечником. В этом блоке на глубине 45–50 см был выделен второй культурный слой городища толщиной 8–12 см также темно-коричневого цвета, насыщенный углем и обгоревшими фрагментами дерева. Местами слой определялся достаточно четко, а местами расслаивался и осветлялся. Однако в целом наши работы подтверждали предположение А.П. Окладникова о «двух строительных периодах» на городище (или «двух периодах жизни»). Можно предположить, что первоначально приоритет отдавался большим и глубоким жилищам – фактически, землянкам, а

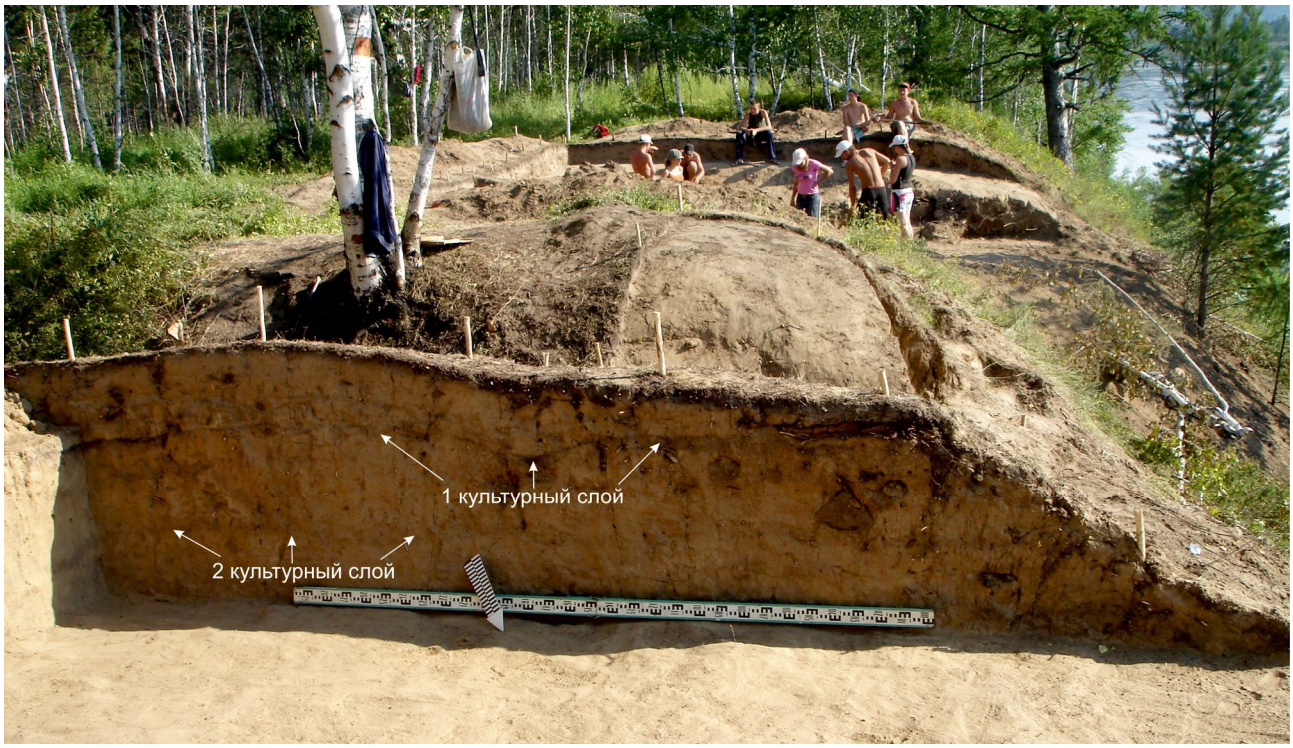


Рис. 8. Городище Проезжая 1, стратиграфический разрез южной стенки землянки № 47, на заднем плане раскопки землянки № 32, снято с северо-востока, 2008 г.
Fig. 8. The fortress Proezhaya 1: stratigraphic section of the southern wall of the dwelling no. 47, In the background the excavation of the dwelling no. 32 (photo from the north-east, 2008)

позднее наряду с ними стали возводиться и более легкие сооружения в виде чумов, слегка заглубленных в землю. Часть из них могла занимать старые котлованы жилищ, а часть сооружалась на новых местах – в северной и южной частях городища, за пределами внутренних рвов. Поэтому края жилищ (что было отмечено еще А.П. Окладниковым) часто налегали друг на друга. Впрочем, окончательный ответ на поставленный вопрос можно будет дать только после дальнейших, планомерных исследований данного городища.

Не вдаваясь в детальную характеристику вещевого комплекса, происходящего с городища Проезжая 1, отметим, что в культурных слоях памятника были найдены кости козы, собаки, изюбря, медведя, кабана, лисицы, лошади, коровы, овцы (определения сделаны профессором отделения антропологии Университета Альберта (Канада) Р. Лозей и лектором антропологии Университета Британской Колумбии – Оканаган Т. Номоконовой), кости птиц и рыб, фрагменты речных раковин. Анализ стабильных изотопов δ13C и δ15N, полученных из костей животных, позволил сделать предварительные выводы об их диете (Fleming, Losey, Nomokonova, Garvie-Lok, Kharinskii, Kovychev, 2018). Среди находок, обнаруженных на городище, встречаются тигли, льячки, куски шлаков, точильные бруски и многочисленные фрагменты керамики, из которых удалось склеить десять археологически целых сосудов. В жилищах и вне их обнаружены астрагалы и бабки ног животных (в том числе с подрезами и насечками), различные украшения (включая бронзовые бляшки-накладки), железные гвозди, ножи, наконечники стрел, изделия из бересты (в том числе, берестяная сумочка с игральными астрагалами) и фрагмент бронзовой гривны. Кроме этого, найдены крупные и средние по размерам каменные плиты, подквадратной или прямоугольной формы, использовавшиеся в качестве наковаленок или подставок под крупные сосуды.

Особо нужно выделить жилища № 28 (рис. 9) и 32 (рис. 10), в которых сохранилось большое количество жердей, деревянных плах и досок, служивших основой для обкладки стен, каркасов

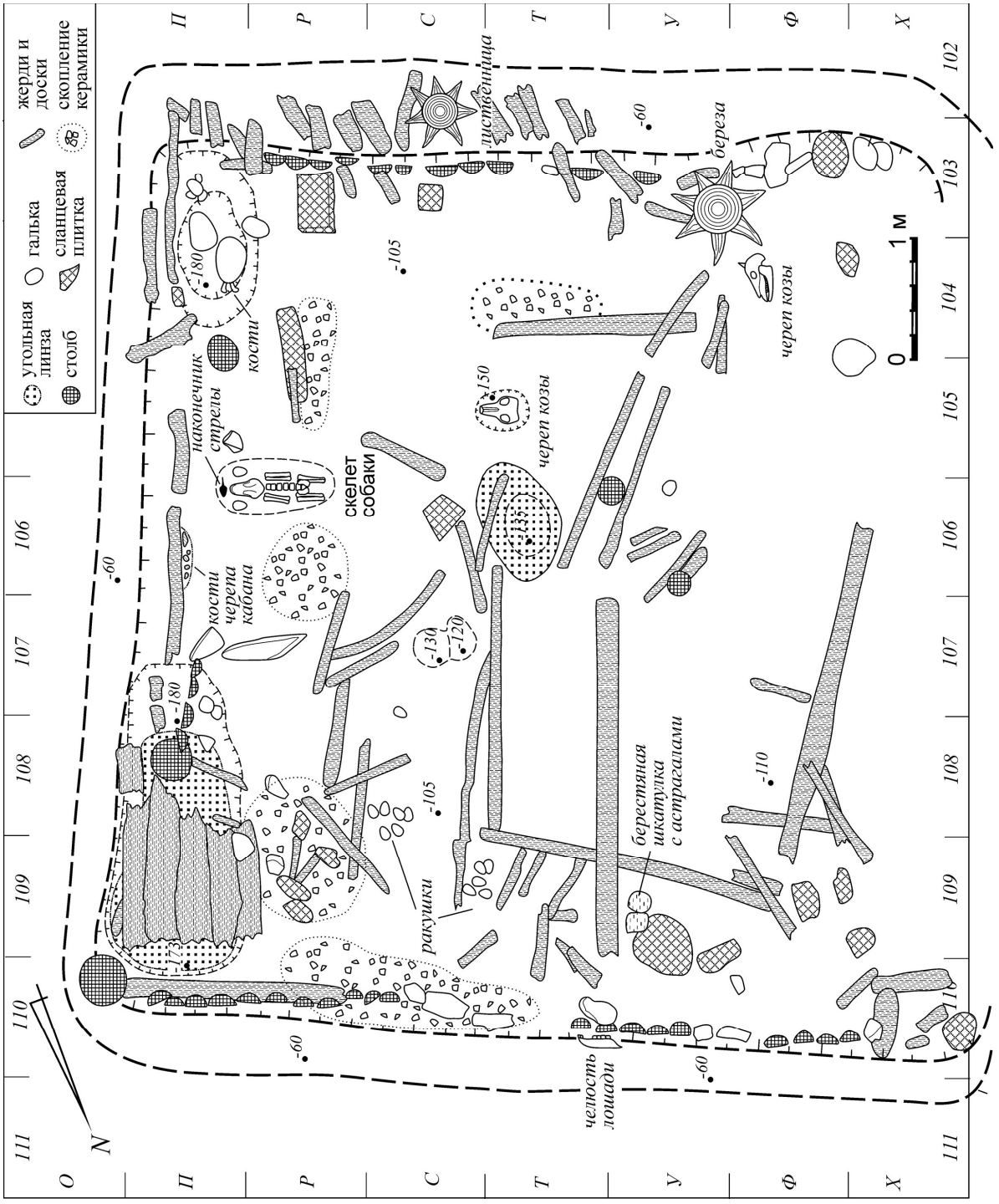


Рис. 9. Городище Проезжая 1, план жилища № 28
Fig. 9. The fortress Proezhaya 1, plan of the dwelling no. 28

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

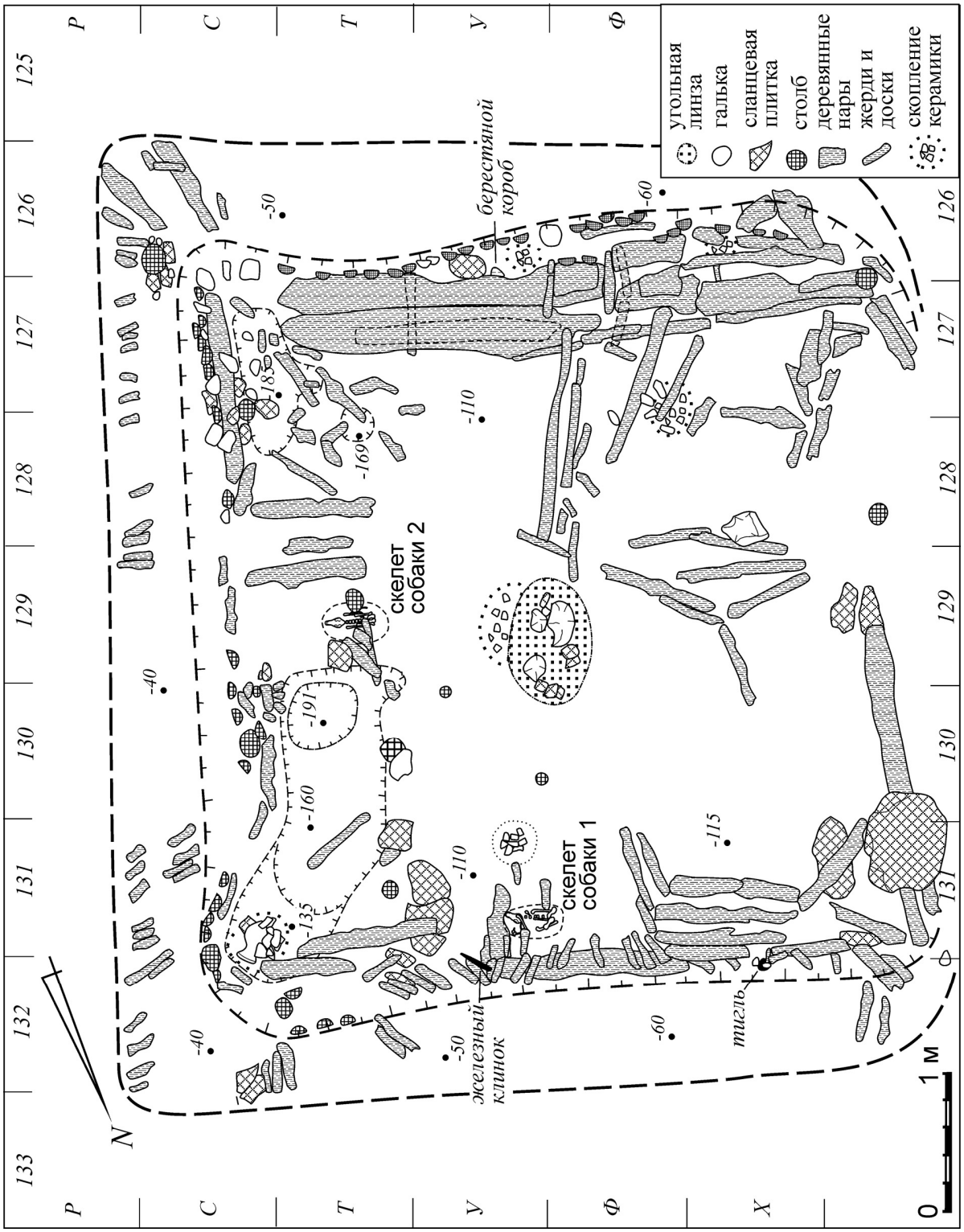


Рис. 10. Городище Проезжая 1, план жилища № 32
Fig. 10. The fortress Proezhaya 1, plan of the dwelling no. 32

крыш и лежанок внутри жилищ. В них были раскрыты очажные комплексы, места для хранения запасов продовольствия, включая ямы-кладовки, обложенные по бокам берестой и досками и перекрытые сверху деревянными крышками. На полу этих жилищ обнаружены ритуальные захоронения трех молодых собак 6–10 месячного возраста, весом 14, 16 и 19 кг (Losey, Osipov, Sivakumaran, Nomokonova, Kovychev, Diatchina, 2014. Table 1, 6). Собаки располагались в разных позах, лапы их были подтянуты к животу, морды вытянуты к востоку. В жилище № 28 с двух сторон от черепа собаки располагались раковины беззубки, а спереди от него находился железный наконечник стрелы и шило (рис. 11). Можно предположить, что умерщвленные собаки были оставлены в жилищах преднамеренно, они должны были «охранять» жилища от чужаков. Удивление вызывает лишь тот факт, что собаки были убиты молодыми, еще не достигшими зрелости, а у их скелетов отсутствовали отдельные кости, которые, возможно, были съедены в ритуальных целях (Losey, Nomokonova, Fleming, Kharinskii, Kovychev, Konstantinov, Diatchina, Sablin, Iaroslavtseva, 2018. P. 64).

По собакам, а также по серии костей парнокопытных животных (коровы, козы или овцы) были получены радиоуглеродные даты, определившие возраст этих жилищ, а в целом, очевидно, и один из периодов существования самого городища. С учетом калибровки дат он определяется в границах от 894 до 1162 г. (at 2 sigma) (табл. 2) (Losey, Osipov, Sivakumaran, Nomokonova, Kovychev, Diatchina, 2014. Table 1; Fleming, Losey, Nomokonova, Garvie-Lok, Kharinskii, Kovychev, 2018. P. 47).

Данная датировка представляет особый интерес, поскольку в ляоское время термин «шивэй» постепенно выходит из употребления и начинает заменяться другим этнонимом – «мэнгу» (монголы), который восходят к этнониму «мэньву шивэй» (Таскин, 1984. С. 139; Крадин, Скрынникоа, 2006. С. 136–140). При этом нужно помнить, что народы, которых китайцы называли шивэйцами, занимались комплексным хозяйством – они были знакомы с земледелием, но при этом разводили крупный рогатый скот, свиней и лошадей (их таежные земли были плохо приспособлены для овцеводст-

Рис. 11. Городище Проезжая 1, жилище № 28, захоронение собаки
Fig. 11. The fortress Proezhaya 1, the dwelling no. 28, burial of a dog

Таблица 2

Радиоуглеродные даты с городища Проезжая 1

Table 2

Radiocarbon dates from the settlement Proyezzhaya 1

Номер	Материал (кости животного)	Контекст	δ13C‰	14C age	Cal.Age AD (2 sigma)
Ua-44,177	Собака	Захоронение собаки, жилище № 28	−21,3	1 077 ± 30	894 CE to 1019
Ua-44,179	Собака	Захоронение собаки 1, жилище № 32	−21,0	1 038 ± 30	901 CE to 1034
Ua-44,180	Собака	Захоронение собаки 2, жилище № 32	−20,2	993 ± 30	987 CE to 1153
Ua-44,178	Парнокопытное	Квадрат 104C, жилище № 28	−19,7	934 ± 30	1026 CE to 1162
Ua-44,181	Крупный рогатый скот	Квадрат 132C, жилище № 32	−21,9	943 ± 30	1026 CE to 1158
Ua-44,182	Мелкий рогатый скот	Квадрат 126Y, жилище № 32	−22,7	976 ± 30	999 CE to 1155

ва). В летописях упоминаются землянки и чумы, городища и поселения (Таскин 1984. С. 135–140).

Как известно, часть шивэйцев-монголов ушла в степи, и это послужило началом монгольского этногенеза (Кычанов, 1980). Для нашей работы более важна другая группа, которая известна под именем «шуй-дада» (речные татары). Интересные данные о данной группе приводятся в трактате Плано Карпини: «Есть некая земля среди стран Востока, о которой сказано выше и которая именуется Монгал. Эта земля имела некогда четыре народа: один назывался Йека-Монгал, то есть великие Монгалы, второй назывался Су-Монгал, то есть водяные Монгалы, сами же себя они именовали Татарами от некоей реки, которая течет чрез их страну и называется Татар; третий народ назвался Меркит, четвертый – Мекрит. Все эти народы имели одну форму лиц и один язык, хотя между собою они разделялись по областям и государям» (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. С. 37). Данная информация вполне соответствует сведениям, приводимым Г. Рубруком: «Но все же там жили народы по имени Су-Моал, то есть Моалы вод, ибо Су значит вода. Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких» (Там же. С. 154). Важно напомнить, что Дж. Плано Карпини и Г. Рубрук были современниками происходящих процессов и этим сведениям их информаторов вполне можно доверять. Тем более что расселение на указанных территориях шуй-дада в юаньское время подтверждается сведениями из раздела о географическом описании в «Юань ши» (Мелихов 1977. С. 79).

Получается, что с момента начала этногенеза монголов в среднем течении Шилки фиксируется концентрация укрепленных городищ, причем в прямой видимости друг от друга, на высоких скалистых утесах, труднодоступных для врага в любое время года. Не исключено, что городища выполняли роль своеобразного заслона или защитного рубежа для большого числа рядовых поселений, расположенных, как правило, в низменной части, на береговых террасах р. Шилки и ее притоков. Необходимо только тщательное обследование данной территории, чтобы подтвердить это предположение. Городища были хорошо укреплены, имели защитные рвы и валы, и располагались на специально подобранных утесах, откуда открывался широкий контролируемый обзор поймы р. Шилки в западном, юго-западном и северо-западном направлениях (Алкин, Васильев, Колосов, Нестеренко, 2006; Алкин, Нестеренко, Васильев, Колосов, 2007; Ковычев, 2009. С. 173; Алкин, 2012; Ковычев, 2012. С. 41). Такой сектор обзора бросается в глаза уже при первом знакомстве с городищами, поскольку с противоположной стороны почти все утесы имеют закрытые пологие выходы, заросшие лесом.

На одном из Шилкинских городищ, расположенном в устье р. Чёрная, в течение нескольких лет проводили раскопки сотрудники Благовещенского отряда Института археологии и этнографии СО РАН

и Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова под руководством С.В. Алкина. Фортификационная система городища состоит из двойного рва с тремя валами, которые защищают его с восточной, северной и западной сторон. С юга городище заканчивается крутым склоном, труднодоступным для восхождения. Для отвода излишков воды с территории городища в средней части северного участка фортификации сохранились следы дренажной системы. На вершине среднего вала зафиксирован ряд парных вертикальных стоек из лиственничных жердей – вероятно, остатки плетня. Следы деревянного тына обнаружены во внутреннем рве. Они представлены остатками лиственничных и березовых плах, плотно расположенных друг к другу в одну линию (Алкин, Нестеренко, Колосов, Мороз, 2008; Алкин, Нестеренко, 2009). В жилищах Усть-Чернинского городища найдены семена гречихи, проса и мари белой (Алкин, Ахметов, 2013; Алкин, Сергушева, 2013; Сергушева, 2013). Полученные по Усть-Чернинскому городищу даты – 890 ± 30 л. н. и 985 ± 40 л. н. (Алкин, Нестеренко, Колосов, 2011) свидетельствует о его синхронном существовании с городищем Проезжая 1.

Судя по дневнику А.П. Окладникова, за пределами указанной зоны в нижнем течении р. Шилки и в верхнем течении р. Амура на протяжении почти 850 км, вплоть до с. Корсаково (до 155-го км амурских створов), подобных городищ укрепленного типа нет. Отмечено только одно поселение, располагавшее небольшим валом, в долинной части р. Шилки ниже с. Аникино и два таких же долинных поселения, обнесенные валом, в районе с. Албазино и на небольшом безымянном (?) террасовидном уступе 520-го км амурских створов. Однако здесь уже встречается керамика чжурчженьского и более позднего времени (Окладников, Ларичев, 1999. С. 16, 21, 22). Поэтому Городище Проезжая 1, безусловно, входит в круг фортификационных сооружений Шилкинского «укрепрайона», занимая в нем почти центральное положение. С одной стороны это позволяло ему успешно конкурировать с другими городищами (почему на нем и выделяются «два периода жизни»), а с другой стороны – жителям городища пришлось выстраивать сложную систему искусственной защиты в виде тройного ряда рвов и валов по краям террасы и двух глубоких рвов в центральной части, сочетая все это с естественными природными преградами (обрыв к полноводной р. Шилке, труднопроходимая тайга, заболоченная пойма ручья и т. д.).

Заключение

По форме жилищ, по наличию оборонительных рвов, а отчасти и по керамическому материалу, шилкинские городища сопоставимы с городищами, оставленными тунгусоязычными мохэсцами. Именно такое определение им давал А.П. Окладников, который писал, что «в первом тысячелетии н. э. какие-то из амурских мохэских племен, занимавшиеся земледелием и скотоводством, распространяются вверх по Шилке. Здесь они жили тесно сплоченными родовыми массивами, всегда готовые к защите и самообороне от любой опасности, по-видимому, вполне вероятной в те времена» (Окладников, 1955. С. 25). Влияние мохэ на «городищенскую культуру» – как ее называл в своем дневнике А.П. Окладников, трудно не заметить. Тем более что это влияние, как отмечалось, подтверждали вещественные материалы городищ. В общей массе этих материалов выделялись сосуды, имевшие зауженные днища и расширенные горловины, сосуды, украшенные налепными валиками, края которых нависали карнизиками над туловами. В пользу этого же свидетельствовали способы украшения их поверхностей отпечатками колотушки, ромбического или квадратного штампов.

Однако все же здесь мы имеем дело с культурой другого этнического анклава, обладавшего своими самобытными чертами. На шилкинских сосудах, например, указанные элементы могут присутствовать, но они не являются обязательными, поскольку наряду с ними очень часто встречаются элементы, не характерные для посуды мохэ. Одним из отличий, например, служит орнаментация, которая располагается на сосудах не локальными зонами, как у мохэ, а целиком покрывает поверхность изделий. Кроме того, шилкинские гончары в своей практике очень часто использовали для украшения сосудов «арочный» штампован-

ный орнамент (рис. 12), который вообще отсутствует на посуде мохэ. Зато на шилкинских сосудах он покрывает их поверхность полностью (Ковычев, Пискарева, 2016. С. 25–28. Рис. 1, 3). Причем такой орнамент встречается на сосудах и фрагментах керамики не только из городища Проезжая 1, но и на керамике из других памятников этого региона. Он зафиксирован нами на городище Лиственное (Проезжая 2) (Ковычев, 2010. С. 38), известен среди керамического материала с городищ Чудейский утёс, Усть-Чёрная, Витчик, Лучуй и даже в материалах обычных поселений бассейна р. Шилки и ее притоков. Однако главное, что отличает керамику городища Проезжая 1 от керамического комплекса амурских племен мохэ, включая так называемый «троицкий» вариант, – это иная морфология сосудов: шилкинские сосуды вытянуты по вертикали, в отличие от приземистых сосудов «троицкой» группы (Ковычев, Пискарева, 2016. С. 27).

В этот же список отличий следует включить также небольшой сосуд баночной формы из жилища № 1, имеющий на поверхности следы ячеистых («вафельных») отпечатков, а по венчику и тулову украшенный налепными валиками (Ковычев, Пискарева, 2016. С. 21–29. Рис. 1, *1*). Среди мохэской керамики такие сосуды практически не встречаются. Зато они являются типичными для погребений дарасунской археологической культуры Восточного Забайкалья, датируемой VII–IX вв. Ряд исследователей, в том числе один из авторов этой статьи, связывают эту культуру с тюркоязычными племенами токуз-татарами (Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000. С. 69–72). Не случайно, видимо, рядом с городищем Усть-Чёрная, расположенном в 4,5 км к западу от городища Проезжая 1, в 2011 г. сотрудниками Благовещенского отряда Института археологии и этнографии СО РАН и Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова были раскопаны детские погребения указанной культуры (Алкин, Нестеренко, 2010. С. 141–143). Отметим, что подобные погребения не единичны в этом районе, поскольку еще в 1975 г. у с. Ломы, расположенном в 110 км вверх по р. Шилке, были раскопаны «взрослые» погребения этой же культуры (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 106). Сегодня они известны в разных местах и верхнего, и среднего течения р. Шилки, составляя около 70 % всех «дарасунских» погребений Восточного Забайкалья. Возможно, это является подтверждением контактов носителей дарасунской культуры и населения шилкинских городищ, поэтому многие вещи (включая сосуды, бронзовые гривны, бляхи-

Рис. 12. Городище Проезжая 1, керамические сосуды
Fig. 12. The fortress Proezhaya 1, ceramic vessels

накладки и другие предметы украшений) могли попадать на Шилку и Амур именно в этот период, хотя не исключена возможность того, что такие изделия могли производить и на месте.

Отмеченные особенности заставляют нас считать, что городища в бассейне р. Шилки сооружались не мохэсцами, а близкими им по культуре и хозяйству шивэйцами и их потомками шуй-дада, которых насчитывалось более 25 владений, в том числе в верховьях р. Амура и в бассейне р. Шилки. Как считают исследователи, территория, занятая шивэйцами, простиралась на восток от верховий р. Шилки до бассейна р. Буреи и даже р. Зеи (Нестеров, 1998. С. 94). Это был огромный этнический массив, внутри которого, вероятно, находились и тунгусоязычные народы, и монголоязычные шивэй. К последним А.П. Окладников не без оснований относил «больших шивэй», считая их «протомонголами» (Окладников, 1975. С. 19). Последние были союзниками токуз-татар в борьбе с господствовавшими в степи тюркскими каганатами в VII–VIII вв., а после откочевки токуз-татар из Забайкалья, по мнению одного из авторов данной статьи, активно противодействовали попыткам кыргызов (IX в.), а затем и киданей (X–XI вв.) поставить под контроль восточные районы Забайкалья и Приамурья (Ковычев, 2009. С. 172). Исходя из всего вышеизложенного, оснований связывать данные городища с мохэ, у нас нет. Главная задача, которая стоит сегодня перед исследователями шилкинских древностей заключается в том, чтобы создать всеобъемлющую и объективную периодизацию всех памятников этого региона, включив в нее и городища. В любом случае, культура шилкинских городищ – это культура еще одного пока мало изученного народа Верхнего Амура, относящаяся к периоду средневековья.

Библиографический список

Алкин С.В. Миграция мохэ на р. Шилка в Забайкалье: к проблеме ранних контактов прототунгусов и протомонголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). Вып. 3. В 2-т. Т. 2. Улан-Батор: Изд-во Монгольского государственного университета, 2012. С. 499–504.

Алкин С.В., Ахметов В.В. Археологическое обследование окрестностей Усть-Чёрнинского городища в 2012 году и перспективы изучения археологического микрорайона // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. конф. (Чита, 13–19 сентября 2013 г.). В 2 ч. Ч. 2. Чита: Забайкальский государственный университет, 2013. С. 6–10.

Алкин С.В., Васильев С.Г., Колосов В.К., Нестеренко В.В. Результаты полевых исследований на левобережье реки Шилки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г. Т. XII. В 2-х ч. Ч. 1. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 249–254.

References

Alkin S.V. *Migratsiya mokhe na r. Shilka v Zabaikal'e: k probleme rannikh kontaktov prototungusov i protomongolov* [Migration of Mohe on the River Shilka in Transbaikalia: to the problem of early contact of Prototungus and Protomongols]. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri"* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: proceedings of the III Intern. scientific conf.]. (Ulan-Bator, September 5–9, 2012). Iss. 3. In 2 volumes. Vol. 2. Ulan-Bator: Mongolian State University Publ., 2012, pp. 499–504. (In Russian).

Alkin S.V., Akhmetov V.V. *Arkheologicheskoe obsledovanie okrestnostei Ust'-Cherninskogo gorodishcha v 2012 godu i perspektivy izucheniya arkheologicheskogo mikroraiona* [Archaeological survey of the vicinity of the settlement Ust-Cherninsky in 2012 and the prospects for studying the archaeological district]. *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri"* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: proceedings of the IV Intern. scientific conf.]. (Chita, September 13–19, 2013). In 2 parts. P. 2. Chita: Transbaikal State University Publ., 2013, pp. 6–10. (In Russian).

Alkin S.V., Vasil'ev S.G., Kolosov V.K., Nesterenko V.V. *Rezul'taty polevykh issledovanii na levoberezh'e reki Shilki* [The results of field studies on the left bank of the Shilka River]. *Materialy Godovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2006 g. "Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii"* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: proceedings of the Annual session of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS,

2006]. Vol. XII. In 2 parts. P. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006, pp. 249–254. (In Russian).

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Васильев С.Г., Колосов В.К. Исследования на городище Усть-Чёрная в Сретенском районе Читинской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Т. XIII. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 168–172.

Alkin S.V., Nesterenko V.V., Vasil'ev S.G., Kolosov V.K. *Issledovaniya na gorodishche Ust'-Chernaya v Sretenskom raione Chitinskoi oblasti* [Studies on the Ust-Chernyaya site of ancient settlement in the Sretensky district of the Chita region]. *Materialy Godovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2007 g. "Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii"* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: proceedings of the Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, 2007]. Vol. XIII. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, pp. 168–172. (In Russian).

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К., Мороз П.В. Полевые исследования в Сретенском районе Забайкальского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 г. Т. XIV. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 116–121.

Alkin S.V., Nesterenko V.V., Kolosov V.K., Moroz P.V. *Polevye issledovaniya v Sretenskom raione Zabaikal'skogo kraya* [Field studies in the Sretensky district of the Trans-Baikal Territory]. *Materialy Godovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2008 g. "Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii"* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: proceedings of the Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, 2008]. Vol. XIV. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, pp. 116–121. (In Russian).

Алкин С.В., Нестеренко В.В. Изучение фортификации Усть-Чёрнинского городища в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Т. XV. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2009. С. 200–203.

Alkin S.V., Nesterenko V.V. *Izuchenie fortifikatsii Ust'-Cherninskogo gorod ishcha v Vostochnom Zabaikal'e* [Study of the fortification of the settlement Ust-Chernynsky in Eastern Transbaikalia]. *Materialy Godovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2009 g. "Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii"* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: prceedings of the Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, 2009]. Vol. XV. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 200–203. (In Russian).

Алкин С.В., Нестеренко В.В. Работы на Усть-Чёрнинском городище в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. Т. XVI. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 138–144.

Alkin S.V., Nesterenko V.V. *Raboty na Ust'-Cherninskom gorodishche v 2010 godu* [Works on the settlement Ust-Cherninsky in 2010]. *Materialy Godovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2010 g. "Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii"* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: proceedings of the Annual session of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, 2010]. Vol. XVI. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010, pp. 138–144. (In Russian).

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К. Работы на Усть-Чёрнинском городище в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Инсти-

Alkin S.V., Nesterenko V.V., Kolosov V.K. *Raboty na Ust'-Cherninskom gorodishche v 2011 godu* [Works on the settlement Ust-Cherninsky in 2011]. *Materialy Godovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2011 g.*

тута археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Т. XVI. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 127–130.

Алкин С.В., Сергушева Е.А. Семена мари белой (Chenopodium album) в культурных отложениях Усть-Чёрнинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Т. XIX. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 164–167.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.

Ковычев Е.В. О некоторых знаковых аспектах изучения Шилкинских городищ // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й науч.-практ. конф. (Иркутск, 28 марта – 1 апреля 2009 г.). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 170–177.

Ковычев Е.В. Знаковые аспекты изучения шилкинских городищ // Сретенский район: история и современность: сб. ст. и материалов. Вып. 2. Чита: Экспресс-издательство, 2010. С. 37–48.

Ковычев Е.В. К истории ранних монголов в Забайкалье // Известия Лаборатории древних технологий. 2012. № 9. С. 129–146.

Ковычев Е.В., Пискарева Я.Е. Керамика Шивэйского городища Проезжая-1 // Забайкалье историческое: материалы V межрегион. науч.-практ. конф. (Чита, 25 ноября 2016 г.). Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. С. 21–29.

“Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii” [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: proceedings of the Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, 2011]. Vol. XVI. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 127–130. (In Russian).

Alkin S.V., Sergusheva E.A. *Semena mari beloi (Chenopodium album) v kul'turnykh otlozheniyakh Ust'-Cherninskogo gorodishcha* [White Mari (*Chenopodium album*) seeds in cultural sediments of the settlement Ust-Chernynsky]. *Materialy Godovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2013 g. “Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii”* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: proceedings of the Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013]. Vol. XIX. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013, pp. 164–167. (In Russian).

Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. *Kochevniki Zabaikal'ya v epokhu srednevekov'ya (po materialam pogrebenii)* [Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages (according to the burial data)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984, 201 p. (In Russian).

Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I. *Darasunskii kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov. Vostochnoe Zabaikal'e* [Darasun complex of archaeological sites. Eastern Transbaikalia]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000, 176 p. (In Russian).

Kovychev E.V. *O nekotorykh znakovykh aspektakh izucheniya Shilkinskikh gorodishch* [On some sign aspects of the study of Shilka settlements]. *Materialy 3-i nauchno-prakticheskoi konferentsii “Sotsiogenez v Severnoi Azii”* [Sociogenesis in North Asia: proceedings of the 3rd scientific and practical conf.]. (Irkutsk, March 28 – April 1, 2009). Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2009, pp. 170–177. (In Russian).

Kovychev E.V. *Znakovye aspekty izucheniya shilkinskikh gorodishch* [Sign aspects of the study of Shilka settlements]. *Sretenskii raion: istoriya i sovremennost'* [Sretensky district: history and modernity]. Iss. 2. Chita: Ekspress-izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 37–48. (In Russian).

Kovychev E.V. To the history of the early Mongols in Transbaikalia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2012, no. 9, pp. 129–146. (In Russian).

Kovychev E.V., Piskareva Ya.E. *Keramika Shiveiskogo gorodishcha Proezzhaya-1* [Pottery of the Shiwei settlement Proezzhaya-1]. *Materialy V mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Zabaikal'e istoricheskoe”* [Historical Transbaikalia: materials V inter-region. scientific-practical conf.]. (Chita, November 25, 2016). Chita: Trans-

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.

Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 136–148.

Мелихов Г.В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе: сб. ст. Изд. 2-е. М.: Наука, 1977. С. 62–84.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1998. 194 с.

Окладников А.П. Археологические работы на Дальнем Востоке в 1954 г. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук, на пленуме Института истории материальной культуры и сессии Ученого совета Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 года. М., 1955. С. 23–26.

Окладников А.П. Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. В 2-х ч. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1975. С. 6–20.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 2. Благовещенск: Амурский государственный университет, 1999. С. 4–29.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / отв. ред. Н.П. Шастина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 271 с.

Сергушева Е.А. Предварительные результаты изучения семян и плодов растений со средневекового городища Усть-Чёрная (Забайкальский край) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. конф. (Чита, 13–19 сентября 2013 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Чита: Забайкальский государственный университет, 2013. С. 85–91.

baikal State University Publ., 2016, pp. 21–29. (In Russian).

Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chingis-khana* [Empire of Genghis-Khan]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006, 557 p. (In Russian).

Kychanov E.I. *Mongoly v VI – pervoi polovine XII v.* [Mongols in the VI – first half of the XII century]. *Dal'nii Vostok i sosednie territorii v srednie veka* [Far East and neighboring territories in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980, pp. 136–148. (In Russian).

Melikhov G.V. *Ustanovlenie vlasti mongol'skikh feodalov v Severo-Vostochnom Kitae* [Establishment of the power of the Mongol feudal lords in Northeast China]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 62–84. (In Russian).

Nesterov S.P. *Narody Priamur'ya v epokhu rannego srednevekov'ya* [The peoples of the Amur region in the early Middle Ages]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998, 194 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Arkheologicheskie raboty na Dal'nem Vostoke v 1954 g.* [Archaeological work in the Far East in 1954]. *Tezisy dokladov na sessii Otdeleniya istoricheskikh nauk, na plenume Instituta istorii material'noi kul'tury i sessii Uchenogo soveta Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya, posvyashchennykh itogam arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii 1954 goda* [Theses of reports at the session of the Department of Historical Sciences, at the plenum of the Institute of the History of Material Culture and at the session of the Academic Council of the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography devoted to the results of archaeological and ethnographic studies in 1954]. Moscow, 1955, pp. 23–26. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Drevnee Zabaikal'e (kul'turno-istoricheskii ocherk)* [Ancient Transbaikalia (cultural and historical essay)]. *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri* [Life and art of the Russian population of Eastern Siberia]. In 2 parts. P. 2. *Zabaikal'e* [Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975, pp. 6–20. (In Russian).

Okladnikov A.P., Larichev V.E. *Arkheologicheskie issledovaniya v basseine Amura v 1954 godu* [Archaeological research in the Amur basin in 1954]. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii* [Traditional culture of Eastern Asia]. Iss. 2. Blagoveshchensk: Amur State University Publ., 1999, pp. 4–29. (In Russian).

Shastina N.P. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels of Plano Carpini and Rubruk to eastern countries]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury Publ., 1957, 271 p. (In Russian).

Sergusheva E.A. *Predvaritel'nye rezul'taty izucheniya semyan i plodov rastenii so srednevekovogo gorodishcha Ust'-Chernaya (Zabaikal'skii krai)* [Preliminary results of studying the seeds and fruits of plants from the medieval settlement Ust-Chernaya (Trans-Baikal Territory)]. *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri"* [Ancient cultures of

Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 487 с.

Fleming L.S., Losey R.J., Nomokonova T., Garvie-Lok S., Kharinskii A.V., Kovychev E.V. Medieval animal management practices at Proezzhaia I: Insights from dietary stable isotope analysis // Journal of Archaeological Science. 2018. Vol. 22. P. 45–57.

Losey R.J., Osipov B., Sivakumaran R., Nomokonova T., Kovychev E.V., Diatchina N.G. Estimating Body Mass in Dogs and Wolves Using Cranial and Mandibular Dimensions: Application to Siberian canids // International Journal of Osteoarchaeology – Edmonton: University of Alberta (Canada), 2014. January 2014, Wiley. DOI: 10.1002/oa.2386.

Losey R.J., Nomokonova T., Fleming L.S., Kharinskii A.V., Kovychev E.V., Konstantinov M.V., Diatchina N.G., Sablin M., Iaroslavtseva L.G. Buried, eaten, sacrificed: archaeological dog remains from Trans-Baikal, Siberia // Archaeological Research in Asia. 2018. Vol. 16. P. 58–65.

Критерии авторства

Ковычев Е.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Ковычев Евгений Викторович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
e-mail: kovychevevgenyi@mail.ru

Харинский Артур Викторович,
доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
e-mail: kharinsky@mail.ru

Крадин Николай Николаевич,
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, и. о директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
e-mail: kradin@mail.ru

Mongolia and Baikal Siberia: proceedings of the IV Intern. scientific conf.]. (Chita, September 13–19, 2013). In 2 parts. P. 2. Chita: Transbaikal State University Publ., 2013, pp. 85–91. (In Russian).

Taskin V.S. *Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu* [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Dunhu group]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 487 p. (In Russian).

Fleming L.S., Losey R.J., Nomokonova T., Garvie-Lok S., Kharinskii A.V., Kovychev E.V. Medieval animal management practices at Proezzhaia I: Insights from dietary stable isotope analysis. Journal of Archaeological Science, 2018, vol. 22, pp. 45–57.

Losey R.J., Osipov B., Sivakumaran R., Nomokonova T., Kovychev E.V., Diatchina N.G. Estimating Body Mass in Dogs and Wolves Using Cranial and Mandibular Dimensions: Application to Siberian canids. International Journal of Osteoarchaeology – Edmonton: University of Alberta (Canada), 2014, January 2014, Wiley. DOI: 10.1002/oa.2386.

Losey R.J., Nomokonova T., Fleming L.S., Kharinskii A.V., Kovychev E.V., Konstantinov M.V., Diatchina N.G., Sablin M., Iaroslavtseva L.G. Buried, eaten, sacrificed: archaeological dog remains from Trans-Baikal, Siberia. Archaeological Research in Asia, 2018, vol. 16, pp. 58–65.

Attribution criteria

Kovychev E.V., Kharinskii A.V., Kradin N.N. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Information about the authors

Evgeniy V. Kovychev,
Cand. Sci. (History), associate professor of the Department of history,
e-mail: kovychevevgenyi@mail.ru

Artur V. Kharinskii,
Dr. Sci. (History), professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia,
e-mail: kharinsky@mail.ru

Nikolai N. Kradin,
Dr. Sci. (History), professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Acting director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
e-mail: kradin@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 396
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-103-112

ОБРАЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ НАРОДОВ НА ПОЛЯРНОМ УРАЛЕ: ГАРМОНИЯ ИЛИ ГНЕТ ЗАПРЕТОВ?

© Пак Чжун Гон

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук
119334, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский просп., 32-А

Аннотация: В культуре оленеводов женщины до настоящего времени должны соблюдать множество запретов. При этом, несмотря на быстрое распространение в этом регионе урбанизации и модернизации, современное соблюдение запретов женщинами в тундре происходит не столько по требованиям мужчин, сколько по воле самих женщин. С одной стороны, женщины активно ищут свое место в современном обществе, осваивают новые роли, с другой – понимают важность сохранения древних традиций и готовы идти ради этого на жертвы. Так, в наши дни все больше женщин кочевых оленеводческих народов Сибири получают высшее образование в университетах России, имеют опыт работы в городах. Хотя многие девушки после обучения в интернате или в университете возвращаются в тундру, видя в продолжении кочевого образа жизни предков свою судьбу и предназначение, они неизбежно привносят новый взгляд на отношения между гендерами, смотрят по-новому на запреты. В связи с этим, главная проблема состоит в необходимости поиска выхода из этой противоречивой ситуации через стремление понять друг друга и взаимное уважение между гендерами. Данная статья посвящена проблеме поиска баланса между сохранением традиций и современным образом жизни у женщин коми и ненцев.

Ключевые слова: *ненцы, коми, север России, оленеводы, быт оленеводов, ритуал, образ жизни женщин, традиционные запреты, табу, гендерное равенство*

Информация о статье: Дата поступления 11 августа 2018 г.; дата принятия к печати 10 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Пак Чжун Гон. Образ жизни женщин оленеводческих народов на полярном Урале: гармония или гнет запретов? *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):103–112. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-103-112.

THE LIFESTYLE OF WOMEN OF REINDEER HERDING PEOPLES IN THE POLAR URALS: HARMONY OR OPRESSION OF PROHIBITIONS?

© Park Jung Gon

The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
32-A Leninsky prosp., Moscow 119334, Russian Federation

Abstract: In the culture of reindeer herders, women must observe many prohibitions up until now. At the same time, despite the rapid spread of urbanization and modernization in this region, the modern observance of prohibitions by women in the tundra occurs not only from the requirements of men, but also at the will of the women themselves. Women actively seek their place in modern society, learn new roles, but at the same time, understand the importance of preserving ancient traditions and are ready to sacrifice themselves for this. Nowadays more and more women of the nomadic reindeer herding people of Siberia receive higher education in Russian universities, have experience working in the cities. But at the same time, many of them are returning to the tundra after studying in the boarding school or at the university, believing that preserving the tradition of nomadic way of life as their destiny and mission. And these women bring a different and new point of view on the problems of prohibitions in traditional way of life, bring the new view of the relations between the gender inevitably. In this regard, the

main goal is finding a way out of this contradictory situation through the desire to understand each other and mutual respect between the genders. This article is devoted to the issue of finding a balance between preserving traditions and absorbing the modern way of life for Komi and Nenets women.

Keywords: *Nenets, Komi, north of Russia, life of reindeer, reindeer herder, reindeer's ritual, woman's lifestyle, traditional prohibitions, taboo, gender equality*

Article info: Received August 11, 2018; accepted for publication September 10, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Park Jung Gon. The lifestyle of women of reindeer herding peoples in the polar Urals: harmony or oppression of prohibitions? *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):103–112. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-103-112.

Введение

У каждого народа на земном шаре есть своя уникальная культура, которая, однако, подвержена изменениям. Так, например, на сегодняшний день большинство традиций, касающихся женщин и передававшихся столетиями из поколения в поколение, стали пережитками прошлого, т. е. тем, от чего люди сами решили отказаться. В то же время группа людей, проживающих в определенном регионе и принадлежащих к одной народности и культуре, постоянно наследует дух и образ жизни своих предков, но в каждую эпоху их образ жизни дополняется уникальными особенностями, которые сливаются в неповторимую культуру, находящую свое отражение в традициях. Другими словами, традиции постоянно проходят испытание временем, преобразовываясь и изменяясь.

Вопрос сохранения и разрушения самих основ человеческой культуры наиболее остро проблематизирует тему запретов и ограничений, что отметил Ю. Лотман: «…Ведь с чего начинается культура? Исторически – с запретов». В культуре человеческого общества всегда существовало множество «нельзя», и при формировании этих запретов, по словам ученого, происходит следующий странный процесс: табу накладывается на самые нужные, простые, естественные вещи – еду и секс. С этого и начинается культура (Лотман, 2003. С. 282).

В традиционной культуре существовало множество запретов для женщин. Этот феномен можно было наблюдать в совершенно разных странах и обществах. К примеру, в традиционной культуре Кореи, родины автора, под сильным влиянием конфуцианства появилось множество запретов для женщин. Как и в мусульманской традиции, женщинам нельзя было выходить из дома без разрешения главы семьи, особенно ночью, а на улице они должны были скрывать свое тело и лицо длинной одеждой «чжан-от» (Chang-ot); также вплоть до середины XX в. им было запрещено разговаривать с чужими мужчинами. Несмотря на то, что практически все эти традиции с течением времени ослабли и исчезли, хотя и просуществовали долгое время, практически до конца XX в., некоторые из них соблюдаются до сих пор. Например, женщинам нельзя курить и пить спиртное на улице.

На сегодняшний день похожая ситуация наблюдается и на Полярном Урале. Благодаря техническому прогрессу у женщин оленеводческих народов в тундре появились новые представления о возможном образе жизни, но, несмотря на это, традиционные запреты по-прежнему сильны. Традиционное до недавнего времени общество перенимает все больше черт европейской цивилизации, и женщины постепенно отвоевывают свои права в нем, так что для них становится возможным активное участие в общественной жизни, однако между европейским образом жизни и традиционным жизненным укладом оленеводческих народов сохраняется большая разница в уровне свободы женщин. К примеру, в тундре до сих пор существует много ограничений, регламентирующих поведение женщин.

Данная статья посвящена исследованию традиционного, полного запретов образа жизни женщин в оленеводческих народах Полярного Урала и его перехода к более современным формам, способным привести оленеводческое общество к гендерному равенству и гармонии.

Система запретов как способ организации быта

Полярный Урал – место проживания древнейших обитателей севера России, до сих пор сохраняющих самобытные традиции и культуру. На Полярном Урале происходило формирование культур ненцев, коми и хантов, основными видами хозяйственной деятельности которых являлись оленеводство, охота и рыболовство.

Ненцы один из крупнейших северных оленеводческих народов России, проживают на западе Сибири, начиная от Кольского полуострова, на территории Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов (НАО и ЯНАО соответственно) и по всему Таймырскому полуострову. Большинство ненцев живут на Ямале. Согласно результатам переписи 2010 г., всего в мире насчитывается 44 640 ненцев, из которых 23 859 чел. женщины и 20 781 чел. – мужчины, т. е. численность женщин превышает численность мужчин. Многие ненки на Кольском полуострове и в НАО уже не работают в тундре, но на Ямале женщин больше, чем в других регионах тундры. До 2006 г. в ямальской тундре по численному составу населения количество мужчин и женщин было практически равным (2 616 мужчин и 2 662 женщины).

Как известно, ненцы – народ, традиционно занимающийся оленеводством. Многие исследователи считают, что сформировалось оно в XVIII в. и только в следующем столетии оформилось в современный тип. Для ненцев характерны длительные сезонные перекочевки по тундровой зоне, связанные с тяжелым ежедневным трудом. Традиционно обязанности женщин в тундре заключались в приготовлении пищи, шитье шкур, заготовке воды, также женщина помогала мужчинам семьи и в ежедневной постройке временного загона для оленей (по-ненецки кораль). Таким образом, численность женщин у оленеводческих народов в тундре всегда оставалась значительной, так как без их помощи кочевая жизнь оказалась бы неосуществима.

Маршрут на год ненцы-оленеводы определяют заранее, прежде чем уедут из поселка в тундру. На зиму они останавливаются в зимнем стойбище около поселка или города на более южных территориях, а в начале весны, закупив все необходимые в дороге продукты, начинают кочевать на север. Лето проводят около моря на севере, а осенью возвращаются обратно на юг. Таким образом, почти целый год они живут в тундре; подобный образ жизни, естественно, нелегок и суров, особенно для детей, пожилых людей и женщин, поэтому в их кочевой культуре сформировался невероятно строгий распорядок жизни.

Ограничения, играющие важную роль в традиционном образе жизни у ненцев-оленеводов Полярного Урала, как и у других кочевников в тундре, связаны со свойственными им бытовыми традициями, особенностями кочевой жизни и природных условий на их землях, обрядами и религиозными верованиями. Стоит отметить, что тундра – пространство, на котором искони проживают ненцы и которое они называют своей землей – оказала особо сильное влияние на формирование традиционного быта. Как отметила А.А. Сирина, любая освоенная земля несет на себе признаки ее организации, а место, где живут аборигены, они считают «своей землей», и имеют с ним непосредственную эмоциональную связь (Сирина, 2002. С. 259).

Поэтому в тундре семьи оленеводов кочуют по привычному маршруту, на котором обычно бывают расположены их священные места; часто они планируют дорогу, ориентируясь по таким местам, чтобы регулярно посещать их.

Как уже было отмечено, у ненцев есть территория, которую они называют своей землей, также у них существует строгое деление пространства внутри чума. Например, в чуме выделена особая часть для гостя, есть пространство для хозяина, а за очаг не имеет права заходить ни один из членов семьи – это пространство принадлежит духам. Как и понятие «своя земля», многие запреты берут начало из представления о разделении пространства на место для живых людей и для умерших. На земле ненцев ограничения делятся на две части: постоянные и временные. Постоянный запрет, другими словами, табу, в основном, относится к шаману и его обрядам. Временные ограничения связаны с рыбалкой, охотой, женской нечистотой и родами.

В традиционном быту в тундре существует много ограничений, и почти каждый народ передает их из поколения в поколение. В жизни нен-

цев-оленеводов запреты являются традиционными, нравственно-бытовыми и этническо-религиозными нормами. Среди них можно отметить запреты, связанные с оберегом жилища, сохранением материального положения и благополучия, защитой жизни и здоровья и запреты, связанные с природой и животными. Все они соблюдаются не только женщинами, но всеми членами семьи в чуме, членами оленеводческой бригады или жителями одного региона, составляющими небольшое сообщество. Игнорирование запретов может привести к наказаниям, которые, по преданиям, выражаются в болезнях членов семьи, неудачах на охоте и рыбалке, в оленеводстве. Главная причина существования данной традиции состоит в том, что нарушение подобных запретов, как считают ненцы, приводит, соответственно, к нарушению гармонии в тундре.

Таким образом, многие ограничения должны соблюдаться не только женщинами, но и всеми членами общины. Например, запрет ходить за очагом и вокруг чума, запрет называть зверей по именам, особенно медведя и т. д. Важно отметить, что большинство таких запретов связано с домашним бытом или непосредственно с пространством чума и инструментами внутри него. Однако, так как пространство, в котором женщина работает и, следовательно, проводит большую часть своего времени, ограничивается пределами чума или захватывает лишь небольшую территорию вокруг него, она практически постоянно находится под воздействием тех или иных запретов.

В целом в современном мире мужчины и женщины могут выполнять одну и ту же работу, но у ненцев в тундре Полярного Урала женские и мужские обязанности традиционно сильно различаются, в основном это происходит из-за ограничений, налагаемых на женщин. Многие исследователи уже писали в своих статьях о запретах, существующих в тундре исключительно для женщин. Например, запрет переступать через мужчин и детей, разрешение ходить в туалет только перед чумом и многое другое. Женщинам запрещается проходить перед священным шестом (симзы) и священной нартой. Им нельзя сушить свою обувь, вешая ее на шесты и нарты, нельзя наступать на след медведя и т. д. Таким образом, женщины оказываются под воздействием запретов значительно чаще мужчин. С другой стороны, интересно также и то, что женщины у ненцев по собственной воле хранят традиции родного народа и соблюдают запреты. Как отметила Е.В. Лярская, комплекс запретов сохранился практически полностью и почти не претерпел изменений, и на сегодняшний день он распространяется не только на пожилых женщин, но и на школьниц. Одна из причин подобного феномена состоит в том, что женщины с юного возраста сами старательно учатся соблюдать традицию запретов и адаптируются к жизни старшего поколения (Лярская, 2005).

Можно предположить, что сам образ жизни женщин в тундре по большей части изначально развивался среди запретов, которые прочно укрепились в укладе кочевой жизни в тундре и сохранились до настоящего времени, стали составной и, более того, необходимой частью культуры. Словосочетание «образ жизни женщин в тундре» впервые встречается в исследованиях «гендерной проблематики» или «запретов в привычной жизни и в сакральных обрядах». Важнейшая информация об образе жизни женщин в тундре содержится в работах современных российских ученых[1] (Харючи, 2010; Лярская, 2010; Лар, 2007). В такой жизни роль женщин крайне важна. Как справедливо отметила Харючи, женщина выполняла важные функции по созиданию, сохранению, передаче социального и культурного опыта (Харючи, 2010). Одним из механизмов реализации этих функций и являлась система запретов. Ненецкие женщины не сомневаются в том, что именно в тундре для них заключена семейная жизнь, т. е. тундра – пространство не только для мужчин, но для всей семьи.

Замужество для ненок в тундре – это не один из этапов естественного жизненного процесса, а порой просто социальная сакральная система с экономической подоплекой. В тундре женщина

[1] Хомич Л.В. Ненецкая женщина до и после Великой Октябрьской революции: дис. … канд. ист. наук. Л., 1950. 200 с. / Khomich L.V. Nenets woman before and after the Great October Revolution: dis. ... Cand. Hist. Sciences. Leningrad, 1950. 200 p.

после свадьбы должна принять традиции и образ жизни семьи жениха, т. е. свадьба для женщин в тундре с одной стороны может быть личным выбором или же, с другой стороны, может быть продиктована экономическим расчетом и давлением семьи или общины. Например, девушку выкупают за оленей в качестве приданого, символически связывают, кладут в сани и увозят. Когда автор был на Ямале у семьи Токчи Худи (частных оленеводов), то стал свидетелем сватовства к его второй дочери. Пришли жених и его отец, они торговались, сколько оленей подарить родителям невесты, после чего родители жениха и невесты праздновали удачное завершение сватовства. Жених должен был показать свою силу, для чего он сразился с братьями невесты в национальной борьбе. Невеста же, совершив обряд очищения в чуме, садилась в нарты, где ее накрывали тканью и прятали. На нартах она объезжала вокруг родного чума и отправлялась в дом жениха, где и проходила свадебная церемония. До свадьбы жених не пересекался с невестой и даже не мог ее увидеть. Таким образом, женщина сама себе не принадлежит и не может распоряжаться своей жизнью.

Особенно много ограничений существует для женщин в разных обрядах. В книге «Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса» Харючи писала, что в чумах ненцев хантыйских родов (Салиндер, Тибичи, Неркаги) женщине, не прошедшей обряд очищения, нельзя наступать на доски пола, более того, она должна сама попросить железную пластину (Харючи, 2001. С. 161), поскольку ненцы считают, что железо, особенно медь, очищает человека и защищает его от злых духов. Перед тем, как войти в чум, женщина должна наступить на пластину для очищения. Также можно найти ограничение для женщин и в проведении обряда жертвоприношения Солнцу. Мясо жертвенного животного, которое нельзя внести в чум, женщинам есть запрещено. Кроме этого, множество запретов для женщин существует и в похоронных обрядах.

Проблема запретов в эпоху глобализации

В традиционном обществе женщина всегда играла важную роль, подобное положение сохраняется и сейчас в оленеводческом обществе народа коми на приполярном Урале. Женщина кормит семью, воспитывает и обучает детей, что сделать в тундре непросто. Также женщины как носители традиций передают молодому поколению важнейшие знания и умения, необходимые для занятия оленеводством. Коми-зыряне и в особенности коми-ижемцы, кочующие в тундре Полярного Урала, наравне с ненцами являются наиболее многочисленным коренным оленеводческим народом Сибири. Большинство коми проживают на севере республики Коми, в основном в Воркутинском районе. Как и у ненцев, у коми есть свои запреты, связанные с традиционными религиозно-этическими нормами, которые регламентируют поведение и нравственную жизнь. Прежде всего, подобные запреты связаны с защитой жизни и здоровья человека, оленей, с защитой жилища и природы, материального положения. Необходимость беречь орудия труда, оружие для охоты и снаряжение для рыбалки тоже требует некоторых ограничений с целью защиты семьи от неудач и несчастных случаев. Однако, по сравнению с ненками, у коми на женщин накладывается не так много запретов, поэтому можно сказать, что они более свободны в повседневной жизни, чем ненки.

Большинство запретов связано с религиозными представлениями коми. У коми, как и у других народов, множество ограничений уходит своими корнями в глубокую древность. Однако традиции коми, живущих в тундре, сильно отличаются от традиций лесных коми и коми-пермяков, в частности, это касается питания. Различия есть и в религии, например, живущие в тундре коми уже долгое время исповедуют православие. Как известно, в христианской традиции запрещено употреблять в пищу сырое мясо, но в действительности многие христиане-оленеводы коми едят сырую оленину и рыбную строганину. Как и ненцы, они придерживаются образа жизни, продиктованного природой тундры, и в этом их отличие от коми, живущих в городах.

Если сравнивать с другими религиозными верованиями, то именно христианство (раньше православие, а в наше время и баптистские миссионеры стали играть немаловажную роль) оказало наибольшее влияние на жизнь народа коми. Для

женщин коми принятие православия является очень важным фактором. Как и другие северные народы, первоначально коми восприняли православие через призму языческих религий, и их верования носили синкретический характер. В отличие от ненцев и хантов, коми приняли православие в средние века, и многие из них могли читать Библию на языке коми или на русском. Поэтому большинство женщин-коми умели читать и могли обучать чтению своих детей, благодаря чему развивалась письменность и повышался уровень образования. В тундре в чуме коми, в отличие от чумов других народов, стоят иконы, есть Библия, которые коми берут с собой при перекочевках. Более того, в отличие от ненцев, зачастую их располагают на священном месте за очагом (такое же место существует и в чуме ненцев), где обычно хранятся священные в верованиях коми предметы. Комплекс запретов, связанных с этим местом, распространяется как на женщин, так и на мужчин.

Продолжая тему запретов и обязанностей в сфере приготовления пищи, которых существует большое количество, стоит также отметить, что главная проблема состоит в том, что многие запреты, касающиеся еды, распространяются только на женщин. По материалам автора, в некоторых семьях кочевников в Воркутинском районе женщины не чистили такую рыбу, как щука и налим. Когда в марте 2014 г. автор был в воркутинской тундре у семьи Бориса и Филиппа Ледковых, которые работают в 1-ой и 6-ой бригадах «Оленесовхоза», они, в отличие от других коми-кочевников, часто употребляли в пищу сырую оленину и рыбную строганину. Только женщины практически не чистили рыбу, они говорили, что им нельзя чистить щуку и налима. Подобный запрет отметил у ненцев А. Ёсида, но его существование у коми еще не изучалось. Автор неоднократно наблюдал соблюдение этого запрета в семьях коми, однако женщины-коми никак не объяснили причину его возникновения. По словам самих коми-кочевников, кочуя вместе с ненцами, они переняли некоторые ненецкие традиции, связанные с едой. Также весной женщины должны сушить весь хлеб, который они купили в деревне перед тем, как уехать кочевать, на нарте, выйдя из чума. Иначе хлеб испортится из-за влажной погоды, и это будет считаться для женщины не просто ошибкой, но очень большим грехом.

В прошлом женщины-коми помогали мужчинам в оленеводстве, но со значительным повышением уровня образования они стали заниматься социальной и общественной деятельностью и начали устраиваться на работу в качестве медсестер, воспитательниц, ветеринаров и т. д. в городах и селах. Вследствие этого в последнее время численность женщин в тундре уменьшается. В наши дни в Воркутинском районе республики Коми в семьях оленеводов только хозяйка чума остается в тундре, а молодые девушки живут и учатся в различных населенных пунктах, возвращаясь в тундру только на каникулах или во время отпуска. Подобные социальные изменения особенно заметны в НАО. Когда автор впервые посетил его в конце 2009 г., многие женщины принимали активное участие в работе оленеводов и кочевали вместе с семьей. В оленеводческой бригаде они воспитывали детей и занимались работой по хозяйству, но когда в декабре 2016 г. и в январе 2018 г. автор посетил Нарьян-мар и п. Нельмин-Нос, большинство женщин уже оставались в поселке, где и жили в домах с детьми (табл. 1).

Они говорили, что постоянно проживают не в чуме, а в домах поселка, за исключением летнего сезона, когда у оленеводов особенно много работы. Поэтому во время каникул у детей женщины вместе с ними приезжают на стойбище, где помогают мужчинам в работе. Одной из главных причин подобного уклада жизни является то, что все больше оленеводов пользуются снегоходами и трэколями (колесными вездеходами). Подобные транспортные средства серьезно помогают передвигаться по тундре. Теперь оленеводам стало легче добираться из стойбища до поселка и обратно, и женщины уже смогли выбирать, где они хотят жить. С повышением уровня образования многие женщины стали уезжать в Архангельск, Санкт-Петербург с целью устройства на работу в городе или продолжения учебы.

В традиционном обществе женщина выполняла важные функции по созиданию и сохранению семьи, передаче социального и культурного опыта. В частности, образование детей и их адаптация к

Таблица 1

Численность оленеводов в тундре Ненецкого автономного округа

Table 1

The number of reindeer herders in the tundra of the Nenets Autonomous District

Год	Население		
	Женщины	Мужчины	Всего
2011	295	669	964
2012	283	654	937
2013	274	636	910
2014	259	608	867
2015	263	634	897
2018	–	–	829

Составлено по данным департамента природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса Ненецкого автономного округа за 2018 г.

традиционному образу жизни посредством игр входили в ее обязанности. Как и в городе, в тундре девочек и мальчиков воспитывают по-разному, особенно это заметно в сфере бытового образования. Мальчики в большинстве своем после достижения школьного возраста проводят много времени с отцом или старшими братьями и учатся у них кочевать (*ямдать*), кормить оленей, работать в стаде, кидать аркан и т. д. и предпочитают такой образ жизни какому-либо иному. Девочки все знания получают от матери, даже учатся у нее, как надо ездить на нартах. Девочки обычно не только обучаются у матери домашним делам (шить шкуры, топить чум, готовить, сушить и чистить и т. д.), но и приобретают большой жизненный опыт в семье, понимают, что означает кочевая жизнь. Со временем девочки привыкают к домашней работе и начинают видеть в подобном образе жизни свое будущее.

Женщина в тундре незаменима, и оленеводческие народы уважают ее труд. Женщина тундры – не просто домохозяйка, ее обязанности в чуме более обширны: она выделывает шкуры, шьет одежду, готовит пищу и кормит семью, благодаря ее труду вся семья может отдыхать после работы. Глава семьи обычно советуется с женой перед принятием важных решений. Недаром понятие *мяд' пухуця* – хозяйка чума, бог чума – передается из поколения в поколение именно женщинам по традиции ненцев. Помимо этого, во время погребального обряда, перед закрытием крышки гроба осуществляется важнейший обряд «выведения души», который также проводится пожилой женщиной, водящей по краям гроба шкурой горностая или медведя.

В своей научной работе Ю. Карпов отметил, что мужское пространство всегда совпадает с культурным пространством социума, тогда как женское всегда остается в тени, т. е. в центре традиционного общества и, следовательно, его культуры, всегда стоит «мужское», в то время как «женское» находится на окраине (Карпов, 2001. С. 7–9). Однако положение женщины должно рассматриваться в рамках ее положения в семье. Как утверждала С.Е. Сэрпиво, в тундре женщины по принципам семейной экономики имеют полноценные личные права, так как они могут владеть собственными оленями и свободно распоряжаться этим своим имуществом, не завися от других членов семьи. Таким образом, по сравнению с женщинами в других патриархальных культурах, они довольно свободны (Сэрпиво, 2014. С. 443).

С развитием средств электронной коммуникации в обществе значительно изменились представления о взаимоотношениях между различными социальными группами, в том числе между мужчинами и женщинами. Образ жизни в тундре также претерпел в этом веке коренное изменение: с обострением гендерной проблемы на севере началась инновация культуры образа жизни женщин. Как известно, до прошлого века женщины-кочевницы характеризовали свою жизнь через окружающую их сферу мужских интересов, но сейчас женщины получают большую социальную стабильность и независимость. Также они получили возможность узнать об образе жизни женщин в других культурах. После того, как интернет и социальные сети стали глобальным феноменом, расширились и возможности кочевников в получении информации о жизни других народов. В интернатах НАО и ЯНАО не только воспитатели имеют смартфоны, но и часть школьников, которые используют их для об-

щения с разными людьми. Раньше у девочек-школьниц практически не было телефонов, но сейчас, хотя в тундре нет мобильной связи, многие школьницы имеют смартфоны и, находясь в городе, общаются через службу социальной сети с разными людьми, в том числе и с представителями других народов, находящимися за рубежом.

Изменения в системе образования также имеют крайне важное значение. После учреждения государственной системы «интернатов» больше женщин получили доступ к образованию. Раньше наблюдался недостаток образования в связи со сложностями обучения детей в условиях кочевой жизни, но сейчас в интернате дети имеют доступ к разнообразной информации, могут играть на компьютере, просматривать фильмы на DVD, пользоваться интернетом и смартфонами. Доступ к значительному пласту информации и средствам массовой коммуникации является базовым фактором для реформирования общественного сознания детей. Такое явление в тундре способствует разрушению стереотипов по отношению к женщинам в общественном представлении (табл. 2).

Таким образом, сейчас можно наблюдать значительную перемену в традиционном образе жизни женщин в тундре и их представлении о собственной роли в обществе. С появлением интернета и развитием сотовой связи они стали узнавать о жизни женщин в других странах и регионах. В противовес воспитанию в тундре, готовящему исключительно к традиционному образу жизни, образование в интернате не только расширило представления женщин об обществе и отношениях между гендерами, но и открыло дорогу к недоступным ранее профессиям.

Заключение

В данной статье автор попытался рассмотреть проблему ограничений и традиционных запретов, существующих для женщин в тундре, их попытки обрести гармонию в современных условиях кочевой жизни и оленеводства на Полярном Урале. Статья подготовлена по полевым материалам, собранным автором в 2010–2018 гг. на севере Российской Федерации, по ним стало возможным проследить отношение самих женщин оленеводческих народов к запретам в традиционном быту, отношения личности к обществу в культуре и баланс между гармонией и запретами в женском образе жизни в тундре. Хотя многие советские ученые упоминали о запретах и табу у женщин, эта проблема была вынесена на обсуждение только в

Таблица 2

Сравнение количества учащихся – пользователей социальных сетей в школах Ненецкого автономного округа за 2018 г.

Table 2

Comparison of the number of students-users of social networks in schools of the Nenets Autonomous District for 2018

Показатель	Автономный округ и населенный пункт		
	Ненецкий		Ямало-ненецкий
	пос. Нельмин-Нос	пос. Красное	пос. Новый порт
Образование	Неполное среднее (9 классов)	Полное среднее (11 классов)	Полное среднее (11 классов)
Всего учащихся	99	220	350
Девочки	38	112	160
Девочки, имеющие смартфон	36	105	150
Девочки-пользователи социальных сетей	36	105	–
Девочки, общающиеся через социальные сети с людьми из других городов	25	81	–

Составлено по данным интервью с директорами национальных школ в Ненецком автономном округе.

конце XX – начале XXI в. Как уже было отмечено, в культуре оленеводов женщины до настоящего времени должны соблюдать множество запретов. Многие исследователи говорят о том, что в тундре патриархальный этнический стереотип по-прежнему силен, несмотря на быстрое распространение в этом регионе урбанизации и модернизации. Нельзя не отметить того, что современное соблюдение запретов женщинами в тундре происходит не только по требованиям мужчин, но и по воле самих женщин. С одной стороны, женщины активно ищут свое место в современном обществе, осваивают новые роли, с другой – понимают важность сохранения древних традиций и готовы идти ради этого на жертвы. Поэтому главная проблема состоит в необходимости поиска выхода из этой противоречивой ситуации через стремление понять друг друга и взаимное уважение между гендерами. Таким образом, женщины сами решают, следует ли им соблюдать запреты или искать гармонию между традициями и современностью в своей социальной жизни.

Современное общество оленеводов переживает процесс, благодаря которому женщины поставлены в ситуацию необходимости поиска баланса и гармонии между современным образом жизни и традиционными запретами в тундре, связанными с оленеводческой культурой. Возможно ли оленеводство ненцев и коми без выработанных в их культурах ограничений, в частности, запретов в отношении женщин? Постепенно запреты ослабеют, но что придет им на смену? В конечном итоге, выбор относительно своего будущего должен оставаться за женщинами.

Библиографический список

Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 419 с.

Лар Л.А. Представления о смерти и погребальные обряды ненцев в XVIII – начале XX в. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2007. Т. 49. №. 13. С. 89–103.

Лярская Е.В. Женщины и тундра. Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 3–38.

Лярская Е.В. Женские запреты и комплекс представлений о нечистоте у ненцев // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 317–326.

Лотман Ю.М. Воспитание души: Воспоминания. Беседы. Интервью. Беседы о русской культуре (телевизионные лекции). СПб.: Искусство–СПб, 2003. 621 с.

Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. Иркутск: Оттиск, 2002. 286 с.

Сэрпиво С.Е. К вопросу о гендерном пространстве в традиционной культуре ненцев // Сибирский сборник – 4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, 2014. С. 442–448.

References

Karpov Yu.Yu. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2001, 419 p. (In Russian).

Lar L.A. Representations of death and the burial rites of the Nenets in the XVIII – early XX century. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [News of the Ural State University. Series 2: Humanitarian sciences], 2007, vol. 49, no. 13, pp. 89–103. (In Russian).

Lyarskaya E.V. Women and tundra. Gender Shift in Yamal? *Antropologicheskii forum* [Anthropological forum], 2010, no. 13, pp. 3–38. (In Russian).

Lyarskaya E.V. Women's prohibitions and a complex of ideas about impurity of the Nenets. *Antropologicheskii forum* [Anthropological forum]. 2005. № 2. С. 317–326.

Lotman Yu.M. *Vospitanie dushi: Vospominaniya. Besedy. Interv'yu. Besedy o russkoi kul'ture (televizionnye lektsii)* [Soul remembrance: Memories. Conversations. Interview. Conversations about Russian culture (television lectures)]. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPb Publ., 2003, 621 p. (In Russian).

Sirina A.A. *Katangskie evenki v XX veke: rasselenie, organizatsiya sredy zhiznedeyatel'nosti* [Katanga Evenks in the twentieth century: settlement, the organization of the living environment]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2002, 286 p. (In Russian).

Serpivo S.E. *K voprosu o gendernom prostranstve v traditsionnoi kul'ture nentsev* [On the issue of gender space in the traditional culture of the Nenets]. *Sibirskii sbornik – 4. Grani sotsial'nogo: Antropologicheskie perspektivy issledovaniya sotsial'nykh otnoshenii i kul'tury* [Siberian collection – 4. Edge of the social: Anthropological perspectives of

Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века): монография. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2001. 226 с.

Харючи Г.П. Ненецкая женщина в науке: к вопросу об особенностях исследования сакральной сферы // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 44–53.

Критерии авторства

Пак Чжун Гон выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Пак Чжун Гон,
аспирант,
e-mail: mitya10011004@gmail.com

the study of social relations and culture]. Saint-Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo RAN Publ., 2014, pp. 442–448. (In Russian).

Kharyuchi G.P. *Traditsii i innovatsii v kul'ture nenetskogo etnosa (vtoraya polovina XX veka)* [Traditions and innovations in the culture of the Nenets ethnos (second half of the twentieth century)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2001, 226 p. (In Russian).

Kharyuchi G.P. Nenets woman in science: to the question about the features of the study of the sacred sphere. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2010, no. 3, pp. 44–53. (In Russian).

Attribution criteria

Park Jung Gong who has researched the work on the basis of the obtained results conducted a synthesis, has prepared a manuscript for publication, owns copyright on the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author claims that there is no conflict of interest.

Information about the author

Park Jung Gon,
postgraduate student,
e-mail: mitya10011004@gmail.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 625.1(09)+908
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-113-123

ПРЕДПОСЫЛКИ СООРУЖЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

© Н.В. Никифорова

Иркутский государственный университет путей сообщения
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15

Аннотация: В XIX в. в Забайкалье неудовлетворенность путями сообщения как с соседними территориями, так и внутри края достигла особой остроты. Первые идеи о проведении железной дороги исходили от инженеров. Так, в 1837 г. Н.И. Богданов предлагал построить железную дорогу от Кяхты до Нижнего Новгорода, но проект, увы, так и не был представлен императору Николаю I. Одним из следующих поступило предложение предпринимателя П.М. Коллинса о сооружении рельсового пути за Байкалом. В статье раскрывается как суть предложений американского путешественника, так и ответа Второго Сибирского комитета, который категорически отвергнул условия Коллинса. В обсуждении предложения принимали участие высокие чиновники. Особую протекцию североамериканцу оказал генерал-губернатор Н.Н. Муравьев, которому правительство поручило «мягко» ответить отказом, ссылаясь на преждевременность предложения. Вновь вопрос о железной дороге в Забайкалье был поднят и получил свое окончательное разрешение в 1886–1890 гг., когда Иркутский и Приамурский генерал-губернаторы А.П. Игнатьев и А.Н. Корф предложили построить железнодорожные участки от Томска до Иркутска и от Байкала до Сретенска. По воле императора Александра III вопрос о «стальном пути» обсуждался в июне 1887 г. на совещаниях в Санкт-Петербурге, после чего изыскательские работы были выполнены, в том числе и в Забайкалье.

Ключевые слова: *Сибирь, дороги, генерал-губернатор, проект, пути сообщения, предприятие, реки, строительство, товары, сооружения, направление*

Информация о статье: Дата поступления 28 апреля 2018 г.; дата принятия к печати 28 мая 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Никифорова Н.В. Предпосылки сооружения железной дороги в Забайкалье. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):113–123. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-113-123.

THE PREREQUISITES OF RAILWAY BUILDING IN TRANSBAIKALIA

© Natalya V. Nikiforova

Irkutsk State University of Communications
15 Chernyshevsky Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract: In the 19th century the dissatisfaction with means of transportation in Transbaikalia, both with the neighboring territories and inside the region reached special sharpness. The first ideas about carrying out the railway proceeded from engineers. So, in 1837 N.I. Bogdanov suggested to construct the railway from Kyakhta to Nizhny Novgorod that, alas, was not presented to the emperor Nicholas I. The next was the proposal on a construction of a railway line beyond Baikal made by businessman P.M. Collins. This proposal of the American traveler as well as the reply of the Second Siberian committee that absolutely rejected Collins's conditions are revealed in this article. High officials took part in discussion of the offer. The governor general N.N. Muravyev to whom the government charged to refuse "softly" pulled the special strings to the North American, referring to prematurity of the offer. Again, the question of the railway in Transbaikalia was brought up and got the final permission in 1886–1890 when the Irkutsk and Priamurye governor-generals A.P. Ignatyev and A.N. Korf suggested to build railway parts from Tomsk to Irkutsk and from Baikal to Sretensk. Thanks to it and to the will of the emperor Alexander III the issue of a steel way was discussed in June, 1887, at meetings in St. Petersburg then prospecting works were performed in all supposed area including the Transbaikalia.

Keywords: *Siberia, roads, governor general, project, means of communication, enterprise, rivers, building, goods, constructions, direction*

Article info: Received April 28, 2018; accepted for publication May 28, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Nikiforova N.V. The prerequisites of railway building in Transbaikalia. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):113–123. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-113-123.

В истории вопроса необходимости строительства самостоятельной железной дороги в Забайкалье отчетливо выделяются несколько периодов, когда в XIX в. с окраин Сибири в правительство стали поступать предложения о строительстве рельсового пути. Первые два периода были связаны с плохим состоянием путей сообщения, третий – характеризовался экономическими соображениями, в четвертый добавлялось стратегическое значение «стальной колеи». Устройство постоянного пути сообщения Иркутска с Забайкальским краем было всегда вопросом как административного, так и торгового плана. В конце XVIII – первой половине XIX в. почти все генерал-губернаторы по мере средств и сил постоянно стремились к решению этой трудной задачи, но, к сожалению, стремления их не имели успеха, несмотря на то, что впоследствии к ним подключились инженеры путей сообщения. Однако именно благодаря работе инженеров возникло первое предложение о проведении рельсового пути в Забайкалье.

Идея появилась в момент рождения первой российской железной дороги. В 1836 г. австрийский инженер Ф.А. фон Герстнер в своей записке «О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск, высочайше привилегированной его императорским величеством компанией» (Герстнер, 1836) предлагал построить железную дорогу, полезную для загородных прогулок с целью отдыха. В 1837 г. Н.И. Богданов, выполнявший изыскательские работы в Южном Прибайкалье для выбора направления Кругобайкальской гужевой дороги, в записке «Предположение устроения новой дороги для постоянного и беспрепятственного сообщения Иркутска с Забайкальским краем, с распространением сего предположения впоследствии для устроения путей сообщения по всему протяжению Сибири» (РГИА[1]. Ф. 218. Оп. 1. Д. 1254. Л. 24–44 об.) на имя главноуправляющего путями сообщения обосновал необходимость прокладки железнодорожного пути в Забайкалье.

Таким образом, в России за небольшой промежуток времени было предложено два проекта железнодорожного строительства. В первом проекте железная дорога представлялась «увеселительной», во втором – даже не коммерческой, а государственной, поскольку Н.И. Богданов предлагал построить железную дорогу от Кяхты до Нижнего Новгорода, которая могла втянуть в сферу своего влияния огромные территории. Он писал: «… Огромное протяжение Сибири, доставляет к сему обширный круг действий: первоначально для улучшения сухопутных сообщений, потом для устроения водяных сообщений, дабы воспользоваться плаванием рек, которые ныне остаются без судоходства почти еще во всей Сибири не существующего и, наконец, для устроения железной дороги, выгоднейшего и удобнейшего способа сообщения от границы китайской до Нижегородской ярмарки. Для начального приступа к сему исполинскому предприятию, исполнение коего ныне, кажется, вовсе не возможным и несбыточным, представляется следующий удобный случай» (РГИА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 1254. Л. 39). От Троицкосавской крепости, где были таможенные здания, до торговой слободы Кяхты, напротив китайского Маймачена, где предполагалось устроить обширный гостиный двор, расстояние около четырех верст. Из-за редко и мало выпадавшего снега на этом участке встречались значительные затруднения при перевозке российских товаров – до 400 тыс. пудов ежегодно. Перевозка производилась на неудобных двухколесных одноколках, стоимость перевозок в год составляла примерно 32 тыс. руб., т. е. около 8 коп. с

[1] Российский государственный исторический архив.

пуда (РГИА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 1254. Л. 39 об.). Богданов считал, что после строительства от Троицкосавска новой Кругобайкальской гужевой дороги, которая, несомненно, улучшит транспортировку товаров, «… первым предметом для полезного употребления 200 тыс. руб. ежегодной пошлины, предполагавшейся сбирать за перевозку товаров, представляется устроение железной дороги от Троицкосавска до Кяхты, от таможенных зданий до нового гостиного двора». «… Сии два здания одного ведомства и управления, – говорил Богданов, – для предполагаемой, но не существующей тайны китайской торговли, отдаленные одно от другого расстоянием около четырех верст, бы соединены железною дорогою, по быстроте сообщения в несколько минут времени, будут сближены и отправлению в оных таможенных действий, доставится удобность, как бы сии строения были соединены в одно место. Таможенный сбор сим способом может производиться с большим обеспечением выгод казны…» (РГИА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 1254. Л. 40).

По мнению инженера, первая временная железная дорога могла быть построена всего за 40 тыс. руб., которые неминуемо возвратятся во второй год ее эксплуатации, в виду уменьшения платы за провоз товаров. После успешного опыта (а в успехе железной дороги Богданов не сомневался) эксплуатации железной дороги на границе Восточной Сибири посредством открытия займа капитала за счет ежегодного последующего дохода от наложения пошлины, появится возможность построить такую же «временную» железную дорогу от Троицкосавской таможни до Усть-Кяхты на расстоянии 19 верст, где по причине мало и редко выпадающего снега перевозка товаров производится в зимнее время всегда на колесах, а в Усть-Кяхте товар перекладывается на сани для дальнейшего следования по р. Селенга (РГИА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 1254. Л. 40 об.). После эксплуатации «… двух временных железных дорог окажется выгодным продолжение устроения таковой же дороги от Усть-Кяхты до урочища Санхалак на расстоянии 67,5 версты, где по степному местоположению и недостатку снега не бывает зимнего пути, и потом далее по Кругобайкальской дороге; или признается полезным приступить к устроению постоянной железной дороги, вместо первоначально устроенной временной». Важным условием для строительства железных дорог в Забайкальском крае являлся близко расположенный железоделательный чугуноплавильный казенный Петровский завод. Строительство постоянной железной дороги требовало около 100 тыс. руб. на версту. «После успеха первоначальных предприятий в последствии можно было бы открыть заем в несколько миллионов рублей, сообразно доходам строительного капитала, которые постепенно будут увеличиваться» (Штукенберг, 1858. С. 298). «Быстрое приумножение общеполезных сооружений, доход от коих, если будет постоянно и правильно обращаемом на сооружение других полезных сооружений, доставит способ привести в исполнение предложения, кои ныне могут казаться несбыточными, невозможными» (РГИА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 1254. Л. 41 об.).

Смелый проект Н.И. Богданова не был представлен императору Николаю I, как это сделал Ф.А. фон Герстнер, он остался в бумагах Главного управления путей сообщения и поэтому не имел широкого резонанса. Шансы у проекта были, но незначительные. Изготовление рельсов на Петровском заводе требовало его переоборудования и крупных затрат, доставка подвижного состава сушей и морем также обошлась бы весьма дорого, железнодорожное строительство в России только начиналось, и рисковать, вкладывая деньги в создание «чугунки» в далекой восточной окраине ни правительство, ни частные лица не решились бы.

Одним из следующих и уже реальных предложений о сооружении рельсового пути за Байкалом стало предложение американца П.М. Коллинза. Следует уточнить, что в архивном деле фамилия переведена как Коллинс (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319), так пишет и Залужная в своей монографии (Залужная, 1980. С. 8). В обсуждении предложения Коллинса приняли участие Главное управление путей сообщения, Министерство иностранных дел и Сибирский Комитет.

Коллинс отправился из Санкт-Петербурга на устье Амура в качестве консула от своего правительства. Проехав по Забайкалью, он сделал необычное предложение правительству России: устроить железную дорогу между городами Чита и

Иркутск. Восточно-Сибирскому генерал-губернатору Н.Н. Муравьёву предприниматель показался человеком «основательным, осторожным и хорошо расположенным к России» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319. Л. 3). В середине марта 1857 г. генерал-лейтенант доставил с нарочным чиновником особых поручений при нем, коллежским советником Ф.А. Беклемешевым представление военного губернатора Забайкальской области генерал-майора М.С. Корсакова о предложении североамериканского гражданина.

Коллинс считал, что г. Чита, расположенный на пункте прекращения пароходного сообщения по Ингоде, представлял выгодное начало будущей магистрали. Он проехал местность, по которой могла пройти дорога, и нашел ее удобной для сооружения на ней рельсового пути. С устройством этого пути «сибирские произведения» могли «… скоро и охотно меняемы на Амуре или перевозимы к океану; с пароходами на Амуре». Коллинс не сомневался в том, что эта дорога, «… независимо от коммерческих видов, была бы крайне важна для России в отношении развития и защиты своих владений на Тихом океане, равно в Азии, как и в Америке» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319. Л. 3 об.). Газета «Московские ведомости» писала, что в предложении американского предпринимателя усматривается желание навредить английской торговле (Канн, 1995. С. 115).

Коллинс дал название железной дороге: «Амурско-Компанейская железная дорога» (Пак, 1995. С. 13) и предложил следующие условия для ее строительства:

1. Компании, которая образуется для строительства железной дороги, дается право владения дорогой и участками земли с обеих сторон ее в шесть верст глубины и в три версты длины дороги в шахматном порядке.

2. Компания могла иметь право брать с казенных земель камень и все материалы для строительства дороги.

3. Русское правительство должно было доставить железо для постройки дороги с императорского завода в Забайкалье по условленной цене, которая должна быть умеренной, за это правительство становится акционером дороги.

4. Все предметы, перевозимые для правительства, будут перевозиться компанией по умеренным и условленным ценам.

5. Капитал компании разделится на акции по сто рублей каждая, и подписка откроется в Сибири, где каждый будет иметь право подписаться на какое бы то ни было число акций, заплатив тотчас 10 % всей суммы, на которую подписался, а остальную часть уплачивая пятью равными ежегодными взносами по 18 коп. на каждый рубль.

6. Если окажется невозможным найти рабочих для строительства дороги, то компания имела право вести их по контракту из Китая или другого места. При этом Компания отвечала за их поведение. Если по окончании контракта правительство не желало, чтобы они остались в стране, компания вывозит их на постоянное место жительство.

7. Русское правительство своих рабочих из Европейской России могло привести на следующих условиях: Компании потребуется 20 тыс. рабочих в течение первого года после заключения контракта, правительство должно доставить 5 тыс. чел., которых сдать Компании в Иркутске, а остальных 15 тыс. чел., в течение следующего года. При доставке рабочих из России, рабочий и его семья считались за 2-х чел. Издержки на доставку должны быть определены в Санкт-Петербурге при заключении контракта.

8. Правительство будет иметь право в любое время купить дорогу, обеспечив 7 % стоимости дороги и производя уплату в продолжение 20 лет.

9. Дорога должна навсегда быть освобождена от налогов, как со стороны местных властей, так и со стороны императорского правительства.

10. Если найдутся минералы на каком-нибудь участке земли, принадлежащем Компании, то она имеет право разработать их, подчиняясь законам страны, а если будет воспрещено разрабатывать минералы, то Компания будет вознаграждена в других участках земли равного пространства. Если правительство не будет в состоянии поставить все количество железа, потребного для Компании, то последняя имеет право выстроить заводы на тех рудоносных участках, которые изберутся для того, чтобы доставить себе недостающее количество.

11. По окончании строительства дороги «… правительство имеет право купить заводы Компании по ценам, по каким сойдутся, и тогда же будет условлено, какое вознаграждение должно получить правительство за рудники, которыми пользовалась Компания, и это вознаграждение войдет в покупную цену заводов Компании» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319. Л. 4 об.; Collins, 1860. P. 385).

Генерал-губернатор Муравьёв признал устройство такой дороги крайне важным для государства и не встречал препятствий принять предложение Коллинса, в том виде в каком оно сделано.

При этом Н.Н. Муравьёв предлагал:

– во-первых, разрешить Компании пользоваться лесом Сибири бесплатно, во время строительства дороги;

– во-вторых, предоставить Компании устраивать свои заводы везде, где только она посчитает удобным, так как два железоделательных завода Николаевский и Петровский не в состоянии были снабдить «малейшим количеством железа», за рудники же, которые Компания сама откроет, никакой платы от Компании не взимать, и устроенными ей заводами предоставить Компании право пользоваться и после окончания строительства железной дороги до тех пор, пока правительство не признает полезным купить их у Компании, с предоставлением ей такого же права продажи железа из своих заводов по всей Восточной Сибири и на все потребности;

– в-третьих, разрешить Компании принимать рабочих людей, откуда она признает это для себя выгодным, хотя, полезно было бы назначить рабочих из государственных крестьян малоземельных губерний, которые ныне постепенно переселяются в Сибирь со значительными для казны издержками;

– в четвертых, дозволить Компании разработку всех металлов и минералов, которые найдутся на землях ей отведенных, подчиняясь лишь существующим постановлениям;

– в-пятых, срок владения должен быть непременно ограничен «хотя бы 99-ю годами», после истечения которых дорога должна поступить во владения правительства с принадлежащими ей землями, заводами и всеми движимыми и недвижимыми принадлежностями (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319. Л. 7 об.).

Военный губернатор Забайкальской области объяснял, что «компания Коллинса полагала открыть пароходство по … Амуру, Шилке и Ингоде, пароходами, соответствующим своим устройством местным обстоятельствам этих рек. Подписку на акции генерал-майор М.С. Корсаков полагал провести не только в Сибири, но и в Европейской России, чтобы тем не дать возможность иметь часть акций за границей» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319. Л. 8).

Коллинс ждал ответа в устьях р. Амура, в Николаевском посту, и при положительном ответе весной 1858 г. намеривался начать строительство железной дороги.

Император Александр II по всеподданнейшему докладу главноуправляющего путями сообщений и публичными зданиями К.В. Чевкина 11 апреля 1857 г. повелел внести это дело на рассмотрение Сибирского Комитета. Чевкин подошел к предложению американского предпринимателя несколько иначе, чем генерал-губернатор Н.Н. Муравьёв. Предложение Коллинса, по его мнению, заключало только общую мысль о сооружении железного пути, без всяких данных, по которым можно было бы судить как о местности, где полагалось проложить этот путь, так по способам устройства дороги и средствах, обеспечивающих ее существование. Коллинс даже не представил само направление дороги. От Читы до Верхнеудинска дорога должна была перейти Яблоновый хребет, а от Верхнеудинска до Иркутска она встречала существенные препятствия. Вокруг Южного Байкала она могла пройти или по берегу озера, или по долине р. Джида, с перевалом через хребет Хамар-Дабан, Тункинской долине и генерал-губернатор должен был знать об этом.

Как следует из архивных документов, на строительство одной версты предполагалось затрачивать 50 тыс. руб., таким образом на дорогу в 800 верст потребовалось бы не менее 40 млн руб. серебром. Откуда возьмется такой значительный капитал Коллинс не объяснял. «Если предполагаемая продажа акций ограничилась бы Сибирью или даже всей Россией, то можно было заключить, что

не будет собрано и десятой части от требуемой суммы» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319. Л. 10). Главноуправляющий сомневался, что для устройства дороги едва ли будет достаточно заявленного количества людей. К тому же прием такого количества народа в Забайкальский край, в котором на то время «хлебопашество было ограничено, и часто бывали неурожайные годы», мог быть встречен непреодолимым препятствием в отношении снабжении их продовольствием.

Обращая внимание на пользу самой дороги, можно отметить, что в местности, по которой предполагалось проложить железную дорогу, не было достаточного количества людей и грузов для ее полноценной эксплуатации. В Иркутске и Чите не было сосредоточено производство или значительный сбыт, хотя Коллинс полагал, что с устройством железной дороги «произведения Сибири могли быть меняемы на Амуре или перевозимы к океану», но какие это произведения не объяснял (кроме пушного товара, не было ничего существенного). Равным образом и в противоположном направлении, т. е. со стороны океана нельзя было понять, какие товары могли бы требоваться в Сибири в таком количестве, чтобы перевозка их обеспечила существование дороги. Для осуществления этого предприятия необходимо было выручать ежегодно с торговли не менее 4 млн руб.

Помимо этого, успех движения товаров находился в зависимости от пароходного сообщения по Ингоде, Шилке и Амуру, но протяженность от Читы по Ингоде и Шилке составляла не менее 700 верст, а по Амуру до 2 800 верст. Всего же до моря по ним было около 3 500 верст, а по раннему замерзанию этих рек (с начала октября) и позднему вскрытию их (в начале мая) годовой период плавания пароходов ограничивался 5 мес. В такое короткое время пароходы могли сделать только два оборота, т. е. совершить четыре рейса всего на 14 тыс. верст, половина их пришлась бы против быстрого течения рек. При таких условиях пароходство не могло перевезти много грузов. Остальные 7 мес. и пароходы, и железная дорога должны были оставаться без предметов перевозки и, следовательно, большую часть года, капитал на устройство и содержание служащих, оставался бы совершенно бесполезным, не принося никаких доходов. Само устройство пароходства по Ингоде, Шилке и Амуру, о чем с легкостью говорил Коллинс, не могло быть гарантировано, так как «произведенные небольшие опыты плавания по этим рекам, с осадкой судов в воде не свыше четырех футов, не представляли достаточных данных для возможности установить выгодное периодическое движение пароходов» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319. Л. 12).

Таким образом, существование железной дороги между Иркутском и Читой находилось в прямой зависимости от пароходства между реками Ингода и Шилка и устьем Амура, т. е. судить о возможной пользе железной дороги можно было только тогда, когда получит свое развитие пароходство, оно поможет определить потребности в железном пути и выгоды, которые можно было от него ожидать. К этому следует добавить, что Коллинс, вызвавшийся составить Компанию для устройства железной дороги, не предоставил правительству никакого обеспечения в исполнении своего предприятия.

Чевкин сообщил Муравьёву, что «сооружение железной дороги между Иркутском и Читой он признавал преждевременным» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319. Л. 14). Сибирский Комитет рассмотрел записку К.В. Чевкина 22 апреля 1857 г. и «нашел соображения и мнение по оному главноуправляющего путями сообщений и публичными зданиями во всех отношениях совершенно основательными и вполне справедливыми». Комитет не мог не приять также во внимание объяснений министра иностранных дел о том, что при предстоявших переговорах с Китайским правительством было бы по политическим соображениям крайне не выгодно разрешать сооружение такого железнодорожного пути, который бы соединял побережье Амура с внутренними частями Сибири. Более того, Сибирский Комитет посчитал, что проведение такой железной дороги могло быть «впоследствии весьма вредно в том еще отношении, что поставит внутренние интересы восточной части Сибирского края в зависимость не от метрополии, как это до сих пор было, но от иностранцев, и в особенности от североамериканцев» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319. Л. 17). У автора монографии «Великий

Транссиб. Трудные годы строительства (1891–1916) эти слова звучат несколько иначе: «особенно вредную в отношении североамериканцев» (Крейнис, 2016. С. 21).

Имея все перечисленное в виду, «но признавая со своей стороны необходимым в отношениях с Коллинсом действовать осторожно, не сообщая ему всех причин, послуживших правительству поводом к отказу в его предложении, и которые могли быть известны только лицам высшего управления, Комитет предложил генерал-губернатору Восточной Сибири объявить Коллинсу “в самых учтивых и лестных выражениях”, что правительство нашло его предложение преждевременным, не входя ни в какие объяснения всех других причин, побудивших правительство к такому отказу». Генерал Беттерфильд еще один американский подданный, который в мае 1890 г. непосредственно обратился в Министерство финансов с предложением организовать комитет по постройке дороги и ее эксплуатации на условиях беспошлинного ввоза американских товаров и получения доходов от облигаций в течение 80 лет, но правительство России также отклонило это предложение (Чернигов, 2003. С. 404).

Император Александр II 25 апреля 1858 г. утвердил решение Сибирского комитета (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319. Л. 18), 22 ноября Комитет заслушал доставленные министром иностранных дел извлечения из сочинения Коллинса о Восточной Сибири и Приамурском крае, где он предвосхищал развитие торговли в России за счет железных дорог, восхищался Московским трактом и гостеприимством России (РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 319. Л. 35). Таким образом, правительство России, в отличие от генерал-губернатора Восточной Сибири, рассмотрело предложение Коллинса более глубоко и сумело предложить достойный ответ.

После приобретения в 1858 г. Амурского края граф Н.Н. Муравьёв-Амурский понял, что р. Амур станет жизненной артерией в развитии восточной части страны, а Забайкалье представляло труднопреодолимую преграду между Иркутском и Амуром. По его представлениям невыгодно было не иметь надежного сухопутного сообщения между Россией и Амуром. Как государственный деятель он отчетливо осознавал, какое благотворное влияние на край могло оказать развитие движения по Амуру и налаживание торговых связей между Иркутском и Тихоокеанскими портами. О золотых приисках Забайкалья и Приамурья тогда еще не шло речи. Единственной притягательной силой мог быть беспошлинный ввоз импортных товаров и дешевая доставка китайского чая по Амуру и через Забайкалье. Это могло привлечь и купцов, и финансы, а вместе с ними и переселенцев и, тем самым, способствовать заселению края. Бесснежное Забайкалье делало крайне трудной и дорогой гужевую доставку. В течение XVIII–XIX вв. возчикам приходилось вести сани на телеге и наоборот и часто делать эту перекладку. При таких условиях невозможно было развивать извоз, а вместе с ним и торговлю. Таким образом, граф Н.Н. Муравьёв-Амурский, хорошо знавший нужны своего края, прекрасно понимал важность надежных путей сообщения в Забайкалье (Записка о постройке Забайкальской железной дороги, 1892. С. 6–7).

Во второй половине XIX в. тема Сибирской железной дороги не сходила с печатных страниц, неоднократно обсуждалась в различных Обществах и биржевых комитетах (Материалы к истории вопроса о Сибирской железной дороге, 1891), но это касалось, главным образом, железнодорожных выходов из Европейской России в Сибирь. Забайкалье в этих обсуждениях практически не затрагивалось.

В начале 1870-х гг. генерал-губернатор Н.П. Синельников совершил поездку на Амур по новой только что построенной вдоль берега Байкала Кругобайкальской гужевой дороге. Во время пути он высказал мысль, что дорогу необходимо так укрепить, чтобы она могла впоследствии служить основанием для задуманной им железной дороги от Иркутска до Сретенска. Синельников надеялся, что средства на «великую» дорогу найдутся, как они находились во время его «управления губерниями России на содержание храмов Божьих, богоугодных и учебных заведений, театров и прочего» (Записки сенатора Н.П. Синельникова, 1895). Следует отметить, что Кругобайкальский тракт во все времена находился в «тяжелом» состоянии. В газетной заметке «С Забайкальского тракта: кор-

респонденция» писали: «… Дорога по своему благоустройству могла быть назначена для перехода каторжанам в усугубление им наказания. По Забайкалью до Читы дорога еще печальнее и требует внимательного ремонта» (Восточное обозрение, 1897, 31 января).

Следующий период, когда вопрос о железной дороге в Забайкалье был вновь поднят, относится к 1886–1890 гг. Оставив идею проведения сплошного рельсового пути через всю Сибирь, правительство, тем не менее, обратило внимание на улучшение водных сообщений по Сибири, прибегая к устройству железных дорог лишь там, где это сообщение не могло быть устроено, или где его устройство по затратам, в сравнении с железной дорогой, получалось невыгодным. От системы р. Волги до Амура существовало тогда три волока: Пермь – Тюмень, Томск – Иркутск и восточный берег Байкала – Сретенск на р. Шилка. По первому из них уже была проложена железная дорога, на втором шли работы по устройству Обь-Енисейского канала, т. е. он мог также перестать существовать, оставался только третий путь – по Забайкалью. Об устройстве здесь водного пути не могло быть и речи, так как это потребовало бы громадных затрат на соединение каналов и расчистку сотни верст мелководных притоков Селенги и Амура. Поэтому несравненно выгоднее было соединить восточный берег Байкала со Сретенском на р. Шилке (откуда начиналось пароходное движение по Амурской системе) рельсовым путем па протяжении около 960 верст.

В таком положении находилось дело о Забайкальской (Сибирской) железной дороге, когда Иркутский и Приамурский генерал-губернаторы А.П. Игнатьев и А.Н. Корф предложили построить железнодорожные участки от Томска до Иркутска и от Байкала до Сретенска (Сибирь и Великая Сибирская железная дорога с приложением карты Сибири, 1893. С. 263). В отчетах генерал губернаторов говорилось, что необходимость устройства рельсового пути вызывалась не столько экономическими выгодами, сколько стратегическими. Благодаря этим отчетам и воле императора Александра III решение вопроса о железной дороге в Забайкалье, несмотря на сопротивление некоторых министров, стало реальным. В июне 1887 г. в Санкт-Петербурге прошли совещания, на которых обсуждались вопросы, связанные с изысканиями на сооружение железной дороги в Сибири, после чего изыскательские работы были выполнены в Уссурийском крае, Забайкалье и Средней Сибири (Саблер, Сосновский, 1903. С. 73–74).

Реальные планы железнодорожного строительства в Сибири восходят ко времени Александра II. Однако речь пока шла о железнодорожных подходах к Сибири. При обсуждении в 1873 г. в Комитете министров вопроса о Сибирской железной дороге была высказана мысль, что главная цель дороги – осуществление транзитного пути, соединяющего Сибирь с центральной Россией (Верховский, 1899. С. 305). В 1875 г., когда вопрос о Сибирской железной дороге перешел в практическую плоскость, сеть русских железных дорог примыкала к Волге в Рыбинске и в Нижнем Новгороде, поэтому и сложилось два направления: северное – от Рыбинска на Вятку и Пермь, и южное – от Нижнего Новгорода на Казань и Екатеринбург. Последнее было утверждено, но ему не суждено было осуществиться. Финансовые трудности в стране привели к забвению Сибирской железной дороги, и вопрос был сведен к более узкой задаче – соединению железной дорогой водных путей Европейской России и Сибири (Обзор деятельности Министерства путей сообщения за время царствования императора Александра III, 1902. С. 94–95).

Император Александр III после вступления на престол, сразу обратил внимание на проблему Сибирской железной дороги и в мае 1882 г. на журнале Комитета министров о направлении сибирского рельсового пути начертал: «Изыскания провести безотлагательно и рассмотреть в Комитете министров для обсуждения направления Сибирской магистральной линии». В 1882 г. на подступах к Сибири были выполнены исследования от Оренбургской железной дороги до Екатеринбурга. В 1883 г. инженером путей сообщения И.К. Падалко были произведены исследования по следующим направлениям: Уфа – Екатеринбург, Уфа – Златоуст – Челябинск, от Уфы на перевал Уральского хребта между Екатеринбургом и истоками Белой и Урала с продолжением этой линии до линии Екатеринбург – Троицк. Преимущество оказалось за линией Уфа

– Челябинск (Вульфов, 2016. С. 425). Это был выбор направления, по которому можно было «войти» в Сибирь.

Когда правительство было готово к сооружению Великого Сибирского пути, в Европейской России уже действовали все важнейшие железнодорожные направления и строились линии, которые должны были соединить русскую европейскую железнодорожную сеть с азиатским рельсовым путем. Дорога от Самары на Уфу, Златоуст и Челябинск была построена в 1888–1892 гг., и этим достигнута (обозначена) начальная точка Сибирской железной дороги (Краткий обзор деятельности Министерства путей сообщения в течение 1889, 1890 и 1891 годов за время управления Министерством статс-секретаря фон-Гюбенета, 1891. С. 32–33).

Ход дальнейших событий показал, что в стране было разное мнение по поводу дальнейшего направления Сибирской железной дороги. Обнаружились тенденции связать сооружение железной дороги с решением других вопросов. Например, с развитием водных путей, с содействием промышленному росту Урала. Эти вопросы удалось обойти без существенного ущерба для подготовительных работ по сооружению пути, но оставался вопрос о направлении магистрали, и это был не технический, а экономический, политический и, не в меньшей мере, стратегический вопрос.

Библиографический список

Верховский В.М. Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно. Вып. 2. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (Т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1899. 486 с.

Восточное обозрение. Еженедельная газета литературная и политическая. 1897. № 14. 31 января.

Вульфов А. История железных дорог Российский империи. М.: Рипол Классик, 2016. 744 с.

Герстнер Ф.А. фон. О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск, высочайше привилегированной его императорским величеством компанией. СПб.: Императорская Академия Наук, 1836. 72 с.

Залужная Д.В. Транссибирская магистраль: ее прошлое и настоящее: ист. очерк. М.: Мысль, 1980. 287 с.

Записка о постройке Забайкальской железной дороги. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1892. 30 с.

Записки сенатора Н.П. Синельникова // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1895. Т. LX. С. 45–57.

References

Verkhovskii V.M. *Istoricheskii ocherk razvitiya zheleznykh dorog v Rossii s ikh osnovaniya po 1897 g. vklyuchitel'no* [Historical essay on the development of railways in Russia from their foundation through 1897, inclusive]. Iss. 2. Saint-Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya (T-va I.N. Kushnerev i K°) Publ., 1899, 486 p. (In Russian).

Vostochnoe obozrenie. Ezhenedel'naya gazeta literaturnaya i politicheskaya [East Review. Weekly literary and political newspaper], 1897, no. 14, January 31. (In Russian).

Vul'fov A. *Istoriya zheleznykh dorog Rossiiskii imperii* [History of railways in Russian Empire]. Moscow: Ripol Klassik Publ., 2016, 744 p. (In Russian).

Gerstner F.A. fon. *O vygodakh postroeniya zheleznoi dorogi iz Sankt-Peterburga v Tsarskoe Selo i Pavlovsk, vysochaishe privilegirovannoi ego imperatorskim velichestvom kompaniei* [About benefits of creation of the railway from St. Petersburg to Tsarskoye Selo and Pavlovsk by the company most highly privileged by its imperial majesty]. Saint-Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk Publ., 1836, 72 p. (In Russian).

Zaluzhnaya D.V. *Transsibirskaya magistral': ee proshloe i nastoyashchee: istoricheskii ocherk* [Trans-Siberian Railway: its past and present: historical essay]. Moscow: Mysl' Publ., 1980, 287 p. (In Russian).

Zapiska o postroike Zabaikal'skoi zheleznoi dorogi [Note on the construction of the Trans-Baikal Railway]. Saint-Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina Publ., 1892, 30 p. (In Russian).

Notes of senator N.P. Sinelnikov. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal* [Historical Bulletin. Historical and literary magazine], 1895, vol. LX, pp. 45–57. (In Russian).

Канн С.К. Опыт железнодорожного строительства в Америке и проектирование Транссиба // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII–XX вв.): сб. науч. тр. Новосибирск, 1995. С. 114–136.

Краткий обзор деятельности Министерства путей сообщения в течение 1889, 1890 и 1891 годов за время управления Министерством статс-секретаря фон-Гюбенета. СПб., 1893. 165 с.

Крейнис З.Л. Великий Транссиб. Трудные годы строительства (1891–1916). М.: Автограф, 2016. 255 с.

Материалы к истории вопроса о Сибирской железной дороге: приложение к журналу «Железнодорожное дело» 1891, № 16. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1891. 284 с.

Обзор деятельности Министерства путей сообщения за время царствования императора Александра III. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (Т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1902. 243 с.

Пак Б.Б. Строительство Амурской железнодорожной магистрали (1891–1916). Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1995. 131 с.

Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем: ист. очерк. СПб.: Государственная типография, 1903. 451 с.

Сибирь и Великая Сибирская железная дорога с приложением карты Сибири. СПб.: Тип. Киршбаума, 1893. 309 с.

Чернигов А.К. Иркутские повествования. 1661–1917 годы. В 2 т. Т. 1. Иркутск: Оттиск, 2003. 464 с.

Штукенберг А.И. Кругобайкальская дорога // Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий. 1858. Т. 27. Кн. 1–3. С. 223–317.

Collins P.M. Voyage down the Amoor: With a land journey through Siberia, and incidental notices of Manchooria, Kamschatka, and Japan. New York: D. Appleton and Company, 1860. 390 p.

Kann S.K. *Opyt zheleznodorozhnogo stroitel'stva v Amerike i proektirovanie Transsiba* [Experience of railway construction in America and the design of the Trans-Siberian Railway]. *Zarubezhnye ekonomicheskie i kul'turnye svyazi Sibiri (XVIII–XX vv.)* [Foreign economic and cultural relations of Siberia (XVIII–XX centuries)]. Novosibirsk, 1995, pp. 114–136. (In Russian).

Kratkii obzor deyatel'nosti Ministerstva putei soobshcheniya v techenie 1889, 1890 i 1891 godov za vremya upravleniya Ministerstvom stats-sekretarya fon-Gyubeneta [A brief overview of the activities of the Ministry of Transport during the years 1889, 1890 and 1891 during the management of the Ministry by State-Secretary von Gubenet]. Saint-Petersburg, 1893, 165 p. (In Russian).

Kreinis Z.L. *Velikii Transsib. Trudnye gody stroitel'stva (1891–1916)* [Great Transsib. Difficult years of building (1891–1916)]. Moscow: Avtograf Publ., 2016, 255 p. (In Russian).

Materialy k istorii voprosa o Sibirskoi zheleznoi doroge: prilozhenie k zhurnalu "Zheleznodorozhnoe delo" 1891, no. 16 [Materials on the history of the issue of the Siberian railway: supplement to the journal "Railway Affair" 1891, no. 16]. Saint-Petersburg: Tipografiya brat. Panteleevykh Publ., 1891, 284 p. (In Russian).

Obzor deyatel'nosti Ministerstva putei soobshcheniya za vremya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra III [Overview of the Ministry of Railways during the reign of Emperor Alexander III]. Saint-Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya (T-va I.N. Kushnerev i K°) Publ., 1902, 243 p. (In Russian).

Pak B.B. *Stroitel'stvo Amurskoi zheleznodorozhnoi magistrali (1891–1916)* [Building of the Amur Railway (1891–1916)]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical Institute Publ., 1995, 131 p. (In Russian).

Sabler S.V., Sosnovskii I.V. *Sibirskaya zheleznaya doroga v ee proshlom i nastoyashchem: istoricheskii ocherk* [Siberian railway in its past and present: historical essays]. Saint-Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1903, 451 p. (In Russian).

Sibir' i Velikaya Sibirskaya zheleznaya doroga s prilozheniem karty Sibiri [Siberia and the Great Siberian Railway with an attachment of a map of Siberia]. Saint-Petersburg: Tipografiya Kirshbauma Publ., 1893, 309 p. (In Russian).

Chernigov A.K. *Irkutskie povestvovaniya. 1661–1917 gody* [Irkutsk narration. 1661–1917]. In 2 vol. Vol. 1. Irkutsk: Ottisk Publ., 2003, 464 p. (In Russian).

Shtukenberg A.I. Circum-Baikal road. *Zhurnal Glavnogo upravleniya putei soobshcheniya i publichnykh zdanii* [Journal of the General Directorate of Communications and Public Buildings], 1858, vol. 27, books 1–3, pp. 223–317. (In Russian).

Collins P.M. Voyage down the Amoor: With a land journey through Siberia, and incidental notices of Manchooria, Kamschatka, and Japan. New York: D. Appleton and Company, 1860, 390 p.

Критерии авторства

Никифорова Н.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Nikiforova N.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Никифорова Наталья Викторовна,
ассистент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
e-mail: natali.swatos@yandex.ru

Information about the author

Natalya V. Nikiforova,
assistant to department of philosophy and social humanities,
e-mail: natali.swatos@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 502(571.53/.54)(09)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-124-136

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИРОДООХРАННОЙ ПОЛИТИКИ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

© И.В. Курышова[a], А.М. Курышов[b]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83
[b] Байкальский государственный университет
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

Аннотация: В статье рассматривается история становления природоохранного законодательства в Байкальском регионе на рубеже XIX–XX вв. в контексте трансформации традиционного хозяйства и глобальных процессов развития капиталистических отношений. Выделяются признаки системы традиционного хозяйства, в том числе комплекс экологических традиций, выявляются предпосылки и особенности государственной регламентации природопользования в регионе. Характеризуется государственная природоохранная политика применительно к традиционному хозяйству коренного населения Байкальского региона по трем направлениям: охрана лесов, регламентация охоты и рыболовства. В работе делаются выводы о том, что под воздействием капитализма система традиционного хозяйства коренного населения Байкальского региона трансформировалась. Трансформация одного из важнейших признаков традиционного хозяйства – экологических традиций, приводит к распространению практики хищнического пользования природными ресурсами. С целью рационализации природопользования государство вмешивается в процессы трансформации традиционного хозяйства через природоохранное законодательство, тем самым оно корректирует эти процессы. В целом природоохранная политика государства в Байкальском регионе представляет собой проявление глокализации в ее российском варианте.

Ключевые слова: *история охраны природы, история Сибири, Байкальский регион, традиционное хозяйство, коренное население, природопользование, лесоохрана, регламентация охоты, регламентация рыболовства*

Информация о статье: Дата поступления 3 июля 2018 г.; дата принятия к печати 3 августа 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Курышова И.В., Курышов А.М. Эволюция государственной природоохранной политики в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX в. в контексте трансформации традиционного хозяйства. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):124–136. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-124-136.

EVOLUTION OF STATE ENVIRONMENTAL POLICY IN THE BAIKAL REGION IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE TRADITIONAL ECONOMY

© Irina V. Kuryshova[a], Andrey M. Kuryshov[b]

[a] Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation
[b] Baikal State University
11 Lenin Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract: The article deals with the history of the formation of environmental legislation in the Baikal region at the turn of the XIX – XX centuries in the context of the transformation of the traditional economy and the global processes of development of capitalist relations. The features of the traditional economy system are highlighted, including a set of ecological traditions, the prerequisites and features of the state regulation of environmental management in the region are identified. The state environmental policy is characterized in relation to the traditional economy of the indigenous population of the Baikal region in three areas: forest protection, regulation of hunting and fishing. The paper concludes that the system of traditional economy of the indigenous population of the Baikal region was transformed under the influence of capitalism. The transformation of one of the most important features of a traditional economy such as ecological traditions leads to the spread of the practice of predatory use of natural resources. In order to rationalize environmental management, the state intervenes in the processes of transformation of traditional economy through environmental legislation, thereby it corrects these processes. In general, the state environmental policy in the Baikal region is a manifestation of itself localization in Russian version.

Keywords: *history of nature protection, history of Siberia, Baikal region, indigenous people, traditional economy, nature management, protection of forests, hunting regulation, fishery regulation*

Article info: Received July 3, 2018; accepted for publication August 3, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Kuryshova I.V., Kuryshov A.M. Evolution of state environmental policy in the Baikal region in the late XIX – early XX centuries in the context of the transformation of the traditional economy. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):124–136. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-124-136.

В современном мире в условиях стремительного распространения тенденций развития, связанных с понятием «глобализация», экономическая составляющая которой предполагает формирование единого рынка рабочей силы и стандартных товаров и услуг, наличие мировой валюты, международное разделение труда, общедоступность ресурсов и т. д. (со всеми плюсами и минусами этих процессов), в среде исследователей и в обществе в целом возрастает интерес к традиционному хозяйству. Он вполне закономерен и укладывается даже в саму «теорию глобализации», основоположником которой себя позиционирует известный английский социолог Р. Робертсон. Наряду с другими свойствами глобализации он выделяет так называемую «глокализацию», когда наряду с унификацией наблюдается возрождение локальных особенностей. Таким путем конкретные страны или народы «подстраивают» глобальные тенденции под свои вкусы (Robertson, 1992. С. 173). В начале XXI столетия слово «глобализация» у всех на слуху. Процессы глобализации на современном этапе являются центром внимания ученых, представляющих различные науки, но сама по себе глобализация началась не сегодня, ее истоки следует искать в эпохе становления капитализма. Для Сибири это рубеж XIX–XX вв., время, когда традиционное хозяйство коренных сибирских народов, подвергаясь влиянию распространяющихся и крепнущих капиталистических отношений, начинает трансформироваться. Феномен традиционного хозяйства включает в себя, помимо прочего, и комплекс традиций рационального природопользования. Изменения традиционного хозяйства коренного населения Сибири в конце XIX – начале XX в. проявлялись и в трансформации этого комплекса. Государство, разрабатывая, внедряя и распространяя на коренные сибирские народы природоохранное законодательство, тем самым вторгалось в систему традиционного хозяйства, выступая внешним фактором его эволюции. Роль государства в этом процессе вовсе не состояла во вспомоществовании закреплению глобальных капиталистических тенденций, скорее наоборот, косвенно государство способствовало тому, что традиционное хозяйство (в части экологических традиций) не было совершенно поглощено капиталистической системой, а сумело, приспособившись к ней, сохраниться. Этот факт сам по себе есть интересный пример того, как глобальные процессы могут преломляться на национальной почве. В этой связи обращение к истории государственной природоохранной политики в контексте трансформации традиционного хозяйства, осмысление отечественного опыта совмещения «глобального» и «национального» представляется важной частью процессов «глокализации».

Также изучение вопросов, связанных с историей государственной природоохранной политики, важно с точки зрения актуализации рационального природопользования в современных условиях. Здесь снова происходит столкновение с проблемой глобализации, только с другой ее стороной – возникновением и углублением глобальных проблем. Одна из них – экологическая проблема, которая напрямую связана с рационализацией природопользования. Для современной России одним из главных проявлений экологической проблемы выступает сохранение экосистемы оз. Байкал. С каждым годом становится все больше проектов превращения Байкальского региона в престижную туристическую зону, но темпы их реализации прямо пропорциональны ухудшению экологической ситуации вокруг озера. В ряду прочего, повторяется ситуация рубежа XIX–XX вв. – местное население, в том числе коренное, вносит свой вклад в разграбление природных богатств края. Между тем природоохранная деятельность в Байкальском регионе имеет давнюю историю, следовательно, изучение и использование опыта такой деятельности, накопленного предыдущими поколениями, является насущной необходимостью.

При рассмотрении природоохранной политики государства в контексте трансформации традиционного хозяйства исходим из нескольких методологических посылок.

Во-первых, заметная для конца XIX – начала XX в. активизация российского государства в отношении формирования системы природоохранного законодательства понимается как попытка применения его в качестве инструмента противодействия глобальной тенденции хищнического отношения к природным богатствам, характерного для раннего капитализма. В этом смысле исходим из того, что капитализм и процесс глобализации неразрывно связаны между собой, начало развития капиталистических отношений есть начало процесса глобализации (сначала экономики, а затем и других сфер общественного бытия). Кроме того, на фоне глобализации помимо фактов исчезновения региональной (национальной) специфики наблюдается и обратное – факты сохранения и усиления региональных (национальных) отличий («глокализация»). По сути «глокализация» демонстрирует неоднозначность глобализации как таковой и возможность формирования региональных (национальных) моделей развития (в противовес глобальной, т. е. капиталистической в западном ее варианте). Помимо этого, если применить теорию И. Валлерстайна, доказывающую «… ошибочность взгляда на мировую историю как единую поступательную траекторию, которую рано или поздно должны пройти все страны» (Дергачев, 2010.С. 117), сама глобализация понимаемая исключительно как «вестернизация» (в первую очередь экономическая) всего остального мира (как, например, у Ф. Фукуямы), что есть ничто иное, как циклическое отклонение в истории капиталистической мир-экономики. Таким образом, усиление государственной регламентации природопользования в условиях развития капиталистических отношений как проявления глобализации путем формирования природоохранного законодательства, затрагивающего, помимо прочего, традиции природопользования коренного населения Сибири, есть составная часть процесса становления специфической российской модели развития.

Во-вторых, под традиционным хозяйством понимается не набор хозяйственных традиций, а самоорганизующаяся система, элементами которой выступают хозяйственные традиции населения, а под системообразующим фактором – способы природопользования. Традиционная хозяйственная деятельность не приспосабливает окружающую среду под потребности человека, а сама приспосабливается к ней. Главным аргументом при выборе определенного вида экономической активности (т. е. деятельности, направленной на удовлетворение потребностей, всегда связанной с взаимодействием с окружающей средой, из которой и извлекаются необходимые ресурсы) является не выгода, как при капитализме, а сама возможность выжить в природной среде. В конкретных природных условиях формируется оптимальный для определенных условий способ природопользования, т. е. метод изъятия у природы необходимых ресурсов для поддержания жизни. Применительно к коренному населению Байкальского региона – это скотоводство (буряты Забайкалья), охо-

та и оленеводство (эвенки), земледелие (буряты Прибайкалья и русские старожилы). Экономическая деятельность не зависит от общества в целом или отдельных его членов, она объективна, так как обусловлена природной целесообразностью. Отдельные элементы системы традиционного хозяйства (т. е. сами хозяйственные традиции) направлены на «… упорядочение взаимоотношений между обществом и экомиром в процессе обмена веществ между человеком и природой» (Будаева, 1999. С. 18). Кроме того, система традиционного хозяйства характеризуется натуральностью. Когда хозяйственная деятельность поставлена в зависимость от природных условий, обмен не является необходимостью, так как все нужное для жизни производится или добывается внутри хозяйственной системы. Обмен может существовать, но он не является основным способом перераспределения материальных благ, главным средством достижения экономических целей или еще чем-то подобным. Другим существенным признаком системы традиционного хозяйства выступает целеполагание экономической деятельности – это не потребление благ, а удовлетворение насущных потребностей, обеспечение простого воспроизводства. Неотъемлемым признаком традиционного хозяйства является общественный контроль над хозяйственной деятельностью. Этот контроль выражается в общественной собственности на средства производства или общественном пользовании ими, перераспределении материальных благ, регламентации хозяйственной деятельности. Экономическая сфера жизни общества может рассматриваться, как неотъемлемая (зависимая) часть социальных отношений. Наконец, к существенным признакам традиционного хозяйства относятся традиции рационального природопользования (или экологические традиции). Важно понимать, что традиции поддержания экосистемы в традиционных обществах (что обычно трактуется как «бережное отношение к окружающей среде») не имеют ничего общего с иррациональной любовью к природе, они – плод понимания необходимости разумного использования природных ресурсов, поскольку должны обеспечивать еще существование потомков, ведь в традиционном обществе человек не отделен от других людей, он не является «индивидом», он – часть целого. Цель соблюдения таких традиций в итоге – физическое сохранение рода, семьи, этноса. Все перечисленные признаки системы традиционного хозяйства (наличие комплекса экологических традиций; зависимость способов хозяйственной деятельности от конкретных природных условий; обеспечение минимума благ, необходимых для воспроизводства населения, как цель хозяйственной деятельности; контроль общества над хозяйственной деятельностью при признании приоритета общественных интересов над индивидуальными; натуральный характер хозяйственной деятельности) тесно связаны друг с другом, изменение одного из них влияет на остальные и угрожает существованию системы в целом.

В-третьих, исходя из факта распространения капиталистических отношений в Сибири на рубеже XIX–XX вв., наблюдаем и влияние его на трансформацию традиционного хозяйства коренных народов края. Под такой трансформацией может пониматься либо приспособление традиционного хозяйства к новым социально-экономическим и политическим (а не природным) условиям, в этом случае система модернизируется, но сохраняется, либо его постепенное исчезновение, что неизбежно происходит, если в обществе преодолевается прямая зависимость хозяйственной жизни от природных условий и (или) экономические отношения выходят из-под контроля со стороны социальных институтов, например, общины. В обоих случаях традиционное хозяйство становится частью большей экономической системы (как подсистема, либо как простая совокупность элементов), в которой системообразующее значение имеет уже не способ природопользования. В первом случае традиционное хозяйство сохраняется как подсистема, во втором – ликвидируется. Таким образом, исходя из понимания традиционного хозяйства как системы, необходимо признать, что вмешательство государства в регламентацию природопользования (в том числе путем оформления природоохранного законодательства), т. е. по сути стремление властей повлиять на изменение одного из существенных признаков системы традиционного хозяйства, яв-

ляет собой вмешательство в процессы трансформации этой системы в целом.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению вопроса о становлении природоохранного законодательства в Байкальском регионе, необходимо определить предпосылки этого становления. Для системы традиционного хозяйства они сводятся к наличию у коренного населения (бурят, эвенков, русских старожилов) традиций общественного контроля за природопользованием. Об истоках этого явления (экономический расчет в условиях зависимости от природных условий) говорилось ранее, здесь же нас интересуют проявления такого контроля. Во-первых, некоторые природоохранные традиции коренных народов имели некий сакральный смысл – шаманские обряды покаяния в ущербе, причиненном природе; «священные» места (рощи, холмы и т. п.), где запрещалась любая хозяйственная деятельность (Мельхеев, 1959. С. 110); табу на рубку некоторых пород деревьев или убийство представителей отдельных видов животных (либо же на чрезмерную охотничью добычу), что автоматически ограничивало индивидуальный произвол относительно использования природных ресурсов. Эти традиции как бы подготавливали население к адекватному восприятию впоследствии государственных ограничительных мер. Так, например, некоторые исследователи считают, что «священные» места явились в Байкальском регионе прообразами заказников и заповедников (Зуляр, 2002. С. 286). Во-вторых, поскольку коренное население Байкальского региона жило общинами, экономическая активность отдельных людей была ограничена территорией, подконтрольной конкретной общине, а внутри нее – территорией семьи или рода. Будучи ограниченными таким образом в ресурсах, члены семьи (рода, общины) были вынуждены рационально использовать имеющиеся ресурсы и даже заниматься их восстановлением. Так, эвенкийские охотники старались не убивать маток и не отстреливать птенцов и птиц весной, у бурят и русских крестьян-старожилов имелись общинные ограничения на рубку деревьев в верховьях речек и ручьев и на песчаной почве («заказные» леса) (Зверев, 1986. С. 88). Русские крестьяне даже выбирали «полесовщиков» или «лесников» для охраны «заказных» (запретных для хозяйственной деятельности) лесов. Многие русские и бурятскиеобщины принимали собственные решения о запрете промысла копытных по насту (НАРБ[1]. Ф. 17. Оп. 1. Д. 328. Л. 1). Среди русских крестьян Забайкалья широкое распространение получило устройство маральих и изюбриных питомников (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 353).

Причины, заставляющие государство вторгаться в систему традиционного хозяйства, регламентируя природопользование, разнообразны, но так или иначе они связаны с теми последствиями распространения в Сибири капиталистических отношений, которые разлагали традиционное хозяйство изнутри, трансформировали экологические традиции. Первая – самовольные вырубки населением казенного леса. Немало этому способствовало распространение с конца XIX в. практики перехода от общего пользования лесом всей деревней к делению лесов, отведенных деревне, на участки по числу платежных душ (само по себе – это уже признак трансформации общинного природопользования). Также увеличение самовольных вырубок был связано с тем, что лесопользование русского старожильческого и бурятского населения (эвенков это не коснулось) было резко ограничено тремя десятинами на душу (в 1898 г. для Прибайкалья и в 1902 г. для Забайкалья). Ограничение лесопользования происходило на фоне активизации переселенческой политики. Иными словами, самовольные вырубки (или как говорили в те годы «порубки») стали следствием нехватки лесных ресурсов и выделения индивидуальной хозяйственной деятельности из общественной. С самовольными вырубками (с целью их сокрытия) и другими, часто нелегальными способами хозяйствования (стремление получить сухой горелый лес по сниженной таксе, «осветление» леса вокруг золотых приисков, весенние палы и т. п.), была связана и большая часть лесных пожаров. Вторая причина – снижение поголовья промысловых животных и рыбы. Рыночные отношения, особенно интенсивно развивающиеся в Байкальском регионе с конца XIX в. в связи

[1] Национальный архив Республики Бурятия.

с активной колонизацией края и строительством Транссибирской железнодорожной магистрали, способствовали превращению потребительской охоты в товарный промысел. С одной стороны, развитие промыслов товарного характера способствовало еще большему вовлечению хозяйства Восточной Сибири в экономическую систему России, но с другой – приводило к изменению экологических традиций населения, выводило промыслы из-под общинного контроля. Неконтролируемый промысел с целью продажи добычи неизбежно влек за собой уменьшение популяций промысловых животных. Это в итоге отрицательно отражалось на хозяйстве края в целом, поскольку, несмотря на поступательное развитие сельского хозяйства, промышленности, транспорта, благополучие населения, в особенности коренного, во многом зависело от охоты и рыболовства. Государству, чью не последнюю статью доходов составлял экспорт продукции, получаемой от промысловиков (в частности, пушнины), также был невыгоден неконтролируемый промысел, поскольку он приводил к сокращению доходов промысловиков.

Лесопользование в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. регулировалось Лесным уставом. В соответствии с Лесным уставом 1905 г. на территории Российской империи леса подразделялись на казенные, общественные и частные (Извлечение из Устава Лесного, 1909. С. 514–515). Из-за удаленности Байкальского региона от центра, малочисленности населения, неразвитой инфраструктуры, наличия огромных лесных ресурсов, казавшихся неисчерпаемыми, на него не распространялось большинство норм лесопользования, принятых до конца XIX в., хотя местная администрация не раз обращалась к правительству с предложениями по принятию мер к сбережению лесов региона. В конце концов перспектива сокращения лесных массивов в крае заставляла власти активизировать работу по формированию системы их охраны. Интересно, что инициатива в этом процессе принадлежала именно государственной власти, ведь большая часть лесных ресурсов в крае являлась собственностью государства. Деятельность по регламентации лесных ресурсов свелась, главным образом, к организации лесничеств. Первоначально лесопользование в регионе находилось в ведении местной исполнительной власти: при иркутском генерал-губернаторе этим занимались вице-инспекторы корпуса лесничих, четыре ревизора лесоустройства и двенадцать кондукторов (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг., 1908. С. 21). В 1896 г. было создано Управление государственных имуществ Енисейской и Иркутской губерний, а с 1897 г. управление лесами взяла на себя Иркутская казенная палата, координирующая деятельность лесничеств, которые начали образовываться в регионе с 1895 г. Лесничества занимались регламентацией пользования государственными лесами, но часто, в силу своих функций, они пересекались с традиционным хозяйством русских крестьян-старожилов и коренного населения. Например, лесничества контролировали лесозаготовки на казенных землях, которые проводились частными лицами и «обществами» (т. е. крестьянскими общинами или «инородческими» ведомствами), для осуществления заготовок был необходим лесорубочный билет (ГАИО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 5. Л. 2). Порядок преследования самовольных вырубок в Байкальском регионе определялся законом от 7 апреля 1897 г. и заключался в том, что после обнаружения нарушения составлялся протокол, на основании которого назначался штраф. Например, только в 1903 г. по Иркутской губернии за самовольные вырубки было взыскано с нарушителей 16 986,22 руб. (ГАИО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 54. Л .25, 43, 60, 79, 93, 116, 143).

Однако основным способом оптимизации лесопользования применительно к традиционному хозяйству являлся государственный контроль за лесными наделами обществ. После начала реформы землеустройства некоторая часть лесов вошла в крестьянские лесные наделы – на душу мужского пола лесной надел составлял три десятины (Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета о главных основаниях позе-мельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, 1909. С. 60). Определением тех или иных участков в лесной надел занимались лесничества. Они старались закрепить в своем ведении участки наиболее цен-

ных лесных насаждений, ограничивая в лесопользовании местное население, вводили сборы за сенокошение, выпас скота вне надельных земель. Власти старались некоторую часть ответственности за охрану лесных ресурсов возложить на крестьянские общества и инородческие ведомства. Так, в 1905 г. Лесной ревизор Забайкальской области предложил дать право самим обществам и инородческим ведомствам применять штрафные санкции к своим членам за нарушение правил пользования лесными наделами (НАРБ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 33. Л. 28). В том случае, если члены крестьянского общества или инородческого ведомства допускали нарушения Лесного устава, крестьянский начальник либо руководитель ведомства имел право в мировом суде возбудить дело о привлечении их к материальной ответственности. Все штрафы, взысканные с общества, могли быть использованы на нужды лесного хозяйства этого же общества (НАРБ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 33. Л. 29). Совещание лесных чинов Забайкальского переселенческого района в 1911 г. признало возможным издание обязательных постановлений, определяющих права и обязанности крестьянского и инородческого населения, и осуществление постоянного контроля лицами с техническим образованием за правильным лесопользованием населения (Забайкальская Новь, 1911. С. 2). Для предупреждения лесных пожаров руководители инородческих ведомств и крестьянских обществ назначались ответственными за выполнение правил проведения весенних палов. Сами палы регламентировались на всей территории края, независимо от статуса земель. Например, принятые в 1897 г. «Правила для предупреждения лесных пожаров в губерниях Иркутской и Енисейской и на 30 верстах расстояния от берегов сплавных рек в Якутской области» запрещали палы с 15 мая по 15 октября (ГАИО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–3). В другое время палы допускались только с соблюдением определенных правил, так же как и разведение костров в лесу (Там же). Тушением пожаров руководил лесничий, а осуществлялось оно силами местного населения. Иркутский генерал-губернатор иногда прибегал к весьма жестким административным мерам (вплоть до ареста) в отношении крестьянских начальников, которые не могли заставить крестьян участвовать в ликвидации лесных пожаров (Общество Сибирских охотников в г. Иркутске. Отчет о деятельности общества за 1895 г., 1896. С. 11). Нежелание крестьян участвовать в тушении лесных пожаров во многом объясняется безвозмездным характером данных работ. Для охраны крестьянских лесов от пожаров в конце XIX в. учреждаются должности «пожарных старост» и «полесовщиков». Должности эти были выборными (на один год), люди, их занимающие, как правило, пользовались у населения авторитетом. Выбор закреплялся общественным приговором.

Таким образом, государственная власть на рубеже XIX–XX вв. начинает активно усиливать контроль за соблюдением крестьянскими и инородческими обществами мер по охране лесов. Важным результатом взаимодействия лесничеств и местных властей следует признать правовое закрепление ответственности (как административной, так и уголовной) за нарушения правил лесопользования. Однако все это справедливо только для районов, приближенных к крупнейшим городам Байкальского региона (Иркутск, Верхнеудинск, Чита). На остальных огромных пространствах края государство просто не имело возможности практически регламентировать традиционное лесопользование в силу дефицита кадров, отсутствия инфраструктуры, недостаточного финансирования и, зачастую, непрофессионализма лесных чинов. Между тем местное сельское население, уже «зараженное» вирусом рынка и начавшее освобождаться от опеки общины, неохотно шло на сотрудничество с властями, имея горький опыт потери свободного пользования лесными ресурсами. В силу сказанного приходится констатировать, что попытки государства построить в Байкальском регионе систему лесоохраны (безотносительно к ее конечной эффективности) имели два противоречивых следствия. С одной стороны, они объективно сдерживали самоубийственную трансформацию одного из существенных признаков системы традиционного хозяйства – комплекса экологических традиций. Государство, в условиях разложения общины как бы брало на себя бывшую ее функцию по контролю за индивидуальной хозяйственной деятельностью.

С другой стороны, резкое ограничение лесопользования и жесткая фискальная политика настраивали население против, в целом полезных, государственных мероприятий.

Регламентация государством охоты с целью охраны ценных промысловых животных в Байкальском регионе именно на рубеже XIX–XX вв. становится объектом пристального внимания местных и центральных властей, поскольку в этот период охота, полностью переориентированная на удовлетворение потребностей рынка, стала фактором уменьшения популяций многих животных. Между тем, Закон об охоте 1892 г. не распространялся на Сибирь. Это противоречие могло быть разрешено только принятием дополнительных мер. Предпринятые властями действия в отношении регламентации охоты разнообразны, традиционного хозяйства касаются две их группы: меры по ограничению способов охоты и меры по ограничению охоты на определенный срок.

Инициаторами введения ограничительных мер, касающихся охоты, выступали, как правило, местные власти или купцы и промышленники (последних беспокоило, главным образом, сокращение поголовья пушного зверя).

Меры по ограничению способов охоты сводились к запрещению использования орудий охоты или неких охотничьих приемов. В Иркутском генерал-губернаторстве в 1890 г. началась деятельность по пересмотру действующих в регионе правил о звериных промыслах и охоте (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 4). Проект «Правила об охоте и звериных промыслах в Иркутском генерал-губернаторстве» был разработан с учетом местных условий. В начале 1893 г. с прилагаемой к нему объяснительной запиской он поступил в Министерство государственных имуществ. Предлагалось запретить:

– разорение птичьих гнезд с целью использования яиц в пищу, а птичьего пуха – в хозяйственных целях;

– охоту на изюбров и диких коз весной, когда они проваливались на насте;

– выкормочное звероловство, при котором детеныши песцов и лисиц забирались из нор для выкармливания (РГИА. Ф. 390. Оп. 61. Д. 19236. Л. 9–10).

Предлагалось запретить использование самострелов, капканов, ям и вообще ловушек при охоте на кабаргу, лося, изюбря и других копытных. Нарушение данного положения влекло за собой назначение штрафа. Если нарушитель не мог выплатить штраф, тот мог быть заменен тюремным заключением. Проект так и не был принят как закон. Таким образом, все вопросы регламентации охотничьего промысла ложились на плечи местных властей. Местным представителям Лесного ведомства приходилось брать инициативу в свои руки. Так, например, один из лесничих Ленского лесничества в 1901 г. приказал всем охотникам уничтожить ямы для поимки диких коз (ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 665. Л. 4). Регламентации охоты на копытных животных был посвящен ряд статей в правилах, принятых в 1895 г. («Правила о побочных пользованиях в казенных лесах Иркутской губернии, изъятых из свободного пользования»). Согласно им, запрещалось использовать для охоты на копытных ямы, капканы, петли и охотиться по насту. Однако наказание за нарушение правил было символическим – штраф в размере 3 руб. (Общество Сибирских охотников в г. Иркутске. Отчет о деятельности общества за 1895 г., 1896. С. 11). Уменьшение зверя, наблюдающееся каждый год, продолжающееся истребление всех видов копытных привели к изданию постановления Иркутского генерал-губернатора от 29 марта 1911 г. о воспрещении весенней охоты по насту (ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1905. Л. 6). Согласно данному постановлению, родовые начальники (в «инородческих» ведомствах) и сельские старосты (в крестьянских обществах) должны были каждый год предоставлять в волостные правления и инородные управы информацию о каждом случае охоты по насту, однако общества шли на это неохотно. Лесная стража регулярно выступала против того, чтобы контроль за исполнением постановлений осуществлялся общинными властями, ссылаясь на то, что волостные и инородческие начальники сами нередко участвуют в хищнической охоте (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 274).

Меры по ограничению срока охоты были связаны с тем, что промышленники и местное населе-

ние (часто зависимое от промышленников, как, например, «бродячие» эвенки, иногда выступавшее по своей инициативе), гонимые жаждой наживы зачастую отходили от веками сложившихся правил, запрещавших охоту в определенные периоды, связанные с размножением животных или воспитанием молодняка. Согласно уже упомянутым правилам 1895 г., охота на лосей, изюбров, диких коз и кабаргу запрещалась с 1 марта по 1 сентября. По так и не принятому проекту «Правила об охоте и звериных промыслах в Иркутском генерал-губернаторстве» охота на изюбрей разрешалась только в течение одного месяца – с 1 июня по 1 июля. В 1902 г. Иркутским военным генерал-губернатором было принято постановление, запрещавшее охоту на всех пушных зверей с 1 марта по 1 сентября в пределах Иркутского генерал-губернаторства (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1970. Л. 294). В 1910 г. охота на белку ограничивалась с 1 октября по 1 февраля (ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1905. Л. 3). В 1911 г. Иркутский генерал-губернатор принял постановление о запрете соболиной охоты в Забайкальской области в период с 1 февраля по 1 октября (Забайкальская Новь, 1911. С. 2). Начиная с 1910 г. члены Ирбитского ярмарочного комитета выступали перед Государственной Думой с инициативой принятия закона о запрете на два года охоты на соболя. Государственная Дума, найдя данный вопрос очень важным, создала в 1911 г. особую комиссию по охоте и обратилась к местным властям с просьбой о сборе информации относительно охоты на соболя. В середине апреля 1912 г на основании отчета Иркутского генерал-губернатора за 1910–1911 гг. Совет министров признал, что необходимо срочно распространить на Сибирь закон об охране соболя. В июне 1912 г. Государственной Думой и Государственным Советом был утвержден закон «Об установлении ограничительных по охоте соболя мер», который запрещал соболиную охоту с 1 февраля 1913 г. по 15 октября 1916 г. (Сибирские вести, 1913. С. 3). По истечении указанного срока охота на соболя воспрещалась ежегодно с 1 февраля по 15 октября. Контроль за исполнением закона возлагался на полицию, лесничих, лесную стражу, местные органы самоуправления (должностных лиц казачьего и инородческого управления, сельских старост, волостных старшин).

В целом мероприятия властей, призванные ограничить охоту, отличаются непоследовательностью и половинчатостью. Так, наряду с упомянутыми мерами по охране отдельных видов животных, поощрялось истребление хищных зверей (медведь, волк, лиса, барсук, хорек, ласка, выдра, норка, горностай, куница, колонок, росомаха, рысь и дикая кошка) и хищных птиц в течение всего года всякими способами, кроме отравы и самострелов. Меры наказания за нарушение существующих правил охоты предусматривались достаточно мягкие, поэтому их введение не влияло существенно на истребление зверя, в особенности пушного. Так, в сезон 1913–1914 гг. добыча соболя в Байкальском регионе достигла таких хищических масштабов, что собрание представителей крупной меховой торговли, проходившее 16 сентября 1915 г. в Москве, предложило продлить срок действия закона «Об установлении ограничительных по охоте соболя мер» еще на 3 года (ГАИО. Ф. 171. Оп. 2. Д. 32. Л. 66).

Итак, меры, предпринимаемые государственной властью в сфере регламентации природопользования посредством установления контроля над охотой на пушного зверя и копытных животных в Байкальском регионе, были весьма разнообразны. Однако единственный принятый закон касался ограничения соболиной охоты, остальные меры предпринимались местными властями.

Все это в полной мере относится и к попыткам государственного ограничения рыбного промысла. В силу географической специфики Байкальского региона (наличие оз. Байкал и полноводных рек) рыболовство для местного населения всегда имело большое значение, но, как и в случае с охотой, распространение в регионе капиталистических отношений приводило к появлению слоя промышленников, ориентированных исключительно на рынок, и ставящих своей целью получение наживы. В том числе под их влиянием новая этика хозяйственной деятельности проникает в систему традиционного хозяйства, подтачивая ее изнутри, трансформируя, в ряду прочего, экологические традиции.

С целью регулирования рыбного промысла были изданы:

– временные «Правила о рыбопромышленности во время рунного хода омулей в реках Верхняя Ангара и Кичера», 1872 г. (ограничивались места и сроки ловли омуля);

– правила 1882 г., упорядочившие рыбопромышленность на Байкале, проект которых был подготовлен в Иркутске комиссией статского советника Д. Большакова (Шахеров, Даниленко, 1991. С. 18);

– правила 1895 г., утвержденные Приамурским генерал-губернатором (Обзор Забайкальской области за 1898 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Забайкальской области, 1899. С. 6);

– «Правила о рыбопромышленности на озере Байкал, реке Селенге», утвержденные Приамурским генерал-губернатором в 1900 г. (запрещалось использование отдельных способов и орудий лова);

– «Правила о рыбопромышленности на озере Байкал и рек, впадающих в него, расположенных в пределах Баргузинского уезда Забайкальской области, кроме рек Верхняя Ангара и Кичера», принятые Иркутским генерал-губернатором Селивановым в 1906 г. (запрещался лов рыбы любыми способами во время рунного хода).

В 1908 г. в связи с неудовлетворительной организацией надзора за выполнением ранее принятых правил рыболовства, а также по причине разнобоя в управлении (восточное побережье оз. Байкал – в ведении Приамурского генерал-губернатора, западное – Иркутского), Иркутский генерал-губернатор созвал совещание для выработки проекта правил рыболовства, общих для всего бассейна оз. Байкал (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг., 1908. С. 30–31). Разработанный проект «Правила о рыбопромышленности на озере Байкал и реках в него впадающих» был утвержден 29 декабря 1908 г. Правила 1908 г. детальнее, чем ранее, регламентировали рыбный промысел, учитывали географические особенности местности, распространялись на всю акваторию оз. Байкал и прилегающую к нему территорию, предполагали более четкую структуру органов надзора за соблюдением правил. Иключительное пользование рыбными ловлями в соответствии с буквой правил 1908 г. распространялось не далее как на две версты вглубь «священного моря», далее от берега воды находились в свободном пользовании. Во второй главе правил 1908 г. прописывались меры, необходимые для охраны рыбы. Они запрещали лов рыбы сетями в Чивыркуйском заливе и Малом Море, лов во время нереста, лов некоторыми видами неводов, устройство заграждений, препятствующих свободному передвижению рыбы, использование взрывчатых и ядовитых веществ (Сибирская заря, 1909. С. 1).

Правила 1908 г. не были введены в действие, поскольку Государственная Дума усмотрела в них несогласованность с действующим законодательством о рыбопромышленности в Сибири. Помимо этого в Думу был уже внесен проект закона о рыболовстве (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1908–1909 гг., 1910. С. 32). Основным же камнем преткновения явился установленный правилами особый денежный сбор с рыболовецкого населения за право промысла в пользу так называемого рыбопромыслового капитала. В отличие от депутатов Государственной Думы, Иркутский генерал-губернатор несколько иначе оценивал ситуацию. В 1910 г. он писал Главному управляющему землеустройством и земледелием: «Скорейшее упорядочение рыболовства в Байкале представляется тем более своевременным, что ничтожные результаты улова 1900 г. наглядно показывают истощение рыбного богатства на Байкале и убеждают в необходимости подчинения рыболовства точным правилам» (Шелохова, 1992. С. 31). Это мнение получило сочувствие и поддержку Забайкальского военного губернатора и собрания рыбопромышленников, состоящего из уполномоченных от пяти волостей Забайкальской области (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 2291. Л. 3). В результате на основе правил 1908 г. в 1914 г. был составлен законопроект, поступивший на рассмотрение в Государственную Думу. Согласно ст. 38 проекта ответственность за исполнение правил возлагалась, в том числе, на общества. Однако закон так и не был принят.

Таким образом, на территории Байкальского региона в конце XIX – начале XX в. действовало несколько нормативных актов, ограничивающих рыбный промысел, которые, однако, противоречили друг другу. Многие мероприятия оставались «мертвой буквой», некоторые меры по регулированию рыбного промысла остались вовсе нереализованными. Контроль же за выполнением действующих правил был недостаточно эффективным.

В целом попытки местной администрации регламентировать охотничий и рыболовный промыслы, в отличие от регулирования лесопользования, не носили системного характера и не вызывали положительного отклика у местного населения. Экономическое развитие края требовало установления государственного контроля над использованием лесных, животных и рыбных ресурсов, стремительно сокращавшихся по причине уже слабо регулируемого общинными институтами товарного промысла, но силы и средства, выделяемые властями на природоохранную деятельность, не могли сдержать новых тенденций трансформации хозяйственных традиций под напором капитализма. Важно отметить, что инициативы местных властей Байкальского региона слабо поддерживались властью центральной, прежде всего речь идет о финансовой поддержке. Это говорит о том, что в Петербурге смотрели на Сибирь как на колонию, сырьевой придаток России. Тем не менее, сама попытка государственной власти взять на себя регулирующие функции (в нашем случае касающиеся природоохранного аспекта), которые ранее выполняла община (или род) на фоне разлагающегося под натиском рыночных отношений традиционного хозяйства, апеллируя к той же общине, – это черта политики российского государства, подчеркивающая его специфику. Своим вмешательством в глобальные процессы становления капитализма, российское государство, вольно или невольно, способствовало сохранению многих черт, присущих экономике традиционного общества (реформа Столыпина в части искусственного развала общины, прямо скажем, не очень удачная, для России скорее исключение, чем правило). Это отнюдь не характеризует Россию как страну «отсталую». Вмешательство государства в экономику вытекает из особенностей исторического развития России, предопределено ее географическими особенностями и обусловлено историческими традициями. В этом смысле она являет собой удачный пример того, что сейчас принято называть «новым регионализмом», противопоставляя его глобализации.

Библиографический список

Будаева Ц.Б. Экологические традиции коренного населения Байкальского региона (на примере Республики Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 1999. 192 с.

Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. Иркутск, 1908. 49 с.

Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1908–1909 гг. Иркутск, 1910. 39 с.

Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской Рос-

References

Budaeva Ts.B. *Ekologicheskie traditsii korennogo naseleniya Baikal'skogo regiona (na primere Respubliki Buryatiya)* [Ecological traditions of the indigenous population of the Baikal region (on the example of the Republic of Buryatia)]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 1999, 192 p. (In Russian).

Vsepoddannejshij otchet Irkutskogo general-gubernatora za 1906–1907 gg. [Loyal report of the Irkutsk Governor-General for 1906–1907]. Irkutsk, 1908, 49 p. (In Russian).

Vsepoddannejshij otchet Irkutskogo general-gubernatora za 1908–1909 gg. [Loyal report of the Irkutsk Governor-General for 1908–1909]. Irkutsk, 1910, 39 p. (In Russian).

Vysochajshe utverzhdennoe 23 Maja 1896 g. mnenie Gosudarstvennogo Soveta o glavnyh osnovanijah pozemel'nogo ustrojstva krest'jan i inorodcev, vodvorivshihsja na kazennyh zemljah gubernij Tobol'skoj, Tomskoj, Enisejskoj i Irkutskoj [The highest opinion approved by the State Council on May 23, 1896 on the main grounds for the land-use of peasants and indigenous people settled in the state-owned

сии. СПб.: Переселенческое управление, 1909. С. 59–61.

Дергачев В.А. Геополитическая теория больших многомерных пространств: социально-экономический аспект // Економічні інновації. 2010. Вып. 40. С. 111–126.

Извлечение из Устава Лесного // Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб.: Переселенческое управление, 1909. С. 513–532.

Забайкальская Новь. 1911. № 1098. 3 апреля.

Забайкальская Новь. 1911. № 1294. 21 декабря.

Зверев В.А. Экологические аспекты культуры и образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX в.: сб. науч. тр. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 1986. С. 70–91.

Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX в. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2002. 496 с.

Мельхеев М.Н. Охрана заповедных рощ Прибайкалья // Охрана природы Сибири (Материалы Первой Сибирской конференции 1958 года). Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1959. С. 110–111.

Обзор Забайкальской области за 1898 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Забайкальской области. Чита: Типография Забайкальского областного правления, 1899. 67 с.

Общество Сибирских охотников в г. Иркутске. Отчеты о деятельности общества за 1895 г. Иркутск: Типолитография К.И. Витковской, 1896. 52 с.

lands of Tobolsk, Tomsk, Yeniseisk and Irkutsk provinces]. *Sbornik zakonov i rasporjazhenij po pereselencheskomu delu i po pozemel'nomu ustrojstvu v gubernijah i oblastjah Aziatskoj Rossii* [Collection of laws and regulations on the resettlement case and land tenure in the provinces and regions of Asian Russia]. Saint Petersburg: Pereselencheskoe upravlenie Publ., 1909, pp. 59–61. (In Russian).

Dergachev V.A. Geopolitical theory of large multidimensional spaces: socio-economic aspect. *Ekonomichni innovacii* [*Economic innovations*], 2010, iss. 40, pp. 111–126. (In Russian).

Izvlechenie iz Ustava Lesnogo [Extract from the Forestry Charter]. *Sbornik zakonov i rasporjazhenij po pereselencheskomu delu i po pozemel'nomu ustrojstvu v gubernijah i oblastjah Aziatskoj Rossii* [Collection of laws and regulations on the resettlement case and land tenure in the provinces and regions of Asian Russia]. Saint-Petersburg: Pereselencheskoe upravlenie Publ., 1909, pp. 513–532. (In Russian).

Zabajkal'skaja Nov' [Transbaikalian Novelty], 1911, no. 1098, April 3. (In Russian).

Zabajkal'skaja Nov' [Transbaikalian Novelty], 1911, no. 1294, December 21. (In Russian).

Zverev V.A. *Jekologicheskie aspekty kul'tury i obraza zhizni krest'janstva Sibiri jepohi kapitalizma* [Ecological aspects of culture and lifestyle of the peasantry of Siberia in the era of capitalism]. *Razvitie kul'tury sibirskoj derevni v XVII – nachale XX v.* [The development of the culture of the Siberian village in the XVII – early XX century]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 1986, pp. 70–91. (In Russian).

Zuljar Ju.A. *Ocherki istorii prirodopol'zovanija v Bajkal'skom regione v XX v.* [Essays on the history of nature exploitation in the Baikal region in the XX century]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2002, 496 p. (In Russian).

Mel'heev M.N. *Ohrana zapovednyh roshh Pribajkal'ja* [Protection of preserved forests of the Baikal region]. *Ohrana prirody Sibiri (Materialy Pervoj Sibirskoj konferencii 1958 goda)* [Preservation of nature of Siberia (Materials of the First Siberian Conference of 1958)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1959, pp. 110–111. (In Russian).

Obzor Zabajkal'skoj oblasti za 1898 g. Prilozhenie k Vsepoddannejshemu otchetu vo-ennogo gubernatora Zabajkal'skoj oblasti [Overview of the Trans-Baikal Region for 1898. Appendix to the General Report of the Military Governor of the Trans-Baikal Region]. Chita: Tipografija Zabajkal'skogo oblastnogo pravlenija Publ., 1899, 67 p. (In Russian).

Obshhestvo Sibirskih ohotnikov v g. Irkutske. Otchety o dejatel'nosti obshhestva za 1895 g. [Society of Siberian Hunters in the city of Irkutsk. Reports on the activities of the company for 1895]. Irkutsk: Tipo-litografija K.I. Vitkovskoj Publ., 1896, 52 p. (In Russian).

Сибирская заря. 1909. № 33. 10 февраля.

Сибирские вести. 1913. № 10. 12 января.

Шахеров В.П., Даниленко А.В. Проблемы рационального природопользования в Сибири XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири в XIX – начале XX в.: сб. науч. ст. Иркутск: ИГПУ, 1991. С. 16–22.

Шелохова Н.М. Из истории развития охраны природы Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1992. 56 с.

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, SAGE Publ., 1992. 187 p.

Критерии авторства

Курышова И.В., Курышов А.М. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Курышова Ирина Васильевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции,
e-mail: kiw09@mail.ru
Курышов Андрей Михайлович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений,
e-mail: akm882@ya.ru

Sibirskaja zarja [Siberian dawn], 1909, no. 33, February 10. (In Russian).

Sibirskie vesti [Siberian news], 1913, no. 10, January 12. (In Russian).

Shaherov V.P., Danilenko A.V. *Problemy racional'nogo prirodopol'zovanija v Sibiri XIX v.* [Problems of environmental management in Siberia, XIX century]. *Hozjajstvennoe osvoenie Sibiri v XIX – nachale XX v.* [Economic development of Siberia in the XIX – early XX century]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University Publ., 1991, pp. 16–22. (In Russian).

Shelohova N.M. *Iz istorii razvitija ohrany prirody Vostochnoj Sibiri* [From the history of the development of nature conservation in Eastern Siberia]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1992, 56 p. (In Russian).

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, SAGE Publ., 1992, 187 p.

Attribution criteria

Kuryshova I.V., Kuryshov A.M. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Information about the authors

Irina V. Kuryshova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
e-mail: kiw09@mail.ru
Andrey M. Kuryshov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and International Relations,
e-mail: akm882@ya.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571)1897/1900
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-137-147

ИРКУТСК И РУССКО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ 1900 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ «ИЗВЕСТИЙ ИРКУТСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ»)

© Н.Д. Ростов[a], И.А. Панченко[b]

[a] Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
656038, Российская Федерация, г. Барнаул, просп. Ленина, 46
[b] Алтайский государственный педагогический университет
656031, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

Аннотация: На основе широкого и разнообразного круга источников в статье рассматривается предыстория и ход русско-китайского вооруженного конфликта 1900 г. Большое внимание авторами уделяется анализу мобилизационных мероприятий, проводимых с началом военных действий в областях и уездах Приамурского и Сибирского военных округов. На конкретных примерах показывается порядок проведения мобилизации запасных нижних воинских чинов в Томской и Иркутской губерниях. Подробно рассматривается формирование новых воинских частей и их выдвижение на театр военных действий. На основе использованных источников описываются сложности и проблемы, с которыми столкнулись власти г. Иркутска при расквартировании мобилизованных запасных нижних воинских чинов и прибывающих в город воинских формирований. Приводятся факты взаимодействия городских властей, управления Сибирского военного округа и командиров воинских частей в поддержании воинской дисциплины и правопорядка, расквартировании и снабжении воинских чинов положенными видами довольствия. Большой интерес представляет комплекс мероприятий Иркутской городской Думы, направленных на борьбу с антисанитарией и распространением брюшного тифа. Опыт расквартирования мобилизованных нижних запасных воинских чинов и воинских частей, приобретенный Иркутскими городскими властями в период русско-китайского вооруженного конфликта 1900–1902 гг. в последующем был использован при возвращении войск с Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ключевые слова: *Сибирский военный округ, Приамурский военный округ, Туркестанский военный округ, русско-китайский вооруженный конфликт, мобилизация, нижние запасные воинские чины, расквартирование, снабжение мобилизованных, Иркутская городская Дума, Цинская империя*

Информация о статье: Дата поступления 6 июля 2018 г.; дата принятия к печати 3 августа 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Ростов Н.Д., Панченко И.А. Иркутск и русско-китайский конфликт 1900 г. (по материалам «Известий Иркутской городской Думы»). *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):137–147. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-137-147.

IRKUTSK AND THE RUSSIAN-CHINESE CONFLICT OF 1900 (BASED ON THE IZVESTIA OF THE IRKUTSK CITY DUMA)

© Nikolay D. Rostov[a], Ilya A. Panchenko[b]

[a] Altai State Technical University I.I. Polzunova
46 Lenin Str., Barnaul 656038, Russian Federation
[b] Altai State Pedagogical University
55 Molodeshnaya Str., Barnaul 656031, Russian Federation

Abstract: Based on a wide and diverse range of sources, the article discusses the background and the course of the Russian-Chinese armed conflict of 1900. The authors paid much attention to the analysis of mobilization measures getting in connection

with the outbreak of hostilities in the provinces and districts of the Amur and Siberian Military Districts. The specific examples show the order of mobilization of reserve lower military officials in the Tomsk and Irkutsk provinces. Considerable attention is paid to the formation of new military units and their promotion to the theater of military operations. Based on the used sources, the difficulties and problems faced by the authorities of the city of Irkutsk in the hosting of the mobilized reserve lower military ranks and the military units arriving in the city are shown. Specific examples show the interaction of city authorities, the administration of the Siberian Military District and commanders of military units in maintaining military discipline and law and order, quartering and supplying military ranks with the types of allowances. Of great interest is the complex of measures of the Irkutsk City Duma aimed at combating insanitary conditions and the spread of typhoid fever. The experience of hosting the mobilized lower reserve military ranks and military units acquired by the Irkutsk city authorities during the Russo-Chinese armed conflict was subsequently used for the return of troops from the theater of military operations in China of 1900–1902 and the Russian-Japanese war of 1904–1905.

Keywords: *Siberian Military District, Priamursky Military District, Turkestan Military District, Russian-Chinese armed conflict, mobilization, lower reserve military ranks, quartering, supply of mobilized, Irkutsk City Duma, Qing Empire*

Article info: Received July 6, 2018; accepted for publication August 3, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Rostov N.D., Panchenko I.A. Irkutsk and the Russian-Chinese conflict of 1900 (based on the Izvestia of the Irkutsk City Duma). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):137–147. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-137-147.

На протяжении XIX столетия Китай являлся сложным геополитическим и экономическим партнером для Российской империи. К концу XIX в. он характеризовался неустойчивым социально-экономическим климатом и слабой властью, которая была не в состоянии урегулировать внутриполитическую ситуацию. Помимо жестоких «опиумных войн» в Китае в 1850–1877 гг. произошел ряд крестьянских восстаний, усугубивших и без того сложное экономическое положение государства. Поражение в японо-китайской войне 1894–1895 гг. еще более обострило конфликт правящих элит и подтолкнуло китайское правительство к модернизации страны по западному образцу.

В соответствии с императорским указом от 11 июня 1898 г. правительство Китая взяло курс на обновление. Краткий период экономических и социальных преобразований предусматривал в стодневный срок провести реформы системы управления и экономики. Концепция реформ предполагала внедрение новых технологий и форм производства в экономику Китая. Планировалось сократить управленческий аппарат, инвестировать средства в горнодобывающую промышленность и увеличить в аграрном секторе производство шелка и чая. Ставились задачи по внедрению европейских агротехнологий и научных достижений, переоснащению армии по западным стандартам. Однако в самостоятельной политике своего племянника императора Цзяньтяня бывшая императрица регент Цыси ощущала угрозу для собственной власти и в ночь на 21 сентября 1898 г. силами дворцовой гвардии осуществила государственный переворот. Император Цзянтянь был арестован и заключен под домашний арест. На следующий день Цыси издала указ о передаче ей всей верховной власти в Китае (Непомнин, 2015. С. 488–490).

К концу XIX в. несколько тайных обществ в провинциях Шаньдунь и Чжили, практиковавших даосские физические упражнения «Цуань» и считавшие себя неуязвимыми для пуль и оружия, положили начало движению «Ихэцуань». Назвав себя «священными воинами», они боролись с иностранной агрессией против Китая. Уловив настроения большинства бедняков и крестьян, «Цуани» смогли стать выражением их гнева на социальные и экономические проблемы, коррупцию, казнокрадство и поборы. К осени 1899 г. восстание охватило более 20 уездов, к которому примкнули до 40 тыс. чел. Череда военных побед пополнила ряды восставших и к весне 1900 г. их численность выросла до 100 тыс. чел. Социальный взрыв также катализировали растущая безработица, стихийные бедствия и голод. К началу лета 1900 г. в провинции Шаньси голодало более 4 млн чел. Кроме того, прокладка железнодорожных путей приводила к уничтожению жилых домов, полей и кладбищ. Традиционное общество северных провинций Ки-

тая не могло принять этого. Наибольшую активность восставшие проявили в провинциях Чжили, Шаньдунь и Маньчжурии. Главным виновником своих бедствий китайские крестьяне считали иностранцев, которые грубо и бесцеремонно вмешивались в традиционный уклад жизни китайского населения, повсеместно внедряя западные ценности. Разные по своему содержанию и форме восстания в Китае все больше приобретали ярко выраженный антииностранный характер (Непомнин, 2015. С. 492–495).

Англия, Германия, Россия, Франция, США, Италия, Япония и Австро-Венгрия, заинтересованные в защите своих интересов и реализации колониальной политики в Китае, перешли к открытой военной интервенции в отношении Цинской империи. Союзная эскадра под командованием русского вице-адмирала Гильтебрандта 16 июля 1900 г. встала на внешнем рейде комплекса китайских фортификационных укреплений Танку. Требования иностранных держав о передаче укреплений под международный контроль были отвергнуты комендантом крепости генералом Ло Юнгуанем. В ночь на 17 июня союзные войска приступили к штурму крепостных укреплений. После многочасового и ожесточенного боя китайские укрепления были захвачены наступающими. Из Порт-Артура 18 июня в район боевых действий прибыла 3-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада под командованием генерала А.М. Стесселя, имевшая задачу захвата Тяньциня, который являлся ключевым пунктом на пути к Пекину (Краснов, 1901; Взятие фортов Таку, 4-го июня 1900 года. Флагманский артиллерист штаба начальника эскадры Тихого океана, лейтенант Мякишев, 1901).

Во главе объединенных международных сил общей численностью более 2 тыс. чел. встал английский вице-адмирал Э. Сеймур. Его задачей было взятие Пекина и охрана посольского квартала. Захватив три китайских железнодорожных состава, экспедиционные войска выдвинулись из Тяньцзиня к китайской столице, но потерпели поражение на станциях Лофа и Лянфан. «Ихэцуани», веря в свою неуязвимость, с неистовой решительностью шли в бой с захватчиками, неся при этом огромные потери. Оказавшись в окружении, экспедиционные войска отступили. Неудача этой экспедиции вынудила державы к подготовке большого Китайского военного похода. Императрица Цыси 21 июня 1900 г. объявила войну иностранным державам и узаконила движение «Ихэтуани». Под удар восставших в большей степени попадали города Манчжурии и полоса строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), где в июне начались активные антирусские выступления. Участвуя в международной операции, Россия страховала себя от больших людских потерь и демонстрировала солидарность с европейской внешнеполитической линией. Для России открывались перспективы к получению ценного военного опыта и почти бескровным территориальным приобретениям в Манчжурии.

К маю – июню 1900 г. Китай представлял собой огромный земельный участок, на который претендовали иностранные государства, имеющие свои дипломатические миссии на его территории. Кроме человеческих ресурсов Цинской армии нечего было противопоставить совместным военным действиям современных армий европейских государств, Японии и США. Бунт бедного традиционного общества, получивший статус признанного государственного движения, не имел организованного снабжения и современного обмундирования, и стал лишь поводом для вооруженной интервенции иностранных держав против Цинской империи. Достаточно указать на тот факт, что в 1896–1898 гг. произошла «Битва за концессии», предметом которой стали споры по прокладке линий железных дорог. К примеру, между Англией и Российской империей состоялся ожесточенной спор по вопросу дороги Шаньхайгуань – Нючжуан. Разногласия между иностранными державами привели к заключению серии двусторонних соглашений, разделивших Китай на сферы железнодорожного и экономического влияния. Тем самым Россия смогла получить не только концессии на Китайско-Восточной и Южно-Манчьжурской железных дорогах, но и права на прокладку линии от русской границы через Монголию до Пекина (Непомнин, 2015. С. 497–500).

По случаю «осложнений в Китае» в Российской империи были приняты некоторые меры. В

июне 1900 г. утверждаются Именные высочайшие указы, данные Правительствующему сенату:

– «О призыве на действительную военную службу чинов запаса из областей и уездов Приамурского и Сибирского военных округов, для приведения на военное положение войск Приамурского военного округа» № 18774;

– «О размере предстоящего в 1900 г. призыва людей на действительную военную службу» № 18776.

По обязательной воинской повинности в ряды армии и флота подлежали призыву 297 тыс. чел. В соответствии с указом № 18779 ответственность за проведение мобилизации переходила от Военного министерства к Министерству внутренних дел, в котором было учреждено Управление № 1 «По делам о воинской повинности». В целях мотивации офицеров к службе на Квантунском полуострове и в наиболее отдаленных местностях, Именным высочайшим указом № 18880 военнослужащим данной категории были предоставлены права на льготный переезд к месту несения службы, получение денежных пособий, полугодового оклада жалования и выслуге особых пенсий (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье, 1900. С. 629–630, 821).

Мобилизационные мероприятия в Сибирском военном округе (СибВО) и Приамурском военном округе (ПримВО) начали реализовываться 11 июня 1900 г. В Бийском уезде Томской губернии в войска было мобилизовано 2 570 нижних чинов запаса (ГААК[1] Ф. 198. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–139; Д. 7. Л. 2–142; Д. 6. Л. 32–180; Д. 11. Л. 1–11). В целом по мобилизации из запаса в войска было призвано 65 тыс. воинских чинов, из них в СибВО свыше 14 тыс. запасных нижних чинов и в ПримВО – 16 тыс. (Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1900 г., 1902. С. 11; Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь). В целях укомплектования частей и войск СибВО также были мобилизованы и студенты юридического и медицинского факультетов Томского Императорского университета (ГАТО[2]. Ф. 102 Д. 10. Оп. 101. Л. 4–26). В ПриамВО для организации медицинского обеспечения войск, в том числе мобилизованных нижних чинов, в соответствии с Высочайшим повелением, объявленным военным министром за № 18944, разрешалось нанимать отставных военных, гражданских и вольнопрактикующих врачей, фармацевтов и ветеринаров. При найме на службу медицинских работников в ПримВО и Квантунской области, им полагалось содержание в размере 1 834–2 410 тыс. руб. в год в зависимости от медицинского разряда. Также по прибытии на место службы им производились суточные выплаты до 3-х руб. При отправлении на службу медикам полагались также подъемные в размере до 150 руб. и ординарные прогоны по расстоянию 458–687 руб. (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье, 1900. С. 858–859).

Мобилизованные в Бийском и Барнаульских уездах Томской губернии запасные нижние чины сопровождались до Верного, Семипалатинска, Томска и Красноярска для пополнения воинских формирований (ГАТО. Ф. 520. Оп. 2. Д. 169. Л. 325, 325 об.). В соответствии с Высочайше утвержденным Положением Военного совета № 18915 от 20 июня 1900 г. проводилось усиление войск в Туркестанском военном округе (ТуркВО). Войска были реорганизованы, все линейные батальоны округа были переименованы в стрелковые, а линейно-кадровые в резервные. Стрелковые батальоны были сведены в отдельные Туркестанские стрелковые бригады 4-х батальонного состава, а 1-й Западно-Сибирский линейный батальон получил статус стрелкового. В состав 1-й Туркестанской казачьей дивизии были включены 2-й Уральский и 4-й Оренбургский казачьи полки. В начале июля 1900 г. Высочайше утвержденным Положением Комитета министров № 8981 был определен комплекс мер об установлении усиленной охраны в некоторых местностях Туркестанского края сроком на один год (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье, 1900. С. 845).

В соответствии с Высочайшим повелением и указанием военного министра от 24 июня 1900 г. началось формирование 5-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады в составе 3-го, 8-го, 10-го и 17-го Восточно-Сибирских линейных батальонов с последующим переформированием 3-го, 8-го и

[1] Государственный архив Алтайского края.

[2] Государственный архив Томской области.

10-го батальонов в полки двухбатальонного состава и переименованием их в 18-й, 19-й и 20-й Восточно-Сибирские стрелковые полки. В конце июня в соответствии с Высочайшим повелением, объявленным военным министром за № 18947, началось формирование и укомплектование в губерниях Европейской России Порт-Артурского крепостного пехотного полка. По случаю мобилизации, в соответствии с Высочайше утвержденным Положением Военного совета, Сибирским казачьим полкам было предписано организовать обоз, подлежащий снабжению всем необходимым в случае подъема по военной надобности 6 сотен Сибирского казачьего полка (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье, 1900, С. 864).

Команды запасных нижних чинов из г. Томска направлялись на укомплектование Красноярского резервного батальона на 10-й день мобилизации и находились в пути 2-е суток (ГАТО. Ф. 520. Оп. 2. Д. 169. Л. 325, 325 об.). Так же был сформирован и Томский резервный батальон. Красноярский пехотный полк, сформированный 29 июля 1900 г. в составе 5 270 нижних запасных чинов, 15 августа был отправлен на театр военных действий (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь). Войска, следовавшие из г. Красноярска, направлялись по Сибирской железной дороге до г. Иркутска, далее через Сретенск в Китай.

Стратегически важным транспортным узлом Сибирской железной дороги являлся г. Иркутск, через который за весь период военных действий прошла большая часть войск. В Иркутске 11 июня 1900 г. были расклеены объявления о мобилизации состоящих в запасе армии нижних чинов. В городе было организовано их ежедневное обучение. До выдачи амуниции и снаряжения солдаты занимались в своей одежде с использованием винтовок Мосина. В «Летописи города Иркутска» так описываются дни мобилизации 1900 г.: «… 13 июня на Амур по железной дороге проследовал первый санитарный отряд, в него входили сестры милосердия, врачи, санитары и прочий медицинский персонал. 14 июня в город вечером прибыли войска из Балаганского округа. А спустя три дня проведения мобилизационных мероприятий, 15 июня – отбыл первый состав с нижними запасными чинами…» (Романов, 1993).

С 27 июня через г. Иркутск начали следовать войска из Европейской части России. Городская Дума приняла постановление об изготовлении сухарей для войск, следующих из Иркутска. Гласный осведомитель Иркутской городской Думы В.Н. Богданов сообщает, что «… базарные цены на ржаную муку и на печеный ржаной хлеб очень сильно выросли. Печеный ржаной хлеб дошел до 4 копеек за фунт, да и по этой цене его весьма трудно купить на базаре. Причиной тому служит обстоятельство, что Городская Управа обязала всех домовладельцев города в 5 дней выпечь 15 000 пудов ржаных сухарей для нижних чинов запаса. Это поставило в совершенно безвыходное положение домовладельцев, в особенности бедных» (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь. С. 298). Городская Дума постановила в ответ на поступающие сообщения снизить норму для бедных домовладельцев и увеличить для тех, чей капитал составлял 15 тыс. руб. и более. При этом партии должны были доставляться в размере не менее одного пуда и как можно скорее (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Июль. С. 300).

Однако с наибольшими затруднениями городские власти столкнулись при расквартировании следовавших через Иркутск войск. По опыту поверочных сборов 1897 и 1899 г. на расквартирование войск Военное ведомство выделило 21 711 руб., что оказалось крайне недостаточным. Кроме того, задолженность перед городом в размере 2 315 руб. за поверочные сборы 1897 г., Военное ведомство закрыло только с началом мобилизации войск в 1900 г. (Там же. С. 272).

В августе 1900 г. в Городскую Думу г. Иркутска были внесены предложения № 10406 и № 10420. В соответствии с первым предложением был поставлен вопрос о необходимости размещения в г. Иркутске находящихся в нем войск, а также следующих через город в ПримВО строевых частей. Городские власти столкнулись с необходимостью постройки новых бараков в кратчайшие сроки. В ходе обсуждения этого вопроса были определены места уже занятые войсками и выявлены размеры возможных поступлений войсковых соединений в

город. В августе были заняты находящиеся в распоряжении городского воинского начальника казармы пересыльной части. Эти казармы были необходимы как для пересыльных нижних чинов, так и для ожидаемых из Киренского уезда 1 200 запасных, которые должны будут останавливаться в Иркутске до получения назначения. Однако полностью 1 200 запасных не могли быть размещены в пересыльной части, следовательно, требовались дополнительные помещения.

Под размещение нижних чинов запаса также были отведены: Тюрюминский ряд и Лесопилка Филаковского. Иркутским Сибирским полком и следующим через г. Иркутск строевыми частями были заняты две казармы Иркутского резервного батальона и хлебные амбары у Якутской заставы, а также Нагорное, Пушкинское, Крестовоздвиженское, Ремесленно-Слободское училища. Воинскими частями также были заняты 5-ти классное Александро-Мариинское, Кладищевское училища и казарма при 2-й полицейской части. Два батальона Иркутского Сибирского полка были размещены в лагерях. Так как близилось начало учебного семестра, помещения училищ, занятые военными, требовалось освободить. В принятом Городской Думой решении отмечалось, что «… имеющиеся у Иркутского резервного батальона казармы могут вместить в себя с наступлением осени 1 300 человек, Хлебные амбары у Якутской заставы достаточны для 850 человек. В казармах при 2-й части можно поместить 200 человек. Таким образом, из 6 200 нижних чинов Иркутского Сибирского полка в упомянутых строениях можно было разместить 2 350 человек, а для остальных 3 850 человек необходимо или отвести училища, или разместить их по обывателям, так как других городских помещений в городе не было» (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь. С. 43–46).

По мнению Иркутской городской Думы, летом 1900 г. с размещением прибывающих войск и мобилизованных запасных нижних чинов в г. Иркутске сложилось крайне тяжелое положение. В городе насчитывалось всего 11 250 зданий и, если исключить из них свободные от постоя, а также занятые торгово-промышленными заведениями, размещение 3 850 нижних чинов Иркутского Сибирского полка займет свободные обывательские дома всего города, но не больше. В сложившейся ситуации в случае проследования строевых частей в Приамурский округ после 16 августа и возможности выводить такие эшелоны из г. Иркутска, и размещать их в других помещениях, кроме городских училищ, будет некуда. Однако, так как училища необходимо было освободить не позже 1 октября, то единственным выходом из такого крайнего положения являлась постройка в Иркутске Военным ведомством бараков для войск. Принимая во внимание краткость остающегося строительного периода и возможность скопления в Иркутске до четырех эшелонов проходящих строевых частей, требовалось построить бараков на 2 тыс. нижних чинов. По предложению депутатов, если же в Иркутске будет скапливаться более 4 эшелонов строевых частей, их необходимо расквартировать по окрестным деревням.

Начальнику Иркутской местной бригады 31 июля – 1 августа 1900 г. сообщалось, что в соответствии с распоряжением Военного министра 2-я Сибирская резервная бригада из полков Иркутского и Красноярского с двумя батареями будет сосредоточена в Чите и ее окрестностях. В Иркутске и его пределах разместят 3-ю бригаду, сформированную из Томского и Барнаульского полков с двумя батареями из Европейской России, а также одну казачью сотню. При этом один из полков и одна сотня будут размещены в самом г. Иркутске.

На заседании Городской Думы 1 августа 1900 г. гласные осведомители последовательно высказывали свои мнения. В.В. Жарников отметил, что «… в Тобольске и Томске проходящие войска расквартированы по обывателям и потому расквартирование нижних чинов по обывателям лучший вариант, так как для размещения их у города нет другого выхода». По мнению осведомителя А.А. Корнилова, «… постойная повинность страшно тяжела и прежде чем на нее решиться Городское Управление обязано принять все зависящие от него меры к освобождению жителей от постоя. У города есть такие меры». Некоторые осведомители предложили приобрести и приспособить для расквартирования «участнические казармы», которые в последствии были приобретены у госпожи Абра-

мовой на ассигнованные из запасного капитала города за 4 тыс. руб. В заключение заседания Городская Дума постановила: «… просить Управу к 25 августа здания городских школ от воинского постоя освободить» (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь. С. 46).

К 16 августа 1900 г. в Городскую Думу поступило предложение Иркутского губернатора по расквартированию воинских частей. В нем в частности отмечалось, что «… из полученных отзывов начальника Иркутской местной бригады от 10, 11 и 14 августа за № 6686, 6732 и 6813 и выписок из планов перевозки по железнодорожным путям частей войск видно, что в г. Иркутск прибывают: 22 августа – 1 эшелон 3-го стрелкового летучего артиллерийского парка в составе 2 офицеров, 75 нижних чинов и 61 лошади, 3 эшелон 3-го Саперного батальона в составе 2 офицеров, 88 нижних чинов и 158 лошадей; 23 августа – 87 нижних чинов, 158 лошадей и 2 эшелон указанного летучего парка в составе 2 офицеров, 75 нижних чинов и 60 лошадей; 26 августа – 1 эшелон 2-й батареи Гвардейского артиллерийского стрелкового дивизиона в составе 1 офицера, 1 врача, 128 нижних чинов и 114 лошадей и 2-й эшелон той же батареи и в том же составе без врача; 27 августа – 3-й эшелон той же батареи в составе 2 офицеров, 1 врача, 128 нижних чинов и 113 лошадей и 1 эшелон 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона в составе 3-х офицеров, 1 врача, 138 нижних чинов и 170 лошадей; 28 августа – 2-й эшелон того же дивизиона в том же составе без врача и 3-й эшелон этого же дивизиона в составе 3-х офицеров, 1 врача, 138 нижних чинов и 169 лошадей; 29 августа – 69 лошадей управления 2-й стрелковой бригады, 7-го и 8-го стрелковых полков и 1 офицер при 54 нижних чинах; 2 сентября – 138 лошадей мирного штата управления и полков 1-й стрелковой бригады. В означенные эшелоны частей войск отбывают из Иркутска каждый через два дня после прибытия в г. Иркутск. Об этом сообщаю Городской Управе в дополнение к предложению от 22 июня 1900 г. за № 10015 для распоряжений о расквартировании означенных частей войск» (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь. С. 53–56).

Следует отметить, что жители и власти г. Иркутска не были готовы к прибытию и размещению такого большого числа военных. Осведомители Городской Думы докладывали, что затея с постройкой бараков не реализуема. Со слов гласных следовало, что в г. Иркутске предполагается сосредоточение группировки войск до 12 тыс. чел. нижних запасных чинов. Осведомитель И.И. Попов свидетельствовал: «Настоящий год чрезвычайно тяжел для населения г. Иркутска и Дума обязана защищать интересы населения. Текущим летом на обывателей города была возложена обязанность заготовить свыше 25 000 пудов ржаных сухарей. При этом городское управление уже издержало и продолжает тратить общественные средства на расквартирование войск и на призрение семейств запасных, призванных на действительную военную службу» (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь. С. 56–58).

По итогам двенадцатичасового заседания 29 сентября 1900 г. Городская Дума постановила: «Ввиду усиленного передвижения и скопления войск в г. Иркутске, а также отсутствия свободных помещений, в которых могли бы быть размещены проходящие войска, требуется расквартировать войска по жителям города. При этом размещение должно проходить сообразно стоимости недвижимого имущества, начиная с наиболее обеспеченных. Стартовая цена недвижимости, пригодной для расквартирования устанавливалась в 2 000 руб.» (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь. С. 57–58). Каждому домовладельцу было предоставлено право взимать с расквартированных нижних чинов в принадлежащих ему помещениях плату не свыше 3 руб. с постояльца в месяц. Большое количество войск, следующих через Иркутск, крайне негативно сказалось на доставке в город частных и торговых грузов. В городе резко повысились цены на предметы первой необходимости (за две недели на 100 %). В добавок ко всему для проходящих войск необходимо было подготавливать фураж, а в Иркутской губернии и Забайкальской области был полный неурожай хлеба и трав, вследствие чего подскочили и цены на хлеб. Все эти обстоятельства вызывали опасения за участь беднейших жителей города. (Известия Ир-

кутской городской Думы. 1900. Ноябрь. С. 410–411). В Иркутске закрылись китайские торговые площадки, китайцы начали покидать город. Сохранялась неуверенная надежда, что к 16 августа движение войск может прекратиться. Иркутская городская Дума 5 августа приняла решение: «Представить Господину Иркутскому Губернатору, что город не может заблаговременно указать железнодорожные станции, с которых будут доставляться в Иркутск частные хлебные грузы и ходатайствовать о разрешении провозить в Иркутск принадлежащие частным лицам продукты первой необходимости вообще со всех железнодорожных станций» (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь. С. 47). Транспортный хаос приводил к еще большей задержке движения по железной дороге: 14 сентября 1900 г. во время маневрирования произошло крушение железнодорожного состава, вагон с солдатами артиллеристами, сойдя с рельсов, уперся в камень, жертв удалось избежать.

Наступивший сентябрь мало что изменил в жизни иркутян. На очередном заседании Городской Думы 6 сентября 1900 г. обсуждались предложения Иркутского губернатора о размещении новых воинских формирований. Губернатор информировал власти города о том, что в ближайшее время ожидается прибытие батальона Томского Сибирского пехотного полка. В соответствии с отзывами Начальника Иркутской местной бригады № 7819, 7832 следовало, что «… военным министром разрешено для несения караульной службы в Иркутске по уходу Иркутского полка перевести в город Иркутск один батальон Томского полка. Распоряжение о переводе этого батальона уже сделано и батальон, как предназначенный для караульной службы, обязательно должен быть размещен в городе. Просить моего распоряжения о приспособлении казарм за Якутской заставой к зимнему размещению в них людей, где можно было бы расквартировать вышеупомянутый батальон. Начальник Иркутской местной бригады генерал-майор Петров информировал власти города о том, что в казармах бывшего резервного батальона, с выступлением Иркутского Сибирского пехотного полка в поход, будет размещен 5-й резервный батальон. По приходу в Иркутск батальона Томского полка 6-й запасной батальон Иркутского полка будет демобилизован, так что в Иркутске будут расквартированы: 5-й батальон Иркутского полка, батальон Томского полка и вероятно штаб Томского полка. Таким образом, оказывается, что в каком бы смысле не был разрешен вопрос об уступках городу упомянутых выше магазинных зданий за Якутской заставой, приспособление таковых для расквартирования, ожидаемого в скором времени в Иркутске одного батальона Томского полка, представляется для Городского Общественного Управления неизбежным. Конечно, если ими не будет предоставлено означенному батальону другое соответствующее помещение» (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь. С. 80–81).

В июле в Иркутске началась реквизиция лошадей для нужд армии в соответствии с распоряжением, объявленным Правительствующему сенату, Военным министром было утверждено Предписание для военнослужащих, которым предоставлено право держать лошадей и экипажи, не подлежащие реквизиции. Так, командующие войсками в округах могли позволить себе 5 лошадей и 4 экипажа; командиры корпусов, комендантs крепостей 1-го класса и состоящие в управлениях и заведениях Военного министерства, полные генералы – до 4-х лошадей и 4-х экипажей; начальники пехотных, кавалерийских и казачьих дивизий – до 4-х лошадей и 3-х экипажей; начальники саперных, стрелковых, местных линейных бригад, комендантs крепостей 2-го и 3-го классов, командиры не отдельных и артиллерийских бригад, состоящие в управлениях и заведениях Военного министерства, генерал-лейтенанты и генерал-майоры – по 3 лошади и 3 экипажа; командиры полков, отдельных батальонов, конных дивизионов, командиры пеших и конных батарей, комендантs крепостей 4-го класса, уездные воинские начальники высшего разряда и состоящие в управлениях и заведениях Военного министерства полковники – по 2 лошади и 2 экипажа; прочие же штаб и обер-офицеры частей войск и заведений Военного министерства довольствовались лишь одной лошадью и экипажем (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь. С. 9–11).

Жизнь в г. Иркутске была очень тесно связана с событиями Русско-китайской войны. На Казарминской площади были устроены 12 больших печей для обеспечения войск, прибывающих в город, хлебом и сухарями. Среди населения города стала популярной подписка на газету «Восточное обозрение», на страницах которой освещался ход военных событий. Стоимость подписки на это ежедневное издание составляла 5 руб. на полгода и 9 руб. на весь год. Осуществить подписку мог каждый житель, оплатив взнос в кассе Городской Управы. В конце августа в Китай отправился Иркутский резервный батальон, развернутый в Иркутский полк. Для улучшения продуктового довольствования нижних запасных чинов из городской казны было выделено 1 400 руб. (Романов, 1993).

К концу июля 1900 г. из-за большого числа запасных нижних чинов и воинских частей, прибывающих в г. Иркутск, начала осложняться санитарная обстановка ввиду быстрого распространения брюшного тифа. С каждым днем число заболевших увеличивалось. В целях недопущения эпидемии городские власти начали осуществлять комплекс предупредительных мероприятий, например, на всех ввозах были установлены насосы для получения чистой воды из Ангары, проводился санитарный контроль за берегами питьевых рек, усилился санитарный надзор над заведениями по приготовлению пищевых продуктов и напитков, а также помещениями рабочих. Кроме того, в соответствии с постановлением Городской Думы, во всех промышленных заведениях, в том числе гостиницах, трактирах и постоялых дворах, которые не допускались без предварительного санитарного осмотра к открытию, появились книги для занесения замечаний санитарного надзора и жалоб частных лиц (Дацышен, 2014. С. 191–193).

Несмотря на предпринимаемые меры, болезнь быстро распространялась по городу. В начале сентября было зафиксировано свыше 112 случаев заболевания брюшным тифом. Осведомители то и дело высказывали свои опасения о чрезвычайно быстром развитии эпидемии. По словам врачебного инспектора, к середине ноября ожидалось распространение инфекции до 1 тыс. чел. зараженных. Гласные осведомители отмечали, что бараки, в которых размещались войска, недостаточно дезинфицировались. Городская Дума приняла решение о проведении дополнительной дезинфекции этих помещений. В бараке 2-й полицейской части было организовано дополнительное помещение для зараженных. На очередном заседании Городской Думы г. Иркутска 7 сентября было принято решение «… об отводе соответствующих помещений для больных воинских чинов в случае переполнения местного военного госпиталя с платою от казны по 25 руб. в год за каждую кровать». По постановлению Городской Думы больные из Кузнецовской больницы были переведены в Медведковскую, а в Кузнецовской больнице стали размещать уже зараженных тифом воинских чинов (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Сентябрь. С. 60–61). В 1900 г. на содержание Иркутской мещанской солдатской больницы из казны было выделено 5 928 руб. (Известия Иркутской городской Думы, 1900. Ноябрь. С. 330). Движение войск через Иркутск завершилось только 17 сентября. В ноябре в больницы г. Иркутска из Китая поступило несколько раненых (Романов, 1993).

Восстание «Ихэцуаней» в Китае, направленное против иностранцев, поставило под удар коммуникации, принадлежащие Российской империи в Маньчжурии. Это потребовало от российского военного командования принятия дополнительных мер по обеспечению безопасности государственных границ и предотвращению возможных волнений на подконтрольных территориях. Следует отметить, что решение этого вопроса в значительной степени осложнялось огромной протяженностью приграничных территорий (более 9 тыс. верст) и недостаточной развитостью сети коммуникаций. Все перечисленное предоставило российскому командованию право выбора между ожиданием конфликта и принятием превентивных действий. Сложно переоценить отношение российского «истеблишмента» к этому вопросу. Однако еще сложнее было определить наиболее весомый фактор, во многом предопределивший дальнейший ход исторических событий. Участвуя в составе международной коалиции в войне с Китаем, Россия, наряду с решением задач по обеспечению своей безопасности, приобретала ряд весомых выгод:

урегулирование территориальных споров и совместное участие в разделе внутреннего рынка Цинской империи с другими государствами.

Подводя итог, следует отметить, что небольшой по масштабам вооруженный конфликт с Китаем 1900–1902 гг. потребовал от российского правительства реализации широкого комплекса мобилизационных мероприятий. На войну в общей сложности было мобилизовано около 65 тыс. воинских чинов, в том числе около 14 тыс. в СибВО и 16 тыс. в ПримВО. С началом военных действий г. Иркутск, располагавшийся на Транссибирской магистрали, стал важным железнодорожным узлом, через который прошли практически все мобилизованные запасные нижние воинские чины и воинские формирования, принявшие непосредственное участие в боевых действиях. Вооруженный конфликт между Российской империей и Китаем в 1900 г. кардинально изменил жизнь жителей г. Иркутска и потребовал от городских властей осуществления широкого комплекса мероприятий по расквартированию мобилизованных нижних чинов запаса и воинских формирований, прибывающих в город, обеспечению правопорядка и санитарно-эпидемиологического надзора.

Библиографический список

Взятие фортов Таку, 4-го июня 1900 года. Флагманский артиллерист штаба начальника эскадры Тихого океана, лейтенант Мякишев // Морской сборник. 1901. Т. CCCII. В 2-х ч. Ч. 2. С. 19–44.

Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1900 г. СПб.: Военная типография, 1902. 1420 с.

Дацышен В.Г. Сибирский округ во время военной кампании в Китае в 1900–1901 гг. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 6 (22). С. 119–128.

Известия Иркутской городской Думы. Иркутск, 1900. Июль. № 15–16.

Известия Иркутской городской Думы. Иркутск, 1900. Сентябрь. № 17–18.

Известия Иркутской городской Думы. Иркутск, 1900. Ноябрь. № 19–20.

Краснов П.Н. Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 году. СПб.: Русское чтение, 1901. 125 с.

Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Восточная литература, 2005. 712 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье (1881–1913 гг.). Т. XX. Отделение 1. 1900 г. СПб.: Государственная типография, 1902. 1183 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–

References

Capture of Taku Forts, June 4, 1900 Flagship artillery officer of the Pacific Ocean Squadron Chief, Lieutenant Myakishev. *Morskoi sbornik* [Sea collection], 1901, vol. CCCII, in 2 parts, p. 2, pp. 19–44. (In Russian).

Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1900 g. [Loyal Report on the Actions of the War Ministry for 1900]. Saint-Petersburg: Voennaya tipografiya Publ., 1902, 1420 p. (In Russian).

Datsyshen V.G. Siberian district during the military campaign in China in 1900–1901. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University], 2014, no. 6 (22), pp. 119–128. (In Russian).

Izvestiya Irkutskoi gorodskoi Dumy [Izvestia of the Irkutsk City Duma]. Irkutsk, 1900, July', no. 15–16. (In Russian).

Izvestiya Irkutskoi gorodskoi Dumy [Izvestia of the Irkutsk City Duma]. Irkutsk, 1900, September, no. 17–18. (In Russian).

Izvestiya Irkutskoi gorodskoi Dumy [Izvestia of the Irkutsk City Duma]. Irkutsk, 1900, November, no. 19–20. (In Russian).

Krasnov P.N. *Bor'ba s Kitaem. Populyarnyi ocherk stolknoveniya Rossii s Kitaem v 1901 godu* [Fight against China. Popular essay on the collision between Russia and China in 1901]. Saint-Petersburg: Russkoe chtenie Publ., 1901, 125 p. (In Russian).

Nepomnin O.E. *Istoriya Kitaya: Epokha Tsin. XVII – nachalo XX veka* [History of China: The Age of Qing. XVII – the beginning of the twentieth century]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2005, 712 p. (In Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie tret'e (1881–1913 gg.) [The complete collection of laws of the Russian Empire. Third meeting (1881–1913)]. Vol. XX. Part 1. 1900. Saint-Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1902, 1183 p. (In Russian).

Romanov N.S. *Letopis' goroda Irkutska za 1881–*

1901 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1993. 544 с.

1901 gg. [Annals of the city of Irkutsk in 1881–1901]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993, 544 p. (In Russian).

Критерии авторства

Ростов Н.Д., Панченко И.А. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Rostov N.D., Panchenko I.A. carried out research work, based on the obtained results, they carried out a generalization, prepared the manuscript for printing, have copyrights for the article and bear full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors state that there is no conflict of interest.

Сведения об авторах

Ростов Николай Дмитриевич,
доктор исторических наук, профессор Академии военных наук, профессор кафедры коммуникативных, социокультурных и образовательных технологий,
e-mail: ndrostov@mail.ru
Панченко Илья Анатольевич,
магистрант,
e-mail: panhcenko.foh@mail.ru

Information about the authors

Nikolay D. Rostov,
Dr. Sci. (History), professor of the Academy of military sciences, Professor of the Department of Communicative, Socio-Cultural and Educational Technologies,
e-mail: ndrostov@mail.ru
Ilya A. Panchenko,
master's student,
e-mail: panhcenko.foh@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 355.34(571.52)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-148-158

РАЗВЕДКА УСИНСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМАНДЫ В УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX в.

© Т.В. Федорова, А.В. Степанов

Иркутский государственный университет
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

Аннотация: Защита приграничных территорий Российской империи в начале XX в. осуществлялась сформированным в 1895 г. отдельным корпусом пограничной стражи, в состав которого входила действующая на границе с Монголией Усинская пограничная команда, непосредственно подчинявшаяся Усинскому пограничному начальнику. После неудач в Русско-японской войне 1904–1905 гг. беспокойство правительства все чаще вызывали передвижения китайских войск, а также шпионаж Китая и Японии в Урянхайском крае, характер территориальной принадлежности которого оставался все еще спорным. Решение данной проблемы зависело от информации, предоставляемой разведчиками, с начала века неоднократно отправлявшихся во Внешнюю Монголию. Характер результатов разведки Усинской пограничной команды в Урянхайском крае раскрывает особенности пограничных свойств местности, социально-экономическое положение урянхов, а также различия в их отношении к русскому и китайскому правительствам. В данной статье на основе материалов центрального и регионального архивов, впервые вводимых в научный оборот, анализируются донесения императорского российского консула в г. Улясутае, Усинского пограничного начальника и разведки Усинской пограничной команды, способствовавшие решению вопроса о вхождении Урянхайского края в состав Российской империи.

Ключевые слова: *разведка, Урянхайский край, урянхи, хошун, амбань, Усинская местная команда, Усинский пограничный начальник, Уланком, Кобдо, Китай*

Информация о статье: Дата поступления 9 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 12 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Федорова Т.В., Степанов А.В. Разведка Усинской пограничной команды в Урянхайском крае в начале XX в. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):148–158. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-148-158.

INTELLIGENCE OF THE USINSK FRONTIER TEAM IN THE URYANGHAI EDGE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

© Tatyana V. Fedorova, Alexander V. Stepanov

Irkutsk State University
1 Karl Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract: The protection of the border territories of the Russian Empire in the early twentieth century was carried out by the Separate Corps of the Border Guard formed in 1895, which included the Usinskaya frontier command, acting on the border with Mongolia, directly subordinate to the Usinsky border commander. After the failures in the Russian-Japanese War of 1904–1905, the government's concern was increasingly caused by the movements of Chinese troops, as well as espionage by China and Japan in the Uryanghai region, whose territorial character remained controversial. The solution to this problem depended on the information provided by expeditions of scouts, since the beginning of the century, repeatedly sent to Outer Mongolia. The nature of the results of the reconnaissance of the Usinsk frontier team in the Uryanghai Territory reveals the features of the frontier properties of the area, the socio-economic position of the Uryangs, and the differences in their attitude towards the Russian and Chinese governments. In this article, based on the materials of the central and regional archives, first introduced into scientific circulation, the reports of the Imperial Russian consul in Ulyasutai, the Usinsky Border Chief and the Usinsky frontier command intelligence facilitated the solution of the question of the Uryanghai region joining the Russian Empire.

Keywords: *intelligence, Uryanghai region, Uryangi, Khoshun, Amban, Usinskaya frontier team, Usinsky border commander, Ulankom, Kobdo, China*

Article info: Received February 9, 2018; accepted for publication March 12, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Fedorova T.V., Stepanov A.V. Intelligence of the Usinsk frontier team in the Uryanghai edge at the beginning of the XX century. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):148–158. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-148-158.

Контроль приграничных территорий всегда был и остается наиболее важным аспектом сохранения национальной безопасности любого государства. В современной России этот вопрос как никогда актуален в связи с интенсивно меняющимися геополитическими реалиями. Страны дальневосточного региона являются важными партнерами Российской Федерации, как и более века назад нас объединяют не только внешнеполитическое сотрудничество, но и общие границы, сохранение стабильности в которых достаточно значимо. Если сегодня «обеспечение национальной безопасности в пограничном пространстве осуществляется путем развертывания на государственной границе Российской Федерации высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов, и систем» (Указ Президента РФ, 2015), то в дореволюционный период, особенно после неудач в Русско-японской войне 1904–1905 гг., все зависело в большей степени не от военной мощи, а от слаженной работы дипломатического корпуса, разведывательных подразделений пограничной стражи и губернских властей.

В XXI в. Китай является одним из наиболее важных акторов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который стремится к расширению сфер своего экономического и политического влияния путем реализации системы интеграционной инициативы под названием «Один пояс – один путь». Данная инициатива поддерживается и правительством России, но угрозу территориальной экспансии приграничного пространства нельзя исключать, так как некоторые претензии подобного рода могут быть исторически обоснованы. Так, Урянхайский край (ныне республика Тыва в составе Российской Федерации) до 1914 г. находился под протекторатом Цинского Китая, административно входил в состав Внешней Монголии и представлял собой плацдарм для возможного ведения боевых действий в условиях военного конфликта с императорской Россией.

Историография исследования Урянхайского края раскрывает его экономическое и социальное положение в начале XX в., рассматривает вопросы этнографии и демографии, территориальное устройство и результаты пограничных экспедиций. В дореволюционный период Урянхайский край как приграничная территория с Китаем привлекал исследователей, направляемых Военным министерством, которые в результате проведения многочисленных экспедиций стремились решить пограничный вопрос. Так, в 80–90-х гг. XIX в. с этой целью в Урянхайском крае побывали такие военные деятели, как Осташкин, Боголюбский, Перетолчин, Александрович и др. В трудах полковника Генерального штаба В.Л. Попова и инженера Управления водных путей министерства путей сообщения В. Родевича, которые также занимались урянхайской проблемой, основное внимание уделяется описанию территориальных и природных особенностей края (Попов, 1905; Родевич, 1910; Родевич, 1912). Особое значение в ряде изданий начала XX в. имеет исследование Г.Е. Грумм-Гржимайло, географа, совершившего экспедицию в Тыву в 1903 г. Он раскрывает историю развития Западной Монголии начиная с «предысторического периода» до 1924 г., особо выделив в отдельной главе и Урянхайский вопрос (Грумм-Гржимайло, 1926). Стоит отметить, что первое издание данной работы вышло еще в 1914 г., и потому следует в большей степени относить его к дореволюционной историографии, но в последующем переизданную работу с дополнениями по процессу образования Монгольского государства можно, хотя и с оговорками, отнести к следующему, советскому периоду.

В советское время вышли труды В.И. Дулова «Очерки социально-экономической истории Тувы. XIX – начало XX в.», коллективная монография под

редакцией Первого секретаря коммунистической партии Тувы Салчака Калбакхорековича Тока, в которых рассматриваются этнографические, социально-политические и экономические аспекты истории Тувы с древних времен до начала 60-х гг. XX в. (Дулов, 1956; История Тувы, 1964), в 1979 г. была написана диссертация В.А. Моисеева «Вторжение Цинской империи в районы Саяно-Алтайского нагорья и политика России (XVIII в.)»[1], которая раскрывает вопросы соперничества Цинского Китая и Джунгарского ханства в Центральной Азии.

После распада СССР и расширения доступа к архивным материалам вышел ряд работ по проблемам формирования российско-китайской границы, например, «Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах», «Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX века», «Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)» (Ткаченко, 1999; Дацышен, 2000; Моисеев, 2003). Последние годы выходит все больше работ так или иначе связанных с урегулированием «урянхайского вопроса» в начале прошлого века. Аспекты историографии и источниковедения по решению урянхайского вопроса в международной политике и межконфессиональных отношениях России, Монголии и Китая раскрываются в трудах В.А. Василенко и Ю.В. Кузьмина (Василенко, 2014; Василенко, 2015; Кузьмин, 2015). Процесс установления протектората России над Тывой рассматривается в статье «Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях в первой четверти XX века» (Шурхуу, 2001). Концептуальные вопросы Российско-Монгольских отношений раскрывают в своей статье А.П. Суходолов, Ю.В. Кузьмин, А.Ф. Манжигеев (Суходолов, Кузьмин, Манжигеев, 2015). Количество работ и научных публикаций в этом направлении увеличивается по сравнению с советским периодом истории, вместе с тем на сегодняшний день вопрос разведывательной деятельности в Урянхайском крае в начале XX в. изучен неравномерно и, в целом, недостаточно.

Важное место в источниковой базе данного исследования занимают материалы Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Фонд 25 – «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора» содержит разведывательные сводки штаба Иркутского военного округа о Китае и Монголии, секретные донесения о политическом положении в Урянхайском крае, схематические планы окрестностей г. Урянхая и дороги к Улясутаю. В фонде 4888 Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) хранятся материалы разведки Заамурского округа пограничной стражи, которые раскрывают особенности развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе Китая и Монголии. В работе предпринята попытка изучить разведывательную деятельность Усинской пограничной команды на территории Урянхайского края на основании архивных сведений, впервые вводимых в научный оборот. Отметим, что на 1911 г. она размещалась в с. Усинское как «Усинская особая команда» из 45 чел. Организационно же подразделение подчинялось Минусинской местной команде, дислоцировавшейся в г. Минусинск (Новиков, 2014. С. 40).

В начале XX в. отношения между Россией и Китаем начинают накаляться в связи с приграничными претензиями государств. Положение обострилось еще и по другой причине. Как следует из секретного донесения императорского российского консула в г. Улясутае «монгольские князья Цзасакту-ханского и Сайн-нояновского аймаков постановили обратиться с коллективным ходатайством в Пекин о совершенном прекращении или временном приостановлении взыскания китайских долгов с хошунных монголов, хотя бы на 5 лет» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 245). Князья жаловались на то, что китайские купцы устраивали набеги на хошуны и отбирали скот и имущество у должников по произвольной цене, которая была намного ниже действительной стоимости предметов. К тому же общая цифра задолженности не только не уменьшалась, а, наоборот, благодаря особой системе

[1] Моисеев В.А. Вторжение Цинской империи в районы Саяно-Алтайского нагорья и политика России (XVIII в.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М.: Институт востоковедения Академии наук СССР, 1979. 150 с. / Moiseev V.A. The invasion of the Qing Empire in the areas of the Sayano-Altai Highlands and the policy of Russia (XVIII century): dis. ... Cand. Hist Sciences: 07.00.03. M .: Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR, 1979. 150 p.

начисления процентов с каждым годом увеличивалась. В результате монголы разорялись совершенно и не в силах были производить уплаты. Постановление князей произвело сильный переполох среди местных китайских фирм, которые всячески, «…до крупных денежных подношений включительно, старались воздействовать на влиятельных монгольских и китайских сановников, чтобы те убедили хошунных князей отказаться от осуществления своего намерения, обещая со своей стороны сделать значительные скидки с общей суммы долгов» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 245–245 об.). Однако монгольские князья не поддавались уговорам и обещаниям и составили доклад, в котором решили твердо настоять перед центральным правительством на удовлетворении их ходатайства, а в случае отказа в знак протеста снять почтовые станции в западной Монголии. Кроме того, и урянхи давно были настроены перейти в русское подданство и подчиняться Российским законам. В результате китайское правительство стало обращать весьма серьезное внимание на окраины империи, особенно на Монголию, всячески стремясь ассимилировать ее и укрепить свои границы с Россией путем усиленной их колонизации, найдя, тем самым, выход для избытка населения внутри страны (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 523. Л. 4).

Попытки Китая сохранить свои позиции в Монголии и Урянхайском крае привели к организации поездок разведчиков, основной задачей которых был сбор точных данных о положении в регионе, количестве и сосредоточении русских войск вдоль Забайкальской и Сибирской железных дорог, и на почтовых трактах, ведущих в Монголию. Так, в 1911 г. в Улясутай со стороны Кошь-Агача через г. Кобдо по большому тракту было направлено 2 китайских офицера и 2 военных чиновника: «Цянь-дун, Дань, Янь-шу-фан и Цзянь-се. Первый и третий занимали штатные должности в разведочном отделении штаба Ургинского амбаня Дань-до, а остальные состояли в распоряжении военного министра в Пекине» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 244). Вся группа «под видом студентов-туристов, в европейских костюмах поехала по Сибирской железной дороге от Верхнеудинска до Новониколаевска и далее почтовым трактом до Кошь-Агача» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 261). Заслуживает внимания то обстоятельство, что Улясутайские власти принимали все меры к тому, чтобы проезд разведчиков в Монголии оставался по возможности менее заметным. В результате в предписании Уртонам данные туристы были названы «русскими», они имели вымышленные фамилии, к которым привыкли монголы – Бу, Си, Инь и Инь-ду (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 244). Самим же проезжающим было предложено не обирать попутные почтовые станции, как это обычно проделывалось китайскими чиновниками. Во время пути и на всем протяжении от Кошь-Ачага до Улясутая офицер Цянь-дун производил маршрутную сьемку, барометрические и термометрические измерения.

В таких условиях России пришлось прибегнуть к другим способам всестороннего изучения Монголии. Была организована особая агентура в Харбине, состоящая в распоряжении миссии. Агентура действовала с большим успехом, однако получаемые сведения охватывали преимущественно хошуны, тяготеющие к китайской восточной железной дороге и, в частности, к Харбину, не продвигаясь далее ст. Маньчжурия. Как сообщал чрезвычайный посланник императорской Русской миссии в Пекине И.Я. Коростовец, «…внешняя же Монголия и главным образом Халка ускользают от нашего внимания. Пограничное с нами положение последних областей делает их весьма важными с точки зрения наших интересов и потому, естественно, следовало бы направить деятельность нашей агентуры в эту сторону» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 523. Л. 4 об.). Если китайское правительство волновали действия хошунных князей на приграничных территориях, то Россия была обеспокоена передвижением китайских войск на границе по Амуру и в Забайкалье. В Хейлунцзянской и Гиринской провинциях Китая замечалась передислокация войсковых подразделений в сторону Российской империи (рис. 1).

Ходили слухи, что китайская администрация вооружала своих рабочих на российских приисках. По р. Сунгари курсировал китайский пароход, с которого свободно раздавалось оружие мирному прибрежному населению. Все это делалось под

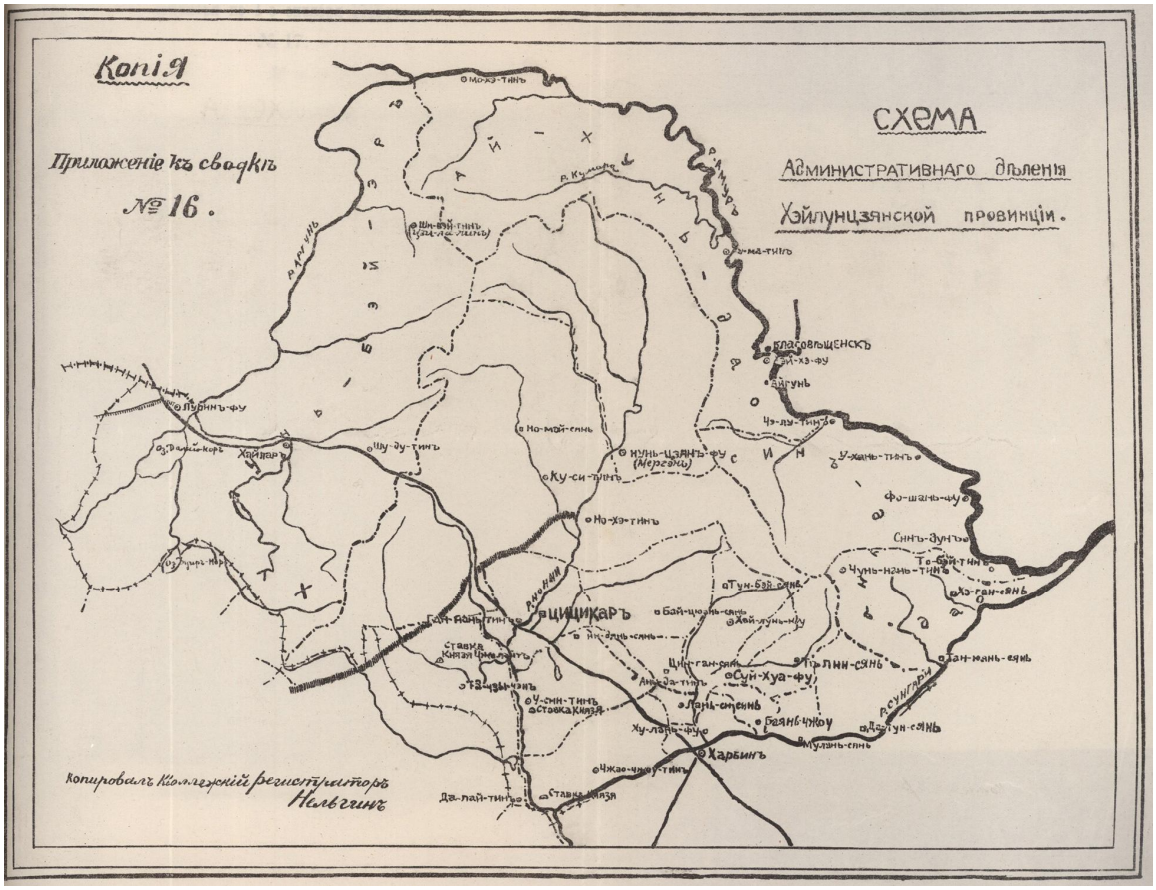


Рис. 1. Схема административного деления Хэйлунцзянской провинции
Fig. 1. Scheme of administrative division of Heilongjiang province

предлогом борьбы с хунхузами (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 262).

Кроме того, местная администрация никаким образом не препятствовала деятельности японских шпионов, занимавшихся сбором информации на территории Монголии и Урянхайского края. По донесениям разведки Заамурского округа пограничной стражи за № 21 от 12 мая 1909 г. полученным от монгольского чиновника следует, что в декабре 1908 г. «…на дороге из Урги в Улясутай было задержано 6 японских шпионов, следовавших на трех подводах». По словам чиновника, «японцы были переодеты в китайский костюм, имели привязанные косы. При обыске обнаружено было много уже произведенных сьемок и фотографических снимков. На плане нанесены все более важные пункты» (РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 26. Л. 66). Задержанные сообщили, что начали свое путешествие еще в июле месяце, выехав из Хайлара по направлению к Урге, арестованные были сданы ургинскому амбаню. По сведениям из Хайлара, 27 марта 1909 г. сюда прибыли два японских офицера, цель которых состояла в военно-стратегическом описания Монголии. Было установлено, что японцы посылали в Монголию две небольшие экспедиции: «одну из Телина, другую из Куанченцз. Начальником последней был драгоман китайского языка при японском консуле в Куанченцзах – Хатано, знающий монгольский язык» (РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 26. Л. 66). Параллельно разведывательной работе китайских и японских агентов в мае – июне 1911 г. российскими властями в Урянхайский край были направлены экспедиции разведки Усинской пограничной команды, которые действовали в трех направлениях – в Улясутае, Кобдо и Урянхае (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 1). Цель разведки заключалась в изучении тактических свойств местности, получении информации об осведомленности местного населения о ситуации в крае и отношении к российским и китайским властям для дальнейшего решения пограничного вопроса.

Результаты разведки в Улясутае дали достаточно интересную информацию. Так, в беседе с торговцем Тухватулиным, который был осведомлен о ходе событий между народами, выяснилось, что среди местного населения идут предположения, «… будто бы Китай добровольно уступает Урянхайскую землю России» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 7). Сойоты часто допрашивались у русских, будет ли война с Китаем, когда и чем она может кончиться (рис. 2). Было установлено, что «…симпатии сойот очевидно на стороне русских, но из боязни перед китайцами сойоты скрывают свои чувства и держатся золотой середины. Если б они видели вооруженную силу около себя, то не замедлили бы открыто вставать на сторону русских» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 7).

Разведка в г. Уланкоме так же отмечала добродушное отношение монгол (турбетов) к русским без признаков какого-либо превосходства или презрения.

С другой стороны, военно-стратегические характеристики исследуемого района оставляли желать лучшего. Так, вооружение Боржугутайского караула было достаточно старым: «копья и ружья – годные в музей древностей» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 7). Как и другие крупные монгольские города Уланком представлял собой крепость, обнесенную глиняной стеной на четыре стороны. Около «хуре» находилось отдельное помещение князя хошуна Ван, тоже обнесенное глиняной стеной с разбитым садом из тополей. Русские фактории находились на почтительном расстоянии от «хур» и их было немного. Местность, на которой раскидывался Уланком, граничила с владениями двух хошунов – Далай хан и Ван: «Князь хошуна Далай хан находится в горах, на западе от Уланкома. Князь хошуна Вана живет здесь на “хуре”. Хотя это не из постоянных мест его пребывания – он летом кочует в горы» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 8). Дальнейшая разведка давала характеристику расположения г. Улясутая, находящегося в долине р. Загастай: «… с севера рядом с городом невысокая гора, дальше на север высокий хребет, на юге долина Загастая и дальше горы, вообще Улясутай стоит среди больших гор, всюду видны лишь горы да камни, растительность – тощие кусты карагана, а на горах совсем ничего нет, дома в городе китайские фанзы-мазанки, с бумажными окнами и потолками, ограда – частокол из лиственничного нетолстого леса, улица узкая, торговцев около 50 фирм … – 10 крупные, остальные мелкие, около 20 мастерских, скорняки, портные, шубники, серебряники, кузнецы и столяры. Китайские власти в Улясутае дзянь-дзюнь и два амбаня – помощника дзянь-

Рис. 2. Сойоты (тувинцы). Урянхайский край
Fig. 2. Soyots (Tuvans). Uryanghai region

дзюня, один из них китаец, другой монгол: квартира их в крепости от города 1 ½ версты, в городе находится банк, который свои операции производит только с монголами, беря с них 36 % годовых. На одном краю города полицейское управление, у ворот которого висят две больших петли и доски-колодки для заковывания преступников, на другом конце города храм и казарма для солдат, казарма маленькая человек на 10–15, здесь живут два – три солдата караульщика … Отношение дзянь-дзюня к монголам и светским нойонам такое, как к своим лакеям. Нойоны перед ним не имеют права стоять на ногах или сидеть, а должны стоять на коленях» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 88–89 об.).

Итоги экспедиции в Улясутай, представленные в секретном донесении разведчика, констатируют, что «… появление русских караулов на северных склонах Танну Ола осенью этого года будет главным шагом к завоеванию этого края. Пользуясь моментом русскую корону можно будет поздравить с богатым украшением ее, приобретение края такой ценности, как урянхайская земля, есть действительно украшение короны» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 9).

Если разведка в Улясутай предполагала в большей степени изучение общих настроений местного населения в условиях возможного выхода Урянхайского края из-под протектората Цинского Китая и присоединения к России, то экспедиция в г. Кобдо была связана с определением общего характера местности и проведением рекогносцировки. В результате были даны описания не только самого г. Кобдо, но и близлежащих территорий. По пути из г. Уланкома в пункт назначения было установлено, что город с юга и запада окружен вязкими, топкими болотами и дорога на Кобдо прилегает немного восточнее «хуре», постепенно приближаясь к снежному хребту на западе. В 20 верстах от Уланкома течет р. Тель, берущая начало с указанного хребта. Из донесения разведки: «18 мая проехали верст 18 по местности, опять-таки бесплодной и каменистой и часа в 3 дня были на речке Боргустай, отстоящей от Уланкома в 60 верст. Речка имеет направление с запада на юго-восток. Население по речке – малочисленное, не более полдюжины юрт. 19 мая с Боргустая выехали, держась опять-таки направления на юг и через 10 верст достигли небольшого озерка Холба-нур, из которого течет маленькая речушка, того же названия. От Холба-нура на расстоянии 40–45 верст нет признаков жилья, нет воды. Проехав такое расстояние с большим трудом достигли озера Харасу, имеющее около 8 верст в длину и 3–4 в ширину. По незнанию дороги, продолжали путь восточной стороной озера, дорогой наиболее тяжелой и скверной, оставив лучший путь вправо от себя через речку Намир. Около озера 3 или 4 юрты. Вода в озере соленая. Жители пользуются водой из колодцев. 20 мая от ночевки у колодца до речки Улан Букуль верст 25, и это расстояние мы тянулись целый день на изможенных лошадках. Из Улан Букуля на Кобдо две дороги: одна Уртэльная на перевоз к реке Кобдо, вторая через горы на речку Кобдо же, но много выше перевоза … Долина реки Кобдо имеет более 20 верст в ширину. По течению с левой стороны реки имеется “хуре” Менкытцев (племя монгол). Река Кобдо от менкытской “хуре” пройдя 50 верст впадает в большое озеро Харасу. Река собою многоводная и не всегда удобная для брода на лошадях, хотя, благодаря ее очень тихому течению, можно бродить, когда вода идет через седло. Берега реки покрыты тальником, иной породы деревьев нет» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 33 об. – 34).

Экспедиция въехала в г. Кобдо 26 мая. Он представлял собой глиняный городок с достаточно обильной растительностью, имел две улицы Ийхицзэль (Большая улица) и Нарен-цзэль (узкая улица) и два переулка, соединяющие эти улицы. Северный конец большой улицы упирался в южные ворота крепости, которая была огорожена глиняными стенами, в окружности до двух верст. Вокруг крепости ров, не более трех аршин глубиною. Крепость имеет трое ворот. На северной стороне крепости расположена только сторожевая башенка. На южном, западном углах крепости и над воротами есть пушки, диаметр которых составляет ½ вершка, число пушек – 12. Ширина стен до 6 аршин и высота также. В воротах толщина стен до 8 аршин. «При входе в крепость через южные ее ворота – налево помещение амбаня и его сад, занимающий ¼ крепости, ее западный угол. Направо помещение шко-

лы, обучаются монгольские дети писарству. Северный угол имеет в себе тюрьму, обнесенную еще … глиняной стеной с деревянными полями на крыше. В крепости масса различных, надворных построек, помещений для солдат. Солдаты исполняют обязанности поваров, огородников, актеров и т. п. Военному искусству солдаты не обучаются, по крайней мере, русские не замечали. Года два тому назад вздумали было приучить лошадей к выстрелам, но неудачно. Заставляли скакать солдата на лошади, и когда лошадь поравнялась с пехотой – стреляли в воздух – дикий конь сбрасывал с себя несчастного китайца и уносился в степь. Так и прекратились эти попытки обучить лошадей военному искусству» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 34). На юго-запад от Кобдо, в 200 верстах от Зайсана имеется новопостроенная крепость Шар-Сумын, которая ничем не отличается от Кобдо и имеет такие же глиняные постройки и крепость таких же размеров. Вооружение старое, население не более чем в Кобдо.

В результате были представлены следующие выводы разведчика в Кобдо: «наружно спокойно, никаких волнений, разговоров, предложений не наблюдается. Все, как русские, так и китайцы кажутся углубленными в свои торговые операции и розни, ненависти между ними не наблюдается. Монголы тише воды, ниже травы благодаря близкому соседству амбаня и его тюрьме в крепости» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 37).

Стоит отметить еще одно важное обстоятельство, во время экспедиции в Кобдо разведка встретила 4 китайцев – путешественников, приехавших из Кош Агача, один из которых молодой человек 25–30 лет, был одет в европейское платье, говорил по-русски, мусульманин, утверждавший, что они просто любопытствующие путешественники, выехавшие из Урги через Иркутск, проследовавшие до Омска и вернувшиеся обратно через Барнаул, Бийск и Каш Агач в Кобдо. Из Кобдо проедут в Улясутай и Ургу. Русские, проехавшие из Бийска, утверждали, что это топографы: «…между прочим, дети некоей госпожи Рогалевой – дочь лет 20 и сын 17 лет ученик из реального училища, своими глазами видели чертежи этих путешественников. Рогалевы из Бийска выехали вместе с этими китайцами и на одной из остановок в дороге молодой Рогалев, шляясь по горам с ружьем набрел на китайца, лежавшего в логу с карандашом и бумагой – китаец чертил что-то. При появлении Рогалева вскочил, спрятав бумагу, и исчез. В эту ночь китайцы уехали вперед и Рогалевы уже догнать их не могли. От русских кучеров-крестьян китаец, говорящий по-русски, расспрашивал названия рек, гор и записывал к себе в книжку» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 35 об. – 36). Это обстоятельство еще раз подтверждает активность китайской разведки в Урянхайском крае.

Результаты поездки по Урянхаю в целом характеризуют положительное отношение коренного населения к вопросу вхождения в состав Российской империи. Урянхи во главе со своими чиновниками, будучи в курсе всего происходящего в Монголии и сильно угнетаемые китайцами, ждут дня объявления их подданными России. Вопрос об урянхайской земле отошел в сторону и забыт ими. На русских, имеющих хорошее и трезвое поведение, поселившихся среди урянхов, они смотрят как на своих кормильцев и защитников. Китайцы выводили урянхов из терпения своим поведением, потому что не считались с их мнением, занимались самоуправством, поборами и самосудом. Сами лично предпринять что-либо открыто урянхи не могут, опасаются результатов, а именно, вдруг просьба урянхов не будет уважена, китайская власть сочтется с ними просто и коротко. Положением своим урянхи настолько удручены, что в пьяном виде начинают открыто проявлять свои желания, вплоть до провозглашения себя русскими.

Донесения разведки по этой проблеме следующие: «…по приезде моем на Булук урянхи во главе с Джеланом Джиргаланом пав на колени приносили вслух жалобу на китайцев (что не имеет примера в истории Усинского пограничного округа) прося меня сделать распоряжения как по выдворению китайцев, так по сборе оставляемых в одни места с назначением над ними старшего из русских. Спрашивали также, принял ли их – урянхов “белый хан” в свое подданство и как они будут жить. Меня называли своим нойоном. В дальнейшем пути следования, с Булука меня провожало 30–40 урянхов. На первой встрече, несмотря на

отсутствие вблизи юрт, собралось масса урянхов, урянхаек с детьми взглянуть на своего русского нойона и услышать весть об избавлении их от китайцев. Отсюда провожатых еще прибавилось. Все встречи дальнейшие … подсказывали и носили характер не казенной, необходимой, политической встречи, а характер сердечный; видно было, что народ действует от себя, по собственному почину… Подобное продолжалось до самого приезда на ставку. Общий двусмысленный ответ, предложение ждать более радостного дня, по газетным сведениям, далай-лама в Петербурге – и раздача мелких подарков, угощение мясом и вином было ответом с моей стороны на все обращения урянхов и урянхайских чиновников.

На ставке у амбаня продолжалось все то же, но что оригинальнее всего – когда за обедом у амбаня последний начал увлекаться по адресу русских, и жена его начала останавливать, то он … попросил жену удалиться, когда же за жену вступился ее брат, то он и его удалил; когда же после моего ухода, некоторые из его приближенных и родственников просили его не особенно расходиться вслух, то он, взяв головешку в руки и с криком: “довольно, я молчал, а теперь открыто говорю – я русский, что вы со мной сделаете!” и разогнал их из юрты. Все это было сделано в присутствии русских.

Подобных номеров слишком было много. Вопрос о земле и не поднимался; вопрос же о заселении Урянхая русскими поднимался, и как амбань, так и урянхайские чиновники несколько раз заявляли, что они против заселения края русскими ничего не имели и не имеют, лишь бы поселялся хороший элемент, не отнимающий у урянхов их пастбища и не вселяющий среди всех раздоры. Словом, вопрос о принадлежности земли урянхайской падает сам собой и о нем даже урянхи ни слова не говорят» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 81–82 об.).

Таким образом, по результатам разведки Усинской пограничной команды в начале XX в. можно сделать вывод, что население Урянхайского края, находясь под протекторатом Китая, всячески поддерживало стремление принятия их в подданство Российской империи, будучи угнетенными и не имея возможности военного отпора злоупотреблениям со стороны китайского правительства. Установлено, что государственная граница между Китаем и Россией, проходящая по южному склону Саянского хребта, должна включать в себя и Урянхайский край. Сами урянхи сознают, что они живут на территории России, что в данный момент они состоят лишь данниками Китая, заявляя открыто, что они ждут часа объявления их гражданами России. Решение вопроса оставалось за российским правительством, так как от урянхов одними обещаниями и словами ничего нельзя было добиться.

Библиографический список

Василенко В.А. Установление протектората России над Тувой и российско-монгольские отношения // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: материалы III Междунар. науч.-практич. конф. (Иркутск, 29–30 мая 2014 г.). Кн. 3. Ч. 1. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 279–282.

Василенко В.А., Кузьмин Ю.В. Конфессионально-политическая ситуация в урянхайском крае (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 3. С. 556–563.

Василенко В.А. «Урянхайский вопрос» в междуна-

References

Vasilenko V.A. *Ustanovlenie protektorata Rossii nad Tuvoi i rossiisko-mongol`skie otnosheniya* [Establishment of a protectorate of Russia over Tuva and Russian-Mongolian relations]. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka: diplomatiya, ekonomika, nauka”* [Russia and Mongolia at the beginning of the 20th century: diplomacy, economy, science: proceedings of the III International. scientific practical conf]. (Irkutsk, May 29–30, 2014). Book 3. Part 1. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law Publ., 2014, pp. 279–282. (In Russian).

Vasilenko V.A., Kuz`min Yu.V. Confessional political situation in the Uriankhay region (late XIX – early XX century). *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [News of the Irkutsk State Economic Academy], 2015, vol. 25, no. 3, pp. 556–563. (In Russian).

Vasilenko V.A. *«Uryankhaiskii vopros» v mezhdu-*

родной политике России, Монголии, Китая // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. Кн. 5. Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 99–114.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. В 3 т. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926. 906 с.

Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX века: монография. Кызыл: Республиканская типография, 2000. 216 с.

Дулов В.И. Очерки социально-экономической истории Тувы. XIX – начало XX в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 608 с.

История Тувы. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. С.К. Тока. М.: Наука, 1964. 452 с.

Кузьмин Ю.В. Российская историография XX века русско-монгольских отношений // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. Кн. 5. Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 45–61.

Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 345 с.

Новиков П.А. В поисках пограничных знаков: из быта воинских команд // Родина. 2014. № 7. С. 40-43.

Попов В.Л. Через Саяны в Монголию. Ч. 1. Омск: Типография штаба Сибирского военного округа, 1905. 192 с.

Родевич В. Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисея). СПб, 1910. 206 с.

Родевич В. Урянхайский край и его обитатели // Известия Императорского Русского географического общества. Т. XLVIII. Вып. 1–5. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1912. С. 129–188.

narodnoi politike Rossii, Mongolii, Kitaya ["Uryanhai question" in the international politics of Russia, Mongolia, China]. *Rossiya i Mongoliya v pervoi polovine XX veka: kontseptual`nye voprosy rossiisko-mongol`skikh otnoshenii (diplomatiya, ekonomika, nauka)* [Russia and Mongolia in the first half of the twentieth century: conceptual issues of Russian-Mongolian relations (diplomacy, economics, science)]. Book 5. Irkutsk: Baikal State University Publ., 2015, pp. 99–114. (In Russian).

Grumm-Grzhimailo G.E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii krai* [Western Mongolia and Uryanhai Territory]. In 3 vol. Vol. 2: *Istoricheskii ocherk etikh stran v svyazi s istoriei Srednei Azii* [Historical essay of these countries in connection with the history of Central Asia]. Leningrad, 1926, 906 p. (In Russian).

Datsyshen V.G. *Ocherki istorii rossiisko-kitaiskoi granitsy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Essays on the history of the Russian-Chinese border in the second half of the XIX – early XX century]. Kyzyl: Respublikanskaya tipografiya Publ., 2000, 216 p. (In Russian).

Dulov V.I. *Ocherki sotsial`no-ekonomicheskoi istorii Tuvy. XIX – nachalo XX v.* [Essays on the socio-economic history of Tuva. XIX – the beginning of the XX centuries.]. Moscow: Izdatel`stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1956, 608 p. (In Russian).

Toka S.K. *Istoriya Tuvy* [The history of Tuva]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1964, 452 p. (In Russian).

Kuz`min Yu.V. *Rossiiskaya istoriografiya XX veka russko-mongol`skikh otnoshenii* [Russian historiography of the twentieth century Russian-Mongolian relations]. *Rossiya i Mongoliya v pervoi polovine XX veka: kontseptual`nye voprosy rossiisko-mongol`skikh otnoshenii (diplomatiya, ekonomika, nauka)* [Russia and Mongolia in the first half of the twentieth century: conceptual issues of Russian-Mongolian relations (diplomacy, economics, science)]. Book 5. Irkutsk: Baikal State University Publ., 2015, pp. 45–61. (In Russian).

Moiseev V.A. *Rossiya i Kitai v Tsentral`noi Azii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia (the second half of the XIX century – 1917)]. Barnaul: AzBuka Publ., 2003, 345 p. (In Russian).

Novikov P.A. In search of border signs: from the life of military teams. *Rodina* [Rodina], 2014, no. 7, pp. 40-43. (In Russian).

Popov V.L. *Cherez Sayany v Mongoliyu* [Through the Sayan Mountains to Mongolia]. Parts. 1. Omsk: Tipografiya shtaba Sibirskogo voennogo okruga Publ., 1905, 192 p. (In Russian).

Rodevich V. *Ocherk Uryankhaiskogo kraya (Mongol`skogo basseina reki Eniseya)* [Essay on the Uryankhay region (Mongolian basin of the Yenisei River)]. Saint-Petersburg, 1910, 206 p. (In Russian).

Rodevich V. *Uryankhaiskii krai i ego obitateli* [Uryanhai region and its inhabitants]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. XLVIII. Iss. 1–5.

Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Манжигеев А.Ф. Концептуальные вопросы Российско-Монгольских отношений в первой половине XX века: история, дипломатия, экономика // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. Кн. 5. Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 23–26.

Ткаченко Б.И. Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах. Владивосток: Уссури, 1999. 373 с.

Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100014,0&rnd=0.3944371681046095#0 (12.12.2017).

Шурхуу Д. Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях в первой четверти XX века // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: сб. ст. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 97–117.

Saint-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1912, pp. 129–188. (In Russian).

Sukhodolov A.P., Kuz`min Yu.V., Manzhigeev A.F. *Kontseptual`nye voprosy rossiisko-mongol`skikh otnoshenii v pervoi polovine XX veka: istoriya, diplomatiya, ekonomika* [Conceptual issues of Russian-Mongolian relations in the first half of the twentieth century: history, diplomacy, economics]. *Rossiya i Mongoliya v pervoi polovine XX veka: kontseptual`nye voprosy rossiisko-mongol`skikh otnoshenii (diplomatiya, ekonomika, nauka)* [Russia and Mongolia in the first half of the twentieth century: conceptual issues of Russian-Mongolian relations (diplomacy, economics, science)]. Book 5. Irkutsk: Baikal State University Publ., 2015, pp. 23–26. (In Russian).

Tkachenko B.I. *Rossiya – Kitai: vostochnaya granitsa v dokumentakh i faktakh* [Russia – China: Eastern Border in Documents and Facts]. Vladivostok: Ussuri Publ., 1999, 373 p. (In Russian).

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabrya 2015 g. № 683 «O strategii natsional`noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» [Presidential Decree of December 31, 2015 No. 683 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100014,0&rnd=0.3944371681046095#0 (accessed December 12, 2017).

Shurkhuu D. *Uryankhaiskii vopros v mongolo-rossiiskikh otnosheniyakh v pervoi chetverti XX veka* [Uryanhai question in the Mongolian-Russian relations in the first quarter of the XX century]. *Rossiya i Mongoliya: novyi vzglyad na istoriyu vzaimootnoshenii v XX veke* [Russia and Mongolia: a new look at the history of relations in the XX century]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, pp. 97–117. (In Russian).

Критерии авторства

Федорова Т.В., Степанов А.В. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Fedorova T.V., Stepanov A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Федорова Татьяна Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент, кафедры востоковедения и регионоведения АТР,
e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru
Степанов Александр Викторович,
магистрант, кафедра философии и методологии науки,
e-mail: AVstepanovAV@yandex.ru

Information about the authors

Tatyana V. Fedorova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Oriental studies and regional studies, Asia-Pacific,
e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru
Alexander V. Stepanov,
master’s student, Department of philosophy and methodology of science,
e-mail: AVstepanovAV@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571.51)«1917»
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-159-172

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАНДИДАТОВ В ДЕПУТАТЫ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ОТ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 г.

© А.П. Дементьев

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
660049, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

Аннотация: В статье исследуются социокультурные характеристики кандидатов в депутаты Учредительного собрания от Енисейской губернии, которые рассматриваются как ядро местной политической элиты. Выявляется персональный состав, анализируются качественные и демографические параметры представителей политической элиты: место рождения, социальное происхождение, уровень образования, опыт политической деятельности. Установлено, что в партийно-идеологическом отношении среди кандидатов доминировали социалисты разных направлений. Большая их часть оказалась в Енисейской губернии в результате отбывания ссылки и имела специфический политический и жизненный опыт (тюрьмы, ссылки, подполье, эмиграция) и тип мышления. В отличие от них правые силы (кадеты, народные социалисты) в большинстве были представлены уроженцами губернии. Из состава политической элиты 1917 г. были вытеснены дореволюционные политики, при этом все революционеры и либералы имели давний партийных стаж. Важнейшим фактором их политической социализации стали события 1905 г. Революция, сломавшая прежнюю систему формирования власти, резко ускорила процессы социальной и политической мобильности, многие из бывших ссыльных в 1917 г. оказались на вершине власти. Наличие непримиримых разногласий между представителями различных партий и организаций мешало выстраиванию конструктивного диалога в обществе, без которого выйти из кризиса 1917 г. было невозможно.

Ключевые слова: *кандидаты, политическая элита, революция, Енисейская губерния, Красноярск, ссылка, эсеры, кадеты, большевики, энесы, Учредительное собрание, политическая мобильность*

Информация о статье: Дата поступления 31 июля 2018 г.; дата принятия к печати 27 августа 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Дементьев А.П. Социокультурные характеристики кандидатов в депутаты Учредительного собрания от Енисейской губернии в 1917 г. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):159–172. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-159-172.

SOCIO-CULTURAL CHARACTERISTICS OF CANDIDATES TO THE DEPUTIES OF THE YENISEI GUBERNIA CONSTITUENT ASSEMBLY IN 1917

© Aleksandr P. Dementiev

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev
89 Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk 660049, Russian Federation

Abstract: As the title implies, the current article describes socio-cultural characteristics of candidates to the deputies of the Yenisei Gubernia Constituent Assembly, the core of the local political elite. The personal composition of the political elite representatives, as well as the qualitative and demographic parameters (place of birth, social origin, level of education, political activity experience) are introduced and examined. It is reported that the candidates were dominated by different kinds of socialists. The majority of them lived in Yenisei Gubernia due to the exile and had specific mentality, political and life experience (prison sentences, political exiles, participation in underground organizations, emigration). In contrast, the right-wing forces (the Cadets, the Popular Socialists) were mostly represented by the natives of the Yenisei Gubernia Pre-revolutionary politicians were driven out from the political elite of 1917, while all revolutionaries and liberals had long-term party experience. The

events of 1905 became the most important factor of their political socialization. The Revolution, which had destroyed the previous regime, accelerated the processes of social and political mobility. As a result, many of former exiles gained power in 1917. Vast differences and arguments between representatives of various parties and organizations prevented a constructive dialogue in the society, thus, making it impossible to get out of the crisis of 1917.

Keywords: *candidates, political elite, Revolution, the Yenisei's Gubernia, Krasnoyarsk, exile, Socialists-Revolutionaries, Cadets, Bolsheviks, Popular Socialists, Constituent Assembly, political mobility*

Article info: Received July 31, 2018; accepted for publication August 27, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Dementiev A.P. Socio-cultural characteristics of candidates to the deputies of the Yenisei Gubernia Constituent Assembly in 1917. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):159–172. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-159-172.

Традиционно под политической элитой понимается социальная общность, которая занимает руководящие позиции в важнейших социально-политических институтах. Обвал традиционной власти и резкая демократизация общества в 1917 г. привели к власти новую политическую элиту. Ее представители своим непосредственным участием в политическом процессе смогли значительно повысить свой авторитет, приобрели известность в широких общественных кругах, получили возможность оказывать влияние на политическую жизнь публичными выступлениями и предпринимаемыми акциями, они участвовали в формировании общественного мнения и «узнавались» массовым политическим сознанием[1].

Персональный состав и качественные характеристики политической элиты 1917 г. определяли специфику пост-февральской социально-политической системы и играли важную роль в дальнейшем развитии революционного процесса. От действий ее представителей и их способности достигать взаимопонимания в своей среде зависело обеспечение стабильности в обществе, проведение органами государственной власти политики, адекватной условиям мировой войны и динамичным социально-политическим процессам периода 1917 г.

В отечественной исторической науке изучение политической элиты как отдельной общности началось только с 1990-х гг. Первой практической попыткой выявить количественный состав элиты 1917 г. стал биографический словарь «Политические деятели. 1917» (1993 г.), куда вошли имена более 300 видных политиков того времени. Затем этот список был расширен в энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв.» (1996 г.). Важной вехой в изучении политических лидеров 1917 г. стала работа Л.Г. Протасова «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи», в которой автор предпринял попытку воссоздать коллективный социопортрет депутатов Учредительного собрания – ядра политической элиты революционной России. Своей работой историк заложил основу для исследования политической элиты в региональном масштабе, выявления особенностей местных элит в сравнении с общероссийскими тенденциями (Протасов, 2008).

В данном исследовании исходим из утверждения историка Л.Г. Протасова, что кандидатские списки в Учредительное собрание «…в общем и целом, исчерпывают круг политических активистов страны, влиятельных не только в общероссийском, но и региональном масштабах, будь то губерния, область или даже уезд» (Протасов, 2008. С. 9). Поэтому кандидаты в депутаты Учредительного собрания от Енисейской губернии (табл.) являлись ядром политической элиты губернии, в которую входили члены губернских и городских партийных комитетов, видные публицисты, руководители, а также члены органов местного самоуправления и Советов. Комплексное изучение данной социальной группы позволит лучше понять особенности протекания политических процессов в Енисейской губернии.

[1] Архипов И.Л. Политическая элита в Петрограде в Февральской революции 1917 года: авторф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Спб., 1999. 27 с. / Arkhipov I.L. Political elite in Petrograd in the February Revolution of 1917: thesis. ... cand. hist. sciences: 07.00.02. St. Petersburg, 1999. 27 p.

Таблица
Table

Кандидаты в депутаты Учредительного собрания от Енисейской губернии в 1917 г.
Candidates to the deputies of the Yenisei's Gubernia Constituent Assembly in 1917

Партия	Кандидат	Имеющиеся данные
Партия Народной Свободы	Вострotин Степан Васильевич (1864–1943)	Уроженец Енисейской губернии. Родился в семье золотопромышленника, получил высшее образование. Являлся членом государственной думы
	Лаппо Дмитрий Евдокимович (1862–1936)	Уроженец с. Белица Топольского уезда Могилевской губернии. Получил высшее образование. Участвовал в народнических организациях, отбывал ссылку в Тобольской губернии. Работал членом Красноярского окружного суда. В 1917 г. являлся председателем губернского комитета партии кадетов, гласным городской думы Красноярска
	Аланов Иннокентий Иванович (1878– ?)	Родился в с. Усть Абаканское Минусинского уезда Енисейской губернии, закончил семинарию, работал учителем
	Шошин Платон Тимофеевич (1871–1918)	Уроженец Енисейской губернии. Родился в казачьей семье, был убит в 1918 г. красногвардейцами
	Филимонов Александр Александрович (? – ?)	Купец. В 1917 г. гласный городской думы г. Канска
	Троицкий Петр Семенович (1869–1937)	Уроженец Красноярска. Родился в семье священнослужителя, получил высшее образование, служил товарищем прокурора Красноярского окружного суда
	Бенько Григорий Павлович (? – ?)	Данные отсутствуют
	Хруцкий Ксенофонт Игнатьевич (? – ?)	Проживал в Минусинске
	Кусков Петр Иванович (1868– ?)	Присяжный поверенный. В 1917 г. гласный городской думы Красноярска
Средне-Сибирское областное бюро российской социал-демократической партии (большевиков)	Смирнов Александр Петрович (1877–1938)	Проживал в Петрограде
	Окулов Алексей Иванович (1880–1939)	Родился в с. Каратуз Минусинского уезда Енисейской губернии, сын купца, разорившегося золотопромышленника. Образование среднее. Партийный стаж с 1903 г. Был в эмиграции. В 1917 г. являлся председателем исполнительного комитета Енисейского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Умер в исправительно-трудовом лагере
	Рогов Алексей Гаврилович (1886–1950)	Родился в Томской губернии. Из семьи рабочих золотых приисков. Образование начальное. Один из руководителей восстания 1905 г. в Красноярске. Неоднократно бежал из тюрем. С 1912 г. отбывал каторгу в Иркутской губернии. По профессии рабочий. В 1917 г. был председателем профсоюза железнодорожников, членом Среднесибирского областного бюро РСДРП(б)

	Гусаров Федор Васильевич (1875–1920)	Проживал в Тифлисе
	Боград Яков Ефимович (1878–1919)	Родился в Одессе, в семье купца. Партийный стаж с 1898 г. Образование высшее, имел степень доктора математических и философских наук. Был в эмиграции. С 1913 г. отбывал ссылку в Енисейской губернии. В 1917 г. был одним из главных пропагандистов большевиков в губернии. Расстрелян.
	Курицына (Померанцева) Александра Владимировна (1871–1967)	Родилась в г. Орел в семье учителя. Партийный стаж с 1903 г. По профессии учительница. В 1917 г. являлась членом Ачинского Совета рабочих и солдатских депутатов, входила в редакцию газеты «Красноярский рабочий»
	Перенсон Адольф Густавович (1885–1919)	Уроженец г. Кронштадт, родился в семье военного музыканта. Образование высшее, по профессии врач. Партийный стаж с 1905 г. С 1912 г. отбывал ссылку на севере Енисейской губернии. В 1917 г. – председатель Енисейского Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. Расстрелян.
	Плотников Алексей Ильич (1881–1945)	Уроженец с. Гореново Рославльского уезда Смоленской губернии. Из крестьян, образование среднее, по профессии техник-строитель путей сообщения. С 1911 г. отбывал ссылку в Минусинском уезде. В 1917 г. редактор газеты «Товарищ», руководитель минусинской организации большевиков, секретарь Минусинского Совета рабочих и солдатских депутатов
Партия социалистов-революционеров	Фомин Нил Валерьянович (1889–1918)	Уроженец г. Красноуфимск Пермской губернии. Из мещан, сын ремесленника. Неоконченное высшее образование. Партийный стаж с 1905 г. С 1912 г. отбывал ссылку в Канском уезде Енисейской губернии. Член правления товарищества потребительских кооперативов Енисейской губернии. В 1917 г. заместитель председателя городской думы Красноярска, председатель красноярского комитета партии, председатель губернского исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов. Убит колчаковскими офицерами
	Колосов Евгений Евгеньевич (1879–1937)	Уроженец г. Нерчинск Забайкальской области. Из дворян, образование высшее. Партийный стаж с 1897 г. Был в эмиграции. С 1916 г. отбывал ссылку в Красноярске. Журналист, публицист. В 1917 г. редактор газеты «Наш голос», комиссар г. Кронштадт. Расстрелян органами Народного комиссариата внутренних дел
	Гуров Козьма Семенович (1874– ?)	Уроженец с. Балахны Богородицкого уезда Тульской губернии. Из крестьян, без образования, по профессии плотник. Партийный стаж с 1898 г. Отбывал ссылку в Туруханском крае с 1904 г. В 1917 г. член Ермаковского Комитета общественной безопасности, член Совета крестьянских депутатов Минусинского уезда
	Эйдеман Роберт Петрович (1895–1937)	Уроженец местечка Леясциемс Валкского уезда Лифляндской губернии. Образование среднее, военный. В 1917 г. избран заместителем председателя Канского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. На 1-м Всесибирском съезде Советов в октябре 1917 г.

		избран заместителем председателя Центрального исполнительного комитета Советов Сибири. Расстрелян органами Народного комиссариата внутренних дел
	Портянников Павел Матвеевич (1880–1918)	Уроженец с. Пыховка Новохоперского уезда Воронежской губернии. Из крестьян, образование начальное. До ссылки служил на флоте, затем был рабочим. С 1908 г. отбывал ссылку в Богучанах. В 1917 г. избран председателем Южно-Енисейского Комитета общественной безопасности, являлся гласным уездного земства, председателем профсоюза рабочих и служащих. Убит красногвардейцами
	Остриков Владимир Матвеевич (1862–1919)	Уроженец Щигринского уезда Курской губернии. Из крестьян, образование среднее, по профессии учитель. С 1907 г. отбывал ссылку в Енисейском уезде Енисейской губернии. Кооператор. Убит партизанами армии Кравченко-Щетинкина
	Добров Евгений Дмитриевич (1888– ?)	Уроженец г. Короч Курской губернии. Из семьи чиновника, образование среднее. Партийный стаж с 1905 г. Отбывал ссылку в Туруханском крае с 1908 г. Кооператор. В 1917 г. председатель Минусинского уездного Совета крестьянских депутатов, член губернского комитета партии, гласный уездного земства
	Малич Федор Тимофеевич (1887– ?)	Уроженец Полтавской губернии. Из крестьян, образование неоконченное среднее. Партийный стаж с 1905 г. В 1909 г. сослан в Енисейскую губернию
	Базаркин Василий Петрович (1877– ?)	Уроженец д. Польской Ардашей Темниковского уезда Тамбовской губернии. Из семьи приказчика питейного дома, образование среднее, по профессии писарь. Партийный стаж с 1905 г. В 1907 г. сослан в северную часть Енисейского уезда. В 1917 г. был членом исполнительного комитета губернского Совета крестьянских депутатов, членом губернского продовольственного комитета
Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенная)	Байкалов Анатолий Васильевич (1882–1962)	Уроженец Енисейской губернии, из семьи казаков, образование высшее. Партийный стаж с 1902 г. Отбывал ссылку в губернии с 1904 г. Член правления товарищества потребительских кооперативов Енисейской губернии. В 1917 г. член красноярского Комитета общественной безопасности, член красноярского городского и губернского комитетов партии, редактор газеты «Дело рабочего»
	Козлов Николай Петрович (1884– ?)	Из крестьян, образование среднее. Партийный стаж с 1905 г. Токарь красноярских железнодорожных мастерских. В 1917 г. был членом красноярского городского и губернского комитетов партии
	Швейцер Павел Ильич (1885– ?)	Уроженец г. Ростов-на-Дону. Партийный стаж с 1903 г. Отбывал ссылку в Сибири. Председатель ревизионного комитета товарищества потребительских кооперативов Енисейской губернии. В 1917 г. – член губернского комитета партии. Подвергался репрессиям в 1930-е гг.
	Гутовская Мария Савельевна (1877–?)	Уроженка с. Агинское Канского уезда Енисейской губернии. Из крестьян. Партийный стаж с 1899 г. Отбывала ссылку в Томской губернии. Начальник Канской женской гимназии по выбору
	Молочников Арон Гиршевич (1886–?)	Уроженец Западного края. Партийный стаж с 1904 г. С 1907 г. отбывал ссылку в Канском уезде Енисейской губернии. По профессии бухгалтер. В 1917 г. был гласным городской думы Канска

	Петунин Кирилл Гаврилович (1884–1937)	Уроженец Саратовской губернии. Партийный стаж с 1904 г. Член правления Закупсбыта. В 1917 г. председатель Енисейского городского Комитета общественной безопасности, городской голова Енисейска. Расстрелян органами Народного комиссариата внутренних дел
	Линицкий Павел Михайлович (1885–1938)	Уроженец Херсонской губернии. Образование домашнее. Партийный стаж с 1904 г. Отбывал ссылку в Енисейской губернии с 1907 г. Член правления товарищества потребительских кооперативов Енисейской губернии. Расстрелян органами Народного комиссариата внутренних дел
	Сисин Сергей Петрович (1888–1940)	Родился в г. Иркутске Иркутской губернии, образование среднее. Партийный стаж с 1905 г. Отбывал ссылку в Туруханском крае. В 1917 г. член исполнительного комитета Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, товарищ председателя солдатской секции Совета, член красноярского городского комитета партии
	Руднев Василий Васильевич (1887– ?)	Уроженец Воронежской губернии. Партийный стаж с 1905 г. Отбывал ссылку в Енисейской губернии. В 1917 г. секретарь участкового комитета железнодорожного профсоюза
Группа левых социалистов-революционеров интернационалистов	Мазурин Николай Владимирович (1885–1918)	Из мещан, образование высшее неоконченное. Вступил в партию до 1905 г. С 1907 г. отбывал ссылку в Канском уезде. Конторщик красноярской продовольственной управы. В 1917 г. член губернского народного комиссариата. Расстрелян
	Соловьев Михаил Ильич (1887– ?)	Родился в Минусинском уезде Енисейской губернии. Из крестьян. Служил в 15-м сибирском стрелковом полку. В 1917 г. товарищ председателя солдатской секции Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1930 г. осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей
	Волков Иван Алексеевич (1876– ?)	Слесарь красноярских железнодорожных мастерских. В 1917 г. член исполнительного комитета Красноярского Совета
	Гурвич Вениамин Иванович (1882– ?)	Столяр красноярских железнодорожных мастерских
Трудовая народно-социалистическая партия	Адрианов Алексей Васильевич (1877–1938)	Проживал в Томске
	Казанцев Иван Степанович (1884– ?)	Родился в с. Казанцевское Минусинского уезда Енисейской губернии. Из крестьян, образование высшее. Неоднократно арестовывался за революционную деятельность. Помощник присяжного поверенного, член военно-промышленного комитета. В 1917 г. редактор газеты «Голос народа»
	Кузьмин Владимир Иванович (1876–1925)	Родился в с. Таштып Минусинского уезда Енисейской губернии в казачьей семье, образование среднее, священнослужитель. В 1916 г. возглавил минусинскую группу энесов. В 1917 г. редактор газеты «Свобода и труд», член Комитета общественной безопасности, гласный городской думы Минусинска и уездного земства
	Назаров Александр Захарович (1875–1937)	Родился в г. Минусинск Енисейской губернии. Образование среднее. С 1908 г. в партии эсеров. Учитель. В 1917 г. гласный городской думы Минусинска, член уездной земской управы. Расстрелян органами

		Народного комиссариата внутренних дел
	Тропин Николай Иванович (1874–1937)	Родился на прииске Кызас Минусинского уезда Енисейской губернии. Образование среднее, литератор, в 1917 г. гласный городской думы Минусинска, член уездной земской управы. Расстрелян органами Народного комиссариата внутренних дел
	Сипкин Василий Александрович (1877– ?)	Родился в г. Красноярске Енисейской губернии. Образование среднее, по профессии учитель
Красноярский отдел центрально-сибирского областного комитета	Потанин Григорий Николаевич (1835–1920)	Проживал в Томске
	Крутовский Владимир Михайлович (1856–1938)	Родился на золотых приисках Енисейской губернии, в семье купца. Образование высшее, по профессии врач. В 1917 г. председатель Красноярского Комитета общественной безопасности, губернский комиссар Временного правительства
	Патушинский Григорий Борисович (1873–1931)	Уроженец Канского уезда, из семьи купца. Образование высшее, юрист. В 1917 г. прокурор Красноярского окружного суда
	Монастыршин Николай Васильевич (? – ?)	Проживал в Красноярске

ной группы позволит лучше понять особенности протекания политических процессов в Енисейской губернии.

Политические партии, как правило, выбирали представителей в Учредительное собрание на губернских форумах. Первыми обсудили состав будущих кандидатов большевики. Изначально участники конференции (16–19 июля 1917 г.) отдали первые два места в списке партийным лидерам из Красноярска; остальные кандидаты представляли уезды (Красноярский рабочий, 1917). Однако в конце сентября Центральный комитет (ЦК) партии обнародовал перечень из 119 рекомендуемых кандидатур (Протасов, 2008. С. 34). В результате, по решению ЦК в состав списка енисейских большевиков были включены А.П. Смирнов, проживающий в Петрограде и Ф.В. Гусаров, проживающий в Тифлисе. Местные деятели были представлены А.И. Окуловым, А.Г. Роговым, Я.Е. Боградом, А.В. Померанцевой, А.Г. Перенсоном, А.И. Плотниковым.

Кандидаты в Учредительное собрание от партии эсеров были утверждены на губернском съезде партии (28 июля – 1 августа 1917 г.). В их число вошли: Н.В. Фомин, Е.Е. Колосов, К.С. Гуров, П.М. Портянников, В.М. Остриков, Е.Д. Добров, Р.П. Эйдеман, Ф.Т. Малич, В.П. Базаркин (Съезды, конференции и совещания социально-классовых политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии, 1991. С. 96). Возглавлявший список Н.В. Фомин отличался опытом кооперативной деятельности и пользовался наибольшим авторитетом среди крестьянства губернии. Остальные кандидаты, за исключением Е.Е. Колосова, представляли собой популярных уездных деятелей партии. Оформление списка произошло без вмешательства ЦК партии. Никто из местных эсеров не вошел в перечень обязательных 57 кандидатов в Учредительное собрание, выработанный на XVII всероссийском совете партии (Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы, 2000. С. 723).

Список меньшевиков, состоящий из А.В. Байкалова, Н.П. Козлова, П.И. Швейцера, М.С. Гутовской, А.Г. Молочникова, Г.К. Петунина, М.П. Линицкого, С.П. Сисина, В.В. Руднева был утвержден на губернской конференции (10–11 августа 1917 г.). С момента утверждения он не претер-

пел изменений (Съезды, конференции и совещания социально-классовых политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии, 1991. С. 105–106).

Конституционные демократы выдвинули своих кандидатов на съезде губернской партийной организации, который состоялся 20–21 сентября 1917 г., но окончательное право составления списка было оставлено за губернским комитетом. Выдвижение С.В. Востротина на первое место в перечне кандидатов мотивировалось требованием ЦК партии и популярностью политика как члена Государственной думы (Свободная Сибирь, 1917. 25 октября). Однако данное решение вызвало протест со стороны минусинских кадетов, которые указывали, что Востротин «для Минусинского уезда является мало известным» и просили заменить его на Д.Е. Лаппо (Свободная Сибирь, 1917. 22 октября). Тем не менее, губернский комитет не стал менять список и в него вошли: С.В. Востротин, Д.Е. Лаппо, И.И. Аланов, П.Т. Шошин, А.А. Филимонов, П.С. Троицкий, Г.П. Бенько, К.И. Хруцкий, П.И. Кусков (Свободная Сибирь, 1917. 10 ноября).

От группы левых эсеров-интернационалистов в депутаты Учредительного собрания претендовали Н.В. Мазурин, М.И. Соловьев, И.А. Волков, В.И. Гурвич (ГАКК[2]. Ф. Р-1770. Оп. 1. Д. 7. Л. 106). Народные социалисты выдвинули на первое место в списке томского общественного деятеля А.В. Адрианова. За ним значились И.С. Казанцев, В.И. Кузьмин, А.З. Назаров, Н.И. Тропин, В.А. Сипкин (ГАКК. Ф. Р-1770. Оп. 1. Д. 7. Л. 130). Областники сделали ставку на лидера сибирского областничества, проживающего в Томске Г.Н. Потанина. Кроме него среди кандидатов были В.М. Крутовский, Г.Б. Патушинский, Н.В. Монастыршин, С.Д. Майнагашев, Хабаров (ГАКК. Ф. Р-1770. Оп. 1. Д. 7. Л. 156). Однако к моменту регистрации областники не получили согласий на выдвижение от С.Д. Майнагашева и Хабарова, в результате они были исключены из списка (Свободная Сибирь, 1917. 25 октября).

Помимо политических партий в избирательную кампанию включилось крестьянство. В общей сложности в губернскую комиссию по организации выборов было подано три крестьянских списка:

– «Группа крестьян»;

– районное бюро крестьянского союза Шалинской, Тертежской, Кияйской, Степно-баджейской, Петропавловской волости;

– граждане деревни Дубининой Шарыповской волости Ачинского уезда.

Список «Группы крестьян» был передан в избирательную комиссию 13 октября, в него вошли 3 хлебороба различных селений губернии: П.Л. Манкевич, житель д. Климовской Б. Улуйской волости Ачинского уезда; В.А. Кузнецов, житель д. Кубеково Частоостровской волости Красноярского уезда; С.Т. Моисеенко, житель д. Марьевки Уярской волости Канского уезда (ГАКК. Ф. Р-1770. Оп. 1. Д. 7. Л. 170). Однако поданный в срок перечень кандидатов не соответствовал правилам выборного законодательства, так как не содержал в себе данных о возрасте и месте жительства выдвинувших его избирателей. В результате «Группа крестьян» не была зарегистрирована.

В состав кандидатов от районного бюро крестьянского союза вошли Т.И. Фокин, житель Шалинской волости; М.И. Овсянников, житель Петропавловской волости; Е.М. Дударев и Г.Г. Головин, жители Шалинской волости; Д.З. Шевцов, житель Тертежской волости (ГАКК. Ф. Р-1770. Оп. 1. Д. 7. Л. 170). Список имел явный пробольшевистский характер и 21 октября районный совет пяти волостей выступил за переход власти в руки советов (ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 20. Л. 190). Однако список был доставлен в избирательную комиссию только 17 октября и, как поступивший позднее срока, он не был принят к рассмотрению. По той же причине не были зарегистрированы кандидаты от д. Дубининой Шарыповской волости Ачинского уезда – Д.Ф. Шатохин, М.С. Солодчиков, К.И. Дурнопьянов, Г.Д. Уханов, Н.И. Громатунов (ГАКК. Ф. Р-1770. Оп. 1. Д. 7. Л. 192).

Таким образом, всего по Енисейскому избирательному округу было представлено 49 кандидатов. Из них 4 чел. не проживало в Енисейской губернии, они были включены под давлением центральных партийных организаций и для повышения авторитетности списков. Поэтому к числу мест-

[2] Государственный архив Красноярского края.

ной политической элиты можно отнести только 45 чел., проживающих и ведущих активную политическую деятельность в губернии к моменту выборов в Учредительное собрание. Крестьянским представителям не удалось поучаствовать в выборах отдельно от политических партий.

В партийно-идеологическом отношении среди кандидатов доминировали социалисты разных направлений, они составляли 75 % от общего числа кандидатов. Данное обстоятельства вызывало закономерную критику среди либералов. «Итого пять отдельных толков социалистов! Наша страна в своей массе не имеет понятия о социализме, а населению предлагают всего в течение нескольких дней разобраться в пяти отдельных его разновидностях и сделать среди них свой выбор» – утверждала газета «Свободная Сибирь» (Свободная Сибирь, 1917. 17 октября).

Средний возраст политических лидеров был равен 39 годам. В возрастном отношении самыми молодыми были кандидаты от социалистических партий. Причем в отличие от общероссийских тенденций, которые выявил Л.Г. Протасов, здесь их возраст не коррелировал с уровнем радикализма. Самой молодой группой политиков были меньшевики, средний возраст их представителей составлял 33 года. За ними по возрастающей шли левые эсеры (35 лет), эсеры (36 лет), большевики (37 лет), народные социалисты (39 лет). В провинции радикальные партии делали ставку на опытных революционеров. Наиболее возрастными были кандидаты от областников, их средний возраст составлял 52 года и кадетов – 49 лет. Самым молодым кандидатам – эсерам Р.П. Эйдеману и Н.В. Фомину было соответственно 24 и 27 лет. Наиболее опытным политиком был «патриарх» красноярской интеллигенции В.М. Крутовский, которому в 1917 г. исполнился 61 год.

В целом социальный состав политической элиты губернии отражает последствия модернизационных процессов российского общества, распад сословной структуры. Удалось установить происхождение 32 чел., что составляет 71 % от общего числа кандидатов. Показательно, что треть политиков – 10 чел., т. е. 32,2 %, из тех чье социальное происхождение известно, вышла из сельской местности. В городе бывшие крестьяне становились основой для формирования рабочего класса и разноликой интеллигенции. Показательно судьба эсера П.М. Портянникова, представленная в его биографии: «родился … в бедной крестьянской семье, в слободе Пыховке, Новохоперского уезда, Воронежской губернии, и до окончания народной школы жил дома, в кругу семьи. По окончании же школы, когда П. М-чу было всего 11 лет, его отдали родители на чужую сторону – в Донскую область в питейный дом (кабак) с благожелательной целью сделать из него “человека” … Осенью 1898 г. Портянников уехал в Закаспийскую область, где и поступил в депо в качестве слесарного ученика. Постигнув слесарное искусство, через два с небольшим, года, П. М. был бригадиром и затем выдержал экзамен на помощника машиниста» (Знамя труда, 1917. 25 октября).

Представители ранее привилегированных сословий уступили лидерство выходцам из крестьянской и мещанской среды. Всего 3 чел. имели дворянское происхождение (9,4 %), 6 чел. (18,7 %) родились в купеческих семьях. Высокое социальное происхождение отличало, в первую очередь, кадетов и областников. Оно же было гарантией получения высшего образования. Происхождение 8 чел. (25 %) можно классифицировать как мещанское, еще 3 были рождены в казачьих семьях (9,4 %). К потомственным рабочим можно отнести только 1 чел., и 1 чел. вышел из семьи священнослужителя.

Известна «география» происхождения 35 кандидатов, что составляет 77 % от их общего числа. В большинстве они оказались связаны с Енисейской губернией в результате отбывания ссылки, 21 чел. (60 % от числа тех, о ком есть сведения) были сосланы в губернию в различное время за революционную деятельность. Данную форму наказания отбывали пять из шести большевиков, восемь из девяти эсеров, семь из девяти меньшевиков. Первым из кандидатов в губернии оказался кадет Д.Е. Лаппо, которому в 1886 г. власти разрешили переехать к родственникам жены из Тобольской ссылки (Мешалкин, 1998. С. 126). Наибольшего пика приезд ссыльных революционеров достиг после первой русской революции. Изначально ссыльных

направляли в такие труднодоступные районы, как Туруханский край и северную часть Енисейского уезда. В разное время наказание там отбывали эсеры К.С. Гуров, П.М. Портянников, В.М. Остриков, В.П. Базаркин; большевик А.Г. Перенсон; меньшевики А.В. Байкалов, С.П. Сисин. К моменту революции 1917 г. многие ссыльнопоселенцы с разрешения властей перебрались в губернский и уездные города. Оставшись в Сибири после свержения самодержавия, политики продемонстрировали, что свою дальнейшую судьбу связывают именно с этой территорией.

Факты отбывания ссылки особенно ценились в политической агитации. Биографии эсеров излагались с упором на их мученичество (аресты, ссылку, каторгу) во имя народного счастья (Протасов, 2008. С. 109). «И с тех пор пошло, как по писанному … только выпустят из тюрьмы, опять в деревню любо с литературой, либо просто со словом хорошим и, глядишь опять обратно везут в Романовский дом», – писал в своей автобиографии эсер Е.Д. Добров (Знамя труда, 1917. 25 октября). Даже либеральные кадеты в своей агитации действовали в русле сложившейся политической культуры революционного подполья. Так, в предвыборной биографии кадета Д.Е. Лаппо указывалось, что в 1885 г. он был отправлен в административную ссылку и в 1887–1890 гг. находился в Енисейской губернии (Свободная Сибирь, 1917. 10 ноября). Часть политиков имела опыт эмиграции. Так, эсер Е.Е. Колосов был за границей с 1907 по 1916 г., большевик Я.Е. Боград с 1907 по 1912 г., большевик А.И. Окулов с 1907 по 1913 г.

Уроженцами приенисейского края были 15 чел. (42 %). Наиболее местной партией в этом отношении стали народные социалисты. Все кандидаты по их списку были рождены непосредственно в губернии. Похожая была ситуация и с кадетами – из девяти политиков пятеро родились в губернии, о месте рождения четырех ничего не известно.

Противостояние правых (кадетов, областников, энесов) и левых (большевиков, эсеров, меньшевиков, левых эсеров) политических сил в Енисейской губернии, можно, таким образом, рассматривать как борьбу местного и пришлого элементов. На эту особенность общественной жизни губернии публицисты обратили внимание еще в начале 1917 г. Так, в статье «Современные варяги», размещенной в газете «Голос момента», издаваемой в Енисейске, неизвестный автор проводил параллели современного политического состояния с легендой о призвании варягов на Русь: «Варяги нашего времени смекалистее – явились незваные и в большом количестве … Пока им вполне удалось местное население отстранить от строительства их же жизни» (Голос момента, 1917. 25 апреля). Выступая за тщательный подбор гласных в городскую думу летом 1917 г., канские кадеты критиковали список социалистического блока за то, что в нем фигурировали фамилии чуждых местным делам политических ссыльных, занимавшихся преимущественно не организационной работой, а «митинговыми речами» (Свободная Сибирь, 1917. 29 июля).

Имеются сведения об уровне образования 29 кандидатов в Учредительное собрание (64 %). Полное или незаконченное высшее образование имели 12 чел., или около 41 % тех, о ком есть сведения. Законченное и системное образование для либералов-кадетов и областников было нормой, в то время как люди, имеющие высшее образование, были среди кандидатов от большевиков, эсеров, меньшевиков, левых эсеров и народных социалистов исключениями. Революционная деятельность не позволила ряду социалистов закончить университет. Отчисленными за революционную деятельность из университета были, например, эсеры Н.В. Фомин и Н.В. Мазурин. В случае Е.Е. Колосова и Я.Е. Боград процесс обучения неоднократно прерывался исключениями, ссылками и арестами. Однако несмотря на данные сложности Я.Е. Боград закончил в Швейцарии Бернский университет и получил степень доктора математических и философских наук (Бердникова, 1982. С. 23).

Около половины кандидатов (13 чел., т. е. 44 %) имели среднее или специальное среднее образование. Однако и его получение было связано с большими трудностями. Так, эсер Н.В. Фомин был вынужден уйти из гимназии после окончания 6-го класса. «Причиной, побудившей начальство “просить” Фомина уйти из гимназии, было участие его в средне-школьном движении того времени» –

сообщалось в биографии эсера. Тем не менее, через 7 мес. после ухода из гимназии Фомин сдал экзамен и получил аттестат зрелости (Знамя труда, 1917. 25 октября). Ведущую роль в культурном развитии революционеров играло самообразование, 4 чел. (14 %) имели низшее или домашнее образование.

«Лицо» кадетов и энесов по роду деятельности в 1917 г. определяли представители интеллигенции: учителя, юристы, литераторы. Особняком среди них смотрелся священник В.И. Кузьмин. Среди социалистов преобладали члены революционных организаций: Советов (А.И. Окулов, А.Г. Перенсон, Н.Ф. Фомин, В.П. Базаркин, С.П. Сисин, М.И. Соловьев, А.И. Волков, Н.В. Мазурин), профсоюзов (А.Г. Рогов, В.В. Руднев), редакторы партийных изданий (А.И. Плотников, А.В. Померанцева, Е.Е. Колосов). Среди эсеров и меньшевиков, в отличие от большевиков, доминировали служащие и руководители кооперативных структур: эсер Н.В. Фомин и меньшевики А.В. Байкалов, П.М. Линицкий являлись членами правления товарищества потребительских кооперативов Енисейской губернии; меньшевик П.И. Швейцер работал председателем ревизионного комитета товарищества. Эсеры В.М. Остриков и Д.Е. Добров работали в уездных структурах товарищества. Данная особенность была вызвана правовым положением ссыльных революционеров до 1917 г. Не имея возможности для легальной партийной работы, многие из них нашли применение своим способностям в кооперативном движении.

Из состава политической элиты 1917 г. были практически вытеснены дореволюционные политики, т. е. те, кто так или иначе участвовал в деятельности органов власти и местного самоуправления до революции, такие оставались только среди кадетов. Так, Д.Е. Лаппо, П.И. Кусков и П.С. Троицкий в разные годы избирались гласными красноярской городской думы. В то же время среди кандидатов отсутствовали «мартовские» революционеры. Все революционеры и либералы имели давний партийно-политический стаж. Наиболее опытным политиком считался кадет Д.Е. Лаппо, который в 1880-е гг. участвовал в народническом движении. В 1890 г. после пяти лет ссылки он вернулся в европейскую Россию, где отрекся от своих бывших убеждений, назвав их «заблуждениями», «вольными и невольными увлечениями … молодости» (Мешалкин, 1998. С. 126). С конца XIX в. (1896–1899 гг.) отсчитывали свой партийный стаж большевики Я.Е. Боград и А.В. Померанцева, эсеры Е.Е. Колосов и К.С. Гуров, меньшевик М.С. Гутовская. Главным событийным фактором политической социализации для большинства кандидатов стала первая русская революция, которая привела в движении огромные массы населения. В 1905–1907 гг. стали политиками большевик А.Г. Перенсон, эсеры Н.В. Фомин, Е.Д. Добров, Ф.Т. Малич, В.П. Базаркин, меньшевики Н.П. Козлов, С.П. Сисин, В.П. Руднев, П.М. Линицкий, К.Г.Петунин.

Революция, сломавшая прежнюю систему формирования власти, резко ускорила процессы социальной и политической мобильности. За несколько месяцев так или иначе власть в губернии получили В.М. Крутовский, который в апреле 1917 г. был назначен на пост губернского комиссара; А.Г. Перенсон, избранный в марте 1917 г. председателем Енисейского Совета рабочих и солдатских депутатов; А.И. Окулов, в июне 1917 г. занявший пост председателя губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов; Н.В. Фомин, ставший в июне 1917 г. председателем губернского исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов; К.Г. Петунин, летом 1917 г. избранный городским головой Енисейска. Таким образом, 11 чел. (24 % от всех кандидатов) являлись гласными земств и городских дум.

Политическая пропаганда способствовала формированию положительного образа революционных лидеров. Так, газета «Красноярский рабочий» характеризовала Я.Е. Боградa как стойкого, неутомимого партийного работника (Красноярский рабочий, 1917. 10 ноября). Газета «Знамя труда» указывала, что В.М. Остриков – «бодрый старик с непоколебимым убеждением, чем так отличаются люди прежнего поколения: таких людей можно сломить, но не согнуть» (Знамя труда, 1917. 20 октября). В то же время состав политической элиты Енисейской губернии не отличался сплоченностью. Само появление двух эсеровских списков (партии социалистов революционеров и группы левых со-

циалистов-революционеров) говорит о тяжелом расколе внутри партии. Основной эсеровский список также состоял из представителей различных внутрипартийных течений. Правое крыло партии представлял Е.Е. Колосов, центр – Н.В. Фомин, левое крыло – Р.П. Эйдеман (Дементьев, 2014).

В 1917 г. между основными политическими партиями губернии велась ожесточенная газетная полемика, участники которой нередко переходили к оскорблениям оппонентов. Так, эсер Е.Е. Колосов в газете «Наш голос» сравнивал профессионального революционера А.И. Окулова с гоголевским Ноздревым за склонность к позерству и бесстыдному вранью, а левый эсер Н.В. Мазурин был обвинен в пьянстве (Наш голос, 1917. 11 мая). Большевики, в свою очередь, организовали против Колосова «революционно-общественный» бойкот. Эсера обвинили в том, что он «вел гнуснейшую травлю против всех местных рабочих организаций: политических, революционных и профессиональных» (Знамя труда, 1917. 19 июля). Объединенными усилиями социалисты критиковали либералов. Большевистская «Сибирская правда» отмечала, что вокруг кадетов «объединилась теперь вся муть старого строя … Партия кадетов является оплотом консерватизма и контрреволюционности» (Сибирская правда, 1917. 17 апреля).

Само отношение к «хозяину земли русской» у кандидатов тоже было различным. Если эсеры придавали Учредительному собранию исключительное значение в революции, считая его воплощением идеи народного суверенитета и торжеством народовластия, то большевики и левые эсеры видели в нем воплощение контрреволюции. В январе 1918 г. левый эсер Н.В. Мазурин писал в «Рабоче-крестьянской газете», что роль Учредительного собрания вредна: «…как орган всеклассовый, по существу своему противоречит власти советов – власти рабочих и крестьян, и те, кто не хотят возврата к старому, должны прямо сказать, что созыв и работа Учредительного собрания – бесцельная растрата народных денег» (Рабоче-крестьянская газета, 1918. 11 января). Участие большевиков в предвыборной кампании объяснялось тактическими потребностями момента.

Судьба кандидатов в Учредительное собрание наглядно демонстрирует утверждение Л.Г. Протасова о том, что политическая элита 1917 г. отмерла уже в 1918–1919 г. Ее место заняла узкопартийная коммунистическая верхушка, правящая элита, впоследствии переродившаяся в номенклатуру советского образца (Протасов, 2004. С. 133).

Из 25 чел. (44 % от общего числа кандидатов), чьи жизненные траектории удалось установить, 15 чел. (60 %) умерли не своей смертью. Половина из них была убита в годы гражданской войны. Большевики Я.Ф. Боград и А.Г. Перенсон, левый эсер Н.В. Мазурин были расстреляны как заложники в 1918–1919 г. антибольшевистскими правительствами. Кадет Т.П. Шошин был убит представителями Советской власти в ходе подавления казачьего восстания в Каратузе. При различных обстоятельствах погибли эсеры Н.В. Фомин, П.М. Портянников и В.М. Остриков. Первый был убит в декабре 1918 г. колчаковскими офицерами в ходе большевистского восстания в Омске. П.М. Портянникова зверски убили красногвардейцы в июне 1918 г. рядом с с. Тасеево. Согласно воспоминаниям Е.Е. Колосова, В.М. Остриков был «убит у себя в селе отрядами Щетинкина, уничтожавшими вообще интеллигенцию» (Колосов, 1923. С. 132).

В результате политических репрессий 1930-х гг. погибли эсер Е.Е. Колосов, меньшевики К.Г. Петунин, П.М. Линицкий, энесы А.З. Назаров, Н.И. Тропин. Областник В.М. Крутовский умер в тюрьме в 1938 г. Принадлежность к правящей элите после гражданской войны также не стала гарантией от репрессий. В 1936 г. А.И. Окулов был приговорен к 10-ти годам исправительно-трудовых лагерей, где умер в 1939 г. В 1937 г. бывший левый эсер Р.П. Эйдеман был расстрелян вместе с маршалом М.Н. Тухачевским. Только 10 чел. умерли своей смертью.

Российская политическая элита, пришедшая к власти в 1917 г., стала порождением модернизационных процессов российского общества начала XX в., разрушения сословной структуры: среди ее представителей в Енисейской губернии преобладали выходцы из крестьянских и мещанских семей. Высокое социальное происхождение отличало, как

правило, либералов. Среди кандидатов в Учредительное собрание доминировали революционеры-социалисты со специфическим политическим и жизненным опытом (тюрьмы, ссылки, подполье, эмиграция), низким уровнем образования. Для большинства из них главным переломным моментом жизни, определившим выбор революционного пути, стала революция 1905 г. Оказавшись в губернии в результате отбывания ссылки, они решили связать свою жизнь с этой территорией. Тем не менее, для уроженцев губернии они по-прежнему оставались чужими и пришлыми.

Политические лидеры, вынесенные революцией на вершины власти, не имели никакого иного политического опыта, кроме революционно-подпольной деятельности. Исключение составляли эсеры и меньшевики, преобладающие в руководстве кооперативных структур. Наличие непримиримых разногласий между представителями различных партий и организаций мешало выстраиванию конструктивного диалога в обществе, без которого выйти из кризиса 1917 г. было невозможно. Судьба представителей местной элиты наглядно демонстрирует нежизнеспособность как данной социальной общности, так и системы, которую они пытались выстраивать.

Библиографический список

Бердникова Н.Т. Бойцы революции. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1982. 277 с.

Голос момента (Енисейск), 1917. 25 апреля.

Дементьев А.П., Коновалова О.В. Разногласия в партийной организации социалистов-революционеров Енисейской губернии в 1917 году // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2014. Т. 13. № 8. С. 112–117.

Знамя труда (Красноярск), 1917. 19 июля.

Знамя труда (Красноярск), 1917. 20 октября.

Знамя труда (Красноярск), 1917. 25 октября.

Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: воспоминания, материалы, документы. Петроград: Былое, 1923. 190 с.

Красноярский рабочий (Красноярск), 1917. 2 августа.

Красноярский рабочий (Красноярск), 1917. 10 ноября.

Мешалкин П.Н. Лидер красноярских кадетов // Одержимые: О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX–XX вв.: сб. очерков. Красноярск: Центр по охране и использованию памятников истории и культуры комитета по делам культуры и искусства администрации Красноярского края, 1998. С. 125–136.

Наш голос (Красноярск), 1917. 11 мая.

Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х т. Т. 3. Ч. 1. Февраль – октябрь 1917 г.

References

Berdnikova N.T. *Boitsy revolyutsii* [Revolutionary soldiers]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel`stvo Publ., 1982, 277 p. (In Russian).

Golos momenta (Eniseisk) [The voice of the moment (Yeniseisk)], 1917, April 25. (In Russian).

Dement`ev A.P., Konovalova O.V. Disagreements in the party organization of the Socialist-Revolutionaries of the Yenisei province in 1917. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: history, philology], 2014, vol. 13, no. 8, pp. 112–117. (In Russian).

Znamya truda (Krasnoyarsk) [Banner of Labor (Krasnoyarsk)], 1917, July 19. (In Russian).

Znamya truda (Krasnoyarsk) [Banner of Labor (Krasnoyarsk)], 1917, October 20. (In Russian).

Znamya truda (Krasnoyarsk) [Banner of Labor (Krasnoyarsk)], 1917, October 25. (In Russian).

Kolosov E.E. *Sibir` pri Kolchake: vospominaniya, materialy, dokumenty* [Siberia under Kolchak: memories, materials, documents]. Petrograd: Byloe Publ., 1923, 190 p. (In Russian).

Krasnoyarskii rabochii (Krasnoyarsk) [Krasnoyarsk worker (Krasnoyarsk)], 1917, August 2. (In Russian).

Krasnoyarskii rabochii (Krasnoyarsk) [Krasnoyarsk worker (Krasnoyarsk)], 1917, November 10. (In Russian).

Meshalkin P.N. *Lider krasnoyarskikh kadetov* [The leader of the Krasnoyarsk Cadets]. *Oderzhimye: O deyatelyakh kul`tury Krasnoyarska na rubezhe XIX–XX vv.* [Obsessed: On the activists of the culture of Krasnoyarsk at the turn of the XIX–XX centuries]. Krasnoyarsk: Tsentr po okhrane i ispol`zovaniyu pamyatnikov istorii i kul`tury komiteta po delam kul`tury i iskusstva administratsii Krasnoyarskogo kraya Publ., 1998, pp. 125–136. (In Russian).

Nash golos (Krasnoyarsk) [Our Voice (Krasnoyarsk)], 1917, May 11. (In Russian).

Leont`ev Ya.V. *Partiya sotsialistov-revolyutsionerov. Dokumenty i materialy* [Party of Socialist-Revolutionaries.

/ сост. Я.В. Леонтьев. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 960 с.

Протасов Л.Г. Российская политическая элита 1917 года (характер, облик, судьба) // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2004. № 2. С. 124–134.

Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 463 с.

Рабоче-крестьянская газета (Красноярск), 1918. 11 января.

Свободная Сибирь (Красноярск), 1917. 29 июля.

Свободная Сибирь (Красноярск), 1917. 17 октября.

Свободная Сибирь (Красноярск), 1917. 22 октября.

Свободная Сибирь (Красноярск), 1917. 25 октября.

Свободная Сибирь (Красноярск), 1917. 10 ноября.

Сибирская правда (Красноярск), 1917. 17 апреля.

Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Е.Н. Косых. Томск: Томский государственный университет, 1991. 219 с.

Documents and materials]. In 3 vol. Vol. 3. Part 1. February – October 1917. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2000, 960 p. (In Russian).

Protasov L.G. The Russian political elite of 1917 (character, appearance, fate). *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie protsessy* [Modern political processes], 2004, no. 2, pp. 124–134. (In Russian).

Protasov L.G. *Lyudi Uchreditel`nogo sobraniya: portret v inter`ere epokhi* [People of the Constituent Assembly: a portrait in the interior of the era]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2008, 463 p. (In Russian).

Raboche-krest`yanskaya gazeta (Krasnoyarsk) [Workers 'and Peasants' Newspaper (Krasnoyarsk)], 1918, January 11. (In Russian).

Svobodnaya Sibir` (Krasnoyarsk) [Free Siberia (Krasnoyarsk)], 1917, July 29. (In Russian).

Svobodnaya Sibir` (Krasnoyarsk) [Free Siberia (Krasnoyarsk)], 1917, October 17. (In Russian).

Svobodnaya Sibir` (Krasnoyarsk) [Free Siberia (Krasnoyarsk)], 1917, October 22. (In Russian).

Svobodnaya Sibir` (Krasnoyarsk) [Free Siberia (Krasnoyarsk)], 1917, October 25. (In Russian).

Svobodnaya Sibir` (Krasnoyarsk) [Free Siberia (Krasnoyarsk)], 1917, November 10. (In Russian).

Sibirskaya pravda (Krasnoyarsk) [Free Siberia (Krasnoyarsk)], 1917, April 17. (In Russian).

Kosykh E.N. *S``ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial`no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional`nykh organizatsii v Eniseiskoi gubernii (mart 1917 – noyabr` 1918 g.)* [Congresses, conferences and meetings of socio-class, political, religious, national organizations in the Yenisei province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1991, 219 p. (In Russian).

Критерии авторства

Дементьев А.П. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Dementev A.P. carried out research work, based on the summarized, prepared the manuscript for printing, has an author's right to the article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author claims that there is no conflict of interest.

Сведения об авторе

Дементьев Александр Петрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
e-mail: dementjev.ap@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr P. Dementev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of National History
e-mail: dementjev.ap@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94:37.07(571.5)«1914/1918»
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-173-182

КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ ПОЛИЦИИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© О.М. Долидович

Сибирский федеральный университет
660041, Российская Федерация, г. Красноярск, просп. Свободный, 79

Аннотация: В статье рассматривается проблема кадрового дефицита полиции в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны. Приводятся данные о количестве нижних полицейских чинов в уездах Иркутской, Енисейской губерний и Забайкальской области, условиях их службы, попытках местных властей воздействовать на правительство с целью увеличения численности действовавших штатов и их денежного довольствия. На основе архивных источников показано, что недостаток сотрудников был обусловлен устаревшими законодательными нормами довоенного периода, которые не учитывали ни быстрого роста населения, ни тяжелых условий службы в регионе (огромные территории уездов, значительные расстояния между поселениями, их удаленность от губернских центров, отсутствие коммуникаций, суровый климат, высокая преступность, уголовная и политическая ссылка, наличие инородческого населения и др.). В годы войны перечень обязанностей полиции серьезно расширился: добавились такие задачи, как борьба с самогоноварением, спекуляцией и повышением цен, охрана железнодорожных путей и мостов и т. д. При этом количество преступлений и различного рода правонарушений значительно выросло. Увеличение штатной численности было осуществлено с запозданием в конце 1916 г., привело к некоторому усилению общей полиции, которая, тем не менее, в целом не могла должным образом обеспечить охрану общественного порядка и безопасность, противостоять дезорганизации общественно-политической жизни.

Ключевые слова: *Восточная Сибирь, дефицит кадров полиции, Енисейская губерния, Иркутская губерния, Забайкальская область, Иркутское генерал-губернаторство, Первая мировая война, полицейские штаты, реформирование полиции*

Информация о статье: Дата поступления 11 августа 2018 г.; дата принятия к печати 10 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Долидович О.М. Кадровый дефицит полиции в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):173–182. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-173-182.

DEFICIENCY OF STAFF IN THE POLICE OF EASTERN SIBERIA IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR

© Olesya M. Dolidovich

Siberian Federal University
79 Svobodny ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract: The article deals with the problem of the deficiency of staff in the police in Eastern Siberia during the First World War. The author shows data on the number of lower police officers in the districts of the Irkutsk, Yenisei provinces and Zabaykalsky kray, the conditions of their service, attempts by local authorities to influence the government in order to increase the number of states in operation and their monetary allowance. On the basis of archival sources, it was shown that the shortage of policemen was due to outdated legislative norms of the pre-war period, which did not take into account either the rapid increase in the population size or the harsh conditions of service in the region (huge territory of counties, significant distances between settlements, their remoteness from provincial centers, severe climate, high crime, criminal and political exile, the

presence of a foreign population, etc.). During the war years, the list of duties of the police seriously expanded (tasks such as combating brewing, speculating and raising prices, protecting railways and bridges, etc.) were added, and the number of crimes increased significantly. The increase in the number of staff was carried out late in late 1916, led to some strengthening of the general police, which, nevertheless, as a whole could not properly ensure the protection of public order and security, and resist the disorganization of public and political life.

Keywords: *Eastern Siberia, deficiency of staff in the police, Yenisei province, Irkutsk province, Zabaykalsky kray, Irkutsk Governorate-General, First World War, police staff, police reform*

Article info: Received August 11, 2018; accepted for publication September 10, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Dolidovich O.M. Deficiency of staff in the police of Eastern Siberia in the years of the First World War. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):173–182. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-173-182.

В годы Первой мировой войны полиция Российской империи осуществляла свою деятельность в чрезвычайно тяжелых условиях – значительное падение промышленного и сельскохозяйственного производства, обострение продовольственного кризиса, рост социальных противоречий. Власть была вынуждена признать слабость и недостаточную эффективность правоохранительной системы, продолжая курс на ее реформирование, инициированный еще во время первой русской революции 1905–1907 гг.

Изучение вопроса о количественном и качественном составе полиции в российских регионах позволяет осуществить системный анализ того, насколько ее возможности соответствовали реальным потребностям охраны правопорядка, выявить факторы, определявшие способность административно-управленческого аппарата удержать внутриполитическую ситуацию под контролем накануне революционных событий 1917 г.

Прежде всего эта проблема привлекает внимание современных исследователей, работающих в русле истории государства и права[1] (Кузнецов, Несмеянов, 2000; Шныров, 2016). Они показали, что в годы Первой мировой войны обязанности полицейских чинов серьезно увеличились. В то же время инициативы Министерства внутренних дел за 1906–1916 гг. по подготовке полицейской реформы не привели к выработке завершенного проекта, отдельные меры не были реализованы, поскольку не получили поддержки в Государственной думе и необходимого финансирования.

Историки изучают роль и место полиции в системе государственного управления Российской империи в начале XX в., основные этапы становления и функционирования центральных полицейских органов, их структуру, количественный и социальный состав[2] (Реент, 2001; Горожанин, 2004; Горожанин, 2004; Киселев, 2014).

Вопрос о деятельности органов охраны правопорядка в Восточной Сибири в дореволюционный период полного и всестороннего освещения к настоящему времени не получил, публикации на эту тему немногочисленны. Можно назвать лишь несколько трудов, посвященных анализу правовых и организационных основ работы полиции Сибири в XVIII – начале XX в.[3] (Качуров, 2003; Коновалов, 2013; Коновалов,2014; Грозин, 2014). В них выде-

[1] Касьянов А.В. Особенности организационно-правового обеспечения деятельности полиции Российской империи в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с. / Kasyanov A.V. Features of the organizational and legal support of the activities of the police of the Russian Empire during the First World War: 1914–1917: Thesis of diss. ... Cand. Sci. (Legal). M., 2015. 26 p.

[2] Романов К.С. Департамент полиции МВД России накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.): дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02. СПб, 2002. 272 с. / Romanov K.S. Police Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the eve and during the First World War (1913–1917): diss. ... Cand. Sci. (History): 07.00.02. St. Petersburg, 2002. 272 p.

[3] Шитова Т.В. Полиция в административно-правоохранительной системе Сибири XIX – начала XX в.: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2001. 225 с. / Shitova T.V. The police in the administrative law enforcement system of Siberia XIX – early XX century.: diss. ... Cand. Sci. (Legal): 12.00.01. M., 2001. 225 p.

ляется ряд специфических социально-экономических условий Восточно-Сибирского региона, определивших особенности функционирования полиции – наличие уголовных и политических ссыльных; чрезвычайная обширность обслуживаемой территории при низкой плотности населения и неразвитой транспортной инфраструктуре; отсутствие системы подготовки полицейских кадров и др.

Рассекречивание и публикация исторических документов о деятельности политической полиции (жандармерии) в постсоветский период способствовали росту исследовательского интереса к этой теме (Иванов, 2012; Иванов, 2013; Бакшт, 2015; Бакшт, 2016).

Источниковую базу данной работы составили делопроизводственные документы, сосредоточенные в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО). Прежде всего, это материалы канцелярии иркутского генерал-губернатора (фонд 25): переписка с начальниками Иркутской и Енисейской губерний, Забайкальской области по вопросу о реформировании полиции, докладные записки на имя императора, а также министра внутренних дел, содержащие характеристику состояния полицейского надзора в регионе. Кроме того, использованы материалы Иркутского губернского правления (фонд 32): инструкции чинам полиции на случай возникновения уличных беспорядков в Иркутске, приказы войскам Иркутского военного гарнизона по содействию гражданским властям. Архивные источники дают представление о наличном составе и условиях работы полиции, содержат краткие сведения об экономическом развитии населенных пунктов Восточной Сибири, изменении общественных настроений на протяжении Первой мировой войны в связи с ростом недовольства дороговизной и дефицитом, тех мерах, которые губернаторы и уездные исправники предлагали предпринять по реформированию полиции.

В административно-правоохранительной системе Восточной Сибири полиция занимала ведущее место. Она не только следила за общественным порядком и боролась с преступностью, но и выполняла общеадминистративные мероприятия, поскольку многие реформы 1860–1870-х гг. в регионе осуществлялись в урезанном виде или вообще не проводились. К ведению полиции относился очень широкий круг вопросов:

– обнародование указов и постановлений правительства;

– принятие мер к исполнению законодательства;

– поимка преступников и проведение дознаний;

– принятие противопожарных мер;

– охрана путей сообщения;

– борьба со спекуляцией;

– взыскание различного рода недоимок по налогам и платежам;

– сбор статистических сведений по запросам различных ведомств (среднесправочные цены на продукты, данные о посевах, урожаях и т. д.) и др.[4]

Полиция сохраняла довольно сложную структуру и состояла из различных формирований, созданных в разное время и не по единому образцу. Уездную полицию представляли уездный исправник, его помощник, становые приставы, канцелярия. Закон об уездной полицейской страже 1903 г. не был распространен на Восточную Сибирь, поэтому низший полицейский надзор на местах осуществлялся выборными десятскими, сотскими, а также сельскими старостами и волостными крестьянскими и инородческими старшинами, в Забайкальской области еще и станичными и поселковыми атаманами, а в Иркутской и Енисейской губерниях – незначительным числом полицейских урядников. В состав городских полицейских управлений входили полицмейстер и его помощник, приставы (по количеству участков в городе), возглавлявшие городовых (в городах с населением свыше 2 тыс. чел. полагался один городовой на 400 горожан) и стражников, канцелярия (Коновалов, 2014. С. 264).

Кроме того, в регионе действовало два губернских жандармских управления – Иркутское и

[4] Шитова Т.В. Полиция в административно-правоохранительной системе Сибири XIX – начала XX в.: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2001. 225 с. / Shitova T.V. The police in the administrative law enforcement system of Siberia XIX – early XX century.: diss. ... Cand. Sci. (Legal): 12.00.01. M., 2001. 225 p.

Енисейское. После постройки Транссибирской магистрали были образованы железнодорожные жандармские управления в Омске и Томске. В 1915 г. полномочия жандармского полицейского управления Томской железной дороги распространили на территорию Енисейской губернии, в Тайге, Красноярске и Иннокентьевской организованы мобильные казачьи отряды. С 1908 г. в сибирских городах создавались сыскные отделения, которые занимались оперативно-розыскной деятельностью. В связи с малочисленностью местной полиции в сравнении с обширной территорией жандармские формирования иногда привлекались для выполнения полицейских функций (Бакшт, 2016).

Помимо общей и жандармской полиции на золотых приисках была учреждена горно-полицейская стража. Еще одно специализированное формирование в системе полицейских органов – пожарно-полицейские команды (Качуров, 2003. С. 98–106).

Серьезный внутриполитический кризис в Российской империи в 1905–1907 гг. стал одной из причин желания правительства реформировать полицию. В августе 1907 г. при Министерстве внутренних дел была образована межведомственная комиссия под председательством А.А. Макарова, главной задачей которой стала подготовка реформы. Комиссия признала, что с полиции необходимо снять все функции, не отвечавшие ее прямому назначению (наблюдение за исполнением закона и преследование преступлений, направленных против общественного и государственного порядка). Планировалось подчинить все виды полиции (общей, наружной, конной, пешей, уездной, городской, горной и т. д.) Министерству внутренних дел, а на местах – губернаторам, покончить с обособленным положением отдельного корпуса жандармов путем введения должности помощника губернатора, назначаемого из чинов жандармского корпуса, выработать новый устав полиции и произвести повышение окладов и др. В 1911 г. состоялось первое заседание Совета министров, на котором обсуждался проект, в 1913 г. он поступил на рассмотрение в Государственную думу. Однако лишь в октябре 1916 г. Совет министров принял положение «Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения чинов». Фактически закон касался лишь установления численности личного полицейского состава пропорционально количеству населения, требований к полицейским чинам, а также увеличения денежного довольствия (Грозин, 2014. С. 68–75).

При разработке проекта реформирования полиции не планировалось распространить его действие на Восточную Сибирь. Однако недостаток урядников и стражников стал причиной того, что в ноябре 1912 г. иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев направил в Министерство внутренних дел предложение об усилении полиции в подведомственном ему регионе. В апреле 1915 г. был получен ответ за подписью товарища министра В.Ф. Джунковского о том, что его ходатайство не получило одобрения Совета министров. Главное возражение высказало Министерство финансов, суть его заключалась в том, что Л.М. Князев предлагал устанавливать численность полицейской стражи, исходя из 24 тыс. чел. на стан, тогда как в губерниях европейской России действовала норма 40 тыс. жителей. Джунковский отмечал, что для реформы не было достаточных оснований из-за слабой плотности населения, его концентрации вдоль линии Транссибирской железной дороги и в старых поселениях, что позволяло применять здесь нормы европейской части страны (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 19).

Однако Л.М. Князев твердо придерживался мнения о необходимости расширения численного состава полиции в регионе. Весной 1915 г. он запросил у начальников Иркутской и Енисейской губерний и военного губернатора Забайкальской области детальные сведения о численности уездных исправников с характеристикой уездов, наиболее крупных населенных пунктов в них для того, чтобы еще раз обратиться в правительство.

Иркутский губернатор А.Н. Юган прислал свой доклад генерал-губернатору 4 мая 1915 г. Он ходатайствовал о том, чтобы для Иркутской губернии была принята норма не более 10 тыс. чел. на стан. Юган указывал, что в европейской части страны официально было определено 40 тыс. чел. на полицейский стан, но фактически приходилось

лишь 20–25 тыс. чел., и при этом в полном составе действовала уездная полицейская стража. В Иркутской губернии насчитывалось 24 стана, площадь каждого в среднем составляла около 30 тыс. квадратных верст – т. е. больше многих губерний европейской России. К примеру, Киренский уезд, самый слабо населенный, имел 60 тыс. жителей, разбросанных по территории в 416 тыс. квадратных верст. На остальные 4 уезда (Иркутский, Нижнеудинский, Балаганский, Верхоленский), занимавших площадь в более чем 296 тыс. квадратных верст, приходилось 19 станов и около 685 тыс. жителей (не считая Иркутска). В среднем на стан приходилось свыше 15 тыс. квадратных верст (площадь радиусом в 70 верст) и не менее 32 тыс. чел. В Балаганском уезде пять приставов обслуживали порядка 1,2 тыс. населенных пунктов с числом жителей в них свыше 206 тыс. чел., т. е. больше 41 тыс. жителей на стан (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 19).

Становые приставы работали в чрезвычайно тяжелых условиях. Уровень преступности был очень высок, тогда как в их распоряжении имелось лишь 2–3 урядника. До 70 % рассматривавшихся ежегодно в Иркутском окружном суде уголовных дел составляли убийства, грабежи и кражи. Одно дело об убийстве приходилось на 1 118 чел. населения, тогда как в среднем по империи – на 4 956 чел. (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 21). При этом большая часть преступлений оставалась вовсе незарегистрированной. Вследствие бездорожья многие населенные пункты приставы не посещали по несколько лет, кроме того, в них отсутствовала телефонная и телеграфная связь.

Важной задачей для полицейских было обеспечение безопасности людей и грузов на дорогах губернии. Линию железной дороги протяженностью в 841 версту, т. е. район чрезвычайно важный в стратегическом отношении, контролировали всего 9 становых приставов: «Все это громадное количество товаров, доставляемых к железной дороге и развозимых от нее по губернии, и такое же громадное пассажирское движение по грунтовым и водным путям, почта, делающая иногда миллионные отправления, как и десятки тысяч осевших в губернии переселенцев, пришлые рабочие частных и казенных предприятий – все настоятельно нуждается в безопасном передвижении и проживании на местах, как и вообще все мирное население губернии – в охране своего труда и сбережений» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 20 об).

В июне 1915 г. Л.М. Князев получил доклад енисейского губернатора И.В. Хозикова. Губернатор писал о том, что прирост населения в Енисейской губернии за 1912–1914 гг. составлял около 5 % ежегодно. Наиболее быстрыми темпами увеличивалась численность Канского уезда – примерно на 19,5 тыс. чел. каждый год. Для полиции было чрезвычайно затруднительно обслуживать уезд прежним составом: здесь работало 4 полицейских стана, тогда как требовалось минимум 7–8. В Ачинском уезде требовался еще как минимум 1 становой, в Минусинском – 2, и это только для того, чтобы довести их численность до норм европейской части страны. На каждый стан в среднем приходилась территория площадью около 100 тыс. квадратных верст (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 13, 40).

Населенные пункты разделяли огромные расстояния, в то время как на всех стражников была одна лошадь для разъездов. Во всех уездах работа полиции зависела от разлива рек: дважды в год транспортное сообщение между противоположными берегами прерывалось. Во многих селах полицейский надзор осуществляли только сельские старосты, сотские и десятские, которые «… будучи связанными кровными и имущественными узами с населением, и исполняя обязанности свои безвозмездно…», почти никакой пользы полицейскому делу не приносили (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 10, 39).

Губернатор И.В. Хозиков резюмировал: «… по самому скромному расчету необходимо немедленное установление в пределах Енисейской губернии не менее 6 новых должностей становых приставов, а равно учреждение должностей полицейских урядников, по расчету – одного на каждую волость, т. е. увеличение таковых до 120 человек (вместо существующих 63). Столь же неотложным является и введение в Енисейской губернии института полицейской стражи, без коей нынешний ничтожный состав уездной полиции в случае возникновения каких-либо внутренних беспорядков был

бы бессилен предупредить и подавить таковые» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 40).

Докладная записка военного губернатора Забайкальской области А.И. Кияшко была получена в канцелярии иркутского генерал-губернатора 27 августа 1915 г. Он описывал условия службы полицейских как самые тяжелые в Российской империи: здесь было сосредоточено много бывших каторжников, ссыльных, существовали притоны, орудовали воровские шайки, развивалась контрабанда спиртом и скотом. Разгулу преступности способствовали природные условия, позволявшие легко скрыться от полиции: полное отсутствие шоссейных и иногда и грунтовых дорог, наличие болот и непроходимых мест, сезонные разливы рек. Из-за неразвитости местной промышленности стоимость жизни была чрезвычайно дорогой. Кияшко указывал на то, что требовалось повышение окладов всем полицейским чинам в регионе, введение должностей бухгалтера и рассыльного, письмоводителя во всех уездных полицейских управлениях, а в Верхнеудинске и Троицкосавске – заведующих адресными столами для регистрации огромной массы пришлого населения. Полицейские управления нуждались в постоянных переводчиках, поскольку уезды были населены бурятами, тунгусами, которые не знали русского языка: «… большинство мелких преступлений, как-то кражи, поранения, мошенничество и т. п. жителями, в особенности тунгусами и бурятами, в данное время не считаются даже и наказуемыми, настолько население привыкло к безрезультативности попыток сохранить свою честь и имущество от посягательств, в виду полного отсутствия поблизости полиции» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 35 об.).

Таким образом, в Восточной Сибири требовалось ввести дополнительно ставки 232 урядников и 200 стражников (табл.). После ознакомления с докладами губернаторов делопроизводитель канцелярии Иркутского генерал-губернатора сделал финансовые подсчеты. Он исходил из следующего расчета: годовое жалованье урядника 600 руб., стражника – 480, итого 235 200 руб. казенных субсидий ежегодно. Необходимо также отметить, что помимо полицейских, которые получали жалованье из казны, в регионе насчитывалось 44 урядника и 222 стражника, жалованье которых оплачивалось из частных средств (в основном в горных округах) (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 45).

Генерал-губернатор Л.М. Князев направил записку министру внутренних дел, в которой просил ознакомиться с докладами енисейского, иркутского и забайкальского губернаторов и принять меры к увеличению численности нижних полицейских чинов в Восточной Сибири. Однако ответа на это ходатайство так и не последовало.

В марте 1916 г. новый генерал-губернатор Иркутской губернии А.И. Пильц обратился в Совет министров с просьбой об усилении полиции в регионе: «… переживаемые Россией события требуют на местах ряд мероприятий в целях мобилизационных и продовольственных: необходима серьезная борьба с ростом в крае тайного винокурения, крайне нужен надзор за водворенными в генерал-губернаторстве военно-обязанными воюющих с нами держав, усиление наблюдения за ссыльным элементом, а главное, местная власть, во что бы то ни стало должна обеспечить правительству в настоящий исключительный момент, а особенно в период демобилизации армии, сохранение общественного спокойствия и правопорядка» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 30. Д. 326. Л. 6–6 об.).

К началу 1916 г. дороговизна продуктов питания и предметов первой необходимости, развитие спекуляции стали причиной недовольства населения в регионе. В начале мая 1916 г. произошел погром торговых рядов в Красноярске, участие в котором принимали жены мобилизованных на фронт и нижние чины запасных полков, дислоцированные в городе. Полицейские и жандармы в силу своей малочисленности оказались не готовы к решительным действиям по его пресечению (Долидович, 2017. С. 40–43).

Все это вызвало серьезную обеспокоенность властей в административном центре Восточной Сибири – Иркутске. В середине мая 1916 г. иркутский полицмейстер С.А. Петровский докладывал губернатору А.Н. Югану, что сведений о готовившихся беспорядках не имел, но вполне допускал возможность таковых. В конце мая 1916 г. командующий войсками Иркутского военного округа Я.Ф. Шкинский отдал приказ командующему вто-

Численность нижних чинов полиции в уездах Иркутской, Енисейской губерний и Забайкальской области в 1915 г., чел.
The number of lower ranks of police in the counties of Irkutsk, Yenisei provinces and Transbaikal region in 1915

Населенный пункт		Нижние чины полиции		Количество ставок, которые дополнительно просил ввести иркутский генерал-губернатор	
		Урядники	Стражники	Урядники	Стражники
Иркутская губерния	Иркутский уезд	20	–	–	–
	Балаганский уезд	15	–	–	–
	Нижнеудинский уезд	12	–	–	–
	Верхоленский уезд	10	–	–	–
	Киренский уезд	14	–	–	–
	Горные округа (Витимский, Олекминский)	20	290	–	–
	Итого	91	290	57	100
Енисейская губерния	Красноярский уезд	67	–	–	–
	Ачинский уезд		–	–	–
	Енисейский уезд		–	–	–
	Канский уезд		–	–	–
	Минусинский уезд		–	–	–
	Горные округа (Красноярско-Канский, Енисейский, Минусинский, Ачинский)	10	43	–	–
	Итого	77	43	34	100
Забайкальская область	Читинский уезд	–	–	–	–
	Нерчинский уезд	–	–	–	–
	Нерчинско-Заводской уезд	2	8	–	–
	Верхнеудинский уезд	–	–	–	–
	Селенгинский уезд	–	–	–	–
	Акшинский уезд	–	–	–	–
	Баргузинский уезд	–	–	–	–
	Троицкосавский уезд	–	–	–	–
	Горные округа (Баргузинский, Шилкинский, Аргунский)	15	41	–	–
	Итого	17	49	141	–
Всего		185	382	232	200

Составлено по данным Государственного архива Иркутской области. Ф. 25. Оп. 10. Д. 559. Л. 44–45.

рой Сибирской стрелковой запасной бригадой генералу Н.А. Лашкевичу разработать план действий совместно с гражданской администрацией в случае волнений среди населения. Иркутск был поделен на три района, за охрану которых отвечали пять рот 11 и 12 Сибирских стрелковых запасных полков и взвод казаков (ГАИО. Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 457. Л. 8–9).

Лишь в октябре 1916 г. Совет министров принял положение «О введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степных и Приамур-

ского края», которое предполагало создание уездной полицейской стражи и на территории Восточной Сибири. С декабря того же года местные губернаторы начали работу по комплектованию штатов, их обучению и вооружению, которую не удалось завершить до февраля 1917 г. (Коновалова, 2018. С. 192, 194).

Таким образом, в годы Первой мировой войны острый кадровый дефицит низших полицейских чинов в губерниях Восточной Сибири, испытывавших его и в довоенный период из-за постоянного и быстрого притока населения, а также тяжелых условий службы, значительно усилился. Местные власти осознавали необходимость принятия срочных мер, направленных на повышение эффективности деятельности полиции и неоднократно обращались с ходатайствами об увеличении действовавших штатов полиции и их денежного довольствия в правительство. Однако дефицит финансирования не позволял Министерству внутренних дел осуществить соответствующее реформирование. Между тем, в регионе под влиянием продовольственного кризиса и социально-экономических трудностей начался рост протестных настроений, стало очевидным, что полиция была не в состоянии в должной мере обеспечить охрану общественного порядка и безопасности. Местная власть опасалась открытых антиправительственных выступлений и проявлений недовольства. Меры по усилению полиции в регионе были приняты несвоевременно, лишь в конце 1916 г.

Библиографический список

Бакшт Д.А. Институт генерал-губернаторства и жандармерия Восточной Сибири (1905–1917 гг.) // Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: материалы конф. В 2-х т. Т. 1. (Иркутск, 15 января – 1 декабря 2014 г.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 2015. С. 31–36.

Бакшт Д.А. Органы политического сыска в Енисейской губернии в период упадка российской монархии (1880–1917 гг.): монография [Электронный ресурс]. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2016. URL: https://123slides.org/view-doc.html?utm_source=organy-politicheskogo-syska-v-eniseyskoy-gubernii-v-period-upadka-rossiyskoy-monarhii-1880-1917-gg-monografiya (10.08.2018).

Горожанин А.В. Российская полиция на страже имперской государственности: монография. В 2-х т. Т. 1. Полиция как столп российской имперской государственности (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Изд-во Самарского юридического института Минюста России, 2004. 259 с.

Горожанин А.В. Российская полиция на страже имперской государственности: монография. В 2-х т. Т. 2. Российская империя и ее полиция: рассвет и закат. М.: Изд-во Самарского юридического института Минюста России, 2004. 166 с.

References

Baksht D.A. *Institut general-gubernatorstva i zhandarmeriya Vostochnoi Sibiri (1905–1917 gg.)* [Institute of Governorate-General and Gendarmerie of Eastern Siberia (1905-1917)]. *Materialy konferentsii "Vos'mye Baikal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya"* ["The eighth Baikal international socio-humanitarian readings": proceedings of the conference]. In 2 vol. Vol. 1. (Irkutsk, January 15 – December 1, 2014). Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2015, pp. 31–36. (In Russian).

Baksht D.A. *Organy politicheskogo syska v Eniseiskoi gubernii v period upadka rossiiskoi monarkhii (1880–1917 gg.)* [Institutes of political police in the Yenisei province in the period of the decline of the Russian monarchy (1880–1917)]. Krasnoyarsk: V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University., 2016. Available at: https://123slides.org/view-doc.html?utm_source=organy-politicheskogo-syska-v-eniseyskoy-gubernii-v-period-upadka-rossiyskoy-monarhii-1880-1917-gg-monografiya (accessed August, 10, 2018).

Gorozhanin A.V. *Rossiiskaya politsiya na strazhe imperskoi gosudarstvennosti* [Russian police guard the imperial statehood]. In 2 vol. Vol. 1. *Politsiya kak stolp rossiiskoi imperskoi gosudarstvennosti (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [The police as a pillar of the Russian imperial statehood (XVIII – first half of the XIX century)]. Moscow: Samara Law Institute of the Ministry of Justice of Russia Publ., 2004, 259 p. (In Russian).

Gorozhanin A.V. *Rossiiskaya politsiya na strazhe imperskoi gosudarstvennosti* [Russian police guard the imperial statehood]. In 2 vol. Vol. 2. *Rossiiskaya imperiya i ee politsiya: rassvet i zakat* [Russian Empire and its police: sunrise and sunset]. Moscow: Samara Law Institute of the Ministry of Justice of Russia Publ., 2004, 166 p. (In Russian).

Грозин С.Ю. Реформирование российской полиции в начале XX века // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. Серия: Государство и право. Юридические науки. 2014. №. 4 (71). С. 68–75.

Долидович О.М. События 7 мая 1916 г. в Красноярске: свидетельство кризиса легитимности власти // Революция 1917 г.: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири: материалы Сибирского исторического форума (Красноярск, 25–26 октября 2017 г.). Красноярск: Лаборатория развития, 2017. С. 40–43.

Иванов А.А. Из истории политической полиции Иркутска // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. С. 93–116.

Иванов А.А. Иркутские жандармы // Клио. 2012. № 6 (66). С. 69–77.

Качуров С.Ю. Полицейские формирования Министерства внутренних дел в Восточной Сибири XIX – начала XX века (на примере Иркутской губернии) // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в условиях Сибири: материалы науч.-теор. семинара (Иркутск, 24–25 июня 2003 г.). Иркутск: Оттиск, 2003. С. 98–106.

Киселев А.А. Изменения в штате общей полиции Витебской и Минской губерний Российской империи в период Первой мировой войны // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 248–254.

Коновалов И.А. Организационно-правовое развитие полиции в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 4 (37). С. 24–37.

Коновалов И.А. Управление и полиция Сибири в дореволюционный период: становление и развитие: монография. М.: ИНФРА-М, 2014. 302 с.

Коновалова О.В. История создания полицейской стражи в Енисейской губернии в начале XX в.: организационно-правовые аспекты // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 189–195.

Grozin S.Yu. Reforming the Russian police in the early XX century. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii. Seriya: Gosudarstvo i pravo. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation], 2014, no. 4 (71), pp. 68–75. (In Russian).

Dolidovich O.M. *Sobytiya 7 maya 1916 g. v Krasnoyarske: svidetel'stvo krizisa legitimnosti vlasti* [The events of May 7, 1916 in Krasnoyarsk: evidence of the crisis of power legitimacy]. *Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma "Revolyutsiya 1917 g.: 100 let spustya. Vzglyad iz Sibiri"* [Revolution of 1917: 100 years later. A look from Siberia: proceedings of the Siberian Historical Forum]. (Krasnoyarsk, October 25–26, 2017). Krasnoyarsk: Laboratoriya razvitiya Publ., 2017, pp. 40–43. (In Russian).

Ivanov A.A. *Iz istorii politicheskoi politsii Irkutska* [From the history of the Irkutsk political police]. *Problemy fal'sifikatsii istorii v kontekste stanovleniya i razvitiya silovykh struktur* [The problems of history falsification in the context of the formation and development of power structures: collection of scientific works]. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2013, pp. 93–116. (In Russian).

Ivanov A.A. Irkutsk gendarmes. *Klio* [Klio], 2012, no. 6 (66), pp. 69–77. (In Russian).

Kachurov S.Yu. *Politseiskie formirovaniya Ministerstva vnutrennikh del v Vostochnoi Sibiri XIX – nachala XX veka (na primere Irkutskoi gubernii)* [Police formations of the Ministry of Internal Affairs in Eastern Siberia XIX – the beginning of the XX century (the example of the Irkutsk province)]. *Materialy nauchno-teoreticheskogo seminara "Silovye struktury i obshchestvo: istoricheskii opyt vzaimodeistviya v usloviyakh Sibiri"* [Power structures and society: historical experience of interaction in the conditions of Siberia: proceedings of the scientific-theoretical seminar]. (Irkutsk, June 24–25, 2003). Irkutsk: Ottisk Publ., 2003, pp. 98–106. (In Russian).

Kiselev A.A. Changes in the staff of the general police of the Vitebsk and Minsk provinces of the Russian Empire during the First World War. *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2014, no. 3, pp. 248–254. (In Russian).

Konovalov I.A. Organizational and legal development of police in Siberia in the late XIX – early XX centuries. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2013, no. 4 (37), pp. 24–37. (In Russian).

Konovalov I.A. Upravlenie *i politsiya Sibiri v dorevolyutsionnyi period: stanovlenie i razvitie* [Management and the police of Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. Moscow: INFRA-M Publ., 2014, 302 p. (In Russian).

Konovalova O.V. History of establishment of the police guards in Yenisei province at the beginning of the XXth century: organizational and legal aspects. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of

Кузнецов А.Д., Несмеянов А.Н. Проекты реформирования полиции Российской империи в предреволюционный период // История государства и права. 2000. № 3. С. 17–18.

Реент Ю.А. Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.). Рязань: Узорочье, 2001. 284 с.

Шныров А.Е. Правоохранительная система Российской империи в годы Первой мировой войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 29 апреля 2016 г.). СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 267–269.

Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 2 (46), pp. 189–195. (In Russian).

Kuznetsov A.D., Nesmeyanov A.N. Projects of reforming the police of the Russian Empire in the pre-revolutionary period. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2000, no. 3, pp. 17–18. (In Russian).

Reent Yu.A. *Obshchaya i politicheskaya politsiya Rossii (1900–1917 gg.)* [The general and political police of Russia (1900–1917)]. Ryazan': Uzoroch'e Publ., 2001, 284 p. (In Russian).

Shnyrov A.E. *Pravookhranitel'naya sistema Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The law-enforcement system of the Russian Empire during the First World War]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii "Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiiskoi politsii)"* [State and law: evolution, current state, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian police): proceedings of the international scientific theoretical conference]. (Saint-Petersburg, April 29, 2016). Saint-Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2016, pp. 267–269. (In Russian).

Критерии авторства

Долидович О.М. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Dolidovich O.M. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Долидович Олеся Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры современных образовательных технологий,
e-mail: dolidovich@mail.ru

Information about the author

Olesya M. Dolidovich,
Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Modern Educational Technologies,
e-mail: dolidovich@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94:323.269.6–038.232.6(571.12)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-183-195

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1918 г. В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

© И.В. Курышев

Ишимский педагогический институт (филиал) Тюменского государственного университета
627750, Российская Федерация, Тюменская область, г. Ишим, ул. Ленина, 1

Аннотация: В статье на основе широкого круга источников исследуются причины, ход и особенности повстанческого движения в Тобольской губернии с лета по осень 1918 г. Последовательно рассматривается история возникновения основных очагов крестьянского протеста против политики Временного Сибирского правительства и участие в подготовке вооруженных восстаний подпольных группировок. Особое внимание уделяется изучению Тюкалинского крестьянского восстания, судьбы «Смоленской республики», сопротивления крестьянства мобилизации в белогвардейскую армию. В формировании протестных настроений самую активную роль сыграли бывшие фронтовики. Запуганное карательными рейдами военных отрядов крестьянство пыталось укрыться от мобилизации, уходя в леса или в повстанческие отряды. К разрастанию протестных настроений, несомненно, привело собственно и разрушение вертикали власти, наплыв в органы управления случайных людей, а также усиление милитаристских тенденций в управлении. Для сибирского крестьянства была совершенно непонятна и чужда идея вооруженной борьбы со своими собратьями, жителями одной страны, России. В результате показательных карательных акций, осуществленных белогвардейскими отрядами, сопротивление крестьянства в целом было сломлено. Основными приемами в тактике подавления восстания белыми являлись арест главарей мятежников и уничтожение бунтовщиков. Репрессивные меры по отношению к крестьянскому населению абсолютизировались военными властями Временного Сибирского правительства в качестве наиболее оптимального способа воздействия на мятежных крестьян. В результате исследования сделан вывод о том, что, несмотря на поражение, восстания в Тобольской губернии летом – осенью 1918 г. положили начало партизанскому движению в Северо-Западной Сибири.

Ключевые слова: *крестьянское восстание, Тобольская губерния, социальный протест, подпольщики, фронтовики, мобилизация, репрессии, террор, большевизм*

Информация о статье: Дата поступления 30 сентября 2018 г.; дата принятия к печати 22 октября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Курышев И.В. Крестьянские восстания летом – осенью 1918 г. в Тобольской губернии. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):183–195. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-183-195.

REVOLTS OF PEASANTS IN THE SUMMER – FALL OF 1918 IN THE TOBOLSK PROVINCE

© Igor V. Kuryshev

Ishim teacher training institute (branch) of the Tyumen state university
1 Lenin Str., Ishim 627750, Tyumen region, Russian Federation

Abstract: The article based on a wide range of sources examines the causes, course and characteristics of the rebel movement in Tobolsk province from summer to autumn 1918. The history of the emergence of the main centers of peasant protest against the policies of the Temporal Siberian Government and peasant participation in the preparation of armed uprisings of underground groups are considered. Special attention is paid to the study of the Tyukalino peasant uprising as well as the fate of the Smolensk Republic, and the resistance of the peasantry to mobilization into the White Army. The most active role in the appearance of protest moods was played by former front-line soldiers. The peasantry, intimidated by punitive raids of military detachments, tried to escape from mobilization, going into the forests or into insurgent detachments. The rising of protest moods, undoubtedly, was led by the destruction of the institutes of state power, the influx of random people into governing

bodies, as well as the strengthening of militarist tendencies in government. For the Siberian peasantry, the idea of armed struggle with their fellows, residents of one country, Russia, was completely incomprehensible and alien to them. As a result of demonstrative punitive actions carried out by the White Army detachments, the resistance of the peasantry as a whole was broken. The main methods in the tactics of suppressing the uprising by Whites were the arrest of the leaders and the and extermination of the rebels. Repressive means in relation to the peasant population were absolutized by the military authorities of the Provisional Siberian Government as the most optimal way to influence the rebel peasants. As a result of the study, it was concluded that, despite the defeat, the uprisings in the Tobol province in the summer – autumn of 1918 initiated the partisan movement in North-Western Siberia.

Keywords: *revolts of peasants, Tobolsk province, social protest, underground workers, veterans, mobilization, repressions, terror, Bolshevism*

Article info: Received September 30, 2018; accepted for publication October 22, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Kuryshev I.V. Revolts of peasants in the summer – fall of 1918 in the Tobolsk Province. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):183–195. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-183-195.

Одним из актуальных вопросов изучения гражданской войны в Западной Сибири является протестное движение крестьян в период «демократической контрреволюции» летом – осенью 1918 г. В советский период с позиций марксистко-ленинской идеологии эту тему исследовали В.И. Бочарникова, Н.К. Ведяшев[1], П.И. Рощевский, Ю.В. Журов, А.Д. Колесников (Бочарникова, 1960. С. 3–26; Рощевский, 1966. С. 138–158; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.), 1983. С. 39–61; Колесников, 1989. С. 20–27). Из недавних постсоветских исследований можно выделить статьи А.А. Штырбула (Штырбул, 2018. С. 18–19).

В результате исследования путем изучения архивных документов, воспоминаний партизан, периодической печати планировалось воссоздать картину повстанческого движения в Тобольской губернии летом – осенью 1918 г. Социальный протест крестьянства, направленный против принудительной мобилизации молодежи в белую армию, отчетливо выразился в Тюкалинском крестьянском восстании (вторая половина августа – сентябрь 1918 г.). По мнению А.А. Штырбула, в общей сложности в восстании приняло участие около 1 500 чел. из 20 сел и деревень Тюкалинского уезда (Штырбул, 2018. С. 19). Сформировалось 4 главных очага восстания: район с. Гагарино, окрестности г. Тюкалинска, Саргатская волость на востоке уезда, «Смоленская республика» в глухой северо-западной части уезда.

Эти очаги повстанческого движения были довольно слабо связаны между собой. Подробнее стоит остановиться на особенностях протекания социального протеста в трех наиболее крупных очагах. Одной из характерных особенностей крестьянских выступлений в Тюкалинском уезде было деятельное участие в их организации подпольных групп, возглавляемых местными большевиками. В своей подпольной деятельности они опирались, прежде всего, на бывших солдат-фронтовиков, настроенных против власти Временного Сибирского правительства. Так, М.И. Дьяков, большевик с 1917 г., командир и комиссар партизанского отряда в северной части Акмолинской области и Томской губернии впоследствии вспоминал: «… Живя в деревне Гурово, я начал обдумывать, что делать и как начинать. Сначала объединил вокруг себя небольшую группу бывших фронтовиков – мой старший брат Семен, братья Николай и Иван Гутковы, Иван Шлапак. После многих рассуждений пришли к заключению, что надо из фронтовиков создавать по деревням боевые группы в составе 3–5 человек. Назначение группы – борьба с белогвардейцами за восстановление власти Советов. Вначале дело подвигалось туго. Люди устали от империалистической

[1] Ведяшев Н.К. Партизанское движение в Северо-Западной Сибири (1918–1920 гг.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. Томск, 1971. 22 с. / Vedyashev N.K. Partizan movement in North-Western Siberia (1918–1920): author. diss. ... cand. hist sciences. Tomsk, 1971. 22 p.

войны и, кроме того, в деревнях эсеры, опираясь на кулаков, терроризировали население.

С конца июня, весь июль и август, шла организаторская работа. Мы бывали во многих деревнях, вели агитацию против белых, выявляя сочувствующих нам людей, создавали тройки, готовились к борьбе, собирали оружие» (В огне революции и гражданской войны: воспоминания участников, 1959. С. 168).

После захвата 11 июня 1918 г. Тюкалинска Тобольской губернии белоказаками в городе и уезде начались массовые аресты большевиков, советских работников. Белыми властями создавались особые следственные комиссии, деятельность которых характеризовалась нередко беззаконием и произволом. Они обращались к населению с призывом предоставлять письменные или же словесные сведения, которые могли бы послужить уликой против лиц, замешанных в активном сотрудничестве с Советской властью, либо в деятельности против Временного Сибирского правительства. В их состав порой входили отъявленные монархисты, представители городской и сельской буржуазии. Все это создавало благоприятные условия для доносительства на всех неугодных и сведения личных счетов, чем воспользовалась наиболее зажиточная часть деревни – кулачество. Участник событий в Тюкалинском уезде С.Г. Туманов вспоминал по этому поводу следующее: «… стоило кому-либо из кулаков из-за личной неприязни показать пальцем на человека и сказать: “Этот шел за большевиками”, как его арестовывали и пороли публично, прямо на улице» (Туманов, 1950. С. 44).

Члены Тюкалинского Совдепа и другие партийные, советские работники, которым удалось избежать ареста, ушли в подполье, продолжив борьбу с белогвардейцами. Среди них были: М. Голубев, М. Куланов, А. Дунцов, Ф. Татарников, А. Лавровский, И. Евдокимов, С. Туманов и др. Группа тюкалинских подпольщиков проводила антиправительственную агитацию, к началу августа 1918 г. ей удалось сформировать повстанческий отряд численностью около 400 чел. (Туманов, 1950. С. 47).

Вооруженная подпольная крестьянская организация была создана и в с. Гагарино (юго-западнее станции Называевская), у которой имелись сторонники и в соседних деревнях. Наряду с несколькими коммунистами, в организации в большинстве своем состояли беспартийные крестьяне. Именно здесь был сформирован один из первых повстанческих отрядов, получивший задание захватить железнодорожные станции Называевскую, Драгунскую, Мангут и дезорганизовать железнодорожное сообщение на участке Омск – Ишим. Белогвардейская контрразведка с помощью агентуры из кулаков была осведомлена о подготовке вооруженного выступления и направила в с. Гагарино карательный отряд, состоявший из чехов и белоказаков. Первоначально 24 августа мятежникам удалось разгромить карателей в гагаринских лесах. Позднее 28 августа 1918 г. в с. Гагарино был направлен более многочисленный карательный отряд. По доносу кулаков, предоставивших списки сторонников Советской власти, многие крестьяне подверглись репрессиям. Карателям пытались оказать организованное сопротивление повстанцы с. Дурбет, однако их подпольная группа, также выданная кулаками, была окружена на заимке и порублена шашками. По воспоминаниям С.Г. Туманова, каратели учинили жестокую расправу над местными крестьянами, многих из них расстреляли на месте, а несколько человек живьем закопали в землю (Туманов, 1950. С. 48). Весть об этой расправе над восставшими крестьянами рикошетом ударила по авторитету Временного Сибирского правительства. Терроризированное крестьянство пыталось укрыться от мобилизации, уходя в леса или в повстанческие отряды.

По мнению историка повстанческо-партизанского движения в Северо-Западной Сибири (1918–1920 гг.) Н.К. Ведяшева, первые партизанские отряды на территории этого региона возникли на основе подпольных групп. Так, в Тюкалинском уезде партизанские отряды были созданы в следующих селах: Кутырлы (65 чел.), Кисляки (85 чел.), Красный Яр, Соловьево, Троицкое (более 230 чел.), Лебяжье (около 140 чел.), Дурбет (300 чел.), Камышино (350 чел.). К середине августа 1918 г. в

9 партизанских отрядах Тюкалинского уезда насчитывалось более 1 300 бойцов[2].

Наиболее крупным было вооруженное выступление в самом г. Тюкалинске, в районе которого был создан повстанческий штаб. В него вошли жители с. Старый Конкуль братья Голубевы, Куланов, Тришин и Денисов (Штырбул, 2018. С. 18). Штаб наладил связь с крестьянами окрестных деревень – Чащино, Покровка, Зотино, Бугровое. В конце августа, в момент расправы над мятежниками в районе с. Гагарино, в окрестностях Тюкалинска сосредоточилось несколько сотен повстанцев.

Тюкалинским военно-революционным штабом был разработан детальный план выступления, которое намечалось приурочить к восстанию рабочих г. Омска. Однако обстоятельства, связанные с усилением карательной политики и мобилизации со стороны белых властей заставили партизан выступить ранее намечавшегося срока. Антимобилизационные настроения крестьян Западной Сибири создавали благоприятную среду для большевистской агитации. В частности, когда в с. Муромцево Тарского уезда съехалось 800 призывников из поселений урманной зоны, подпольщики решили путем агитации сорвать мобилизацию, что им и удалось осуществить. Мобилизованные крестьяне с песнями разъехались по домам.

Через 12 дней прибыл белогвардейский карательный отряд. Отцов призывников выпороли шомполами, потребовав, чтобы их сыновья явились на сборные пункты. Часть призывников под страхом репрессий пошла в белую армию, другая часть дезертировала, скрывшись в глухих лесах. В группу подпольщиков вошли большевики и сочувствующие им фронтовики: Михаил и Семен Дьяковы, Николай и Иван Гутковы, Иван Шлапак. Во многих деревнях Тарского и Татарского уездов (Рязаны, Курганка, Черталы, Романовка, Щегловка, Маломуромка, Муромцево, Ковшенево и др.) были созданы небольшие подпольные организации – «тройки». Узнав о неудачном восстании в Омске, подпольщики активно готовились к восстанию весной 1919 г.: «… собирали оружие, ковали пики, кинжалы, нападали и разоружали колчаковскую милицию, уничтожали мелкие отряды белогвардейцев» (В огне революции и гражданской войны: воспоминания участников, 1959. С. 169).

По воспоминаниям участника повстанческо-партизанского движения в Тарском урмане Т.В. Голубева, несмотря на аресты руководителей Тюкалинского уездного исполкома, некоторым из них удалось скрыться от белых и встать на путь подпольной борьбы с контрреволюцией (Голубев, 1950. С. 181). Когда в августе 1918 г. Временное Сибирское правительство объявило о призывной кампании крестьян 1897–1898 гг. рождения, сторонники Советской власти предприняли попытку сорвать мобилизацию. С этой целью был создан штаб по организации повстанческого отряда. Для осуществления агитации членов штаба закрепили по населенным пунктам. Организовали партизанский отряд в количестве 500 чел. из бывших фронтовиков, проживавших в деревнях Ново-Конкуль, Покровка, Зотино, Чащино и Бугровое. Из деревни Бугровое повстанцы решили начать наступление на Тюкалинск утром 29 августа, поскольку именно на этот день сюда была назначена явка мобилизованных на призыв.

Большевистски настроенные агитаторы появились в Тюкалинске 28 августа. Они вновь предприняли попытку сорвать мобилизацию, провоцировали новобранцев к побегу. По словам начальника тюкалинского гарнизона, они говорили призывникам: «… куда вас призывают, зачем? Война кончена, вас требуют на гражданскую войну – поставят позади вас чехов с пулеметами и заставят идти на большевиков» (РГВА[3]. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 209 об.).

На следующий день, 29 августа повстанческий отряд, пробравшись в город в составе нескольких групп под видом мобилизованных, начал наступление на Тюкалинск. Однако белогвардейские власти заранее были осведомлены об этом наступлении повстанцев. Тем не менее, в ходе боя с белыми повстанцам удалось ворваться в Тюкалинск,

[2] Ведяшев Н.К. Партизанское движение в Северо-Западной Сибири (1918–1920 гг.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. Томск, 1971. 22 с. / Vedyashev N.K. Partizan movement in North-Western Siberia (1918–1920): author. diss. ... cand. hist sciences. Tomsk, 1971. 22 p.

[3] Российский государственный военный архив.

захватить почту и телеграф. Однако удержать эти стратегические объекты плохо вооруженным мятежникам не удалось. Чехи совместно с солдатами местной команды открыли стрельбу и отразили нападение повстанцев. Несмотря на это другая часть отряда во главе с братьями Голубевыми прорвалась на призывной пункт. Руководители повстанческого штаба обратились к мобилизованным крестьянам с призывом, чтобы они оставили сборный пункт и разошлись: «Зачем вас собрали сюда? Чтобы лишать жизни своих же братьев и отцов ради белогвардейских извергов. Идите по домам и не поддавайтесь больше обману этих людоедов, наемников капитала!» (Туманов, 1950. С. 49). Со сборного пункта ушло 500 чел., все мобилизованные разъехались по домам[4]. Тем самым главная цель повстанцев – сорвать мобилизацию – была достигнута, но город им удержать не удалось.

К сожалению, и после этого, и других крестьянских восстаний в Западной Сибири сохранилось очень мало документов, непосредственно исходивших от повстанческих формирований. В одном из сохранившихся постановлений общего собрания восставших сел, найденных случайно прапорщиком Губиным в Ветлинском сельском правлении, говорилось, что у организованных повстанцев имеется оружие в количестве 50 винтовок, 2 пулемета; в том числе 3 000 солдат-фронтовиков сорганизовались с рабочими станции Называевская, у рабочих есть 5 пулеметов. «В городе Омске – восстание, в Тюкалинске идет бой, в Дурбихе идет бой, в Лебяжье убили трех чехов. У нас все уже организовались, вооружились, приехали посыльные сел Брусковского и Шилова. Тоже все готовы. Передайте дальше» (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 174 об.). В то же время в телеграмме поручика Лопатчикова, направленной 10 сентября 1918 г. из г. Тюкалинска в Омск оберквартирмейстеру Степного корпуса, приводились более точные сведения о количестве убитых чехов восставшими крестьянами: «… В Лебяжинской волости вспыхнул бунт. Вооруженная банда крестьян устроила засаду. Убиты два чеха и ямщик» (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 1).

Под напором превосходящих сил белых плохо вооруженный повстанческий отряд вынужден был отступить. Часть повстанцев белогвардейцы захватили в плен и заключили в тюрьму, приговорив Щиняева и Леднева к каторжным работам сроком на 20 лет, а остальных расстреляли. Восстание в Тюкалинском уезде было жестоко подавлено, высланные из Омска каратели беспощадно расправлялись над беззащитным населением деревень. Как вспоминал Т.В. Голубев, «… тюкалинская тюрьма была переполнена и превращена в застенок, где творились зверские пытки и истязания» (Голубев, 1959. С. 182). Некоторым из руководителей повстанческого движения удалось скрыться и уйти в подполье, чтобы продолжать среди населения агитационную работу, направленную против белогвардейских властей.

Призывники, бежавшие от мобилизации и репрессий белых в леса, искали связь с местными подпольщиками-большевиками. «В то время нам было опасно жить в деревне, и мы переселились в леса, – вспоминал М.И. Дьяков, – куда в наш отряд начали активно прибывать крестьяне, не пожелавшие служить в белой армии. За один месяц нас уже было 83 бойца, в любую минуту готовых идти против ненавистной белой власти» (Дьяков, 1959. С. 168). В деревнях соседнего Тарского уезда было создано 150 подпольных партизанских «троек», ожидавших восстания в Омске. Однако в силу его провала сроки нового антиправительственного выступления крестьян пришлось отложить до весны 1919 г. При этом активное участие в его подготовке, как и многих других, играли руководители бывших солдат-фронтовиков.

Самую активную роль в формировании протестных настроений и возникновении еще одного крупного очага повстанческой борьбы на северо-западе Тюкалинского уезда, в юго-восточной части Камышинской волости, в деревнях Смоленка и Тихвинка, населенных в основном беднякими-переселенцами, сыграли бывшие фронтовики. Эти деревни объявили себя в сентябре 1918 г. «Смоленской республикой», сопротивляясь все той же насильственной мобилизации в белую армию, на

[4] Ведяшев Н.К. Партизанское движение в Северо-Западной Сибири (1918–1920 гг.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. Томск, 1971. 22 с. / Vedyashev N.K. Partizan movement in North-Western Siberia (1918–1920): author. diss. ... cand. hist sciences. Tomsk, 1971. 22 p.

целых два месяца став центром затерявшегося в лесной глуши повстанческого края. В ответ на указ о мобилизации призывных возрастов жители деревень приняли решение на сельских сходах: «В армию не идти». На призывной пункт никто из местных жителей не явился, 18 крестьян-призывников бойкотировали и второй приказ о явке на призыв. После третьего приказа 9 мужиков отправились в Тюкалинск, где их сразу же арестовали. Узнавшие об этом односельчане начали готовиться к обороне. В деревню Смоленку прибыл отряд из 9 милиционеров: начались аресты семей призывников. Однако возмущенные жители отбили арестованных, разоружили милиционеров, посадили в холодную и позже, избив, отпустили. Был организован повстанческий штаб, в который вошли фронтовики Д. Володин, Г. Горлов, П. Стена и др. Из крестьян Смоленки и Тихвинки был создан повстанческий отряд из 56 чел., вооруженный в основном пиками и вилами, изготовленными в местной кузнице, а также охотничьими дробовиками. В течение почти двух месяцев просуществовала независимая «Смоленская республика». С приходом к власти адмирала А.В. Колчака авторитарные тенденции усиливались. Набиравший силу военно-авторитарный режим в Омске не мог смириться с какими-либо проявлениями крестьянского бунтарства и анархистского своеволия.

Карательный отряд нагрянул в Смоленку 23 ноября 1918 г. Он состоял из 50 солдат, которыми командовали два офицера, и группы милиционеров. Белогвардейский отряд учинил расправу над крестьянами еще по пути к деревне: по дороге было захвачено 13 мужиков, ехавших с возами сена (Штырбул, 2018. С. 19). Их избили, а двоих, раздетыми и босыми, по снегу погнали в Камышенку. В Смоленке каратели согнали всех жителей, отобрав зачинщиков и участников беспорядков, принялись избивать их. Сразу же были арестованы 45 чел., на месте расстреляны Горлов и Якимов. Затем были арестованы еще 15 чел., в том числе женщины. При конвоировании арестованных повстанцев в Тюкалинск, по дороге шашками зарубили П. Стену. Из состава повстанческого штаба лишь четверым, в том числе Д. Володину, удалось скрыться. Из 60 арестованных уцелело лишь 10 чел., которым удалось позже спастись бегством. Остальные были или расстреляны, или умерли в тюрьме от побоев (Колесников, 1989. С. 25–27). Немногие спасшиеся влились затем в действовавший в окрестностях Смоленки антиколчаковский партизанский отряд.

Характеризуя социально-политические настроения жителей Тюкалинского уезда накануне и в ходе антиправительственных выступлений, начальник тюкалинского гарнизона отмечал, что под влиянием большевистского течения от сельских обществ поступали постановления об отказе сдать оружие, выслать пленных, выполнять прочие постановления власти. Некоторые волостные управы даже не распространяли поступавшие приказы начальника гарнизона. Все приказы, расклеенные по г. Тюкалинску, также кем-то срывались. «Еще не была объявлена мобилизация, – писал начальник гарнизона, – как из уезда ко мне стали поступать сведения, что новобранцы на призыв не пойдут, а если и пойдут, то потребуют сначала выдачи оружия в деревнях, а тогда они, имея оружие на руках, покажут, за кого они будут сражаться» (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 209 об.).

К разрастанию протестных настроений, несомненно, привело собственно и разрушение вертикали власти, наплыв в органы управления случайных людей, для которых главенствующую роль играли личные, узкокорыстные интересы и побуждения. В донесении тобольскому губернскому комиссару от 15 октября 1918 г. тюкалинский уездный комиссар сообщал: «… Общее впечатление от уезда – разруха. И в этой разрухе повинны условия как субъективные, так и объективные. К субъективным я отношу руководительство уезда, которое попало в руки случайных лиц, большинству которых совсем не дороги интересы России, в частности, Тюкалинского уезда, а ловля в мутной воде, с одной стороны – «содержания», с другой – возможность уклониться от воинской повинности и, с третьей, – может быть, для продажи России в розницу. Борьба лиц за власть над уездом совершенно оставляла в стороне самый уезд, который постепенно расшатывался и в настоящий момент являет груду чего-то неопределенного (аморфного)» (Борьба за власть

Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.), 1967. С. 263).

К сожалению, военные власти не стали извлекать необходимых уроков из происходивших трагических событий; более того, усилили борьбу с любыми проявлениями инакомыслия, ужесточили военную цензуру, закрыли некоторые газеты, которые пытались информировать население о разгуле репрессий в Тюкалинском уезде. В связи с этим за публикацию критических корреспонденций военная администрация в лице командира 2-го Степного Сибирского корпуса запретила издание эсеровских газет «Понедельник» (издавалась в Томске) и «Ишимский край» (выходил в г. Ишиме) и арестовала их редакторов. Виной закрытия стала публикация корреспонденции «Тюкалинск», в которой откровенно изобличались воцарившиеся в этом уездном городе порядки, насаждавшиеся военными властями: «Политика репрессий перешла здесь всякие пределы. То, что обыватели Тюкалинска и его уезда не видели при самодержавии Николая и диктатуре Ленина, суждено им пережить теперь. Порки, расстрелы, не говоря уже о безудержных арестах, стали обыденным явлением. Расстреливаются, арестовываются лица без всякого разбора, а обыватель не смей пикнуть. Молчат целые организации, общественные учреждения, партии, молчит земство, молчит Городская Дума. Группа партии социалистов-революционеров кажется окончательно убитой. Часть ее членов арестована, двое расстреляны, остальные, как и все граждане, живут под страхом ежеминутного ареста и даже расстрела. … Единственно полновластным диктатором в Тюкале сейчас является полковник Доронин. Перед ним все молчи. Надежды населения на Временное Правительство иссякают. Приезжал сюда комиссар губернский, приезжал какой-то уполномоченный центрального правительства, а результаты … никаких. Еще больше. В самый период их присутствия в Тюкалинске производились расстрелы» (Ишимский край, 1918. 11 октября). При этом в своей редакционной статье «Ишимский край» с возмущением писал о том, что «… из центра возглашаются всякие блага, соответствующие достоинству гражданина республики, а на местах бесчинствуют сатрапы, вводя все приемы царской системы вплоть до телесного наказания» (Там же).

Тобольский губернский комиссар В.Н. Пигнатти вступился за закрытую военными кругами газету «Ишимский край», указав в письме министру внутренних дел от 12 ноября 1918 г., что действия начальника тюкалинского гарнизона полковника Доронина «… полны актов беззакония, превышения власти и, главное, жестокой бессудной расправы с населением» и «… единственным выходом из создавшегося положения должно быть устранение полковника Доронина, а не закрытие газеты» (Крамор, 2016. С. 57).

Для сибирского крестьянства была совершенно непонятна и чужда идея вооруженной борьбы со своими собратьями, жителями одной страны, России, в условиях фактического отсутствия законно избранной, легитимной власти. Весьма характерно в данном отношении постановление крестьян аксурского сельского схода Тобольского уезда в ответ на предписание тобольского уездного воинского начальника о мобилизации молодых людей, родившихся в 1898–1899 гг. Аксурский сельский сход 24 августа 1918 г. постановил: «… выслать мобилизованных после объяснения, кому служить. Царя нет. Учредительного собрания тоже, которого народ ждет, как своего избавителя от кратковременных правителей. В апреле месяце было предписание от Дубровного волостного исполнительного комитета за № 1186 о выборе Красной гвардии и что же? Через самое малое время она уже потеряла силу. Так и теперь. Дать солдат мы не отказываемся, но чтобы знать, что дети наши защищают Родину от внешнего врага, а не внутри страны против своего же брата – мужика» (Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.), 1967. С. 259).

Поэтому белым властям пришлось с помощью карательных акций, прибегая к насильственным методам, осуществлять мобилизацию крестьян в белую армию. В тот же Тюкалинский уезд направлялись неоднократно карательные отряды для наведения порядка, сбора оружия, арестов участников восстания, набора солдат в белую армию. Так, прапорщик 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка В. Губин описывал действия сво-

его отряда в докладе с 7 сентября по 7 ноября 1918 г. По пути следования поезда от станции Называевской в Тюкалинск он останавливался и делал рейды в близлежащие села и деревни. В частности, Губин писал: «… по прибытии (на станцию Называевская. – прим. *И.К.*) начальник милиции 3-го участка доложил, что в его участке творятся беспорядки, идет пьянство. Крестьяне отказываются давать солдат и сдавать оружие. На основании чего я 8 сентября в 8 часов вступил в Называевскую волость. Объехал деревни Лебедки, Ново-Воскресенка и Называиха, где сделал сбор оружия и взял заложников, для того, чтобы крестьяне села Ново-Воскресенского представили мне главного агитатора … Шепилина, который скрылся перед моим приездом. …В деревню Кислякову прибыл 9 сентября. Новобранцы не были отправлены и оружие не сдано, настроение крестьян – самое неблагоприятное. Главным организатором и агитатором не давать солдат и не сдавать оружие и даже организовать засаду для отряда был матрос Василий Лавров, который перед моим приездом скрылся…. За бежавшего Лаврова мною были взяты заложники…. 27 и 28 сентября в деревнях Дурбет и Земляном Лебединской волости крестьяне только за неделю до моего приезда возвратились из лесов. В этих деревнях мною было арестовано более 20 человек, которые приняли участие в вооруженном восстании. Общество вразумил, чтобы не делали в будущем никаких восстаний, и выяснил также вред гнать самогонку и рубить беспощадно леса. Кроме того, брал заложников за главных организаторов вооруженного восстания и проправительственных агитаторов – они находились в бегах. … 31 октября возвратился в Тюкалинск. Работа: борьба с производством самогонки и рубкой леса. Лес уничтожается крестьянами беспощадно…» (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 13. Л. 58–60).

Прапорщик Губин обращал внимание властей на то, что должностные лица сельских земских управ бездействуют во всех отношениях, а потому вмешивался в дела гражданского управления. Отдавал приказы, чтобы сельские земские управы своевременно исполняли различные распоряжения и поручения волостных земских управ, немедленно принимали меры по взысканию оброчных податей, земского и страхового волостного сбора, по прекращению винокурения и продажи самогонки, рубки лесов, по пресечению хулиганства в деревне, выяснению обстоятельств дела по жалобам крестьян со стороны сельских властей (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 13. Л. 61). Следует отметить и то обстоятельство, что сельские должностные лица на местах иногда беспощадно терроризировались со стороны повстанцев, бывших фронтовиков, в том числе для того, чтобы избежать доносов, чреватых применением репрессий со стороны белых.

Так, группа крестьян Троицкого уезда Красногорской волости д. Коловой подала уездному воинскому начальнику жалобу, в которой сообщалось о том, что в их обществе именно солдаты, бывшие фронтовики стоят за большевистскую власть, служить не хотят и платить не хотят, настраивают общество против белой гвардии. Во время приезда секретаря Красногорской волостной управы, который пытался выписывать лиц, подлежавших воинской повинности, именно фронтовики не дали составлять списки призывников. При этом крестьяне, подавшие жалобу, побоялись назвать себя, объяснив это тем, что большевистски настроенные солдаты в их сельском обществе, «… если узнают, то … казнят» (РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 24. Л. 192).

Носовский волостной секретарь в своем донесении Больше-Песчанской волостной милиции Тюкалинского уезда сообщал, что Носовское общество оружие не сдает и новобранцев не отправляет. Вооруженные молодые люди в возрасте от 19 до 35 лет 9 сентября организовали отряд в количестве 25 чел., выставили вокруг деревни караул, чтобы никто не мог выехать под угрозой расстрела. Волостной секретарь и доверенный Носовского общества Трошин был арестован предводителями отряда П. Пузиковым, К. Горловым, Л. Фащеленковым и В. Фащеленковым в случае приезда отряда Временного Сибирского правительства. Ему пригрозили убийством в случае доноса белым о беспорядках в селе и сокрытии оружия. От председателя сельской управы в случае привлечения общества за отказ от сдачи оружия потребовали подтвердить общественной распиской, что у общества нет никакого оружия (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 173).

При подавлении беспорядков в Тюкалинском уезде белогвардейские власти широко применяли такой способ борьбы с повстанческим движением, как взятие заложников. Начальник милиции третьего участка Тюкалинского уезда 8 сентября 1918 г. докладывал военным властям, что во вверенных ему нескольких волостях творятся беспорядки, происходит пьянство, крестьяне отказываются сдать оружие и отправить новобранцев. Кроме того, он же указал агитаторов против Временного Сибирского правительства и призыва солдат в белую армию. Ввиду происходившего прапорщик 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка Губин вместе со своим отрядом направился в Называевскую волость, где изъял оружие и взял заложников с тем, чтобы крестьяне с. Нововоскресенского представили ему их главного агитатора Шепилина, скрывшегося перед приездом белых в село (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 102).

Отмечались и факты белого террора. Все тот же прапорщик Губин, например, сообщал, что 16 сентября 1918 г. за большевистскую пропаганду им был застрелен крестьянин из Виленской губернии И.Ф. Михайлевич, проживавший в с. Березниковском Лебяжинской волости Тюкалинского уезда (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 174 об.).

В результате показательных карательных акций, осуществленных белогвардейскими отрядами, сопротивление крестьянства в целом было сломлено. Запуганные карателями крестьяне спешно составляли общественные приговоры, в которых выражали готовность повиноваться Временному Сибирскому правительству. Так, после объезда Белопесчанской волости отрядом прапорщика Губина волостная земская управа в своем письме, подписанном председателем управы Ф. Силкиным, благодарила его за посещение волости и наведение порядка, поскольку многие поселки здесь были окончательно разложены большевистской пропагандой (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 173).

Жители п. Носовского Белопесчанской волости Тюкалинского уезда 14 сентября составили на сельском сходе, представленном 97 домохозяевами, приговор «… впредь исполнять все требования Правительства и быть всегда на защите Временного Сибирского правительства. … Просим снять с нас грязное пятно, которое наложено на нас агитаторами Павлом Пузиковым и Леонтием Фащеленковым, … под угрозой лишения жизни всякого человека» (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 174 об.).

Основными приемами в тактике подавления восстания белыми являлись арест главарей мятежников и уничтожение бунтовщиков. В частности, отряд поручика Лопатчикова, получив материал о зачинщиках бунта, совершил рейд в с. Бугровое, жители которого при приближении отряда скрылись в лесах. Ими был схвачен и расстрелян в Тюкалинске руководитель восстания И. Евдокимов (Мухин). Одновременно с Евдокимовым расстреляли и Д. Шестеля. Один из активных зачинщиков крестьянского сопротивления А.Г. Дунцов, с редким мужеством обреченного, уничтожил себя бомбой. Придя в сопровождении конвоиров на допрос к карателям, Дунцов, по свидетельству очевидцев, подорвал себя гранатой, воскликнув: «Не позволю вам, людоедам, распоряжаться моей жизнью, – она принадлежит пролетариату, за него я и отдаю ее, а вам, предателям, все равно недолго царствовать, наша Советская власть будет жить!». Со словами: «Товарищи, отомстите за меня! Прощайте!», бросил себе под ноги гранату. Вместе с отважным мятежником погибло несколько белогвардейцев (Туманов, 1950. С. 50).

Ежедневные рейды отряда Лопатчикова оказали, по мнению военных властей, желанное воздействие: стали прибывать новобранцы, началась сдача оружия, было арестовано много главарей бунта, причем, часть их уничтожена на местах (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 210 об.).

Репрессивные акции, насилие по отношению к крестьянскому населению культивировались, абсолютизировались военными властями Временного Сибирского правительства в качестве наиболее оптимального способа воздействия на непокорных и бунтующих крестьян. Например, младший офицер второй сотни 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка подъесаул Фролов 30 сентября 1918 г. доносил, что, находясь в с. Ново-Екатерининском, отказавшемся принимать участие в мобилизации в белую армию, «… новобранцев не застал, но несколько человек все-таки нашел, якобы больных, …коих пришлось выдрать и отправить

в г. Омск. Население встретило нас враждебно – выдрал двух или трех мужиков, и все пошло отлично. Далее собрал сход, на котором обнаружил несколько человек, недовольных призывом. Новобранцев тоже выпорол, мимоходом задел старосту, последний теперь называет меня не иначе, как "Ваше благородие". В общем, порядок в Ново-Екатериновском восстановлен» (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 215).

В свою очередь, начальник гарнизона г. Тюкалинска в своем рапорте от 27 сентября 1918 г. сообщал командиру Степного корпуса: «… Еще в июле месяце сего года по прибытию в г. Тюкалинск на должность воинского начальника, я, ознакомившись с настроением жителей в уезде, убедился, что проводить в жизнь приказы и распоряжения правительства и начальствующих лиц без репрессивных мер, без опоры на воинскую часть невозможно. Причинами тому были следующие: … в моем распоряжении не было воинских частей, … милиция была ниже критики, … в уезде было много большевистских агитаторов, настраивавших массу против правительства и его распоряжений, ожидая возврата совдеповщины, … многие волостные земские управы остались в прежнем составе, то есть бывшие исполкомы только переименовали в волостные земские управы, … развращенная большевиками молодежь, в особенности бывшие солдаты, потерявшие облик человеческий, благодаря влиянию "декларации о правах солдата", на волостных и сельских сходах брали верх, вынося дикие, большевистского характера постановления, иногда сопровождая их угрозами и насилием по отношению к старикам, мыслящим более здраво, но несогласно с большевиками.

Под влиянием этого течения из уезда начали поступать постановления об отказе сдать оружие, выслать пленных и прочее. Без опоры на воинскую силу развращенная масса перестала совершенно признавать какую-бы то ни было власть – в воздухе пахло анархией. Мои приказы о призыве добровольцев в армию, сдаче оружия, призыве добровольцев в караульную команду, сдаче расхищенного казенного имущества, основанные на распоряжениях правительства и должностных лиц, оставались без исполнения. В некоторых волостях, как я узнал впоследствии, волостные земские управы их не распубликовали. Все приказы, расклеенные по городу, кем-то срывались в то же время. … 25 августа, в первый день мобилизации, из 70 призываемых городских жителей явилось только 28 человек. Посланный для сбора неявившихся милиционер доложил, что многие не идут, потому что «гуляют», то есть пьянствуют… 26 августа Колмаковская и Атрачинская волости доставили только 322 человека. Нагибинская и Крутинская волости, подлежавшие явке в тот же день, совершенно не явились. Того же числа на площади в толпе призываемых послышались крики "подать сюда воинского начальника, пусть объяснит, кто нас призывает, куда и зачем". Я приказал привести одного из тех, кто требует разъяснений. Оказался некто Семен Токарев, который заявил мне: товарищи, мы должны знать, кто нас призывает, куда и зачем; пока нам не разъяснят, волость на призыв не пойдет. Я дал "товарищу" разъяснение: отправил в тюрьму. … Это продолжалось 26, 27, 28 августа. 28 августа я выехал на площадь и объявил, что если будут раздаваться провокационные слухи и призывы, и новобранцы, слушая их, будут разбегаться, то я, действительно, по бегущим буду открывать огонь. После этого все прекратилось» (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 209–209 об.).

Этот белогвардейский офицер считал тюкалинское крестьянское восстание не вполне ликвидированным, обозначив следующие причины этого: «… из уезда изъято далеко не все оружие, … вооруженные банды бунтовщиков рассеялись по лесам, … агитаторы и главные руководители восстания не все еще арестованы и выяснены, … новобранцы из уезда собраны не все еще; не явилось 638 человек, которых требую через милицию по особым спискам. Из села Авлинского Любинской волости до сего времени не явилось 18 новобранцев, которые категорически заявили, что в Тюкалинск они не поедут, пусть их хоть на месте расстреливают» (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 210 об.).

Для окончательной ликвидации восстания он считал необходимым иметь в непосредственном распоряжении конный и пеший отряды, каждый

численностью по 50–60 чел. при одном – двух пулеметах (РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 211).

Локальный бунт крестьян-призывников, обусловленный протестом против принудительной мобилизации в белогвардейскую армию, произошел в конце августа 1918 г. и на призывном пункте г. Ишима Тобольской губернии. Ситуацию с призывом крестьянской молодежи в действующую армию здесь существенно осложняли вспышка холерных заболеваний в уезде и инфлюэнции (гриппа) летом 1918 г. Причем в казармах, которыми послужили местные школы и духовное училище, одновременно заболело 300 призывников. Часть мобилизованных, подстрекаемая агитаторами из их же среды, вышла из повиновения офицеров, браня их матерными словами, и направилась обратно, домой. Полковой командир, полковник Геде при содействии коменданта и милиции «восстановил порядок силой», расстреляв одного из зачинщиков «смуты» для устрашения и предотвращения бегства призывников. Возникновение беспорядков военные власти связывали с тем, что вспышкой эпидемии «… воспользовались смутьяны и головорезы из среды новобранцев и стали открыто призывать своих товарищей, что вы здесь-де все перемрете, берите котомки да “айда” по домам» (Ишимский край, 1918. 6 сентября).

Корреспондент газеты «Ишимский край», осуждая «нелепые» слухи, отмечал, что из 56 волостей Ишимского уезда примерно в 50-ти прошел полномасштабный призыв. Он бодро заверял местное население в успешной мобилизации в белую армию: «Мне пришлось побывать в духовном училище, где размещено до 1 018 человек. Порядок везде образцовый, пройдя снизу доверху, я нигде не заметил даже клочка брошенной бумаги или окурка. … Сразу замечается, что всякий сознает свою обязанность и свои права. Кормят очень хорошо. … Г.г. офицеры живут вместе с солдатами и пользуются одним и тем же столом. Настроение среди солдат, по словам г. командира полка, бодрое, и замечается сознательное отношение к делу. … Полковник Геде выражает уверенность, что через 3, 4 месяца мы будем иметь сильную дисциплиной и духом армию, и что с возрождением армии возродится и разоренная Россия. В добрый путь!» (Ишимский край, 1918. 6 сентября).

Однако с разгромом восстаний деятельность подпольных группировок, перебазировавшихся в глухие, отдаленные районы повстанческих отрядов не прекратилась, а находилась в фазе переформатирования, ухода от активной деятельности, и в то же время возможной подготовки к новым антиправительственным выступлениям. Анализировавший социальный и партийно-политический состав 92 подпольных групп Северо-Западной Сибири Н.К. Ведяшев, утверждал, что всего в группах участвовало 634 подпольщика. Из них рабочих было 232 чел. (36,5 %), крестьян-бедняков – 209 чел. (32,8 %), середняков – 172 чел. (27 %) и служащих – 21 чел. (3,7 %)[5].

Сельские подпольные организации различались по масштабам деятельности, численности и составу. Среди них преобладали небольшие подпольные группы, действовавшие в одной – двух деревнях, как правило, в одиночку, либо иногда, в границах волости, имевшие редкие связи с подпольными ячейками. По данным Ю.В. Журова, к концу 1918 – началу 1919 г. в Сибири насчитывалось около 7 000 сельских подпольщиков. В Тобольской губернии, например, их численность составляла 1 200–1 300 чел. (Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.), 1983. С. 49).

В ноябре 1918 г. тобольский губернский комиссар вынужден был признать: «… Большевизм пустил глубокие корни в население и, несомненно, как в городах, так и селениях уездов, имеется немало сочувствующих, способных во всякое время вести агитацию в духе, благоприятном для большевиков» (Рощевский, 1966. С. 149). Кроме того, в уездах Тобольской губернии в силу широкого сопротивления крестьянства мобилизации в белую армию уже осенью 1918 г. распространялось дезертирство (Там же. С. 156–157). Несмотря на поражение, Тюкалинское восстание положило начало

[5] Ведяшев Н.К. Партизанское движение в Северо-Западной Сибири (1918–1920 гг.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. Томск, 1971. 22 с. / Vedyashev N.K. Partizan movement in North-Western Siberia (1918–1920): author. diss. ... cand. hist sciences. Tomsk, 1971. 22 p.

антиколчаковскому партизанскому движению в Северо-Западной Сибири. Партизанские отряды появились в Тарском, Тюкалинском, Татарском, Каинском уездах.

Библиографический список

Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.): сб. докум. материалов / отв. ред. П.И. Рощевский. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1967. 428 с.

Бочарникова В.И. Партизанское движение в Омской области в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918–1919 гг.). Омск, 1960. 68 с.

В огне революции и гражданской войны: воспоминания участников. Омск: Книжное издательство, 1959. 224 с.

Голубев Т.В. Крестьянское восстание // В огне революции и гражданской войны: воспоминания участников. Омск: Книжное издательство, 1959. С. 180–183.

Дьяков М.И. В партизанском отряде // В огне революции и гражданской войны: воспоминания участников. Омск: Книжное издательство, 1959. С. 165–170.

Ишимский край, Ишим. 1918. 6 сентября.

Ишимский край, Ишим. 1918. 11 октября.

Колесников А.Д. Борьба за Советы в Омском Прииртышье (июнь 1918 – ноябрь 1919). Омск: Книжное издательство, 1989. 94 с.

Крамор Г.А. Из истории досоветской периодической печати в Ишиме // История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Ишим, 10 ноября 2015 г.). Ишим: Тюменский государственный университет, 2016. С. 50–59.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). / отв. ред. Н.Я. Гущин. Новосибирск: Наука, 1983. 390 с.

Рощевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1966. 337 с.

Туманов С.Г. В борьбе за Советы: воспоминания участника событий в Тюкалинском уезде (1917–1919).

References

Roshchevskii P.I. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Tobol'skoi (Tyumenskoi) gubernii (1917–1920 gg.)* [The power struggle of the Soviets in the Tobolsk (Tyumen) province (1917–1920)]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1967, 428 p. (In Russian).

Bocharnikova V.I. *Partizanskoe dvizhenie v Omskoi oblasti v gody grazhdanskoi voiny i inostrannoi voennoi interventsii (1918–1919 gg.)* [Partizan movement in the Omsk region during the Civil War and Foreign Military Intervention (1918–1919)]. Omsk, 1960, 68 p. (In Russian).

V ogne revolyutsii i grazhdanskoi voiny: vospominaniya uchastnikov [In the fire of Revolution and Civil War: memories of the participants]. Omsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1959, 224 p. (In Russian).

Golubev T.V. *Krest'yanskoe vosstanie* [Peasant uprising]. *V ogne revolyutsii i grazhdanskoi voiny: vospominaniya uchastnikov* [In the fire of Revolution and Civil War: memories of the participants]. Omsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1959, pp. 180–183. (In Russian).

D'yakov M.I. *V partizanskom otryade* [In a partisan detachment]. *V ogne revolyutsii i grazhdanskoi voiny: vospominaniya uchastnikov* [In the fire of Revolution and Civil War: memories of the participants]. Omsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1959, pp. 165–170. (In Russian).

Ishimskii krai [Ishim region], Ishim, 1918, September 6. (In Russian).

Ishimskii krai [Ishim region], Ishim, 1918, October 11. (In Russian).

Kolesnikov A.D. *Bor'ba za Sovety v Omskom Priirtysh'e (iyun' 1918 – noyabr' 1919)* [Fight for the Soviets in Omsk Priirtysh'e (June 1918 – November 1919)]. Omsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989, 94 p. (In Russian).

Kramor G.A. *Iz istorii dosovetskoi periodicheskoi pechati v Ishime* [From the history of the pre-Soviet periodical press in Ishim]. *Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Istoriya i kraevedenie Zapadnoi Sibiri: problemy i perspektivy izucheniya"* [History and Local History of Western Siberia: Problems and Perspectives of Study: Proceedings of the VI All-Russian. Scientific-Practical Conf. with Intern. Participation]. (Ishim, November 10, 2015). Ishim: Tyumen State University Publ., 2016, pp. 50–59. (In Russian).

Gushchin N.Ya. *Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.)* [Siberian peasantry in the period of Socialist Construction (1917–1937)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983, 390 p. (In Russian).

Roshchevskii P.I. *Grazhdanskaya voina v Zaural'e* [Civil War in the Trans-Urals]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1966, 337 p. (In Russian).

Tumanov S.G. *V bor'be za Sovety: vospominaniya uchastnika sobytii v Tyukalinskom uezde (1917–1919)* [In

Омск: Омское областное государственное издательство, 1950. 56 с.

Штырбул А.А. Самое первое в белой Сибири (о крестьянском восстании в Тюкалинском уезде) // Красный путь (Омск). 2018. № 31. С. 18–19.

the fight for the Soviets: memories of a participant in the events in Tyukalinsk District (1917–1919)]. Omsk: Omskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1950, 56 p. (In Russian).

Shtyrbul A.A. The first in White Siberia (about a peasant uprising in Tyukalinsky District). *Krasnyi put' (Omsk)* [Red Way (Omsk)], 2018, no. 31, pp. 18–19. (In Russian).

Критерии авторства

Курышев И.В. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Attribution criteria

Kuryshev I.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Курышев Игорь Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин,
e-mail: istorik_ishim72@mail.ru

Information about the author

Igor V. Kuryshev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of history, social and economic and public disciplines,
e-mail: istorik_ishim72@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 98
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-196-209

ЛОДЕВЕЙК ГРОНДЕЙС: ГОЛЛАНДЕЦ НА РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

© Р.Г. Гагкуев

Институт российской истории Российской академии наук, Центр военной истории России
117292, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Аннотация: В статье рассказывается о голландском военном корреспонденте, профессоре Утрехтского университета Лодевейке Грондейсе, чья жизнь была тесно связана с Россией в периоды Великой российской революции 1917 г. и Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). В качестве военного корреспондента Грондейс впервые появился в России в середине 1915 г. и находился на фронте (с небольшим перерывом) почти до конца 1917 г. Хорошо знавший лидеров русской контрреволюции (генералов Л.Г. Корнилова, М.В. Алексеева и др.) Грондейс в конце 1917 – начале 1918 г. вступил в Добровольческую армию, с которой участвовал в Первом Кубанском походе («Ледяном» походе). Попав в феврале 1918 г. в плен к частям Красной армии, Грондейс был освобожден и уехал во Францию, откуда в конце 1918 г. вновь приехал в Россию, на Восточный фронт Гражданской войны. В Сибирь приехал в качестве члена французской военной миссии, благодаря чему осуществлял поездки на фронт, общался с верховным правителем А.В. Колчаком, атаманом Г.М. Семеновым и др. В России находился до поражения белого Восточного фронта и в начале 1920 г. уехал во Францию. В работе проводится анализ документального наследия профессора Л. Грондейса, которое в существенной степени было связано с его жизнью в России. Впервые публикуются отрывки из его воспоминаний на русском языке, исследуется отечественная и зарубежная историография деятельности Л. Грондейса.

Ключевые слова: *Лодейвик Грондейс, иностранные военные корреспонденты в России, Гражданская война в России, добровольческая армия, первый кубанский поход, генерал Л.Г. Корнилов, генерал А.А. Брусилов, Восточный фронт Белого движения, адмирал А.В. Колчак, генерал М. Жанен, атаман Г.М. Семенов*

Информация о статье: Дата поступления 3 июня 2018 г.; дата принятия к печати 2 июля 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Гагкуев Р.Г. Лодевейк Грондейс: голландец на русской Гражданской войне. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):196–209. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-196-209.

LUDOVIC GRONDIJS: DUTCHMAN IN THE RUSSIAN CIVIL WAR

© Ruslan G. Gagkuev

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Center for Military History of Russia
19 Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117292, Russian Federation

Abstract: The article tells about the Dutch military correspondent, Professor of Utrecht University Ludovic Grondijs, whose life was closely connected with Russia during the Great Russian Revolution of 1917 and the Civil War in Russia (1917–1922). As a military correspondent, Grondijs first appeared in Russia in the middle of 1915 and was at the front, with a short break, almost until the end of 1917. He knew well the leaders of the Russian counter-revolution (Generals L.G. Kornilov, M.V. Alekseyev and others), and in late 1917 — early 1918 he joined the Volunteer Army and participated therewith in the First Kuban Campaign (Ice March). In February 1918 he was captured by the Red Army but was released and left for France, wherefrom he came to Russia again at the end of 1918 and found himself on the Eastern Front of the Civil War. Grondijs came to Siberia as a member of the French military mission and thereby he went to the front and communicated with the Supreme Leader A.V. Kolchak, Ataman G.M. Semyonov and others. He stayed in Russia before the defeat of the Eastern Front of the White movement and thereafter left for France in early 1920. The article analyzes the documentary heritage of Professor L. Grondijs, which was re-

lated to his life in Russia to a significant extent. For the first time some excerpts from his memoirs in Russian are published and the analysis of national and foreign historiography about the author and his publications is carried out.

Keywords: *Ludovic Grondijs, foreign military correspondents in Russia, the Civil War in Russia, the Volunteer Army, the First Kuban Campaign, General L.G. Kornilov, General A.A. Brusilov, the Eastern Front of the White movement, Admiral A.V. Kolchak, General M. Janin, Ataman G.M. Semyonov*

Article info: Received June 3, 2018; accepted for publication July 2, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Gagkuev R.G. Ludovic Grondijs: Dutchman in the Russian Civil War. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):196–209. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-196-209.

Имя голландца Лодевейка Грондейса (Lodewijk Hermen Grondijs)[1] почти неизвестно не только широкому кругу читателей в России, но в большинстве своем незнакомо профессиональным историкам. Упоминания о нем и ссылки на его труды в отечественной историографии единичны, их общий список не доходит даже до десятка. Между тем фигура Лодевейка Грондейса не только малоизвестная, но и во многом загадочная. В год столетия со дня начала Гражданской войны в России (1917–1922 гг.) личность Грондейса заслуживает как минимум обстоятельного разговора.

В октябре 2018 г. издательство «Политическая энциклопедия» выпустило воспоминания Л. Грондейса под научной редакцией доктора исторических наук Р.Г. Гагкуева (Грондейс, 2018) (рис. 1).

Будущий военный корреспондент, ученый и общественный деятель Лодевейк Грондейс родился 25 сентября 1878 г. в г. Памекасан голландской Ост-Индии (ныне Индонезия), в семье директора школы Хермена Грондейса. По матери Йоханны Элизабет Ле Брюйн Лодевейк на половину был индонезийцем. По словам биографа М. Янсена, индонезийские корни отразились в «его несколько экзотических чертах лица», что стало причиной подростковых комплексов Лодевейка (Jansen, 1994).

Большую часть своей юности Грондейс провел Ост-Индии, в 1896 г. окончив гимназию в г. Сурабая. Дальнейшее обучение Лодевейк продолжил уже в Голландии, изучая математику и физику в Утрехтском университете (с которым впоследствии была связана его научная работа). В июле 1905 г. он окончил Утрехтский университет и продолжил учиться по специальностям физика и математика в Лейденском университете в Южной

Рис. 1. Обложка книги
Fig. 1. Book cover

[1] Имя и фамилия Лодевейка Грондейса в русских переводах воспроизводится по-разному. Имя, как правило, всегда приводилось как Людовик (реже Луи), вариантов же написания фамилии было несколько: Грандис, Грандиж, Гронда́йс, Грондес, Гронди, Грондисс. В статье используется вариант написания имени и фамилии, предложенный переводчиком В.И. Габышевым, который имеет большой опыт перевода с голландского языка на русский.

Голландии, где на него большое впечатления произвели лекции голландского философа и лингвиста Д. Болланда. В 1907 г. вместе с доктором Б. де Хааном он основал «Журнал философии», в числе редакторов которого оставался до 1932 г. В июле 1908 г. он женился на Антони Терезе Мари Текла ван Эмбден (в браке у них родился один сын). Подобная спокойная академическая молодость едва ли как-то предопределяла его будущее: успешно шедший к научной карьере Лодевейк Грондейс проведет на фронтах Первой мировой и Гражданской войн не один год и впоследствии еще не раз окажется в центре политических и военных событий.

По окончании учебы в Лейденском университете Грондейс несколько лет работал преподавателем физики в школах в Тилбурге и Дордрехте. Когда началась Первая мировая война, нейтралитет Голландии в ней не помещал Лодевейку уже в августе 1914 г. отправиться в качестве военного корреспондента газеты «Nieuwe Rotterdamsche Courant» на фронт в Бельгию, вскоре занятую германскими войсками, а затем во Францию (с последней, его жизнь оказалась связанной на протяжении многих лет). В своих публикациях он сообщал о зверствах германской армии против гражданского населения в Лёвене (Лувене), а также осаде Антверпена. За спасение пятидесяти бельгийских священнослужителей от казни германцами он был награжден бельгийским офицерским Орденом Короны. Уже первые недели нахождения Грондейса на линии фронта показали, что наблюдения за боевыми действиями из штабов ему не интересны. Находясь в действующей армии, он не столько общался с командованием, сколько предпочитал находиться в гуще военных событий. Грондейс писал свои корреспонденции с фронта, в полной мере разделяя с офицерами и солдатами вся тяжести войны на передовой.

Летом 1915 г. Лодевейк Грондейс впервые приехал в Россию как военный корреспондент британской газеты «The Daily Telegraph». Одной из главных причин его отъезда стала, по его признанию, невозможность добиться участия «… в боевых операциях первой линии» и надежда на то, что на русском фронте ему «повезет больше» (Grondijs, 1922. P. 3). Благодаря разрешению верховного главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича (незадолго до его отставки), Грондейс получил возможность находиться в действующей армии. Его статьи о войне на Восточном фронте стали публиковаться также в авторитетном французском еженедельном журнале «Illustration»[2].

Едва ли в это время он мог предположить, что в итоге проведет в России в общей сложности около четырех лет своей жизни. Находясь на русском фронте Первой мировой войны, Грондейс как и на Западном фронте был вхож в высшие штабы, а также постоянно бывал на передовой. Регулярно посещал Ставку верховного главнокомандования для согласования своих перемещений, неоднократно подолгу находился в штабах армий Юго-Западного и Румынского фронтов. Общение со многими видными русскими военачальниками позволило ему составить портреты некоторых генералов, прежде всего А.А. Брусилова и Л.Г. Корнилова. Несмотря на всю разность этих исторических фигур, Грондейс с большим уважением относился к ним обоим, оставив интересные зарисовки о них.

Находясь в русской действующей армии, он стал очевидцем и участником Брусиловского прорыва в мае – сентябре 1916 г., наиболее известного наступления русских войск, повлиявшего на весь ход Первой мировой войны (рис. 2). В июле 1916 г. он ненадолго вернулся во Францию и вновь оказался в России в канун революционных событий, в январе 1917 г. В феврале он стал очевидцем начала Великой российской революции и падения династии Романовых. Впоследствии он нелестно характеризовал слабую власть «адвокатской конторы» (так он нередко называл Временное правительство), которая не смогла противостоять «революцио-

[2] Редакционная политика журнала традиционно носила консервативную и патриотическую направленность. Со времени заключения Франко-русского союза в конце XIX в. издание в существенной степени было русофильским. Указанные обстоятельства, вероятно, сыграли свою роль в выборе придерживавшегося консервативных ценностей Грондейсом места публикации корреспонденций.

Рис. 2. Два казака, судья Белозерский, Гронделс, три галицийских крестьянки, 1915–1916 гг.
Fig. 2. Two Cossacks, Judge Belozersky, Grondijs, three Galician peasant women, 1915–1916

нерам» из Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (Grondijs, 1922. P. 68).

Ни разу не высказавшись в своих воспоминаниях вполне однозначно, Гронделс, очевидно, все-таки больше симпатизировал императорской России, на смену порядка которой пришел «беспорядок» революции. Будучи к тому времени уже во многом человеком военным, он более всего был удручен начавшейся с приказа № 1 Петроградского совета «демократизации» армии. Не сильно разбираясь в политической обстановке и существовавших в России партиях, он, тем не менее, в своих воспоминаниях ставил в вину демократизацию не только «социалистам», но и собственно военным, например, Верховному главкому русской армии генералу от инфантерии М.В. Алексееву, подписавшему «декрет о солдатских комитетах» (Grondijs, 1922. P. 224).

Пребывание Гронделса в Петрограде было, по всей видимости, сравнительно недолгим. Уже весной он снова оказался в действующей армии, став свидетелем стремительного развала и разложения русской армии. На фронте Гронделсу довелось встретиться с военным и морским министром Временного правительства А.Ф. Керенским, совершавшим поездки в действующую армию накануне предстоящего наступления. Летом Гронделс принял участие в Июньском наступлении (Наступлении Керенского) русской армии на Юго-Западном фронте. В начале июля 1917 г. он был представлен главкомом армий Юго-Западного фронта генералом-лейтенантом А.Е. Гутором к Ордену Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (рис. 3) (Grondijs, 1922. P. 104). В связи с его награждением встает вопрос о чине, который имел Гронделс к 1917 г. Точных сведений о производстве его в офицеры нет. Бывший посол Франции в России М. Палеолог в своем предисловии к книге Гронделса «Война в России и Сибири» пишет о том, что чин капитана французской армии он получил в 1918 г. (Grondijs, 1922). Однако награждение Лодевейка офицерскими наградами позволяет предположить, что уже к 1917 г. он был произведен в офицеры (вполне возможно еще во Франции). Со-

Рис. 3. В Кавказской туземной дивизии: слева направо князь Д.П. Багратион, Л. Грондейс, полковник В.Н. Гатовский, лето 1917 г.
Fig. 3. In the Caucasian Native Division: From left to right, Prince D.P. Bagration, L. Grondijs, V.N. Gatovsky, summer 1917

хранившиеся фотографии Грондейса говорят о его награждении некоторыми русскими, французскими и другими боевыми наградами (помимо Ордена Святого Владимира, он был также награжден знаком отличия Ордена Святого Георгия 4-й степени, Орденом Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени). По некоторым данным Грондейс был представлен к знаку отличия Ордена Святого Георгия летом 1917 г., после того, как в августе после гибели в одном из боев командира 3-го батальона 46-го Сибирского стрелкового полка взял на себя командование. За успешные действия во главе батальона Лодевейк был представлен к награде (документальное подтверждение этого награждения, как и другими российскими наградами, пока не обнаружено). К 1920 г. он был также награжден офицерским крестом Ордена Короны Румынии, японским Орденом Восходящего Солнца 5-й степени и французским Орденом Почетного легиона.

Подобное поведение на фронте сделало Грондейса своим для русских офицеров, со многими из которых он был дружен и в общество которых был вхож. Для того чтобы быть ближе к офицерскому кругу, Лодевейк специально научился фехтовать. Показательно, что в дни Корниловского выступления в августе – сентябре 1917 г. Грондейс сделал все возможное, чтобы облегчить судьбу находившихся под арестом главкома армиями Юго-Западного генерал-лейтенанта А.И. Деникина и чинов его штаба, поддержавших выступление Л.Г. Корнилова. Действия Грондейса привели к тому, что уже в скором времени в «Киевской мысли» и других газетах появились статьи, с требованием от правительства «… суровых мер против» него (Grondijs, 1922. P. 149). Очевидно, что для иностранного корреспондента события в России стали не только работой, во многих из них он уже не отделял себя от консервативной части русского общества, которой симпатизировал и чьи взгляды разделял.

Осенью – зимой 1917 г. Грондейс ненадолго оказался на Румынском фронте (куда он вынужден был уехать с Юго-Западного, по причине своей «контрреволюционности»), планируя вернуться в декабре во Францию. Приехав в январе 1918 г. в Киев и встретившись там со знакомыми русскими офицерами, Грондейс решил отправиться на Дон, где в это время шло формирование Добровольческой армии: «… Все лучшие люди России – генералы, офицеры, дворяне, патриоты всех сословий – бросив разложившуюся армию, горящие деревни, охваченные анархией города, двинулись окольными тропами на Дон», – писал он (Grondijs, 1922. P. 152). По дороге на Дон в середине января 1918 г. он был арестован в Александровске одним из красных отрядов.

Только в конце января 1918 г. Лодевейк присоединился на Дону к офицерам и добровольцам, выступившим против советской власти (рис. 4). С основателями «Армии патриотов» (так он называл Добровольческую армию) – генералами М.В. Алексеевым, Л.Г. Корниловым, А.И. Деникиным к тому времени он успел хорошо познакомиться за годы своего пребывания на фронте. Доверительная беседа в феврале 1918 г. с Корниловым показывает, что Грондейс пользовался в среде высшего офицерства Добрармии определенным доверием.

Рис. 4. Л. Грондейс (сидит второй слева) среди чинов Корниловского ударного полка Добровольческой армии, январь – февраль 1918 г.
Fig. 4. L. Grondijs (sitting second from left) among the ranks of the Kornilov shock regiment of the Volunteer Army, January – February 1918

Оказавшись на Дону, Грондейс поступил добровольцем в офицерскую роту Корниловского ударного полка, которому он симпатизировал еще с начала формирования полка при 8-й армии Корнилова весной – летом 1917 г. В составе полка Грондейс выступил в знаменитом Первом Кубанском «Ледяном» походе Добровольческой армии, но, не веря в его успех, в самом начале (конец февраля) принял решение оставить Добровольческую армию: «… Я верил в немыслимый героизм его соратников, но не верил в поддержку хаотичной массы русского народа, лишенного идей, но увлеченного анархией, которую пока еще считал для себя выгодной», – писал он позднее (Grondijs, 1922. P. 230). Грондейс рассчитывал отправиться в Киев, где находился глава корпуса иностранных атташе полковник Ж. Табуи, и где проживали в то время многие русские офицеры, к которым он имел поручение от Корнилова. Несмотря на такое раннее оставление Добровольческой армии Грондейс был обладателем знака отличия Первого Кубанского похода № 4438[3].

Заручившись составленной штабом Добровольческой армии фальшивой бумагой о том, что он «иностранный корреспондент» был взят в плен и отпущен на свободу «с приказом покинуть местность, контролируемую Добровольческой армией», Грондейс попытался выехать с Дона, но сразу попал в плен. Будучи спасен комиссаром одного из отрядов Красной армии он несколько месяцев пробыл на Юге России, наблюдая за тем, как Добрармия ведет свой Первый Кубанский поход, за организацией первых частей Рабоче-крестьянской Красной армии и знакомясь с типами красных командиров и комиссаров, о чем подробно впоследствии рассказал в своих мемуарах.

[3] Лодевейк Грондейс был награжден знаком отличия Первого Кубанского похода № 4438. По информации А.И. Рудиченко, знаком за этим номером был награжден Г. Грандис (очевидно, в данном случае мы видим еще один вариант написания его фамилии на русском языке). Информацию о награждении Грондейса этой наградой предоставил В. Яковлев.

В начале апреля 1918 г. он оказался в Москве, где в ожидании отъезда домой встретился с лечившимся от ранения А.А. Брусиловым (запись беседы с ним Грондейс включил в воспоминания), а также с военными специалистами Красной армии – бывшими генерал-майорами М.Д. Бонч-Бруевичем и Н.А. Сулейманом. В мае, оказавшись в Петрограде, он безуспешно попытался вернуться во Францию через Швецию. В итоге ему пришлось уехать из России через Мурманск. В начале июля 1918 г. через Берген и Ньюкасл Грондайс приехал в Париж.

В скором времени Л. Грондейс (рис. 5) отправился в свою третью поездку в Россию. В сентябре 1918 г. (спустя всего два месяца после возвращения) он был прикомандирован министерствами иностранных и военных дел в качестве официального военного корреспондента при военной миссии генерала М. Жанена и верховного комиссара графа Д. де Мартеля. Путь на российский Дальний Восток для Грондейса лежал через Атлантический океан. Осенью 1918 г. он прибыл в Вашингтон, где встречался не только с французскими и американскими дипломатами и военными, но и с бывшим президентом США Т. Рузвельтом, который высказывался за поддержку белых в начавшейся в России Гражданской войне. Из Америки Грондейс отправился в Японию и в Токио был принят военным министром генералом Г. Танакой и другими японскими военными. Очевидно, что эти встречи и разговоры с высокопоставленными американскими и японскими политическими и военными деятелями в существенной степени предопределили оценку Грондейсом усилий союзников в ходе интервенции стран Антанты в России во время Гражданской войны.

Рис. 5. Л. Грондейс, 1918 г.
Fig. 5. Ludovic Grondijs, 1918

Прибыв в начале января 1918 г. через Владивосток в китайский Харбин, Грондейс познакомился с главными действующими лицами русской контрреволюции на Дальнем Востоке. Он в целом высоко оценил уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата. Еще большее впечатление на него произвел атаман Г.М. Семенов и его Особый Маньчжурский отряд. Впоследствии Грондейс посвятил этой неоднозначной в его понимании личности отдельную главу своих воспоминаний.

Дальнейшие действия Грондейса в качестве военного корреспондента вполне укладываются в ставшую для него уже привычной тягу на фронт: «… Я не задерживался в штабах, зачастую плохо информированных, не ведающих о боеспособности собственных подразделений, плавающих в мистическом тумане. Оценить обстановку я мог только среди солдат», – писал он (Grondijs, 1922. P. 291). Пробыв недолгое время сначала в Чите, затем в Иркутске и, наконец, столице белой Сибири Омске, он отправился на фронт, прибыл в штаб Западной армии генерал-лейтенанта М.В. Ханжина в середине марта 1919 г.

Пользуясь своим положением военного корреспондента, Грондейс беспрепятственно совершал поездки на фронт, был лично знаком с верховным правителем России адмиралом А.В. Колчаком (дважды встречался с ним), атаманом Г.М. Семеновым и другими белыми военачальниками. Оказавшись в Российской армии адмирала А.В. Колчака в ходе Весеннего наступления 1919 г., Грондейс стал очевидцем как успехов белых войск, так и последовавшего отступления всего белого фронта. Побывав и на передовой, и в тылу, Грон-

дейс описал оставление Уфы и Екатеринбурга, подробно рассказал о повстанческом движение в Сибири и на Дальнем Востоке, отдельно затронул тему разоблачения большевистского подполья в Новониколаевске.

В конце сентября 1919 г. Грондейс уехал с фронта и оказался в Забайкалье при войсках японского экспедиционного корпуса, которые вели войну против красных партизан. Симпатизируя японцам, он исключительно положительно описывал их действия в Забайкалье и Приморье, считая отказ от их более широкой помощи безусловной ошибкой верховного правителя России Колчака. Контрастом с действиями интервентов-японцев выглядят в описании Грондейса бесчинства белых атаманов. Не случайно он отдельно подробно рассказал о действия атамана Б.В. Анненкова и целую главу воспоминаний уделил атаману Г.М. Семенову. С последним Грондейс лично был знаком и, безусловно, симпатизировал ему. В то же время, несмотря на симпатию, он довольно скромно оценивал его качества как личности: «… удаль, которая приковывала к нему все взгляды, возможно, была его единственным достоинством, – писал Грондейс. – Бесстрашного командира эскадрона, ставшего походным атаманом казаков Забайкальского, Амурского и Уссурийского краев, я бы сравнил с пешкой, которую интеллектуальными усилиями провели по всему шахматному полю и наделили непростым достоинством королевы» (Grondijs, 1922. P. 483). Голландец считал действия Семенова недопустимыми, а его самого характеризовал как «патриота, храброго, но ограниченного офицера»: «… Семенов не был государственным мужем, – писал Грондейс. – Он не стремился успокоить население, не стремился к миру. Вокруг Семенова собрались русские офицеры, родившиеся в тысячах верст от Забайкалья, чужие этим краям, их населению, готовые, если дело обернется плохо, отправиться заграницу и проживать там капиталы, скопленные в китайских банках» (Grondijs, 1922. P. 488–489).

О своем участии в событиях Сибирского «Ледяного» похода Грондейс не оставил в воспоминаниях никакого подробного рассказа, сосредоточившись на выяснении роли и степени вины чинов Чехословацкого корпуса за трагедию, постигшую адмирала Колчака и отступавшую Российскую армию[4]. Исходя из подробностей повествования, можно сделать предположение, что после Приморья Грондейс, пробыв некоторое время на Востоке, эвакуировался из Восточной Сибири вместе с частями чехословаков.

В декабре 1919 г. Грондайс добрался до Владивостока и вскоре после наступления 1920 г., покинув Сибирь, увез с собой во Францию собранные за время пребывания здесь документы и материалы. Из России Грондейс вернулся в Европу не один. С 1918 г. по начало 1920 г. его в поездках по фронтам Гражданской войны в России сопровождала Валентина Гончаренко-Петренко (рис. 6). В декабре 1920 г. уже в Европе он второй раз женился. Его русская жена, пианистка по образованию, была почти на 20 лет моложе него (в браке у них родилась дочь).

По возвращении из России Грондайс осел во Франции. Поселившись в Париже, он занялся изучением византийского искусства в Сорбонне. Он открыто говорил о своих антибольшевистских взглядах в публичных лекциях и периодике. За свою поддержку адмирала А.В. Колчака, генералов Л.Г. Корнилова и А.И. Деникина Грондейс неоднократно подвергался нападкам в прессе. В 1922 г. он издал на французском языке свои воспоминания. В книге подводились итоги его пребывания в России – «Война в России и Сибири» (Grondijs, 1922). Выход книги, безусловно, был заметным событием. Предисловие к ней написал посол Франции в России в 1914–1917 гг. М. Палеолог и профессор русского языка и литературы в Сорбонне Э. Оман, а на авантитуле книги был помещен карандашный портрет Грондейса, выполненный И.Е. Репиным.

После нескольких лет жизни во Франции в конце 1928 г. вместе со своей русской супругой Валентиной, Грондейс возвратился в Голландию. В

[4] Грондейс стал немногим из тех, кто принял участие в двух «ледяных» походах – Первом Кубанском и Сибирском. Второй известный на сегодня участник этих двух событий – генерал-майор Д.Н. Сальников, во время Первого Кубанского похода – начальник оперативного отдела штаба Добровольческой армии; во время Сибирского похода – начальник штаба Северной колонны генерал-майора Н.Т. Сукина.

Рис. 6. Л. Гронделйс со своей будущей женой В. Гончаренко-Петренко и японскими офицерами в вагоне поезда в Сибири, 1919 г.
Fig. 6. L. Grondijs with his future wife V. Goncharenko-Petrenko and Japanese officers in a train vagon in Siberia, 1919

1931 г. он был назначен преподавателем истории византийско-русской культуры, в 1935 г. – экстраординарным профессором истории византийского искусства, а в 1939 г. – экстраординарным профессором иконографии и религиозного искусства Утрехтского университета. Одновременно с научной работой в университете в 1930-е гг. Гронделйс предпринял ряд учебных поездок по странам Восточной и Юго-Восточной Европы.

Однако жизнь Гронделйса не ограничивалась одной лишь научной работой. Его очевидная склонность к приключениям вылилась в ряд командировок в колонии и зоны военных конфликтов. В 1929–1936 гг. Лодевейк был постоянным сотрудником еженедельника «Национальное единство», ставившего своей задачей укрепление связей между Голландией и ее колониями. В 1932–1933 гг. Гронделйс находился в поездке на Дальний Восток, во время которой был свидетелем японской экспансии в Маньчжурии. В 1936–1937 гг. Лодевейк неоднократно бывал в Испании, где в эти годы шла гражданская война. Гронделйс, будучи очевидцем и участником Гражданской войны в России, был убежден в том, что испанская революция – прямое продолжение революции российской. В ходе войны в Испании он принял сторону генерала Ф. Франко.

В начале 1940-х гг. Гронделйс на непродолжительное время поселился в Париже, где в 1941 г. защитил докторскую диссертацию «Византийская иконография распятия Христа». К началу Второй мировой войны он возвратился в Голландию и продолжил преподавательскую деятельность. После нападения в июне 1941 г. нацистской Германии на Советский Союз немцы, учитывая его знание России, оказывали давление на Гронделйса, с тем, чтобы он выступил с публичными лекциями и в прессе против СССР. Однако в статье «Русский сол-

дат», опубликованной в июле 1941 г. в амстердамской газете «De Telegraaf», он напротив высоко оценил как качества русских солдат, так и усилия России в годы Первой мировой войны против Германии (Grondijs, 1941. P. 3). Распространение статьи было запрещено, хотя сам автор и не был арестован.

После освобождения Голландии от оккупации Грондейс попал под подозрение в сотрудничестве с нацистами. Основанием послужило получение им в 1944 г. должности полного профессора иконографии и религиозного искусства университета в Утрехте. Это произошло в то время, когда учебная жизнь в университете почти остановилась. Кроме того, он не избегал контактов с членами голландского Национал-социалистического движения и с оккупационными властями. Предъявленные ему обвинения в итоге были с него сняты, и он продолжил работу в университете в должности профессора. После смерти своей второй жены Грондейс в июле 1948 г. женился на Эллен Гудрун Брукс. В 1949 г. в возрасте 70 лет он ушел из Утрехтского университета, но продолжил активную публикаторскую деятельность.

Грондейс прожил долгую и богатую на события жизнь, значимая часть которой была связана с Россией. Он скончался 17 марта 1961 г. в Гааге от сердечного приступа в возрасте 82 лет в комнате для фехтования, занимаясь своим любимым видом спорта. Его документальное наследие, большая часть которого касается русской истории и славянской культуры, до сих пор практически не известно в России.

По словам биографа М. Янсена, Грондейс в своих взглядах придерживался крайне правых воззрений, но при этом «был слишком элитарен для массовых движений, таких как национал-социализм и нацизм». Предложение вступить в Национал-социалистическое движение, сделанное ему главой голландских нацистов А.А. Мюссертом, осталось без ответа. По замечанию Янсена, Грондейс был приверженцем традиций и власти, порядка и дисциплины. На протяжении своей жизни он выступал против революции и социализма не только как журналист и писатель, но и принимал непосредственное участие в военных столкновениях. При этом он «имел мало общего с парламентской демократией» и не любил мелкую и крупную буржуазию (Jansen, 1994). В ряде своих публикаций Грондейс допускал негативные высказывания о революционерах-евреях или же евреях-коммерсантах, но при этом он был чужд антисемитизма. Наиболее комфортно он чувствовал себя среди военных – как солдатом, так и офицером, – что отчетливо прослеживается в его воспоминаниях.

Грондейс автор большого числа публикаций, начиная от газетных и журнальных статей периода Первой мировой войны (1914–1918), продолжая историческими публикациями о Гражданской войне в России и статьями на военно-политические темы (1920–1940) и заканчивая многочисленными работами о восточно-европейском искусстве и философии, последние из которых увидели свет уже в начале 1960-х гг.

Среди работ, посвященных истории Гражданской войны в России, помимо книги «Война в России и в Сибири» и переиздания некоторых ее глав (Episoden uit den Russischen revolutie-oorlog, 1925) необходимо также выделить работу «Случай Колчака: вклад в историю русской революции» (Le Cas-Koltchak, contribution à l'histoire de la Révolution russe), в которой Грондейс, спустя годы, предпринял попытку осмысления произошедших событий на Восточном фронте Гражданской войны в России.

«Война в России и Сибири» – наиболее значимая историческая работа Грондейса. Как исторический источник эти воспоминания крайне неровны в своем повествовании и достоверности описываемых событий. Очевидно, что работая над изданием, автор в значительной степени использовал свои дневниковые записи, в структуре издания достаточно четко выделяются главы, построенные на них (как правило, они снабжены подзаголовками с датами и местами событий, а сам характер текста свидетельствует о его «дневниковой» основе). Эта часть книги, составляющая наибольший объем, самая интересная и ценная, так как содержит впечатления самого автора от происходящих событий, а местами – почти стенографические записи бесед с разными людьми.

Так, Грондейс приводит запись своей беседы с Л.Г. Корниловым в конце февраля 1918 г. – одно из немногих документальных свидетельств настроений командующего Добрармии в начале Первого Кубанского похода: «… Наша тактика состоит не в том, чтобы сражаться любой ценой, а в том, чтобы сохранить как можно больше наших, внушая страх противнику, отвоевать Кубань, укрепиться там, а потом, если обстоятельства будут благоприятными, сделать новый рывок», – записал Грондейс (Grondijs, 1922. P. 226). Не менее ценна запись беседы с А.А. Брусиловым весной 1918 г. в Москве, из которой можно узнать, что генерал не исключал для себя в 1918 г. присоединение к Добровольческой армии: «… Моя нога помешала мне присоединиться к моему бывшему начальнику Алексееву на Дону. Но после того, как провалилась попытка организовать донских казаков, я бы не стал бесполезно жертвовать молодыми жизнями, я бы распустил армию добровольцев, когда это было еще можно» (Grondijs, 1922. P. 263).

Главы, написанные Грондейсом уже полностью во Франции, рассказывают о событиях, очевидцем которых сам Грондейс не был и, помимо его собственных выводов, очевидно, содержат в себе записи событий с чужих слов, как правило, их непосредственных участников (это в частности касается всех вводных разделов и «эпилогов» к главам, выделенных в тексте курсивом). Так, весь 1918 г. в Сибири описывается Грондейсом со слов людей, с которыми он общался после своего прибытия на Восточный фронт Гражданской войны в 1919 г., когда многие эпизоды трактовались уже с учетом более поздних событий. Это, прежде всего, касается обстоятельств прихода к власти адмирала Колчака в ноябре 1918 г. и оценок его внутренней и внешней политики, взаимоотношений с атаманом Семеновым и союзниками и др. Говоря о Колчаке, Грондейс не может избавиться о двойственности в оценке его деятельности (как и атамана Семенова). В «… адмирале чувствовалась печаль человека, чьи усилия не приносят результата», – оценивал он Колчака. Грондейс полагал, что «у адмирала не было прочно установившегося авторитета», а сам он в 1918 г. «незнакомый с механизмом армии и не имевший политических убеждений, неизбежно попадал в руки серых кардиналов, и вся его политика носила характер скачков». Однако, говоря о слабостях его политики и ошибках, Грондейс, встречавшийся с ним лично, неизменно подчеркивал свою личную к нему симпатию. Высказываясь о событиях Сибирского «Ледяного» похода, он писал, что «… поведение Колчака в эти трагические дни было столь же достойным, как вся его жизнь» (Grondijs, 1922. P. 515, 538).

Оценивая действия союзнической интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке, Грондейс, много времени проведший с японцами и чехословаками, полагал, что одной из главных ошибок Колчака были неправильно выстроенные взаимоотношения с ними. Если в отношении японцев он считал ошибкой отказ от более широкого сотрудничества с ними, то в отношении чехословаков – недооценку Чехословацкого корпуса Колчаком и ошибочно выстроенную применительно к ним политику. Идеализируя и преувеличивая значение чехословаков на Восточном фронте в 1919 г. Грондейс полагал, что постигшая Российскую армию и Колчака трагедия, была следствием ошибок верховного правителя и необходимости защиты чинами Чехословацкого корпуса своих жизней. Поэтому в 1919 – начале 1920 г. «… чехи перестали быть союзниками в борьбе против советов и эсеров, и даже почти что перестали быть дружественной армией. Тысячи конфликтов и взаимных недопониманий возникали как среди начальников, так и между простыми солдатами» (Grondijs, 1922. P. 482). По мнению Грондейса, «… через головы русских и чехов, которые вполне могли между собой сотрудничать, адмирал со своей стороны, политики со своей, подлили масла в существующий конфликт и сделали все, чтобы сотрудничество стало невозможным» (Grondijs, 1922. P. 527).

Отдельного внимания заслуживают фотографии, опубликованные в книге. Будучи военным корреспондентом и располагая фотоаппаратом, Грондейс сумел запечатлеть на пленку многие события Первой мировой и Гражданской войн (рис. 7), большая часть из которых знакома только специалистам. На многих из них запечатлен и сам автор.

Рис. 7. Вошедшие первыми в Стерлитамак прапорщик Борисов, Л. Гронделс, прапорщик Лебедев, два унтер-офицера, в центре – казначей 45-го Сибирского стрелкового полка, апрель 1919 г.
Fig. 7. Ensign Borisov, L. Grondeis, ensign Lebedev, two non-commissioned officers who entered first in Sterlitamak, two non-commissioned officers in the center — treasurer of the 45th Siberian Rifle Regiment, April 1919

В отечественной историографии публикации Гронделса о Гражданской войне использовались рядом историков, цитировавших его работы и публиковавших отрывки из них в периодике. Впервые документы Гронделса опубликовал в 1997 г. в одном из сборников документов новосибирский историк В.И. Шишкин. Говоря о документальных и исследовательских публикациях, вышедших в 1930-е гг., в которых освещается арест верховного правителя А.В. Колчака, он справедливо обратил внимание на остававшиеся вне поля зрения исследователей документы, опубликованные в сборнике «Случай Колчака: вклад в историю русской революции», подготовленные «Л. Гронди» в 1939 г. (Власть и общество в Сибири в XX веке, 1997. С. 111–113). В 2001 г. С.В. Волков поместил краткие биографические сведения о «Людвиге Германовиче Гронди́ссе» в справочник об участниках Первого Кубанского похода (Волков, 2001. С. 85). В 2013 г. О.С. Данилова при обзоре работ франкоязычной литературы о военной интервенции в Сибири несколько строк посвятила и работам, написанным «Людовиком Гронди́жем», подчеркнув, что они «… являются ценным историческим источником» (Данилова, 2013. С. 218–219).

Одними из первых опубликовали переводы отрывков из его работы «Война в России и Сибири» историки О.А. Жанситов и К.А. Мальбахов. В 2014 г. в сборнике «Несломанная подкова Российской императорской армии» были напечатаны выдержки из воспоминаний Гронделса, посвященные Кавказской туземной конной дивизии (Мальбахов, 2014. С. 15–46). Впоследствии на их основе была сделана публикация в сборнике «Россия в годы Первой ми-

ровой войны», выпущенном Институтом российской истории в 2014 г. (Жанситов, Мальбахов, 2014. С. 662–667). Наряду с вводом в оборот нового для отечественной историографии источника, следует отметить некоторые досадные неточности в публикации. Так, «Людовик Грондиж» ошибочно был назван публикаторами бельгийцем, а его отъезд из Советской России в 1918 г. связывается с «побегом».

В 2016 г. вышло сразу две публикации отрывков из воспоминаний Лодевейка Грондейса в периодических изданиях, подготовленных Р.Г. Гагкуевым и С.Г. Шиловой (Гагкуев, Шилова, 2016. С. 20–23; Гагкуев, Шилова, 2016.С. 27–29). В первой из них приводятся воспоминания Грондейса о генерале от кавалерии А.А. Брусилове – исторический портрет, написанный Грондейсом, и рассказ о его деятельности на посту главкома русской армии в 1917 г. Во второй рассказывается о Кавказской туземной дикой дивизии в 1917 г., к чинам которой автор испытывал большую симпатию. Ссылки на архивные документы, содержащие свидетельства о пребывании Грондейса в Советской России в 1918 г. и его влиянии на начальника разведывательного отдела штаба красного Южного фронта З.Б. Шостака, привел в одной из своих публикаций доктор исторических наук А.В. Ганин (Ганин, 2017. С. 6–34).

Зарубежная библиография работ о Лодевейке Грондейсе достаточно обширна. Еще при его жизни вышел ряд статей в голландской научной периодике, к его 65-ти и 70-летию – Geleerde, politicus, soldaat: prof. dr. L.H. Grondijs (1943), Prof. Grondijs: reiziger, militair, geleerde (1948). Уже после смерти бывшего профессора Утрехтского университета, помимо некрологов, публиковались и статьи его памяти – In memoriam Lodewijk Herman Grondijs, 1878–1961 (1960–1961). Наибольше количество статей о Грондейсе принадлежит голландскому историку М. Янсену, опубликовавшему их еще в 1980-е гг. – Grondijs en Rusland. Daden en meningen van een Nederlandse Witgardist (1987), Grondijs, Lodewijk Hermen (1994) Franco's pleitbezorger in Nederland (1986). Наконец, наиболее подробные и основательные биографии Лодевейка Грондейса опубликовали в 2005 и 2016 г. голландские исследователи Х. Олинк – «Войны индонезийского бога войны. Удивительная жизнь Луи Грондейса» (2005) и А.Х. Хуссен – «Лодейвик Хермен Грондейс: физик, военный корреспондент и византолог» (2016).

Библиографический список

Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1: Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны / отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1997. С. 111–113.

Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. М.: Посев, 2001. 367 с.

Гагкуев Р., Шилова С. Людовик Грондайс «Он был возведен в ранг великих стратегов» // Историк. 2016. № 5 (17). С. 20–23.

Гагкуев Р., Шилова С. Людовик Грондайс: Праздник Байрам в «Дикой» дивизии // История. 2016. № 7–8 (19–20). С. 27–29.

Ганин А.В. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–35.

Грондейс Л. Война в России и Сибири / науч. ред. Р.Г. Гагкуев; пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой; пер. с голл.

References

ShishkinV.I. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the XX century]. Iss. 1: *Sibirskaya kontrrevolyutsiya v gody grazhdanskoi voiny* [Siberian counterrevolution during the Civil War]. Novosibirsk: Novosibirsk Sate University Publ., 1997, pp. 111–113. (In Russian).

Volkov S.V. *Pervye dobrovol'tsy na Yuge Rossii* [The first volunteers in the south of Russia]. Moscow: Posev Publ., 2001, 367 p. (In Russian).

Gagkuev R., Shilova S. Ludovic Grondijs “He was elevated to the rank of great strategists”. *Istorik* [Historian], 2016, no. 5 (17), pp. 20–23. (In Russian).

Gagkuev R., Shilova S. Ludovic Grondijs: Bayram Holiday in the “Wild” Division. *Istorik* [History], 2016, no. 7–8 (19–20), pp. 27–29. (In Russian).

Ganin A.V. Former General A.L. Nosovich and the White Underground in the Red Army in 1918. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovanii* [Journal of Russian and East European Historical Research], 2017, no. 2 (9), pp. 6–35. (In Russian).

Ludovic-H. Grondijs La guerre en Russie et en Siberie. Paris, 1922, 574 p. (Rus. ed.: Voina v Rossii i Sibiri. Moscow:

В.И. Габышева. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 455 с.

Данилова О.С. Военная интервенция союзников в Сибири: библиографический обзор франкоязычной литературы // Десятые Татищевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 г.). Екатеринбург: Учебно-методический центр УПИ, 2013. С. 218–219.

Жанситов О.А., Мальбахов К.А. Военные репортажи Людовика Гронджа. Кавказская туземная дикая дивизия в европейской прессе // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М.: Институт истории России РАН, 2014. С. 662–667.

Мальбахов К.А Несломанная подкова Российской императорской армии. Нальчик: Печатный двор, 2014. 112 с.

Grondijs L.H. De Russische Soldaat // De Telegraaf. 1941. № 18 291. Juli 10. P. 3.

Grondijs L.H. La guerre en Russia et en Siberie. Paris, 1922. 574 p.

Jansen M.C. Grondijs, Lodewijk Hermen (1871–1961) // Biografisch Woordenboek van Nederland 4. 1994. [Электронный ресурс]. URL: http://resources.huygens.knaw.nl/bwn1880-2000/lemmata/bwn4/grondij (13.05.2018).

Критерии авторства

Гагкуев Р.Г. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Гагкуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
e-mail: gagkuev@yandex.ru

Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018, 455 p.).

Danilova O.S. *Voennaya interventsiya soyuznikov v Sibiri: bibliograficheskii obzor frankoyazychnoi literatury* [Allied military intervention in Siberia: a bibliographic review of Francophone literature]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Desyatye Tatishchevskie chteniya"* [Tenth Tatischev readings: proceedings of All-Russian. scientific-practical conf.]. (Ekaterinburg, November 20–21, 2013). Ekaterinburg: Uchebno-metodicheskii tsentr UPI Publ., 2013, pp. 218–219. (In Russian).

Zhansitov O.A., Mal'bakhov K.A. *Voennye reportazhi Lyudovika Grondizha. Kavkazskaya tuzemnaya dikaya diviziya v evropeiskoi presse* [Military reports of Ludovic Grondijs. Caucasian Native Wild Division in the European press]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914–1918"* [Russia during the First World War, 1914–1918: proceedings of the Intern. scientific conf.]. (Moscow, September 30 – October 3, 2014). Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 662–667. (In Russian).

Mal'bakhov K.A *Neslomannaya podkova Rossiiskoi imperatorskoi armii* [Unbroken Horseshoe of the Russian Imperial Army]. Nal'chik: Pechatnyi dvor Publ., 2014, 112 p. (In Russian).

Grondijs L.H. De Russische Soldaat. De Telegraaf, 1941, no. 18 291, Juli 10, pp. 3.

Grondijs L.H. La guerre en Russia et en Siberie. Paris, 1922, 574 p.

Jansen M.C. Grondijs, Lodewijk Hermen (1871–1961). Biografisch Woordenboek van Nederland 4. 1994. Available at: http://resources.huygens.knaw.nl/bwn1880-2000/lemmata/bwn4/grondij (accessed May 13, 2018).

Attribution criteria

Gagkuev R.G. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Information about the author

Ruslan G. Gagkuev,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher,
e-mail: gagkuev@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(57)«1917/1922»
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-210-221

ПРИСЯГА НА ВОСТОКЕ РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ТЕКСТОВАЯ ФОРМА И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

© В.В. Журавлёв

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
Новосибирский государственный университет
630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Аннотация: Статья посвящена анализу текстов гражданских и военных присяг и торжественных обещаний, оформлявших отношения власти и политической лояльности на территории, контролировавшейся антибольшевистскими режимами на востоке России в 1918–1919 гг. Видоизменения структуры присяги и используемых в них наборов образов отражали идеологическую и политическую динамику антибольшевистского движения на востоке России. С одной стороны их авторы и разработчики не могли не ориентироваться на прежнюю государственную символическую традицию, с другой – не могли и не хотели всецело следовать ей. Вакантное место адресата клятвы (Всероссийского императора) замещалось колеблющимся образом – народом, народом и государством, государством как отечеством, Родиной. Существенным образом модернизировался язык присяги, хотя в каждом конкретном случае та или иная доля языковых архаизмов сохранялась. Присяги фиксировали такой момент политики колчаковского режима, как департизация армии, признание государственного статуса православной конфессии, недоверие к добровольчеству, даже в случае, когда общественная инициатива соответствовала целям режима. Эти черты текстов присяг порождались общей логикой идеологической эволюции антибольшевистского движения и сами выступали важным инструментом индоктринации его сторонников.

Ключевые слова: *идеология, имагология, формулярный анализ, репрезентация власти, легитимность, лояльность, А.В. Колчак, Уфимская директория, Временное правительство, антибольшевистское движение*

Информация о статье: Дата поступления 20 сентября 2018 г.; дата принятия к печати 22 октября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Журавлёв В.В. Присяга на востоке России в период Гражданской войны: текстовая форма и идеологическое содержание. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):210–221. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-210-221.

OATH IN EASTERN RUSSIA DURING THE CIVIL WAR: TEXT FORM AND IDEOLOGICAL CONTENT

© Vadim V. Zhuravlev

Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
8 Nikolaeva Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation
Novosibirsk State University
1 Pirogova Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation

Abstract: This article presents the analysis of texts of civic and military oaths and solemn promises, which formalized power relationships and political allegiance at the territory of Anti-Bolshevik regimes in Eastern Russia in 1918–1919. Modifications of oath structure and the used sets of images reflected the ideological and political dynamics of the Anti-Bolshevik movement in Eastern Russia. On the one hand, their authors and creators relied upon the former state symbolic tradition. On the other hand,

they could not have entirely followed this tradition, nor wanted to. Vacant position of the oath's addressee (Emperor of Russia) was replaced in a varying manner: with people, people and state, state as homeland, or Motherland. Language of oath was significantly upgraded, though in each specific case some archaisms remained. Oaths reflected aspects of politics of the Kolchak's regime, such as de-partisation of the army, acknowledgment of public status of the Orthodox confession, distrust in volunteering – even in the case when non-government initiative corresponded to the aims of the regime. These features of the oaths' texts originated from the general trend of ideological evolution of the Anti-Bolshevik movement, and served as an important tool of indoctrination of its supporters.

Keywords: *Ideology, imagology, formulary analysis, power representation, legitimacy, allegiance, A.V. Kolchak, Ufa Directory, Provisional Government, Anti-Bolshevik movement*

Article info: Received September 20, 2018; accepted for publication October 22, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Zhuravlev V.V. Oath in Eastern Russia during the Civil War: text form and ideological content. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):210–221. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-210-221.

Свержение монархии в феврале – марте 1917 г. нанесло сокрушительный удар по традиционной символической системе Российского государства. Все ее составляющие подверглись многочисленным модификациям и трансформациям. Процесс изменений охватил весь круг основных политических ценностей и ключевых идей, официальную государственную и воинскую символику, язык официальных документов, политические процедуры и ритуалы. Не могла остаться в стороне и государственная присяга, являвшаяся одной из ключевых политических практик.

В юридической науке присяга трактуется как «… принятие официальной клятвы (торжественного обещания) соблюдать и исполнять права и обязанности в соответствии с принимаемой должностью, определяющий момент изменения специального правового статуса субъектов и осуществляемый в особом ритуальном порядке на основе специализированных символических действий» (Русакова. С. 46). Отмечается, что в значительной степени присяга является специфической разновидностью договора.

В последние годы феномен присяг и клятв растущее все больше привлекает внимание исследователей, причем как правоведов, так и историков (Антонов, 2011; Барыкина, 2015; Груша, 2015; Русакова, 2010; Слугина, 2014; Слугина, 2015; Трусов, Лаврентьев, 2015; Челнокова, 2016; Швенгельбек, 2003). В частности обсуждаются и изменения практик присяги в ходе постмонархического транзита современных обществ. В исследовании по философии права, например, фиксируется, что «… ритуал приведения к присяге первых лиц в государстве заменяет собой процедуры коронации» (Зверева, 2017. С. 99). Семантика монархических коронаций, в том числе русских, достаточно давно является предметом изучения (Успенский, 1998; Уортман, 2002; Уортман, 2004; Хачатурян, 2004). Появились и первые публикации, затрагивающие историю института присяги в России в период революции и гражданской войны (Таирова, 2007; Журавлев, 2008; Журавлев, 2011; Шилова, Гагкуев, 2016).

Особое место в истории постмонархических трансформаций российской символической системы занимали процессы, происходившие на территориях, контролировавшихся контрреволюционными политическими режимами. В противоположность большевикам эти режимы не порывали радикально с прежней государственно-правовой и символической традицией, но были вынуждены вносить в нее весьма многозначительные изменения. Рассмотрим эти процессы на текстах присяг, разработанных и утвержденных на территории самого крупного антибольшевистского политического образования – колчаковского режима.

В фокусе внимания Российского правительства адмирала А.В. Колчака практика приведения к присягам оказывалась многократно. В конце января 1919 г. был утвержден текст присяги Верховного Правителя; председателя Совета министров; министров, товарищей и помощников министров и ряда других должностных лиц; присяги и торжественного обещания для лиц, поступающих в ряды армии

на основах призыва, а также текста особого обязательства для лиц, поступающих в армию в качестве добровольцев (Совет министров Российского правительства: журналы заседаний. 2016. Т. 1. С. 247–249). В конце февраля 1919 г. Совет министров поручил министерству юстиции разработать текст присяги для чинов милиции (Там же. С. 340), а 18 марта 1919 г. – для должностных лиц гражданских ведомств. В апреле 1919 г. Совет министров обсуждал текст клятвенного обещания для должностных лиц местного самоуправления и присяги должностных лиц правительственных учреждений (Там же. С. 493), 6 октября 1919 г. рассматривался стоящий несколько отдельно вопрос о присяге, принимаемой при вступлении в российское подданство (Совет министров Российского правительства: журналы заседаний. 2016. Т. 2. С. 524).

Исходя из принадлежности текстов присяг к актовым источникам, изучение их структуры и идеологического содержания может быть осуществлено с опорой на инструментарий формулярного и текстуального анализа. Пользуясь терминологией С.М. Каштанова, тексты присяг можно разделить на статьи, обороты и элементы (Каштанов, 1970. С. 29–30).

Текст присяги Верховного Правителя имеет сложную структуру (табл. 1). Первая статья содержит указание на двойной характер даваемых обязательств: одновременно светских (обещание) и сакральных (клятва), затем следует указание на гаранта только сакральной составляющей процесса («клянусь перед…»), затем – собственно содержание первого обязательства («быть верным…»). Вторая статья, также начинаясь с двойной формулы характера обязательства, далее сразу приводит обязательство («служить по долгу…»), затем содержит три оборота с конкретизацией данного обязательства: два негативных и один позитивный. Третья статья вновь воспроизводит начальный оборот, затем приводит обязательство («власть осуществлять в соответствии с законами…»), обрамляемое указанием на происхождение власти от Совета министров (в начале) и ссылкой на ее временный характер (в конце). Текст завершается

Таблица 1

Формулярные элементы присяги Верховного Правителя

Table 1

Formal elements of the oath of the Supreme Ruler

Текстовые фрагменты	Характеристики
Обещаюсь…	Вид обязательства
…и клянусь…	Вид обязательства
…перед всемогущим Богом, Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом…	Гарант обязательства
…быть верным и неизменно преданным…	Содержание обязательства
…Российскому государству как своему отечеству…	Субъект (адресат) обязательства, инскрипция
Обещаюсь…	Вид обязательства
…и клянусь…	Вид обязательства
…служить ему по долгу Верховного Правителя,…	Содержание обязательства
…не щадя жизни моей,…	Конкретизация обязательства
…не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью…	Конкретизация обязательства
…и памятуя единственно о возрождении и преуспеянии государства Российского…	Конкретизация обязательства
Обещаюсь…	Вид обязательства
…и клянусь…	Вид обязательства
…воспринятую мною от Совета министров…	Указание на происхождение власти
…верховную власть осуществлять согласно с законами государства…	Содержание обязательства
…до установления образа правления свободно выраженной волей народа…	Указание на временный характер приносимой присяги
В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знамением и целую Слова и Крест Спасителя моего…	Описание сакрального ритуального действия
Аминь	Богослужебная аккламация

формулой, описывающей собственно момент совершения сакрального ритуального действия, наделяющей текст «договора» сакральной силой и ставящей его под божественные гарантии. Текст завершается традиционным для молитв возгласом «Аминь» («Да будет так», «истинно»).

Очевидно, что баланс светских и сакральных элементов в этом тексте решительно смещен в пользу религиозного начала.

Специфика текста присяги Верховного Правителя ярко выступает в сопоставлении его с текстами торжественных обязательств, приносившихся членами правительств, на правопреемство с которыми претендовало Российское правительство (табл. 2) (Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году, 2006. С. 406).

При сравнении этих двух клятвенных текстов в первую очередь бросаются в глаза различия в языке: вместо девяти церковнославянских и архаичных для начала XX в. лексических единиц («хощу», «живота», «уведаю», «тайность» и пр.) дореволюционной присяги в тексте присяги «колчаковской»

Таблица 2

Формулярные элементы дореволюционной присяги на подданство

Table 2

Formal elements of the pre-revolutionary oath of citizenship

Текстовые фрагменты	Характеристики
Я, нижеименованный,…	Интитуляция
…обещаюсь…	Вид обязательства
…и клянусь…	Вид обязательства
…Всемогущим Богом, пред святым его Евангелием,…	Гарант обязательства
…в том, что хощу…	Модальность
…и должен…	Модальность
…Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору NN, самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского престола Наследнику…	Субъект (адресат) обязательства, инскрипция
…верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться,…	Содержание обязательства
…не щадя живота своего до последней капли крови,…	Конкретизация обязательства
…и все к высокому его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, …	Конкретизация обязательства
…и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может…	Конкретизация обязательства
…о ущербе же его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися, …	Конкретизация обязательства
…и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, …	Конкретизация обязательства
…и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной), так и по особливой, определенной и от времени до времени Его Императорского Величества именем от предуставленных надо мною начальников определяемым инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, …	Конкретизация обязательства
…и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, …	Конкретизация обязательства
…и таким образом весть и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, …	Конкретизация обязательства, включающая описание приобретаемых качеств
…и как я пред Богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу; как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет …	Гарант обязательства
В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего…	Описание сакрального ритуального действия
Аминь	Богослужебная аккламация

присутствует всего один подобный элемент («памятуя»). Другое очень существенное различие – инскриптивный субъект присяги, где место Государя Императора заняло «Российское государство как свое отечество». Во всем остальном очевидна практически полная изоморфность текстов, доходящая до полной идентичности.

Присяга Временного правительства начинается с вводной формулы, представляющей должность присягавшего (интитуляции) и указывающей на происхождение его власти. Далее следуют два вида даваемых обязательств, каждый из которых сопровожден собственным гарантом («Всемогущим Богом» и «своею совестью»). Затем идет общее обязательство («служить народу…»), конкретизируемое тремя пространными оборотами, два из которых отсылают к закреплению революционных завоеваний, а один направлен на предупреждение контрреволюционных тенденций. Вторая статья содержит обязательства участвовать в реализации «всех обязательств», принятых Временным правительством, а третья посвящена одному конкретному обязательству – созыву Всероссийского учредительного собрания. Завершается текст клятвы призывом к божественной помощи (Вестник Временного правительства. 1917. № 10 (56). 16 (29) марта; Сборник указов и постановлений Временного правительства, 1917. С. 269–270; ГАРФ[1]. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 99. Л. 4).

Другим правительством, власть и правовую систему которого унаследовал колчаковский режим, было сформированное на Государственном

Таблица 3

Формулярные элементы присяги членов Временного правительства

Table 3

Formal elements of the oath of members of the Provisional Government

Текстовые фрагменты	Характеристики
По долгу члена Временного правительства, волею народа по почину Государственной думы возникшего,…	Интитуляция
…обещаюсь…	Вид обязательства
…и клянусь…	Вид обязательства
…пред Всемогущим Богом…	Гарант обязательства
…и своею совестью…	Гарант обязательства
…служить верою и правдою…	Содержание обязательства
…народу Державы Российской,…	Субъект (адресат) обязательства, инскрипция
…свято оберегая его свободу и права, честь и достоинство,…	Конкретизация обязательства
…и ненарушимо соблюдая во всех действиях и распоряжениях моих начала гражданской свободы и гражданского равенства,…	Конкретизация обязательства
…и всеми предоставленными мне мерами подавляя всякие попытки, прямо или косвенно направленные к восстановлению старого строя…	Конкретизация обязательства
Клянусь…	Вид обязательства
…приложить все разумение мое и все мои силы для осуществления в полноте всех обязательств, Временным Правительством всенародно на себя принятых…	Содержание обязательства
Клянусь…	Вид обязательства
…принять все меры для созыва в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительного собрания, …	Содержание обязательства
…передать в руки его полноту власти, мною совместно с другими членами правительства временно осуществляемую,…	Содержание обязательства
…и преклониться пред выраженною сим собранием народною волею об образе правления и основных законах Российского государства…	Содержание обязательства
В исполнении сей моей клятвы да поможет мне Бог	Гарант обязательства

[1] Государственный архив Российской Федерации.

совещании в Уфе Временное Всероссийское правительство (так называемая «Уфимская Директория»). После избрания 23 сентября 1918 г. его члены дали торжественное обещание (табл. 4).

Текст этого документа достаточно лаконичен и прост. Он носит последовательно светский характер и отсылает к так называемой «уфимской конституции» (принятому совещанием Акту об образовании Всероссийской верховной власти, содержавшему подробную программу нового правительства (Временное Всероссийское правительство, 2010. С. 15–19).

Сопоставление послереволюционных присяг Временного правительства, Уфимской директории и Верховного Правителя дает существенные различия. Текст присяги Временного правительства наиболее многословен. Он в «свернутой» форме содержит всю «конституцию» февральско-мартовской политической системы. Тем не менее, из обязательств только связанные с созывом Всероссийского учредительного собрания названы конкретно. Обещание Директории предельно лаконично, но оно имеет свое «расширение» в виде объемного текста Акта об образовании всероссийской верховной власти. Формула «…не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью» в несколько видоизмененном виде унаследована от присяги на верность императору, и присяги на верность службы Российскому государству, утвержденной Временным правительством 7 марта 1917 г. («…не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды») (Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году, 2006. С. 405). В двух предшествующих присягах носителей верховной власти подобные положения отсутствуют.

Привлекает внимание, что присяга Временного правительства утверждает верность только «народу Державы Российской» (государство как самостоятельный предмет верности не упоминается), обещание Директории – «народу и государству», присяга Колчака – только государству (правда с существенным уточнением «как своему отечеству»).

Присяга председателя Совета министров, министров, товарищей и помощников министров, государственного контролера, его товарища, главноуправляющих отдельными частями, управляющего делами Верховного правителя и Совета министров и его помощников была утверждена 28 января 1919 г. (Совет министров Российского правительства: журналы заседаний. 2016. Т. 1. С. 248). Определением Правительствующего Сената 25 апреля 1919 г. распространен на всех государственных служащих, включая председателей и членов земских управ (ГАРФ. Ф. Р-3907. Оп. 3. Д. 209. Л. 5).

Как видим, структура присяги государственных служащих аналогична структуре присяги Верховного Правителя.

Иная ситуация была с военными присягами (табл. 6–8). (Совет министров Российского правительства: журналы заседаний. 2016. Т. 1. С. 248–249; Шилова, Гагкуев, 2016. С. 269–271).

Таблица 4

Формулярные элементы торжественного обещания членов Временного Всероссийского правительства

Table 4

Formal elements of the solemn promise of members Temporary All-Russian Government

Текстовые фрагменты	Характеристики
Мы, члены Временного Всероссийского правительства, избранные на Государственном совещании в г. Уфе, …	Интитуляция, включающая в себя указание на происхождение власти
…торжественно обещаем…	Вид обязательства
…хранить верность…	Содержание обязательства
…народу и Государству Российскому…	Субъект (адресат) обязательства, инскрипция
…и выполнять наши обязанности в полном соответствии с принятым на Государственном совещании Актом об образовании верховной власти	Содержание обязательства

Таблица 5

Формулярные элементы присяги гражданских служащих Российского правительства

Table 5

Formal elements of the oath of civil servants Russian government

Текстовые фрагменты	Характеристики
Обещаюсь…	Вид обязательства
…и клянусь…	Вид обязательства
…перед Богом…	Гарант обязательства
…и своей совестью…	Гарант обязательства
…быть верным и неизменно преданным…	Содержание обязательства
…Российскому государству как своему отечеству…	Субъект (адресат) обязательства, инскрипция
Обещаюсь…	Вид обязательства
…и клянусь …	Вид обязательства
…служить ему,…	Содержание обязательства
…не щадя жизни моей,…	Конкретизация обязательства
…не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью…	Конкретизация обязательства
…и памятуя единственно о возрождении и преуспеянии Государства Российского	Конкретизация обязательства
Обещаюсь…	Вид обязательства
…и клянусь…	Вид обязательства
…повиноваться Российскому правительству, возглавляемому Верховным Правителем…	Содержание обязательства
…впредь до установления образа правления свободно выраженной волей народа.	Указание на временный характер приносимой присяги
В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знамением и целую Слова и Крест Спасителя моего…	Описание сакрального ритуального действия
Аминь	Богослужебная аккламация

Первые два текста близки между собой и различаются, собственно, лишь несколько более светским характером текста торжественного обещания. Это объясняется тем, что последний предназначался для лиц, не приемлющих церемонии религиозной клятвы. Кроме того, для лиц, принимавших присягу, обязательства описаны более подробно, чем для тех, кто давал торжественное обещание. Язык присяги стилистически несколько более архаичен по сравнению с языком торжественного обещания. Интересно было бы выяснить, означало ли отсутствие в тексте торжественного обещания упоминания о военной тайне более низкий уровень доверия к лицам, оформлявшим свои служебные отношения подобным образом.

Резко выделяется текст торжественного обязательства добровольца. Это самый подробный из данной группы документов. Среди добровольцев было много лиц, никак ранее не связанных с военной службой. Вот почему возникала необходимость очень конкретно описать обязательства, в других случаях ясные из военных постановлений и уставов. Данные обязательства описывают отношения:

– «по вертикали», т. е. с вышестоящими (п. 1–3) и подчиненными (п. 6);

– «по горизонтали», т. е. запрет состоять в политических организациях (п. 4);

– внешние, т. е. к имуществу и своим обязанностям (п. 5);

– внутренние, т. е. к собственной жизни (п. 7).

Все эти нормы присутствовали в уставах и законоположениях и вполне подпадали под обобщающее определение «исполнять законы и приказания начальников».

В целом, как сам факт разработки специализированной присяги добровольца, так и ее содержание, демонстрируют установку военного руко-

Таблица 6

Формулярные элементы присяги для лиц, поступавших в ряды Российской армии адмирала А.В. Колчака по призыву

Table 6

Formal elements of the oath for persons entering the ranks Russian Army of Admiral A.V. Kolchak on appeal

Текстовые фрагменты	Характеристики
Я, нижепоименованный,…	Интитуляция
…обещаюсь …	Вид обязательства
…и клянусь…	Вид обязательства
…Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом …	Гарант обязательства
…в том, что вступая в ряды Русской армии (во флот) …	Наррация (описание обстоятельств присяги)
…я буду верно и нелицемерно служить …	Содержание обязательства
…Государству Российскому …	Субъект (адресат) обязательства, инскрипция
…до последней капли крови,…	Содержание обязательства
…клянусь …	Вид обязательства
…радеть о славе и пользе государственной,…	Содержание обязательства
…исполнять законы и приказания начальников, …	Конкретизация обязательства
…хранить вверенную мне как воину служебную тайну …	Конкретизация обязательства
…и поступать во всем как честному, верному, послушному, храброму воину надлежит, …	Конкретизация обязательства, включающая описание приобретаемых качеств
…памятуя, что за неисполнение сего я понесу ответственность перед Богом и Законом	Санкция
В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий	Гарант обязательства
Аминь	Богослужебная аккламация

Таблица 7

Формулярные элементы торжественного обещания для лиц, поступавших в ряды Российской армии адмирала А.В. Колчака по призыву

Table 7

Formal elements of the solemn promise for those entering in the ranks of the Russian Army of Admiral A.V. Kolchak on appeal

Текстовые фрагменты	Характеристики
Я, нижепоименованный,…	Интитуляция
…вступая на военную службу в ряды Русской армии, …	Наррация (описание обстоятельств присяги)
…даю торжественное обещание в том, что …	Вид обязательства
…ревностно, не щадя своей жизни до последнего своего смертного часа, как истинный сын своей родины…	Конкретизация обязательства, включающая описание приобретаемых качеств
…буду радеть о славе и пользе…	Содержание обязательства
…Государства Российского,…	Субъект (адресат) обязательства, инскрипция
…нести безропотно все обязанности, на меня как на воина возлагаемые, …	Содержание обязательства
…исполнять не за страх, а за совесть все приказания и распоряжения начальников, …	Содержание обязательства
…с полной готовностью за нарушение сего отвечать по закону	Санкция
Да поможет мне Господь Бог Всемогущий честно выполнить мои обязанности	Гарант обязательства
Настоящее мое торжественное обещание скрепляю своей подписью	Описание светского ритуального действия. Субскрипция

Таблица 8

Формулярные элементы торжественного обязательства для лиц, поступавших в ряды Российской армии адмирала А.В. Колчака добровольно

Table 8

Formal elements of a solemn commitment for those entering in the ranks of the Russian Army of Admiral A.V. Kolchak voluntarily

Текстовые фрагменты	Характеристики
Поступая добровольно на военную службу в ряды Русской армии, сроком по «...» 1919 г. на условиях при сем приложенных, …	Наррация (описание обстоятельств присяги)
…я, гражданин Российского Государства, независимо от общей присяги (торжественного обещания) …	Интитуляция
…даю торжественное обязательство в том, что …	Вид обязательства
…во время нахождения моего на военной службе буду помнить о долге моем …	Содержание обязательства
…перед Родиной,…	Субъект (адресат) обязательства, инскрипция
…и обязуюсь:	Вид обязательства
1. Строго соблюдать существующие военные законы и уставы, а также и те, кои будут введены в действие во время нахождения моего на военной службе	Содержание обязательства
2. Для поддержания дисциплины и авторитета начальников никогда не осуждать их действия, а наоборот всегда и всеми силами способствовать поддержанию их авторитета	Содержание обязательства
3. Точно и беспрекословно исполнять приказания и распоряжения своих начальников	Содержание обязательства
4. Во время нахождения моего на военной службе не состоять ни в каких политических партиях и организациях и не участвовать ни в каких политических выступлениях	Содержание обязательства
5. Прилагать все силы и старание к исполнению возложенных на меня военной службой обязанностей, сохраняя вверенное мне по службе и принадлежащее Государству имущество	Содержание обязательства
6. Заботиться о подчиненных мне моих младших сослуживцах, во всем являть им пример исполнения воинского долга и вселять в них понятия о высоком звании воина храброго, честного, исполнительного и благородного	Содержание обязательства
7. Во время участия моего в боевых действиях и во всех случаях, когда мне будет грозить явная опасность, не щадить моей жизни и, если надо, принести ее в жертву для пользы и славы Российского Государства	Содержание обязательства
Если же я нарушу сие торжественное обязательство, я подлежу за это ответственности по всей строгости военных законов	Санкция

водства колчаковского режима на принцип регулярности в организации вооруженных сил, неполном доверии к волонтерам.

Структура и содержание текстов рассмотренных послереволюционных присяг определялись несколькими факторами. С одной стороны их авторы и разработчики не могли не ориентироваться на прежнюю государственную символическую традицию, с другой – они не хотели и не могли всецело следовать ей. Вакантное место адресата клятвы (всероссийского императора) замещалось колеблющимся образом – народом, народом и государством, государством как отечеством, Родиной. Отказ от упоминания народа в присягах колчаковского периода, был вполне определенным идеологическим посланием и соответствующим образом «считывался» обществом.

Существенным образом модернизировался язык присяги, хотя в каждом конкретном случае та или иная доля языковых архаизмов сохранялась.

Присяги фиксировали такой момент политики колчаковского режима, как департизацию армии, признание государственного статуса православной конфессии, недоверие к добровольчеству, даже в случае, когда общественная инициатива соответствовала целям режима.

Эти черты текстов присяг порождались общей логикой идеологической эволюции антибольшевистского движения и сами выступали важным инструментом индоктринации его сторонников.

Библиографический список

Антонов Д.И. Клятва, присяга и крестоцелование в средневековой Руси (XI–XVII вв.): общественная практика и ее культурное осмысление // Труды Историко-архивного института РГГУ. Вып. 38. М., 2011. С. 363–372.

Барыкина И.Е. Проблема престолонаследия в системе государственного управления Российской империи середины XIX века: присяга на верность подданства как экстраординарный механизм // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 1. С. 256–265.

Вестник Временного правительства: ежедневная газета. 1917. № 10 (56). 16 (29) марта.

Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 года): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2010. 362 с.

Груша А.И. Религиозный ритуал как предшественник документа // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2015. № 4. С. 29–37.

Журавлёв В.В. Присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя: К вопросу о титуле, принятом адмиралом А.В. Колчаком 18 ноября 1918 г. // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 353–388.

Журавлёв В.В. Открытие Временных присутствий департаментов Правительствующего Сената в Омске 29 января 1919 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 1. С. 171–191.

Зверева П.К. Сакральные аспекты закона // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-5 (86). С. 96–100.

Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. 502 с.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году (материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост. М.А. Бабкин. М.: Индрик, 2006. 504 с.

Русакова Н.Г. Присяга как общеправовой феномен.

References

Antonov D.I. *Klyatva, prisyaga i krestotselovanie v srednevekovoi Rusi (XI–XVII vv.): obshchestvennaya praktika i ee kul'turnoe osmyslenie* [Oath, oath and crucifying in medieval Russia (XI – XVII centuries): social practice and its cultural understanding]. *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta RGGU* [Proceedings of the Historical and Archival Institute of the RSUH]. Iss. 38. Moscow, 2011, pp. 363–372. (In Russian).

Barykina I.E. The problem of succession in the system of government of the Russian Empire of the middle of the XIX century: the oath of allegiance as an extraordinary mechanism. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy of Humanities], 2015, vol. 16, no. 1, pp. 256–265. (In Russian).

Vestnik Vremennogo pravitel'stva: ezhednevnaya gazeta [Bulletin of the Provisional Government: daily newspaper], 1917, no. 10 (56). March 16 (29). (In Russian).

Shishkin V.I. *Vremennoe Vserossijskoe pravitel'stvo (23 sentjabrja – 18 nojabrja 1918 goda)* [Provisional All-Russian Government (September 23 – November 18, 1918)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2010, 362 p. (In Russian).

Grusha A.I. Religious ritual as predecessor of the document. Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2015, no. 4, pp. 29–37. (In Belarus).

Zhuravljov V.V. Assigning such a person the name of the Supreme Ruler: On the issue of the title adopted by Admiral A.V. Kolchak November 18, 1918. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum], 2008, no. 8, pp. 353–388. (In Russian).

Zhuravljov V.V. Opening of the Temporary Presence Ofices of the Departments of the Governing Senate in Omsk on January 29, 1919. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2011, vol. 10, no. 1, pp. 171–191. (In Russian).

Zvereva P.K. Sacral aspects of the law. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice], 2017, no. 12-5 (86), pp. 96–100. (In Russian).

Kashtanov S.M. *Ocherki russkoj diplomatiki* [Essays on Russian Diplomacy]. Moscow: Nauka Publ., 1970, 502 p. (In Russian).

Babkin M.A. *Rossijskoe duhovenstvo i sverzhenie monarhii v 1917 godu (materialy i arhivnye dokumenty po istorii Russkoj pravoslavnoj cerkvi)* [Russian clergy and the overthrow of the monarchy in 1917 (materials and archival documents on the history of the Russian Orthodox Church)]. Moscow: Indrik Publ., 2006, 504 p. (In Russian).

Rusakova N.G. *Prisjaga kak obshhepravovoj fenomen*

Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2010. 119 с.

Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1 (27 февраля – 5 мая 1917 г.). Петроград: Государственная типография, 1917. 557 с.

Слугина В.А. Подданство народов Сибири российскому государю в XVII в.: сравнительный анализ статей шертоприводных и крестоцеловальных записей // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 52–60.

Слугина В.А. Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов российскому государю в XVII веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 1. С. 58–65.

Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 г. – 3 января 1920 г.): сб. документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. В 2-х т. Т. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 748 с.

Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): сб. документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. В 2-х т. Т. 2. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 734 с.

Таирова Н.М. К вопросу о легитимности власти Временного правительства // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 2. С. 12–19.

Трусов Н.А., Лаврентьев А.Р. Круглый стол по теме «Институт присяги в России: состояние, проблемы и пути совершенствования» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 232–235.

Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки русской культуры, 1998. 680 с.

Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2002. 605 с.

[The oath as a general legal phenomenon]. Nizhnij Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2010, 119 p. (In Russian).

Sbornik ukazov i postanovlenij Vremennogo pravitel'stva [Collection of decrees and resolutions of the Provisional Government]. Iss. 1 (February 27 – May 5, 1917). Petrograd: Gosudarstvennaja tipografija Publ., 1917, 557 p. (In Russian).

Slugina V.A. Citizenship of the peoples of Siberia to the Russian sovereign in the 17th century: a comparative analysis of the articles of the conclusion of contract and kissing the cross records. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 12, pp. 52–60. (In Russian).

Slugina V.A. Recordings of coming to conclusion of contract as a tool for formalizing the citizenship of Siberian peoples to the Russian sovereign in the 17th century. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija* [Bulletin of Novosibirsk State University Series: History, Philology], 2015, vol. 14, no. 1, pp. 58–65. (In Russian).

Shishkin V.I. *Sovet ministrov Rossijskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedanij (18 nojabrja 1918 g. – 3 janvarja 1920 g.)* [Council of Ministers of the Russian Government: meeting journals (November 18, 1918 – January 3, 1920)]. In 2 vol. Vol. 1. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, 748 p. (In Russian).

Shishkin V.I. *Sovet ministrov Rossijskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedanij (18 nojabrja 1918 g. – 3 janvarja 1920 g.)* [Council of Ministers of the Russian Government: meeting journals (November 18, 1918 – January 3, 1920)]. In 2 vol. Vol. 2. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, 734 p. (In Russian).

Tairova N.M. On the question of the legitimacy of the power of the Provisional Government. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2007, no. 2, pp. 12–19. (In Russian).

Trusov N.A., Lavrent'ev A.R. Round table on the topic "Institute of the oath in Russia: state, problems and ways to improve". *Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* [Law science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Interior of Russia], 2015, no. 2 (30), pp. 232–235. (In Russian).

Uspenskij B.A. *Car' i patriarh: harizma vlasti v Rossii (vizantijskaja model' i ee russkoe pereosmyslenie)* [Tsar and patriarch: the charisma of power in Russia (the Byzantine model and its Russian rethinking)]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1998, 680 p. (In Russian).

Uortman R.S. *Scenarii vlasti: Mify i ceremonii russkoj monarhii* [Power Scenarios: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy]. In 2 vol. Vol. 1. *Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaja I* [From Peter the Great to the death of

Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2004. 796 с.

Хачатурян Н.А. Колесо Фортуны. Праздники и будни монаршей власти // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал. М.: Наука, 2004. С. 5–12.

Челнокова А.Ю. Текст и контекст крестоцеловальных записей XVII века // Текст, контекст, интертекст: материалы Междунар. науч. конф. XIV Виноградовские чтения (Москва, 16–17 октября 2015 г.). М.: Московский городской педагогический университет, 2016. С. 205–210.

Швенгельбек М. Присяга на верность: об изменении политической коммуникации в XIX веке // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 3 (36). С. 158–165.

Шилова С.Г., Гагкуев Р.Г. «Клянусь всемогущим Богом...»: присяги гражданской войны // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 256–274.

Nicholas I]. Moscow: Ob``edinennoe gumanitarnoe izdatel`stvo Publ., 2002, 605 p. (In Russian).

Uortman R.S. *Scenarii vlasti: Mify i ceremonii russkoj monarhii* [Power Scenarios: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy]. In 2 vol. Vol. 2. *Ot Aleksandra II do otrechenija Nikolaja II* [From Alexander II to the abdication of Nicholas II]. Moscow: Ob``edinennoe gumanitarnoe izdatel`stvo Publ., 2004, 796 p. (In Russian).

Hachaturjan N.A. *Koleso Fortuny. Prazdniki i budni monarshej vlasti* [Wheel of Fortune. Holidays and weekdays of the royal authority]. *Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovoj Evropy. Teorija, simvolika, ceremonial* [Royal court in the political culture of medieval Europe. Theory, Symbolism, Ceremonial]. Moscow: Nauka Publ., 2004, pp. 5–12.

Chelnokova A.Ju. *Tekst i kontekst krestoceloval'nyh zapisej XVII veka* [The text and context of the 17th century sacred cross kiss records]. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii XIV Vinogradovskie chtenija "Tekst, kontekst, intertekst"* [Text, context, intertext: proceedings of the Intern. scientific conf. XIV Vinogradov Readings]. (Moscow, October 16–17, 2015). Moscow: Moskow State Pedagogical University Publ., 2016, pp. 205–210. (In Russian).

Shvengel'bek M. The oath of allegiance: on changing political communication in the XIX century. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavsky pedagogical bulletin], 2003, no. 3 (36), pp. 158–165. (In Russian).

Shilova S.G., Gagkuev R.G. "I swear by the almighty God ...": the oath of civil war. *Novejshaja istorija Rossii* [Modern History of Russia], 2016, no. 1 (15), pp. 256–274. (In Russian).

Критерии авторства

Журавлёв В.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Zhuravlev V.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Журавлёв Вадим Викторович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник, доцент кафедры отечественной истории,
e-mail: vvzh@mail.ru

Information about the author

Vadim V. Zhuravlev,
Cand. Sci. (History), Researcher, Associate Professor of the Department of National History,
e-mail: vvzh@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 93/94
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-222-229

БОЕВЫЕ ТРАДИЦИИ АРТИЛЛЕРИИ, РОЖДЕННЫЕ В БОЯХ И СРАЖЕНИЯХ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© В.С. Мильбах, В.А. Чернухин

Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации
195009, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22

Аннотация: В статье раскрывается насыщенная событиями история артиллерии Красной армии с начала 1930-х гг. по май 1945 г. через боевые традиции прославленного рода войск. Помимо архивных и опубликованных документов, а также литературных источников использовались воспоминания советских полководцев и военачальников разных поколений. Авторами анализируются известные и малоизвестные факты, события, документы, связанные с традициями отечественной артиллерии. Особое внимание уделяется боевым традициям, рожденным накануне и в годы Великой Отечественной войны. В это время совершенствовалась система награждения отличившихся воинов. По указанию Военного совета артиллерии Красной армии ни один активный участник боевых действий, получивший ранение или контузию, не должен был остаться без награды. Интеллектуальность и нравственное богатство статьи вполне отвечают общественным запросам, поскольку в современных условиях международной и внутренней обстановки необходимо переосмысление значимости обороноспособности государства, боеспособности его вооруженных сил и артиллерии как вида оружия и рода войск. Традиции артиллерии, сформировавшиеся в суровые годы Великой Отечественной войны, не должны быть преданы забвению.

Ключевые слова: *боевые традиции, органы государственного и военного управления, боевая задача, героизм, патриотизм, мораль, артиллерийская гвардия, День артиллерии, система награждения*

Информация о статье: Дата поступления 18 сентября 2018 г.; дата принятия к печати 22 октября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Мильбах В.С., Чернухин В.А. Боевые традиции артиллерии, рожденные в боях и сражениях накануне и в годы Великой Отечественной войны. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):222–229. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-222-229.

FIGHTING TRADITIONS OF ARTILLERY, BORN IN FIGHTING AND BATTLES ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

© Vladimir S. Milbach, Viktor A. Chernukhin

Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation
22 Komsomol Str., Saint-Petersburg, 195009, Russian Federation

Abstract: The article reveals the eventful history of artillery of the Red Army from the beginning of the 1930s to May, 1945 through the combat traditions of the famous kind of troops. In addition to archival and published documents and literary sources there are used the memories of Soviet commanders and military leaders. The authors analyze the known and little-known facts, events, documents related to the traditions of Russian artillery. In addition to written historical sources, the article uses oral memories of military leaders, officers of different generations. Special attention is paid to the combat traditions born on the eve and during the Great Patriotic War. At the same time, the system of awarding distinguished soldiers was improved. By order of the Military Council of the artillery of the Red Army, none of the active combatants, wounded or contusion should not have been unrewarded. The intellectual and moral richness of the topic of the article fully meets the public demands, since in the current international and domestic environment it is necessary to rethink the importance of the defense capability of the

state, the high combat capability of its armed forces and artillery as a type of weapon and kind of troops. Traditions of artillery, formed in the harsh years of the Great Patriotic War should not be forgotten.

Keywords: *combat traditions, state and military command organs, combat mission, heroism, patriotism, morals, artillery guard, Artillery Day, award system*

Article info: Received September 18, 2018; accepted for publication October 22, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Milbach V.S., Chernukhin V.A. Fighting traditions of artillery, born in fighting and battles on the eve and during the Great Patriotic War. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):222–229. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-222-229.

Под боевыми традициями принято понимать исторически сложившиеся в армии и на флоте и передающиеся из поколения в поколение правила, обычаи и нормы поведения военнослужащих, связанные с выполнением боевых задач и несением воинской службы. Вооруженные силы любого государства, в том числе и Российской Федерации, имеют свои боевые традиции. Имеет их и артиллерия – древнейший род войск. Их содержание и значение определяется историческими условиями формирования общественно-государственного строя страны, господствующей идеологией, характером и предназначением родов войск и видов Вооруженных сил (Дятлов, Вапилин, 2012).

Важнейшими боевыми традициями воинов Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в рассматриваемый период времени являлись:

– беззаветная преданность и любовь к Родине, постоянная готовность к ее защите;

– уверенность в своих силах и в победе над врагами;

– верность военной присяге, воинскому долгу;

– массовый героизм в бою;

– крепкое войсковое товарищество, уважение к командиру и защита его в бою;

– любовь к своему роду войск, своей части, верность Боевому Знамени;

– постоянное стремление к повышению своего профессионального мастерства и т. д.

Наряду с общими боевыми традициями РККА существовали и традиции родов войск. Героические дела российских пушкарей нашли свое отражение во многих трудах и публикациях. В большинстве из них обстоятельно и достоверно описываются или исследуются события, связанные с развитием древнейшего рода войск. Вместе с тем, они не в полной мере отражают проблемы воинского долга, чести и нравственности, обучения и воспитания личного состава артиллерии, проблемы тех замечательных традиций, которыми так богата история артиллерии.

Значительное внимание современные исследователи уделяют созданию артиллерийской гвардии в годы Великой Отечественной войны. Отмечается взаимосвязь боевых традиций артиллерии, формировавшихся в середине XX в. с потребностями воспитательной работы в Вооруженных силах РФ.

Являясь одной из форм связи между поколениями артиллеристов российского Отечества, традиции возникали и развивались в конкретных исторических условиях, были тесно связаны с моралью, правом, другими формами общественного сознания. Вместе с тем, как и любое общественное явление, они не были вечными и неизменными. Одни традиции (устаревавшие) – отмирали, другие (новые, прогрессивные) – возникали и развивались. Рождение передовых традиций происходило диалектически, в постоянной борьбе между новыми и старыми традициями.

В ходе боевых действий Красной армии по обеспечению безопасности дальневосточных и северо-западных границ СССР в конце 1930-х – начале 1940 гг., в сражениях Великой Отечественной войны отчетливо проявлялись боевые традиции артиллерии, характерные и для предшествовавшей более чем шестивековой истории рода войск. К ним можно отнести такие традиции, как массовый героизм; готовность к самопожертвованию во имя выполнения поставленной боевой задачи; взаимная выручка; боевое братство и войсковое товарищество; отдача воинских почестей погибшим в

бою; своевременное поощрение отличившихся в мирное время; приоритетное внимание к профессиональной подготовке артиллеристов; высокая престижность звания «Отличник артиллерийской стрельбы»; гордость за принадлежность к профессии артиллериста; традиции военных династий и т. д. (Дятлов, 2013).

Однако динамичный и насыщенный исторический период времени с конца 1930-х гг. по май 1945 г. предопределил возрождение старых и появление новых традиций, связанных с дальнейшим повышением роли и значения артиллерии в бою, ее образное превращение в «бога войны», интеллектуальный и всепогодный род войск, существенным образом влияющий на успех выполнения боевых задач пехотой и танками.

Во второй половине 1930-х гг. возрождается традиция проведения высшим командованием артиллерии РККА артиллерийско-стрелковых состязаний, которая родилась еще в эпоху гладкоствольной артиллерии при Иване IV (Грозном). Первые такие состязания по приказанию начальника артиллерии РККА Н.М. Роговского были проведены в 1936 г. (Чернухин, 2008). Им предшествовали стрелково-артиллерийские состязания в дивизиях, корпусах и округах, где отбирались лучшие подразделения артиллерии. Их отбор производился начальниками артиллерии округов с последующим утверждением Военными советами округов. Состязания территориально ограничивались рамками военных округов, однако общее руководство, контроль за результатами состязаний и состоянием боевой выучки, за итогами стрельбы и управления огнем возлагались на Управление начальника артиллерии Красной армии. Состязания проводились между командирами батарей всех видов наземной и зенитной артиллерии; летчиками-наблюдателями из подразделений корректировочной артиллерийской авиации; орудийными расчетами снайперских орудий.

Возрождение поучительного исторического опыта самым непосредственным образом влияющего на повышение качества боевой учебы в условиях мирного времени вполне оправдало себя и практиковалось ежегодно вплоть до Великой Отечественной войны. Однако несмотря на то, что в военные годы по известным причинам артиллерийские состязания не проводились, тем не менее, приобретенный ранее опыт в их организации имел позитивное влияние на обучение и воспитание личного состава артиллерийских подразделений, частей и соединений в учебных артиллерийских лагерях, функционировавших в 1943–1944 гг. (ВИМАИВиВС[1]. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 5. Л. 24).

Устоявшейся формой поддержания традиции уважения исторической памяти о героизме, мужестве артиллеристов, их роли в защите Отечества является деятельность военных музеев, в том числе Артиллерийского исторического музея. В конце января 1936 г. он получил статус научно-исследовательского учреждения и стал выполнять просветительские функции, утраченные в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В 1930-е гг. фонды музея пополнились экспонатами, увековечившими героизм советских артиллеристов, проявленный у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол в Советско-финляндской войне. Однако особо ценными вещественными доказательствами высокого мастерства и беззаветной храбрости артиллеристов пополнились экспозиции музея в годы Великой Отечественной войны.

Бесстрашным бойцом уже в первые дни войны показал себя командир орудия старший сержант Н. Сиротинкин юго-западнее г. Кричева (Белоруссия). Добровольно вызвавшись прикрыть отход своей части, он 17 июня 1941 г. занял выгодную огневую позицию, с которой хорошо просматривалась двигавшаяся по шоссе на восток танковая колонна противника. Меткими выстрелами Сиротинкин уничтожил головной танк, а затем и замыкавший колонну бронетранспортер. Умело используя сложившуюся обстановку профессионально подготовленный командир орудия за короткое время расстрелял почти всю колонну, уничтожив 10 танков. В результате взрыва вражеских боеприпасов погибло и значительное количество немецких солдат. Только после гибели отважного артиллериста немцы с удивлением узнали, что их танковую колонну расстрелял один советский солдат. Враги с почетом похоронили героя и торжествен-

[1] Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

ным маршем прошли мимо его могилы (Хорошилов, Брагинский, Матвеев, Невский, Попельницкий, Чернухин, 1986).

Потрясающее психологическое воздействие на отечественных и зарубежных посетителей Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи производит картина художника П.А. Кривоногова «Поединок». На ней изображен неизвестный артиллерист в одном из боев на Курской дуге летом 1943 г. Его орудие и расчет уничтожены, в живых остался он один. Поднявшись во весь рост со связкой гранат, он смело бросается под гусеницы движущегося на него многотонного немецкого «Тигра».

Особую стойкость и героизм, верность военной присяге проявили артиллеристы при форсировании Днепра осенью 1943 г. Крупнейшая водная преграда была форсирована с ходу от Жлобина до Запорожья. Красная армия захватила на правом берегу реки стратегические плацдармы, сокрушив пресловутый Восточный вал гитлеровского вермахта. «Сражение за Днепр, – писала газета “Правда” 18 октября 1943 г. – приняло по истине эпические размеры. Никогда еще не выделялось из множества храбрых советских воинов столько сверх храбрецов. Красная армия, давшая миру уже столько примеров воинской отваги, словно превосходит сама себя» (Правда, 1943. 18 октября). Не преувеличивая, можно утверждать, что без огневой поддержки артиллерии на многих направлениях успех формирований был невозможен.

Героями Днепра стали многие артиллеристы, среди них следует выделить двоих – лейтенанта А.П. Шилина и капитана В.С. Петрова, ставших к концу войны дважды Героями Советского Союза. Командир взвода управления батареи 132-го гвардейского артиллерийского полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии лейтенант А.П. Шилин с радистом и разведчиком в числе первых переправились на правый берег Днепра у острова Хортица с задачей корректировать огонь своей артиллерии. Несмотря на то, что лодка отважных артиллеристов была разбита минометным огнем противника, а радист убит, Шилин вплавь достиг западного берега, где стрелковая рота захватила и удерживала плацдарм. Когда радиостанция вышла из строя, Шилин с разведчиком вернулись обратно, взяли другую радиостанцию и вторично пересекли реку, установив с огневыми подразделениями телефонную связь и связь по радио. Противник все больше активизировался. В конце октября одна вражеская контратака следовала за другой, но точным огнем артиллерии и пехоты они отражались. Плацдарм перепахивался вражескими снарядами и авиационными бомбами. Силы пехотинцев иссякли, все офицеры «вышли из строя». Тогда Шилин взял на себя командование остатками роты. Во время последней контратаки врагу удалось настолько сблизиться с позицией роты, что Шилин, укрывшись с пехотинцами и артиллеристами в ровиках и ячейках, вызвал огонь батарей артиллерийского полка на себя. Не выдержав огня артиллерии, вражеская пехота откатилась. Плацдарм был удержан.

Оправившись от контузии, лейтенант Шилин вскоре вновь участвовал в форсировании Днепра, но уже на другом участке. В ходе расширения плацдарма пехота захватила вооруженную 105-мм неприятельскую батарею. Одно из орудий было с замком без бойка и не имело прицела. Вскоре противник перешел в контратаку. Офицер, проявив изобретательность, открыл огонь из трофейной гаубицы прямой наводкой. Он наводил орудие по стволу, а вместо бойка использовал шомпол и молоток. Противник, не ожидавший орудийного огня в упор, вынужден был отойти. Бой был выигран. За мужество и героизм, проявленные в этих боях, гвардии лейтенант Шилин был удостоен звания Героя Советского Союза. Вторую звезду Героя он получил в боях при освобождении Польши, будучи начальником разведки дивизиона, за умелое ведение разведки огневых средств и уничтожение их артиллерийским огнем при прорыве вражеской обороны в январе 1945 г. Поддерживая пехоту артиллерийским огнем, он лично участвовал в штурме опорного пункта и заменил «выбывшего из строя» общевойскового командира. В бою Шилин был тяжело ранен, но, превозмогая боль, он успел швырнуть связку гранат, подорвав последнюю неприятельскую огневую точку. Путь пехоте был открыт.

Примером стойкости и героизма, верности военной присяге являются действия заместителя командира 1850-го истребительно-противотанкового полка капитана В.С. Петрова при удержании букринского плацдарма южнее Киева. В конце сентября 1943 г. Петров с первыми восемью орудиями полка переправился под вражеским огнем невдалеке от деревни Старое на захваченный пехотой плацдарм. С рассветом следующего дня западнее Балык танки и пехота противника при поддержке авиации и артиллерии начали контратаки стремясь сбросить с плацдарма подразделения 309-й стрелковой дивизии.

Ожесточенность боев нарастала. Противник нес потери, но редели расчеты и противотанкистов. В один из дней начала октября фашистские танки атаковали боевые порядки 2-й и 5-й батарей, завязался поединок не на жизнь, а насмерть. Когда были подбиты первые три танка, противник обрушил минометный огонь на 2-ю батарею. Ее огонь стал ослабевать: два орудия были подбиты, а у третьего весь расчет выбыл из строя. Петров, покинув свой наблюдательный пункт, сам стал за наводчика, а командир батареи Богданов за заряжающего. Танки уже в полукилометре. Поединок продолжался. Выстрел ближайшего танка совпал с выстрелом, произведенным Петровым, вражеский танк замер на месте. Такая же участь постигла еще три танка. Усилила огонь 5-я батарея, и противник начал отходить. Однако в орудие Петрова попал снаряд, и ему осколками перебило обе руки. Тяжело раненый, он не покинул поле боя и продолжал командовать подразделениями полка, пока контратака врага не была отражена. За этот подвиг капитан Петров был награжден первой медалью – «Золотая Звезда».

Потеряв обе руки, Петров после излечения в декабре 1944 г. вернулся в строй. В последующем гвардии майор В.С. Петров в боях 1945 г. на Одере отличился вновь. Умело руководя 248-м гвардейским истребительно-противотанковым артиллерийским полком при удержании плацдарма на р. Одер и прорыве вражеской обороны, он за проявленное высокое искусство и героические действия удостоился вторично высшей награды Родины.

В штурме столицы нацистского рейха вместе с подразделениями и частями 79-го стрелкового корпуса 30 апреля 1945 г. участвовала большая часть личного состава артиллерийских частей, действовавших на этом участке. Известно, что из числа артиллеристов первым прорвался с красным флагом к рейхстагу командир отделения топовзвода 86-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригады сержант Б.Я. Япаров.

В военное лихолетье родилась традиция отмечания воинской доблести и ратного мастерства артиллеристов, их заслуг в сокрушении мощных оборонительных укреплений врага. С этой целью советским правительством был установлен День артиллерии. Он стал отмечаться ежегодно 19 ноября, начиная с 1944 г., и был приурочен к началу контрнаступления под Сталинградом, где артиллерия сыграла важнейшую роль в разгроме крупнейшей стратегической группировки немецко-фашистских войск и их сателлитов, а также ознаменования боевых заслуг артиллерии в ходе Великой Отечественной войны в целом. Под Сталинградом 19 ноября 1942 г. была вспять повернута немецко-фашистская армия, покорившая почти всю Европу, имевшая богатый опыт войны, до зубов вооруженная, закованная в броню, жестокая и беспощадная. Немалую роль в этом сыграл грандиозный артиллерийский удар более чем 15 тыс. орудий и минометов до основания потрясшие вражескую оборону.

В ноябре 1944 г. в канун второй годовщины начала контрнаступления под Сталинградом вся страна, весь личный состав действующей армии услышали по радио голос диктора Ю. Левитана, торжественно зачитавшего Приказ Верховного Главнокомандующего № 225, в котором говорилось «… Вся страна отмечает сегодня великое значение артиллерии как главной ударной силы Красной армии. Как известно, артиллерия была той силой, которая помогла Красной армии остановить продвижение врага у подступов к Ленинграду и Москве. Артиллерия была той силой, которая обеспечила Красной армии разгром немецких войск под Сталинградом и Воронежем, под Курском и Белгородом, под Харьковом и Киевом, под Витебском и Бобруйском, под Ленинградом и

Минском, под Яссами и Кишеневым… Всем известно, что советская артиллерия добилась полного господства на поле боя над артиллерией врага, что в многочисленных боях с врагом советские артиллеристы и минометчики покрыли себя неувядаемой славой исключительного мужества и героизма, а командиры и начальники показали высокое искусство управления огнем…» (ЦАМО РФ[2]. Ф. 36. Оп. 12559. Д. 269. Л. 19–20).

Особое место в артиллерии занимала возрожденная традиция создания отборных (гвардейских) артиллерийских частей, как своего рода символ патриотического служения Отечеству. В февральские дни 1917 г. некоторая часть гвардейских частей Российской императорской армии примкнула к революционно настроенным рабочим. Однако так уже случилось, что традиции отечественной гвардии не перешли по прямому наследству лучшим частям молодой Красной армии, в 1918 г. Декретом Советского правительства императорская гвардия была распущена, а вскоре понятия «российская гвардия» и «царская гвардия» идентифицировались.

Возрождение артиллерийской гвардии произошло в суровые годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), она родилась в тяжелейшее для страны время, когда фашистские орды стояли у стен ее столицы. Первым в январе 1942 г. был преобразован части Резерва Верховного Главного Командования в гвардейские 440-й и 471-й пушечные артиллерийские полки. Они действовали на разных направлениях – 440-й полк (командир – майор А.И. Брюханов) на калужско-серпуховском, а 471-й (командир – майор И.П. Азаренков) – на волоколамском. Личному составу обоих полков были присущи жгучая ненависть к врагу и высокое искусство владения вверенным им Родиной оружием (630 лет на защите Отечества, 2012).

Новым в данной традиции стало то, что гвардейские наименования присваивались частям и подразделениям реактивной артиллерии, вооруженным реактивными системами («катюшами»). Для прохождения в них службы требовалась специальная морально-политическая, психологическая и физическая подготовка. Учитывая силу и мощь этого оружия, решением Ставки Верховного Главнокомандования частям и подразделениям реактивной артиллерии сразу же при их формировании присваивалось гвардейское наименование. Тем самым подчеркивалось большое значение, предававшееся советским командованием новому виду артиллерии, и те повышенные требования, которые оно предъявляло к подбору личного состава. В соответствии с этим решением формирования реактивной артиллерии назывались гвардейскими минометными частями (ГМЧ), а боевые машины – гвардейскими минометами. Почетное наименование возлагало на весь личный, командный и начальствующий состав ответственность за применение нового оружия.

На 23-й день войны на Западном фронте батарея реактивной артиллерии под командованием капитана И.А. Флерова произвела залп по скоплениям живой силы и техники противника на железнодорожном узле Орша. Более сотни реактивных снарядов почти одновременно взорвались в расположении гитлеровцев. Земля содрогнулась от мощных разрывов снарядов. Железнодорожную станцию и пути подъезда к ней охватило пламя, горели вражеские эшелоны, взрывались вагоны с боеприпасами, цистерны с горючим. Противнику был нанесен большой урон в живой силе и технике. В тот же день батарея произвела второй залп, сорвав переправу вражеский войск через р. Оршица. Командующий артиллерией фронта генерал-майор артиллерии И.П. Камера в своем донесении 2 августа 1941 г. писал: «По заявлениям командного состава стрелковых частей и по наблюдениям артиллеристов, внезапный огонь батарей М-13 наносил большие потери противнику, обращая его в паническое бегство; при наступлении на участках где применялся огонь полевой реактивной артиллерии, наши части обычно не встречали сопротивления…» (Чернухин, 1991).

На боевом опыте артиллерийской гвардии учились все советские артиллеристы. Мужеством гвардейцев, их стойкостью, самоотверженностью в боевой обстановке восхищалась вся страна. В течение всей войны артиллерийская гвардия прокладывала путь всему новому в вопросах применения

[2] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

рода войск в бою. Гвардейцы использовали любую передышку для повышения своего ратного мастерства, учились выполнять самые сложные боевые задачи с наименьшими потерями. Именно поэтому гвардейские артиллерийские части в то суровое время по праву называли лабораториями боевого опыта, который становился достоянием всех артиллеристов Красной армии. В постоянном неутомимом поиске новых форм и способов борьбы с противником заключался секрет многих успехов гвардейцев на поле боя.

Артиллерийская гвардия всегда отличалась сплоченностью своих рядов, нерушимой творческой спайкой, железной воинской дисциплиной. Великая Отечественная война еще раз подтвердила старую истину, что в бою только тот подлинно храбр, кто умеет повиноваться, любой ценой выполнять поставленную задачу. За героизм и отвагу, огромное боевое трудолюбие и мастерское владение своим грозным оружием больше 500 наиболее отличившихся соединений и частей были преобразованы в гвардейские, около 800 артиллерийских частей и соединений награждены боевыми орденами. Многие из них получили

Вместе с традициями героизма и мужества артиллеристов в боях за свободу и независимость Родины рождалась особая традиция – система награждения отличившихся воинов. По указанию Военного совета артиллерии Красной армии ни один активный участник боевых действий, получивший ранение или контузию, не должен был остаться без награды.

Славные боевые традиции, сформировавшиеся накануне и в годы Великой Отечественной войны, рекомендованы для использования в различных формах воспитательной работы с личным составом частей и подразделений, военно-учебных заведениях, в которых ветераны рода войск, преподаватели и ученые знакомят молодое поколение с легендарными подвигами и боевыми традициями Вооруженных сил Российской Федерации, в том числе связанных с героической историей ракетных войск и артиллерии.

Библиографический список

Дятлов В.В., Вапилин Е.Г. История ракетных войск и артиллерии в традициях. СПб.: Михайловская военная артиллерийская академия, 2012. 462 с.

Дятлов В.В. Артиллерия на защите восточных рубежей страны, 1929–1939 гг.: монография. СПб: Михайловская военная артиллерийская академия, 2013. 211 с.

Правда, 1943. 18 октября.

Хорошилов Г.Т., Брагинский Р.Б., Матвеев А.И., Невский Н.А., Попельницкий Н.С., Чернухин В.А. Отечественная артиллерия, 600 лет: монография. М.: Воениздат, 1986. 365 с.

Чернухин В.А. Боевое применение подразделений и частей ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск Советской армии: монография. СПб.: Михайловская военная артиллерийская академия, 1991. 311 с.

Чернухин В.А. Подготовка командных кадров, организация боевой и оперативной подготовки в артиллерии Красной армии (1935–1945 гг.): монография. СПб.: Михайловская военная артиллерийская академия и Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2008. 124 с.

References

Dyatlov V.V., Vapilin E.G. *Istoriya raketnykh voisk i artillerii v traditsiyakh* [The history of rocket troops and artillery in the traditions]. Saint Petersburg: Mikhailovskaya Military Artillery Academy Publ., 2012, 462 p. (In Russian).

Dyatlov V.V. *Artilleriya na zashchite vostochnykh rubezhei strany, 1929–1939 gg.* [Artillery on the defense of the eastern frontiers of the country, 1929–1939]. Saint Petersburg: Mikhailovskaya Military Artillery Academy Publ., 2013, 211 p. (In Russian).

Pravda [Pravda], 1943. October 18. (In Russian).

Khoroshilov G.T., Braginskii R.B., Matveev A.I., Nevskii N.A., Popel'nitskii N.S., Chernukhin V.A. *Otechestvennaya artilleriya, 600 let* [National artillery, 600 years]. Moscow: Voenizdat Publ., 1986, 365 p. (In Russian).

Chernukhin V.A. *Boevoe primenenie podrazdelenii i chastei raketnykh voisk i artillerii Sukhoputnykh voisk Sovetskoi armii* [Combat use of subunits and units of the rocket forces and artillery of the Ground Forces of the Soviet Army]. Saint-Petersburg: Mikhailovskaya Military Artillery Academy Publ., 1991, 311 p. (In Russian).

Chernukhin V.A. *Podgotovka komandnykh kadrov, organizatsiya boevoi i operativnoi podgotovki v artillerii Krasnoi armii (1935–1945 gg.)* [Training of command personnel, organization of combat and operational training in artillery of the Red Army (1935–1945)]. Saint-Petersburg: Mikhailovskaya Military Artillery Academy and Military History Museum of Artillery, Engineers and Communications Publ.,

630 лет на защите Отечества: истор. очерк. СПб.: Михайловская военная артиллерийская академия, 2012. 158 с.

2008, 124 p. (In Russian).

630 let na zashchite Otechestva: istoricheskii ocherk [630 years in the defense of the Motherland: the history essay]. Saint-Petersburg: Mikhailovskaya Military Artillery Academy Publ., 2012, 158 p. (In Russian).

Критерии авторства

Мильбах В.С., Чернухин В.А. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Milbach V.S., Chernukhin V.A. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors state that there is no conflict of interest.

Сведения об авторах

Мильбах Владимир Спартакович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
e-mail: mramor1023@yandex.ru
Чернухин Виктор Андреевич,
преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, профессор, кандидат исторических наук,
e-mail: Chernyhin.V.A.@mail.ru

Information about the authors

Vladimir S. Milbach,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,
e-mail: mramor1023@yandex.ru

Viktor A. Chernukhin,
Teacher of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Professor, Cand. Sci. (History),
e-mail: Chernyhin.V.A.@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 947
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-230-238

THE INTERNMENT OF THE HIGHER OFFICERS OF THE QUANTUNG ARMY TO USSR AFTER THE SOVIET-JAPANESE WAR OF 1945

© Sergey V. Karasev[a], Sergey I. Kuznetsov[b], Alexey V. Soloviev[c]

[a] Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation
[b] Irkutsk State University
1 K. Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation
[c] Honorary citizen of Zabaikalsky Krai
16 Babushkina Str., Chita 672000, Russian Federation

Abstract: The situation of prisoners of war who found themselves in the Soviet Union after the war with Japan, in principle, did not differ from the situation of prisoners of war who were in Soviet camps after the 2nd World War. However, there are two important points in this matter that have affected the entire history of their stay in the Soviet Union. The first is that the Japanese prisoners of war and prisoners of war of other nationalities who fought in the Far East during the 2nd World War against the Soviet Union, did not make any single shot on its territory, and it is the lack of anger at them most of the Soviet people facilitated their position in captivity. The second, very important point, as a rule, in many works is not covered: its essence is that prisoners of war avoided the situation with the famine in many territories of the USSR in the postwar period-drought, crop failure, etc. According to the norms of content, they had to, and basically received food in accordance with the established norms. Based on the previous studies on the issues of captivity, it can be concluded that the conditions of detention of Japanese prisoners of war in different regions of the USSR were almost the same. In addition, orders, directives, orders, circular letters, as a rule, concerned all the camps of prisoners of war in the territory of the Soviet Union. The difference was only in the climatic conditions of the camp location, the environmental situation in the region, the sphere of labor use of prisoners of war and the completeness of their food and household supplies.

Keywords: *Captivity, captured generals, prisoners of war, Emperor, Mancho-Go, Soviet Union, Soviet-Japanese war, The 2nd World War, Japan*

Article info: Received August 14, 2018; accepted for publication September 10, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Karasev S.V., Kuznetsov S.I., Soloviev A.V. The internment of the higher officers of the Quantung army to USSR after the Soviet-Japanese war of 1945. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):230–238. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-230-238.

ИНТЕРНИРОВАНИЕ ВЫСШЕГО ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА КВАНТУНСКОЙ АРМИИ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПОСЛЕ СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1945 г.

© С.В. Карасёв[a], С.И. Кузнецов[b], А.М. Соловьёв[c]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83
[b] Иркутский государственный университет
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
[c] Почетный гражданин Забайкальского края
672000, Российская Федерация, г. Чита, ул. Бабушкина, 64

Аннотация: Подход к содержанию японских военнопленных, оказавшихся в Советском Союзе после войны с Японией, был стандартным и по сути не отличался от содержания военнопленных других национальностей. Однако то обстоятельство, что японские военнопленные, а также военнопленные других национальностей, воевавшие на стороне Японии, не сделали ни одного выстрела на территории Дальнего Востока, не вызывало у советских людей гнев, что несколько облегчало их положение в плену. Другим важным моментом их содержания, который не рассматривается в других работах, является то, что, несмотря на ситуацию с голодом, возникшую на территории СССР в послевоенный период из-за засухи и неурожая, они должны были обеспечиваться продуктами питания в полном объеме по установленным нормам. Таким образом, исследования позволяют сделать вывод, что отношение к японским военнопленным в различных регионах СССР было практически одинаковым, как и приказы, распоряжения, циркулярные письма, которые охватывали все места заключений военнопленных. Разница состояла только в климатических, географических, экологических условиях конкретного региона и направления использования труда военнопленных, полноте и регулярности снабжения мест заключений необходимыми составляющими.

Ключевые слова: *плен, пленные генералы, военнопленные, император, Маньчжоу-Го, Советский Союз, Советско-японская война, Вторая мировая война, Япония*

Информация о статье: Дата поступления 14 августа 2018 г.; дата принятия к печати 10 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Карасёв С.В., Кузнецов С.И., Соловьёв А.М. Интернирование высшего офицерского состава Квантунской армии в Советский Союз после Советско-японской войны 1945 г. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):230–238. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-230-238.

Captivity and internment along with other problems connected with them represent an important part of the international relation history and are, in fact, the history of countries and nations interrelationship.To study their historical, political, international-legal, psychological and phylosophical aspects is very important from both practical and humanitarian points of view.

The 2nd World War is no exception in this respect and is characterized by the number of prisoners of war up to the order of 35 million. The Soviet Union and Japan were among the participants of this most bloody armed confrontation.

The army of up to 1 072 000 strong was bunched by Japan in the Far East region of the USSR with the purpose of leading active warfare to withstand persistently the advancing military units. The Soviet troops (the RAWP) and some subunits of the Army of Mongolia of the overall strength reaching 1 685 500 confronted the army of Japan.

The military campaign was of a short duration and swift and resulted in many thousands of captives being interned in the USSR.

As for the total number of prisoners of war and interned people, who were found in the captivity in the USSR in 1945 after the Soviet-Japanese war, the figures differ significantly in various sources. Thus, you can find the number of 609 448 in regard of Japanese captives (163 generals, 26 573 officers and 58 720 petty officers and privates) in the cover-letter by S. Perevertkin, the USSR Home Affairs Vice-Minister, to N. Khrushchov, the First Secretary of the CPSU Central Committee. There is a somewhat different figure to denote the prisoners of war captured at Zabaikalsk, First and Second Far East fronts in Volume 11 of the "Second World War History". These statistical data are represented in Table 1.

Our work with the documents having custody of records in the Central Archives of the RF Ministry of

Table 1

The number of prisoners of war captured by the troops of The Worker-Peasant Red Army

Таблица 1

Количество военнопленных, захваченных войсками Рабоче-крестьянской Красной армии

Front			Total number of Prisoners
Transbaikalian	1st Far Eastern	2nd Far Eastern	
220 135	107 891	265 964	593 990

Based on the Data: The History of World War II, 1930–1945, 1980, p. 253.

Defence allowed us to make certain figures more precise and identify the number of prisoners of war which is represented in Table 2.

The data regarding the number of prisoners of war issued by department heads of the PCDA at the fronts are somewhat different from the ones submitted in Table 3.

One of the documents having custody of records in the State Military Archives of Russia gives the most detailed picture of enemy prisoners of war and civilians capturing. Taking into consideration the indices found in this document as well as the number of the captives on nationalaties in the accounts pertaining to the fronts involved into the military affairs in the Far East in the period of August-September 1945, it is possible to make the conclusion that 640 369 were taken captives during the whole period of the territory being occupatied by the Red Army troops, among them Japanese making up 609 825, Manchurians – 10 263, Korean – 10 668, Chinese – 9 080, Mongilian – 450; other nationalities – 83 (State Military Archives of Russia. F. 1/п. Invent. 01-e, f. 40, s. 18). However, the line of "other nationalities" seems to be a disputable issue. Only 83 people are indicated here (State Military Archives of Russia. F. 1/п. Invent. 01-e, f. 40, s. 18).

It is known that while the 1st Red Banner Army reported of finding 83 Russian people in the camps for

Table 2

The number of prisoners of war captured by Soviet troops in the military affair with Japan in 1945

Таблица 2

Количество военнопленных, захваченных Советскими войсками в военных действиях против Японии в 1945 г.

Front	Nationalities captured, number of individuals				Total number
	Japanese	Chinese	Koreans	Manchurian	
1st Far East	224 285	6 319	7 326	9 297	267 227
2nd Far East	112 190	–	–	9 627	121 817
Zabaikalski	No nationalities	Were indicated	In the end of the Military affair	Military affair	220 114
Total number					609 158

Basing on the materials having custody of records at the Central Archives of RF Ministry of Defence, F. 210, 234, 238.

Table 3

The number of prisoners of war according to the data issued by department heads of People's Commissariat of internal Affairs regarding the prisoners of war cases at the fronts

Таблица 3

Численность военнопленных по данным начальников отделов Народного комиссариата внутренних дел по делам военнопленных на фронтах

Front	The total number of captured	Japanese among them
1st Far East	267 225	224 285
2nd Far East	121 817 (an error is in the document. One should read: 121 816)	112 190
Zabaikalski	225 371	209 484
Total	614 413	545 959

From the Central Archives of the RF Ministry of Defence: F. 210. Invent. 3152, f. 52, s. 194; F. 234. Invent. 3213, f. 422, s. 7; F. 238. Invent. 1584, f. 139, s. 13.

prisoners of war on the occupied territories (State Military Archives of Russia. F. 1/п. Invent. 01-e, f. 15, s. 46), the 36th Army reported of 65. (Central Archives of RF Ministry of Defense. F. 210. Invent. 3152, f. 52, s. 54). Besides, one prisoner of war, a Ukranian, was not mentioned in the reports (State Military Archives of Russia. F. 1/п. Invent. 01-e, f. 15a, s. 96).

Two prisoners of war of german nationality were mentioned among the ones listed in the former Japanese Army reference of captivity. They were on the territory of Buryat-Mongolian ASSR, though they had arrived there from the European part of the USSR and were not in relation with any prisoners of war captured by the former Japanese Army, nevertheless they were entered into the statistical data (State Military Archives of Russia. F. 1/п. Invent. 01-e, f. 15a, s. 96). Thus, 167 is the number of prisoners of war mentioned in the graph of "other nationalities", whereas the total number of prisoners of war is given in Table 4.

Thus, it can be assumed with a high degree of faithfulness that the total number of prisoners of war reached 640 453, 609 825 Japanese including.

From this number, 15 986 captives died at the fronts, and 12 318 prisoners were departed to the Government of Mongolia (according to the State Military Archives of Russia, F. 1/п. Invent. 01-e, f. 40, s. 257), 2 822 of them having died (according to the data of State Military Archives of Russia, F. 1/п. Invent. 19 т, f. 6, s. 2). 64 888 were released and sent off directly from the fronts (the State Military Archives of Russia, F. 1/п. Invent. 01-e, f. 15a, s. 96). On the basis of all this, about 547 261 captives could be moved onto the territory of the Soviet Union.

In addition to the captives of non-commissioned ranks and officers, both generals and admirals of the Japanese Army and Fleet and other persons equal to them in the rank in regard of their positions occupied before the capture were departed onto the territory of the USSR. Their numbers, too, differ considerably depending on the sources. Thus, the newspaper of "Pravda" of September 12, 1945 shows their number to be 148, whereas the Report of the USSR Home Affairs Ministry to the Government of the Soviet Ubion of October 12, 1956 informs of 170 generals (The Journal of Military History, 1991, no. 4, p. 67), while the Report of the USSR Home Affairs Ministry of October 13, 1 056 specifies their number in accordance with the data given in Table 5.

In the course of our work with the documents having custody of records in the State Military Ar-

Table 4

The total number of prisoners of war captured in the run of the Soviet Union-Japanese war of 1945

Таблица 4

Общее число военнопленных, захваченных в ходе Советско-японской войны 1945 г.

Nationality	Number of individuals
Japanese	609 825
Manchurians	10 263
Koreans	10 668
Chinese	9 080
Mongolians	450
Malayans	11
Russians	148
Buryats	5
Tunguses	2
Ukranians	1
Total	640 453

Compiled basing on the data of the State Military Archives of Russia. F. 1/п. Invent. 01-e, f. 15, s. 46; f. 15a, s. 96; f. 40, s. 18; Central Archives of RF Ministry of Defense F. 219. Invent. 3152, f. 52, s. 54; The Journal of Military History, 1991, no. 4, p. 69.

Table 5

The number of captured generals with regard to their nationalities

Таблица 5

Количество захваченных генералов с учетом национальности

Nationality	Number of individuals
Japanese	163
Chinese	24
Korean	1
Mongolian	3
Total	191

Based on the Data: The Journal of Military History, 1991, no. 4, p. 68.

chives of Russia (RSMA) a document was found which allows not only determining a more precise number of generals captured by Soviet troops during the Soviet-Japanese War in 1945, but also making the motives of inconsistent numbers out concerning this category of captives. The document is mentioned in Inventory 1a of the 463/п fund under the title of "Accounting records concerning released and deceased captive generals of the Western and Japanese armies for the period of 1943–1972". The family names of generals, admirals and high rank civilians of Japanese, Chinese, Korean and Mongolian nationalities were listed in it as the ones having accounting records of proceedings in addition to the list covering the names of those captured and interned who belong to the same category and are only supplied with registration cards. Besides, a list of captive generals was separately represented in this inventory without the nationality being indicated.

The investigation of this document revealed that the notion "captured generals" covers not only service personnel serving in the army in these military ranks, but also retired generals, marshals along with the persons whose position is equated to that of a general. More than that, Manchjow-Go, the Emperor, himself, some of his relatives and just civilians are registered in this list.

Certainly, the resulting list mustn't be looked at as absolutely accurate one due to individual documents being inaccessible, but formerly known documents though never before introduced into scientific work were considered during its making. The military rank and nationality distribution of prisoners of war over the USSR territory is represented in Table 6.

From the data in Table 6, it is followed that the greatest number of captured dignitaries refers to Japanese. They make up 81,25 % of the general number of prisoners of war who belong to this category, whereas the least number refers to captured Korean, Manchurian and Buryat generals which is 1 and makes

Table 6

The militari rank and nationality distribution of prisoners of war

Таблица 6

Воинские звания и национальность военнопленных

Nationality	Marshal	General-in-chief	General-leutenant	General-major	General	Rear-admiral	Vice-admiral	Total, individuals
Japan	–	2	63	123	2	3	2	195
Chine	1	3	7	13	–	–	–	24
Manchurian	–	–	1	–	–	–	–	1
Mongolian	–	–	2	1	1	–	–	4
Korean	–	–	1	–	–	–	–	1
Buryat	–	–	1	–	–	–	–	1
Nonidentif.	–	–	4	10	–	–	–	14
Total	1	5	79	147	3	3	2	240

Compiled on the basis of materials submitted by the State Archives of RF, F. 9401. Invent. 2, f. 98, s. 282–283; f. 134, s. 266, 270, 283; f. 269, s. 11–15, 165–167, 202, 370; State Military Archives of Russia. F. 1-a. Invent. 34, f. 10, s. 1; F. 1/п. Invent. 19 m, f. 6, s. 38–39, 41a; F. 463/п. Invent. 1a, s. 5–26; The Archives of Zabaikalsk Regional Security Service Board, archive f. 222, s. 1–23, 25–40, 45, 47, 99–145; the Archives of Vladimir Region Domestic Affair Department. F. 10, arch. f. 3250, 3093; the Archives of the Information Center integrated into Khabarovsk Region Domestic Affairs Department. F. 13. Invent. 0021, s. 25; the Archives of ОД-1/ Т2, the penal authority under the comtrol of Ministry of Justice, Russia; Bodies of State Security Service in the Great Patriotic War, 8 volumes. Vol. 2, book 1, 2000, pp. 321–322.

up 0,41 % for each nationality. At the moment of capturing, 8 persons were retired which makes up 3,33 % of the total number of the captives belonging to this category.

Before the capture they occupied different positions. From the biographies of generals kept in the Soviet Union it follows that they were real professionals and they had overcome all the stages of "army service stairs" Their loyalty to Japan, the Emperor causes no doubt and one feels deeply impressed with their efficiency when, following the Emperor's Decree, they surrendered their weapons in arms thus showing their complete fidelity to their duty (Central Archives of the RF Ministry of Defense. F. 210. Invent. 3141, f. 75, s. 45, 108; Invent. 3116, f. 265, s. 41, 46, 61).

While working with the documents having custody of records at the SMA of RF, it was found out that 34 out of the total number of captured generals died, 33 of them being buried or cremated in the Soviet Union. One person, a Chinese, Lyui Lyun Huan by name, also died. He was an Envoy of Mancho-Go in China and belonged to the personalities equated with the highest officers in relation of the positions they occupied before the captivity. His death was caused by hypertension and cardiac asthma. He was buried in the graveyard for prisoners of war in Khabarovsk. Lyui Lyun Huan being taken into consideration in the list of generals who died while being captured in the Soviet Union, the figures look as follows: Japanese – 33; Mongolian – 1; Chinese – 1 (the data were calculated basing on the materials of the State Military Archives of Russia. F. 463/п. Invent. 1a).

The data on the causes of their deaths are represented in Table 7.

From Table 7 it follows that cerebral haemorrhage was the maim cause of death among the generals and persons equated with them. Tuberculosis as a cause of death was also registered rather often in this group of prisoners of war – 4 death cases. Conditions of life, the psychological factor and age-related acute conditions of previously acquired deseases were among the reasons that caused deaths of the prisoners of war.

The generals, who happened to be made prisoners in the Soviet Union as a result of the war between Japan and the Soviet Union in 1945, were to suffer different fates. However, the complete analysis of their cases was impossible to be made due to contradictory data relatively the total number of the prisoners of war who belong to this category.

On 11 January 1950, according to the conclusion of the Soviet administration, the state of the total number of generals registered was characterised as follows:

– charged by the Military Tribunal with vigorous intelligence activities and preparation for bacteriological warfare against the USSR – 10 cases;

– died for old age and chronic diseases not connected with the retaining in custody – 21 cases;

– repatriated home – 15 cases;

– kept in prison – 121 cases, of whom 80 cases were subject to be repatriated home due to lack of discrediting evidence and in connection with the poor state of their health (State Archives of RF. F. 9401. Invent. 2, f. 269, s. 8).

The list of generals who, in the opinion of the Soviet Union, were subject to being brought before the court of the Military Tribunal for the crimes against the USSR was divided into the following categories:

– those who organised the transfer of intelligence agents and diversionists on the USSR territ – 20 cases;

– police high-level personnel – 2 cases;

– those who participated in preparing the aggression aimed at the USSR;

– 2 cases (State Archives of RF. F. 9401. Invent. 2, f. 269, s. 14, 15).

On 18 July 1950, 969 prisoners of war from Japan were turned over to Lu Si, a representative of the Chinese People's Republic FA Ministry, on Pogranichnaya station, the group including 17 generals. The handover of the prisoners was performed in the accordance with the act of the record and nominal list with eclosure of the evidence for each of the prisoners (it was impossible to handover two of the prisoners due to their deaths) (State Archives of RF. F. 9401. Invent. 2, f. 269, s. 399). Lu Si expressed his gratitude for the evidence in regard of the prisoners saying: "The availability of these materials will make it possible for the bodies of China Public Safety Ministry to conduct an investigation in a shorter time in regard of these personalities and to make them legally liable for their

Table 7

Pathological conditions that caused death of Japanese and Mongolian generals and other personalities equated with the highest officers taken prisoners by the The Worker-Peasant Red Army troops in August – September, 1945

Таблица 7

Патологические состояния, приведшие к гибели японских и монгольских генералов и других лиц, приравненных к высшим офицерам, взятых в плен войсками Рабоче-Крестьянской Красной Армией в августе – сентябре 1945 г.

Cause of death	Nationality		
	Japanese	Mongolian	Chinese
Suicide	3	–	–
Cerebral haemorrage	8	1	–
Peritonitis	1	–	–
Rupture of aortic aneurism	1	–	–
Pneumonia and tuberculosis	1	–	–
Non-identified	1	–	–
Tuberculosis	4	–	–
Pulmonary edema	1	–	–
Cardioplegia	1	–	–
Essential hypertension	2	–	–
Stomach cancer	2	–	–
Vast atherosclerosis	3	–	–
Encephalitis	1	–	–
Ulceration, anaemia	1	–	–
Diabetes mellitus	1	–	–
Cerebral inflammation, pneumonia	1	–	–
Cerebral oedema	1	–	–
Essential hypertension, cardiac asthma	–	–	1

Compiled basing on the materiols of the State Military Archives of Russia. F. 463/п. Invent. 1а, f. 431, 432, 442, 448–496, 498–650, 656–663.

activities" (State Archives of RF. F. 9401. Invent. 2, f. 269, s. 401).

On 23 December 1956, 1 025 Japanese citizens were repatriated on having been given amnesty, 22 generals and personalities equated with them, 23 officers and 710 soldiers and other personalities being among them. The handover was performed by Lieutenant-colonel Nikanorov as a representative of the Soviet side and a detective in charge of the Jail Section integrated into the USSR MDA (State Military Archives of Russia. F. 1/п. Invent. 32, f. 1. s. 2, 3).

References

Achkasov V.I., Plotnikov G.K., Alekseev M.A., Babakov A.A., Bagrov V.N., Buturlinov V.F., Vasilevskij A.M., Gaglov I.I., Gorshkov S.G., Dubinskij A.M., Zhilin P.A., Znobishhev S.K., Ivanov S.P., Isaev S.I., Kalinina I.M., Kolychev V.G., Kondrat'ev G.S., Kravchenko G.S., Kumanev G.A., Levchenko V.N., Dedovskij A.M., Markov A.P., Mitro-

Библиографический список

Ачкасов В.И., Плотников Г.К., Алексеев М.А., Бабаков А.А., Багров В.Н., Бутурлинов В.Ф., Василевский А.М., Гаглов И.И., Горшков С.Г., Дубинский А.М., Жилин П.А., Знобищев С.К., Иванов С.П., Исаев С.И., Калинина И.М., Колычев В.Г., Кондратьев Г.С., Кравченко Г.С., Куманев Г.А., Левченко В.Н., Дедовский А.М., Марков А.П.,

fanova A.V., Pegov N.M., Perechnev Ju.G., Rahmanin O.P., Sapozhnikov G.G., Sevast'janov G.N., Sladkovskij M.I., Smirnov L.I., Cvigun S.K., Jakushevskij A.S. *Istorija vtoroj mirovoj vojny 1939–1945 gg*. [The history of the Second World War, 1939–1945.]. In 12 volumes. Vol. 11. *Porazhenie militaristicheskoj Japonii. Okonchanie vtoroj mirovoj vojny* [The defeat of militaristic Japan. The end of the Second World War]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Publ., 1980, 496 p. (In Russian).

Bazarov O.D. *Chto izvestno o japonskih voennoplennyh v Burjatii posle Vtoroj mirovoj vojny* [What is known about the Japanese prisoners of war in Buryatia after the Second World War]. *Istorija Burjatii v voprosah i otvetah* [History of Buryatia in questions and answers]. Iss. 3. Ulan-Udje: Sibir' Publ., 1992, pp. 71–72. (In Russian).

Velikaja Man'chzhurskaja imperija: k desjatiletnemu jubileju [Great Manchu Empire: to the tenth anniversary]. Harbin: Gosudarstvennaja organizacija Kio-va-kaj i Glavnoe bjuro po delam rossijskih jemigrantov v Man'chzhurskoj imperii Publ., 1942, 416 p. (In Russian).

Zagorul'ko M.M. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. Moscow: Logos Publ., 2000, 1120 p. (In Russian).

Krivosheev G.F. *Grif sekretnosti snjat. Poteri vooruzhennyh sil SSSR v vojnah, boevyh dejstvijah i voennyh konfliktah: statisticheskoe issledovanie* [The neck of secrecy has been removed. Losses of the USSR Armed Forces in wars, hostilities and military conflicts: a statistical stu*dy*]. Moscow: Voenizdat Publ., 1993, 416 p. (In Russian).

Karasjov S.V. *Istorija prebyvanija japonskih voennoplennyh v sovetskom plenu v dokumentah (1945–1956 gody)* [History of the stay of Japanese prisoners of war in Soviet captivity in documents (1945–1956)]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2011, 112 p. (In Russian).

Karasjov S.V. *Japonskie voennoplennye na territorii Chitinskoj oblasti (1945–1949 gg.)* [Japanese prisoners of war on the Chita region territory (1945–1949)]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2003, 154 p. (In Russian).

Kuznecov S.I. *Japoncy v sibirskom plenu (1945–1956 gg.)* [Japanese in Siberian captivity (1945–1956)]. Irkutsk: Izdatel'stvo zhurnala “Sibir'” Publ., 1997, 262 p. (In Russian).

Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne [Services of state security of the USSR in the Great Patriotic War]. In 8 volumes. Vol. 2. *Nachalo* [Beginning]. Book. 1 (June 22 – August 31, 1941). Moscow: Rus' Publ., 2000, 718 p. (In Russian).

Pu I. *Pervaja polovina moej zhizni. Vospominanija Pu I – poslednego imperatora Kitaja* [The first half of my life. Reminiscences of Pu E, the last Emperor of China]. Moscow: Progress Publ., 1968, 424 p. (In Russian).

Krivosheev G.F. *Rossija i SSSR v vojnah XX veka. Poteri vooruzhennyh sil: statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Losses of the armed forces: a statistical study]. Moscow: Olma-Press

Митрофанова А.В., Пегов Н.М., Перечнев Ю.Г., Рахманин О.П., Сапожников Г.Г., Севастьянов Г.Н., Сладковский М.И., Смирнов Л.И., Цвигун С.К., Якушевский А.С. История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 11. Поражение милитаристической Японии. Окончание второй мировой войны. М.: Военное издательство, 1980. 496 с.

Базаров О.Д. Что известно о японских военнопленных в Бурятии после Второй мировой войны // История Бурятии в вопросах и ответах. Вып. 3. Улан-Удэ: Сибирь. 1992. С. 71–72.

Великая Маньчжурская империя: к десятилетнему юбилею. Харбин: Государственная организация Кио-вакай и Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942. 416 с.

Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000. 1120 с.

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / ред. Г.Ф. Кривошеев. М.: Воениздат, 1993. 416 с.

История пребывания японских военнопленных в советском плену в документах (1945–1956 годы): сб. документов / сост. С.В. Карасёв. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. 112 с.

Карасёв С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945–1949 гг.). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 154 с.

Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск: Изд-во журнала «Сибирь», 1997. 262 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 8 т. Т. 2. Начало. Кн. 1 (22 июня – 31 августа 1941 года). М.: Русь, 2000. 718 с.

Пу И. Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И – последнего императора Китая. М.: Прогресс, 1968. 424 с.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: статистическое исследование / отв. ред. Г.Ф. Кривошеев. М.: Олма-Пресс, 2001. 608 с.

Publ., 2001, 608 p. (In Russian).

Stavickij V. *Specsluzhby i chelovecheskie sud'by* [Secret services and human fates]. Moscow: Olma-Press Publ., 2000, 320 p. (In Russian).

Takusiro Hattori. *Japonija v vojne. 1941–1945* [Japan in the war. 1941–1945]. Saint-Petersburg: Poligon Publ., 2000, 880 p. (In Russian).

Usov V.N. *Poslednij imperator Kitaja. Pu I (1906–1967)* [The last Emperor of China. Pu E (1906–1967)]. Moscow: Olma-Press Publ., 2003, 417 p. (In Russian).

Nimmo William F. Japanese in Soviet Custody, 1945–1956. New York – Westport, Connecticut – London: Greenwood Press, 1978, 150 p.

Attribution criteria

Karasev S.V., Kuznetsov S.I., Soloviev A.V. conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Information about the authors

Sergey V. Karasev,
Dr. Sci. (History), senior lecturer, professor of the Department of History and Philosophy,
e-mail: s.karasev@bk.ru
Sergey I. Kuznetsov,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of World History and international relation,
e-mail: s.kuznetsov@hist.isu.ru

Alexey V. Soloviev,
Honorary citizen of Zabaikalsky Krai,
e-mail: avs1@bk.ru

Спецслужбы и человеческие судьбы / сост. В. Ставицкий. М.: Олма-Пресс, 2000. 320 с.

Такусиро Хаттори. Япония в войне. 1941–1945. СПб.: Полигон, 2000. 880 с.

Усов В.Н. Последний император Китая. Пу И (1906–1967). М.: Олма-Пресс, 2003. 417 с.

Nimmo William F. Japanese in Soviet Custody, 1945–1956. New York – Westport, Connecticut – London: Greenwood Press, 1978. 150 p.

Критерии авторства

Карасёв С.В., Кузнецов С.И., Соловьев А.В. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Карасёв Сергей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии,
e-mail: s.karasev@bk.ru
Кузнецов Сергей Ильич,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений,
e-mail: s.kuznetsov@hist.isu.ru
Соловьёв Алексей Владимирович,
почетный гражданин Забайкальского края,
e-mail: avs1@bk.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 355/359
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-239-247

«НА ШТАТЫ МИРНОГО ВРЕМЕНИ»: ПОСЛЕВОЕННАЯ СУДЬБА СФОРМИРОВАННЫХ НА ЗАБАЙКАЛЬСКОМ ФРОНТЕ В 1941–1943 гг. СТРЕЛКОВЫХ КОРПУСОВ И ДИВИЗИЙ

© В.Н. Воронцов

Иркутский государственный университет путей сообщения
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15

Аннотация: В статье рассматривается послевоенная судьба стрелковых корпусов и дивизий, сформированных в составе Забайкальского фронта во время Великой Отечественной войны. Этот фронт служил защитой от японской агрессии и территорией подготовки стратегических резервов. Сделан экскурс в раннюю предысторию и дан обзор развертывания воинских соединений в Забайкалье в 1941–1943 гг. На основе впервые вводимых в научный оборот руководящих указаний и отчетных материалов предметно показан перевод воинских соединений после 1945 г. на мирное положение. Подробное рассмотрение архивных документов, их хронологии и содержания решает и вспомогательные источниковедческие задачи. Успешная демобилизация, являясь исключительно сложным и многоплановым общегосударственным мероприятием, продемонстрировала зрелость и эффективность сталинского режима. Интересна и поучительна панорама распоряжений по реорганизации всей армейской структуры на ее жестко-плановую адаптацию к мирным условиям. На конкретных примерах показана отработанная практика расформирования отдельных дивизий, направления высвобождаемого личного состава и передачи военного имущества. Приведены и обобщенные сведения о боевой подготовке соединений, которую затруднял отрыв личного состава на работы в народном хозяйстве, а также рассмотрены проводившиеся вышестоящими инстанциями инспекции. Показан ход и последствия передислокации управления 85-го стрелкового корпуса на Курильские острова.

Ключевые слова: *формирования военного времени; Забайкальский военный округ 1941 г. и 1947–1953 гг.; Забайкальский фронт 1941–1945 гг.; Забайкальско-Амурский военный округ 1946–1947 гг.; 85-й и 86-й стрелковые корпуса; 209-я, 210-я, 284-я, 293-я стрелковые дивизии; расформирование; директивы; приказы; инспекции; Советская армия; военное строительство; отрыв от боевой подготовки*

Информация о статье: Дата поступления 1 августа 2018 г.; дата принятия к печати 27 августа 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Воронцов В.Н. «На штаты мирного времени»: послевоенная судьба сформированных на Забайкальском фронте в 1941–1943 гг. стрелковых корпусов и дивизий. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):239–247. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-239-247.

"TO THE STAFF OF PEACETIME": THE POSTWAR FATE THE INFANTRY CORPS AND DIVISIONS FORMED ON THE ZABAYKALSKY FRONT IN 1941–1943

© Vladislav N. Vorontsov

Irkutsk State University of Railway Engineering
15 Chernyshevsky Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract: The article considers the post-war history of infantry corps and divisions formed as part of the Zabaykalsky Front during the Great Patriotic War. This Font served as a defense against Japanese aggression and a territory for the preparation of strategic reserves. An excursion into the early prehistory and an overview of the deployment of military units in Transbaikalia in 1941–1943 is done. On the basis of the guidelines and reporting materials for the first time brought into scientific circulation the transfer of military units after 1945 to a peaceful situation is shown in detail. Detailed consideration of archival documents,

their chronology and content solves the auxiliary source problems. Successful demobilization, an extremely complex and multi-faceted national effort, has demonstrated the maturity and effectiveness of the Stalinist regime. Interesting and instructive panorama of the orders to reforming the entire army structure to rigidly-planned adaptation to peaceful conditions. Based on concrete examples, the worked out practice of disbandment of separate divisions as well as the direction of the released staff and transfer of military property are shown. Author gives and summarizes an information on military training of the units, which was complicated by the separation of personnel to work in the national economy and observes the inspections carried out by the higher authorities. It is shown also the process and consequences of the relocation of the staff of the 85th infantry corps on the Kuril Islands.

Keywords: *formation time of war; Trans-Baikal Military District in 1941 and 1947–1953; Zabaykalsky Front, 1941–1945; the Tran-Baikal-Amur Military District, 1946–1947; 85th and 86th infantry corps; 209th, 210th, 284th, 293th, 298th infantry division; disbandment; directives; orders; inspection; Soviet Army; military building; a breakaway from combat training*

Article info: Received August 1, 2018; accepted for publication August 27, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Vorontsov V.N. "To the staff of peacetime": the postwar fate the infantry corps and divisions formed on the Zabaykalsky front in 1941–1943. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):239–247. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-239-247.

Организационные мероприятия в Советской армии после окончания Второй мировой войны до настоящего времени в отечественной историографии нашли лишь самое общее (Очерки истории, 1986; Бабаков, 1987; Новиков, 2012; Самохин, 2013; Воронцов, 2018) и преимущественно поверхностное освещение. Описывающие «будни» отечественных войск в начале 1950-х годов мемуары содержательны, но немногочисленны (Варенников, 2001; Постников, 2004. С. 58, 64–70). Исследователи уделяют наибольшее внимание послевоенной судьбе отдельных военачальников (Ермаков, 2016), а также внешнеполитическим аспектам (Болдырев, 2017) и международному восприятию советской военной мощи (Glantz, 2005; Магадеев, 2017; Дин Ю.И., Мин К., 2018).

Перевод войск с военного на мирное положение – сложная и многоплановая задача, успешное решение которой служит показателем зрелости и эффективности олицетворявшегося И.В. Сталиным социалистического строя. Нам представляется весьма перспективным рассмотреть данный аспект советской военной истории на материале стрелковых соединений, сформированных в годы Великой Отечественной войны. Кроме того развертывание в военные годы дополнительных дивизий – важная особенность «перманентной мобилизации», свидетельство невероятного напряжения сил СССР, свидетельство двойственное, с одной стороны, созидательным опытом, с другой – носившее неизбежную печать заранее не готовившейся импровизации.

Роль Забайкальского военного округа, 15 сентября 1941 г. преобразованного в одноименный фронт (с сохранением функций округа), в Великой Отечественной войне трудно переоценить. Округ, затем фронт со штабом в Чите, служил надежной защитой от вероятной японской агрессии, территорией развертывания новых воинских соединений и уже в этом качестве важным резервом для советско-германского фронта[1] (Ордена Ленина Забайкальский, 1980; Форпост на востоке, 1985; Ростов, 2007. С. 152–206; Мармышев и др., 2016). В исторической литературе обобщен значительный массив информации, но все еще сохраняются отдельные разночтения[2], устранению которых мы планируем в будущем посвятить отдельную публикацию. Исключительный драматизм обстановки в Забайкалье наглядно передают и художественные фильмы «Приказ: огонь не открывать» 1981 года и «Приказ: перейти границу» 1982 года.

Развертывание воинских соединений в военное время весьма сложная задача. На русском ма-

[1] Габов С.А. Забайкальский военный округ в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (июнь 1941 – май 1945 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1975. 212 с. / Gabov S.A. Trans-Baikal Military District during the Great Patriotic War of the Soviet Union (June 1941 – May 1945): dis. ... Cand. Sci. (History): 07.00.02. Irkutsk, 1975. 212 p.

[2] Там же.

териале Первой мировой войны историк А.А. Керсновский анализировал истоки боевой работы сформированных в 1915–1916 гг. дивизий 3-й и 4-й очереди: Третьеочередные дивизии (100-я – 127-я пехотные, 4-я и 5-я Кавказские стрелковые) «не могли получить духовного наследия старых полков, не будучи с ними связаны кровно. Определяющим началом здесь были: во-первых, командиры, во-вторых, та среда, в которой этим полкам с четырехсотыми номерами пришлось сделать первые шаги и дать свои первые бои. Обстановка победоносного Брусиловского наступления сильно разнилась от унылого сидения в окопах на севере» (Керсновский, 1994. С. 204). Дивизии 4-й очереди (128-я – 138-я, 150-я – 194-я пехотные, 15-я – 22-я Сибирские стрелковые, и другие) формировались в конце 1916 г. средствами армейских корпусов. Полки из 4-батальонного состава приводились в 3-батальонный. Освобождавшиеся четвертые батальоны сводились затем в полки пятисотыми, шестисотыми и семисотыми номерами, к ним добавлялись ново сформированные из маршевых рот батальоны, и получалась 12-ти батальонная дивизия. «Над живыми, болезненно чувствительными организмами старых полков произведена грубая вивисекция… Новые полки, надерганные же с бору по сосенке наподобие куропаткинских отрядов, не обладали никакой спайкой и были боеспособностью значительно ниже ополченских дружин начала войны» (Керсновский, 1994. С. 112). Как сравнительный материал, показательна публикация о развертывании американской армии в ходе Первой мировой войны (Колосовский, 1922).

Формирования Забайкальского фронта

В июне – октябре 1941 г. Забайкальский округ отправил в действующую армию не менее 6 стрелковых дивизий еще довоенного формирования: 46-ю, 65-ю, 82-ю (мотострелковую), 93-ю, 114-ю, 152-ю. Забирать остальные соединения, сформированные до войны, Ставка не стала. Так, в 17-й армии оставались 36-я и 57-я мотострелковые дивизии, в 36-й армии – 94-я стрелковая. Последняя в феврале – марте 1942 г. отправила на советско-германский фронт свыше 4000 бойцов.

На смену убывшим соединениям уже осенью 1941 г. были сформированы 209-я и 210-я стрелковые дивизии, 51-я кавалерийская. Например, 209-я стрелковая дивизия разворачивалась на основании приказа Забайкальского военного округа № 00119 от 4 октября 1941 г. на станции Дивизионная Восточно-Сибирской железной дороги (Центральный архив министерства обороны (далее ЦАМО), Ф. 147. Оп. 1. Д. 3. Л. 1). 210-я стрелковая дивизия формировалась на основании приказа заместителя наркома обороны № орг/1448 от 4 октября 1941 г. на разъезде 77 железной дороги имени Молотова с 4 октября по 24 ноября 1941 г.

В декабре 1941 г. завершено формирование 456-й и 457-й стрелковых дивизий, сменивших 7 января 1942 г. нумерацию на 97-ю (позднее стала 83-й гвардейской) и 116-ю соответственно[3] (ЦАМО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1 Л. 1). На рубеже 1941-1942 гг. образованы 208-я и 401-я стрелковые дивизии (Ростов, 2007. С. 473–474)

К июню 1942 г. в составе Забайкальского фронта были сформированы 225-я, 226-я, 227-я, 228-я и 229-я отдельные стрелковые бригады. Например, 226-я бригада формировалась согласно приказу Забайкальского фронта № 00142 от 23 февраля 1942 г. в поселке Соловьевск с 1 марта по 15 апреля 1942 г. (ЦАМО. Ф. 2035. Оп. 1. Д. 1) На разъезде 76 железной дороги имени Молотова по приказу № 00474 от 17 июля 1942 г. сформирована 39-я отдельная стрелковая бригада, просуществовавшая до апреля 1943 г. (ЦАМО. Ф. 1835. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8). Летом 1942 г. развернуты 321-я и 399-я стрелковые дивизии, убывшие под Сталинград.

В июле – августе 1943 г. сформированы 275-я, 278-я, 284-я, 292-я, 293-я и 298-я стрелковые дивизии (Ростов, 2007. С. 475). Например, 284-я стрелковая дивизия сформирована 16 июля 1943 г. на базе 227-й стрелковой бригады в г. Чойбалсан

[3] Габов С.А. Забайкальский военный округ в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (июнь 1941 – май 1945 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1975. 212 с. / Gabov S.A. Trans-Baikal Military District during the Great Patriotic War of the Soviet Union (June 1941 – May 1945): dis. ... Cand. Sci. (History): 07.00.02. Irkutsk, 1975. 212 p.

(Монголия). К 7 августа 1943 г. район формирования 298-й стрелковой дивизии – станции Шарасун и Мациевская Читинской области.

10 сентября 1945 г. на базе управления Забайкальского фронта образовано управление Забайкальско-Амурского военного округа, включившего (большую, чем раньше) территорию от Байкала до Охотского моря, но без Приморья. Позднее возглавляемое маршалом Р.И. Малиновским управление Забайкальско-Амурского военного округа было преобразовано в управление Главкома войск Дальнего Востока. Поэтому 23 мая 1947 г. в Чите на базе управления 36-й армии был вновь создан Забайкальский военный округ, в ведение которого перешли Бурят-Монгольская АССР и Читинская область и советские войска в Монголии. 24 апреля 1953 г. в округ переданы территории Якутской АССР и Иркутской области (обе из расформированного Восточно-Сибирского военного округа).

К маю 1955 г. в Забайкальском военном округе размещалось 13,5 стрелковых, 3 танковые и 6 механизированных дивизий. В 1955–1965 гг. группировка была значительно ослаблена, лишившись всех танковых дивизий (Новиков, 2012. С. 113). После резкого обострения отношений с Китаем Забайкальский военный округ был вновь усилен, из европейской части СССР прибыли 10 дивизий, в том числе 3 танковые. «К началу 1984 г. округ считался перворазрядным и по своему составу уступал разве что Группе Советских войск в Германии» (Постников, 2004, С. 354).

86-й стрелковый корпус

Вернемся к судьбе отдельных соединений. 86-й стрелковый корпус сформирован с 27 июля по 1 августа 1943 г. в составе 36-й армии Забайкальского фронта. Формирование непосредственно управления корпуса проходило на станции Даурия с 7 по 27 августа 1943 г. (ЦАМО. Ф. 979. Оп. 1. Д. 3 «А». Л. 1). Источником послужили кадры частей и соединений 36-й армии. Возглавил корпус генерал-майор Викторов Василий Семенович. Первоначально в состав корпуса вошли 94-я стрелковая дивизия – «кадровая формирования 1939 г.»

В архивном фонде корпуса (ЦАМО. Ф. 979) отложились документы боевого планирования: «Карта оперативных заграждений и разрушений на фронте корпуса на 27 сентября 1943 г.», «Распоряжения штаба корпуса по оперативным заграждениям и разрушениям 13 ноября 1943 г. – 6 февраля 1944 г.», «Схема рекогносцировки предполья Бутур-Соктуевского рубежа» и т. д.

Корпус участвовал в боевых действиях против японских войск в Маньчжурии, а 20 сентября 1945 г. соединению было присвоено почетное наименование «Хинганский». Приказом командующего артиллерией 210-й стрелковой дивизии № 1 от 2 ноября 1945 г. сформирована 674-я артиллерийская бригада и назначен на должности личный состав бригады.

Согласно приказа войскам 36-й армии № орг/0056 от 28 декабря 1945 г. в состав 86-го стрелкового корпуса вошли 94-я стрелковая Краснознаменная дивизия, 210-я стрелковая Хинганская дивизия, 298-я стрелковая Хинганская дивизия. Согласно приказа войскам 36-й армии № орг/001 от 24 июня 1946 г. в «период проведения оргмероприятий в Советской армии июль-август месяцы 1946 г.» 210-я стрелковая Хинганская дивизия, 298-я стрелковая Хинганская дивизия, 414-й корпусный отдельный зенитный артдивизион расформированы.

Так 298-я стрелковая дивизия к моменту расформирования дислоцировалась на станции Мациевская Читинской области. Личный состав включал 975 офицеров, 1 834 сержанта, 3 139 рядовых, итого 5 984 чел., из которых подлежали демобилизации 856. В том числе уволено в запас призывников 1910–1921 гг. рождения 305 сержантов и 183 рядовых (ЦАМО. Ф. 1602. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–7).

В состав 86-го стрелкового корпуса вновь (в дополнение к 94-й стрелковой Краснознаменной дивизии) вошли: 209-я стрелковая Хинганская дивизия (командир дивизии – генерал-майора Дубовик), 3-я пулеметно-артиллерийская дивизия (полковник Павлов-Разин).

В течение 1946 г. части корпуса занимались боевой подготовкой по программам Министерства вооруженных сил, частью по нарядам 36-й армии и округа работали на лесозаготовках, на сенокошении военхозах и производили другие работы. В июне-августе 1946 г. общий отрыв по нарядам 36-й

армии составлял: 209-й стрелковой Хинганской дивизии – 3 394 чел., 94-й стрелковой Краснознаменной дивизии – 2 113 чел.

С 25 сентября по 5 октября 1946 г. военным советом Забайкальского военного округа проведены корпусные учения по теме «Прорыв позиционной обороны стрелковым корпусом». На учение выведены все корпусные части и стрелковые дивизии в штатном составе. По плану учений, корпус наступал в составе: 209-я стрелковая Хинганская дивизия, 14-я механизированная дивизия (из состава 6-й механизированной армии), 36-я стрелковая дивизия (без войск), 686-я корпусная артиллерийская бригада, 909-й отдельный батальон связи, 35-й танковый батальон, 52-й гвардейский минометный полк. Кроме того корпус был усилен 302 пушечной артбригадой (6-я механизированная армия). Обороняющаяся сторона – 94-я стрелковая Краснознаменная дивизия в штатном составе без средств усиления. На разборе учений командующий войсками Забайкальско-Амурского военного округа маршал Р.И. Малиновский действия частей оценил вполне удовлетворительно.

В ноябре 1946 г. 209-я дивизия инспектировалась комиссией корпуса, 94-я – комиссией Забайкальско-Амурского военного округа. На инспекторской проверке показали посредственную подготовку, на повторной проверке комиссией округа с 27 ноября по 10 декабря 1946 г. части 209-й дивизии получили плохую оценку. Причиной низкой оценки боевой подготовки стало «отсутствие борьбы со стороны штабов и командиров соединений за полный охват боевой подготовкой; подразделения и части, находившиеся на хозяйственных работах, боевой подготовкой не занимались, своевременно не подменялись и теряли свою боевую выучку, полученную в боях с японскими империалистами» (ЦАМО. Ф. 979. Оп. 1. Д. 3 «а». Л. 10).

На 1 января 1947 г. 86-м стрелковым Хинганским корпусом командовал гвардии генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Кравцов Иван Кондратьевич (командовал до 1949 г. включительно), начальником штаба был гвардии полковник Тузов Александр Владимирович (в 1949 г. подполковник Бабинцев). Инспекторских смотров и общевойсковых учений в частях корпуса в течение 1947 г. не проводилось. В конце года проведено командно-штабное учение «Армейская наступательная операция», где управление 86-го корпуса играло за армейское управление. Оценка командующего войсками Забайкальского округа генерал-полковника Коротеева – «с возложенными задачами на учениях управление справилось».

В 1948 г. часть личного состава занята уборкой урожая и другими работами, летом в среднем 36-я стрелковая дивизия отрыва от боевой подготовки 1540 чел. По 94-й дивизии в октябре отрыв – 1642 чел. В октябре на инспекторской проверке подготовка первого соединения оценена, как хорошая, второго – посредственная (Приказ Забайкальскому округу № 0330).

Расформированы «в ходе оргмероприятий»

По приказу войскам Забайкальско-Амурского военного округа № орг/0014 от 3 марта 1947 г. и приказа войскам 36-й армии № орг/001 от 6 марта 1947 г. «на основании дальнейших проводимых оргмероприятий в Советской армии» 209-я стрелковая Хинганская дивизия, 686-я корпусная артиллерийская бригада и 52-й гвардейский минометный полк в полном составе были расформированы (ЦАМО. Ф. 979. Оп. 1. Д. 3 «А». Л. 5).

Рассмотрим ход расформирования соединений более детально, на примере 209-й стрелковой дивизии. Основание расформирование: директива начальника Генерального штаба вооруженных сил СССР орг/1/470425 от 25 февраля 1947 г. и приказы войскам 36-й армии № орг/001 от 6 марта 1947 г. Ко дню расформирования (период с 8 марта по 10 июня 1946 г.) соединение насчитывало: 798 офицеров, 1 162 сержантов, 2 386 рядовых. Из них для прохождения дальнейшей службы направлено 552 офицера, 3 009 сержантов и рядовых. Демобилизовано 246 офицеров, 479 сержантов и рядовых. Интересна география увольнения в запас (по месту жительства) призывников 1923–1924 гг. рождения и сверхсрочников, окончивших службу. В Восточно-Сибирский военный округ направлялось 50 сержантов и 46 рядовых, в Западно-Сибирский – 91 и 73, Уральский – 17 и 22, Московский – 24 и 18, Киевский – 25 и 12, Ленинградский – 4 и 4, Турке-

станский – 15 и 25, Приволжский – 26 и 17, Забайкальско-Амурский – 4 и 6.

Офицерский состав 209-й стрелковой дивизии (798 чел.) откомандирован следующим образом: офицеры пехоты: 65 человек в 36-ю стрелковую дивизию, 69 – в 94-ю стрелковую, 24 – в 3-ю отдельную пулеметно-артиллерийскую, 28 – в 8-ю отдельную пулеметно-артиллерийскую, 96 – уволено в запас Советской армии, 14 – направлено в отдел кадров Забайкальско-Амурского военного округа, 2 – Закавказского, 1 – в дисциплинарный батальон, 4 – в отдел кадров 36-й армии, по одному человеку в разные взводы местных стрелковых войск: в 39-й и 144-й (г. Чита), 400-й и 473-й (Улан-Удэ), 173-й (Чойболсан), 77-й, 618-й (Нерчинск), 638-й (станция Бырка), по одному офицеру направлено в районные военные комиссариаты: Ленинский Еврейской автономной области, Газимуро-Заводской Читинской, Райчихинский Амурской, Курумканский Бурят-Монголии. Три офицера артиллерийской службы направлены в 7-ю кавалерийскую дивизию. Офицеры политаппарата в те же пять вышеперечисленных дивизий, 1 – в 61-ю танковую, по трое – в 1-ю отдельную Краснознаменную армию и 86-й стрелковый корпус Забайкальско-Амурского военного округа. Пять офицеров интендантской службы отправились в 6-ю мотомехармию округа, один в 61-ю танковую дивизию. По одному офицеру инженерной службы направлено в 62-ю и 70-ю комендатуры тылового оборонительного рубежа 36-й армии. Офицеры-медики: 6 – в 6-ю мотомехармию, 2 – в 7-ю кавалерийскую дивизию (ЦАМО. Ф. 979. Оп. 1. Д. 3 «А». Л. 8).

Конский состав передан в 8-ю (211 лошадей) и 3-ю (154) отдельные пулеметно-артиллерийские, в 7-ю кавалерийскую (154) и в 36-ю стрелковую (6) дивизии, в народное хозяйство (3). Автотранспорт, запчасти и инструменты сданы на сборный пункт станции Даурия, передан другим частям и в народное хозяйство. Причем из 552 автомобилей сданы в народное хозяйство только 6. Вооружение было передано в 36-ю и 94-ю стрелковые дивизии и на склад № 57 разъезд Лесной. Боеприпасы всех видов отправлены в 36-ю стрелковую дивизию и на склад станции Тальцы Восточно-Сибирской железной дороги.

В дальнейшем, 5 мая 1947 г. и 3-я пулеметно-артиллерийская дивизия в полном составе была расформирована. В июле 1947 г. в состав корпуса включены 8-я пулеметно-артиллерийская дивизия (генерал-майор Караманов) и 7-я кавалерийская Хинганская дивизия (генерал-майор Ягодин), а 94-я стрелковая Краснознаменная дивизия напротив выведена.

Согласно приказу войскам Забайкальского военного округа № орг/035 от 29 августа 1947 г. 7-я кавалерийская дивизия была выведена из состава корпуса в непосредственное подчинение командования округа, а в состав корпуса вновь введена 94-я стрелковая Краснознаменная дивизия. Согласно аналогичному приказу № 0027 от 2 июля 1948 г. из состава корпуса выведена 8-я пулеметно-артиллерийская дивизия и введена вновь в состав корпуса 36-я ордена Ленина стрелковая дивизия. В августе 1948 г. 94-я стрелковая Краснознаменная дивизия переведена с конной тяги на механизированную. Согласно приказу войскам Забайкальского военного округа № орг/036 от 3 августа 1948 г. в корпусе формируется 758-й корпусный отдельный зенитный артдивизион. Срок окончания формирования был установлен 1 марта 1949 г.

Согласно директиве Забайкальского военного округа № 19/0951/1 от 16 апреля 1949 г. управление корпуса со штата 4/50-В переведено на штат № 4/860-Б. В январе 1951 г. в штаты ряда корпусных подразделений включены должности заместителей командиров по политической части рот и им равных подразделений. В это время корпусом командовал гвардии генерал-майор Ягодин (в 1952 г. – генерал-майор Калюжный), начальником штаба был гвардии полковник Галимов. Повторим, что с 1947 г. корпус включал 36-ю и 94-ю стрелковые дивизии. (ЦАМО. Ф. 979. Оп. 1. Д. 3 «А». Л. 9).

На остров Итуруп

Управление 85-го стрелкового корпуса сформировано в период со 2 по 30 августа 1943 г. на Забайкальском фронте в поселке Улан-Цирик. В период войны корпус находился в составе 17-й армии.

Управление 85-го стрелкового корпуса с корпусными частями (907-й отдельный батальон свя-

зи, отдельная батарея командующего артиллерией корпуса, отдельный стрелковый взвод отдела контрразведки МГБ, 3852-я военно-почтовая станция) из состава 17-й армии Забайкальско-Амурского военного округа вышло и вошло в подчинение Дальневосточного военного округа, передислоцировавшись к 26 октября 1946 г. на остров Итуруп Курильской гряды, поселок Тошмои. После этого в боевой состав 85-го корпуса (командир генерал-лейтенант Иванов, начальник штаба генерал-майор Жашков) были включены следующие части и соединения с дислокацией: 355-я стрелковая дивизия штат № 5/40 поселок Тейнеи остров Итуруп; 2-я отдельная стрелковая бригада штат 04/30 остров Уруп; 1130-я отдельная стрелковая бригада штат 04/30 остров Кунашир (Кунашири); 302-й отдельный стрелковый полк (выведен из корпуса 30 июня 1947 г.) остров Мацува; 969-й отдельный саперный батальон штат 4/319-А остров Итуруп поселок Сэсэки. Основание – приказ войскам Дальневосточного военного округа № 0020 от 21 августа 1946 г.

На инспекторской проверке за 1946 г. получены оценки: 355-я стрелковая дивизия политическая подготовка – хорошо, огневая – хорошо, тактико-специальная – хорошо, строевая – посредственно; обе стрелковые бригады все оценки – посредственно; саперный батальон – все четыре оценки – хорошо (ЦАМО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 4. Л. 15).

30 июня 1947 г. в состав корпуса включены дополнительно два артиллерийских полка и четыре зенитно-артиллерийских дивизиона. В течение 1947 г. боевой подготовкой части корпуса не занимались. Личный состав частей и соединений занимался благоустройством войск, строительством жилого и служебного фонда. В течение 1948 г. боевой подготовкой занимались только учебные подразделения, офицерский состав и штабы, остальной личный состав был занят тем же что и в 1947 г. Такое отвлечение предписывали директивы командующего войсками Дальневосточного военного округа.

Согласно директиве того же должностного лица № 20/1/00395 от 29 апреля 1948 г. 355-я стрелковая дивизия переформирована в 7-ю пулеметно-артиллерийскую дивизию штат № 9/25 с дислокацией остров Итуруп, 113-я отдельная стрелковая бригада – в 15-ю пулеметно-артиллерийскую дивизию – остров Кунашир, 2-я отдельная стрелковая бригада – в 20-ю пулеметно-артиллерийскую дивизию – остров Ируп (ЦАМО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 4. Л. 5). В период с 1 июня по 1 августа 1953 г. 85-й стрелковый корпус был расформирован. Управление корпуса и управление 15-й пулеметно-артиллерийской дивизии вывезены во Владивосток для последующего расформирования. Из состава корпуса с 20 мая 1953 г. выведена 20-я пулеметно-артиллерийская дивизия, с 15 июня – 7-я пулеметно-артиллерийская дивизия, на доукомплектование последней передан высвобождаемый личный состав.

Библиографический список

Бабаков А.А. Вооруженные силы СССР после войны (1945–1986 гг.): история строительства. М.: Воениздат, 1987. 288 с.

Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Советская репарационная политика в Германии 1945–1953 гг. // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 49–69.

Варенников В.И. Неповторимое. В 7-ми т. Т. 2. Ч. III. Жизнь без войны. М.: Советский писатель, 2001. 544 с.

Воронцов В.Н. Военные комиссариаты Иркутской области после Второй мировой войны: проблемы повседневной деятельности // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3 (28). С. 217–226.

References

Babakov A.A. *Vooruzhennye sily SSSR posle voiny (1945–1986 gg.): istoriya stroitel'stva* [The Armed forces of the USSR after the War (1945–1986): the history of construction] Moscow: Voenizdat Publ., 1987, 288 p. (In Russian).

Boldyrev R.Yu., Nevskii S.I. Soviet reparation policy in Germany 1945–1953. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2017, no. 3, pp. 49–69. (In Russian).

Varennikov V.I. *Nepovtorimoe* [Unique]. In 7 volumes. Vol. 2. Part. III. *Zhizn' bez voiny* [Life without war]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 2001, 544 p. (In Russian).

Vorontsov V.N. The military Commissariats of the Irkutsk Region after the Second World War: problems of daily activities. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory], 2018, vol. 14, no. 3 (28), pp. 217–226. (In Russian).

Дин Ю.И., Мин К. Освещение сухопутной операции советских войск в Северной Корее в августе 1945 г. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 61–69.

Ермаков В.Д. И. Сталин и репрессии против командных кадров армии и флота в 1945–1953 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 45–48.

Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. Т. 4. 1915–1917 гг. М.: Голос, 1994. 368 с.

Колосовский В.В. Развертывание американской армии во время великой войны // Война и мир. Вестник военной науки и техники № 3 / ред. М.И. Тимонов. Берлин: Фаланга, 1922. С. 63–80.

Магадеев И.Э. СССР в оценках британской военной миссии в Москве (лето – осень 1945 г.). Публикация документов подготовлена И.Э. Магадеевым // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 16–38.

Мармышев А.В., Елисеенко А.Г., Новиков П.А. Сибирский марш: Красноярские стрелки во Второй мировой войне. Красноярск: Издательство Поликор, 2016. 416 с.

Новиков П.А. Советские войска в Восточной Сибири // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы VII Всеросс. науч.-практич. Интернет-конф. на сайте sib-subethnos.narod.ru (Красноярск, 15 сентября 2011 – 15 января 2012 г.). Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2012. С. 103–114.

Ордена Ленина Забайкальский. М.: Воениздат, 1980. 374 с.

Очерки истории Читинской областной организации КПСС / сост. Н.В. Гордеев. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. 432 с.

Постников С.И. В далеких гарнизонах. М.: «Polygon-press», 2004. 528 с.

Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой… Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны: монография. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, 2007. 561 с.

Самохин А.В. Реорганизация системы военного управления СССР 1945–1947 гг. // Власть и управление на востоке России. 2013. № 4 (65). С. 100–106.

Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Советская армия в годы «холодной войны» (1946–1991).

Din Yu.I., Min K. Covering the land operation of Soviet troops in North Korea in August 1945. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2018, no. 3, pp. 61–69. (In Russian).

Ermakov V.D. I. Stalin and repressions against the command personnel of the Army and Naval in 1945–1953. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of St. Petersburg University of Culture and Arts], 2016, no. 2 (27), pp. 45–48. (In Russian).

Kersnovskii A.A. *Istoriya russkoi armii* [The history of the Russian Army]. In 4 volume. Vol. 4. 1915–1917. Moscow: Golos Publ., 1994, 368 p. (In Russian).

Kolosovskii V.V. Deployment of the American army during the Great War. *Voina i mir. Vestnik voennoi nauki i tekhniki* [War and Peace. Military Science Bulletin], no. 3. Berlin: Falanga Publ., 1922, pp. 63–80. (In Russian).

Magadeev I.E. USSR in the estimates of the British Military Mission in Moscow (summer – autumn 1945). Publication of documents prepared by I.E. Magadeev. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2017, no. 5, pp. 16–38. (In Russian).

Marmyshev A.V., Eliseenko A.G., Novikov P.A. *Sibirskii marsh: Krasnoyarskie strelki vo Vtoroi mirovoi voine* [Siberian marsh: Krasnoyarsk riflemen in the Second World War]. Krasnoyarsk: Polikor Publ., 2016, 416 p. (In Russian).

Novikov P.A. *Sovetskie voiska v Vostochnoi Sibiri* [Soviet troops in Eastern Siberia]. *Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii na saite sib-subethnos.narod.ru Sibirskii subetnos: kul'tura, traditsii, mental'nost'* [Siberian sub-ethnos: culture, traditions, mentality: materials of VII Russian scientific practical online conference on the website sibsubethnos.narod.ru]. (Krasnoyarsk, September 15, 2011 – January 15, 2012). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev Publ., 2012, pp. 103–114. (In Russian).

Ordena Lenina Zabaikal'skii [Orders of Lenin Zabaikalsky]. Moscow: Voenizdat Publ., 1980, 374 p. (In Russian).

Gordeev N.V. *Ocherki istorii Chitinskoi oblastnoi organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Chita regional organization of the CPSU]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986, 432 p. (In Russian).

Postnikov S.I. *V dalekikh garnizonakh* [In distant garrisons]. Moscow: “Polygon-press” Publ., 2004, 528 p. (In Russian).

Rostov N.D. *Idem my v reshitel'nyi boi… Podgotovka rezervov dlya fronta v Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [We are going into a decisive battle ... Preparing reserves for the front in Siberia during the Great Patriotic War]. Barnaul: I.I. Polzunov Altai State Technical University, 2007, 561 p. (In Russian).

Samokhin A.V. Reorganization of the military administration system of the USSR in 1945–1947. *Vlast' i upravlenie na vostoke Rossii* [Power and Administration in Eastern Russia], 2013, no. 4 (65), pp. 100–106. (In Russian).

Fes'kov V.I., Kalashnikov K.A., Golikov V.I. *Sovetskaya armiya v gody “kholodnoi voiny” (1946–1991)* [Soviet Army

Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2004. 246 с.

Форпост на востоке. Литературно-художественный и историко-публицистический сборник / ред. В.М. Ломов. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. 512 с.

Glantz David M. Soviet Operational and Tactical Combat in Manchuria, 1945: “August Storm”. London-Portland, 2005. 353 p.

Критерии авторства

Воронцов В.Н. выполнил научно-исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Воронцов Владислав Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
e-mail: woronzow@mail.ru

during the Cold War (1946–1991)] Tomsk: Tomsk State University Publ., 2004, 246 p. (In Russian).

Lomov V.M. *Forpost na vostoke. Literaturno-khudozhestvennyi i istoriko-publitsisticheskii sbornik* [Outpost in the East. Literary-artistic, historical and publicistic collection]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1985, 512 p. (In Russian).

Glantz David M. Soviet Operational and Tactical Combat in Manchuria, 1945: “August Storm”. London-Portland, 2005, 353 p.

Attribution criteria

Vorontsov V.N. performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Information about the author

Vladislav N. Vorontsov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
e-mail: woronzow@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-248-257

РАЗВИТИЕ ТУРИСТКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ ОТРАСЛИ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗ. БАЙКАЛ В 2005–2015 гг.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

© Н.В. Кайгородова

Иркутский национальный исследовательский технический университет
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация: В статье раскрываются некоторые аспекты развития туристко-рекреационной отрасли западного побережья оз. Байкал в 2005–2015 гг. Анализируются такие ключевые вопросы, как наличие туристко-рекреационных ресурсов и их включение в туристические маршруты; транспортная доступность поселений и туристко-рекреационных местностей; увеличение количества мест размещения туристов; ориентация поселковой торговли на товары туристического сегмента; повышение стандартов обслуживания в сфере общественного питания в туристических зонах. Освещается ряд проблем, которые сопровождали развитие туристско-рекреационной отрасли в 2005–2015 гг. К ним относятся вопросы недостаточной обеспеченности поселков побережья объектами социально-экономической инфраструктуры, ориентированной на туристские потребности, отсутствия инженерных коммуникаций, а также утилизации мусора на берегах озера. В исследовании обозначена роль административных структур, влияющих на развитие туристско-рекреационной отрасли в регионе – Правительства Российской Федерации, Агентства по туризму Иркутской области, Прибайкальского национального парка, дирекции Заповедного Прибайкалья. Представлены выводы, что развитие туристко-рекреационной отрасли западного побережья оз. Байкал в 2005–2015 гг. носит экстенсивный характер.

Ключевые слова: *Восточная Сибирь, Иркутская область, Иркутск, озеро Байкал, социально-экономическая история, история туризма, новые музеи, познавательный туризм, рекреационная отрасль, комплексные природно-археологические памятники*, *курорт, гостиничное дело, экскурсионное дело, государственные органы туристко-рекреационной отрасли*

Информация о статье: Дата поступления 6 июня 2018 г.; дата принятия к печати 2 июля 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Кайгородова Н.В. Развитие туристко-рекреационной отрасли западного побережья оз. Байкал в 2005–2015 гг.: исторический обзор. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):248–257. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-248-257.

DEVELOPMENT OF THE TOURIST-RECREATIONAL INDUSTRY OF THE WESTERN COAST OF LAKE BAIKAL 2005–2015: HISTORICAL REVIEW

© Natalia V. Kaigorodova

Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract: The article reveals some aspects of the development of tourism and recreation activity on the western coast of Lake Baikal in 2005–2015. Such key questions as availability of tourist-recreational resources and their inclusion in tourist routes as well as transport accessibility of settlements and tourist-recreational areas, increase of the quantity of places of tourists' accommodation, orientation of settlement trade on goods for tourists, and improving of service standards in the sphere of public catering in tourist zones are analyzed. A number of problems that accompanied the development of the tourism and recreation industry in 2005–2015 are highlighted. These include the issues of insufficient provision of the coastal settlements with the objects of social and economic infrastructure focused on tourism needs, lack of engineering communications as well as garbage

disposal on the shores of the Lake. The study outlines the role of administrative structures that influence the development of the tourism and recreation industry in the region – the Government of the Russian Federation, the Agency for Tourism of the Irkutsk Region, the Baikal National Park, and the Directorate of the Protected Baikal Territory. Author comes to conclusion that the development of tourism and recreation industry of the western coast of Lake Baikal in 2005–2015 has an extensive specific.

Keywords: *Eastern Siberia, Irkutsk Region, Irkutsk, Lake Baikal, socio-economic history, history of tourism, new museums, educational tourism, recreation industry, resort, hotel business, excursion business, State Agencies of Tourism and Recreation Industry*

Article info: Received June 6, 2018; accepted for publication July 2, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Kaigorodova N.V. Development of the tourist-recreational industry of the western coast of Lake Baikal 2005–2015: historical review. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):248–257. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-248-257.

Стремительное развитие туристско-рекреационной отрасти западного побережья оз. Байкал в 2005–2015 гг., связанное с изменением деятельности некоторых институциональных агентов туризма, требует исторического исследования наиболее важных аспектов этого процесса. С 1990-х гг. туризм занимает в мировой экономике все большее значение. К 2015 г. мировой туризм составлял более 30 % сделок в мировой торговле услугами и использовал 10 % мирового капитала (Туризм больших чисел, 2015. С. 46).

Среди исследователей, занимающихся изучением данной проблемы, есть и экономисты, и биологи, и географы. Можно выделить работы таких авторв, как В.М. Хромешкин, А.Ф. Власов, М.В. Кузнецова, Т.М. Коломина, Е.А. Зилов, О.В. Чистякова, В.Ю. Жиленко, С.К. Удалых, В.В. Мартынихин, рассматривавших вопросы перспективы использования рекреационных ресурсов на территории Иркутской области, проблемы охраны общедоступных памятников природы, взаимосвязи рекреационной нагрузки и загрязнения озера, утилизации бытовых отходов, истории создания особой экономической зоны на западном побережье Байкала, особенностей развития круизного туризма.

Целью исследования является рассмотрение некоторых аспектов развития туристско-рекреационной отрасли западного побережья оз. Байкал в 2005–2015 гг., повлиявших на сферу туризма в Иркутской области как одно из перспективных направлений мировой экономики начала XXI в.

В работе были использованы статистические данные отчетов Агентства по туризму Иркутской области за 2005–2015 гг., статистические сборники Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области за аналогичный период, информация из средств массовой информации.

Озеро Байкал в Восточной Сибири имеет значительные размеры: длина озера по траверсу составляет 636 км, ширина – 79,5 км, длина береговой линии – 2 100 км. Самое глубокое озеро в мире (максимальная глубина – 1 637 м), зимой полностью покрывающееся льдом толщиной 1 м, имеющее резервуар чистой питьевой воды размером с Балтийское море, необычный горно-степной рельеф, в век постиндустриальной экономики потребления, безусловно, стало одним из самым притягательных объектов российского и мирового туризма.

В начале XXI в., когда оз. Байкал стало популярным в сегменте массового туризма, его западное побережье было выделено в качестве отдельной условной туристко-рекреационной зоны (Хромешкин, 2006. С. 58). Протяженность этой зоны составляет около 400 км береговой линии. Западное побережье ограничено г. Слюдянка на юге Байкала и мысом Рытый, расположенным севернее пролива Малое море. Также в эту туристко-рекреационную зону включен самый крупный остров Байкала – Ольхон. Зонирование побережья знаменитого «сибирского моря» выделяет восточное и северное побережье озера. Условной границей между ними принято считать полуостров Святой Нос.

В туристко-рекреационную зону западного побережья оз. Байкал вошли поселки Листвянка, Байкал, Большие коты, Большое Голоустное, Бу-

гульдейка, МРС (Сахюрта), Хужир, Харанцы, Сарма, а также такие туристко-рекреационные местности, как Кругобайкальская железная дорога (КБЖД), бухта Песчаная, Тажеранские степи, о. Ольхон, о. Огой и др. Наиболее популярными курортными поселками среди отдыхающих являются пос. Листвянка, расположенный у истока р. Ангары, и пос. Хужир (административный центр о. Ольхон).

Туристко-рекреационные ресурсы западного побережья оз. Байкал

В связи с удаленностью озера от основных антропогенных центров туризм на Байкале вплоть до 2000-х гг. рассматривался в основном как спортивный туризм, который носил малочисленный экспедиционный характер. Объектами спортивного туризма начиная с 1960-х гг. являлись: старинная пешая тропа вдоль байкальского побережья от Листвянки до Бугульдейки (участок будущей «Большой Байкальской тропы»); вершины Приморского хребта (Сарминский голец, Голец Трехголовый); пещеры Тажеранской степи («Мечта», «Байдинская» и др.); лыжные трассы и скальники Ольхинского плато; пешая тропа вдоль КБЖД.

С 2005 г. в связи с ростом благосостояния граждан вырос туристический интерес к вело-, мото-, квадро- и автомаршрутам по Тажеранской степи и о. Ольхон, с 2013 г. в зимний период – к маршрутам по льду Байкала. С 2015 г. на рынке туристических услуг появились немногочисленные предложения о сплавах на байдарках вдоль береговой линии о. Ольхон и конные туры.

В рамках оздоровительного туризма можно отметить наличие на западном побережье озера запасов гидрокарбонатных и сульфатных бальнеоресурсов, и созданные на их базе еще в советский период лечебно-оздоровительные учреждения – курорт «Ангара» (г. Иркутск), профилакторий «Зеленый мыс» (28 км Байкальской трассы), санаторий «Байкал» (65 км Байкальской трассы) (Кайгородова, 2006. С. 32). В 2005–2015 гг. увеличивается интерес туристов к «диким» минеральным источникам, которые издавна использовались местным населением в качестве лечебных: Сурхайтор (урочище Сурхайте на побережье Малого моря), Онгуренский источник (пос. Онгурен Ольхонского района). Воздух озера, насыщенный озоном и смолами хвойного леса, и удобные для туристов галечные и песчаные пляжи байкальского побережья позволили использовать местность для климатического лечения, а собственникам недвижимости с начала 2000-х гг. разместить несколько десятков отелей, гостиниц, гостевых домов в местных поселках (Листвянка, Большие коты, Большое Голоустное, МРС, Хужир).

Рост туристического внимания к региону в 2005–2015 гг. определил необходимость в выявлении иных туристко-рекреационных ресурсов, удовлетворявших также интерес и познавательного туризма. До 2005 г. туристы могли посетить исторический центр г. Иркутска в рамках обзорной экскурсии и городские музеи (Краеведческий, Художественный, музей Декабристов, Ледокол «Ангара»), а также выехать в архитектурно-этнографический музей «Тальцы», Лимнологический музей в пос. Листвянка (позднее переименованный в Байкальский музей), Краеведческий музей в пос. Усть-Орда, на биостанцию в пос. Большие коты и в Краеведческий музей в пос. Хужир. На протяжении последующих лет под влиянием туристического спроса в Иркутске открылись новые музеи «Иркутский музейный замок» (с камерой А.В. Колчака), Музей чая («Великий чайный путь»), Музей ретротехники, а также в пос. Байкал музей истории КБЖД. В 2005–2015 гг. появились новые зрелищные туристические объекты – квартал деревянного зодчества «130 квартал» и Иркутский планетарий (г. Иркутск), канатная дорога на смотровую площадку «Камень Черского», театр авторской песни и нерпинарий (пос. Листвянка), нерпинарий в пос. МРС, этно-комплекс «Бурятская деревня» на о. Ольхон.

Особый интерес в познавательном туризме на протяжении изучаемого периода получили пешие, автомобильные и водные экскурсии к памятникам природы западного побережья:

– геоморфологические памятники (Шаман-камень в истоке р. Ангары, утес Скрипер в районе пос. Большие Коты, мысы Курминский на побережье Малого моря, Кобылья голова, Бурхан, Саган-Хушун, Хобой, эоловые формы рельефа урочища Песчанка на о. Ольхон);

– геологические памятники (выход мраморов в Порту Байкал на КБЖД, Сарминские щеки на побережье Малого моря);

– зоологические памятники (о. Угунгой (Огой) на Малом море);

– ландшафтные памятники (Бухта Песчаная на западном побережье оз. Байкал);

– комплексные природно-археологические памятники (утес Саган-Заба и бухта Ая с петроглифами первобытного человека на западном побережье оз. Байкала).

Другие памятники природы западного побережья Байкала редко включались в туристические маршруты в связи с их труднодоступностью и отсутствием гидов со столь узким тематическим профилем. Антропогенная нагрузка имела значительную роль. За исследуемое десятилетие всем указанным памятникам природы Малого моря и о. Ольхон были нанесены разрушения в связи с нерегулируемым потоком туристов и отсутствием охранных мероприятий со стороны Прибайкальского национального парка, в ведении которого находятся эти территории.

Транспортная доступность

Транспортная доступность на западное побережье оз. Байкал в 2005–2015 гг. была неполной. Во все поселки побережья, за исключением пос. Большие Коты и Байкал, можно было попасть по автомобильным дорогам на личном и междугороднем рейсовом транспорте из г. Иркутска, где располагается международный аэропорт и железнодорожный вокзал. Особенно популярными у туристов были Листвянка и Хужир. Однако гравийное покрытие в направлении пос. Большое Голоустное, Бугульдейка, Сарма, Тажеранских степей, а также о. Ольхон сдерживало поток автомашин. После асфальтирования участка «Еланцы – МРС» в 2013–2017 гг. возросло количество туристов, отправлявшихся на отдых на Малое море.

Значительно меньшее количество туристов путешествовало водным транспортом. Существенным ограничением для этого являлись не только нестабильные выходы теплоходов в рейсы из-за резкой перемены погоды на озере, а также повышение стоимости проезда с 2009 г. в 2–3 раза. Однако уже в 2013 г. Восточно-Сибирское речное пароходство предложило туристам однодневные короткие экскурсионные маршруты «Иркутск – мыс Толстый (КБЖД) – Иркутск», «Иркутск – Тальцы – Листвянка – Иркутск». В 2016 г. был запущен новый однодневный маршрут «Иркутск – Хужир (о. Ольхон) – Иркутск», в 2018 г. начинает работу экскурсионный маршрут «Иркутск – Танхой (восточное побережье) – Иркутск». Особое внимание заслуживает работа паромного сообщения западного побережья Байкала с о. Ольхон (1,5 км). С 2009 по 2016 г. к действовавшему парому «Дорожник» (на 12 легковых машин) Восточно-Сибирское речное пароходство запустило еще два парома «Ольхонские ворота» и «Семен Батагаев» (на 14 и 16 легковых автомобилей соответственно). Большую роль в развитии водного транспорта имели и частные круизные туристические катера – реконструированные бывшие рыболовецкие суда (Жиленко, Удалых, 2015. С. 14). В районе западного побережья в 2005-2015 гг. курсировало около 100 катеров вместимостью от 8 до 15 пассажиров. Важно отметить, что некоторые капитаны теплоходов работали на Байкале нелегально, не имея документов на перестройку корпусов и лицензий на перевозку пассажиров. В 2015 г. после проведенных проверок прокуратура наложила штрафы на несколько десятков частных катеров.

Лишь южная часть озера имела железнодорожное сообщение с городами Иркутск и Слюдянка. По сохранившейся с начала XX в. Кругобайкальской железной дороге курсировал туристический поезд «Кругобайкальский экспресс», который с 2012 г. перешел с двухдневного на однодневный маршрут и увеличил число поездок с 2 до 6 раз в неделю, а также изменил летнее расписание на круглогодичное. В 2005–2015 гг. начал развиваться и вертолетный туризм. С 2013 по 2015 гг. в Иркутской области появилось несколько частных вертолетных компаний, предлагавших полеты вдоль западного побережья озера на 4-7-местных вертолетах марок «Robinson» и «BELL». Стоимость летного часа составляла 15 тыс. руб.

Рост количества мест размещения туристов

В 2008 г. в Иркутской области было зарегистрировано 360 отелей, гостиниц, баз отдыха и гостевых домов, с номерным фондом 7 тыс. мест. Большинство заведений разместилось на западном побережье Байкала – Иркутский, Ольхонский и Слюдянский районы. К 2015 г. их количество увеличилось до 414 (Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2008 г. С. 10; Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2015 г. С. 5). Увеличение мест размещения было связано с ростом туристического потока, прежде всего в Иркутскую область, в противоположность Республике Бурятия. Причина в том, что западное побережье Байкала стало более привлекательным для спортивного и познавательного туризма. Количество российских туристов, въехавших в Иркутскую область в 2005 г., составило 354,8 тыс. чел., в 2010 г. – 695,1 тыс. чел., в 2015 г. – 1 044,5 тыс. чел., иностранных граждан соответственно 48,3 тыс. чел., 49,3 тыс. чел. и 128,8 тыс. чел. (Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2008 г. С. 3-4; Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2010 г. С. 1; Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2015 г. С. 2).

С 2011 по 2013 г. многие отели, базы отдыха и гостевые дома на западном побережье оз. Байкал были благоустроены для приема туристов в зимний период. В 2013–2015 гг. некоторые местные жители, сдававшие комнаты и летние домики внаем, начали легализацию своей деятельности, получая статус индивидуальных предпринимателей и открывая гостевые дома. К 2015 г. большая часть отелей, гостиниц, баз отдыха и гостевых домов была представлена на таких сайтах бронирования отелей, как Booking.com и TripAdvisor.ru. Открытые данные о местах размещения, а также возможность прямого бронирования увеличили поток туристов. Высокая стоимость мест размещения в летний и зимний период отражала ярко выраженную сезонность отдыха на Байкале.

Развитие торговли в поселках западного побережья

До 2005 г. торговля в поселках была ориентирована на потребности местного населения: узкий ассортимент товаров, невысокое качество продуктов, рассчитанное на невзыскательного потребителя. Туристические запросы на продукты и товары более дорогого сегмента задали поселковой торговле новый вектор развития. Ассортимент и качество продуктов в пос. Листвянка и Хужир к 2012 г. стали соответствовать уровню городских магазинов. Еженедельный привоз товаров сменился периодичностью 2 раза в неделю, а в последние годы в высокий сезон (как летний, так и зимний) поступление товаров в магазины поселков происходило практически ежедневно.

Была упорядочена торговля на Рыбном рынке в пос. Листвянка – самом крупном рыбном рынке региона. Прежний стихийный рынок, возникший в 1990-е гг. на смотровой площадке возле «Шаман-камня», был реорганизован в официальный, разделен на 2 филиала и вынесен в начало и конец основной улицы поселка. В пос. Хужир в 2005–2010 гг. появилось несколько уличных павильонов по продаже рыбы (омуля, хариуса, сига). В связи с возросшим интересом к глубокодонному байкальскому эндемику на прилавке появилась байкальская голомянка. Однако жители поселков также активно продавали сырую и копченую байкальскую рыбу нелегально – с частных дворов, пренебрегая запретами на такую форму торговли. К 2012–2014 гг. численность вылавливаемого омуля в озере сократилась, а стоимость омуля горячего копчения увеличилась с 50–60 руб. до 100–150 руб. за 1 шт.

Повсеместно стали возникать сувенирные лавки с разнообразной сувенирной продукцией – ювелирные изделия из полудрагоценных камней, тематические поделки из дерева с шаманской атрибутикой, одежда и обувь из кожи, тканевая одежда с байкальской тематикой, сборные травяные чаи, полиграфическая продукция и др. Сувенирная продукция была привозной, большая ее часть изготавливалась на частных предприятиях Иркутской области и Китая.

Работа объектов сферы общественного питания

Открывавшиеся бистро и кафе в поселках западного побережья оз. Байкал в начале 2000-х гг. часто находились в антисанитарном состоянии.

Пластиковая посуда, низкое качество продуктов, отсутствие конкуренции – характерные признаки того времени. Постепенно в связи со спросом на более высокие стандарты обслуживания в сфере общественного питания в пос. Листвянка и Хужир стали появляться кафе и рестораны, где гостей обслуживали официанты, на столах появились тканевые скатерти и стеклянная посуда.

Проблему качественного питания своих отдыхающих многие отели и базы отдыха побережья, особенно стоявшие в отдалении от населенных пунктов, решали собственными силами. При хозяйственных корпусах заведений создали собственные столовые, кафе и рестораны, чтобы обеспечить полноценным питанием гостей. На лето выписывались повара из Иркутска, а с переходом многих отелей и баз отдыха на круглогодичный прием поварские команды из 5–6 чел. нанимались в постоянный штат.

Рестораны центральной части г. Иркутска с 2015 г. ввели комплексное туристическое меню для тургрупп на обеды и ужины, что позволило многим турфирмам существенно оптимизировать питание туристов. Средняя стоимость обеда или ужина на 1 персону составила 550–650 руб.

Проблема отсутствия социально-экономический инфраструктуры

В связи с наплывом туристов стали проявляться проблемы социально-экономической инфраструктуры поселков, входивших в новый для них туристический рынок. В 2005–2010-х гг. для многих туристов становилось неожиданностью, что в прибрежных поселках отсутствуют отделения банков, в том числе Сбербанка РФ, почта работала 2 раза в неделю, ассортимент аптек был весьма скуден, а сами аптеки, как и почта, работали также 2 раза в неделю. На территории побережья не хватало вышек основных операторов сотовой связи, внутрироссийский национальный роуминг был слишком дорогой, а интернет-кафе – не предусмотрены как элемент курортных городков. Все услуги такого рода туристы могли получить, как правило, лишь в Иркутске.

Спрос на услуги социально-экономической инфраструктуры в течение 2013–2015 гг. привел к некоторой активизации этой сферы. Так, в пос. Листвянка и Хужир увеличилось число аптек, а режим их работы стал шестидневным, появились платежные терминалы для услуг сотовой связи. В пос. Листвянка был установлен павильон банкоматов Сбербанка РФ. Операторы сотовой связи возвели вдоль трассы «Иркутск – Баяндай – МРС» вышки, сделав сотовую связь непрерывной практически на всем ее протяжении. Также были установлены вышки во всех основных поселках западного побережья Байкала. Интернет-кафе появилось лишь в пос. Хужир. Оно разместилось в старом крестьянском доме, поэтому было малопривлекательным для посетителей. Тем не менее, проблема формирования услуг социально-экономической инфраструктуры во многих поселках и курортных зонах к 2015 г. по-прежнему сохранялась и требовала решения.

Отсутствие инженерных коммуникаций – экологическая катастрофа озера

Острейшей проблемой побережья стало отсутствие инженерных коммуникаций в поселках. В домах и учреждениях поселков отсутствовали центральный водопровод и канализация. Местные жители брали воду из колодцев, а стоки уходили в септики частных домов. Строительство отелей, баз отдыха и гостевых домов создало серьезную экологическую нагрузку на территорию. В 2011 г. прибрежная акватория Байкала начала активно заражаться спирогирой – видом нитчатых зеленых водорослей, распространяемых в прибрежных водах с большим содержанием фосфатов, нитратов и аммония – продуктами распада сточных вод. Опасность спирогиры заключается в выделении ядовитых токсинов в окружающую среду и вытеснению других биологических видов, в том числе «санитара» озера – байкальской губки (Власов, Кузнецова, 2016. С. 148; Зилов, 2013. С. 391). В 2014 г. ватообразные скопления спирогиры стали заполнять акваторию западного побережья озера.

Небезучастными к экологической проблеме оказались местные жители. В СМИ неоднократно звучали их призывы как радикального характера по закрытию всех туристических баз на побережье Байкала, так и конструктивные предложения о не-

обходимости перехода на использование септиков закрытого цикла, строительства водопровода и канализации в прибрежных поселках (прежде всего в наиболее популярных среди туристов – Листвянке и Хужире), запрета продажи и использования фосфат-содержащих моющих средств, поиска методов очистки акватории Байкала от спирогиры.

Вопрос о причинах распространения спирогиры остается спорным среди биологов и экологов. Тем не менее важно отметить, что канализационные сточные воды усугубили этот процесс на всем байкальском побережье (Коломина, 2016. С. 17). В 2017 г. после создания Байкальской межведомственной природоохранной прокуратуры ко многим владельцам отелей и гостевых домов были предъявлены иски в связи с отсутствием септиков закрытого цикла и нарушением законодательства о водоохраной зоне на Байкале, было открыто 16 уголовных дел.

Проблема утилизации мусора

Не менее напряженной оставалась и проблема утилизации бытового мусора. К 2010 г. на береговой линии западного побережья стал скапливаться мусор, оставленный туристами, путешествующими самостоятельно. Визуальный мусор вызывал у отдыхавших негативные отзывы в сети Интернет, однако местные власти не спешили решать проблему со сбором и вывозом мусора. Частная пивная компания «Хайнекен» уже с 2007 г. запустила акцию «Чистые берега Байкала», в рамках которой на протяжении последующих лет ежегодно организовывала волонтерский сбор и вывоз мусора с берегов озера – как на западном, так и на восточном берегах (Чистые берега Байкала 2007–2015).

Кризисное положение с утилизацией мусора сложилось в Тажеранской степи и на о. Ольхон. За пос. Еланцы в пади Волчьей с 1970-х гг. существовала незаконная свалка мусора, куда свозили отходы как местные жители, так и с 2000-х гг. работники баз отдыха. В 2012 г. после проверки местной прокуратуры районные власти изыскали средства и организовали вывоз всей свалки (140 тыс. м^3 твердого мусора). Аналогичная ситуация была и на о. Ольхон. Местные жители свозили в лес, расположенный за поселениями Хужир и Маломорец, бытовой мусор, а также мусор, требующий специальной утилизации – старую мебель, бытовую технику, элементы автомобилей, шифер и др. В 2013 г. компания «Хайнекен» совместно с Прибайкальским национальным парком, волонтеры Иркутска и местные жители убрали всю свалку (60 тыс. м^3 твердого мусора). Территория Хужирского леса была очищена.

Подчеркнем, что проблема утилизации мусора в этом районе не была решена. Полигон, определенный для вывоза твердых бытовых отходов, расположен в районе г. Ангарска, в 300 км от мест сбора, а строительство завода по переработке мусора для администрации Ольхонского района оказалось финансово затратным (Мартынихин, 2016. С. 139).

Административное регулирование развития туризма на территории

С целью развития туристко-рекреационного потенциала территории в 2008 г. по решению Правительства РФ была открыта Особая экономическая зона (ОЭЗ) «Ворота Байкала» в пос. Большое Голоустное и в г. Слюдянка с финансированием на развитие инженерной инфраструктуры из федерального бюджета (Чистякова, 2013. С. 15–16). После проведения прокуратурой ряда проверок в 2016 г. выяснилось, что сотрудники фонда, сопровождавшие проект, не смогли привлечь инвесторов для создания инженерной инфраструктуры и объектов туризма на территории поселений, а федеральные средства ушли на содержание этого фонда. Большое Голоустное был исключен из ОЭЗ.

На протяжении всего изучаемого периода для продвижения бренда Байкала как места познавательного отдыха Агентство по туризму Иркутской области с крупными иркутскими туроператорами постоянно участвовало в туристических выставках российского и международного уровня: «Байкалтур» (г. Иркутск), «Туризм и отдых в Бурятии» (г. Улан-Удэ), «Интурмаркет» (г. Москва), «ITB» (г. Берлин, Германия), «JATA» (г. Токио, Япония), «TOUR SALON» (г. Познань, Польша) (Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2008 г. С. 7). В связи со снижением курса рубля на

мировых рынках с 2014 г. путешествие в Россию стало привлекательным для многих иностранных туристов. В 2015 г. с целью роста числа китайских туристов Агентство по туризму Иркутской области заключило соглашение о туристическом обмене с пятью провинциями Китая (Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2015 г. С. 14). Это соглашение в дальнейшем привело к увеличению численности китайских туристов в регионе.

Западное побережье оз. Байкал входит в систему природных национальных парков и заповедников, опоясывающих озеро, с целью обеспечения природоохранных функций территории и непосредственно – в Прибайкальский национальный парк (ПНП) Министерства природных ресурсов РФ, один из самых больших национальных парков России. В 2005–2015 гг. руководство парка занимало пассивную регулирующую роль в развитии туристко-рекреационного направления на своей территории: отсутствовали кемпинговые площадки для туристов, туристские маршруты, информационная электронная среда, территория нацпарка вдоль береговой линии была захламлена мусором. С 2013 г. по решению Государственной Думы РФ посещение национальных парков стало платным. Плата за разрешение в ПНП составила 60 руб. / чел. в день, с 2015 г. – 90 руб. В 2014 г. Прибайкальский нацпарк наряду с Байкало-Ленским заповедником и заказниками «Красный Яр» и «Тофаларский» вошел в объединенную структуру «Заповедное Прибайкалье», сменилось руководство нацпарка. На территории западного побережья начали появляться кемпинговые площадки, были установлены численные пределы антропогенной нагрузки для бухт западного побережья Песчаная, Бабушка, Сенная. С 2016 г. были определены и обозначены основные туристские маршруты по всему исследуемому побережью. Туристическим отделом ПНП был создан перспективный план по развитию туристко-рекреационного направления на территории парка на ближайшие 3 года.

Учитывая факторы, сдерживавшие развитие туристко-рекреационной отрасли в Иркутской области, отметим увеличение многих институциональных агентов туризма в 2005–2015 гг. Также показательно, что выросло и число турагенств и турорганизаторов, работавших в области. В 2002 г. их было 132, в 2008 г. – 253, в 2015 г. – 333 (Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2008 г. С. 10; Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2015 г. С. 5). Отмечается постепенный рост и экономических показателей: в 2005 г. доля туризма в Иркутской области составлял 1,3 % от всего объема платных услуг населению, а в 2013 г. доля туристических услуг возросла до 1,8 % (Приангарье год за годом: 2013: статистический сборник, 2014. С. 96).

Развитие туристко-рекреационной отрасли западного побережья оз. Байкал в 2005–2015 гг. носило экстенсивный характер. В этот период увеличилось количество туристов, прибывавших в регион и на западное побережье Байкала, выросло число турагенств, гостиниц, произошли качественные изменения в предоставлении транспортных услуг и в обслуживании в сфере питания. Несмотря на сохранение ряда социально-экономических и экологических проблем в исследуемый период непрерывно увеличивался поток туристов, а Байкал не терял своей уникальности как единого комплексного туристко-рекреационного ресурса. В 2005–2015 гг. западное побережье оз. Байкал находилось в начальной стадии формирования крупного туристического курорта мирового значения.

Библиографический список

Власов А.Ф., Кузнецова М.В. Актуальные проблемы озера Байкал и перспективы развития туризма в прибрежной зоне с учетом защиты экосистемы от антропогенного воздействия // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2016. Т. 9. № 1. С. 145–157.

Жиленко В.Ю., Удалых С.К. Особенности развития круизного туризма на байкальской территории // Науч-

References

Vlasov A.F., Kuznetsova M.V. Actual problems of Lake Baikal and prospects for the development of tourism in the coastal zone, taking into account the protection of the ecosystem from anthropogenic impact. *Industriya turizma: vozmozhnosti, prioritety, problemy i perspektivy* [Tourism Industry: Opportunities, Priorities, Problems and Prospects], 2016, vol. 9, no. 1, pp. 145–157. (In Russian).

Zhilenko V.Yu., Udalykh S.K. Features of the development of cruise tourism in the Baikal territory. *Nauchnyi*

ный результат. Серия: Технология бизнеса и сервиса. 2015. Т. 1. № 3 (5). С. 10–17.

Зилов Е.А. Современное состояние антропогенного воздействия на озеро Байкал // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Биология. 2013. Т. 6. № 4. С. 388–404.

Кайгородова Н.В. История развития курортов Байкальского региона (конец XVIII в. – 1980-е гг.) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 6. С. 31–33.

Коломина Т.М. Рекреационная нагрузка, влияющая на загрязнение прибрежных вод оз. Байкал // Научные исследования и разработки к внедрению в АПК: материалы регион. науч.-практ. конф. молодых ученых (Иркутск, 14 апреля 2016 г.). Иркутск: Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, 2016. С. 17–22.

Мартынихин В.В. Проблема утилизации твердых бытовых отходов в природоохранной зоне озера Байкал // Публичное управление и территориальное развитие: новые тенденции и перспективы: материалы ежегодной междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 26–27 мая 2016 г.). Иркутск: Байкальский государственный университет, 2016. С. 138–144.

Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://irkobl.ru/sites/tour/report/ (17.05.2018).

Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://irkobl.ru/sites/tour/report/ (17.05.2018).

Отчет о работе Агентства по туризму Иркутской области за 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://irkobl.ru/sites/tour/report/ (17.05.2018).

Приангарье год за годом: 2013: статистический сборник. Иркутск: Иркутскстат, 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/c14bb2004e8ba21899f29f7904886701/016god2013.pdf (17.05.2018).

Туризм больших чисел // Коммерсант-Деньги. 2015. № 40 (1048). С. 46–47.

rezul'tat. Seriya: Tekhnologiya biznesa i servisa [Scientific result. Series: Technology of Business and Service], 2015, vol. 1, no. 3 (5), pp. 10–17. (In Russian).

Zilov E.A. The current state of anthropogenic impact on Lake Baikal. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Biologiya* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Biology], 2013, vol. 6, no. 4, pp. 388–404. (In Russian).

Kaigorodova N.V. History of the development of resorts of the Baikal region (end of the XVIII century – the 1980s). *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy], 2006, no. 6. pp. 31–33. (In Russian).

Kolomina T.M. *Rekreatsionnaya nagruzka, vliyayushchaya na zagryaznenie pribrezhnykh vod oz. Baikal* [Recreational load affecting the pollution of the coastal waters of Lake Baikal]. *Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh "Nauchnye issledovaniya i razrabotki k vnedreniyu v APK"* [Research and development for implementation in the agricultural-industrial sector: Proceedings of the region. scientific-practical conf. of young scientists]. (Irkutsk, April 14, 2016). Irkutsk: A.A. Ezhevsky Irkutsk State Agrarian University Publ., 2016, pp. 17–22. (In Russian).

Martynikhin V.V. *Problema utilizatsii tverdykh bytovykh otkhodov v prirodookhrannoi zone ozera Baikal* [The problem of utilization of solid household waste in the conservation area of Lake Baikal]. *Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Publichnoe upravlenie i territorial'noe razvitie: novye tendentsii i perspektivy"* [Public administration and territorial development: new trends and prospects: proceedings of the annual international. scientific-practical conf.]. (Irkutsk, May 26–27, 2016). Irkutsk: Baikal State University Publ., 2016, pp. 138–144. (In Russian).

Otchet o rabote Agentstva po turizmu Irkutskoi oblasti za 2008 g. [Report on the work of the Agency for Tourism of the Irkutsk region for 2008]. Available at: http://irkobl.ru/sites/tour/report/ (accessed May 17, 2018).

Otchet o rabote Agentstva po turizmu Irkutskoi oblasti za 2010 g. [Report on the work of the Agency for Tourism of the Irkutsk region for 2010]. Available at: http://irkobl.ru/sites/tour/report/ (accessed May 17, 2018).

Otchet o rabote Agentstva po turizmu Irkutskoi oblasti za 2015 g. [Report on the work of the Agency for Tourism of the Irkutsk region in 2015]. Available at: http://irkobl.ru/sites/tour/report/ (accessed May 17, 2018).

Priangar'e god za godom: 2013: statisticheskii sbornik. Irkutsk: Irkutskstat, 2014. [Cis-Angaria year after year: 2013: statistical compilation]. Available at: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/c14bb2004e8ba21899f29f7904886701/016god2013.pdf (accessed May 17, 2018).

Tourism of big numbers. *Kommersant-Den'gi* [Kommersant-Money], 2015, no. 40 (1048), pp. 46–47. (In Russian).

Хромешкин В.М. Особая зона Байкала: анализ потоков туризма // Фундаментальные исследования. 2006. №. 11. С. 58–59.

Чистые берега Байкала 2007–2015 [Электронный ресурс]. URL: http://sustainabilityrussia.ru/net_shore/net_shore_of_lake_baikal/info/?print=Y (18.05.2018).

Чистякова О.В. Перспективы развития туристко-рекреационной особой экономической зоны «Ворота Байкала» // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2012. № 2. С. 15–20.

Khromeshkin V.M. Baikal Special Zone: Analysis of Tourist Flows. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2006, no. 11, pp. 58–59. (In Russian).

Chistye berega Baikala 2007–2015 [The clean shores of Baikal, 2007–2015]. Available at: http://sustainabilityrussia.ru/net_shore/net_shore_of_lake_baikal/info/?print=Y (accessed May 18, 2018).

Chistyakova O.V. Prospects for the development of tourist and recreational special economic zone "Gate of Baikal". *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikal'skii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava)* [Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law)], 2012, no. 2, pp. 15–20. (In Russian).

Критерии авторства

Кайгородова Н.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Kaigorodova N.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Кайгородова Наталья Васильевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
e-mail: kaygorodova@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Kaigorodova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of Department of History and Philosophy,
e-mail: kaygorodova@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571.53)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-258-260

ЧАСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИРКУТСКЕ: ОПЫТ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ*

© М.В. Чирикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация: В последнее время интерес к проблемам образования в России проявляют не только специалисты, но и обыватели, что вызвано, на наш взгляд, назревшей необходимостью совершенствования и учебного процесса на всех уровнях, и методических основ отечественной школы. Огромным подспорьем в реформировании образовательной системы может стать опыт предшествующих поколений. Серьезное внимание стоит уделить изучению научных исследований, посвященных этой проблеме. По этой причине работа «Частные учебные заведения Иркутска (середина XIX – начало XX вв.)» обратила на себя внимание автора и вызвала желание написать данную рецензию. Представляется, что издание монографии Л.В. Гаращенко в полной мере соответствует требованиям современной эпохи.

Ключевые слова: *система российского образования, частное образование, частные учебные заведения, пансион, гимназии*

Информация о статье: Дата поступления 13 октября 2018 г.; дата принятия к печати 12 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Чирикова М.В. Частное образование в Иркутске: опыт предшествующих поколений: рецензия. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):258–260. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-258-260.

PRIVATE EDUCATION IN IRKUTSK: THE EXPERIENCE OF PREVIOUS GENERATIONS*

© Marina V. Ghirikova

Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract: Recently, interest in the problems of education in Russia is shown not only by specialists, but also by ordinary people, which is caused, in our opinion, by the urgent need to improve the educational process at all levels of Russian schools, as well as the their methodological foundations. The experience of previous generations can become a great help in reforming the educational system. Serious attention should be paid to the study of scientific research on this issue. For this reason, the work "Private educational institutions of Irkutsk (mid XIX – early XX centuries)" attracted the attention of the author and aroused a desire to write this review. It seems that the publication of the monograph by L.V. Garashchenko fully complies with the requirements of the modern era.

Keywords: *Russian education system, private education, private educational institutions, boarding school, gymnasiums*

Article info: Received October 13, 2018; accepted for publication November 12, 2018; available online December 28, 2018.

---

* Гаращенко Л.В. Частные учебные заведения Иркутска (середина XIX – начало XX вв.): монография. Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская», 2018; Оттиск, 2018. 672 с.

* Garashchenko L.V. Private educational institutions of Irkutsk (mid XIX – early XX centuries): monograph. Irkutsk: OOO NPF "Zemlya Irkutskaya", 2018; Ottisk, 2018. 672 p.

For citation: Chirikova M.V. Private education in Irkutsk: the experience of previous generations: review. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):258–260. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-258-260.

Последнее время полемика вокруг системы образования Российской Федерации ведется не только среди специалистов педагогической сферы, но и среди небезразличных к этим вопросам представителей общественности. Многие считают реформу образования уже давно назревшей, другие отдают предпочтение сохранению советской системы и призывают отказаться от радикальных преобразований. Обе стороны апеллируют конкретными данными, акцентируя внимание на достоинствах и недостатках современной российской школы. Однако, представляется, что наиболее удачным вариантом изменений в российском образовании является путь грамотного сочетания опыта прошлого с требованиями современного мира.

Стоит вспомнить и о практике образовательной политики России в царский период, что позволит сохранить преемственность традиций, ориентируясь в то же время на будущее.

На фоне современных дискуссий анализ опыта образовательных учреждений прошлого, в том числе и на местах, способствует вдумчивому и успешному решению проблем современной школы. Особенно плодотворным представляется исследование образовательных организаций на региональном материале. Такой подход позволит одновременно выявить общие тенденции развития и особенности, присущие в большей степени конкретным территориям.

Для полноценного осмысления проблем образования не стоит ограничиваться исследованием только государственных учреждений, особого внимания достойна и деятельность частных и общественных заведений. Такой способ выявления достижений и просчетов предшествующих поколений является наиболее перспективным и результативным в решении современных вопросов российского образования.

В связи с изложенным монография кандидата педагогических наук, доцента кафедры педагогики Иркутского государственного университета Любови Витальевны Гаращенко «Частные учебные заведения Иркутска (середина XIX – начало XX вв.)», вышедшая в 2018 г., представляется особенно актуальной.

Автор провела серьезную и планомерную работу по сбору сведений о частных учебных заведениях, выявляя условия их формирования и особенности образовательной деятельности. Читателям представлена масштабная реконструкция частных образовательных учреждений Иркутска. При написании монографии использовались периодические издания, архивные документы, а также издания эпистолярного жанра.

Основная часть монографии содержит четыре главы, три из них представлены в формате тематической энциклопедии, состоящей из параграфов, посвященных отдельным пансионам или гимназиям.

Содержание глав полностью отображено в их названии: «Становление и развитие частного образования в Иркутске в середине XIX – начале XX ве-

ков»; «Учебные заведения, созданные по инициативе частных лиц»; «Частные учебные заведения, содержавшиеся обществами и организациями»; «Не реализованные частные образовательные инициативы, или Школы, которые могли бы быть».

Заголовки параграфов представляют собой названия отдельных образовательных учреждений, сведения о которых были собраны автором: «Пансион Н.Ф. Скрябина для детей мужского и женского пола», «Частная школа Ф.Н. Волкова для детей обоего пола», «Пансион Ю. Ришье для девочек», «Пансион И.П. Карлберга для девочек» и т. д. Л.В. Гаращенко использовала хронологический принцип расположения параграфов: первоначально описываются те заведения, деятельность которых осуществлялась ранее других.

Сведения, содержащиеся в параграфах работы, включают в себя информацию о периоде деятельности школы; общем укладе жизни заведения; преподаваемых дисциплинах и воспитательных мероприятиях; количестве учащихся; стоимости обучения; педагогическом составе и др.

Благодаря масштабной, скрупулёзной работе, проведенной автором, из небытия были подняты богатейшие сведения о частном образовании в Иркутске и имена тех, кто способствовал его развитию. Особенно интересно читателю будет знакомство с иллюстративным материалом, использованным в монографии. Среди визуальных материалов стоит отметить портреты учредителей частных школ, фотографии учащихся той эпохи, изображения зданий, в которых располагались эти заведения.

В заключение сделаны краткие выводы о наиболее распространенных типах частных школ в Иркутске, причинах их столь активного распространения во второй половине XIX – начале XX веков, а также особенностях образовательного процесса в них.

Приличную часть монографии (почти треть) Л.В. Гаращенко отвела двум приложениям. В первом автор предлагает читателям ознакомиться с материалами о преподавателях и учредителях частных учебных заведений Иркутска, представленных в виде кратких биографических справок. Во втором приложении систематизированы данные, приведенные в основном тексте издания, в форме таблицы.

Работа «Частные учебные заведения Иркутска (середина XIX – начало XX вв.)» Л.В. Гаращенко не только вводит в общественный и научный оборот множество неизвестных ранее фактов, но и, безусловно, способствует дальнейшему исследованию данной темы как самим автором, так и другими специалистами.

Критерии авторства

Чирикова М.В. провела научное рецензирование, обобщила полученные результаты и подготовила рукопись к печати, имеет на нее авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Чирикова Марина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
e-mail: chirikovamv@mail.ru

Attribution criteria

Chirikova M.V. had got a scientific review, summarized the evaluations and wrote the manuscript, has copyrights for the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Information about the author

Marina V. Chirikova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
e-mail: chirikovamv@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).084.3
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-261-264

«ЗЕЛЕНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ» КРЕСТЬЯН В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ*

© Н.А. Скорикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация: Представленная статья является рецензией на книгу А.В. Посадского «Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг.». В ней дается краткая характеристика и оценка разделов, отмечена актуальность и научная новизна рецензируемого издания.

Ключевые слова: *«зеленое движение», повстанчество, Рабоче-крестьянская Красная армия, «белая» армия, интересы крестьянства, дезертирство*

Информация о статье: Дата поступления 4 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 26 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Скорикова Н.А. «Зеленое существование» крестьян в Гражданской войне: рецензия. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):261–264. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-261-264.

“GREEN EXISTENCE” OF PEASANTS IN CIVIL WAR*

© Natalia A. Skorikova

Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract: This article is a review of the book A.V. Posadsky “Green Movement in the Civil War in Russia. Peasant front between Reds and Whites. 1918–1922”. It gives a brief description and assessment of sections, notes the relevance and scientific novelty of the reviewed publication.

Keywords: *“Green movement”, insurgency, Workers 'and Peasants' Red Army, “White” Army, interests of the peasantry, desertion*

Article info: Received November 4, 2018; accepted for publication November 26, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Skorikova N.A. “Green existence” of peasants in Civil War: review. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):261–264. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-261-264.

---

* Посадский А.В. «Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг.». М.: Центрполиграф, 2018. 390 с.

* Posadsky A.V. “Green movement in the Russian Civil War. Peasant front between red and white. 1918–1922”. M.: Tsentrpoligraf, 2018. 390 p.

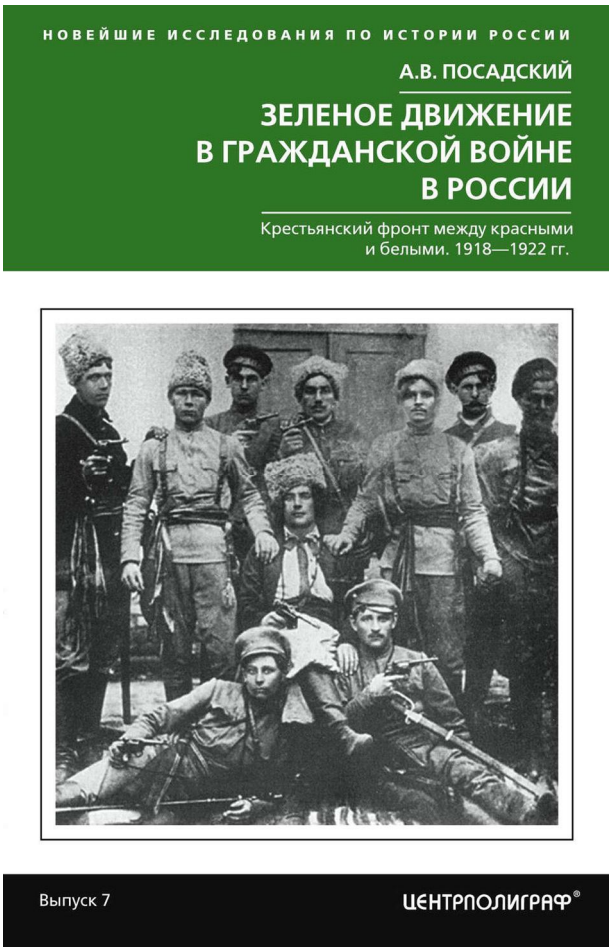
Историография Гражданской войны в России достаточно объемна, в научный оборот регулярно вводятся все новые документы, позволяющие значительно расширить познавательные возможности исследователя. Вместе с тем, остаются нерешенными многие теоретические задачи, в основе которых предполагается детальное изучение событий и явлений.

Споры вокруг истории России начала XX в. не утихают до сих пор и в современных условиях вряд ли возможно создать некую универсальную модель ее восприятия и понимания. Так, научные изыскания в области массового крестьянского вооруженного движения в 1917–1922 гг. часто страдают либо недосказанностью, либо чрезмерным обобщением. В книге, о которой пойдет речь в данной статье, сделан значительный шаг на пути преодоления этих недостатков.

История «зеленого движения» в числе обширной проблематики Гражданской войны требует поиска новых методологических подходов. Массовое, но слабоорганизованное, оно практически не предоставило нам «собственной документации». Исключение, пожалуй, составляет повстанческая армия Махно.

Следует так же признать, что «зеленое движение» трактуется в научной литературе, как правило, достаточно широко. Под ним понимается всякая борьба вне «красного» и «белого» лагеря. Сложность видится и в том, что его участники в массе ассоциировали себя не с этим масштабным движением, а с конкретной территорией или главарем. Под воздействием событий Гражданской войны «зеленые» могли приобрести «бело-зеленый» или «бело-красный» оттенок. Кроме того, «зеленые» ассоциируются прежде всего с бандитизмом, терроризмом и разбоями. Однако было бы несправедливо рассматривать их исключительно в качестве бандформирований. Несмотря на отсутствие единой идеологии и организации, специалисты могут назвать ряд их общих требований и черт, которые, собственно, и позволяют причислять отдельные вооруженные крестьянские и казачьи отряды именно к «третьей силе» Гражданской войны.

Таким образом, продиктована необходимость максимально внимательного отношения к исследованию «зеленого движения», выявлению причин его зарождения и динамики развития. Важно определиться с социальным составом и мотивацией его участников. Наиболее продуктивным видится составление обобщенного труда на основе региональных материалов. Именно эту сложную задачу поставил перед собой А.В. Посадский – доктор исторических наук, специалист по истории Гражданской войны. В 2018 г. в свет вышла его книга «Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг.».



Автор использовал многочисленные мемуары и научные исследования. В основе труда лежат региональные архивные материалы, что делает его особенно ценным.

Следует обратить внимание и на стиль изложения. Информация в книге представлена концентрировано, т. е. здесь нет «лирических» отступле-

ний, читателю дается серьезная база для размышлений.

Книга состоит из введения, трех разделов и заключения.

Введение представляет собой полноценный раздел книги, в котором с разных сторон анализируются группы участников Гражданской войны. Автор наглядно демонстрирует читателю, что деление на «белых», «красных» и «зеленых» – это некоторое упрощение. «Цвета» Гражданской войны весьма разнообразны, А.В. Посадский приводит упоминания в прессе и архивных материалах «желтых», «коричневых», «черных». Многочисленные самоназвания (производные, например, от названия местности или имени главаря) различных группировок очередной раз свидетельствуют об организационной размытости «зеленого движения».

Первый раздел «Крестьяне в Гражданской войне» дает возможность на многочисленных примерах разобраться в мотивации «зеленых». Автор справедливо выделил определенные группы крестьян – участников массовых движений указанного периода. Например, различая их по статусу, он говорит о солдатах белой армии, красноармейцах и повстанцах. К последним автор отнес партизан и бандитов. По мотивационной же природе он выделил добровольцев, мобилизационных и дезертиров.

Большое внимание в этой главе также уделяется причинам массового дезертирства среди красноармейцев. Автор придерживается мнения, что основной движущей силой здесь были не идейные разногласия, а конкретно-бытовые условия: голод и необеспеченность, близость дома, длительные стоянки эшелонов. В основном ряды «зеленого движения», по мнению А.В. Посадского, пополнялись за счет дезертиров.

Второй раздел «В зеленых» рассказывает о том, как разворачивалось «зеленое движение» в разных регионах и губерниях центральной России. В поле зрения автора попали Воронежская, Саратовская, Тамбовская, Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Северо-Двинская, Новгородская, Санкт-Петербургская, Псковская, Виленская, Витебская, Могилевская, Минская, Смоленская, Владимирская, Тверская, Костромская, Ярославская, Московская, Нижегородская, Рязанская губернии. На основе массива архивных данных исследован состав и динамика развития «зеленого движения» в регионах, выделены особенности и взаимосвязь отдельных вооруженных выступлений.

Третий раздел называется «Зеленые на карте Гражданской войны», однако в большей мере речь в нем идет не о географии движения «зеленых», а о противоречивых взаимоотношениях «дезертиров» и «бандитов» с жителями деревень в разных уголках центральной России. Автор приводит примеры, которые свидетельствуют о сложной системе взаимодействия «зеленых» с местным населением. Наглядно продемонстрировано, что в рядах «зеленого движения» существовал раскол на уровне самоопределения. Сами участники движения идентифицировали себя либо как «бандитов», либо как «зеленых».

Также в этом разделе проведен анализ влияния на крестьянские настроения как различных политических партий и идеологий, так и религиозных течений.

В кратком заключении А.В. Посадский находит аналогии «зеленого движения» Второй мировой войны. Партизаны воевали не за Сталина, а свою малую Родину, личную свободу, мстили за своих близких. Посадский, имея право на авторскую позицию, приписывает черты «зеленого движения» международному крестьянскому движению «Путь крестьян», охватившему страны Латинской Америки, Филиппин и Индии.

Достоинством труда А.В. Посадского можно назвать привлечение к исследованию не только научных изданий и архивных документов, но также и произведений художественной литературы. Благодаря этому воссоздан образ представителя «зеленого движения», каким его видели современники и потомки. Автору удалось обрисовать «существование» крестьян в условиях Гражданской войны, передать эмоциональную сторону «зеленого движения».

Выводы автора о том, что главная сила «зеленых» заключалась в массовости, доказывает широкая источниковая база, задействованная в данном исследовании. Действительно, «зеленые» были

плохо организованы, их выступления были в массе стихийны и связаны чаще всего с протестами против продразверстки и мобилизации. В таком формате движение было обречено на поражение. Однако нельзя не отметить и большую роль «зеленых» в изменении методов пропаганды и характера работы большевистских и эсеровских организаций в деревне, мало того, они оказали влияние на ход всей Гражданской войны.

Труд А.В. Посадского «Зеленое движение в Гражданской войне в России» заслуживает внимания как специалистов, так и читателей, интересующихся историей. Материалы, представленные автором, могут стать основой для дальнейшего изучения «зеленого движения» в годы Гражданской войны в России, поиска аналогий в мировой практике.

Критерии авторства

Скорикова Н.А. провела научное рецензирование, обобщила полученные оценки и подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Skorikova N.A. had got a scientific review, summarized the evaluations and wrote the manuscript, has copyrights for the article and is fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Скорикова Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Information about the author

Natalia A. Skorikova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 929
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-265-276

В.Д. ЗАПОРОЖСКАЯ И А.П. ОКЛАДНИКОВ: СОВМЕСТНАЯ ТВОРЧЕСКАЯ СУДЬБА В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ

© Е.А. Окладникова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Аннотация: В.Д. Запорожская (1910–1985) – яркий представитель образованных женщин, являющихся особой социальной группой российского общества начала и середины XX столетия, супруга академика А.П. Окладникова. На основании анализа материалов «устной истории» в статье прослеживаются не столько основные вехи ее жизненного пути, сколько динамика рефлексии этим незаурядным человеком социальных «тектонических сдвигов» в контексте событий российской истории (1910–1980-е гг.), а также совместной творческой судьбы и семейной жизни с А.П. Окладниковым. Их бракосочетание состоялось в Иркутске в 1932 г. С этого времени Вера Дмитриевна и Алексей Павлович надолго уже никогда не расставались. Будучи прекрасным художником, В.Д. Запорожская сопровождала своего мужа в экспедициях, проходивших в разных частях Советского Союза. Она занималась фиксацией, обработкой и реконструкцией археологического материала, контролировала бытовые и хозяйственные стороны жизни экспедиции. После рождения в 1951 г. дочери Елены, Вера Дмитриевна уже не могла принимать активное участие в исследованиях мужа, тем не менее, всегда оказывала ему всевозможную посильную помощь. В начале 1960-х гг. Алексей Павлович уезжает из Ленинграда в Новосибирск и занимается организацией Института истории филологии и философии сибирского отделения АН СССР. В конце 1960-х гг. В.Д. Запорожская переезжает с дочерью в Новосибирск и вновь становится важнейшим помощником мужа во всех его начинаниях.

Ключевые слова: *академик А.П. Окладников, исследователь Сибири, археолог, художник В.Д. Запорожская, устная история, женщина-ученый, история России, гендерные стереотипы, семейная жизнь, культура российского общества*

Информация о статье: Дата поступления 29 октября 2018 г.; дата принятия к печати 26 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Окладникова Е.А. В.Д. Запорожская и А.П. Окладников: совместная творческая судьба в контексте личной истории. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):265–276. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-265-276.

V.D. ZAPOROZHSKAYA AND A.P. OKLADNIKOV: JOINT CREATIVE DESTINY IN THE CONTEXT OF PERSONAL HISTORY

© Elena A. Okladnikova

Herzen University
48 Moika Embankment, Saint-Petersburg 191186, Russian Federation

---

[*] В связи с юбилеем академика Алексея Павловича Окладникова редакционная коллегия журнала "Известия Лаборатории древних технологий" сочла целесообразным поместить в номере научную статью его дочери Елены Алексеевны. Материал подготовлен путем сокращения и переработки ранее опубликованной работы: Окладникова Е.А. В.Д. Запорожская – ученый-сибиревед: гендерный аспект личной истории // Женщина в российском обществе. 2017. № 3 (84). С. 80–92.

[*] In connection with the anniversary of Academician Alexei Pavlovich Okladnikov, the editorial board of the “Journal of Ancient Technology Laboratory” found it expedient to post a scientific article by his daughter Elena Alekseevna Okladnikova. The material was prepared by reducing and processing previously published article: Okladnikova E.A. V.D. Zaporozhskaya – Sibirian Studing scientist: the gender aspect of personal history. Woman in Russian society, 2017, no. 3 (84), pp. 80–92.

Abstract: V.D. Zaporozhskaya (1910–1985) is a bright representative of the special social group of the Russian society of the beginning and middle of the XX century educated women and the wife of academician A.P. Okladnikov. The purpose of the article: based on the analysis of the materials of "oral history", to trace not so much the main milestones of her life, as the dynamics of reflection by this extraordinary man of social "tectonic shifts" in the context of the events of Russian history (1910–1980-ies), as well as the joint creative destiny and family life with A. p. Okladnikov. Their marriage took place in Irkutsk in 1932. Since that time, Vera Dmitrievna and Aleksei Pavlovich have never parted for long. Being a great artist, V.D. Zaporizhzhya accompanied her husband on expeditions that took place in different parts of the Soviet Union. She was engaged in fixing, processing and reconstruction of archaeological material, controlled household and economic aspects of the life of the expedition. After the birth of the daughter Elena in 1951, Vera Dmitrievna could no longer take an active part in her husband's research, nevertheless she always provided him with all possible assistance. In the early 1960s. Aleksey Pavlovich leaves Leningrad for Novosibirsk and organizes the Institute of the History of Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. In the late 1960s. V.D. Zaporozhskaya moves with her daughter to Novosibirsk and again becomes the most important assistant to her husband in all his endeavors.

Keywords: *academician A.P. Okladnikov, Siberian researcher, archaeologist, painter V.D. Zaporozhskaya, oral history, a female scientist, history of Russia, gender stereotypes, family life, culture of the Russian society*

Article info: Received October 29, 2018; accepted for publication November 26, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Okladnikova E.A. V.D. Zaporozhskaya and A.P. Okladnikov: joint creative destiny in the context of personal history. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):265–276. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-265-276.

В.Д. Запорожская родилась в Чите (17 сентября 1910 г.). Детство и юность она провела в Иркутске. Юность В.Д. Запорожской (конец 1920-х – 1930-е гг.) пришлась на период российской истории, когда уже начал конструироваться социальный стереотип советской женщины, официально равноправной в своих правах с мужчиной.

Важным фактором, который еще в юности оказал влияние на личность В.Д. Запорожской, была мировоззренческая революция как следствие Октябрьской революции. Роль женщины в Советской России, по мысли большевиков, взявших власть, должна была разительно измениться по сравнению с предписаниями «Домостроя». Другим фактором, повлиявшим на формирование системы ценностей и психологические установки В.Д. Запорожской, стал быт ее семьи. Отец В.Д. Запорожской был предприимчивым деловым человеком, происходил из богатой купеческой семьи. Однако его мать все имущество и финансы передала старшим, как она говорила, непутевым сыновьям. Дмитрий же, по ее мысли человек умный и дельный, сам всего в жизни добьется. Дмитрий оправдал ее ожидания: в Иркутске у него в качестве приданного жены до революции оказались два доходных дома. Он был предан своей жене Надежде, матери Веры Дмитриевны, в молодости работавшей златошвейкой (рис. 1). Вместе они подняли и поставили на ноги четверых детей. Вера Дмитри-

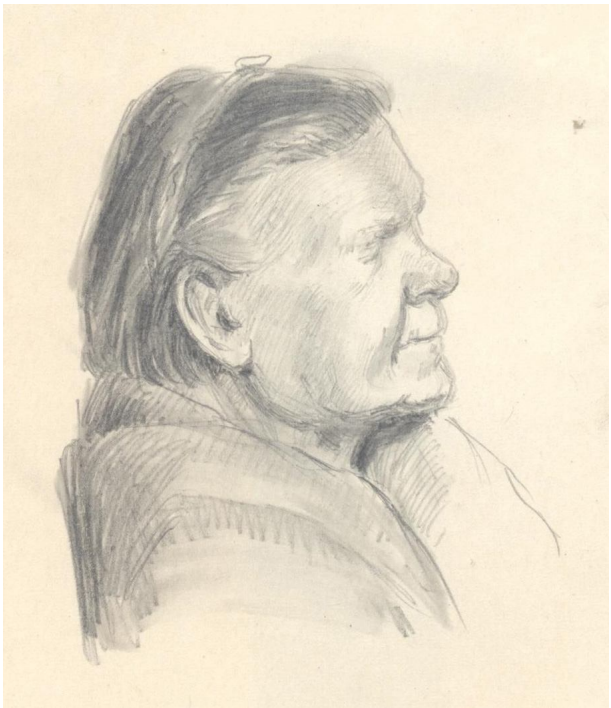
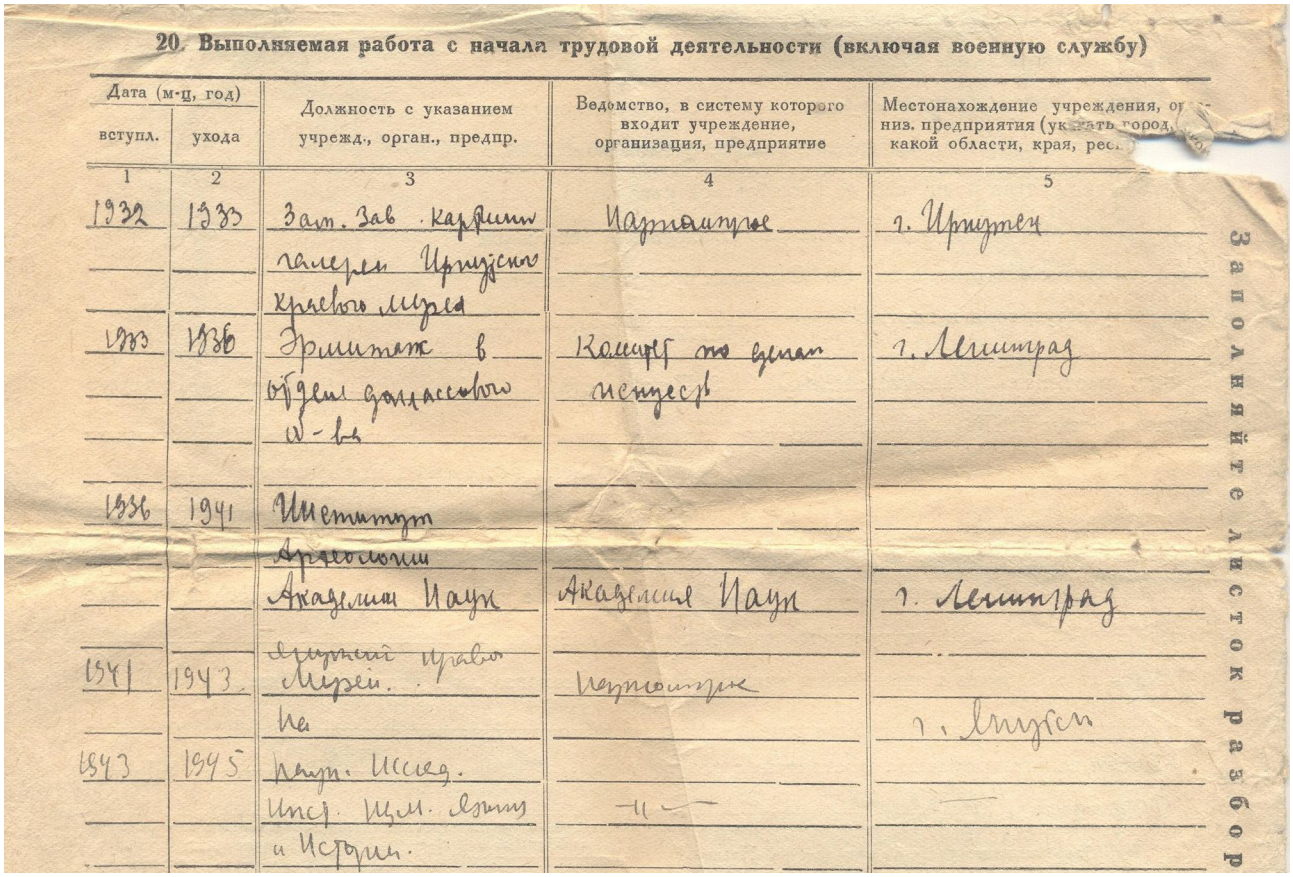


Рис. 1. В.Д. Запорожская, портрет матери Надежды Запорожской (карандаш), предположительно, конец 1940-х гг.
Fig. 1. V.D. Zaporozhskaya, portrait of the mother of Nadezhda Zaporozhskaya (pencil), presumably, the end of the 1940s.

евна – их младшая дочь, была воспитана в духе традиционной русской семьи. Именно этот дух, отраженный в «Домострое», негласно поддерживался общественным мнением России в те годы. После 1917 г. женщина получила доступ к образованию и политической жизни (выборы и участие в органах управления), тем не менее, характерные черты повседневной жизни явно указывали на мужское доминирование на всех уровнях социальных отношений в обществе.

После окончания средней школы в 1928 г. Вера Дмитриевна поступила в Иркутское художественное училище, которым в то время руководил известный в Сибири художник и педагог И.Л. Копылов, первым отметивший ее художественный талант. Еще в годы обучения в училище Вера Дмитриевна чувствовала, что ее призвание – быть театральным художником. Работать она устроилась в Иркутский краеведческий музей, где трудился стекольщиком ее отец. В должности заместителя заведующего картинной галереей Иркутского краеведческого Музея она проработала с 1932 по 1933 г. в (рис. 2). Именно в музее она встретила талантливого археолога, заведующего отделом палеолита А.П. Окладникова. Их свадьба состоялась в июне 1932 г. Матери, тогда гостившей у родственников в Донецке, Вера Дмитриевна послала короткую телеграмму: «Замужем, благослови, Вера» (рис. 3).

У Веры Дмитриевны было желание взять фамилию мужа, но это желание не осуществилось в силу случайности. Как рассказывала она сама, когда в ЗАГС(е) в Иркутске происходила регистрация брака, на вопрос заведующего ЗАГС(ом): «Как ваша фамилия, невеста?», Вера Дмитриевна, не подумав, что речь идет о ее будущей фамилии, машинально ответила: «Запорожская», что и было зафиксировано в документах. В тот день на эту де-



20. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу)

Дата (м-ц, год) вступл.	Дата (м-ц, год) ухода	Должность с указанием учрежд., орган., предпр.	Ведомство, в систему которого входит учреждение, организация, предприятие	Местонахождение учреждения, орг. низ. предприятия (указать город, какой области, края, рес.
1	2	3	4	5
1932	1933	Зам. Зав. картин галереи Иркутск краевой музей	Наркомпрос	г. Иркутск
1933	1936	Техник в отдел докласс. о-ва	Комитет по делам искусств	г. Ленинград
1936	1941	Институт Археологии Академии Наук	Академия Наук	г. Ленинград
1941	1943	Иркут. краев. Музей. На	Наркомпрос	г. Якутск
1943	1945	науч. Иссл. Инст. Ист. Лит. и Истории.	— " —	

Заполняйте листок разбор

Рис. 2. Личный листок по учету кадров В.Д. Запорожской (Якутск, Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории)

Fig. 2. Personal list on personnel registration V.D. Zaporozhskaya (Yakutsk, Research Institute of Language, Literature and History)

Рис. 3. В.Д. Запорожская и А.П. Окладников (Иркутск, 1932 г.)
Fig. 3. V.D. Zaporozhskaya and A.P. Okladnikov (Irkutsk, 1932)

таль молодые не обратили никакого внимания. После свадьбы молодые поселяются в Иркутске в маленьком домике родителей В.Д. Запорожской, куда затем из деревни приезжает мать А.П. Окладникова Анна Аверьяновна и его сестра.

В 1933 г. В.Д. Запорожская приезжает в Ленинград вместе с мужем, поступившим в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) по направлению «История докапиталистических обществ». Она много успевает в эти годы: поступает в Академию художеств, затем проходит школу лаборантской работы в Государственном Эрмитаже под руководством выдающегося археолога М.П. Грязнова, работает лаборантом в ГАИМК. Там она заканчивает курсы счетоводов и бухгалтеров, постигает искусство документальной фотографии. С 1933 г. она работает в Эрмитаже в отделе истории докапиталистического общества, с 1936 по 1941 г. – в Институте материальной культуры. Она оканчивает археологические курсы и получает звание младшего научного сотрудника. В эти годы В.Д. Запорожская как художник оформляла научные труды и журналы. В Ленинграде супруги сменили несколько адресов проживания, но жилплощадь во всех случаях получал муж, начиная с комнаты в аспирантском общежитии на Финляндском проспекте (дом 4/15).

Алексей Павлович искренне любил жену, но это не мешало ему настоять на том, чтобы она ушла со второго курса Академии художеств, так как ее студенческая жизнь не стыковалась с графиком работы в экспедиции. Скромными финансами в семье ведала Вера Дмитриевна. Зарабатывали они вместе, все деньги тратились на еду и книги. Тем не менее, когда однажды Вера Дмитриевна сделала макияж (накрасила губы), муж сурово предупредил: «Если еще раз увижу, вытру половой тряпкой».

В 1930-х гг. все весенне-летние-осенние сезоны Вера Дмитриевна с мужем проводит в экспедициях, организованных сначала Иркутским краеведческим музеем, а затем ГАИМК. Материалы этих исследований легли в основу работ по археологическому изучению районов будущих новостроек: Ангарской, Усть-Илимской, Братской ГЭС, которые проводились под руководством А.П. Окладникова в1950–1960-е гг. (рис. 4). В 1939 г. она вместе с мужем открывает стоянку Буреть, где ими было най-

Рис. 4. В.Д. Запорожская, портрет мужа (акварель, карандаш), предположительно 1930-е гг.
Fig. 4. V.D. Zaporozhskaya, portrait of a husband (watercolor, pencil), presumably, the 1930s.

дено уникальное изображение палеолитической Венеры – костяной антропоморфной фигурки в меховом комбинезоне. Именно Вера Дмитриевна зарисовывала находки в Бурети, чертила планы жилищ, вела фотофиксацию этого уникального палеолитического памятника (рис. 5).

В.Д. Запорожская принимала активное участие в полевых работах по изучению неолитических и энеолитических погребений в Ангарском регионе, т. е. в поисках «первого американца», как об этом потом написал американский антрополог А. Хрдличка, встречавшийся с В.Д. Запорожской и А.П. Окладниковым на Ангаре в 1939 г. Вот где пригодились художественный талант Веры Дмитриевны и ее тонкая научная интуиция. В эти годы она виртуозно выполнила ныне классическую, вошедшую во все учебники истории культуры народов Сибири, реконструкцию одежды людей эпохи ангарского неолита. Ее реконструкция – блестящий пример комплексного историко-художественного исследования: костюм, в котором представлены

Рис. 5. В.Д. Запорожская и А.П. Окладников на раскопках в Бурети, 1939 г.
Fig. 5. V.D. Zaporozhskaya and A.P. Okladnikov at the excavations in Buret, 1939.

украшения из нефрита, клыков марала, перламутра, передан сам покрой одежды, сочетавший «тунгусский фрак» и «тунгусский передник».

Географический и климатический диапазон экспедиций, в которых работала Вера Дмитриевна (рис. 6) только в один полевой сезон, просто потрясает: от Арктики до Туркменской пустыни. Такие нагрузки, перепады температур, помноженные на организационные заботы, груз ответственности, может вынести не всякий закаленный мужчина. При этом стоит помнить, что такая напряженная научная жизнь проходила для Веры Дмитриевны в противоречивых социальных условиях. В эти годы Алексей Павлович и Вера Дмитриевна проживали в Ленинграде на Невском проспекте (д. 22, кв. 165). Это были две комнаты в коммунальной квартире. Затем они получили три комнаты в квартире на ул. Ульяны Громовой.

Несмотря на формальную свободу и возможность проявления своих талантов, В.Д. Запорожская, будучи очень сильной и незаурядной личностью (муж, уважая твердость ее характера, ум и волю, ласково говорил о ней «наша мамочка – кремень»), предпочитала оставаться в рамках женского поведения, воспроизводя социальный конструкт «феминности». Однако это не означало, что воспроизведение его норм тяготило ее, нет, скорее на уровне подсознания она стремилась к идеалу «вечной женственности» (рис. 7). Например, она жаловалась, что все годы, за исключением редких дней подготовки к выезду в поле, в Ленинграде ей так ни разу и не удалось надеть легкое крепдешиновое платье, босоножки и изящную шляпку (рис. 8). Практически весь весенне-летний сезон она проводила в экспедициях с мужем. Кирзовые сапоги, парусиновые брюки и «ватный трус», телогрейки, накомарники – вот ее рабочая повседневная одежда с ранней весны до поздней осени. Тем не менее, изящные шляпки все же были, но и они ею приспосабливались для работы: элегантными шляпами с полями она закрывала глаза от солнечных лучей (рис. 9).

Полевые сезоны 1938 г., а затем и сезоны первых послевоенных лет В.Д. Запорожская проводит в Средней Азии в археологическом отряде мужа. Целью работ этого отряда комплексной археологи-

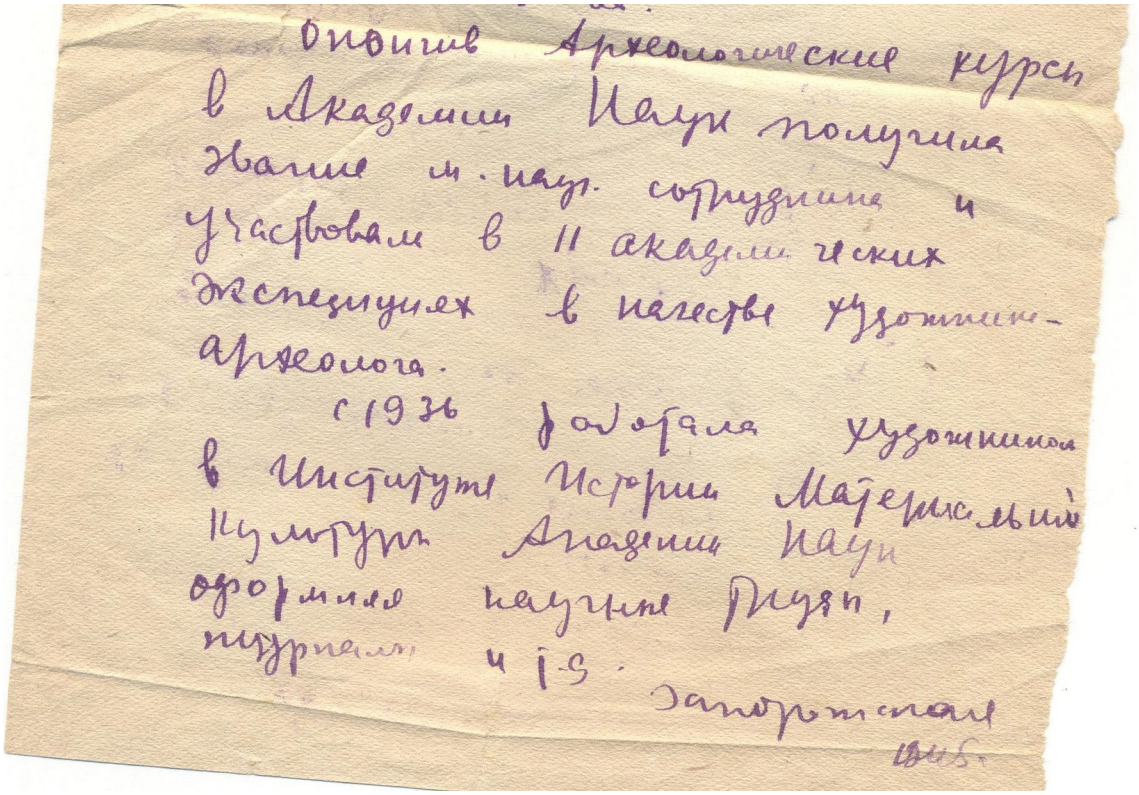


Рис. 6. Автобиография В.Д. Запорожской, написанная ее рукой (Якутск, 1945 г.)
Fig. 6. Autobiography of V.D. Zaporozhskaya, written by her hand (Yakutsk, 1945)

Рис. 7. В.Д. Запорожская (Якутск, 1945 г.)
Fig. 7. V.D. Zaporozhskaya (Yakutsk, 1945)

Рис. 8. В.Д. Запорожская во дворе здания Академии наук, Университетская набережная, д. 5 (Ленинград, лето 1946 г.)
Fig. 8. V.D. Zaporozhskaya in the courtyard of the building of the Academy of Sciences, Universitetskaya naberezhnaya, 5 (Leningrad, summer 1946)

Рис. 9. В.Д. Запорожская и З.П. Окладникова (сестра А.П. Окладникова) на раскопках на Ангаре, 1930-е гг.
Fig. 9. V.D. Zaporozhskaya and Z.P. Okladnikova (sister of A.P. Okladnikov) during excavations on the Angara River, 1930s

ческой экспедиции М.Е. Массона было изучение каменного века. Именно в этой экспедиции Запорожской и Окладниковым было открыто погребение мальчика-неандертальца. Публикация этой находки стала звездным часом в научной карьере А.П. Окладникова. В послевоенные годы В.Д. Запорожская принимает участие в археологическом изучении Туркменских пустынь, в открытии мезолитического погребения около пещеры Кайлю, неолитической «ювелирной мастерской» около горы Куба-Сенгир, в раскопках в пещере Дам-Дам Чемше. С 1941–1943 гг. трудится в Якутске в Краеведческом музее, а затем в 1943–1945 гг. там же в Якутске в Научно-исследовательском институте языка и истории. В своей автобиографии датированной 1945-м г. она написала, что была участницей 11 археологических экспедиций. Приказом № 46 от 8 марта 1945 г. по Научно-исследовательскому институту языка и литературы и истории ей как художнику-археологу Ленской археологической экспедиции была объявлена благодарность «за хорошую производственную работу».

В сороковые годы полевые исследования В.Д. Запорожской и А.П. Окладникова проходили в Арктике. В экспедициях на р. Лена она провела шесть лет. Эта хрупкая женщина «с классической фигурой и длинной косой» прошла на веслах тысячи километров, от с. Качуг на Верхней Лене до острова Тийт-Ары на Нижней Лене. Она научилась управлять парусом, чувствовать течение великой сибирской реки, противостоять непогоде и «низовке» – коварному ветру, который тащит лодку не вниз, а, наоборот, вверх по реке. Она вложила много духовных и интеллектуальных сил в капитальный труд своего мужа «История Якутии»: чертила, рисовала, фотографировала, делала планы раскопов, вела полевые дневники. Вдвоем с мужем они изучали зимовку первых русских мореходов на мысе Баранова (Таймыр, 1948), где она, как обычно, вела расчистку на раскопе, занималась фотофиксацией находок, бесстрашно осуществляла под постоянным наблюдением голодных белых медведей полевую обработку находок. Она занималась археологическими исследованиями на Колыме и Таджикистане (1948), снова возвращалась на Ангару и Лену (1951), работала в Забайкалье (1947–1951).

До последних дней жизни В.Д. Запорожская была погружена в подготовку к печати крупных, ставших ныне классическими, исследований по наскальному искусству Сибири и Дальнего Востока – «Петроглифы Средней Лены», «Петроглифы Нижнего Амура», «Петроглифы Забайкалья». В новогоднюю ночь на излете 1959 г. в Ленинградской квартире на Невском проспекте на титульном листе совместной с мужем монографии «Ленские писанины» В.Д. Запорожская сделал надпись-посвящение: «Эту книгу, Алёша, дарю тебе – твоему неиссякаемому творческому пламени, блестящей мысли и дерзновениям. Все, что было сделано мною в археологии, все это сделано только для тебя. Листы этой книги хранят то многое, что так дорого мне, и тебе. Храни ее. Вера. 31/12/1959». Эти строки могут стать эпиграфом к настоящей статье. В них откровенно и четко звучит признание этой яркой и талантливой женщины в любви к мужу, археологии и памятникам древнего искусства народов Сибири (рис. 10).

С 1930-х гг. в Советской России установился негласный порядок, который предписывал настоящим мужчинам быть полностью вовлеченными в дело, которому они служат: «…первым делом, первым делом самолеты, ну а девушки, а девушки потом». Предполагалось, что политические лидеры женаты «на государстве». Если же их жены начинали вести активную общественную жизнь, это для них могло окончиться печально (ссылка, лагеря). Жены-организаторы «тыла» своих мужей поощрялись общественным мнением. К таким женщинам (домохозяйкам, матерям-героиням) было подчеркнуто уважительное отношение. Как рассказывала Вера Дмитриевна, супруг не хотел отпускать жену из рамок договора по «обслуживанию мужа». Он был предан делу науки целиком и вопросы репродукции волновали его гораздо меньше, чем археология. Вера Дмитриевна же не могла принести себя в жертву исключительно науке. Репродуктивный возраст подходил к концу, необходимо было принимать важное жизненное решение, и она приняла его в пользу рождения дочери (рис. 11).

Рис. 10. В.Д. Запорожская и А.П. Окладников в пригороде Ленинграда, 1954 г.
Fig. 10. V.D. Zaporozhskaya and A.P. Okladnikov in the suburb of Leningrad, 1954

Рис. 11. В.Д. Запорожская с дочерью Леной, имя дочери А.П. Окладников дал в честь великой р. Лены (Ленинград, 1952 г.)
Fig. 11. V.D. Zaporozhskaya with her daughter Lena, the name of the daughter A.P. Okladnikov gave in honor of the great Lena River (Leningrad, 1952)

Проживая в Ленинграде, отдельно от мужа, В.Д. Запорожская регулярно слышала в свой адрес критику от знакомых. Многие из них возмущались, когда ее муж без нее уезжал в поле или отправлялся поднимать Институт истории в Новосибирском Академгородке, а она воспитывала дочь в Ленинграде. Ведь супруги не должны проживать отдельно, гласило это мнение. Когда в семье в их ленинградской коммунальной квартире появлялась домработница, знакомые дамы в один голос утверждали, что дом должна вести только жена. А.П. Окладников не вмешивался в рутинные домашние дела, но при этом ни в чем по хозяйству не упрекал супругу. Впереди всегда было столько грандиозных дел, а ее профессиональные навыки, талант художника, внимательность исследователя, жизненная мудрость, заинтересованность делом его жизни были ему постоянно нужны. Поэтому помощь домработницы была кстати. Никогда он не занимался тем, что так часто встречается в отношениях между супругами: реализацией техник «мягкого насилия» (перенесением конфликта в психику жены, страховкой от отказа женщины быть полезной, открытого столкновения и т. п.) цель которых – занять привилегированное положение в отношениях.

В начале 1960-х гг. Алексей Павлович по приглашению М.А. Лаврентьева уезжает в Новосибирск и занимается организацией Института истории филологии и философии сибирского отделения АН СССР (ИИФиФ СО АН СССР). В это время начинается недолгий период раздельного проживания супругов, обусловленный необходимостью воспитания дочери. Он постоянно приезжает в Ленинград в зимние месяцы. Летом Вера Дмитриевна с дочерью приезжают к нему в Академгородок. Тем не менее, у нее стали появляться мысли о том, что живут они с мужем «как-то не так», не так, как «нормальные обыватели», без мещанского уюта и комфорта. Она чувствует, что живет в вечной спешке, как-то наспех, не так обустроено, как другие, в постоянных ограничениях, посвящая все свое время делу, которому служит муж, т. е. науке.

В конце 1960-х гг. В.Д. Запорожская переезжает в Новосибирск, где устраивается работать в ИИФиФ СО АН СССР (рис. 12), помогая мужу во всех его начинаниях. В Академгородке в Новосибирске супруги жили в квартире мужа на Морском проспекте и в коттедже в Золотой долине. В 1970-х гг. Вера Дмитриевна получает персональную пенсию как заслуженный работник науки. В 1970–1980-х гг. она стала одним из ведущих организаторов музея истории и культуры народов Сибири ИИФиФ СО АН СССР.

Как и раньше в молодости в эти годы Вера Дмитриевна собственной карьеры в мире науки не сделала, в отличие от таких учениц А.П. Окладникова, как выдающиеся ныне женщины-археологи З.А. Абрамова, Е.И. Деревянко или О.В. Дьякова. Однако она морально и в деловом

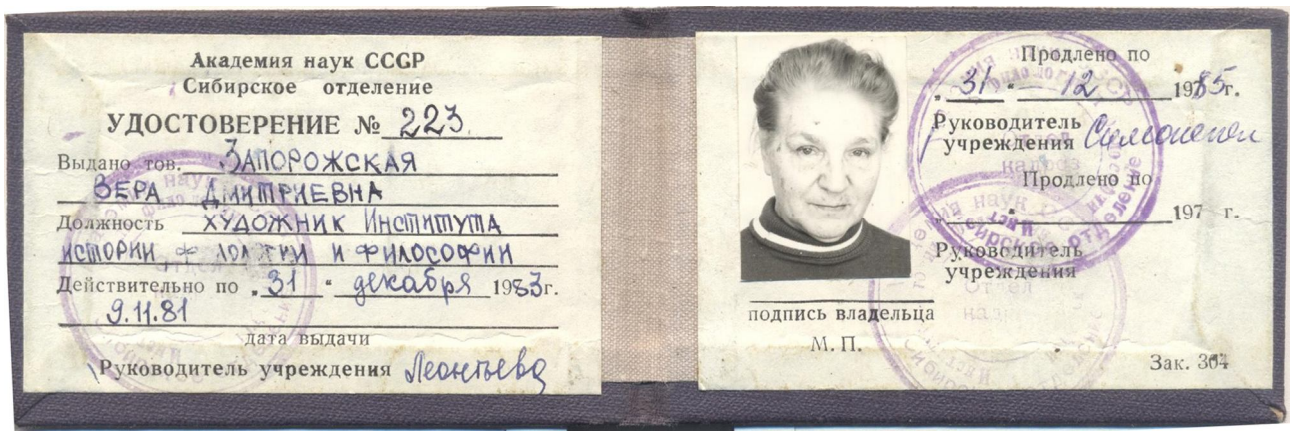

Академия наук СССР
Сибирское отделение
УДОСТОВЕРЕНИЕ № 223
Выдано тов. ЗАПОРОЖСКАЯ
ВЕРА ДМИТРИЕВНА
Должность ХУДОЖНИК ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
Действительно по 31 декабря 1983 г.
9.11.81
дата выдачи
Руководитель учреждения Леонтьева
Продлено по 31 12 1985 г.
Руководитель учреждения
Продлено по 197 г.
Руководитель учреждения
подпись владельца
М. П.
Зак. 364

Рис. 12. Пропуск В.Д. Запорожской на работу в Институт истории философии и филологии СО АН СССР (Новосибирск, Академгородок, 1985 г.)

Fig. 12. Pass of V.D. Zaporozhskaya to work at the Institute of History of Philosophy and Philology of the Siberian Branch of Academy of Sciences of the USSR (Novosibirsk, Akademgorodok, 1985)

Рис. 13. В.Д. Запорожская и А.П. Окладников на крыльце дома в Академгородке (Новосибирск) изучают изображение «вишапа», найденное в Хакасии, 1978 г.
Fig. 13. V.D. Zaporozhskaya and A.P. Okladnikov on the porch of a house in Akademgorodok (Novosibirsk) study the image of "Vishap", found in Khakassia, 1978

Рис. 14. В.Д. Запорожская и А.П. Окладников дома в рабочем кабинете (Академгородок, конец 1970-х гг.)
Fig. 14. V.D. Zaporozhskaya and A.P. Okladnikov at home in his office room (Academgorodok, the end of the 1970s)

плане поддерживала учениц мужа, восхищалась их достижениями. Вера Дмитриевна обладала большим негласным авторитетом среди сотрудников мужа. Она направляла и контролировала работу лаборантов, организовывала быт и вела домашнее хозяйство. Деловое окружение Алексея Павловича уважало ее.

Оглядывая мысленным взором личную историю, В.Д. Запорожская в конце жизни с горечью думала о том, что все свое время она посвящала тому, чему призывал ее нравственный долг, т. е. служению научной деятельности мужа, а не воплощению своей мечты – искусству театрального художника. Ее муж относился к ней с глубочайшим уважением и настоящей любовью. Он ценил твердость ее характера, силу воли, житейскую мудрость, глубокий, проницательный ум и тонкий художественный вкус, деловые и профессиональные навыки (рис. 13, рис. 14).

Критерии авторства

Окладникова Е.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Окладникова Елена Алексеевна,
доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения,
e-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Attribution criteria

Okladnikova E.A. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Information about the author

Elena A. Okladnikova,
Dr. Sci. (History), Professor, Department of sociology and religious studies,
e-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 902
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-277-287

В ЭКСПЕДИЦИЯХ АКАДЕМИКА А.П. ОКЛАДНИКОВА

© М.В. Константинов

Забайкальский государственный университет
672000, Российская Федерация, г. Чита, ул. Чкалова, 140

Аннотация: Статья посвящена 110-летнему юбилею академика А.П. Окладникова. Этот юбилей был торжественно отмечен в Чите 3 октября 2018 г. с участием ученых и студентов. В статье рассказывается об археологических исследованиях А.П. Окладникова в Забайкалье, в процессе которых были открыты древние памятники на Ингоде, Ононе, Шилке и Уде. Особо важными являются исследования А.П. Окладникова на Титовской сопке близ Читы – уникальной мастерской каменного века, ныне называемой Окладниковской. Статья основана на воспоминаниях автора, работавшего в студенческие годы в экспедициях А.П. Окладникова, а затем ставшего его аспирантом, защитившим кандидатскую и в дальнейшем докторскую диссертации. Вместе с ним автору в 1966 г. удалось поработать на неолитической стоянке Чиндант и обнаружить возле нее палеолитическое изделие. В следующем 1967 г. экспедиция А.П. Окладникова вела раскопки на неолитической стоянке Будулан. В 1968 г. археологический отряд под руководством А.П. Окладникова приступил к раскопкам палеолитического поселения Санный Мыс, находящегося в Хоринском районе Бурятии. На нем были обнаружены остатки жилища, основанием которого служила овальная конструкция из 108 каменных глыб. В ее внутреннем пространстве находилось три кострища, вход загораживал череп носорога, а меж камней внешней обкладки располагались рога винторогой антилопы. Археологические материалы, полученные во время забайкальских экспедиций, были опубликованы в целом ряде статей и монографий А.П. Окладникова и других исследователей.

Ключевые слова: *А.П. Окладников, археология, экспедиции, Забайкалье, каменный век, Титовская сопка, Чиндант, Арын-Жалга, Санный Мыс*

Благодарности: Автор благодарит доцента кафедры английского языка О.В. Ушникову за перевод текстов на английский язык и М.Ю. Федосеева, сотрудника Забайкальского краеведческого музея, за подборку фотографий.

Информация о статье: Дата поступления 15 октября 2018 г.; дата принятия к печати 12 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Константинов М.В. В экспедициях академика А.П. Окладникова. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):277–287. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-277-287.

IN ACADEMICIAN A.P. OKLADNIKOV'S EXPEDITIONS

© Mikhail V. Konstantinov

Transbaikal State University
140 Chkalova Str., Chita 672000, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the 110th anniversary of academician A.P. Okladnikov. This anniversary was solemnly celebrated in Chita on October 3, 2018 with the scholars' and students' participation. The article describes A.P. Okladnikov's archaeological research in Transbaikalia, in the course of which ancient monuments were discovered on the rivers Ingoda, Onon, Shilka and Uda. Of particular importance are A.P. Okladnikov's studies of a unique Stone Age workshop on Titovskaya Sopka, near Chita, now called Okladnikovskaya. The article is based on its author's memoirs who worked during his student years in A.P. Okladnikov's expeditions, and then became his graduate student, defended his candidate's and further doctoral theses. The author also relies on the publications by A.P. Okladnikov and other researchers. Together with him, in 1966, the author managed to work on the Neolithic site Chindant and to find a Paleolithic implement near it. In the next 1967 expedition of

A.P. Okladnikov excavated at the Neolithic site Budulan. In 1968, the archaeological detachment under the leadership of A.P. Okladnikov began the excavation of the Paleolithic settlement of Sanny Mys, located in the Khorinsky district of Buryatia. There were found the remains of a dwelling, the base of which was the oval construction of 108 stone blocks. In its internal space there were three fireplaces, the entrance was blocking the skull of Rhinoceros, and between the stones of the outer facing were the antlers of the antelope. The archaeological materials obtained during the Trans-Baikal expeditions were published in a number of articles and monographs by A.P. Okladnikov and other researchers.

Keywords: *A.P. Okladnikov, archeology, expeditions, Transbaikalia, Stone Age, Titovskaya Sopka, Chindant, Aryn-Zhalga, Sannyiy Mys*

Acknowledgements: The author thanks the assistant professor of the Department of English language O.V. Ushnikova for the translation of texts into English and M.Yu. Fedosev, a staff of the Trans-Baikal Museum of Local History, for a selection of photographs.

Article info: Received October 15, 2018; accepted for publication November 12, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Konstantinov M.V. In academician A.P. Okladnikov's expeditions. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):277–287. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-277-287.

Введение

В октябре 2018 г. в Чите торжественно отметили 110-летие со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. В центре города в большом лекционном зале музея Дома офицеров состоялось собрание научной общественности и студенческой молодежи. Как исследователю, прошедшему школу экспедиций и аспирантуры А.П. Окладникова, мне доверили выступить с докладом о научной и просветительской деятельности выдающегося исследователя. Студенты-историки поделились своими впечатлениями об экскурсиях по археологическим памятникам Титовской сопки, открытых А.П. Окладниковым, в частности об экскурсии по мастерской каменного века, называемой в честь первооткрывателя Окладниковской, а также о наскальных рисунках эпохи раннего металла и поселениях эпохи палеолита в районе скал Сухотино. Участники собрания обозначили важность создания на Титовской сопке Краевого археолого-этнографического музея под открытым небом имени академика А.П. Окладникова.

Титовская сопка

В начале лета 1965 г. археологи вели раскопки на окраине Читы. Впрочем, никакой доступной информации о раскопках в прессе не замечалось, и только «Комсомольская правда» весьма по-особенному, на первой странице (!), известила об уникальных открытиях А.П. Окладникова на Титовской сопке. Новоявленным студентам Читинского педагогического института данное сообщение показалось вызывающе интересным. Занятия на историческом факультете еще не начались, но была тяжелая (без выходных) работа на строительстве спортивного бассейна. Как-то под вечер, расставшись с носилками для цементного раствора, мы, как были в рабочей одежде (вдруг нам тоже разрешат что-нибудь покопать!), подались на Титовскую сопку. Весьма масштабная, она была на виду всего города, с голыми степными каменистыми склонами, хотя в те годы их пытались озеленять. Почему-то нам пришло в голову, что надо подниматься ближе к вершине сопки, к большому круглому локатору. По окраинной дороге мы вышли на первый увал и действительно увидели раскопы. Они были присыпаны грунтом; археологов и палаточного лагеря, как это нам воображалось, не наблюдалось. Явным стало то, что экспедиция работы завершила. Сообща с товарищами мы фантазировали насчет того, что археологам удалось найти на этом месте и рассуждали о том, почему люди поселились так далеко от реки, но в понимании ситуации дело не продвигалось, поскольку нам не хватало реальных знаний о древностях.

Мне вспомнилось об этом походе много лет спустя, когда будучи аспирантом Алексея Павловича Окладникова, сопровождал его на Титовскую сопку, на мастерскую каменного века, открытую им и исследованную с участием читинских студентов.

То было в 1977 г., причем в особый день, 3 октября – день рождения Алексея Павловича. Тогда ему исполнилось 69 лет. В Читу Алексей Павлович прибыл после раскопок на Дальнем Востоке. На историческом факультете выдающегося ученого поздравили с днем рождения и студенты и школьники из археологического кружка Дворца пионеров, но АП (так звали Окладникова в ближнем окружении) долго праздновать желания не имел и запросил машину, которая была немедленно предоставлена, то ли ректоратом, то ли обкомом партии.

На Титовке Алексей Павлович рассматривал свои старые раскопы, был задумчив и молчалив. Наверное, он планировал продолжить исследования палеолитической мастерской, где древний человек тысячелетиями добывал и начерно обрабатывал камень, оставив после себя тысячи артефактов в виде нуклеусов, отщепов и отбойников.

Может при этом ученый припоминал свое первое посещение Титовской сопки, случившееся еще в 1950 г. Тогда возникла особая ситуация. Ученого, проводившего полевую разведку, неожиданно перехватили бдительные врачи из оказавшейся на его пути психоневрологической больницы: близ их территории незнакомый крепкий мужчина вел себя странно, бродил зигзагами и собирал обычные камни, да еще объявлял себя профессором.

У меня было большое желание расспросить об этом случае подробнее, но Алексей Павлович был не очень расположен к разговору на этот счет. Так и не рассказал я ему о том, что узнал об этом происшествии от ветерана партийной обкомовской службы, который, оборвав все телефоны, полдня разыскивал профессора, скрывшегося после лекции в педагогическом институте в неизвестном направлении.

Алексей Павлович показал мне участки раскопа, где были выявлены ямы-закопушки (первобытные шахты!), из которых древние мастера извлекали подходящий для обработки камень, а потом прятали в них для дальнейшей добычи обломки рогов оленя, используемые как кирки (рис. 1)[1]. Алексей Павлович вспомнил, что на ближайшем склоне было найдено средневековое погребение с

Рис. 1. Первый шурф на мастерской каменного века на Титовской сопке (слева направо: М.И. Рижский, А.П. Окладников, аспирантка Жанна Андреева, студенты), начало 1950-х гг.
Fig. 1. The first test-pit in the Stone Age workshop site Titovskaya Sopka (from left to right: M.I. Rizhskiy, A.P. Okladnikov, graduate student Zhanna Andreeva, students), early 1950s.

[1] Фотографии из фондов Музея археологии Забайкалья исторического факультета Забайкальского государственного университета и архива Научно-редакционного центра «Энциклопедии Забайкалья».

каменной кладкой, скелетом человека с сосудом в изголовье, а чуть дальше замечены охристые рисунки на скалах, теперь уже почти полностью уничтоженные промышленными взрывами (рис. 2).

Это был последний приезд А.П. Окладникова в Забайкалье, с которым у него так много было связано.

Достаточно вспомнить его двухтомный труд «Петроглифы Забайкалья», посвященный наскальным рисункам, которые он сам выявлял на просторах от пограничной Кяхты до шилкинской Кары (Окладников, Запорожская, 1969). К этому дополним обзорные статьи о древней истории Забайкалья в Истории Сибири (История Сибири с древнейших времён до наших дней, 1968) и во многих научных сборниках (Окладников, 1972; Окладников, 1975; Окладников, 1976). Очень важна его статья о Шилкинской пещере с представительной коллекцией прекрасных артефактов из камня и кости, и разбитой, но все равно выразительной глиняной посудой, и, еще более важным для науки, черепом, по которому был восстановлен облик неолитического человека, весьма похожего на тунгуса (Окладников, 1960). И совершенно поразительна по слогу и содержанию научно-популярная книга А.П. Окладникова о сибирских древностях с забайкальским названием «Олень Золотые рога» (Окладников, 1964).

Во время первого нашего восхождения на Титовскую сопку в 1965 г. эти научные труды нам были еще не известны.

Рис. 2. А.П. Окладников за фиксацией наскальных рисунков Титовской сопки, 1950-е гг.
Fig. 2. A.P. Okladnikov at the recording the rock paintings of Titovskaya Sopka, 1950s

Экспедиция на Онон

Наконец-то с 1 октября 1965 г. начались занятия на историческом факультете. Лекции по археологии читал Игорь Иванович Кириллов, молодой преподаватель, только что ставший аспирантом А.П. Окладникова (Константинов, 2017). Однажды он принес на занятия крафтовые пакеты и извлек из них массу изделий из переливчатых по цвету яшм и стекловидных халцедонов с ононских берегов. Эти артефакты собрали во время летней практики студенты, старшие по курсу на год. Сначала они поработали на Титовской сопке, а потом поехали на раскопки поселения Чиндант на Ононе. Игорь Иванович объяснил, что наша летняя практика будет проходить по такому же маршруту. Большим событием для нас стало появление на книжном прилавке в истфаковском корпусе замечательной книжки М.И. Рижского «Из глубины веков. Рассказы археолога о древнем Забайкалье» (Иркутск, 1965). Один из ее разделов повествовал о мастерской каменного века на Титовской сопке. Очень скоро появился на факультете и сам Рижский, прибывший на время в свой старый вуз из Новосибирского университета. Михаил Иосифович читал нам историю древнего мира, вставляя в лекции и семинары археологические сюжеты и свои воспоминая о поездках по Забайкалью с А.П. Окладниковым с 1950 по 1962 г.

С апрельской весны 1966 г. мы путешествовали с И.И. Кирилловым по Титовской сопке, а в мае участвовали в раскопках древнего поселения на ее юго-восточном склоне, у скал Сухотино. В июле в Читу из Новосибирска прибыл Руслан Сергеевич Васильевский. Большую группу первокурсников на грузовике он вывез на раскопки в Чиндант (рис. 3; 4). Через неделю нас догнал И.И. Кириллов, а потом в лагере появился еще один грузовик, и из него вышел человек, о котором мы так много слышали весь истфаковский учебный год. Это был Алексей Павлович Окладников, который уже успел поколесить по Монголии. Для него поставили шатровую палатку, небольшую и полинялую, из палатки выглядывал угол раскладушки. К отдыху, однако, профессор был не склонен и сразу пришел на раскоп, где из-под пятиметрового дюнного наноса освобождался черный по цвету неолитический

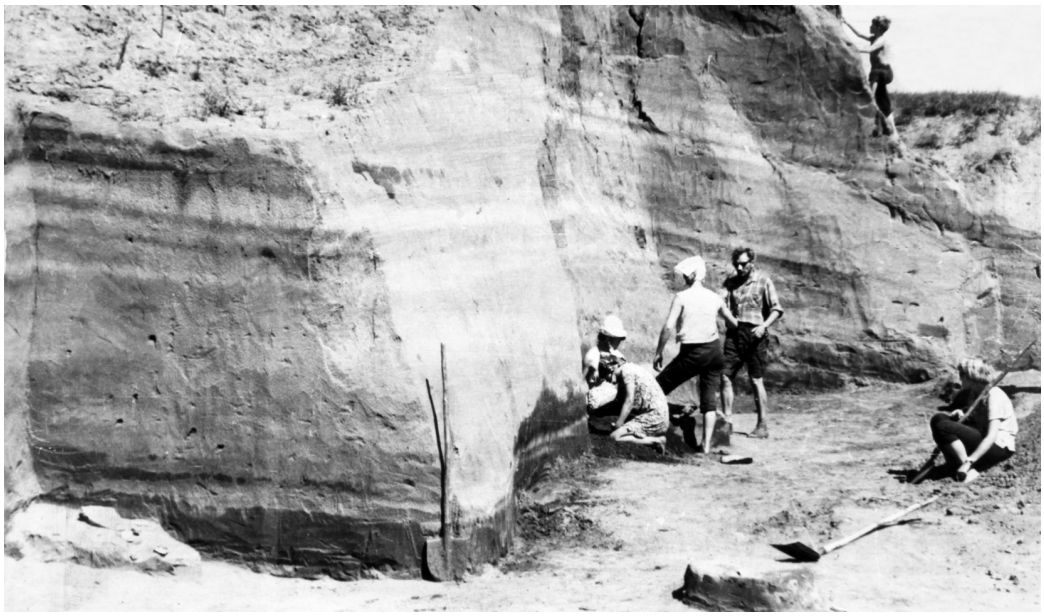


Рис. 3. Исследование поселения Чиндант (в раскопе Р.С. Васильевский со студентами, на втором плане М. Константинов), 1966 г.
Fig. 3. Study of the settlement Chindant (R. Vasilyevsky with students in the excavation area, M. Konstantinov in the background), 1966

Рис. 4. Коллективное фото на раскопках Чинданта в 1966 г. (в первом ряду, слева направо: А.Е. Конюхова – сотрудник Читинского краеведческого музея, Р.С. Васильевский, И.И. Кириллов, А.П. Окладников, И.В. Асеев; во втором ряду: первый – художник И.Е. Соколовский, в середине – художник В. Жалковский, остальные – студенты-историки Читинского пединститута)
Fig. 4. A collective photo on the excavations of Chindant in 1966 (in the first row, from left to right: AE Konyukhova – a staff member of the Chita Museum of Local History, R.S. Vasilyevsky, I.I. Kirillov, A.P. Okladnikov, I.V. Aseev; in the second row: the first – the artist I.Ye. Sokolovsky, in the middle – the artist V. Zhalkovsky, the rest – the history students of the Chita Pedagogical Institute)

слой. Заметив студента, разгребающего песок на прирезке к раскопу, прихватил его с собой в разведку. Так, мне довелось первый раз пройти рядом с Окладниковым несколько километров, осматривая стенки и днище глубоких оврагов. В разных местах мы находили обломки тяжелых древних костей, а в одном случае Алексей Павлович заметил белесые кости в овражном обрыве. Рабочая разнарядка для меня была самого общего вида: копай отсюда и как можно глубже. Самостоятельность мне была по душе, и я с воодушевлением врезался в просохший глинистый борт оврага, сбрасывая грунт вниз. На глубине порядка пары метров из-под лопаты выскочил зеленый камушек, он оказался оббитым. Вместе с костями я доставил его Алексею Павловичу, который весьма обрадовался тому, что чиндантский неолит дополнился палеолитом (Окладников, Кириллов, 1980).

Как-то в воскресенье после завтрака Алексей Павлович дал команду: на разведку, на грузовике, по степям. Долго дожидаться он не любил, но заинтересованные студенты успели заскочить на борт. Полдня мы двигались по степям в западную сторону, то отдаляясь, то приближаясь к Онону. Остановились около знаменитого камня-котла, известного в народе как Чаша Чингис-Хана. Согласно легенде водой из нее омывались раны великого правителя. Неподалеку от Чаши оказался впечатляющий плиточный могильник. По народным представлениям в нем похоронены воины Чингиса. Научным заключениям о том, что эти погребения старше по времени эпохи Чингиса даже больше, чем он исторически старше нас, в бурятских степях как-то не очень доверяют. Алексей Павлович обошел могильник, осмотрел каждую плиту, пытаясь увидеть на них изображения, а художник Слава Жалковский выполнил зарисовки.

Вечерами Алексей Павлович сидел вместе со всеми у костра, держал в руках палочку и шевелил ей угли. Надо сказать, что самостоятельно Алексей Павлович разговоров не затевал, а если студенты задавали вопросы, то отвечал тихо, спокойно, без надрыва.

Поселение Сухотино-1

На втором курсе мне довелось изучать довольно большую палеолитическую коллекцию с поселения Сухотино-1. Типологии и морфологии я учился по публикациям А.П. Окладникова, В.А. Ранова и В.Е. Ларичева. Каждый артефакт надо было описать, зарисовывать и измерить. Большим подспорьем для понимания общей исторической картины был Макет первого тома «Истории Сибири», впечатляющего объема, но, к сожалению, не имеющий иллюстраций (1964).

Весной 1967 г. трех студентов исторического факультета направили на конференцию в Новосибирск. Мне посчастливилось быть в их числе с докладом о Сухотино-1. Нас принимала кафедра археологии Новосибирского государственного университета и Институт истории, филологии, и философии СО РАН СССР. Секцией палеолита руководили В.Е. Ларичев и А.П. Деревянко. Подарки лучшим докладчикам вручал Алексей Павлович Окладников. Меня наградили книгой М.М. Герасимова «Люди каменного века», иллюстрации из которой я и ныне с успехом использую на лекциях по археологии.

В начале лета 1967 г. А.П. Окладников вновь прибыл в Читу. Вместе и И.И. Кириловым они оформляли статью по Сухотино-1. Мне довелось присутствовать при этой работе, разложить по типам всю коллекцию, дополнив элементарной статистикой. Интересно было наблюдать, как Алексей Павлович рассматривает камни, определяет типы нуклеусов и характеризует леваллуа. Алексей Павлович работал въедливо, но быстро, текст формировал почти начисто. Затем эта статья появилась в журнале «Известия Сибирского отделенияАкадемии наук СССР» (Окладников, Кириллов, 1968).

Не желая терять ни одного часа летнего времени, Алексей Павлович тогда же отправился в соседнюю Атамановку, где у него с более ранней поездки был припасен объект с палеолитическими артефактами и очагом, край которого выглядывал из подмытой Ингодой террасы. Этот памятник до сих пор остается в полевом запасе, и этот запас-припас для будущих исследователей создавался совершенно неутомимым и очень быстрым в при-

нятии решений и перемещениях А.П. Окладниковым.

Меня Алексей Павлович попросил подобрать карты Монголии. В то время с картами было туго. Все что мог я собрал, с ними он и уехал на грузовой машине в экспедиционный тур по Монголии.

Исследования у с. Будулан

В июле 1967 г. А.П. Окладников появился со своей группой на ононской стоянке близ с. Будулан (Окладников, Кириллов, 1980) (рис. 5). Эту стоянку Алексей Павлович открыл на пару лет ранее и назвал Славкин лог в честь Славы Жалковского, нашедшего в этом месте первые артефакты, но затем Слава по-молодости что-то набедокурил (о чем может составиться отдельный рассказ) и стоянка переименовалась в Будулан (Арын-Жалга). Очередная практика с энтузиазмом раскапывала многослойное поселение, раскопы углублялись, стенки подрастали и дополнялись новыми слоями. Как-то Алексей Павлович оторвал меня от расчистки очага и стал диктовать стратиграфическое описание. Он осматривал разрез, дотрагивался до отложений, разминал пальцами дернину, песок и супесь. Описание, благодаря естественной наглядности и четкости анализа, было предельно ясным и логичным. Мне стало понятно, как такое важное дело осуществляется. Потом Алексей Павлович напомнил, что надо выполнить чертежи всех профилей, что, разумеется, и было сделано. В экспедиционном имуществе оказался столярный уровень с ртутной меткой, с его помощью мы и определяли линию горизонта на профилях. Других приборов в экспедициях в ту пору не водилось.

К середине июля пошли дожди. Хилые палатки быстро дали течь, и весь экспедиционный народ был перемещен в с. Будулан. Мне как лаборанту доверили караулить лагерь. Забившись в спальник, я пытался читать книгу, но вдруг услышал какое-то движение в соседней палатке. Каково же было мое удивление, когда я увидел Алексея Павловича, натягивающего сапоги. На мой вопрос о том, почему профессор не уехал со всеми, я услышал жесткий ответ: «А что я в той деревне забыл?!». Далее последовало предложение пойти в разведку, дополненное встречным, обращенным ко мне вопросом: «А кому нужны эти мокрые матрацы?!». Алексей Павлович прихватил в разведку лом, и отобрать у него этот тяжелый инструмент мне не удалось. Вслед за ним я шел с лопатой. Мелкий дождь продолжал сеять холодную хмарь, склоны сопок закрыли просевшие облака, но Алексей Павлович, несмотря на почтенные года, и не думал сворачивать разведку. Мы поднялись на степную гору

Рис. 5. Начало раскопок на поселении Будулан (Арын-Жалга), 1967 г.
Fig. 5. The beginning of the excavation at the settlement Budulan (Aryn-Zhalga), 1967

Большой Батор и по дороге, используя лом как указку, Алексей Павлович показывал мне едва заметные курганные кладки и высказывал предположения об их возрасте. С вершины горы открылся впечатляющий вид на правобережье Онона с красивыми скалами и дальним сосновым обрамлением Цасучейского бора. «Это местность Ихкарал, это значит Великий остров, – пояснил Алексей Павлович, – здесь родные места Чингис-Хана». Пересекая крутые лога и длинные склоны, мы наткнулись на неизвестные плиточные могильники, собрали на песчаных выдувах керамику, отщепы и микропластинки и вышли к деревянному автомобильному мосту через Онон, реку многорукавную и бурливую. Теперь перед нами была еще одна гора, она называлась Малый Батор. Ее украшала Чаша Чингис-Хана. «Там мы были в прошлом году» – заметил Алексей Павлович, и мы повернули к своему лагерю.

Лекция академика

В лагере нас ждала машина, в кузов которой забрасывался лагерный скарб. В Будулане в каменном колхозном доме, отданном на время бедствующим археологом, Алексей Павлович категорически отказался прилечь на спальник. Он расположился посередине комнаты на своем рюкзаке и неспешно рассказывал студентам о нашем походе. Потом произошла на глазах у всех любопытная сценка. Академик извлек из вафельного полотенца шприц, закачал в него жидкость из медицинской бутылочки, задрал спереди на себе рубаху и воткнул шприц в живот. Это действие он сотворил молча и спокойно. Для затихшего молодежного состава оно было непонятно. Однако минут через пять в комнату вошел сотрудник Алексея Павловича, тоже АП, но младший – Анатолий Пантелеевич Деревянко. Он сказал Алексею Павловичу, что пора делать укол от диабета. Старший АП ответил младшему, что укол уже сделал, и тут же младший резонно высказал старшему, что «шприц вообще-то кипятить надо!». Академик быстро перевел разговор на дела, заявив, что вечером прочитает лекцию в клубе. Конечно, студенты своим присутствием и вопросами поддержали местное население. Докладчик был вооружен собственным проектором и слайдами о древнем искусстве. После лекции и благодарных аплодисментов академик отдал мне слайды и просил их сохранять и использовать. В том же 1967 г. появилась из печати красивая и мудрая книга А.П. Окладникова «Утро искусства» (Окладников, 1967). В ней воспроизводились изображения со слайдов. Мне показалось, что читая лекцию в сельском клубе, ученый как бы в очередной раз проверял себя в том, будет ли понятен текст его сочинения за пределами узкого круга специалистов. Наверное, популярное название книги к этому призывало и обязывало.

Раскопки на Санном Мысе

К весне 1968 г. стало ясно, что А.П. Окладников решил сосредоточиться на раскопках Санного Мыса (рис. 6). Он обратился к Игорю Ивановичу Кириллову с предложением организовать студенческую практику как трехсменную. К 20 мая мы были в Хоринском районе Бурятии. Алексей Павлович нашел Санный Мыс во время разведки в долине р. Уды в 1958 г. (Окладников,

Рис. 6. А.П. Окладников во время разведки по Забайкалью, Санный Мыс, 1950-е гг.
Fig. 6. A.P. Okladnikov during the survey expedition in Transbaikalia, Sanny Mys, 1950s

1958). По первой траншейной расчистке он определил, что это поселение содержит разные по времени слои. Теперь предстояло раскопать древнее поселение на большой площади с тем, чтобы определить развитие культуры.

Поселение было прижато к скале, защищавшей его от северных ветров. Через месяц раскопок из-под шестиметрового слоя аллювиального песка открылась уникальная овальная конструкция из 108 каменных глыб. В ее внутреннем пространстве оказалось три кострища, вход загораживал череп носорога, а меж камней внешней обкладки приютились рога винторогой антилопы (Окладников, 1971). А.П. Окладников определил конструкцию как палеолитическое жилище, отметив, что оно первое за Байкалом. У древнего жилища академиком был устроен грандиозный этнографический праздник с участием населения из соседних сел. Затем к раскопам прибыли машины, груженные досками и цементом, и мы занялись работами по укреплению основания жилища и примыкающего к нему скального обвала. Законсервированное древнее жилище просуществовало полвека, служа науке, просвещению и культуре.

Весной 1969 г. ежегодная региональная конференция вновь собрала студентов в Новосибирске. Академик А.П. Окладников лично курировал ее подготовку и направлял работу пленарных и секционных заседаний У меня был доклад по забайкальской археологии каменного века. Лучших докладчиков пригласили для поступления в аспирантуру. Через четыре года после серьезной подготовки и новых экспедиций и мне довелось стать аспирантом академика А.П. Окладникова, а в 1979 г. под его руководством защитить кандидатскую диссертацию по теме «Палеолит Хилка и Чикоя (юго-западное Забайкалье)». От ее защиты начался путь к докторской диссертации, завершенный в 1995 г.

Заключение

Алексея Павловича Окладникова не стало в ноябре 1981 г.

Дело Алексея Павловича в разных районах Сибири продолжают его ученики, а ныне и ученики учеников. Мне, как руководителю Чикойской археологической экспедиции Забайкальского государственного университета, довелось стать научным наследником выдающегося ученого в деле изучения памятников каменного века в Забайкалье, продолжив его исследования на Санном Мысе, Посольской, Ошурково, в Мухино, Подлопатках и на других памятниках. Опираясь на усвоенные от неутомимого ученого полевые уроки, наша экспедиция провела успешные разведки на Хилке и Чикое, открыв такие поселения, как Усть-Менза, Толбага, Куналей. Развивая опыт Алексея Павловича в изучении многослойных памятников, многие годы с большой тщательностью нами исследовалось уникальное 38-слойное поселение Студёное-1. В дополнении к Шилкинской пещере мы исследовали пещеры Кристинкину и Егоркину, расположенные на Мензе. Вслед за А,П. Окладниковым мы изучали монгольские просторы, уделив основное внимание таежной зоне (Константинов, 2011. Чикойская археологическая экспедиция).

Мне помнятся великолепные профессорские лекции сибирского ученого и его рассказы о путешествиях. Эта просвещенческая линия, наверное, пришла к А.П. Окладникову от его отца – сельского учителя и от его вузовского наставника профессора Б.Э. Петри. В меру сил и возможностей, мы с коллегами ее поддерживаем, донося до молодежи и всех слоев общества значимость археологической науки, при этом, непременно, освещая вклад в дело изучения и сохранения культурного наследия академика А.П. Окладникова.

Особо отметим, что в Забайкальском государственном университете на историческом факультете без малого полвека действует Музей археологии Забайкалья, созданный при существенной организационной и моральной поддержке великого ученого, открывшего для мира яркую и величественную древнюю историю народов Сибири и Дальнего Востока (Константинов, 2011. Музей археологии Забайкалья ЗабГГПУ). Имя академика А.П. Окладникова как выдающегося деятеля науки, просвещения и культуры запечатлено в экспозиции музея и в многотомной «Энциклопедии Забайкалья» (Константинов, Константинов, 2011).

Библиографический список

История Сибири с древнейших времен до наших дней: монография. В 5 т. Т. 1. Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. 454 с.

Константинов М.В. Чикойская археологическая экспедиция // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 232–233.

Константинов М.В. Музей археологии Забайкалья ЗабГГПУ // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 216.

Константинов М.В., Константинов А.В. Окладников Алексей Павлович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 230–232.

Константинов М.В. Археолог И.И. Кириллов: первый план полевых исследований (к 80-летию ученого) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 4. С. 137–144.

Окладников А.П. Археологические исследования в бассейне р. Удэ летом 1958 г. (предварительное сообщение). Улан-Удэ: Бурятский комплексный научно-исследовательский институт культуры СО АН СССР, 1958. Вып. 25. С. 204–207.

Окладников А.П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры верховьев Амура // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. 1. Древние культуры Дальнего Востока. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 9–71.

Окладников А.П. Олень Золотые рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Л. – М.: Искусство, 1964. 239 с.

Окладников А.П. Утро искусства. Л.: Искусство, 1967. 135 с.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Палеолитическое поселение в Сохатино (Титовская сопка) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. 1968. № 6. Вып. 2. С. 111–114.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. В 2-х ч. Ч. 1. Л.: Наука, 1969. 219 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы

References

Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei [The history of Siberia from ancient times to the present day]. In 5 volume. Vol. 1. *Drevnyaya Sibir'* [Ancient Siberia]. Leningrad: Nauka Publ., 1968, 454 p. (In Russian).

Konstantinov M.V. *Chikoiskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya* [Chikoy archaeological expedition]. *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya* [Small encyclopedia Transbaikalia. Archeology]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2011, pp. 232–233. (In Russian).

Konstantinov M.V. *Muzei arkheologii Zabaikal'ya ZabGGPU* [Museum of Archeology of Transbaikalia of the Trans-Baikal State Humanitarian Pedagogical University]. *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya* [Small encyclopedia Transbaikalia. Archeology]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2011, pp. 216. (In Russian).

Konstantinov M.V., Konstantinov A.V. *Okladnikov Aleksei Pavlovich* [Okladnikov Alexey Pavlovich]. *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya* [Small encyclopedia Transbaikalia. Archeology]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2011, pp. 230–232. (In Russian).

Konstantinov M.V. Archaeologist I.I. Kirillov: first field research plan (on the 80th anniversary of the scientist). *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian vector], 2017, vol. 12, no. 4, pp. 137–144. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Arkheologicheskie issledovaniya v basseine r. Ude letom 1958 g. (predvaritel'noe soobshchenie)* [Archaeological research in the basin of the River Uda in the summer of 1958 (preliminary report)]. Ulan-Ude: Buryat Complex Scientific Research Institute of Culture, Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, iss. 25, pp. 204–207. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Shilkinskaya peshchera – pamyatnik drevnei kul'tury verkhov'ev Amura* [Shilkinskaya cave – a site to the ancient culture of the upper reaches of the Amur River]. *Trudy Dal'nevostochnoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Far Eastern Archaeological Expedition]. Vol. 1. *Drevnie kul'tury Dal'nego Vostoka* [Ancient cultures of the Far East]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960, pp. 9–71. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Olen' Zolotye roga. Rasskazy ob okhote za naskal'nymi risunkami* [Deer Golden Horns. Stories about the hunt for cave paintings]. Leningrad – Moscow: Iskusstvo Publ., 1964, 239 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Utro iskusstva* [Morning of art]. Leningrad: Iskusstvo Publ., 1967, 135 p. (In Russian).

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. Paleolithic settlement in Sokhatino (Titovskaya Sopka). *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk* [News of the Siberian Brunch of the USSR Academy of Sciences. Social Sciences Series], 1968, no. 6, iss. 2, pp. 111–114. (In Russian).

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Zabaikal'ya* [Petroglyphs of Transbaikalia]. In 2 parts. P. 1. Leningrad: Nauka Publ., 1969, 219 p. (In Russian).

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Zabai-*

Забайкалья. В 2-х ч. Ч. 2. Л.: Наука, 1970. 264 с.

Окладников А.П. Многослойное поселение Санный Мыс на реке Уде (раскопки 1968 г.) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. 2. Новосибирск, 1971. С. 7–83.

Окладников А.П. Ранняя история Забайкалья в свете новых исследований: итоги и проблемы // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов: материалы науч. конф. (Чита, 24–25 июня 1971 г.). Чита, 1972. С. 21–30.

Окладников А.П. Древнее Забайкалье (Культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. В 2-х ч. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1975. С. 6–20.

Окладников А.П. История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. 460 с.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 177 с.

kal'ya [Petroglyphs of Transbaikalia]. In 2 parts. P. 2. Leningrad: Nauka Publ., 1970, 264 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Mnogosloinoe poselenie Sannyi Mys na reke Ude (raskopki 1968 g.)* [The multi-layered settlement Sannyi Mys on the Uda River (excavated in 1968)]. *Materialy polevykh issledovanii Dal'nevostochnoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Field research materials of the Far-Eastern archaeological expedition]. Iss. 2. Novosibirsk, 1971, pp. 7–83. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Rannyaya istoriya Zabaikal'ya v svete novykh issledovanii: itogi i problemy* [The early history of Transbaikalia in the light of new research: results and problems]. *Materialy nauchnoi konferentsii "50 let osvobozhdeniya Zabaikal'ya ot belogvardeitsev i inostrannykh interventov"* [50 years of the liberation of Transbaikalia from the White Guards and foreign interventionists: materials of the scientific. conf.]. (Chita, June 24–25, 1971). Chita, 1972, pp. 21–30. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Drevnee Zabaikal'e (Kul'turno-istoricheskii ocherk)* [Ancient Transbaikalia (Cultural-historical sketch)]. *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri* [Life and art of the Russian population of Eastern Siberia]. In 2 parts. P. 2. *Zabaikal'e* [Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975, pp. 6–20. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Istoriya i kul'tura Buryatii* [History and culture of Buryatia]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976, 460 p. (In Russian).

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. *Yugo-Vostochnoe Zabaikal'e v epokhu kamnya i bronzy* [Southeast Transbaikalia in the Stone and Bronze Ages]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980, 177 p. (In Russian).

Критерии авторства

Константинов М.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Konstantinov M.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Константинов Михаил Васильевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории, заведующей лабораторией палеоэкологии,
e-mail: mk-rus@mail.ru

Information about the author

Mikhail V. Konstantinov,
Dr. Sci. (History), professor of the Department of History, Director of the Laboratory of Paleoecology,
e-mail: mk-rus@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 929
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-288-292

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ: 70 ЛЕТ МИХАИЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ КОНСТАНТИНОВУ

© В.К. Колосов, О.В. Кузнецов, С.Г. Васильев

Забайкальский краевой краеведческий музей
672000, Российская Федерация, г. Чита, ул. Бабушкина, 113

Аннотация: Статья посвящена 70-летнему юбилею известного забайкальского историка и археолога Михаила Васильевича Константинова. Приводится краткая информация об основных направлениях его научной и общественной деятельности. Глубокие научные знания и активная жизненная позиция позволили М.В. Константинову внести значительный вклад в изучение археологии каменного века, структур обитания, найденных им на палеолитических стоянках Забайкалья. Как ученый и общественный деятель он внес важный вклад в изучение межэтнических отношений в регионе и в решение проблем сохранения и популяризации историко-культурного наследия народов Забайкалья. М.В. Константинов также известен как один из создателей уникального научно-издательского проекта «Энциклопедия Забайкалья». Результаты его многолетних исследований представлены в более чем 500 научных работах, опубликованных в российских и зарубежных изданиях. Благодаря выдающемуся организаторскому таланту юбиляра в Забайкальском государственном университете была создана научная археологическая школа, из которой вышло не одно поколение профессиональных историков и археологов.

Ключевые слова: *археология, каменный век, структуры обитания, палеолитоведение, Забайкалье, научная деятельность, культурное наследие, межэтнические отношения, юбилей*

Информация о статье: Дата поступления 7 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 3 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Колосов В.К., Кузнецов О.В., Васильев С.Г. Исследователь истории и археологии Забайкалья: 70 лет Михаилу Васильевичу Константинову. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):288–292. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-288-292.

EXPLORER OF THE HISTORY AND ARCHAEOLOGY OF TRANS-BAIKAL: 70th ANNIVERSARY OF MICHAEL VASIL'EVICH KONSTANTINOV

© Victor K. Kolosov, Oleg V. Kuznetsov, Sergey G. Vasil’ev

Museum of Cultural and Natural History of Trans-Baikal region
113 Babushkina Str., Chita 672000, Russian Federation

Abstract: Abstract: The article is dedicated to the 70th anniversary of the famous historian and archeologist, Professor Michael Vasil’evich Konstantinov. The brief information about the basic achievements of his research activity is given. The active scientific and social position inherent to Michael Konstantinov made it possible to obtain significant results and make a strong contribution to the development of archaeology and history of Trans-Baikal region and Siberia. Perennial field researches of Professor Konstantinov had a deep impact primarily to Stone Age archaeology and study of habitation structures at Paleolithic settlements excavated in Trans-Baikal region. His outstanding research and social activity has played an important role in the study of inter-ethnic relations and preservation of cultural heritage of Trans-Baikal indigenous peoples. Michael Konstantinov also known as the founder of the unique scientific and educational project “Encyclopedia of Transbaikalia”. The results of his research are presented in more than 500 different publications in Russian Federation and foreign countries. Thanks to signifi-

cant efforts of hero of the day, Professor Michael Konstantinov the archaeological scientific school was created at Trans-Baikal State University, from which more than one generation of professional historians and archaeologists appeared.

Keywords: *archeology, Stone Age, Palaeolithic, habitation structures, Trans-Baikal region, scientific activity, inter-ethnic relations, cultural heritage, anniversary*

Article info: Received November 7, 2018; accepted for publication December 3, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Kolosov V.K., Kuznetsov O.V., Vasil'ev S.G. Explorer of the history and archaeology of Trans-Baikal: 70th anniversary of Michael Vasil'evich Konstantinov. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory.* 2018;14(4):288–292. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-288-292.

В конце ноября 2018 г. исполнилось 70 лет Михаилу Васильевичу Константинову. Известный забайкальский ученый, исследователь истории и археологии Забайкалья, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Забайкальского государственного университета (ЗабГУ), член редакционного совета научного журнала «Известия Лаборатории древних технологий» М.В. Константинов родился 22 ноября 1948 г. в г. Сковородино Амурской области в учительской семье. Как один из лучших студентов, активно занимавшихся научно-исследовательской работой, после окончания в 1969 г. историко-филологического факультета Читинского государственного педагогического института им. Н.Г. Чернышевского он был оставлен на кафедре истории для преподавания курсов археологии СССР и археологии Забайкалья.

Рис. 1. М.В.Константинов – исследователь истории и археологии Забайкалья
Fig. 1. Dr. M.V. Konstantinov – explorer of the history and archaeology of Trans-Baikal

В 1970 г. благодаря энергии и организаторскому таланту молодого преподавателя М.В. Константинова и доцента кафедры истории, археолога И.И. Кириллова при поддержке академиков А.П. Окладникова и А.П. Деревянко на историко-филологическом факультете Читинского государственного педагогического института был создан Музей археологии Забайкалья.

Начиная с 1971 г. М.В. Константинов является бессменным руководителем Чикойской археологической экспедиции, ведущей полевые исследования в Забайкалье. За эти годы в археологических разведках ради новых археологических открытий были пройдены сотни километров по дорогам и таежным тропам Забайкалья, на байдарке преодолены долины рек, перелопачены тонны земли в шурфах и раскопах.

Ежегодные полевые исследования в области изучения каменного века, и прежде всего палеолита Забайкалья, начатые М.В. Константиновым еще в студенческие годы, стали основой его кандидатской диссертации «Палеолит Хилка и Чикоя (Юго-Западное Забайкалье)», защита которой успешно состоялась в ноябре 1979 г. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР под научным руководством академика А.П. Окладникова.

В 1970–1990 гг. Чикойской археологической экспедицией Читинского государственного педагогического института под руководством доцента кафедры отечественной истории М.В. Константинова были организованы комплексные исследования археологических памятников Западного Забайкалья, охватывающие период от эпохи палеолита до средневековья.

Именно в эти годы был заложен прочный фундамент научной археологической школы М.В. Константинова. Среди наиболее известных достижений М.В. Константинова можно отметить исследования палеолитического поселения Толбага, на котором была обнаружена уникальная скульптура головы медведя, и Студеновского и Усть-Мензинского археологических комплексов, включающих в себя ряд многослойных археологических стоянок; раскопки поселений каменного века – Куналей, Алтан, Приисковое; изучение уникальной писаницы эпохи неолита-бронзы «Шаман-Гора» и многих других памятников археологии Забайкалья.

В результате многолетних полевых исследований М.В. Константиновым был выделен ряд археологических культур, относящихся к эпохе верхнего палеолита: Толбагинская, Кунелейская, Студеновская. Выдающимся достижением стало создание общей хроно-стратиграфической схемы развития культур каменного века Забайкалья в соавторстве с Д.Б. Базаровым и С.М. Цетлиным. Важную роль в изучении культуры древнего населения Сибири сыграло открытие серии одноочажных и многоочажных жилищ и иных структур обитания, выявленных на поселениях верхнего палеолита и мезолита Забайкалья.

Серьезный научный вклад, сделанный М.В. Константиновым в развитие отечественной археологии, был признан не только в Сибири. В 1980–1990-е гг. активно развивается его сотрудничество с коллегами из Ленинградского отделения Института археологии АН СССР – Института истории материальной культуры РАН, где в 1996 г. состоялась успешная защита его докторской диссертации «Каменный век восточного региона Байкальской

Рис. 2. М.В. Константинов с участниками IV Международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» в Музее Археологии Забайкалья, Забайкальский государственный университет
Fig. 2. Dr. M.V. Konstantinov with participants of IV International Conference "Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia" at Museum of Archaeology, Trans-Baikal State University

Азии». Забайкалье становится одним из признанных центров сибирского палеолитоведения.

С 1992 по 2009 гг. профессор, доктор исторических наук М.В. Константинов являлся проректором по научной работе Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета (ранее Читинский государственный педагогический институт), отдавая весь свой организаторский талант и богатый опыт работы на благо развития научных исследований в университете.

Константинов был одним из организаторов проведения в Забайкалье ряда крупных научных конференций и семинаров, в том числе Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири» (1986 г.), Международного археологического конгресса «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен» (1996 г.), Международного полевого семинара «Человек, среда, время» (1998 г.), а также IV Международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (2013 г.).

Сегодня Михаил Васильевич Константинов продолжает свою научную и педагогическую деятельность в должности профессора кафедры истории ЗабГУ, руководит научными исследованиями Чикойской археологической экспедиции и созданной им в 1980 г. на историческом факультете университета лабораторией палеоэкологии.

За долгие годы работы в ЗабГУ профессором М.В. Константиновым было воспитано не одно поколение историков и археологов, многие из которых сегодня успешно работают в сфере народного образования, в музеях и научно-исследовательских институтах. Он является основателем одной из наиболее авторитетных научных школ ЗабГУ, автором более 500 научных публикаций в российских и зарубежных изданиях.

В настоящее время профессор, доктор исторических наук М.В. Константинов является руководителем аспирантуры по специальностям 07.00.06 – Археология и 07.00.02 – Отечественная история, и магистерской программы «Историческое образование» в ЗабГУ. Он входит в состав диссертационного совета Д 212.022.07 Бурятского государственного университета по специальности 07.00.02 – Отечественная история и диссертационного совета ДМ 005.010.01, созданного на базе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по специальностям 07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 – Всеобщая история, 07.00.06 – Археология, 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Как ученый и общественный деятель М.В. Константинов внес свой неоценимый вклад в изучение и гармонизацию отношений между различными этническими группами, проживающими в Забайкальском крае. По его инициативе в 2002 г. была создана «Ассамблея народов Забайкалья», объединяющая различные этнокультурные организации, действующие на территории Забайкальского края. М.В. Константинов был одним из основателей уникального научно-издательского проекта «Энциклопедия Забайкалья», которым руководил в течение двадцати лет (1997–2017 гг.). В рамках этого проекта был издан четырехтомник «Энциклопедия Забайкалья: Читинская область», однотомная «Энциклопедия Забайкалья: Агинский Бурятский округ», серия томов, посвященных историческим городам и районам Забайкальского края, а также ряд других научно-популярных изданий об истории и культуре Забайкалья.

За свои многолетние научные исследования, активную общественную и педагогическую деятельность, юбиляр был удостоен званий Заслуженный работник Высшей школы (1998 г.), Почетный гражданин г. Читы (2001 г.), Заслуженный профессор Забайкальского государственного университета (2014 г.).

Профессор М.В. Константинов награжден медалями «За заслуги перед городом» (1998 г.), «За заслуги перед Читинской областью» (2000 г.), медалью Ассамблеи Народов России «Дружба народов – единство России» (2008 г.), орденом Почета (2009 г.), а также многочисленными почетными грамотами и благодарственными письмами губернатора Забайкальского края.

В день Вашего 70-летнего юбилея, уважаемый Михаил Васильевич, Ваши ученики и коллеги желают Вам здоровья, долгих лет жизни и новых научных открытий!

Критерии авторства

Колосов В.К., Кузнецов О.В., Васильев С.Г. подготовили рукопись к печати и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Attribution criteria

Kolosov V.K., Kuznetsov O.V., Vasil'ev S.G. prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторе

Колосов Виктор Кириллович,
директор Забайкальского краевого краеведческого музея,
e-mail: kolosov61@yandex.ru
Кузнецов Олег Владимирович,
заместитель директора по научной и просветительской работе,
e-mail: oleg_kuznetsov@mail.ru
Васильев Сергей Георгиевич,
заместитель директора по учету и безопасности музейных коллекций,
e-mail: 79144952731@yandex.ru

Information about the author

Victor K. Kolosov,
director Museum of Cultural and Natural History of Trans-Baikal region,
e-mail: kolosov61@yandex.ru
Oleg V. Kuznetsov,
Deputy Director for the Science and Education,
e-mail: oleg_kuznetsov@mail.ru

Sergey G. Vasil'ev,
Deputy Director for Accounting and Securitu of Museum Collection,
e-mail: 79144952731@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований. Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. ***Инициалы и фамилии авторов:*** располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставится перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 1200–1400 печатных знаков, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Английский перевод*** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. ***Благодарности.*** После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. ***Раздел «Библиографический список»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социгенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40-82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. ***Раздел «Сведения об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. ***Раздел «Критерии авторства»***. Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Journal of Ancient Technology Laboratory" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk national research technical university

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.

2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;

2.3. ***Initials and surnames of the authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.

2.4. ***The organization and its address:*** is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. ***Abstract*** should consist of 1200–1400 symbols, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.

2.6. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.7. ***Acknowledgments.*** After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.

2.8. Section ***"References".*** It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For example, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Socio-*

genesis in Northern Asia, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author
Name N. Family name,
Academic degree, academic title, position,
Organization,
Postal address,
e-mail

2.10. ***Section "Criteria of authorship".*** It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 4 (29) 2018

16+

Редактор Т.И. Кочульская
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 29.12.18. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 37,75.
Тираж 500 экз. Заказ 286. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83